

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**MAN AND THE
NEW TECHNOLOGICAL ORDER.
ANTHROPOLOGICAL FORESIGHT**

Novosibirsk
2023

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЧЕЛОВЕК И НОВЫЙ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД.
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРСАЙТ**

Новосибирск
2023

УДК
ББК

The monograph was published with the support
of the Russian Science Foundation,
scientific project No 21-18-00103 “Man and the New Technological Order.
Anthropological Foresight”. <https://rscf.ru/project/21-18-00103/>

Authors:

*S. S. Avanesov, A. G. Gorbacheva, A. S. Zaikova,
P. V. Kaigorodov, A. I. Pestunov, O. A. Persidskaya,
T. A. Sidorova, N. A. Sinukova, S. A. Smirnov (leader), E. I. Speshilova*

Editors:

S. A. Smirnov, O. A. Persidskaya

The cover design uses the work of a Japanese artist
Biloker Ji “Take care of mother”

Man and the New Technological Order. Anthropological Foresight.
Collective monograph. Novosibirsk: Offset-TM LLC, 2023, 498 p.

ISBN 978-5-85957-210-6

The monograph presents the experience of constructing a conceptual outline of the anthropology of the future. The contour is built through the prism of a person’s search for his irreplaceable place in the future, which implies the re-realization of ontological self-determination. The team of authors offers an anthropological alternative, that is, their vision of the image of the future person, which is not associated either with the trend of human departure in favor of the posthuman, as representatives of transhumanism call for, or with the trend of abandoning digitalization. A person must remain the meaningful point of the world and determine his future from the point of view of practices in which digital technologies can be used as smart, effective assistants, which involves building a new interface between humans and smart technology.

УДК
ББК

Монография выходит в рамках научного проекта
«Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт»
при поддержке Российского научного фонда,
проект № 21-18-00103, <https://rscf.ru/project/21-18-00103/>

Авторский коллектив:

*С. С. Аванесов, А. Г. Горбачёва, А. С. Зайкова,
П. В. Кайгородов, А. И. Пестунов, О. А. Персидская,
Т. А. Сидорова, Н. А. Синюкова, С. А. Смирнов (рук.), Е. И. Спешилова*

Редакторы:

С. А. Смирнов, О. А. Персидская

При оформлении обложки использована работа японского художника
Biloker Ji. «Take care of mother» (Береги мать).

Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт. Коллективная монография. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2023, 498 стр.

ISBN 978-5-85957-210-6

В монографии представлен опыт построения концептуального контура антропологии будущего. Контур выстраивается через призму поиска человеком своего незаместимого места в будущем, что вновь предполагает осуществление онтологического самоопределения. Коллектив авторов предлагает антропологическую альтернативу, то есть своё видение образа будущего человека, которое не связано ни с трендом ухода человека в пользу постчеловека, как призывают представители трансгуманизма, ни с трендом отказа от цифровизации. Человек должен оставаться смысловой точкой мира и определять своё будущее с опорой на выстраивание таких практик развития, в которых цифровые технологии используются как умные, эффективные ассистенты-помощники, что предполагает выстраивание нового интерфейса человека и умной техники.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	8
ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА В АНТРОПОЛОГИИ БУДУЩЕГО	19
Место человека в антропологии будущего. Концептуальный контур	21
Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма	28
Соблазн не быть, или Онтологические корни технологического аутсорсинга	39
Технологическая угроза и риск бытия	54
Концептуальные координаты «цифровой» антропологии	74
Этика и автоматика: негативный семиозис как парадигма цифровизации	83
К антропологии границы: Окружение как продолжение	91
ГЛАВА 2. ГУМАНИТАРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ВИРТУАЛИЗАЦИИ	99
Виртуальная реальность как превращённая форма	101
Человек в цифровом измерении: к проблеме антропологии виртуальности	120
К основаниям концептуализации форм цифровой идентичности	127
Цифровое детство – новый разрыв между родителями и детьми?	144
О принципиальной возможности имитации сверхъестественных способностей посредством сквозных технологий цифровой экономики	149
ГЛАВА 3. ЭТИЧЕСКАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: АНТРОПОЛОГИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА	155
Этическая и гуманитарная экспертиза: Концептуальное различение (методологический аспект)	157
Гуманитарная экспертиза как метод социогуманитарной инженерии (введение в онтологию гуманитарного проектирования)	175
О проведении гуманитарной экспертизы цифровых технологий в формате поискового полигона (методический аспект)	187
Оценка проектов в рамках гуманитарной экспертизы. Пилотная модель ...	194
Отношение к гуманитарной экспертизе в бизнес сообществе. Анализ экспертного опроса	199
ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕК И ЦИФРА В ШКОЛЕ: НОВЫЙ ИНТЕРФЕЙС	207
Культурно-исторический подход: цифровой вызов и модель опосредствования	209
Цифровая школа: в поисках объяснительных моделей	259
Л. С. Выготский, цифровой разлом и поисковая ситуация	283
Цифровое воспитание	297
ГЛАВА 5. АНТРОПОЛОГИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	305
Исчислимо ли бытие человека, или Антропология искусственного интеллекта. Методологический аспект	307
Пределы этики для искусственного интеллекта	318
Этическое саморегулирование в сфере ИИ: нужна ли своя клятва Гиппократа актерам искусственного интеллекта?	330

О метафорическом понятии «умного» устройства и его применимости в философско-антропологических исследованиях	339
ГЛАВА 6. ЧЕЛОВЕК И ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В МЕДИЦИНЕ	351
Гуманитарные проблемы цифровизации в медицине	353
Деторождение: создание или творение?.....	364
Автономия и забота в логике конкурирующих солидарных отношений в медицине	373
Цифровая трансформация как семантический переключатель в медицине	385
Этические проблемы клинических испытаний вакцин против COVID-19	394
Человек в норме и патологии: к вопросу об экспертизе в медицине	402
ГЛАВА 7. ЦИФРОВОЙ И УМНЫЙ ГОРОД	411
Человек в «умном» городе: антропологические эффекты и гуманитарные риски	413
Люди, города и сети: Фланирование в цифровую эпоху	421
Приложение 1. Концептуальный словарь проекта	430
Приложение 2. Гуманитарная экспертиза. Проект	465
Библиография	470

ВВЕДЕНИЕ

В книге обобщены результаты реализации проекта «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт» (2021 – 2023 гг.). Проект посвящён месту, которое нынешний человек пытается определить себе в будущем. Это означает, что вновь ставится проблема онтологического самоопределения человека в мире.

В первой главе и идёт речь об онтологическом самоопределении. Авторы показывают, что в силу базовых онтологических и концептуальных редукций возникает соблазн подмены человека новым сущим, более совершенным и почти бессмертным. Приводятся примеры названных редукций, такие, как: редукция человека как сущего до его биологического тела; редукция существования человека к существованию отдельных биологических тел; редукция мышления человека к интеллектуальным операциям и функциям, которые в принципе могут быть смоделированы и пересажены в техническое устройство; редукция высших способностей человека (мышление, воля, воображение, память, чувство) к функциональным операциям, происходящим в мозге, локализованных там, вследствие чего их можно вычленивать, описать, смоделировать и далее модель пересадить на искусственного носителя, получив искусственный интеллект.

В этой новой ситуации человек должен вновь искать своё место в мире, отвечать на вопрос о своём бытии. Встаёт вопрос о смене главного вопроса И. Канта: не «Что такое человек?», а «Где и когда возможен человек?». Отвечая на этот вопрос, человек пытается преодолеть онтологическую дезориентацию, которую он в настоящее время испытывает, поскольку поддаётся соблазну ухода из мира как активного и ответственного сущего. Соблазн связан с тем, что человек предпочитает заменить себя постчеловеком, впервые допуская реальность замены самого себя умным техническим устройством. Тем самым, проблема онтологического самоопределения человека не только остаётся, но и ещё более обостряется. В настоящее время идёт борьба трендов: борьба между сторонниками тренда ухода человека и замены его постчеловеком и противниками его, полагающими, что человека как ответственного и поступающего сущего, отвечающего за мир, заменить нельзя. Он должен совершить восстановление собственной нормы человека, нормы быть, посредством совершения усилия быть.

Предлагается выработать ответ на вызов, связанный с заменой человека, обращая внимание на необходимость так называемой антропологической альтернативы. Последняя означает стратегию и позицию, противопоставленную стратегии и позиции, предполагающей замену человека постчеловеком (в разных вариантах). Стратегия альтернативы предполагает не отказ от умных технологий (на чём настаивают неоконсерваторы), а также не отказ человека от самого себя в пользу постчеловека, а выстраивание

нового интерфейса человека и умной техники в новых условиях, в новой гибридной среде. В основании такой стратегии лежит восстановление онтологического самоопределения человека, которое фундировало многовековую культурную традицию континентальной философии.

В этой связи предметному анализу подвергнут вопрос, связанный с онтологическим статусом техники. Разрушительные последствия технологического прогресса объясняются нами нарушением нормативного положения техники как проводника между человеком и миром. Техника, поставленная в пограничную позицию, оказывается сильнейшим мотивом замыкания человека в себе самом. Самоограничение человека – и в теории, и на практике – влечёт разрушительные последствия как для человека, так и для мира. Для восстановления гармонии человека и мира и предотвращения ухода человека со сцены истории требуется вернуть технике / технологии её гуманитарное измерение, ввести её в контекст культуры. Последующая гуманизация мира позволит избежать катастрофической взаимной изоляции человека и космоса. Перемена экзистенциальной оптики позволит воспринимать окружение человека (социум, технику, мир) как его продолжение, а философия полноты жизни даст человеку возможность свободного, открытого существования поверх всех эмпирических границ.

В связи с самоопределением относительно антропологии будущего в первой главе также предпринята попытка первичного описания когнитивных оснований построения «цифровой» антропологии. Показано, что концептуальный каркас исследования в сфере гуманитарного анализа цифровых инноваций задаётся (1) особой предметностью, (2) структурой этой предметности, (3) рефлексией методологии, (4) ауторефлексией, (5) осознанной ответственностью исследователя и (6) прагматическим характером дискурса. Предложено рассматривать «искусственный интеллект» прежде всего в контексте речевых практик, выступающих в качестве питательной среды и для оптимизма, и для пессимизма в отношении антропных перспектив «цифровизации». Обоснован тезис о том, что «цифровой антропоморфизм» представляет собой результат редукции человеческого бытия к «программе» и заключается в имитации человеческой ментальной практики. Авторы делают вывод о том, что гуманитарная экспертиза технологических инноваций должна опираться на следующее фундаментальное утверждение: «цифровая революция» со всеми её эффектами является ещё одним способом самоопределения человека в его собственно человеческом существовании.

Во второй главе проведён анализ проблемы онтологического статуса виртуальной реальности. Предлагается обсуждать проблему реальности виртуальных миров в категориях превращенных форм. В этой связи даётся анализ того, как было введено это понятие К. Марксом и как оно обсуждалось далее в научной литературе. Предлагается рассматривать превращенную форму не как извращенную или ложную реальность, а как отдельную форму жизни, но представленную в её превращении, на примере метаморфоза стоимости труда в денежную форму товара, как это было показано в «Капитале». На этом примере делается предложение, согласно которому виртуальная реальность есть такая же превращенная форма реальности, а не иллюзия сознания, и не воображаемый мир. Вводятся качества этой реальности как

превращенной формы: 1) ВР есть отдельная, но не самостоятельная форма жизни; 2) ВР выполняет роль опосредованной формы в процессе превращения; 3) ВР имеет знаково-символический способ существования; 4) ВР зависима от исходной, родовой формы реальности, не самостоятельна. Показано, что виртуальная реальность представляет собой как бы недоовощённую форму реальности, существование в его потенции. Такое представление было отражено в истории философии в виде идеи потенциального бытия. Но это представление не стало впоследствии основанием для выработки самостоятельной онтологии виртуальной реальности. Показывается, что виртуальная реальность не сводится лишь к реальности воображаемых миров, к реальности сознания, реальности особых психологических состояний. Виртуальная реальность представляет собой продолжение естественно-искусственного процесса метаморфоза деятельности человека, только воплощённой в её превращенной форме. В этой связи предлагается понимать виртуальную реальность как такую форму жизни в её превращении и недоовоощении, которую человек должен использовать в виде нового ресурса для своего развития с целью преодоления отчуждения от самого себя.

Показано при этом, что, согласно распространённой точке зрения, виртуальное интерпретируется как вторичное, иллюзорное, мнимое и неподлинное пространство, отвлекающее человека от реального мира. При этом отмечается, что в научно-исследовательском дискурсе само понятие «виртуальное» используется неоднозначно. В узком смысле виртуальным называется то, что произведено с помощью информационно-коммуникационных технологий и компьютерных систем (цифровая среда), в широком – вся символическая реальность понимается как виртуальное пространство. В зависимости от того, посредством какой оппозиции определяется виртуальное, делается акцент на его онтологическом, гносеологическом или аксиологическом значении. Утверждается, что виртуализация человека не означает его тотальную антропологическую деградацию, поскольку и в виртуальном пространстве возможны практики ответственного личного развития. Распространение манипулятивных техник является одним из существенных антропологических эффектов виртуализации жизненного мира человека, а дискурс заботы о человеке оказывается, по сути, новым инструментом его контроля, алиби для реального принуждения. Вместе с тем виртуальное может трактоваться как территория игры и творчества, моделирования и совершенствования персональных качеств, то есть как экзистенциально значимая среда. Такой амбивалентный характер виртуального пространства свидетельствует о необходимости дальнейшего философского осмысления цифровой реальности в целом.

Далее в главе обобщаются некоторые тренды, в соответствии с которыми в философии и социогуманитаристике выстраивается концептуальное представление о личности и идентичности в цифровом мире. Обзор сфокусирован на таких темах, как эволюция понятийного аппарата, посредством которого описывается реальность современного человека, живущего в режиме «онлайн»; киберкоммуникация как новый тип социальности; симбиоз человека и умного устройства, вызывающий трансформации мышления, поведения и эмоций; особенности цифровой социализации и идентичности в цифровом мире. Подчёркивается двойная неопределённость позиции ис-

следователя, вызванная как недостатком актуальных теоретико-методологических концепций и объяснительных моделей, так и вынужденным обращением к априорным допущениям из-за того, что цифровое общество находится в стадии своего формирования. Обозначено, что тема личности зачастую свертывается к ограниченному пониманию человека как функциональной поведенческой модели, которую можно понять через набор реакций на разнообразные воздействия цифровой среды. Сделан вывод, что в оптике складывающегося подхода доминирует идея защиты человека от влияния технологий, которая ограничивает развитие антропологических проектов, сфокусированных на поиске ориентиров, способных задать человеку новый осмысленный горизонт его существования в цифровой среде. Выдвинуто предположение, что перспективным направлением концептуализации темы личности и идентичности может стать переосмысление способа возвращения человеку человеческого в условиях необратимо изменившегося мира.

Также в главе 2 рассматривается феномен цифрового детства как потенциальный катализатор разрыва между детьми и родителями. Показано, что в настоящий момент этот разрыв не совпадает с границей реального и цифрового миров, а проходит сквозь них. Выявлен ряд факторов, сокращающих или смягчающих этот разрыв, таких, как существование семейных цифровых продуктов и перекрёстный контент разнонаправленных продуктов. Анализ этих факторов демонстрирует роль родителя-посредника в отношении детей к цифровому миру и отношениях родителей и детей в цифре. Показано, что наибольшее значение имеет не стиль цифрового воспитания, а отношение родителей к цифровизации и в частности к цифровым формам взаимодействия родителей и детей.

В главе 3 проводится анализ проблем, связанных с построением практик гуманитарной экспертизы, посредством которой её участники фактически переосмысливают место человека, выстраивая новый интерфейс человека и техники в гибридной реальности. Обсуждаются цели и задачи гуманитарной экспертизы, вводится её отличие от этической экспертизы. Последняя предполагает незыблемость идентичности человека, его нормы и границ. Она призвана защищать человека от разного рода вторжений и вмешательств (в медицине, цифровой среде, образовании) и относится к нему как к пассивному объекту защиты и заботы. Но в ситуации, когда сама идентичность человека стала радикально меняться и человек сам выбирает тренд радикальных изменений собственной идентичности, превращаясь в приложение к умным технологиям, ставится задача о переустановлении, восстановлении нормы и границ человека, его нормы бытия. Последнее и становится важнейшей задачей гуманитарной экспертизы как институции. Соответственно в рамках гуманитарной экспертизы меняется и роль экспертов, становящимися участными субъектами, а не сторонними наблюдателями и оценщиками, и ценностные основания, и само устройство, и процедуры проведения, и нормативная база.

В рамках такого представления показан опыт проведения поисковых полигонов, в рамках которых выработывался и апробировался механизм гуманитарной экспертизы проектов в сфере цифровых технологий. Целью гуманитарной экспертизы на полигонах являлось осмысление перераспре-

деления роли и функции человека и компьютера, а также оценка гуманитарных рисков и гуманитарного потенциала создаваемых цифровых продуктов, прояснение того, какое место занимает человек при таком взаимодействии: остаётся ли он активным субъектом или становится пассивным потребителем, попадающим в зависимость от «умных» машин и программ.

Представлено также понимание гуманитарной экспертизы как метода социо-гуманитарной инженерии. Обосновывается, что в так называемой постнеклассической ситуации допускается сосуществование разных онтологий и онтологических установок. Полагается, что эти онтологии проектные и человекотворны. На место привычных подходов объектного познания мира и овладения миром необходимым образом приходит подход, соразмеряющий, с одной стороны, постоянную трансформацию миров, с другой – метаморфоз и самих авторов проектов, переживающих также вместе с рукотворными мирами собственный процесс изменений. В таком случае гуманитарная экспертиза может быть выстроена как практика социо-гуманитарной инженерии, предполагающей конструирование и изменение социальных миров и управление метаморфозом этих изменений, включая и авторов изменений. Переход к неклассической ситуации самоопределения связан с тем, что принцип человекоразмерности мира, принципы объективности, разумности и познаваемости мира замещаются иными установками: что мир не объективен, не соразмерен человеку, не разумен и не целесообразен. Он разный – в зависимости от установок проектирующего. Представлена принципиальная схема метода социо-гуманитарной инженерии. Описана ситуация запуска и инициации проекта, ставящего в качестве своей цели не только создание новых миров, но и управление метаморфозом авторов этих изменений. Этим отличается гуманитарное проектирование и социальная инженерия от известных и ранее описанных опытов и практик применения проектного подхода, в которых сами авторы проектов не выступали предметом рефлексивного самопроектирования.

В главе 4 представлено описание модели опосредствования, выступающей в качестве ядерной в культурно-исторической психологии. Допускается, что именно эта модель может быть использована в качестве базовой объяснительной модели, помогающей точнее и предметнее увидеть и описать те изменения, которые испытывает человек (особенно ребенок и подросток в онтогенезе) в ситуации формирования новой гибридной социально-цифровой реальности. Показано то, как Л. С. Выготский понимал модель опосредствования и далее то, как она развивалась в работах его соратников и учеников: какую трансформацию она переживала в работах других авторов, в том числе зарубежных последователей культурно-исторического подхода. Раскрывается, какие изменения происходят с человеком под воздействием цифровых технологий и как они описываются на языке культурно-исторического подхода. Акцентируется, что цифра совершает расщепление в модели опосредствования, в результате чего взрослый уходит из коммуникации с ребёнком. Из-за этого происходит так называемый цифровой разлом, согласно которому ребёнок погружается в виртуальную реальность, не проживая акта опосредствования, а поэтому мы не можем говорить о том, что цифра играет такую же роль психологического орудия, описанную у Выготского, которую играл знак. Описаны последствия цифрового разлома, такие,

как событийный сдвиг, сценарный захват, функциональная инверсия, сплющивание смыслового горизонта.

С учётом сказанного ставится проблема принципиальной возможности включения цифровых инструментов в модель опосредствования. В нее вводится новое звено, цифровые технологии и средства, выступающие в качестве орудия и знака. Согласно уже существующим допущениям разных исследователей, цифра одновременно совмещает в себе функции орудия и знака, и поэтому может быть использована в практике опосредствования. На основании предложенной модели формулируется новое задание для исследований и разработок, в котором цифровые технологии и инструменты могут стать незаменимыми помощником для человека. Предлагается рассмотреть в этом случае использование цифры при построении в школе поисковой ситуации, состоящей из нескольких этапов (вызов, осмысление, поиск-вопросание, обсуждение, рефлексия, знаниевое оформление). На каждом этапе цифра может быть использована в зависимости от задач и в разном качестве. Показывается, что алгоритмизация мышления обучающихся начинается не с искусственного интеллекта, не с техники, а с алгоритмизации поведения ученика, доминирующей в массовой школе, что провоцирует цифровизацию поведения ещё до цифры. В этой связи для преодоления цифрового разлома необходимо ещё до внедрения цифровых технологий на уроке выстраивать проблемно-поисковые модели обучения.

В качестве предметного приложения даётся анализ феномена цифрового воспитания. Влияние цифровой эпохи, выражающееся в том числе в чрезмерном использовании электронных устройств и дефиците социального окружения, может мешать полноценному развитию детей и подростков. Развитие и анализ концепции «цифрового воспитания», а также её расширение исходя из потребностей ребёнка позволит в дальнейшем не только снизить негативные последствия присутствия цифровых устройств в жизни детей, но и сконцентрироваться на возможном положительном влиянии гаджетов, которое может быть реализовано при их использовании в сюжетно-ролевой игровой деятельности, выстраиваемой в рамках культурно-исторического подхода.

В главе 5 проведён анализ антропологических оснований доминирующих моделей, связанных с разработкой искусственного интеллекта. Делается вывод, что базовым, лежащим в основании данных разработок, является принцип вычислимости (исчислимости), введённый со времен первых опытов по созданию искусственного интеллекта. Показывается, что этот принцип связан с определённой онтологической установкой: отношением к сущему и человеку в том числе как к потребляемому и в пределе уничтожаемому сущему. Принципиальная исчислимость сущего нужна для того, чтобы его употребить. Это, в свою очередь, ведёт к тому, что к технике, в том числе к «умной машине», человек относится как к устройству, создаваемому по логике имитации и копирования. Показывается, что стратегия копирования при разработке искусственного интеллекта является весьма неэффективной и ущербной. В отличие от названного принципа вычислимости предлагается принцип опосредствования, разработанный в культурно-исторической психологии. В её рамках само представление о мышлении строится не в категориях активности мозга, а в категориях предметного действия, опосредованного знаком и речью. Следствием принципа опосре-

дования выступает и иная стратегия разработки искусственного интеллекта – создание умных цифровых помощников для человека, играющих роль посредствующих звеньев. Но для этой стратегии необходимо сначала перестраивать существующие сферы жизнедеятельности (здравоохранение, образование, управление). Поэтому разработка искусственного интеллекта не является сугубо технологической проблемой. Она затрагивает глубинные устои бытия человека, которое не может быть исчислено.

В рамках представленных оснований ставится вопрос о возможности применения этической проблематики к области разработок моделей искусственного интеллекта. Дается анализ гуманитарных и этических допущений, которые кладутся в основания данных моделей. Ставится под сомнение сама возможность создания так называемых «моральных машин», то есть систем искусственного интеллекта, способных к обучению этическому поведению. Делается вывод о невозможности этого обучения, поскольку этическое поведение не строится по таким же основаниям, по каким строится формально-логическое доказательство. Ставится под сомнение, что этическое поведение человека, равно как и моральной машины, можно строить и объяснять по таким же формально-логическим правилам, по каким строится алгоритм, закладываемый в основание моделей искусственного интеллекта. Дается краткий обзор уже существующих этических кодексов, разработанных в разных странах для регулирования этических проблем в сфере искусственного интеллекта. Делается вывод, что пока эти кодексы в большинстве своём приняты не из этических и гуманных соображений, а сугубо исходя из соображений, связанных с проведением маркетинговой политики, с тем, чтобы клиенты и простые пользователи сервисов, использующих разные системы искусственного интеллекта, были убеждены, что эти модели дружелюбны и не опасны для пользователей.

В главе 6 выделены гуманитарные проблемы цифровизации медицины с точки зрения различных направлений: в развитии дистанционной медицины, в связи с датификацией и применением искусственного интеллекта. Предметом гуманитарного анализа выступают информатизация и дигитализация систем здравоохранения, отношения врача и пациента и их субъектность, идентичность человека в аспекте оцифрованных возможностей заботы о здоровье. Гуманитарная оценка представлена в качестве бинарного анализа позитивных и негативных следствий дигитализации медицины. Указано, что такой анализ необходим для обеспечения поступательного развития биомедицины и защиты прав и достоинства человека. Минусом телемедицины является углубление медиализации вследствие избыточности предложений и потребностей в медицинской консультации. Следствием внедрения искусственного интеллекта во врачебную деятельность может стать устранение клинического мышления врача. Алгоритмизация и паттернизация в подходах к диагностике и лечению приходят в противоречие с требованием рассматривать каждого пациента как уникальную личность. Устранение уникальности и контингентности в индивидуальной медицинской истории названо главной проблемой гуманитарного характера в применении искусственного интеллекта. Сложность формализации личностных аспектов в медицинских случаях в дальнейшем приводит к ошибкам в работе интеллектуальных систем. Многие социальные и этические

вопросы, возникающие в контексте применения новых цифровых технологий в медицине, манифестируют углубление ранее существовавших противоречий во взаимоотношениях врача и пациента, в сложности сочетания универсального знания и единичности конкретной медицинской истории.

Специально рассмотрена проблема деторождения и возможности использования генного редактирования в его практиках. Акцентируется, что использование генетического редактирования эмбрионов иллюстрирует переход от количественных измерений деторождения к выбору «качества» ребенка. Редактирование генома эмбриона представлено как последовательное развитие технологического вторжения в область воспроизводства человека, оно выступает звеном в расширении использования метода преимплантационной генетической диагностики (ПГД) эмбрионов. Если целью ПГД была селекция, то теперь появляется возможность совместить отбор эмбрионов с внесением изменений в генетическую структуру. Участие генетиков в искусственной репродукции повышает эффективность циклов ЭКО и одновременно усиливает технологическое протезирование процесса деторождения. Вслед за расширением предложений в искусственной репродукции появляется возможность не только планировать беременность, но и контролировать до сих пор неподвластные человеку генетические основания, определять характеристики будущего ребёнка.

Показано, что формируется новая антропологическая ситуация смещения или подмены ценностных аспектов деторождения, понимаемого как прокреация, то есть творение человека, репродукцией, понимаемой как создание, конструирование сначала способности родить ребёнка, затем самих детей. В результате происходит трансформация смыслов деторождения, изменяются репродуктивные установки и намерения родителей. Ориентация на «качество» детей в социальном выражении имеет свое продолжение в трансформации семейных связей, в изменении ценностей родства и родительства. Аргументы в дискуссиях о допустимости вмешательства в геном эмбриона отражают противоречия в понимании ценности природных оснований в рождении человека, которые продолжают в противопоставлении прокреации и репродукции. Таким образом редактирование генома эмбриона усиливает две тенденции в демографическом поведении: заботу о «качестве» ребёнка, что влечёт за собой евгенические следствия и конструктивно-технологический тренд в репродукции, угрожающий естественным основаниям прокреации.

В связи с применением цифровых технологий в главе обсуждается проблема изменения привычных парадигм понимания человека в медицине. Показано, что доминирование принципов естественнонаучной, объектной парадигмы познания в медицинской практике и экспертизе становится не эффективным, поскольку медицина теряет свой предмет – человека. Осознание последствий объектного отношения к человеку способствовало формированию новых представлений о предмете медицины, зафиксированных в социокультурном, личностно-ориентированном подходах с точки зрения представлений о человеке в его норме и патологии, в сторону развития практик, направленных на защиту человека от вмешательства, и формированию к нему отношения как к субъекту исцеления, а не только как к объекту заботы и попечения. В результате в медицине формируется новая форма экс-

пертизы – гуманитарная, призванная восстановить человека. Показано при этом, что со временем в практиках проведения этической экспертизы произошёл сдвиг в сторону бюрократического управления, ориентированного на процедурализм и достижение эффективности. Выявлено, что зачастую сам человек как субъект, в экспертизе исчезает, превращаясь в функцию.

В главе 7 в качестве предметного приложения концептуальных разработок даётся анализ концепции «умного» города с точки зрения семиотики и антропологии. Основываясь на семиотическом подходе к городскому пространству как к дискурсу, который можно прочитать и интерпретировать, анализируется, какие аксиологические коннотации, экзистенциальные смыслы и культурные коды транслируются в модели «умного» города. Показывается, что в исходном технологическом понимании «умного» города человек оказывался вытесненным за рамки урбанистического нарратива, однако впоследствии «smart city» начинает трактоваться с учётом «умного» сообщества, с ориентацией на человека и человекообразность городского пространства. Демонстрируется, что «умный» город, в котором игнорируется культурный контекст и ценностные установки горожан, является функциональным, но семиотически ненасыщенным и безжизненным пространством. В качестве аксиологической особенности, характерной для «умных» городов, отмечается их антиисторичность: прошлое и неупорядоченное, некомфортное настоящее получают негативную оценку, тогда как технологически совершенное будущее идеализируется и оценивается максимально позитивно. Более того, в концепции «умного» города трансформируется культурная оппозиция городского как искусственного и природного как естественного. «Умные» города реконструируют идею «города-сада», опираясь не на стремление покорить природу и эксплуатировать её ресурсы, а на необходимость и экзистенциальную целительность контакта человека с природой. Вместе с тем, положительные антропологические эффекты «умной» трансформации городов, связанные с оптимизацией повседневных жизненных процессов горожан, сопровождаются определёнными гуманитарными рисками. К числу таких рисков отнесены возрастающее «нервное напряжение» горожан, вызванное ускорением темпа городской жизни и усложнением городских технологий; усугубление социального неравенства и общественной поляризации; уменьшение социальных связей и атомизация субъектов. Кроме того, акцентируется внимание на том, что распоряжение и управление городскими данными с помощью «умных» технологий предстаёт новой формой скрытого контроля общества.

Исследуются антропологические аспекты интеграции информационно-коммуникационных технологий в жизненный мир городского жителя. Критически рассматривается концепция «умных» городов и демонстрируется, что она ориентирована только на определённый тип горожан и приводит к появлению городских районов с высокой степенью джентрификации и укоренению неравенства на рынке труда. При том, что политические и экономические вопросы развития «умного» / цифрового города выводятся из области философской рефлексии, в главе анализируются методы освоения городского пространства, которые человек использует в связи с возникновением новых технологий, в том числе GPS-навигации. Кроме того, делается акцент на исследовании практик реального и виртуального фла-

нирования как одного из методов восприятия городского пространства. Выявляется амбивалентность существующих интерпретаций фланёра. Демонстрируется, что в одних работах фланёр понимается как праздный гуляка, бесцельно плывущий по городу, тогда как в других – как внимательный исследователь, подмечающий особенности и нюансы городской жизни. Феномен фланирования рассматривается в качестве первичного этапа активного встраивания человека в городскую жизнь, первого «акта» принятия на себя ответственности за городскую среду, а цифровые технологии – как одно из значимых средств реализации права на город.

В Приложении 1 опубликован Словарь научных понятий, выступающих рабочими категориями-ориентирами, на которых выстраивается весь концепт данного проекта. Всего в словаре собрано 68 категорий.

В Приложении 2 публикуются основные положения проекта о гуманитарной экспертизе, выработанные в процессе проведения поисковых полигонов, на которых оценивались различные умные цифровые технологии и выработывались ценностные основания, правила и процедуры проведения гуманитарной экспертизы.

Авторы монографии, члены научного коллектива:

Смирнов Сергей Алевтинович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, главный редактор журнала «Человек.RU» (руководитель).

Аванесов Сергей Сергеевич, доктор философских наук, профессор, директор научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика», главный редактор журнала «Визуальная теология», Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

Горбачёва Анна Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры информационных технологий, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

Зайкова Алина Сергеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН.

Кайгородов Павел Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

Персидская Ольга Алексеевна, магистр философии, младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, ответственный секретарь научного журнала «Respublica Literaria».

Пестунов Андрей Игоревич, кандидат физ.-мат. наук, заведующий кафедрой информационных технологий, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

Сидорова Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры фундаментальной медицины, Институт медицины и психологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

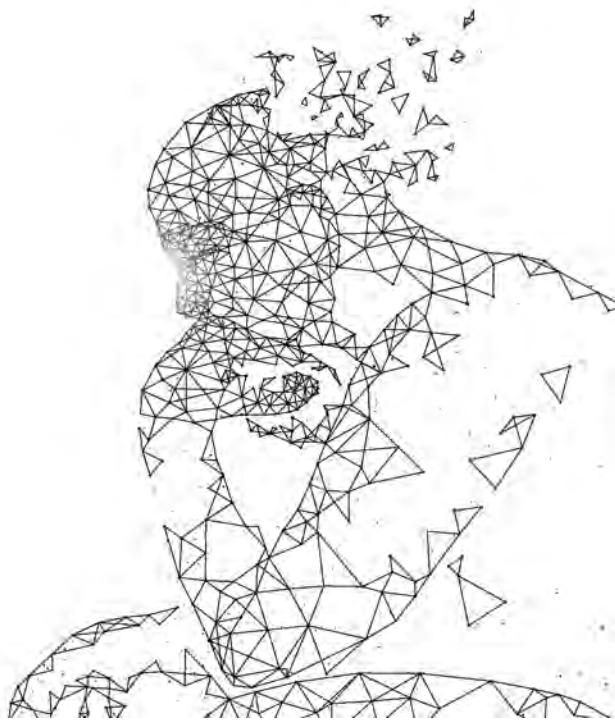
Синюкова Наталья Алексеевна, младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (1986 – 2021 гг.).

Спешилова Елизавета Ивановна, магистр философии, научный сотрудник научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика», Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ответственный секретарь научного журнала «Визуальная теология».

Глава 1

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА В АНТРОПОЛОГИИ БУДУЩЕГО

МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В АНТРОПОЛОГИИ БУДУЩЕГО. Концептуальный контур

С. А. Смирнов¹

В настоящее время вопрошание человека о человеке становится всё более затруднительным, потому что оказался поставлен сам вопрос о вопрошании: как возможно вообще вопрошание о человеке? Поскольку проблема заключается не в том, чтобы дать очередное определение, дабы определить человека, задать ему пределы. В течение всего XX-го века философия только и делала, что порождала различные концепты о человеке, их было много. Они продолжают появляться. Например, опять мы обсуждаем понятие открытой целостности и сами задаем вопрос по этому поводу, что это такое. Любое определёливание, любое присвоение любого качества человеку ставит ему те или иные границы. А так или иначе нам хочется выйти за эти границы. Человек так устроен. Он всегда выходит за собственные границы, которые сам же себе когда-то и поставил. Само обсуждение человека означает попытку его объективировать, превратить в объект описания и исследования. Это похоже на спор путников о том, что маячит впереди, что за мираж. Это спор об убегающем горизонте. Вот путник идет по пустыне, видит впереди себя манящий мираж, идет к нему, в сторону уходящего горизонта, и никогда его не достигает. В таком случае возникает вопрос не в духе И. Канта «Что такое человек?», а другой – «Где и когда Есть человек?». Это первый вопрос, который возникает у человека, когда он приходит в себя после обморока. Он ведь задает вопрос «Где я»? Не «Что я?», а «Где я?». Он пытается сориентироваться и понять, где он, что его окружает, где его место.

Человек попадает периодически в ситуацию обморока, об этом многие писали. В ситуации обморока кантовский вопрос «Что такое человек?» обесмысливается. Стремиться давать очередное определение человеку в такой ситуации становится тупиковым. Почему?

Мы обсуждаем не столько то, что было раньше, сколько то, что нас ждет в будущем, которое принципиально проблематично. Его, будущего, нет и быть не может. Тогда надо понять, что есть шаг, что есть дальнейший шаг, что нас ждет, понять, в какой ситуации мы находимся.

Человек периодически попадает в ситуацию обморока, или в ситуацию онтологического соблазна. И проблема, конечно, не в цифре, не в гаджете. Проблема в нас самих. А это ситуация онтологического соблазна, т.е. ситуации, в которую человек попадает и испытывает необходимость онтологического самоопределения, онтологического выбора, когда он отказывается просто быть.

Речь идёт не просто о хрестоматийном смысле «быть» или «не быть», это все слова затасканные, а вопрос заключается именно в том, что набирает силу тренд, согласно которому человек предпочитает действительно не брать бытие как личностное задание, как культурное задание, как личное усилие быть, а предпочитает не быть. И, разумеется, задним числом это подробно и долго оправдывает. Как это было у М. М. Бахтина, который описы-

---

¹ © Смирнов С. А. 2023

вал феномен подпольного человека у Ф. М. Достоевского, объясняя феномен «лазейки» [Бахтин 1979: 272]. В поисках последнего слова подпольный человек соскальзывает в лазейку, поскольку не решается на это последнее слово о себе. Не решается открыться и сказать о себе, как есть (Кто он Есть?), и поэтому закрывается задним словом, оправдываясь, ища лазейку.

Поэтому, когда от него требуется это последнее слово, он, занося ногу, чтобы сделать решительный шаг, то он его и не делает, не решается, оставляя лазейку для маневра. Последнее, откровенное слово он не говорит. Как это, например, характерно для дневников Льва Толстого. Даже вступая на границу, онтологическую границу, его подпольный человек оставляет себе маневр для того, чтобы все-таки не совершать предельное самоопределение, а увернуться от него, оправдывая себя задним числом. Оправдание возникает именно тогда, когда человек решается на то, чтобы допустить простую спасительную мысль, что бытие невыносимо. Что невыносимо выдержать иго бытия. Мы же предпочитаем повседневное, посюстороннее желание и повседневные хлопоты, сводя наше существование к повседневным радостям, редуцируя наше пребывание в мире к разным привычным делам и суете, пытаемся жить в малых делах и пытаемся объяснить это, оправдать задним числом. А мысль о бытии гоним от себя, ибо оно невыносимо, поскольку требует личного усилия. Требует жертвы.

Но мы же так привыкли думать, ведь нельзя заставлять человека совершать усилие «быть». Это же не по-христиански, поскольку это действительно по принуждению не делается, поэтому уход, лазейка, обставляется разными уловками и оправданиями, дабы избежать усилия быть. Или, например, как устроен феномен самооправдания у ребенка. Что такое соблазн «не быть»? Берется от жизни то, что просто, доступно. Ребенок протягивает руку за фантиком, а фантик пустой, конфета уже съедена, но фантик красивый, хрустящий, он манит. Манит чистая, пустая форма (см. о феномене соблазна [Бодрийяр 2000]). Вот эти самые разные манящие соблазны притягивают, они манят. А кого они манят? Ребенка. То есть человека, боящегося, не желающего взростеть.

Чистая, блестящая форма, как правило, манит ребенка, т. е. инфантила, человека, предпочитающего не принимать на себя взрослое ответственное решение. Он предпочитает просто брать, брать то, что доступно, кажется доступным. Возникает такая иллюзия доступности и привычности, что можно схватить и употребить мир как красивую, но доступную вещь. У человека-инфантила, предпочитающего не быть, формируется отношение к миру как к большой игрушке, которую можно взять и получить. Именно как игрушку, во временное пользование. Не как вещь, о которой надо заботиться, а как игрушку, с которой можно поиграть, попользоваться и выбросить, не отвечая за нее. Вещь берется во временное пользование, в аренду. Машина, квартира, вещи, мобильник, бытовая техника – все берется в аренду, в шеринг. Не в собственность, при которой возникает ответственность, забота, расходы, вклады. Вся жизнь берётся в аренду. На время. И сам человек становится таким приживалом, снимающим у бытия угол во временное пользование. Он становится временщиком, пользователем чужого, не своего. А значит, он не отвечает за этот мир. Он ведь в нём не живет, он снимает угол. Тут пожил, попользовался, там пожил, попользовался. Он в жизни не укоренён. В брак

не вступаем, заводим друга (подругу). Ребенка тоже не хотим, заводим собачку. Забота как способ жизни снимается как обязательное требование. Но тем самым снимается и забота о себе. Сам временщик-приживал живет ведь временно, как бы на срок. Еще не по-настоящему. Настоящая жизнь будет когда-то потом, сейчас надо перетерпеть, а там, потом как-нибудь, и проживем. А сейчас некогда. Такая жизнь на время, в аренду, с оставленной на потом заботой.

Забота как принцип, забота о себе и другом, перестает быть регулятивным принципом жизни. Человек, переставая заботиться о себе и других, перестает быть.

Понятно, что соблазняется человек–ребенок. Взрослый человек (то есть достигший культурного совершеннолетия, по Канту, человек, пользующийся собственным умом) пытается работать с соблазном, он принимает решение, понимает пределы и ответственность своего решения. А человек, предпочитающий не взрослеть, предпочитающий не принимать решение, не отвечать, не быть, не жить, а как бы жить, он, разумеется, соблазняется, потому, что берет мир как эту, как говорил Бодрийяр, чистую, искрящуюся, яркую форму, но пустую. Он берет мир как пустышку красивую, но пустышку. И пытается этим удовлетвориться. И выдает это самое как бы бытие за эту красивую пустую жизнь. Тем самым разумеется, выискивает лазейку для того, чтобы увильнуть от ответственного решения.

Вспомним для примера Льва Шестова, который призывал, что философия – это преодоление оглядного мышления, жизни как оглядки. Он почему-то переводил немецкое слово *Besinnung* как оглядка [Шестов 1993: 660]. В многолетнем споре с Э. Гуссерлем он несправедливо обвинял того в том, что, в отличие от него, Шестова, считающего философию великой и последней борьбой, Гуссерль полагал, что философия есть мышление с оглядкой, предпочитая именно такую коннотацию немецкого *Besinnung* (осмысление, размышление, осознание, рефлексия). Мышление с оглядкой рождается от страха перед угрозой, «мыслить же надо не оглядываясь, создавать “логику” неоглядного мышления» [Шестов 1993: 660]. Философы же, вплоть до Канта и Гуссерля, создавали системы оглядного мышления, поэтому не могли вырваться за пределы «строя бытия». Поэтому «философия всегда была и поднесь продолжает быть “оглядкой”, поэтому все открытые ею истины были связаны оковами привычек оглядного мышления. Стало быть, философия должна быть не оглядкой, не *Besinnung*, как мы приучены думать, – оглядка есть конец всякой философии – а дерзновенной готовностью идти вперед, ни с чем не считаясь и ни на что не оглядываясь <...>. Философия есть не *Besinnung*, а борьба. И борьбе этой нет и не будет конца. Царство божие, как сказано, берется силой» [Шестов 1993: 662].

Но, смотрите, опять редуция. Ему надо было своего оппонента редуцировать и тем самым оправдать свою правоту. Лев Шестов редуцирует позицию Гуссерля, оправдывая свою правоту, призывая к преодолению оглядного мышления, тем самым как бы подсовывая Гуссерлю то, чего он вообще-то не говорил.

Конечно, соблазн человек испытывает всегда. Но тут, как в сказке: и тут вдруг! Как Змей Горыныч: тут вдруг умный гаджет подоспел. Смотрите, соблазн человек испытывал всегда. И во времена Гамлета, и во времена Ветхозаветные, и во времена Рене Декарта, и во времена Иммануила Канта.

Но сейчас мы переживаем принципиально иную ситуацию, ситуацию гораздо более радикального вызова, потому что умный гаджет создает иллюзию, точнее, у человека возникает иллюзия, что действительно наступил момент спасения. Тысячелетняя мечта сбылась! Возникает иллюзия, что можно реально не быть, поскольку нашлась лазейка, рождается иллюзия, что умный гаджет как бы берет на себя всю полноту функционального существования и может заменить человека, потому что умному гаджету можно отдать разные функции, например, памяти, счета, прогноза, принятия решения, даже можно научить его мыслить, создается искусственный интеллект, который может запоминать, хранить информацию, может что угодно делать, даже, наверное, любить, но пока до этого не дошло, но дайте побольше денег мы это тоже сделаем.

Возникает у сторонников такого соблазна иллюзия, что в этом интерфейсе человек-машина можно, все больше и больше передавая по схеме аутсорсинга функции и работы машине, себе оставить лазейку такого детского существования среди больших ярких игрушек. Ведь мир – это же большой гипермаркет, где все уже готово, надо только руку протянуть. И тогда соблазн не просто усиливается, он заменяет собой желание быть.

Мы так устроены. Мы всегда были и есть в ситуации выбора, то ли быть, то ли не быть. Это всегда было. Но получив еще и умный гаджет, умную технологию, мы тем самым себе же усилили ситуацию вот этого онтологического самоопределения и вопрошания. У человека возникает реальный соблазн уйти, потому что он думает, человек, что можно действительно уйти, и можно действительно делегировать умной машине целый ряд базовых работ, которые раньше делал сам человек, а теперь можно отдать Другому, более эффективному и почти бессмертному, а себе оставить некое иллюзорное, конечно, существование жизни, состоящей из соблазнов.

Итак, ситуация выбора была всегда, но в современной ситуации она обостряется именно тем, что мы сами себе делаем подножку, потому что сами себя редуцируем до набора функций. Человека редуцировать нельзя. Но при желании его можно свести к набору функций, когда мы понимаем человека как фактически техническое устройство. Тем самым человека действительно можно заменить постчеловеком. И тогда мы получаем некое существо, которое приходит после человека. Разработчики искусственного интеллекта действительно полагают, что можно смоделировать мышление. Они полагают, что можно, относясь к мышлению как к функции, его можно смоделировать и пересадить в другое существо.

Посмотрите, человек сначала редуцируется, расчеловечивается, сводится к набору функций, а поэтому уже этот набор функций можно смоделировать и разработать искусственный интеллект. Это к вопросу о давнем споре Мартина Хайдеггера с представителями Венского кружка в 20-е годы XX века, когда они снова вернулись к спору о предмете философии. Тогда Р. Карнап утверждал, что философия, метафизика – это не наука, она логически не может быть обоснована, философские суждения невозможно ни доказать, ни опровергнуть, поэтому ее нужно отменить, а вместо метафизики нужно заниматься логикой и математикой. На что М. Хайдеггер, разумеется, отвечал, что вопрос о бытии не может быть логически обоснован, не может быть исчислен [Смирнов 2021а; Фридман, 2021]

Речь же шла о том, что бытие в принципе не исчислимо. Как только я ввожу понятие исчислимости, расчета, логического обоснования, я тем самым дальше допускаю возможность исчисления и самого человека, и далее редуцирую его до набора исчисляемых функций. Но мышление – это не функция. Я уже не говорю о том, что бытие – это не функция и не может быть сведено к опыту повседневного существования.

Итак, как только мы сводим понимание жизни человека к категориям исчисляемых функций, то рано или поздно я прихожу к его замене, рано или поздно. Как только я изначально на старте отношусь к себе как к существу, которое описывается как функциональное устройство, я рано или поздно приду к тому, что я в принципе заменим, а значит – дальше дело техники и бюджета. Денег больше дадите, мы вас сможем заменить на постчеловека.

Бытие как алгоритм невозможно, но алгоритм как набор функций и процедур возможен. И здесь мы и видим ту самую лазейку. Сначала бытие человека редуцируется. Точнее, делается подмена, по схеме той самой лазейки. Человек как совершенное, всегда возможное, открытое сущее, заменяется существом, падким на соблазн и замену, на жизнь в аренду. Что получается? Все наши разговоры о человеке, о его будущем, так или иначе возвращают нас к началу. Обсуждать антропологию будущего и наши горизонты вроде приходится опять в базовых категориях, не в категориях технологий, не в категориях технологического аутсорсинга, который продолжает быть и развиваться, а в категориях новой редакции базовых вопросов, связанных с тем, что такое онтологическое самоопределение, что такое усилие быть, что такое мужество быть, и что значит, человек держит горизонт или не держит. Почему он его не держит?

Это вопросы не психологического характера и не технического задания. Это вопросы, которые решаются за пределами, во-первых, теоретического познания, а во-вторых, за пределами, мне кажется, моральных доктрин. Это вообще не доктринальная задача. Как только мы по поводу этой ситуации начнем сочинять очередную доктрину спасения человека, мы попадаем в тупик и не сможем ничего даже обсуждать.

Нынешняя ситуация человека в этом смысле принципиально открыта, и принципиально проблематична. Здесь рецептов нет. Соблазн велик. Он все более и более усиливается трендом технологического аутсорсинга. Написанные ранее книги не спасают, потому что они не становятся нормой действия. Молодое поколение Достоевского, если читает, то читает сугубо прагматически, для того, чтобы зачет сдать.

Весь технический прогресс строился по схеме технологического, и шире, жизненного аутсорсинга. В этом и состоит проблема. Человек, привыкнув к схеме аутсорсинга, стал передавать умной машине и то, что раньше никогда не отдавал. Раньше отдавались рутинные операции, а сейчас мы готовы отдавать и более серьезные работы, относящиеся к интеллектуальной деятельности, и даже к воображению, принятию решений.

В этом смысле происходит постоянное перераспределение функций в интерфейсе человек-машина. И рано или поздно возникает вопрос: что человек никогда не отдаст этому Иному, более эффективному умному устройству, а что готов отдать? Что он готов отдать, не теряя себя, не уничтожая себя? Вопрос же заключается не просто в аутсорсинге, а в том, чтобы оставаться человеком, становиться человеком.

Поэтому идет борьба трендов, точнее, ее носителей. Есть сторонники ухода человека, их много, сторонники замены человека на постчеловека. Есть противники, неоконсерваторы, которые категорически против этого. Они за то, чтобы запретить гаджеты в школах, запретить цифровизацию. Но это тоже не выход. Вопрос же заключается в том, что означает поиск человеком нового места в мире, в этой новой гибридной реальности? Это место должно вновь создаваться. Человек, не теряя себя, должен вновь воссоздавать себя, хранить себя как существо мыслящее, ответственное, совершающее осмысленное ответственное действие.

И именно это, ответственность за себя и за мир, за ответственный поступок, он никогда не передаст. Поступок – это не функция, его не передашь. Передать можно ряд работ и функций. И поэтому идет борьба трендов. Какой тренд победит? Мы это поймем в ближайшие сто лет. Поскольку это вопрос исторической судьбы, он не решается теоретически, созданием очередных концепций.

Итак, прочитанная книга не является нормой поступков. Усилие быть не берется как норма для личностного действия. Но старая проблема остается. Кант в свое время пытался объяснить, что собственно свободное действие, нравственное действие не выводится из нашего теоретического познания, знание добра не есть действие согласно норме добра, можно много чего знать, но эту границу не пересилить. И тем более, если я пытаюсь это обсуждать в категориях технического задания, это тоже не решение вопроса.

Тогда получается, что само вопрошание о человеке не может быть выполнено в духе порождения новой теоретической доктрины, не может быть совершено в духе моральной доктрины, не может быть совершено в духе технического конструирования. Тогда что? Это тогда действительно вызов для нас всех.

Вызов заключается в том, чтобы восстанавливать бытие человека как норму, но все доктрины и слова проблематичны, слова все обветшали, хотя вроде бы гуманитарная экспертиза на это может претендовать, в отличие от этической экспертизы.

Что такое этическая экспертиза? Она была предложена после Второй мировой войны, был принят Нюрнбергский кодекс 1947-го года, потом уже была принята Хельсинкская декларация, согласно которым человека нельзя использовать для биомедицинских опытов и нельзя к нему относиться как к объекту для экспериментирования, когда запретили то, что раньше было, как ни странно, принято.

Страшно подумать, но спросим себя, чем отличаются с точки зрения классической науки, медицины, врач, и, извините, эсэсовец в концлагере? И тот, и другой проделывали над человеком опыты. Потом вроде поняли, что этого делать нельзя. Приняли декларацию. И было понятно, что есть этическая норма, она держалась и была защищена. Тем самым пытались защитить человека от воздействия на него разных экспериментов и опытов.

Под представления о жизни и здоровье подкладывались вполне определенные нормативные представления. Сейчас же эти представления поставлены под вопрос. Само представление о норме и патологии стало более прозрачным и открытым, нуждающимся в новых пересогласованиях и в но-

вых переосмыслениях, поскольку изменилась сама реальность, само наше существование, связанное со здоровьем, нормой и патологией.

Более того. Что делать в ситуации, когда сам человек уже эту норму не держит? Если иметь в виду попытки трансгуманистов создать постчеловека, когда и сама норма человека поставлена под вопрос. Если в Нюрнбергском кодексе норма считалась нормой, она удерживалась и была призвана быть защищенной, и по этому поводу разрабатывались кодексы, то теперь и сама норма перестала удерживаться как необходимый стержень. Сама норма поставлена под вопрос, и норма человека, и сам человек, испытывая онтологический соблазн, не хочет быть, задним числом оправдывая этот свой соблазн. Дело ведь не в самой по себе моральной норме. Дело в носителе нормы, в человеке. Если же он предпочитает не быть, то норма провисает.

И поэтому возникает новое задание. Не этическая экспертиза, которая была призвана защитить человека, при наличии работающей нормы и самого человека, а экспертиза гуманитарная, которая имеет дело с необходимостью восстановления нормы человека.

Человек сам пытается уйти, находясь в ситуации соблазна. Необходимо восстановить усилие быть как норму, что означает построение определенной конструкции, гуманитарной экспертизы как социальной инженерии, помогающей разным субъектам действия восстанавливать эту норму в новой гибридной реальности, потому что все наши антропологические и психологические концепции, включая Бахтина и Выготского, были разработаны в доцифровую эпоху. Это означает восстановление нормы, но уже в гибридно-социальной, цифровой реальности. Она уже фактически наступила, особенно для молодых людей, для которых гаджет является частью их жизни и фактически их органом, они без него жить не могут. Они испытывают гораздо больший соблазн, нежели мы, взрослые, которые выросли в доцифровую эпоху и выработавшие в себе и на себе определенные регуляторы и механизмы по борьбе с онтологическим соблазном. У молодых он не выработан. Поэтому стоит задача построения и восстановления как институтов социальной инженерии по восстановлению нормы человека, так и антропопрактик, за счет которых человек осуществляет эту самую заботу о себе.

НАШЕ БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ БУДУЩЕЕ или уловка трансгуманизма

С. А. Смирнов²

Преамбула

Представители трансгуманизма предлагают отказаться от ставших уже традиционными подходов в мировой антропологической мысли, в которых человек представлен через такие базовые качества, как мышление, нравственность, личность, ответственность, поступок. Вместо такого понимания человек представляется как некое биоидное существо. Например, Мартин Ротблатт (трансгендер, мужчина, превратившийся в женщину, прямое, физическое воплощение идей трансгуманизма) в своей концепции трансбианизма настаивает, что человек состоит из неких бимов (Beme), единиц жизненных практик (отдельная привычка, отдельное воспоминание, черта характера, ценность и т.д.), из которых человека можно составить, как из кубиков [Ротблатт 2021]. Каждый бим, как и в целом человек, его сознание, можно оцифровать и далее составлять человека в разных конфигурациях. Получается нечто вроде матрицы, которую по шагам можно смоделировать и тиражировать. Эта матрица держалась ранее на привычных человеческих телах и человеческом сознании. Теперь же последнее не является необходимым свойством человека. Эту матрицу, то есть набор бимов, можно оторвать от привычных носителей, людей, и перенести на другого носителя.

В свое время методолог Г. П. Щедровицкий, еще в доцифровую эпоху, утверждал, что мышление мыслит, а не человек. Оно как бы паразитирует на людях, и, будучи субстанцией, может «сидеть» и на «железках» или других носителях [Щедровицкий 1997: 561]. Г. П. Щедровицкий рассматривал мышление как субстанцию, развивающуюся по своим законам, в духе В. фон Гумбольдта, писавшего о языке как о субстанции. Однажды при определенном личном усилии человека язык, как и мышление, может «сесть» на него и через него заговорить. Тем самым мы по привычке утверждаем, что человек заговорил или начал мыслить.

Л. С. Выготский уточнил: все же не мышление мыслит, мыслит человек. Но какой? [Выготский 1986а: 58–59]. Он и многие другие полагали, что мыслит, конечно, не отдельный индивид, но и не субстанция, а тот субъект, который формируется в человеке в силу проделывания им определенного опыта культурного развития, опыта практик заботы о себе, с помощью которых в человеке выстраивается и надстраивается личностная структура, дающая возможность человеку мыслить и чувствовать. В нем формируются так называемые новые «функциональные органы».

Идея, согласно которой мышление как субстанция однажды, при определенном условии, при совершении культурной, духовной работы и личностном усилии, может «сесть» на отдельного человека, становящегося субъектом мышления и действия, обернулась в свою противоположность. Субстанцию мышления в трансгуманизме подменили на техническую функ-

---

² © Смирнов С. А. 2023

циональную матрицу, которая насаживается на отдельного индивида и паразитирует на нем, а последний превращается в функцию, узел этой матрицы. Но коль скоро человек становится функцией матрицы, то он в принципе заменим – технически более совершенной функциональной машиной, пост-человеком.

Подмена

Трансгуманизм в его радикальных проявлениях, полагая, что человек, будучи смертным существом, в принципе заменим на более совершенное существо, не нов. Но в данном случае речь больше идет о носителе сознания, функциональной матрице, имеющей определенный биологический и химический субстрат, состав которого можно менять, то есть менять носителя матрицы.

Главные недостатки человека трансгуманизм видит в его принципиальной субстратной ограниченности, незавершенности, несовершенстве (физическом, психосенсорном и проч.), в итоге – конечности, смертности [Турчин, Джослин 2021; Дубровский 2021; Bostrom 2005; Bostrom 2014]. Человек здесь сходен с «биологической машиной» Просвещения, только более технически усовершенствованный – человек есть «мясной костюм», управляемый электрическими сигналами мозга. Соответственно, преодоление человека требует изменений в теле и мозге, то есть в субстрате. Будут они достигнуты генетическими манипуляциями или протезами, или имплантатами – неважно. Трансгуманизм использовал давно известный тезис о несовершенстве и незавершенности человека и заменил его другим, тоже тезисом о незавершенности: предложил человека завершить, но только технически – умным техническим устройством, киборгом.

Согласно богатой культурной духовной традиции, полагалось, что человек, будучи несовершенным сущим, проделывает над собой духовную работу заботы о себе, в силу чего, благодаря опыту заботы, он как бы довершает себя, но посредством духовных практик, выстраивая на себе личностный душевный органон [Аванесов 2016а; Выготский 1984; Смирнов 2015; Фуко 2007; Хоружий 2005].

Но представители трансгуманизма выбрали иной путь размышления. Вольно или не вольно, они совершают подмену: человек как сущее в принципе завершим, но сугубо технически, если его заменить умным техническим устройством, то есть постчеловеком. В такой логике подмены и рассматривается здесь будущее человека. Точнее, фактически будущее без человека³.

Почему подобный прогноз оказался возможен? Он возможен потому, что сначала совершается концептуальная подмена – человек редуцируется до определенной модели, которая выглядит как вполне реальная. И затем делается вывод, что человек действительно в принципе заменим.

Такая редукция человека как сущего проделывается по ряду направлений [Дубровский 2021; Ротблатт 2021; Турчин, Джослин 2021; Хольм 2016]:

- редукция человека как сущего до его биологического тела; редукция существования человека к существованию отдельных биологических тел;

---

³ См. о различных сценариях будущего в рамках разных версий трансгуманизма [Хольм 2016: 7].

- редукция мышления человека к интеллектуальным операциям и функциям, которые в принципе могут быть смоделированы и пересажены в техническое устройство;

- редукция высших способностей человека (мышление, воля, воображение, память, чувство) к функциональным операциям, происходящим в мозге, локализованных там, вследствие чего их можно вычлениить, описать, смоделировать и далее модель пересадить на искусственного носителя, получив искусственный интеллект.

Но главной редукцией выступает сведение бытия человека к существованию биоидного тела. Усилие быть всегда было для человека онтологической нормой. Так было записано во всех культурных кодах и традициях. Бытие выступало как онтологическая норма [Хоружий 2013]. Забота о себе означала возделывание в себе того сущего, которое мыслит себя в бытии. Его, человека, заботой о самом себе должно быть постоянное «возвращение человека его существу», возвращение «отпавшего от своей сущности» человека ему самому, писал М. Хайдеггер [Хайдеггер 1993б: 195–196].

В этом смысле «человек в норме» для нас есть такое представление, согласно которому человек осуществляет полное онтологическое размыкание к бытию, он открыт ему, в силу чего создается базовое условие для развития его личностных качеств, таких, как нравственный этос, мышление, воля, память, воображение, чувственный мир и тем самым он формируется согласно собственной идее человека, становясь смысловой опорой мира (см. о бытии как норме [Аванесов 2016а; Смирнов 2015; Хайдеггер 1993; Хоружий 2013]).

С другой стороны, мы знаем, что он же, человек, другой своей частью, стремился к обратному – он стремился к отказу от бытия, к отказу мыслить и ответственно поступать. Если же человек отказывается от бытия как нормы, то он отказывается от себя как сущего в пользу иного существа, постчеловека. Человек «вне нормы» готов идти на отказ от бытия, он стремится редуцировать свое существование к онтической реальности, уже – к эмпирическому существованию «тела желания» с его биологическими потребностями, в пределе – это существование биоида, у которого работают лишь две функции – страх и удовольствие.

К концу XX века сложилась уникальная историческая ситуация, в которой сошлись вековые тренды и базовые установки человека. С одной стороны, желание (соблазн) человека не быть (или страх быть – обратное от «мужества быть», если вспомнить П. Тиллиха), с другой стороны – достижения техногенной цивилизации и появление умных технологий.

Вместо усилия быть, стремления стать, состояться, найти свое место в мире посредством духовной работы и заботы, человек испытывает соблазн довершить себя сугубо технически, тем самым оставить место иному, гибриднему существу. Страх смерти, соблазн не быть и «умный гаджет» поставили человека в такой онтологический соблазн, что он его не выдержал, по логике трансгуманизма: он решил не быть.

Но тем самым, решившись на такую сделку-соблазн, он отказался и от самого себя. Но если так, то человек становится в принципе заменимым. Точнее, заменим не человек, выступающий смысловой опорой мира, а чело-

век, страшась быть, желающий не быть, не совершать личных усилий, не совершать духовной работы. Именно такой человек оказался заменим.

Главный лейтмотив в трансгуманизме заключается в попытке совершить радикальную редукцию человека, сведя его к чистой индивидуальности, к особи, в результате чего он становится заменим как по частям, так и в целом на иное существо. В рамках этого тренда можно выделять более жесткие или более мягкие версии замены человека или выстраивание разных гибридных форм.

Возникает вопрос, ради чего человек должен быть заменен? Ради какой идеи? Ответ очевиден: ради достижения бессмертия⁴. Но если ранее мы привыкли полагать, что смертность человека есть его удел, то с этим трансгуманизм уже не может согласиться. Он хочет преодолеть, точнее уничтожить как страх Божий, так и страх смерти.

Налицо не просто замена человека постчеловеком, но главное – налицо смена самой антропологической стратегии – стратегии бытия, построенной на личностном усилии, страдании, ответственности за себя и за мир. Быть человеком, совершать над собой духовную работу перестает быть онтологической нормой. Человека достаточно технически усовершенствовать, и он обретает кибернетическое бессмертие.

Итак, фактор смертности и фактор соблазна не быть впервые встретились с умным гаджетом и цифровыми технологиями. Человек, испытывавший всегда соблазн чудесным образом избежать смерти, наконец-то получает (как ему кажется) некий шанс (сугубо технологический) эту смерть победить, если он переселится в иное тело или в своего цифрового двойника. Для этого надо отказаться от духовных практик заботы, заменив их умными техническими функциями.

Заметим, что сама идея цифрового двойника возможна именно в рамках бихевиористской модели, в которой высшая психика человека заменена на стратегии поведения. Сначала человека представляют как функциональную поведенческую модель, а потом для этой модели разрабатывается ее цифровой двойник. Это реально и это делается. Но акт мышления или акт веры смоделировать нельзя. Поэтому первоначально проводится радикальная антропологическая редукция: сведение человека к набору функций.

Следствием этой подмены становится и другая. В современных разработках, посвященных искусственному интеллекту, в интерфейс «человек-машина» включен не собственно человек, а уже его заменитель, его редуцированная модель, сконструированное функциональное устройство, в силу чего между человеком и машиной происходит перераспределение функций. В этом интерфейсе уже возможна замена человека умным техническим устройством.

Мыслящий субъект не может быть пересажен ни в какое иное тело. Поэтому сначала его надо редуцировать до набора функций и тогда его можно пересадить на иного носителя, в пределе – просто заменить. Ярким примером здесь выступают практики трансгендера. Его сторонники понимают разницу между мужчиной и женщиной сугубо в биологическом, натураль-

---

⁴ Правда, речь идет о кибернетическом бессмертии [см. Дубровский 2021; Турчин, Джослин 2021].

ном смысле. Достаточно провести хирургическую операцию и человек меняет гендер. Духовные и социальные проблемы фактически не обсуждаются.

Уловка и приманка заключается в редукации смысла жизни к комфорту: постчеловек будет жить лучше, в комфорте, будет благополучен. Будут удовлетворяться все его желания. Бытие редуцировано к существованию (сытому и комфортному) биотехнических гибридных тел-роботов. А поэтому человеку как биоиду нужны только две функции – чувство боли и чувство удовольствия.

Названная концептуальная подмена подкрепляется спекулятивной операцией по экстраполяции жизненного материала из одной сферы в другую. Например, в современной медицинской практике освобождение от страданий больного человека, страдающего от тяжелой болезни или нехватки (зрения, слуха, больной почки, сердца, конечностей) понимается как благо, ему пересаживают искусственную почку, ставят «умный глаз», делают протез, и все это в медицинских целях вполне оправдано и может быть принято как лечение. Но такой же подход к миллионам функционально здоровых людей выступает уже манипуляцией. К здоровому человеку начинают относиться как к больному. А нормой становится патология. Смертное, страдающее, болеющее существо достойно благополучной жизни, поэтому оно может быть и должно быть заменено на не страдающего, бессмертного, не болеющего киборга. Такая замена выставляется как благое дело. Трансгуманисты выступают в качестве врачей, исцеляющих человечество, несущих ему благо и освобождение от страданий и страхов.

Понятно, что выбранная манипулятивная стратегия, согласно которой человека убеждают в том, что смысл существования состоит в благополучии, что успехи эры постчеловека позволяют достичь полноты удовольствия и благополучия, – подобная стратегия рассчитана на людей, выбирающих как раз эту стратегию. Таких людей – большинство. Мыслящих и принимающих страдание как необходимый удел, всегда было меньшинство. А большинство выступает в логике трансгуманистов неким массовидным телом существа. На это массовидное тело, стремящееся к удовольствию и благополучию, добротному материальному существованию, и рассчитана стратегия трансгуманизма.

Ведь усилие быть – это всегда личное, конкретное усилие, оно всегда лично, событийно, предполагает ответственный поступок. Оно не совершается в массе и по приказу. Оно всегда связано с жизненным, онтологическим самоопределением – быть или не быть. Оно всегда определяло базовые ценности и ориентиры человека, его базовые приоритеты. И человек всегда решал этот вопрос поступком. Не умозрительно, не примерно, не виртуально. А реально, в поступке, и всегда рисковал.

Но возможности генной инженерии, опыты по редактированию генома, достижения биотехнологий, успехи в работах по искусственному интеллекту заставили человека испытывать соблазн – можно не совершать усилий, не быть, не страдать, не мыслить, не чувствовать, то есть не жить, но при этом быть бессмертным, хотя и в другом, постчеловеческом существе. Миллионы людей не могут устоять перед этим онтологическим соблазном. Поэтому они выбирают антропологический тренд ухода, то есть замены себя постчеловеком, трансчеловеком, техночеловеком.

Такая стратегия становится реальным вызовом. Но этот вызов требует ответа. Ответа не умозрительного, не просто теоретического, а предельно практического. Нам нужна в этой связи реальная антропологическая альтернатива этому вызову. Поэтому антропологический проект для будущего человека выступает не просто научной разработкой. Он выступает мировоззренческой антропологической альтернативой, предлагающей человеку все же быть, не редуцируя себя до функционального устройства, а использующего умные гаджеты и умные технологии как средства развития, а не средства порабощения.

Кейс. Возможен ли искусственный интеллект?

Ключевым оселком в тяжбе культурной, духовной традиции с трансгуманизмом по поводу бытия и небытия человека выступает проект искусственного интеллекта (далее – AI). Именно на нём проверяется точность и логика проекта. И на нём видно, как совершается явная подмена, то есть просто-напросто обман в спекулятивной игре. А главными авторами этой игры на подмену выступают не только главные идеологи трансгуманизма, последние здесь вторичны, но и сами инженеры, разработчики моделей AI, которые даже и не ведают, что творят⁵.

Разработчики AI, будучи инженерами, программистами, технологами, являются стихийными натуралистами. Они полагают, что тайна мышления и сознания скрыта, сосредоточена в мозге. Поэтому важно понять природу активности мозга. Если мы поймем тайну его активности, причем тайну его устройства, буквально поймем то, где и в каких функциональных зонах локализуется та или иная способность и проч., то его можно смоделировать. И поэтому для них AI вполне реален. При этом вообще никак не обсуждается ни природа социального, ни феномен культуры, ни тайна акта мышления, ни тайна акта веры, ни природа человеческого поступка, не сводимого к реакциям и активности мозга.

Здесь происходит та же замена и редукция. Мышление сводится к активности мозга. Авторы AI полагают, что мыслит отдельный индивид с помощью мозга. Поэтому ставится задача создать разумную машину, способную мыслить, как этот индивид⁶. Разумная машина понимается как такое устройство, которое способно имитировать мыслительную работу мозга.

Отечественная культурно-деятельностная традиция, выраженная в работах Л. С. Выготского и его последователей, полагает, что мыслит не мозг, а мышление встроено в сложную предметную мыследеятельность, в которой мозг выступает одной из частей формирующегося «функционального орга-

---

⁵ См. также гл. 5

⁶ От этой изначальной идеи в разработках AI в итоге пришлось отказаться и перейти к идее самообучающихся нейронных сетей. Но последнее также выступает сугубо технологической задачей-калькой – смоделировать нейронные сети наподобие нейронных сетей у человека и сделать так, чтобы они «обучались» на основе обработки огромного массива данных. Мышление здесь все равно сводится к вычислительным операциям и анализу больших данных. Также остается и сам принцип имитации. Нейронные сети имитируют мыслительную деятельность. Но это тема отдельной работы, выходящая за рамки данного раздела (см. [Брызгалина 2019; Гусев, Добридюк 2017; Маркофф 2016; Пенроуз 2020]).

на». Поэтому если и моделировать мышление, то имеет смысл обсуждать модели не мозга и его активности, а структур мыследятельности [Щедровицкий 1995: 281–299]. Выход из натуралистической редукции возможен в направлении моделирования не тела, не мозга, а структур мыследятельности, в направлении создания моделей, связанных с построением и описанием посреднического действия человек-человек (взрослый-ребенок) и построении в их действиях новых «функциональных органов», формируемых у человека в процессе его социокультурного развития. Эксперимент Ильенкова-Мещерякова в Загорске в 70-е годы прошлого века показывает правоту концепта Л. С. Выготского о культурно-деятельностной природе мышления и роли орудия и знака в развития человека [Выготский 1984; Выготский 1986а; Мещеряков 1974]. Техническое орудие и знак (слово) как психологическое орудие, становятся посредниками, медиаторами, посредством которых формируются высшие психические функции (собственно мышление, воля, память). В этом плане искать сознание надо не в субстрате, не в локальных зонах мозга, а в новых формирующихся у человека функциональных органах.

А в данном случае – это новые интерфейсы человека и машины. Как это сделал С. Хокинг со своим телом, выстроив уникальный интерфейс своего мозга и компьютера, фактически почти потеряв свое умирающее тело.

В этой связи рамочной проблемой при разработках по AI до сих пор дискуссионным остается проблема границы – что есть Естественное и что есть Искусственное (далее – Е/И)? Б. Г. Юдин полагал, что проблема естественного и искусственного является краеугольным в вопросе об обосновании трансгуманизмом постчеловеческого будущего [Юдин 2013: 32–35].

В понятии AI выделяются два главных репера.

Первый репер – понятие мышления / понятие интеллекта. Проблему мышления мы уже выше отметили: разработчики AI редуцировали акт мышления к интеллектуальной операции, производимой в мозге и локализованной в особых функциональных зонах мозга. Значит, достаточно описать и смоделировать эти функции мозга, и мы получим искусственный интеллект.

Второй репер – понятия естественного и искусственного (Е/И). Какие могут быть основания по разведению понятий Е / И?

Первое основание для разведения Е / И: *неосвоенный, не культурный / освоенный, культурный.*

Тогда естественный – это не освоенный, дикий, чужой, не культурный, не разумный, несущий угрозы. А искусственный – это освоенный, разумный, культурный, свой.

Еще раньше феномен этой границы был осознан с момента понимания человеком себя как того, кто регулирует стихийные природные процессы, в том числе в себе. Например, когда человек ввел табу на стихийные половые связи внутри рода, на промискуитет. В этом плане культура начинается с табу, с попытки человека регулировать свое собственное сугубо природное (естественное) поведение.

Второе основание – *внутренний / внешний, мы / они.* Граница проводится в зависимости от выбора субъекта, в зависимости от того, что мы берем в качестве общности. Либо это линия индивид – среда, либо город – другой

город, дом – другой дом, двор – другой двор, социальная группа – другая группа, мы – они и т. д. Внутренним тогда становится то внутреннее, которое относится к этому субъекту, этой референтной группе, а внешнее – к той, иной, другой. Тогда естественный – это внешний, со своими законами, порядком, не подчиняющийся нам, нечто самоценное, самостоятельное, за-предельное для нас.

Третье основание: *источник, оригинал / и копия*. Естественный выступает оригиналом. Тогда искусственное – это вторичное, придуманное, повторенное, копия, подражание естественному оригиналу. Тогда естественный – это настоящий, а искусственный – не настоящий, подделка.

Четвертое основание: *не сделанный, уже данный, существующий / сделанный, сконструированный, построенный*. А значит естественное существует вне нас и до нас, по своим законам, а искусственное существует в зависимости от нас, по нашим законам. Оно придумано нами. А значит зависит от нас, от наших способностей.

Разведение Е / И происходит по-разному в зависимости от установок. Как минимум, можно говорить о натуралистической и деятельностной установках. Натуралистическая установка полагает, что естественное – это нечто натуральное и вне человека данное. А искусственное – соответственно нечто человеческое, сделанное человеком [Смирнов 2020: 3–20].

Также разведение можно провести в зависимости от установки на ценности: *установка на сохранение / установка на изменение*. Первая ориентируется на традиционализм, консерватизм, сохранение существующего положения дел. Из этого истока происходит экологическая повестка. Вторая установка видит ценность в неминуемых изменениях, новациях, в отношении к миру и природе как к тому, что требует изменений, преобразований [Юдин 2013: 32–34].

При первом случае доминирует позиция наблюдателя. При втором – позиция испытателя, исследователя и далее – проектировщика и конструктора.

Таким образом, рамочные реперы Е и И разводятся по семантическим рядам-гнездам:

Гнездо «Естественное»: не освоенный, внешний, оригинал, источник, не сделанный, не культурный, не человеческий, оставленный как есть.

Гнездо «Искусственное»: освоенный, внутренний, копия, сделанный, культурный, человеческий, измененный, преобразованный.

Парадокс и загадка проблемы AI и всей проблематики, связанной с трендом ухода человека, заключается на этом языке Е / И в том, что искусственный, то есть свой, сделанный человеком, рукотворный, однажды выходит из-под контроля, становится самостоятельным, как бы естественным, но все равно не настоящим. Все хорошо и достойно быть в том случае, если оно на своем месте. Если же копия заменяет место оригинала, то это означает нарушение порядка вещей, нарушение онтологической границы.

Еще точнее. Человек сам отпускает свое собственное порождение из своих рук. Он сам решает уйти из своего мира, уступив место придуманному им же изделию, передав ему качества основного, главного естества, себе оставив не главную роль. Искусственное становится естественным. А копия – оригиналом. Второе – первым. Изнанка – лицом.

В этой связи исходной проблемой при выработке ответа на вызов, связанный с «уходом» человека, заключается проблема построения модели нового интерфейса человека и техники (машины), при сохранении человека как опорной точки мира, но в новой социально-цифровой реальности.

Человек и нейронауки. Проектная идея для разработок

Сказанное выше означает следующее. Мы должны выработать альтернативу не в стратегии отказа от умных технологий, а в стратегии использования их для того, чтобы вернуть человеку его самого. Умные технологии на то и средства, чтобы быть использованными. И относиться к ним надо как к инструменту, хотя бы и «умному». Этот инструмент в руках хозяина должен быть использованным с умом. Нет необходимости делегировать ум машине. Ей надо отдать то, что она умеет лучше человека, то есть набор тяжелых операций, скорость и точность, а себе оставить то, что и делает нас самих людьми. Мы должны по-прежнему мыслить и любить. Хотя это и предполагает личное усилие.

Поэтому необходимо сами достижения нейронаук, достижения НБИКС-технологий использовать для выстраивания таких человеко-машинных систем и таких проектов человека, в которых перестраиваются интерфейсы с сохранением субъектности и активной роли человека. Речь не идет об отказе от разработок по AI, от генной инженерии, биотехнологий. Дело не в них. Дело в выше названных установках.

В этой связи наша позиция заключается в продолжении линии, обозначенной Л. С. Выготским в его культурно-исторической, «вершинной», психологии [Выготский 1984; Выготский 1986а]⁷. В чем заключалось его предложение? В том, что развитие человека понималось как культурное развитие, опосредованное орудиями и знаковыми системами (языком). Орудие и знак выступают посредствующими звеньями в процессе освоения их человеком. Овладевая орудием и знаком, человек овладевает своим поведением, становится собой, у него формируются мышление и другие «высшие психические функции»⁸.

Почему нас не устраивает пафос трансгуманизма? Потому что он предлагает вообще никак не учитывать практику освоения и опосредования, практику овладения человеком своим поведением посредством знака и орудия. Он предполагает уплощение, сплющивание вообще деятельности человека, превращая его в придаток умной машины. Понятно, почему. Потому что сознание сводится к активности мозга, а человек – к эмпирическому индивиду.

Мы предлагаем вернуться к базовой аргументации Л. С. Выготского, вернуться к идее опосредования развития человека, но уже умным орудием, умной машиной и знаком, шире – цифрой. Человек выстраивает новый интерфейс: *человек – знак (цифра) – машина*. В нем (интерфейсе) не просто по-новому выстраивается связь человека и орудия, но сами участники отношения, человек, машина и знак (цифра) становятся иными, нежели в

⁷ См. подр. гл. 4.

⁸ В своей терминологии Л. С. Выготский не успел преодолеть до конца привычки ректологии и бихевиоризма, называя мышление и волю «функциями», хотя и высшими. Он находился в поиске.

доцифровую эпоху. Например, цифра – больше, чем знак-орудие, она становится новой средой, в которой обитает человек. Точнее, среда становится гибридной, что уже отмечено в разных работах [Рубцова 2019а; Рубцова 2019б]. В новом интерфейсе выстраивается новая модель человеко-машинно-знаковой (цифровой) системы. На языке этой модели можно обсуждать и проект грядущего постчеловека, но уже не того, который переселяется в иное тело и отдает умные функции машине, а того, который, сохраняя себя и свое тело, развивает его и свое мышление, усиливает себя за счет выстраивания нового интерфейса с машиной и знаком (новым языком, на котором описывается интерфейс).

Эту логику фактически уже используют в рамках нового направления – «культурной нейронауки», в исследованиях, проводимых в Японии, Нидерландах, США, Португалии, Великобритании и др. (см. об этом [Фаликман, Коул 2014]). Оно сформировалось недавно. Но уже издается журнал «Culture and Brain», проводятся конференции. Ключевым направлением работ здесь выступает выстраивание связи между культурой, культурным развитием человека, его способностей, и тем, какие «следы» это развитие оставляет в мозге, и как на активности мозга, на сформированности его локальных функциональных зон можно это проследить. Понятно, что для этого используются как раз современные технологии и оборудование, которых ранее не было в распоряжении исследователей. Для этого делаются попытки на разном материале выстраивать двухуровневые трехфокусные модели:

Первый уровень: *знак – орудие – машина*. Связка между ними выстраивается как особая посредническая деятельность.

Второй уровень: *ген – мозг – культурный знак*. Связка между ними выстраивается также через опосредующее действие, выявляющее и выстраивающее связи между культурной практикой, мозгом и формированием генетической памяти рода.

Разработанный новый технический аппарат (функциональный МРТ) позволяет увидеть активность мозговой деятельности, связанной с действием со знаком и машиной. А достижения генной инженерии позволяют показать связи этой мозговой и культурной деятельности с наследием, генетической памятью и выстраиванием особых «культурных кодов», наследственностью, передаваемой от поколения к поколению.

Тем самым современная культурная нейронаука пытается преодолеть и снять противопоставления природы и культуры, человека и машины, выстраивая новые Е/И- модели. Правда в области AI и у представителей трансгуманизма эта граница не преодолена. Точнее преодолена, то есть редуцирована в пользу натурализации, биологизации и машинизации человеческого развития. А культурная нейронаука настаивает на том, что мозг, его структура и процессы, происходящие в мозге человека, выстраиваются и организуются под влиянием культурного развития и культурной среды. Правда, это звучит уже банально и было давно известно еще Л. С. Выготскому. С этим связана и так называемая «нейропластичность» мозга, то есть его морфологическая изменчивость и обучаемость.

Нейронаука изучает как раз связь между культурой и языком, ее представляющим, с одной стороны, конкретным опытом познавательной и трудовой деятельности, с другой, и формированием функциональных си-

стем головного мозга, с третьей. Но как конкретно преломляется культура и язык в этих функциональных системах – это в современной нейронауке пока вопрос открытый.

Но есть уже конкретные результаты. Например, Э. Магуайр исследовал опыт лондонских таксистов, которые специально обучаются и сдают сложные тесты на пространственную навигацию в большом городе (в Лондоне). Это связано с пространственной и зрительной памятью и ориентацией. Тесты сдают не все. Обнаружено, что у тестируемых иная структура гиппокампа, нежели у других испытуемых, не таксистов. Предположительно это связано с особой деятельностью по пространственной навигации в городе. Исследователи допускают, что структурные изменения мозга прямо обусловлены высшими когнитивными функциями, отвечающими за формирование пространственной памяти [Фаликман, Коул 2014: 8].

Но данных крайне мало. Прямых корреляций между культурой, формами поведения, принятыми в культуре, языковыми структурами и структурным и функциональным строением зон мозга не наблюдается. Здесь нет непосредственных причинно-следственных связей. Поэтому происходит редукция культурных форм и культурного развития к активности мозга. Это приведет к тому, предупреждают М. Коул и М. Фаликман, что понятие культуры может быть исключено из анализа развития человека, что противоречит идее коэволюции культуры и мозга [Фаликман, Коул 2014: 13]. Есть риски превратить нейронауку в бездушную науку о мозге, исследующую активность мозга, но не отвечающую на главный вопрос – как психика человека формируется в контексте культуры, к которой и принадлежит.

Заключение

В новой ситуации, когда вместо внешней орудийно-знаковой среды мы уже имеем социально-цифровую, гибридную среду, в которой люди (особенно дети) уже живут, для которых цифра выступает больше, чем знак и орудие, она становится гибридной средой обитания, перед нами встает новая задача: выстраивание культурных практик развития и формирования личности человека в новой реальности, с помощью построения моделей человеко-цифро-машинно-знаковых систем, выступающих полигонами развития высших способностей человека – его мышления, воображения, памяти. Это новый вызов как для культурно-исторической психологии, так и для всей антропологии будущего.

СОБЛАЗН НЕ БЫТЬ или онтологические корни технологического аутсорсинга

С. А. Смирнов⁹

Введение. Готовность

Давно привычным стало рассмотрение технического прогресса в логике и модели технического аутсорсинга. Передача, делегирование функций и работ от человека машине или техническому устройству всегда рассматривалось в духе естественной логики технического прогресса и оценивалось как благо, сверх оптимистично. Человечество радовалось, что человек освободится от рутинного труда и будет посвящать себя наукам и искусствам.

Противники же этого тренда выступали против него, подозревая почему-то машину в том, что человек превращает себя в придаток умной машины или просто перестает трудиться, тем самым превращая себя в «нижеоделающее» животное.

Мы попробуем рассмотреть этот феномен технического (шире – жизненного) аутсорсинга с другой стороны. Не является ли этот процесс следствием более глубинного феномена, который можно назвать онтологическим соблазном? Человек отдает технике, умной машине, свои, привычные ему работы потому, что просто предпочитает не быть. Он не рассматривает бытие как норму, обязательную для него и необходимую именно потому, что нет у него «алиби в бытии».

И такое событие – отказ от бытия как нормы, случилось давно, во Время Оно, в самом начале. Человек, будучи сам возможностью бытия, его событием, как раз наоборот предпочитает не быть. То есть предпочитает не быть собой. Не становиться. А делает он это потому, что испытывает большой соблазн не быть.

Почему человеку хочется не быть. И наоборот – почему и как ему хочется быть? Точнее, вопрос состоит не в хотениях и желаниях. Невозможно хотеть быть. Хотеть можно есть, пить, заниматься сексом, спать, снова есть, снова пить. Хочется, чтобы тебя ласкали, облизывали, принимали таким, каков ты есть. Быть же не хочется. Это невозможно. Строго говоря, бытие – не витальная потребность и норма. Это культурная норма – быть, то есть состояться человеком, обрести себя, найти место в мире. Бытие как норма не может быть нормой витальной, жизненной. Она выступает неким культурным заданием, к которому вообще-то надо быть готовым. Быть готовым принять эту норму как свою, как жизненное задание себе.

Гамлет у Шекспира, несмотря на муки поиска, стал к концу трагедии готов. Эту тему развивает молодой Лев Выготский в своей дипломной работе «Трагедия принца Гамлета»: тему готовности. Он, Гамлет, готов «быть готовым»: «Быть готовым – вот всё, пишет Выготский. Это нельзя комментировать: это всё. <...> Быть готовым – вот всё. Гамлет готов. Не решился, а готов; не решимость, а готовность» [Выготский 1986б: 453]. Именно потому, что «минута пришла, срок исполнился, час пробил» [Выготский 1986б: 453]. Он готов, пусть будет. Let be!

⁹ © Смирнов С. А. 2023

Готовность эта – метафизическая, мистическая, не рациональная, поскольку не объяснима. Что мешало Гамлету действовать так же, как Лаэрт? Ничто. Он же принц. Откуда эта готовность в нем жить не из мщения, не из реакций и эмоций, а из принятия скорби мира. Готовность рождалась в Гамлете с трудом. Он был такой же, как Лаэрт, баловень судьбы, принц, но однажды попавший в ситуацию онтологического выбора («быть или не быть»). И нам не понятно (сугубо рационально, если пытаться найти причину поступков, объяснять их из повседневной, эмпирической жизни) – почему Лаэрт остался в привычной всем стратегии реакций, эмоций и мщения, а Гамлет, внешне попавший в такую же жизненную ситуацию, вдруг начал вырабатывать в себе иную стратегию – готовности. Она ведь в человеке отсутствует. Мы не способны выдерживать метафизическую ситуацию самоопределения и вызова. У нас же нет онтологических опор для этого, никаких помочей и подпорок.

Эту стратегию, кстати, для себя выбирает и сам Л. С. Выготский. Он так и уехал в больницу после очередного приступа в 1934 году с книжкой «Гамлет». Он с ним не расставался всю жизнь. В записной книжке в конце жизни он вновь напишет о готовности, используя цитату из «Гамлета»: «NB! Pro domo suo¹⁰. Это последнее, что я сделал в психологии – и умру на вершине как Моисей, взглянув на обетованную землю, не вступив в неё. Простите, милые создания. The rest is silence» [Выготский 2017: 568].

Выготский сравнивает себя с главными для него культурными героями – Моисеем и Гамлетом. Он, как и Моисей, указал путь к «земле обетованной», вершинной психологии, новой науке о человеке, путь из пустыни ошибок и тупиков натурализма и эмпиризма, из пустыни незнания и непонимания нами самих себя. Этот путь был только начат и впереди ещё многое предстояло сделать. Но, как и Гамлет, он рано ушёл, успев только указать путь. Поэтому о том, что он мог бы ещё сделать, никто сказать не может. Дальнейшее – молчанье.

Конечно же, тема готовности Выготским понимается в явно выраженном христовом залоге (см. его собственные комментарии [Выготский 1986б: 552–553]). Это тема того, как Он был послан Отцом. Это тема готовности самого Христа испить чашу. И хотя «Шекспир не Библия», но есть поразительные совпадения, и Выготский их помечает: «Будьте же и вы готовы» (Лук. 12, 40).

Даже Христос на секунду усомнился в своей готовности, молясь о чаше в Гефсиманском саду, в итоге приняв уготованный ему выбор: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, а как Ты» (Мф. 26, 39).

Вообще-то в течение своей короткой и яркой жизни Выготский и искал ответ на главный вопрос – как это так получается, что в человеке вырабатывается вот эта странная готовность идти на онтологический риск? Какую она имеет природу, оставаясь всегда тайной? Как вырабатывается эта готовность быть и способность через готовность управлять своими страхами, страстями и аффектами? Признавая эту готовность мистической, потусто-

¹⁰ «В защиту собственного дома» (лат.). Название речи Марка Туллия Цицерона. Имеется в виду защита своей профессиональной деятельности, своего пути и предназначения.

ронней, он затем в течение всей жизни до самой смерти пытался описать её в категориях мыслящего действия, того самого культурного акта, ища при этом в акте базовую единицу, из которой бы и состояло ядро всей вершинной психологии человека.

Мы по привычке ссылаемся на плохое окружение, на влияние среды, на то, что время не пришло. Но Гамлет (как и сам Выготский) признаёт, что время всегда уже пришло, потому что оно заключено в его действии, в его личном акте, поскольку не существует вне его. Но нам, грешным и смертным, удобно быть не готовыми, испытывать соблазн не быть. Ссылаться на то, что еще не пришло это время.

Но мы далее будем вести речь не о земных грехах, сладострастии, чревоугодии, жажде власти, жажде мщениия и проч. Мы поведем речь о соблазне не быть, который не может быть сведен к земным страстям.

Соблазн как феномен

Ж. Бодрийяр в известной работе, редуцируя соблазн к сексуальности и телесности, к желанию обладания иным телом, пытался обнажить сам феномен соблазна [Бодрийяр 2000]. Внешнее тело, сексуальное тело, соблазняет, влечет, манит. И человек, влекомый внешним, ярким телом, просто формой, выбирает мужскую стратегию соблазна.

Ж. Бодрийяр замечает, что соблазн связан с влечением к чистой форме, поверхности, внешнему блеску, за которыми нет содержания, а есть пустота, ничто. В пределе – смерть. Но мы увлечены очаровывающей нас формой без содержания, которой хочется обладать, следствием чего становится и редукция самого влечения, становящегося симуляцией [Бодрийяр 2000: 310].

Но форма влечет, манит, потому что яркая, потому что влекущая, потому что создает иллюзию простоты обладания. Можно протянуть руку – и она твоя. И ничего тебе за это не будет, никаких последствий и наказаний. Жажда влечения связана с соблазном именно иметь – иметь запрещенный и кажущийся простым и доступным внешний мир, представляемый соблазнительным вкусным плодом.

Стратегия соблазна формируется в ситуации обманки-приманки. Человек стремится обладать внешним объектом, вещью, предметом. Он манит, потому что ярок и потому что кажется доступным и простым в обладании. Но простота означает внутреннюю пустоту, поэтому человек становится влекомым пустотой, внешней формой, кожей, телом, чистой поверхностью, складкой (слышим здесь Ф. Ницше), изнутри пустой. Но поскольку сама стратегия строится на обмане, подмене стратегии быть – на стратегию иметь, стратегию захвата того, что иметь невозможно, но возможно иметь доступную пустышку, поэтому так или иначе стратегия захвата оборачивается для захватчика капканом, он сам ловится на обманке, поэтому стратегия захвата оборачивается гибелью самого захватчика. Как муха забирается в душистый цветок, лепестки его захлопываются, и муха погибает, становясь пищей растения. Захватчик становится сам пищей и объектом захвата. Так и мотылек летит на яркий свет, а затем погибает. Он не имеет собственной внутренней силы сопротивления искусу желания, он зависит от внешней силы манящего соблазна.

Схема соблазна работает, потому что иллюзия простоты захвата толкает на простой способ действия на расстоянии протянутой руки. Создается

иллюзия быть через простое получение полноты ощущения. Но через подмену. Вместо быть – иллюзия быть. Но чтобы создать иллюзию, используется главное орудие – желание обладания внешней, доступной телесной формой, желание низа, без стремления верха.

Потому и работает приманка, поскольку напрямую захватчика (желающего захвата) не заманить. Заманивает не само ничто, заманивает иллюзия, которую испытывает сам захватчик, через искус обладания блестящей формой.

Ж. Бодрийяр вслед за В. Беньямином, выделяет три формы соблазна: ритуальную, эстетическую и политическую. Последняя – наиболее яркая и кричащая. Примеров тому много. Например, бывший комедиант становится президентом страны и продолжает играть роль, которую он играл ранее в сериалах. Имитация правления становится бесконечным сериалом, ярким, но содержательно пустым перформансом, выливающимся в чистую непристойность в ее радикальных формах, в «видимую, обезразличенную непристойность» [Бодрийяр 2000: 308], чья чистая форма и есть «рассеянный соблазн без очарования и азарта, <...> призрак соблазна, населяющий наши коммуникации без человека, выстраивающего стратегию тайны» [Бодрийяр 2000: 308].

Но тайны творения и бытия уже нет, она подменяется секретом захвата, бесконечные петли которого нарастают и тиражируются и множатся при нарастании числа имитаций и симуляций, в силу чего в пределе чистая желаемая форма становится чистой непристойностью, а потому «мы живем среди бессмыслицы, где симуляция – ее разочарованная форма, а соблазн – очарованная» [Бодрийяр 2000: 310]. И петли захвата стягиваются все туже на шею захватчика.

Соблазн работает ввиду доминирования превращенной онтологической формы, развращающей желающего иллюзией взятия бытия как вещи. Соблазн работает ввиду победы мужской стратегии захватчика, стратегии обладания миром, как чужой женщиной, как чужим городом. Но для выхода из тупика соблазна приходится преодолевать сам способ видения проблемы. Соблазн потому работает, что он доминирует в ситуации господства превращенных форм. Сначала происходит, совершается, позволяет себе быть, онтологическая редукция, и потому побеждает капкан соблазна. Сначала сам человек теряет собственный исток творения, в нем размывается личностный каркас, стержень личностного усилия и поступка, в силу чего он делегирует момент принятия решения, онтологического самоопределения быть, другому, отрываясь от истока творения, реагируя на манки внешних сигналов и звонков, внешних бликов пустого, но яркого света квазисуществования.

Иначе говоря, соблазн доминирует в силу инфантилизации человека, не желающего взрослеть, принимать ответственные решения. На пустой фантик соблазняется человек-ребенок, думающий, что можно взять мир как вкусную вещь. Достаточно просто протянуть руку. И тебе его дадут. И нет необходимости совершать усилие. Сведение онтологического усилия быть к желанию взять – такая стратегия характерна для квазидетского поведения. Соблазняется ребенок. Человек взрослеющий, берущий на себя ответственное решение за себя и за мир, в котором живет, на соблазн не идет. Но

многие выбирают стратегию соблазна, не желая взрослеть. Понятно, почему. Взрослеть (шире – быть) – страшно. Невыносимо. Нужно иметь «мужество быть», к чему призывал П. Тиллих.

Грамматика языка лишь подтверждает происходящее. Французское *séduction* (равно как и английское) перекликается с *reduction*, редуцией человека (его сужение, снижение, превращение) до реактивной функции, что приводит в итоге к онтологическому редактированию его. Соблазну поддается не человек в его существе, его остове, не его столп, а он, сведенный к функции. На превращенную форму реагирует редуцированное существо, оставшееся от человека, отредактированного и размельченного, рассыпанного на функции, в котором уже не узнаваем человек в его образе, потерявший свой образ, точнее, не нашедший его.

Итак, корневая причина соблазна не в нем самом, не в самом по себе обольщении внешней влекущей пустой формой, а в том, что сначала происходит онтологическая подмена. Тайну истока жизни человек стремится просто взять, открыть отмычкой, полагая (обманываясь, то есть обманывая себя), что чистую форму жизни можно просто вскрыть. Вместо открывания и преобразования себя – вскрытие и превращение другого, мира как вещи.

Поэтому важнее и коварнее не сам соблазн, а самообольщение, заключающееся в том, что человек позволяет себе допустить мысль о невыносимости бытия, а потому и ненужности. Можно, лучше, легче не быть, поскольку бытие невыносимо. Иго бытия невозможно перенести, его вообще не обязательно переносить. Бытие перестает быть нормой. Человек дает себе право думать так. Потому и становится падким на подмену.

Здесь – корень соблазна и неизбежности искуса. Человек изначально, с одной стороны, все может перенести, в том числе иго бытия¹¹, точнее, он имеет такой шанс. С другой стороны, он не хочет быть, не желает переносить тяжесть жизни, выбирая стратегию не быть, оправдывая это непереносимостью, невыносимостью ига бытия, ища лазейку, уловку, дабы избежать онтологического самоопределения, ибо нет у него изначальной, врожденной готовности быть. Но нет у него и «алиби в бытии» (М. М. Бахтин). Он бытийно, нудительно должен, являясь в мир, найти свое место. Но тут же он начинает искать лазейку, как подпольный человек у Достоевского, чтобы не стать, не быть, оправдывая это прежде всего квазионтологическим аргументом, что бытия-то и нет. Его придумали философы-ученые, иезуиты-умники, а человеку нужен хлеб, а не свобода. И тогда мы встаем на тропинку-лазейку логики Великого инквизитора у Ивана Карамазова.

Заметим, фактором такого выбора в сторону соблазна становится фактор чисто логический, идущий от головы, в виде аргумента, переноса точки решения, места события выбора, в себя самого. В себе самом, индивидуальном, не ставшем, еще не совершенном и не свершенном. Никак еще не свершившийся, человек ищет ответ-лазейку и находит, разумеется, выход-уход, уловку, оправдываясь страхом от непереносимости бытия. Ибо нет и быть не может в нем силы и готовности (гамлетовской: Я готов!) перенести онтологическую муку. Силу он может найти лишь в энергичной связи с онтологически Иным. Как и показал Христос во время молитвы: Не как я хочу, а как

---

¹¹ «Человек, он всех тварей живучее, он все перенести может», говаривал Н. М. Карамзин.

Ты¹². И потому Он преодолел страх, испытывавший его в Гефсиманском саду. В себе самом, отдельном, индивидуальном, человек не может найти силу, ее там и быть не может, там он находит лишь страх и слабость, поскольку точку принятия решения он переносит в себя, делая себя центром мысли и действия, критерием разумности всего сущего. Здесь он и ввергается в соблазн.

Субъект как редукция человека

Исторически этот перенос центра решения, назовем его вслед за М. Фуко, «картезианским моментом», был показан у Р. Декарта, сведшего центр онтологического самоопределения, в себя, субъекта, в «вещь мыслящую», выступающую главным критерием сущего¹³. Я – вещь мыслящая, и это единственное, что я могу признать как очевидное, делает вывод Р. Декарт в «Медитациях» [Декарт 1994: 23]. И потому только я, вещь мыслящая, решаю вопрос о разумности (и реальности) всего остального сущего. Субъекту Р. Декарт приписал свойства субстанции, субстанционально оправдал себя как вещь мыслящую, ставя все под сомнение, но себя самого как вещь мыслящую под сомнение не поставил, тем самым нарушив свой собственный метод радикального сомнения.

Р. Декарт сам дает определение: «Под субстанцией мы можем разуметь лишь ту вещь, которая существует, совершенно не нуждаясь для своего бытия в другой вещи» [Декарт 1989: 334]. Но тут же признает, что такой субстанцией может быть только Бог, хотя в своих «Медитациях» он пришёл к тому, что таковой выступает он сам как вещь мыслящая, добавляя, что таковой вещью я могу быть лишь при содействии Бога.

Тем самым «вещь мыслящая», то есть собственно субъект, становится (ему приписывают) свойства субстанции, становится самодовлеющим сущим. Но потому человек и соблазнен, поскольку он себя устраивает, он

¹² «И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, а как Ты» (Мф 26, 39).

¹³ М. Фуко добавляет, что его употребление картезианского момента условно, он говорит не буквально о самом Декарте, а о моменте, о месте, значимом эпизоде в истории европейской культуры, когда акт познания мира, стремление к истине, с одной стороны, и забота о себе, с другой, были оторваны друг от друга. Наступил момент, когда античный смысл познания себя как заботы о себе, выступающий условием постижения Блага, был оторван от самого субъекта заботы, и в итоге познание трансформировалось в когнитивный акт познания мира (еще точнее – его овладения через знание-орудие). А забота познающего о себе самом перестало быть условием такого познания. Еще точнее. Именно отказ познающего от себя, от заботы о себе, предполагающей его преобразование, превращает познание мира в овладение им, в операцию по захвату мира с помощью знаний-орудий. Этому и был посвящен его курс лекций «Герменевтика субъекта». Пафос античных стоиков М. Фуко пытался восстановить на новой почве, призывая к новому началу, чтобы самих себя переначать, поскольку ситуация исторического разрыва требовала восстановления истока: такой, какой есть, субъект не может быть способен к истине. Человек не может «иметь» доступа к истине, не совершая акты заботы о себе, то есть акты преобразования, акты аскезы. Лишь совершая преобразование себя, я могу получить доступ к истине. Именно в актах преобразования и совершается практика заботы, то есть практика борения с соблазном и искусом. Без аскезы нет и истины [Фуко 2007: 28]. А с Картезия начинается новая эпоха, в которой признается допущение: такой, какой есть, субъект может постигать истину. Главное, чтобы он выполнял «правила для руководства ума». Делай так-то – и получишь доступ к истине. Но аскеза не рассматривается как необходимое условие доступа к истине [Фуко 2007: 30–31].

иного вне себя и не мыслит в качестве онтологически иного места и силы. Сведение себя к вещи мыслящей и толкает человека на соблазн.

Последнее обусловлено именно тем, что собственная субъектность понимается субстанциально. Вещь мыслящая становится (ей приписывают) субстанцией, то есть сущим, которое нуждается в себе, и обосновывается лишь самой собой¹⁴. Декарт в итоге совершил подмену. Но в таком случае и сам Бог выводится не из себя самого, точнее понимается не как онтологически Иное человеку, с которым тот сопрягает свое бытие, вступая в личное энергичное богообщение, а сугубо как Идея, выводимая силой чистой мысли. Выведение это осуществляет сам субъект как вещь мыслящая¹⁵.

Вся западная классическая рационалистическая традиция встраивается в логическую цепочку каркасных понятий: субъект – субстанция – подлежащее – сущее. Именно субстанционально принятый и признанный субъект становится подлежащим сущим для всех остальных идей и вещей, для всего сущего.

С. С. Хоружий замечает, что «субъект Картезия» был изобретен не для решения собственно антропологических или тем более онтологических задач. Он был создан для решения задач, связанных с познанием (сиречь, овладением) мира, как сугубо, добавим от себя, эпистемологический инструмент [Хоружий 2010: 107–108]. То есть для решения сугубо прикладных задач, связанных с познавательной, экономической, политической, правовой и прочей активностью¹⁶. Этот конструкт был удобен и вполне эффективен. Но не предназначался для того, чтобы понимать человека, принакать к его истоку и постигать смысл его бытия.

¹⁴ На этот изъян в философии Декарта указал и С. С. Хоружий [Хоружий 2010: 60–61].

¹⁵ Декарт весьма последователен. Он утверждает, что «некая идея субстанции присутствует во мне по той самой причине, что и я сам – субстанция» [Декарт 1994: 38]. Но именно увлечение субстанциальной идеей, как реверанс в сторону ложной теологии, увлекала Декарта и загнала его в тупик. Если убрать субстанциальность из его «Медитаций», но принять чистый принцип *cogito* как критерий реальности самого мыслящего, то есть тем самым ввести ключевой признак акта мышления, его событийность, как Декарт трактует Мамардашвили (что нам близко), то в таком случае не так страшен субъект Картезия. Я мыслю – и поскольку мыслю, то я и существую. И в акте мысли я только и могу существовать. А значит мое главное условие моей собственной действительности и моей событийности, то есть пребывания в мире – это мое усилие мысли. Значит, если я хочу быть, то значит, надо совершать усилие мыслить. И нет необходимости приписывать акту мысли субстанциальность. Речь идет не об отказе от сущего вне меня, но о критерии реальности меня самого. Но приписывание субстанциальности мышлению ломает весь принцип. Поскольку мысль не субстанциальна. Она событийна. Она не предзадана и не существует вне меня. Она реальна в акте осуществления. Именно с этого момента начинается принцип *cogito*, и здесь и заложена ответственность мыслящего. Если же я допущу субстанциальность вещи мыслящей, то тут же начну допускать, что она пребывает во мне вне моего усилия. Соблазн начинается не с самого по себе субъекта, а с приписывания ему субстанциальности. И Декарт это вроде бы понимал. Поэтому вводил различие между «субъектом действующим» и «субъектом, претерпевающим действие» [Декарт 1989: 482]. Точнее, помечает он, это два разных названия одного явления, и его можно отнести к разным субъектам.

¹⁶ Субъект стал «универсальным подлежащим» для самых разных видов деятельностей, в рамках которых вводились разные модусы «участнического человека» – субъект познания, субъект права, экономический субъект, моральный субъект, политический субъект и проч. [Хоружий 2010: 108].

Процесс редукции был тем самым запущен. От допущений и выводов «вещи мыслящей» зависит в таком случае как бытие Бога, так и его смерть. Но «вещь мыслящая» не подозревала, что тем самым в этой редукции (и редакции человека) и всеилии субъекта заложена и ее собственная смерть. Однажды субъект перестает нуждаться в Боге. Это неминуемо должно было случиться. Поэтому сначала происходит отказ от признания бытия Бога, его онтологического доказательства. Бытие Бога субъект ставит в зависимость от своего акта мысли. Затем он отказывается и от Идеи Бога. После чего наступает неминуемая смерть и самого человека как сущего. Человек соблазна убивает и самого себя, редуцируясь к машине желаний, в пределе включив и желание самоуничтожения в свое сущее как необходимую его часть.

Онтологическая редукция приводит к крайнему индивидуализму, воплощая субъектность в ее разных ипостасях и модусах атомарной личности (сводимой к отдельному эмпирическому индивиду). Потому сведение точки принятия онтологического решения (быть или не быть) в атомарную личность, то есть индивида, понимаемого как субъект, ставящий в зависимость все сущее от своих решений, есть тупик и корень всякого соблазна, то есть увлечения превращенными яркими квазиформами жизни, увлечение яркой, но пустой непристойностью, как замечает Бодрийяр.

Диагноз М. Хайдеггера. Точки мысли

Спросим себя – зачем человеку мыслить бытие? Спросим того же философа – зачем ему мысль о бытии? Мы прямого ответа не получим. Или получим разного рода задним числом придуманные конструкты и оправдания.

Если же вспомнить исток рождения этой мысли, то становится понятным, что это и есть первая, родовая практика рождения человека в человеке, его родовспоможение. Мысль о собственном истоке, о своем предназначении, то есть забота о себе, поиск человеком себя после первого рождения и попытка поиска ответов на вопрос о том, зачем я и где я, где мое место, возвращает человеку его исходное предназначение – заботу о себе, что означает быть «стражем бытия», стоять в его просвете, в его присутствии, становиться его органом, оком. В сущности, М. Хайдеггер именно родового истока и пытался вернуть практике заботы о себе. Поэтому и возвращался к бытию не как к теоретическому предмету интеллектуальных словопрений, а как к мысли о родовом предназначении человека. Мысль о бытии – это мысль человека о себе самом в его истоке, мысль о своем месте, поиск им своего места. Поэтому забота о себе, укорененная в истоке, и есть мысль о бытии¹⁷.

Идея заботы обосновывается М. Хайдеггером в качестве составной части его философского концепта бытия как присутствия. Забота для него выступает «фундаментальным экзистенциалом» [Хайдеггер 1997: 196]. Забота выступает в качестве онтологической характеристики «бытия в присутствии», что, собственно, и есть человек, то есть здесь-бытие, бытие-в-присутствии (Dasein)¹⁸.

¹⁷ См. онтологическое прочтение смысла и идеи заботы о себе в разных работах [Полякова 2015; Смирнов 2010; Федичева 2010].

¹⁸ Понятно, что в повседневности заботу понимают онтически, как некую «озабоченность», «хлопотливость». Преодоление такой версии возможно лишь при понимании заботы в «экзистенциально-онтологической интерпретации» [Хайдеггер 1997: 197].

Главным предметом заботы в таком случае выступает укоренённое в бытии стремление человека стать «в просвете бытия» и оформить себя как орган бытия, через который бытие и является человеку непотаённым. Явление потаённого и есть собственно онтологический смысл заботы. А человек весь целиком становится таким органом заботы, не сводимым и не редуцируемым к каким-то онтическим или эмпирическим примерам. «На что же еще, – вопрошает Хайдеггер, – должна быть направлена эта “забота”, как не на возвращение человека его существу? Какой тут еще другой смысл, кроме возвращения человеку (homo) человечности (humanitas)? [Хайдеггер 1993: 196–197].

В 1929 году в Давосе состоялся известный спор М. Хайдеггера и Э. Кассирера. Спор шел фактически о возможности ответа на кантовский вопрос: что такое человек?¹⁹ О возможности вообще философствования о человеке. Для Хайдеггера была очевидна сама проблематичность доктринального жанра мысли о бытии как присутствии, о заботе и сбываемости бытия как события. Просто потому, что событие бытия случается, сбывается. Это только шанс, которым человек может как-то воспользоваться. Но у него может и не получиться. Быть в присутствии – занятие рискованное. В этом плане сам человек, его сбывание, есть эпизод, случай, точнее, событие. Невозможно по этому поводу построить концепцию для массового употребления и тиражирования, чтобы ее использовать как учебник, написанный по поводу того, что есть забота о себе в бытии как присутствии. Концепт о бытии невозможен. Но мысль об этом как событийный прецедент возможна.

А Э. Кассирер, отвечая на кантовский вопрос, строил доктрину просвещенческого типа, в логике идеи духовного прогресса человечества, предложив философию символических форм. М. Хайдеггер отказывался от доктрины, поскольку само явление (феномен) человека в бытии не может быть гарантировано. Оно событийно. Оно случается. Строить теорию события – бессмысленно и глупо. Поэтому вопрос о человеке «не должен разрешаться в смысле антропологической системы», то есть созданием очередной доктрины [Давосская дискуссия 2001: 131]. Но разрешаться он как-то может в перспективе, в предельном случае, через «прорыв в сущее, который всегда историчен и в самом предельном смысле случаен. Настолько случаен, что высшая форма экзистенции Dasein может быть сведена к чрезвычайно немногим и редким мгновениям длительности Dasein между жизнью и смертью. Что человек лишь в крайне редкие мгновения экзистировать на острие своей собственной возможности, обычно же движется среди своего сущего» [Давосская дискуссия 2001: 132].

Человек случается между жизнью и смертью. Именно «между». Это экзистенциальное мгновение. Что и как можно сказать, как помыслить возможно это мгновение? По этому поводу может что-то и как-то сказать один культурный герой – поэт. Он для этого и призван – «поэт учреждает бытие» [Хайдеггер 2020а: 29].

Помыслить бытие, точнее смысл бытия, то есть Dasein, реальность самого себя, может сам человек, но странным образом: «Вопрос о бытии это именно прыжок в бытие, который человек совершает как искатель бытия, поскольку он есть созидающий мыслительно. Искатель бытия в свойственной-

¹⁹ См. подр. о споре в Давосе [Смирнов 2021а; Фридман 2021].

шем избытке искательской силы – это поэт, который “учреждает” бытие» [Хайдеггер 2020а: 29].

В конце 20-х годов прошлого века шёл также интенсивный спор между представителями Венского кружка, отстаивающими идеи логического позитивизма, с одной стороны, и представителями метафизики, главной фигурой коих был признан М. Хайдеггер, с другой [см. подр. Смирнов 2021а; Фридман 2021].

Внешне это выглядело как спор о предмете философии, ее будущем. Р. Карнап и другие обосновывали свою позицию тем, что философия должна быть логически и математически обоснованной наукой, строиться на логических основаниях. А коль скоро метафизика, ее основные понятия, не могут быть логически ни обоснованы, ни опровергнуты, то они не имеют смысла, не являются научными. И поэтому философия как мышление о бытии не может быть основой для выстраивания будущей философии.

Но это лишь внешний предметный контур разговора. В основании спора сторонами закладывались разные онтологические установки относительно того, что есть сущее? Для Карнапа сущее сводилось к эмпирической реальности, реальности существования эмпирических индивидов и натуральных объектов, которые могут быть описаны, исчислены, подсчитаны, спрогнозированы. Такая реальность и должна быть таковой – понятной в процедурах описания и расчета, понятной каждому смертному индивиду. В сущем не должно быть тайны. Все сущее должно быть научно, то есть логически, экспериментально, опытно обосновано и просчитано, исчислено.

В основание сущего тем самым закладывался принцип исчислимости, то есть расчета, охвата, ухвата. Сущее должно быть схвачено, просчитано и представлено как готовый объект. Равно как и сам человек как объект должен быть просчитан и ухвачен, схвачен.

Для Хайдеггера это было неприемлемо. Он показывает, что в логике его оппонентов происходит подмена, замена онтологического поиска – математическим доказательством, а истине отведена роль достоверности, простого закрепления мыслью того, что можно мыслить, в силу чего происходит профанирование, снижение самого предмета разговора [Фридман 2021: 46–47]. В результате сама философия превращается в «грамматическое предприятие», а философствование – в логические доказательства. Добавим от себя – она превращается в решение математических и логических головоломок. А бытие в итоге редуцируется к приставке «есть» как связке в суждении. Сущее исчезает, а остается суждение. Спор идет о суждениях о предмете, а самого предмета уже и нет. Но логика не может справиться с онтологическим вопрошанием, она «расплывается в водовороте более изначального вопрошания» [Хайдеггер 2007: 37].

В этом споре важна базовая интенция. Онтологическая установка, носителями которой были представители позитивизма, направленная на познание и логическое обоснование мира (и человека), предполагает не просто сам по себе расчет мира, а дальнейшее его, мира, употребление, имение, в пределе – уничтожение в угоду выгоды, прибыли, капитализации. Этих слов Хайдеггер не употреблял, но основание обозначил: «Всякий расчет сводит исчислимое к расчисленному, чтобы употребить его в последующих расчетах <...>. Это потребляющее употребление сущего выдает истребляющую природу расчета» [Хайдеггер 2007: 71].

Расчетливое мышление, построенное на логике исчисления, мнит себя удобной и эффективной формой для схватывания сущего. А возрастание числа и объема таких расчетов, увеличение роста и числа расчетов в разных направлениях, «создает видимость продуктивности».

В пределе сущее потребляется ради полного расходования. Потребляется также и человек как сырье: «Потребление всех материалов, включая сырье человек, для технического производства неограниченной возможности изготовления всего потаенно обусловлено полной пустотой, в которой взвешено сущее, материал для действительного. Эта пустота требует заполнения» [Хайдеггер 2007: 252–253].

Но пустоту бытия никогда не заполнить полнотой только сущего, поэтому возникает необходимость нарастания «обесцеленной деятельности» (сиречь – имитации и симуляции). В этом случае именно техника подходит для обеспечения этого недостатка. Техника в таком случае выступает заменителем, суррогатом, эрзацем сущего. Добавим (в пределе) – протезом человека как сущего, подпиранием его собственную онтологическую нехватку. Человек, растерявший себя, привыкает к этому протезу, ему в его бытийной оставленности нравится замещать, заменять себя техникой-протезом.

Исчисляемое и потребляемое сущее кажется ему безграничным. Оно, будучи исчислено, становится «пред-ставленным», удобным для потребления и становится «более доступным» [Хайдеггер 2020а: 605]. Но в кажимости доступности потребления это сущее на самом деле начинает сворачиваться. Поскольку в стремлении потребления его всегда мало, его всегда не хватает²⁰. Точнее, человеку всегда не хватает собственного бытия, он в этой погоне за исчисленным и потребляемым доступным сущим всегда остается голодным, испытывая онтологическую нехватку. Сущее сворачивается для него, поскольку он всегда испытывает нехватку, недостаток, и человек попадает в яму, из которой чисто технически не выбраться [Хайдеггер 2020а: 605]. Он проворачивает в имитации потребление сущего, превращая свое существование в скучное, хотя и яркое занятие, испытывая иллюзию полноты, сводя заботу к техническому усилению протезом. Вместо заботы он подставляет к себе внешнюю оснастку, рассчитывая на технический протез-костыль, превращая себя в вечного онтологического инвалида и бомжа, испытывающего нехватку себя, потерявшего свой дом бытия.

Но что же делать? Мыслить бытие доктринально невозможно. Поскольку бытие свершается как событие. Из бытия мышление не выводимо. Но оно возможно как событие. Бытие свершается (сутствует) как событие [Хайдеггер, 2020а: 51]. А человек может лишь вернуть себе основную работу/заботу быть «стражником бытия»²¹. Забота о бытии есть сущностное зада-

²⁰ Как человек, больной булимией, испытывает всегда состояние голода.

²¹ Вменение человеку заботы о бытии сопровождается у самого Хайдеггера разными оттенками. Он называется сторожем, стражником, хранителем, искателем, пастухом (die Wächter, die Hüter). Различия в оттенках значительны. Стражничество привносит воинственную окраску. Хранение привносит окраску сбережения, хранения наследия. Искательство привносит идею пути и поиска. Судя по контекстам, возможны разные варианты. Разные метафоры оттеняют ту или иную сторону, таща за собой языковые привычки и интерпретации. Приходится прислушиваться скорее к смыслу и интонации сказанного, нежели вычитывать грамматику слова.

ние для человека, поскольку предполагает заботу о себе, о собственном источке [Хайдеггер 2020а: 37]. «Событием о-сваивается (er-eignet) в мышлении и сказывании принадлежность к бытию» [Хайдеггер 2020а: 20]. Не теория о событии нужна, а сам факт событийности, который и есть присутствие. Это «сутьствие бытия» мы и называем Событием (Ereignis) [Хайдеггер 2020а: 25].

Фактически Хайдеггер производит смену основного вопроса философии. На место кантовского вопроса («Что такое человек?») ставится вопрос: «Где и зачем человек?». Человек, занимающий место стражника бытия, через которое осуществляется присутствие бытия, тем самым и находит (имеет шанс) место в мире. Он обозначает собой, этой событийностью, свое место, не отвечая на вопрос о том, что такое человек, но, занимая место, становясь сторожем бытия, обозначает себя. Поэтому бытие имеет место. Бытие как присутствие. Оно не есть. «Время и бытие сбываются в событии», имеющем место, присутствие [Хайдеггер 1993: 404 и др.]²².

Но именно то, что человек лишь событиен, он случается, не имея и не обладая никакой сущностью, без приписывания ему субстанциальности, и означает то, что человек есть шанс бытия, но с другой стороны, он рискует этим шансом и не стать, постоянно переживая угрозу не найти себя или потерять себя. Именно собственная событийность провоцирует человека как на шанс стать, сбиться, так и на отказ от себя, от заботы, от бытия. Во втором случае человек выбирает уход как лазейку, строя онтологическую иллюзию быть сущим, не совершая размыкания к Иному, поскольку испытывает страх перед онтологическим прыжком. Ведь доктрина о бытии невозможна. Но есть шанс вопрошания (если есть готовность, см. выше) совершить его как прыжок, бросок²³.

Однако совет, данный Хайдеггером, фактически означает то, что человек должен быть готовым на весьма рискованное предприятие²⁴. Мыслить

²² Хайдеггер уходит от определения (о-предел-ивания) человека, не отвечая на кантовский вопрос, избегая следования эссенциальной парадигмы, не ища сущности человека, не стремясь строить очередную концепцию о человеке. Но он все равно вынужден искать место человека, выводя его через бытие как присутствие: «Бытие нуждается в человеке, что оно сущствовало, а человек принадлежит бытию, для того, чтобы он осуществил свое предельное определение вот-бытия» [Хайдеггер 2020а: 321]. Если происходит доминирование обратной стратегии, сводящейся к поиску сущности человека, что неминуемо ведет к его определению, фиксации разумной или чувственной, или иной сущности, так неминуемо совершается «махинация» по присвоению человеку какой-то сущности в ее разных предикатах, в силу чего происходит «оподление» этой сущности, «расчеловечение» (Vermenschung) человека [Хайдеггер 2020б: 48].

²³ В докладе «О технике» (1953 г.) Хайдеггер дает понять, что человек не должен при этом отказываться от техники. Ведь техника – «вид раскрытия потаенности» [Хайдеггер 1993: 225]. Это некий способ, «постав» (Gestell), с помощью которого потаенное становится непотаенным, собственно присутствием. Но человек сросся с техникой, не рефлексируя себя отличным от нее, сведя технику к протезу, оторвав ее от онтологического истока, перестав к ней относиться как к поэзису, произведению (в античном понимании «технэ»), через которое собственно и производится присутствие. Постав не есть нечто техническое, машинообразное, он способ, каким действительное выходит из потаенности. И этот выход происходит не за пределами человеческой деятельности, а как раз посредством ее [Хайдеггер 1993: 231].

²⁴ См. о технологической угрозе и риске бытия (по следам Хайдеггера) в работе [Аванесов 2021].

ведь можно лишь бытие. Только бытие есть равный мышлению и достойный его предмет. То есть бытие самого себя, бытие человека, поскольку бытие сбывается как событие человека через вопрошание его самого – того, кто вопрошает, человека.

Но это означает предельный, пограничный, как мы уже заметили у Хайдеггера, шаг выдвигания человека в просвет бытия, что означает никак не выводимый из сущего повседневья бросок, прыжок, чреватый не только обмороком, но и вообще срывом в пропасть.

Здесь человек себя и проверяет. Поскольку готовность (см. выше) на предельное вопрошание, исповедальное слово-действие, вовсе не обязательно для повседневного сущего. И оно, онтологическое вопрошание, крайне рискованно. Человек может как обрести бытие, так и утратить его. Человек нерасторжимо связан с великими рисками вопрошания» [Хайдеггер 2018: 114–115]. В событии мышления о бытии поэтому все поставлено на карту.

Человек поэтому периодически, как это замечал М. М. Бахтин, оставляет для себя лазейку, чтобы не делать этот предельный шаг. Лазейка, которую открыл Достоевский в феномене подпольного человека, означает оставление за собой возможности изменить последний, окончательный «смысл своего слова», ведь «исповедальное самоопределение с лазейкой по своему смыслу является последним словом о себе, окончательным определением себя» [Бахтин 1979: 271]. Хитрость слова-действия с лазейкой заключается в том, что человек, его совершающий, показывает другому (а его слово всегда слово-обращение к другому), что он готов на предельную открытость и исповедальность, показывая свою покаянную душу, но на самом деле рассчитывает на похвалу и поддержку со стороны другого (смотрите, как он кается, осуждает себя), он оставляет для себя лазейку, выгадывая себе наиболее подходящий расклад событий, показывая себя в выгодном свете. Лазейка «создает особый тип фиктивного последнего слова о себе с незакрытым тоном, навязчиво заглядывающего в чужие глаза и требующего от другого искреннего опровержения» того, что на самом деле он другой, он лучше [Бахтин 1979: 272].

Преодоление мысли и слова-лазейки предполагает особый, исповедальный жанр самораскрытия человека («высшая форма свободного самораскрытия человека изнутри, а не извне», «без маски, <...> без лазеек, без ложного последнего слова, т. е. без всего овнешняющего и ложного» [Бахтин 1996: 352].

Мышление о бытии, сиречь о себе, в пределе предполагает преодоление мысли-лазейки, мысли с оглядкой, предполагает, как любил повторять Лев Шестов, преодоление «оглядного мышления. Он в многолетнем споре с другом-оппонентом Э. Гуссерлем несправедливо обвинял того в том, что в отличие от него, Шестова, считающего философию великой и последней борьбой²⁵, Гуссерль полагал, что философия и есть мышление с оглядкой,

---

²⁵ Ссылаясь на слова любимого им Плотина: «Великая и последняя борьба ожидает души». С этого противопоставления Лев Шестов всякий раз начинал спор с Э. Гуссерлем. В этой антитезе воплощается противопоставление им разных традиций – Афины и Иерусалим, научно ориентированная философия познания и религиозное откровение. Что, как нам видится, выглядит искусственным.

почему-то предпочитая именно такую коннотацию немецкого *Besinnung* (осмысление, размышление, осознание, рефлексия)²⁶. Мышление с оглядкой рождается от страха перед угрозой, «мыслить же надо не оглядываясь, создавать “логику” неоглядного мышления» [Шестов 1993: 660]. Философы же, вплоть до Канта и Гуссерля, создавали системы оглядного мышления, поэтому не могли вырваться за пределы «строя бытия». Поэтому «философия всегда была и поднесь продолжает быть “оглядкой”, поэтому все открытые ею истины были связаны оковами привычек оглядного мышления. Стало быть, философия должна быть не оглядкой, не *Besinnung*, как мы приучены думать, – оглядка есть конец всякой философии – а дерзновенной готовностью идти вперед, ни с чем не считаясь и ни на что не оглядываясь <...>. Философия есть не *Besinnung*, а борьба. И борьбе этой нет и не будет конца. Царство божие, как сказано, берется силой» [Шестов 1993: 662].

Вернёмся к началу нашего разговора. Соблазн отказа от себя становится основанием тренда аутсорсинга, всю нарастающего в наше время развития умных технологий. Аутсорсинг, то есть делегирование человеком функций и работ умной машине, умной технологии, есть следствие более глубинного феномена – онтологического соблазна не быть. Сначала человек предпочитает не быть, а потому он движим одержимостью все отдать умному устройству. Бодрийяр замечает: предельным самообольщением, самораспалением становится тотальная дигитальность.

Заключение

В философских работах зачастую наблюдается такой момент, согласно которому автор того или иного текста начинает отождествлять реальность собственной мысли и реальность, наблюдаемую за окном. Не получается ли то же самое и в нашем случае? Ведь помыслить смысл бытия как прыжок в избытке экзистенциальной силы, проживая как событие, можно именно «мыслительно».

Поэтому М. Хайдеггер пишет «для немногих», «для редких», которые время от времени вновь вопрошают, «несут в себе высшее мужество к одиночеству» [Хайдеггер 2020а: 30].

Получается, что для «немногих» и «редких» сумасшедших, одиноких и окаянных, но избранных и посвящается наше размышление? Но ведь мышление – вещь не обязательная с точки зрения выживания и прокормления себя. Она лишняя и даже выглядит роскошью на фоне происходящего²⁷. Нам остается признать, что философские размышления и не предназначены для спасения страждущих, ищущих чуда и желающих хлеба. Мышление, как и любовь, – занятие свободных, а потому окаянных людей, не требующих воздания за свое деяние.

²⁶ Понятно, что немецкое слово означало у Э. Гуссерля именно понятийную рефлексивную работу, связанную как раз с базовой практикой по осуществлению феноменологической редукции. Но Лев Шестов упорно и сознательно, сугубо с акцентом на языковой контекст, переводил это слово как «оглядка», вводя явно выраженную негативную, оценочную коннотацию.

²⁷ Тема одиночества вопрошающего мыслителя постоянно присутствует и у М. К. Мардашвили.

Если человек теряет собственное бытие и потому соблазняется умными технологиями, то единственным выходом для него остается возврат к самому себе, восстановление своего онтологического предназначения, предполагающего мыслить собственный исток, избегая поблажек и лазеек. Коль скоро человек есть событие бытия, то он волен выбирать и риск ухода из мира, и шанс обретения себя в мире. Он волен выбирать – быть или не быть. Волен быть готовым.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА И РИСК БЫТИЯ

С. С. Аванесов²⁸

*Пока мы не вникнем мыслью в то, что есть,
мы никогда не сможем принадлежать тому, что будет.*

Мартин Хайдеггер. Поворот

Введение в тему

Философия как рефлексивная сфера культуры традиционно служит цели самоопределения человека в его сути и обстоятельствах. Это область осмысления экзистенциальных вызовов и формулировки ответов на них. Перманентное удержание в фокусе внимания всего того, что происходит с человеком (человечеством), помогает артикулировать возникающие проблемы, обнаруживать их предпосылки и намечать пути их решения. Именно на почве философии должен быть выработан ответ и на новейший цивилизационный вызов: технологический прорыв, который совершается под знаменем служения интересам человечества, но, по мнению многих, угрожает самому существованию человека²⁹. Серьёзнейшей философской проблемой сегодня становится традиционная для философии «проблема самоопределения человека», поставленная, тем не менее, совершенно по-новому – сквозь призму взаимоотношения человека с им же самим созданной техносферой [Смирнов 2018: 72]. Новизна ситуации заключается в том, что именно на нынешнем этапе научно-технического прогресса техника (механизм) окончательно «дотраивается» в технологию (программу), а ведущей характеристикой последней утверждается её качество, обозначаемое специфическим маркером «smart». Техника / технология как будто перестаёт быть просто инструментом и начинает конкурировать с человеком на поле его собственных способностей. В результате мы можем констатировать определённую смысловую амбивалентность: с одной стороны, «на смарт-технологии возлагают большие задачи, полагая, что с их помощью можно кардинально что-то улучшить в жизни общества»; с другой стороны, «люди не доверяют смарт-технологиям, поскольку их “умность” связана с отношением к такому качеству человека, как “ум”» [Ардашкин, Суворцев 2021: 39]. Иначе говоря, аксиологическое отношение к «умным технологиям» колеблется в диапазоне от спасительного средства решения всех проблем до покушения на человека с его собственно человеческими прерогативами.

Философско-антропологический анализ процесса индустриального развития в своих радикальных версиях приводит к интерпретации технологических достижений как форм деструкции человека. Специфика смарт-

---

²⁸ © Аванесов С. С. 2023

²⁹ Хотя «вторжение техники в пространство человеческой реальности» является, безусловно, «результатом практической деятельности самого человека», оно воспринималось мыслителями конца XIX и первой половины XX века как «вторжение чего-то внешнего, бытийно чуждого, т. е. нечеловеческого», в экзистенциальное пространство [Мышкин 2015: 32].

технологий, к примеру, усматривается в том, что они «глубоко интегрируются в индивидуальные, социальные, культурные пространства человека, меняя характер его восприятия мира, коммуникации с ним, а также ценностные приоритеты» [Ардашкин, Суровцев 2021: 33]. Поскольку же такого рода проникновения связываются с самим *образом жизни* человека, постольку тема последствий технологического прогресса приобретает особую «экзистенциальную остроту» [Бек 2000: 5]. Так называемые «умные технологии»³⁰, внедряясь в повседневность и начиная определять её, «сдвигают привычную рамку идентичности человека, меняют антропологическую норму» [Смирнов 2018: 75]. Трансформации, связанные с развитием и внедрением смарт-технологий, настолько существенны, что они «кардинально влияют на характер сознания, познания и поведения», а также на институты образования, здравоохранения и безопасности [Ардашкин, Суровцев 2021: 33]. Степень такого влияния оценивается по-разному, вплоть до утверждения тенденции ухода человека с исторической сцены.

Названный «тренд ухода» формулируется исходя из того, что внедрение «умных гаджетов» провоцирует развитие общей пассивности человека, который «всё чаще предпочитает уйти из активной позиции непосредственного участника жизни, передав базовые работы и функции умной машине», устройству, программе, алгоритму и «искусственному интеллекту», что в целом можно назвать «феноменом жизненного аутсорсинга». Это равносильно «выводу человека из позиции субъекта и активного агента в позицию пользователя и потребителя» [Смирнов 2018: 70–71]. Оценка достоверности и обоснованности такого прогноза требует, прежде всего, утвердить современные технологии в статусе *предмета философского осмысления*. При этом задача такого осмысления требует делать акцент на философско-антропологических и аксиологических подходах, что позволит, в первую очередь, интерпретировать параметр *smart* в качестве *гетерогенного* для самой технологии [ср.: Ардашкин, Суровцев 2021: 42], то есть имеющего не столько техническое, сколько социокультурное происхождение. Поскольку же целевая установка развития смарт-технологий связана «не просто с человеком, а с фактически достигнутыми способами его замены во многих сферах и ситуациях», постольку именно ценностные аспекты этого развития и аксиологические основания его концептуального анализа крайне важны [Ардашкин, Суровцев 2021: 40] и, более того, необходимы для выработки релевантного отношения человека к современному технологическому прогрессу.

Таким образом, проблема «умных» технологий в своей актуальности и сугубой значимости в плане влияния на само существование человека должна формулироваться и решаться в контексте философско-антрополо-

³⁰ Надо заметить, что английское слово 'smart' означает не столько «умный», сколько «сообразительный», «ловкий», «быстрый», «аккуратный», «свежий», «модный», «престижный». Иначе говоря, «в контексте английского языка обозначение технологий в качестве "smart" не обязательно значит в эквиваленте русского языка "умные"». Таким образом, именование современных технологий «умными» – это «не самый подходящий способ как перевода, так и выражения соответствующего смысла» [Ардашкин, Суровцев 2021: 36–39]. Более того, здесь проясняется чисто лингвистическая причина переживания смарт-технологий (как и «искусственного интеллекта») в качестве опасности, связанной с «заменой» человека.

гического (аксиологического) знания. Это *основа*, фундамент любой гуманитарной экспертизы, в чём бы конкретно она ни заключалась и какой бы стороне проблемы она ни была посвящена. Задача же такой экспертизы может быть определена как «формирование общих ценностных (культурных) и социальных оснований, гармонизирующих взаимодействие технологической и нетехнологической составляющих для облегчения решения стоящих перед человеком и обществом проблем» [Ардашкин, Суровцев 2021: 41–42]. Выяснение того, насколько смарт-технологии противоречат человеческому существованию как таковому и насколько, следовательно, они *опасны*, а также с чем конкретно связаны основные *риски* технологического прогресса – очевидные вопросы, стоящие сегодня перед философией, и прежде всего – перед философией человека.

Как возникает тема риска

Развитие технологий, приводящее к «замещению» и / или «вытеснению» человека, по-новому высвечивает *общую* проблему техники как *антропологической угрозы*. Речь идёт не о том, что техническое устройство как таковое физически угрожает человеку (хотя, конечно, огромное количество людей уже погибло и пострадало от тех или иных механизмов). Более того, прогресс техники обнаруживается как раз в том, что технические устройства становятся не только всё более сложными, но и всё более безопасными для человека. Нет, речь идёт об угрозе *экзистенциального* порядка, то есть об опасности, ожидающей человека (человечество как разумную форму жизни) на пути осуществления самой его способности *быть собой*. Проблема ставится в том ключе, что техника / технология способна полностью вытеснить человека из истории мира. «Исследуя антропологические тренды, – пишет, к примеру, С. С. Хоружий, – мы обнаруживаем, что ведущие, наиболее активные из них радикальны и рискованны, несут в себе высокую степень неопределённости и опасности, а то и прямо направляются к исчезновению Человека. Это характерная и существенная черта современной ситуации» [Хоружий 2016: 135]. Мы должны спросить, так ли это, а если так, то насколько велика угроза?

Прежде всего, вести речь о технике / технологии в категориях угрозы и особенно риска следует более осмотрительно. На первый взгляд бесспорным кажется тезис С. С. Хоружего о том, что риск «становится ведущей, ключевой чертой существования современного общества, и это одно из самых кардинальных отличий нашего времени от “досовременности”» [Хоружий 2016: 136]. Однако тот же Хоружий утверждает: «Где есть свобода человека – там есть и его риск! Где есть ответственность человека, там есть и его риск!» [Хоружий 2016: 137]. Иначе говоря, пока человек существует как свободное и, следовательно, ответственное существо, до тех пор риск неизменно является отличительной особенностью его существования. Свобода и есть риск, связанный с неопределённостью результатов поступка и одновременно готовностью нести персональное возмездие за эти неопределённые результаты [Brännmark, Sahlin 2010: 157]. Но тогда ясно, что именно снижение уровня свободы / ответственности, то есть *тренд на деперсонализацию*, снижает и уровень риска. А это и есть *главный* мотив «современной» цивилизации. Таким образом, сегодня уровень риска не нарастает, а пони-

жается; и именно в понижении, а не в повышении уровня риска и заключается ведущий тренд «современности». И именно этот-то тренд и представляет угрозу полноте человеческого бытия.

Современное общество в своей ведущей тенденции планомерно превращается из «общества риска» [ср.: Диев 2011: 80] в общество безопасности. Самому понятию общества риска уже более чем полвека, и оно давно перестало отвечать господствующему характеру эпохи. И если в 1960-х годах Ульрих Бек справедливо применял этот концепт для фиксации сути происходящего в его время (экологические катастрофы, ядерная гонка, тотальное идеологическое противостояние) [Хоружий 2016: 137], то теперь господствующий вектор – на нейтрализацию любых рисков, в том числе и перечисленных опасностей. Условно говоря, поверх угрожающих факторов складывается глобальная система их нейтрализации [Byskov 2020: 260]. От азартной игры на «горячих» площадках человечество учится переходить к анализу, прогнозу и предупреждению негативных последствий таких игр. Современное постиндустриальное общество (как в своё время общество с плановой экономикой) ориентируется на «модель управления с высоким избеганием неопределённости», то есть с установкой на минимизацию риска; в такой парадигме задача и субъекта, и общества состоит в том, чтобы выбрать решение, при реализации которого риск неудачи был бы сведён к минимуму [Диев 2008: 37–38]. Общество не стало безопасным, угрозы никуда не исчезли (и список их продолжает расширяться), однако обозначился и аксиологически укрепился общий идеологический и прагматический акцент на всемерную элиминацию опасного.

Но, может быть, риск надо связывать не с опасностью самого существования, а с тенденцией нарастания его динамики и, следовательно, всё большей ориентацией человеческого сознания на будущее? Ведь будущее, которое «всегда открыто и неопределённо» [Диев 2011: 80], невозможно детально предсказать, а значит, чем больше мы ориентируемся в своей мысли и деятельности на это неизвестное будущее, тем выше риск непредсказуемых эффектов, в том числе негативных. «Риск относится к будущему, он характеризует наши будущие действия, перспективы и возможности; а современное сознание, в сравнении с “досовременным”, чрезвычайно усиливает свою ориентацию на будущее, обращённость и направленность к будущему» [Хоружий 2016: 137]. Действительно, на уровне массовой риторики, связанной с перспективами развитием общества, будущее занимает всё большее место; но соответствует ли эта риторика реальному положению дел? С одной стороны, сегодня человек располагает не будущим, а лишь его образом; последний же неизбежно конструируется в соответствии с преобладающими тенденциями современности, невольно «подгоняется» под ныне господствующие тренды и моды. С другой стороны, разве в эпоху так называемой «досовременности» человеческое сознание не было футурологическим? Разве религиозное (к примеру, средневековое) сознание не живёт целиком и полностью будущим, не устремлено исключительно в будущее? Безусловно, в этом смысле «досовременное» сознание гораздо более связано с риском, чем так называемое «современное». И поэтому нынешнее, пребывающее в «современности», секуляризованное сознание значительно меньше связано с риском, чем, скажем, традиционное религиозное.

Как видим, ни наличие глобальных угроз, связанных с научно-техническим прогрессом, ни популярная футурологическая риторика, формирующая прагматический дискурс в сфере технологических практик, не могут выступать в качестве аргументов в пользу тезиса о нарастании риска как ведущем тренде современности. Очевидно, что общая ситуация развивается как раз в сторону *снижения* рисков. Всё более последовательно и открыто утверждается стратегическая ставка на предсказуемость. Расцвет бюрократии и превалирование бюрократических сценариев деятельности наиболее ярко выражают названный цивилизационный тренд. Целенаправленное снижение уровня рисков, между тем, наиболее эффективно и быстро обеспечивается не столько за счёт повышения степени технологической безопасности, сколько за счёт сужения веера возможностей. Чем уже набор возможных путей развития ситуации, тем легче обеспечить безопасность этого развития (особенно если заранее выбраны априорно наименее угрожающие варианты). Отсюда возникает и укрепляется технологически обоснованная необходимость редукции человеческих возможностей к ограниченному набору потенциалов. Действительно, ограничение поля действий ведёт к снижению рисков. Но при этом человек (человечество) в перспективе развития данного тренда как будто рискует потерять себя, перестать быть собой. В чём конкретно состоит эта опасность?

Развитие технологий как систем, «облегчающих жизнь», в целом мотивировано установкой на *снижение степени риска*. Но именно человеческое бытие отличается неопределённостью, вариативностью, открытостью. Следовательно, развитие технологий мотивировано в конечном счёте стремлением к отказу от специфики собственно человеческого бытия. Опасность, таким образом, заключается не в технологиях как таковых, а в фундаментальной онтологической установке, лежащей в их основе. Элиминация неопределённости, вариативности, риска, стремление к заранее рассчитанной безопасности противоречит отличительной сути собственно человеческого бытия. И наконец, формулируя конечную цель (τέλος) развития техники / технологии как комплекса систем, обеспечивающих «облегчение жизни»³¹, мы должны признать, что та финальная точка, в которую формально направлен вектор «прогресса», – это человек, который ничем не рискует, который максимально обеспечен в плане безопасности и, следовательно, это *всегда равное себе существо без перспективы*. Цель развития технологий, как видим, – человек, редуцированный к наличному.

Человек есть свободно рискующее существо, чьё существование – всегда неопределённость, вариативность, а следовательно – его собственная возможность. К числу этих возможностей относится и перспектива собственной редукции, как, впрочем, и перспектива её преодоления. Человек должен уметь пройти этап такого упрощения существования, если уж он случился,

---

³¹ Согласно современным томским исследователям, «любые технологии, технику, орудия труда человек разрабатывал с целью “облегчения” собственной трудовой активности в частности и жизнедеятельности в целом. <...> В идеале человек вообще хотел бы создать такую технику и технологии, которые полностью помогли бы ему заменить себя в процессе трудовой деятельности» [Ардашкин, Суровцев 2021: 36]. Ср.: «С точки зрения предельных смыслов любая техника должна как-то улучшать жизнь» [Смирнов 2018: 70].

если уж эта возможность реализовалась. Именно *должен*, но не обязательно пройдёт. Риск *элиминации риска* сохраняет неопределённость человеческого будущего и необязательность наступления пост-технологического уклада, в котором человек попытался бы вернуть себе тот онтологический статус, который он совершенно свободно утратил в погоне за призраком безопасности.

Итак, (1) в современном мире риск не нарастает, а снижается; (2) человеческое существование становится всё менее рискованным, а следовательно, всё более редуцированным, ущербным; (3) редуцирование человеческого бытия и есть подлинная суть технического / технологического прогресса.

Как проясняется понятие риска

Человеческое бытие, согласно персоналистическому пониманию человека, – всегда риск; точно так же и те формы, в которых реализуется личное существование, неизбежно связаны с риском. Вопросы, требующие прояснения в свете современной антропологии личности, состоят в следующем: что мы имеем в виду, когда говорим о риске и рискованности в сфере развития технологий? чем мы здесь рискуем и в какой степени?

Риск, по определению Хоружего, это «потенциальная возможность осуществления некоторой опасности, возможность некоторого дурного события или нежелательного положения вещей» [Хоружий 2016: 136]. Однако это, скорее, описание не риска, а угрожающей неопределённости: риск связан с *действием* и вариативностью его результатов, которые могут оказаться негативными и даже разрушительными для действующего, *имеющего в виду* такую перспективу. А вот неопределённость, заключающую в себе возможную угрозу, как раз и можно было бы определить как «вероятность наступления нежелательного исхода в развитии ситуации» [Диев 2008: 31] безотносительно к решениям и действиям человека. Аффект страха перед грозящей опасностью квалифицируется Спинозой в этом же ключе: «Страх есть непостоянная печаль, происходящая из идеи будущей или прошедшей вещи, относительно которой мы до некоторой степени сомневаемся» [Спиноза 2001: 193]. Описывая последствия развития технологий в категориях опасности и угрозы, мы тем самым оказываемся на позиции детерминизма и развиваем дискурс фатальности, заранее склоняясь к тому, чтобы признать и эти последствия, и сам ход дела чем-то в конечном счёте *неизбежным*, чем-то *случившимся* с человеком помимо его воли. Переводя разговор в контекст, задаваемый понятием риска, мы получаем возможность занять *активную* позицию по отношению к проблеме – позицию субъекта, принимающего решения.

Концепт риска уместен только в *антропологическом* дискурсе, в то время как понятие опасности, связанной с неопределённостью развития событий, вполне может применяться и в чисто натуралистическом рассуждении [см.: Диев 2011: 81–82]. Специфической формой поведения человека является «вменяемое, сознательно программируемое действие (или бездействие)», предполагающее «выработку некоего предварительного плана развития событий и участия в них» [Тульчинский 2020: 336]. Риск – это не просто столкновение с угрожающими обстоятельствами жизни, но ясный признак сознательного, личного *выбора* [Диев 2008: 38]. Рискующий че-

ловек не претерпевает происходящее с ним, но является и участником, и причиной всего этого происходящего. Риск связан с принятием решения и поэтому всегда имеет отношение к так или иначе поступающему субъекту, который не только осуществляет выбор цели и способа действия, но и оценивает вероятность возможных следствий своего решения и связанные с ними потери, «хотя возможный результат в точности ему не известен» [Диев 2011: 85]. Принимая решение, человек осуществляет выбор будущего, «фактически определяя свою судьбу»; он, по словам Г. Л. Тульчинского, «не подчиняется неизбежности обстоятельств, а вырабатывает сознательное решение, т. е. отчётливо представляет себе цели своих действий, их ожидаемый результат и возможные последствия» [Тульчинский 2020: 19]. Таким образом, если мы ведём речь об угрожающей человеку неопределённости развития событий, то мы ещё не имеем его в виду в качестве свободного и ответственного существа. И лишь оперируя концептом риска как «измеримой неопределённости» [Диев 2008: 32] и тем самым вписывая вопрос о возможных угрозах в контекст *принятия решений о самом себе*, мы оказываемся на почве антропологии.

Необходимо уточнить, что неопределённость как таковая предполагает вовсе не одну только опасность, поскольку она подразумевает как неблагоприятный, так и благоприятный исход дела [Диев 2011: 85]. Точно так же и риск имеет отношение не только к вероятности *негативных* последствий, хотя в речи и мышлении его чаще всего связывают именно с возможной неудачей или потерей; для полноты и точности понимания риска необходимо учитывать и то, что он, помимо прочего, есть «деятельность, совершаемая в надежде на успех» [Диев 2008: 32]. У того же Спинозы мы обнаруживаем констатацию этой глубинной и неизбежной связи между надеждой на лучшее и страхом перед худшим. «Надежда, – пишет Спиноза, – есть непостоянная радость, происходящая из идеи вещи будущей или прошедшей, относительно исхода которой мы до некоторой степени сомневаемся» [Спиноза 2001: 192]. Страх и надежду связывает то, что они возможны только *в ситуации неопределённости*. Более того, в свете такой непредсказуемости будущего они выступают как две стороны *одной и той же* аффективной позиции: «Из этих определений следует, что нет надежды без страха и страха без надежды». Пока человек надеется, он «боится, что вещь не случится»; и, наоборот, он до тех пор находится в страхе, пока он «имеет надежду» на то, что угроза не осуществится. Если же в чувстве страха исчезает момент надежды, страх превращается в отчаяние, парализующее всякую деятельность. А вот если из надежды удалить страх, основанный на сомнении в благоприятном исходе дела, она превращается в *безопасность*, то есть в «радость, происходящую из идеи будущей или прошедшей вещи, относительно которой устранена причина сомнения» [Спиноза 2001: 193]. Как видим, уже Спинозе ясно, что для достижения безопасности требуется элиминация неопределённости. Диспозиция надежды / страха, лишившись момента неопределённости, трансформируется в диспозицию уверенной безопасности, то есть *полного отсутствия риска*. И если отчаяние влечёт остановку всякой активности, то безопасность – имитацию деятельности.

Человек в своей экзистенциальной специфике есть деятельное, действующее, а следовательно, и рискованное существо. Собственно челове-

ским типом активности является *поступок* как «произвольное действие», предпринятое «на основе нашего свободного решения, свободного волеизъявления» [Тульчинский 2020: 18]. Одним из ключевых признаков свободного акта представляется как раз неопределённость (или нестрогая определённость) результатов этого акта. Обычно неопределённость понимается как «недостаточность сведений», как «полное или частичное отсутствие информации». Неявной предпосылкой (пресуппозицией) такого понимания неопределённости является уверенность в том, что в случае наличия у человека полноты информации о реальности можно было бы ею управлять, и только наше незнание о *законах* мироздания мешает нам это сделать. Кроме ни на чём не основанной уверенности в *конечности* числа таких законов, недостатком названной установки является отказ от предположения о наличии «объективной неопределённости», проистекающий, в свою очередь, из предпосылки *универсального детерминизма* [Диев 2011: 81]. Поскольку же «объективная неопределённость и случайность» является одной из базовых характеристик сущего [Диев 2011: 82], постольку человек никогда не может располагать точным знанием о последствиях своих актов, и, следовательно, любое человеческое действие совершается в контексте неопределённости, то есть является *рискованным*.

Как видим, действие человека, основанное на его сознательном решении, всегда *объективно* сопряжено с риском – в силу неустранимого признака неопределённости самой реальности, в которой действует человек. Однако важно не упускать из виду и неопределённость самого действующего. Принятие решения производится *субъектом*, который «не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери»; а значит, ситуация риска складывается из двух взаимосвязанных аспектов: объективного, отражающего «неопределённость в среде деятельности субъекта», и субъективного, характеризующего «степень готовности субъекта принимать решения с учётом вида и динамики этой неопределённости» [Диев 2008: 37]. Иначе говоря, способ принятия решения в ситуации объективной неопределённости в каждом конкретном случае зависит от состояния, расположения и мотивации субъекта, принимающего это решение. Если это действительно решение, связанное с существованием, а не тривиальная алгоритмическая операция, то от субъекта требуется формулировка цели и определение способа действия, направленного на её достижение, а также прояснение альтернатив, ресурсов, критериев и эффектов поступка. Является ли эта процедура чисто рациональной? Определённо нет. «Поведение людей определяется их ценностями, потребностями, мировоззрением, волей, установками и другими факторами» [Диев 2011: 83–84], а значит, и «задача оценки субъектом возможных потерь в ситуации риска весьма непростая, поскольку детерминируется культурой, ценностными предпочтениями личности и даже политическим контекстом» [Диев 2008: 37]. Поскольку всякий субъект определяется в своей идентичности той системой ценностей, которую он разделяет, постольку «его поведение в условиях риска определяется именно этой системой, а не одинаковыми для всех логико-методологическими стандартами» [Диев 2011: 88]. Принятие решения – это *волевой* акт, опирающийся на «знания, интересы, мировоззрение человека» [Диев 2008: 38]. Иначе говоря, приходится признать, что

ситуацию риска (то есть человеческой активности в условиях неопределённости) невозможно регулировать с помощью чисто рациональных методов, поскольку личное решение – это не просто мыслительный процесс, но экзистенциальное действие идентичного субъекта.

В свете такого понимания риска как ключевой характеристики *человеческого* способа действия можно утверждать, что, с одной стороны, «нельзя рационально принимать то или иное решение, пока риск не оценён» [Диев 2008: 36], пока рационально не учтены альтернативы, угрозы и последствия этого решения³², но, с другой стороны, сильнейшее влияние на принятие решения (и, следовательно, степень риска) оказывают внерациональные факторы, имеющие для субъекта не меньшую степень значимости. Поэтому-то выглядит весьма привлекательной и эвристически сильной позиция, согласно которой в сфере интерпретации поступка «трактовка логики как науки о получении истинных следствий из истинных посылок должна уступить место более широкой концепции, связанной с введением для практических рассуждений специальных аналогов истинности (и соответственно – ложности) как соответствия, например, идеалам добра, целям субъекта» [Тульчинский 2020: 340], а также базовым ценностям мировоззрения.

Итак, поскольку рискованное действие всегда совершается *в ситуации неопределённости* (рациональной неисчислимости вероятностей), а решение о действии в этой ситуации принимается *субъектом* на основе собственного аналитически-прогностического ресурса (важнейшей составляющей которого являются ценностно-мировоззренческие установки и соответствующий им личный опыт), постольку риск, связанный с последствиями личной активности, никогда не может быть полностью определён, исчислен и спрогнозирован. Рациональный расчёт как форма элиминации неопределённости (достижения безопасности) *невозможен* именно в силу того, что принимаемое человеком решение, лежащее в основе его активности, никогда не может быть чисто рациональным. Следовательно, представление о возможности достижения безопасности путём рационального учёта негативных последствий человеческой активности может сложиться лишь на почве непонимания реальных процессов, составляющих личное существование. Лишь в искажённом, фантастическом, редуцированном, нечеловеческом мире достигим эффект преодоления риска, поскольку именно в таком мире возможен *конечный анализ рационально организованного действия в тотально детерминированной среде*.

Риск и опасность. Мартин Хайдеггер

Тема риска, как уже ясно, – вполне философская тема. К примеру, для Хайдеггера, по мнению С. С. Хоружего, характерно рассмотрение проблемы риска «в её онтологической постановке» [Хоружий 2016: 140], хотя, по признанию самого Хоружего, в философии Хайдеггера «не представлено отдельной самостоятельной концепции риска», и её приходится реконструировать [Хоружий 2016: 139]. Научил ли нас чему-нибудь Мартин Хайдеггер в этой области? Посмотрим. Тема риска (точнее, грозящей человеку опасности)

---

³² Ср.: «Рассудительность – это характеристика действующего субъекта, выражающая его способность сознательно и логично планировать свои действия» [Тульчинский 2020: 337].

возникает у Хайдеггера в связи с изучением феномена *техники* и наиболее последовательно изложена в работе «Вопрос о технике» (*Die Frage nach der Technik*). Это доклад Хайдеггера 18 ноября 1953 г. в Мюнхене, представляющий собой развёрнутую редакцию доклада «Постав», прочитанного им в 1949 году в Бремене. Техника здесь характеризуется и оценивается через ключевой концепт *Gestell* (в переводе В. В. Бибикина: «постав»), указывающий на технику как на то, что имеется в распоряжении [Хоружий 2016: 140]. С помощью названного концепта Хайдеггер стремится показать специфическое отличие техники Нового времени от техники в её изначальном значении: ныне это уже не *τέχνη* и не *ποίησις*, то есть не художественное произведение, не творческий вывод неявного в явное, а *полная редукция реальности к наличному*. Такая концептуальная рамка позволяет поставить вопрос о влиянии технического прогресса не просто на состояние или самочувствие человека, а на сам способ его существования. При этом техника понимается Хайдеггером не в узком «инструментальном» смысле, а с точки зрения человеческого существования в целом – как одна из форм проявления собственно человеческого способа быть.

Исходная диспозиция Хайдеггера такова. Термин «техника» восходит к древнегреческому *τέχνη*, что является обозначением «не только ремесленного мастерства, но также высокого искусства и изящных художеств» [Хайдеггер 1993: 225]. Результат (или продукт) такого искусства – произведение, *das Her-vor-bringen* (Хайдеггер буквально понимает это как *выведение из скрытости в открытость*, выявление). Раньше, говорит Хайдеггер, не только техника в современном значении слова носила название *τέχνη*. «Когда-то словом *τέχνη* называлось и то раскрытие потаённого, которое выводит истину к сиянию явленности (*jenes Entbergen, das die Wahrheit in den Glanz des Scheinenden hervorbringt*)»; вот это-то «про-из-ведение истины в красоту (*das Hervorbringen des Wahren in das Schöne*)» и именовалось словом *τέχνη*; кроме того, этим словом обозначался «и *ποίησις* изящных искусств (*die ποίησις der schönen Künste*)» [Хайдеггер 1993: 237]. Поэтому, говорит Хайдеггер, техника – это «вид раскрытия потаённости» [Хайдеггер 1993: 225], точнее, просто «способ раскрытия», *eine Weise des Entbergens*. Но если это только *один* из многих видов «раскрытия», то суть этого частного вида (способа) может быть прояснена только при ответе на вопрос, в чём состоит суть «раскрытия» (*das Entbergen*) в целом, в общем. А «раскрытие» в целом есть кратчайший способ определения фундаментальной специфики человеческого бытия. Иначе говоря, понять роль техники в нашей жизни мы можем только в контексте понимания самого способа бытия человека. Таким образом, вопрос о следствиях технического прогресса может и должен быть сформулирован в онтологическом – следовательно, антропологическом – ключе.

Если мы понимаем технику (технологию) как частный случай общего способа представленности сущего в человеческом существовании, то мы можем выявить эффекты и следствия её влияния на человека лишь из анализа её сути. Как говорит Хайдеггер, «сущность» техники не обнаруживается в ней как таковой; эта «сущность» (*das Wesen*) не есть «что-то техническое» [Хайдеггер 1993: 221]. Подлинное содержание вопроса о технике проясняется лишь тогда, когда мы рассматриваем технику в контексте бытия, точнее, специально *человеческого* бытия. Последнее же всегда организовано в

нормативном смысле [см.: Аванесов 2013: 11–25], то есть ценностным образом ориентировано. Потеря онтологической (бытийно-антропологической) перспективы делает невозможным понимание сути техники и, более того, делает человека зависимым от неё, подчиняет ей. «В самом злом плену у техники, – утверждает Хайдеггер, – мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространённое, делает нас совершенно слепыми к её существу» [Хайдеггер 1993: 221]. Итак, суть техники открывается в перспективе её *нормативно-онтологического* рассмотрения.

Сама по себе техника, на первый взгляд, – это «средство для достижения целей»; таково *инструментальное* отношение к технике. Названное отношение, тем не менее, содержит в себе определённую нормативную установку: оно выражает стремление «поставить человека в должное отношение к технике», что значит «надлежащим образом управлять техникой как средством» [Хайдеггер 1993: 222]. Но верно ли инструментальное понимание техники и, следовательно, достижима ли цель, которая ставится из её чисто инструментального понимания? Не с этой ли ошибкой связана угроза такого положения дел, когда «техника всё больше грозит вырваться из-под власти человека» [Хайдеггер 1993: 222], когда она угрожает ему?

Понимание техники в инструментальном ключе является безусловно верным, но не несёт в себе полноты постижения, то есть не является *истинным*, не раскрывает феномен техники в его «существо». Просто верное – это ещё не истинное; верное определение техники как инструментального феномена «ещё не раскрывает нам её сущности». Чтобы добраться до сути техники, «мы должны, пробиваясь сквозь верное, искать истинного»; лишь найденная истина «впервые позволяет нам вступить в свободное отношение к тому, что задевает нас самым своим существом» [Хайдеггер 1993: 222]. Другими словами, сама инструментальность техники, будучи эмпирически бесспорной, нуждается в онтологическом прояснении, как всё эмпирическое. Пока мы не выясним истину техники, все её определения, являясь относительно верными, «останутся тёмными и необоснованными» [Хайдеггер 1993: 223], а взаимные отношения техники и человека не получают адекватного истолкования. Как можно прояснить инструментальное отношение к технике? Инструмент есть *средство достижения цели* и, следовательно, он относится к сфере причин и следствий. Причина, если идти от античного смысла αἰτία, есть способ выведения (произведения) вещи из потаённого в непотаённое, из небытия в бытие [Хайдеггер 1993: 222–224]. Реальность же как «открытость потаённого» есть ἀλήθεια, истина. «Итак, техника не простое средство. Техника – вид раскрытия потаённости (eine Weise des Entbergens). Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это – область выведения из потаённости, осуществления истины» [Хайдеггер 1993: 225]. Так представление об инструментальном характере техники приводит, при прояснении этого представления, к пониманию её сути.

В чём же, согласно Хайдеггеру, состоит эта «сущность» *современной* техники? «Существо современной техники являет себя в том, что мы называем по-ставом» [Хайдеггер 1993: 231]. Что имеется в виду под поставом? «Назовём теперь тот захватывающий вызов, который сосредоточивает человека

на поставлении всего, что выходит из потаённости, в качестве состоящего-в-наличии, – *по-ставом* (*das Ge-stell*)» [Хайдеггер 1993: 229]. Постав есть такая парадигма (или модель) осуществления сущего, которая, реализуясь в человеческой практике, «заставляет человека выводить действительное из его потаённости (*das Wirkliche zu entbergen*)³³ способом поставления его как состоящего-в-наличии. По-ставом называется тот способ раскрытия потаённости (*die Weise des Entbergens*), который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим» [Хайдеггер 1993: 229]. Другими словами, современная техника оказывается способом *обналичивания* неявного, тем самым получая не узко техническое (инструментальное), а онтологическое значение. «В по-ставе осуществляется непотаённость (*im Ge-stell ereignet sich die Unverborgenheit*), в виду которой функционирование современной техники раскрывает действительность как состоящую в наличии (*als Bestand*)» [Хайдеггер 1993: 230], как подлежащую учёту и утилитарному распоряжению.

Техника (технология), понимаемая и используемая таким образом, репрезентирует и организует (моделирует, транслирует) специфическое «устройство» человеческой реальности, редуцируя последнюю до тонкого слоя сущего, находящегося в наличии и подлежащего использованию. Постав есть фундаментальная онтологическая установка, выражающая, в конечном счёте, «современный естественнонаучный взгляд на природу как на некоторую систему сил и действий, измеримых количественным, числовым образом»; в этом состоит коренное отличие нынешней «техники» от античной *τέχνη* как «эстетического и гармонического раскрытия-представления того, что изводится из потаённости» [Хоружий 2016: 141]. Современная техника «опирается на точные науки Нового времени», и хотя она тоже представляет собой «раскрытие потаённого», как и *τέχνη*, но «то раскрытие, каким захвачена современная техника, развёртывается не про-из-ведением в смысле *ποίησις*», а продуцирует совершенно нового вида «открытость», которая заставляет всё произведённое «быть в распоряжении» [Хайдеггер 1993: 226–227], наличествовать.

Само по себе создание и применение орудий и инструментов (что обычно понимается под сферой техники в целом) вовсе не обязательно проникнуто такой обналичивающей установкой; последняя «складывается лишь в Новое время, и притом лишь после того, как возникает точное, математическое естествознание» [Хоружий 2016: 141]. По словам Хайдеггера, «поставляющая установка человека (*das bestellende Verhalten des Menschen*) проявляет себя сначала в возникновении точного естествознания Нового времени. Естественнонаучный способ представления *исследует* природу как поддающуюся расчёту систему сил. <...> Физическая теория природы Нового времени приготовила путь прежде всего не технике, а существу современной техники. <...> Физика Нового времени – это ещё не познанный в своих истоках ранний вестник поставы» [Хайдеггер 1993: 230]. В свою очередь, подход к природе как к *исчислимой сумме сил* подготавливает переход к *информационной* модели науки и практики. Теперь, говорит Хайдеггер,

³³ То, что у Хайдеггера значит просто «раскрывать, открывать» (*entbergen*), В. В. Бибихин передаёт усложнённым оборотом «выводить из потаённости» [ср.: Heidegger 2000: 21].

«вся причинность сплющивается до добываемой сложными путями информации об одновременности или взаимоследовании устанавливаемых состояний», что влечёт за собой неизбежный «процесс возрастания условности» [Хайдеггер 1993: 231], в перспективе – процесс *виртуализации* бытия. Это означает не только радикальное смещение ценностного и событийного фокуса человеческой жизни [Смирнов 2018: 71], но и постепенный переход всей активности в «виртуальную топику», которая, таким образом, формирует «тренд Ухода, самоустранения Человека» [Хоружий 2016: 373], его элиминации из реальности.

Так постепенно проясняется «антропологический аспект техники» [Хоружий 2016: 142], связанный и с миссией человека в мире, и с грозящей человеку опасностью. Через анализ современной техники в её сути открывается такое отношение человека к реальности, которое может быть охарактеризовано как «судьба, посылающая человека в историческое бытие» [Хайдеггер 1993: 232]. И это не есть нечто новое для человека, нечто сугубо современное, поскольку он *всегда* «властно захвачен судьбой раскрытия потаённости (*der Entbergung*)», то есть миссией реализации сущего; и техника – лишь один из возможных путей раскрытия, которыми возникает и удерживается в мире «непотаённость того, что есть (*die Unverborgenheit dessen, was ist*)». При этом судьба человека – «никогда не принудительный рок», ибо человек только и делается свободным, то есть самим собой в своём собственном предназначении, когда он «прислушивается к миссии, посылающей его в историческое бытие» [Хайдеггер 1993: 232], когда он, следовательно, определяет себя из своей собственной сути.

Вот здесь и начинается обозначаться опасность, связанная с техникой. Опасна ли для нас, например, машина? Нет, сама по себе машина не опасна, поскольку «с точки зрения состояния-в-наличии она как раз совершенно несамостоятельна; ибо она держится только тем, что поставлена на предоставление поставляемого ею» [Хайдеггер 1993: 227], то есть предназначена *человеком* к исполнению предписанной ей функции. И лишь ошибочное поведение человека по отношению к машине является причиной её вредности для человека. Настоящую же опасность можно заметить в другом. «Угроза человеку идёт даже не от возможного губительного действия машин и технических аппаратов. Подлинная угроза (*Bedrohung*) уже подступила к человеку в самом его существе. Господство по-става грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаённого и услышать голос более ранней истины» [Хайдеггер 1993: 234]. Речь о том, что человек оказывается готовым редуцировать бытие сущего (а значит, и собственное существование) к *чистой наличности*, подлежащей окончательному исчислению и распоряжению³⁴, все остальные измерения бытия оставляя без внимания и без актуализации. И господствующее отношение современного человека к технике / технологии – яркое свидетельство этой готовности к онтологической редукции.

³⁴ Ср.: «Для инженеров и разработчиков здесь нет проблемы. Именно потому, что они рассматривают человека как функциональное устройство, систему с набором функций, выполнение которых можно передать умному техническому устройству. В этом смысле в пределе человек заменим» [Смирнов 2018: 73].

В итоге Мартин Хайдеггер так определяет *главную угрозу*: «Существо техники покоится в поставе (*Das Wesen der Technik beruht im Ge-stell*). Его власть отвечает судьбе исторического бытия (*Sein Walten gehört in das Ge-schick* = Его правление принадлежит судьбе). Последняя всегда посылает человека на тот или иной путь раскрытия потаённости (*Weg des Entbergens* = путь раскрытия), поэтому человек постоянно ходит по краю той возможности – а значит, приближается к тому, – что будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу поставы, всё измеряя его мерой. Тем самым закрывается другая возможность – что человек всё раньше, глубже и изначальнонее будет вникать в существо непотаённого и его непотаённости (*des Unverborgenen und seine Unverborgenheit*), принимая эту требующуюся для её раскрытия принадлежность к ней как своё собственное существо (*sein Wesen*)» [Хайдеггер 1993: 232]. Иначе говоря, редуцируя произведение сущего к его обналичиванию, человек теряет свои *онтологические* возможности. Как следствие, и весь мир теряет свою глубину: «Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаённости, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей-в-наличии» [Хайдеггер 1993: 231] и больше никакой. Человек как *мера всех вещей*, редуцируя свою онтологическую миссию к поставе, начинает угрожать полноте бытия: «Существо техники грозит раскрытию потаённого, грозит той возможностью, что всякое раскрытие сведётся к поставляющему производству (*im Bestellen*) и всё предстанет в голой раскрытости состоящего-в-наличии (*in der Unverborgenheit des Bestandes*)» [Хайдеггер 1993: 237]. Антропологическая редукция ведёт к онтологической деградации сущего.

Вот чему мы должны «ужасаться» – возможности того, что «повсюду утвердится неистовая техническая гонка, пока однажды <...> существо техники не укоренится на месте события истины» [Хайдеггер 1993: 238]. Суть *Gestell* такова, что «бытие в нём отстраняет свою истину в забвение настолько, что делает своё существо неприступным» [Хайдеггер 1993: 255–256]. Ориентируясь на технику как на способ отношения к миру, человек теряет связь с бытием и, следовательно, перестаёт быть человеком. Поэтому *Gestell* «есть опасность как таковая», заключающаяся в том, что «бытие в за-бывании его существа отворачивается от этого существа и тем самым оборачивается против истины своего существа» [Хайдеггер 1993: 255], против полноты и нормы собственной реализации. При этом постав подвергает опасности (*gefährdet*) и человека, и всё то, что может быть лишь благодаря исполнению человеком своей миссии. *Gestell* «посылает человека на путь раскрытия потаённости способом поставления (*in das Entbergen von der Art des Bestellens*)», а где господствует *Bestellen*, там «изгоняется всякая другая возможность раскрытия потаённости (*der Entbergung*)», прежде всего *ποίησις*. Раскрытие сущего как *произведение* редуцируется теперь к функциям «управления, организации и обеспечения всего состоящего в наличии», что не даёт обнаружиться «даже своей собственной основной черте, а именно этому раскрытию как таковому» [Хайдеггер 1993: 233]. Так с господством поставы как *единственного* способа исполнения человеческой миссии «приходит крайняя опасность (*im höchsten Sinne Gefahr*)»: поскольку поставы есть «миссия, сосредоточивающая на добывающе-производящем раскры-

тии сокрытого» (in die herausfordernde Entbergung), постольку его *добыча* – «всё что угодно, только не осуществление» [Хайдеггер 1993: 234–236], не действительность в её полноте и норме. Является ли это обвинением или приговором человеку в век техники? Обвинением, конечно, является, но окончательным приговором – нет.

Вдумываясь в сказанное Хайдеггером, мы можем сформулировать *антропологический* аспект характера современной техники / технологии, отталкиваясь от того тезиса, что техническое отношение к реальности реализуется как принцип *предоставленности в распоряжение*. Дело состоит в том, что Gestell приходит на заранее подготовленную почву. Техника начинает определять образ бытия лишь тогда, когда человек уже сделал себя исчислимым и подверженным инструментальным (организационным) манипуляциям. «Это поставляющее раскрытие всего, – отмечает Хайдеггер, – может осуществляться только в той мере, в какой человек со своей стороны заранее сам уже вовлечён в извлечение природных энергий. Если человек вовлечён в это, поставлен на это, то не принадлежит ли и человек – ещё первоначальнее, чем природа – к существующему-в-наличии? <...> Применяя технику, человек первичнее её участвует в поставляющем производстве как способе раскрытия потаённости» [Хайдеггер 1993: 228]. Именно человек – причина искажения бытийной полноты. Техника вступает в действие лишь тогда, когда сам человек уже стал «техническим», редуцированным к одномерной фактичности, к наличному. Следовательно, чтобы спастись от угрожающей ему деградации, «человек, каким он стал с Нового времени, должен сперва, опомнившись, снова ощутить широту своего сущностного пространства» [Хайдеггер 1993: 254], вернуться к норме бытия.

Возможность такого возвращения лежит в основании осторожного оптимизма Хайдеггера в отношении перспектив современного человека. Техника как Gestell есть *форма* исконной (ursprünglich) миссии человека, содержание которой – раскрытие (das Entbergung) сущего. Миссия человека есть его метафизическая судьба – не принуждающий рок как «неизбежность неотвратимого хода вещей» [Хайдеггер 1993: 232], но собственно человеческое *призвание*. Здесь и коренится начало свободы человека по отношению к технике.

Опасность и надежда. Мартин Хайдеггер

В самом обнаружении постава с его угрозой антропологической редукции можно видеть, согласно Хайдеггеру, и предпосылки, и начала сопротивления этой угрозе. Надежда на самосохранение человека перед лицом техники / технологии утверждается по четырём возможным трекам.

(1) Безусловно, «постав в своём существе – опасность»; но самое опасное в этой опасности состоит в том, что она как таковая не выглядит (не даёт опознать себя) «в качестве опасности». Благодаря такой «скрытости опасности, заслоняемой эффективностью постава», современная человеческая ситуация «снова и снова выступает в таком свете, как если бы техника была инструментом в человеческих руках». В реальности, однако, как мы понимаем, «человеческое существо падает теперь прямо в руки существу техники» [Хайдеггер 1993: 253]. Значит, само опознание и осознание опасности есть уже *начало* её преодоления. «Опасность сама, давая о себе знать

в качестве опасности, есть спасительное. Та опасность, о которой мы говорим, есть спасительное, несёт спасительное из своего потаённо обратимого существа» [Хайдеггер 1993: 255], из самой открываемой нами *извращённости* собственной формы раскрытия сущего.

(2) Сам *вопрос* о технике ставится и решается именно для того, чтобы «подготовить возможность свободного отношения к ней» [Хайдеггер 1993: 221]. А свободным это отношение может быть только в том случае, если в этом отношении для нас сохраняется открытым наше вот-бытие. Именно стремление *продумать* технику в её сути ведёт нас к лучшему пониманию самих себя в нашей *онтологической* перспективе. «Чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному (*die Wege ins Rettende*), тем более вопрошающими мы становимся. Ибо вопрошание есть благочестие мысли» [Хайдеггер 1993: 238]. Только посредством такого благочестия мы способны «охватить техническое в его границах» [Хайдеггер 1993а: 221], а не подчиниться ему. Согласно Хайдеггеру, «по-настоящему открыв себя существу техники, мы неожиданно обнаруживаем, что захвачены освободительной ответственностью» [Хайдеггер 1993: 232] – такой ответственностью за технику, которая позволяет нам принять на себя *вину* за неё. Хайдеггер не зря обращает внимание на то, что изначально (в греческом мышлении) понятие причины выражалось через представление о виновности с оттенком задолженности за эту вину (*das Verschulden*). Если именно мы, а не кто-то другой или что-то другое, *виновны* в сложившейся ситуации, то и ключи к её исправлению или коррекции тоже в наших руках: вина (*αἰτία*) означает ответственность, из ответственности вырастает долг, а ответственность и долг – отличительные признаки *свободы*. Лишь *вменяемый* поступок может быть свободным: «Поступок не только произволен, он – вменяем, является осознанным действием, за которое (вместе с его результатами) ответственна личность» [Тулчинский 2020: 19]. То, причина чего – мы сами, зависит, следовательно, от нас, и поэтому мы свободны по отношению к нему. «Мы всматриваемся в опасность и замечаем рост спасительного» [Хайдеггер 1993: 237]; этот рост идёт от нас самих, *виновных* в техническом прогрессе, *заинтересованных* в нём и берущих на себя *ответственность* за него.

(3) Постав есть только *вид* раскрытия; он, как и другие возможные виды, принадлежит к раскрытию вообще, исходной и наиболее адекватной формой которого является *произведение*, ποιήσις. Спасительным для человека оказывается выяснение частного характера поставы (технического обналичивания сущего) в сравнении с фундаментальным характером *Entbergung* и с принадлежностью человека к этому его исконному «раскрывающему» призванию. «Как раз в по-ставе, который грозит втянуть человека в поставляющее производство как в якобы единственный способ раскрытия потаённого (*einzigste Weise der Entbergung*) и тем толкает человека на риск (*Gefahr*) отказа от своей свободной сущности (*seines freien Wesens*), – утверждает Хайдеггер, – как раз в этой крайней опасности (*äußersten Gefahr*) даёт о себе знать интимнейшая, нерушимая принадлежность человека к осуществлению истины (*in das Gewährende zum Vorschein* = к выводу на первый план) – при условии, что мы со своей стороны начнём обращать внимание на существо техники» [Хайдеггер 1993: 226]. *Gestell* – всего лишь «один из спосо-

бов раскрытия потаённости (des Entbergens)³⁵, – а именно производственно-поставляющий способ (nämlich das herausfordernde). Столь же судьбоносный способ – раскрытие потаённого в производстве (das hervorbringende Entbergen)» [Хайдеггер 1993: 235]. Судьба, предназначение человека – вывод сущего из потаённости как реализация потенциального бытия; но сам этот вывод делится на два вида: «на раскрытие потаённого путями производства и производства (hervorbringende und herausfordernde Entbergen)» [Хайдеггер 1993: 235]. При этом производство первично: «производяще-добывающее раскрытие исторически происходит от раскрытости производства», и потому оно всегда – ущерб, деградация, нечто аксиологически низшее в сравнении с раскрытием как производением. Когда Gestell выходит на первые роли в организации существования, он «роковым образом заслоняет собою ποιησις» [Хайдеггер 1993: 235], наиболее адекватную форму «раскрытия».

Однако неверное (ненормативное) использование позитивной способности не отрицает саму эту способность и, по большому счёту, не вредит ей. Человек не может стать никаким другим существом, кроме того, кто он есть по призванию и статусу: *быть инстанцией реализации бытия сущего как возможности быть каким-либо определённым образом*. Пока же мы смотрим на технику как на «инструмент и орудие» (als Instrument), мы ограничиваем себя исключительно желанием «владеть ею» [Хайдеггер 1993: 236] и тем самым подчиняем себя ей в *этой* её утилитарной функции. Такая аксиологически фундированная позиция принуждает нас видеть высшую ценность в пользе и тем самым наносить ущерб собственному существованию, редуцируя его к эффективности достижения утилитарных целей в пространстве наличного. Но эта ошибка не отрицает, а подтверждает статус человека как *аксиологически* действующего существа. Отсюда вывод: «Получение не тех результатов, на которые люди рассчитывают <...>, не является следствием самих технологий. <...> Результаты, которые получаются в качестве следствия такого их использования, есть проявление неготовности, прежде всего, самих людей, в первую очередь неготовности аксиологической, потому что неспособность придать ценностное измерение любой вещи, технологии, живому существу влечёт соответствующее отношение» [Ардашкин, Суровцев 2021: 40], провальное с точки зрения полноты человеческого существования.

И вот здесь важен тот ценностный *акцент*, который и определяет наше нормативно-онтологическое отношение к инструментальному характеру техники. Если инструментальность (уровень качества решения задач) для нас выступает главным (крайним) критерием техники, то мы ставим себя в позицию подчинения ей, начинаем работать на техническую / технологическую эффективность как высшую цель. Но технология сама по себе не может быть целью, а тем более «предельным смыслом» [Смирнов 2018: 70]. И если мы удерживаем общий аксиологический контекст, в котором инструментальность остаётся на уровне *средства* (то есть всегда имеет цели вне себя), то мы сохраняем свою свободу в отношении техники. Согласно Хайдеггеру, «стоит только задаться вопросом о том, в чём существо инструментальности как вида каузальности, и мы увидим: это существо – в миссии

³⁵ У В. В. Бибихина здесь добавлено: «на который посылает судьба исторического бытия» – слова, отсутствующие в оригинале.

раскрытия потаённого» [Хайдеггер 1993а: 237]. Выше целей, особенно утилитарных, всегда стоит смысл, миссия, ценность, согласно которым и полагается та или иная конкретная цель. «Так существо техники таит в себе <...> возможные ростки спасительного» [Хайдеггер 1993: 236], когда это существо открывается нам в свете нашего призвания как *нормы* бытия.

(4) Наконец, главнейший антропологический промах обнаруживается в том, что техника как бы «даёт человеку вступить в нечто такое, что сам по себе он не может ни изобрести, ни тем более устроить; ибо такой вещи, как человек, являющийся человеком только благодаря самому себе, не существует» [Хайдеггер 1993: 236]. Человек, следовательно, на самом деле не может делегировать технике / технологии то, чем он сам не распоряжается, то есть полностью передать ей самого себя. Неисчислимость, неопределённость человека является для него спасительной. Техническое устройство (или программа) никогда не сможет заменить собой человека, потому что *для самого себя человек никогда не находится в наличии*.

Все эти формы спасительности – прояснение сути дела, понимание свободы / ответственности как собственной вины, нормативный характер Dasein, осознание иллюзии распоряжения собой – выводят к теме риска существования. Не будь риска, случился бы приход опасности, осуществление угрозы; именно тогда технический постав сделался бы *единственным* способом раскрытия сущего, сама единственность которого и является прямой формой отрицания истины бытия. Следствием же актуального господства принципа Gestell выступает «бездумное упорядочение мира», и поэтому-то сегодня «вся бездумная охота на будущее, вычисление его образа путём проекции полуосмысленного настоящего на туманное завтра, пока ещё движется в рамках технически-исчисляющего представления» [Хайдеггер 1993: 258]. Редукция миссии человека к поставу, к обналичиванию всего представляет собой «крайнюю опасность» (die höchste Gefahr) и величайшую угрозу. Если всё сущее сводится к «состоящему в наличии» (Bestand), то и сам человек редуцируется к тому же. Человек начинает думать, что он знает и исчисляет себя точно так же, как он знает и исчисляет сущее, одинаковым образом понимая и всё, и самого себя. Между тем, «на самом деле с самим собой, т. е. со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается» [Хайдеггер 1993: 233]. Существование *нельзя* исчислить. Однако это не причина для побега в виртуальную безопасность, но основание принятия риска как характеристики онтологической миссии. Пока человек исполняет своё призвание, риск неизбежен. Более того, наличие риска есть первый признак осуществления *собственно человеческого* способа быть.

И всё же само понятие риска сообщает нам о лишь *возможной* опасности, то есть о таком ущербе, который нам угрожает вследствие нашей деятельности, но может и не случиться. Принятие риска одновременно означает нашу готовность противостоять будущим угрозам, а не только принять вероятные потери. И как само понятие риска связано по смыслу с характеристикой нашей *активности*, так и формы «работы» с риском расположены в этой же *практической* сфере. Просто человек должен понять, что ему надо противостоять не неопределённости будущего, наступающего вследствие его действий, а угрозе потери самого себя, то есть не риску, а тотальному обналичиванию. Бытие человека *неизбежно* связано с риском;

оно таково по своей сути, по своему устройству. «Миссия раскрытия потаённости как таковая во всех своих видах, а потому с необходимостью, есть *риск* (Gefahr)» [Хайдеггер 1993: 233]. Главная угроза при этом состоит не в том, что человек рискует, а в том, «что человек проглядит непотаённое и перетолкует его» [Хайдеггер 1993: 233], то есть как бы промахнётся не мимо цели, а мимо истины (суть) того, что на самом деле раскрывается в этом раскрытии. Именно то «раскрытие, в ходе которого природа предстаёт как рассчитываемая система сил и воздействий, позволит делать правильные утверждения, но как раз из-за этих успехов упрочится опасность того, что посреди правильного ускользнёт истинное» [Хайдеггер 1993: 233]. В этом и состоит главная угроза человеку. Мы видим, как Мартин Хайдеггер настойчиво обращает внимание именно на указанную опасность и при этом старается удерживать речь о *Bedrohung* (угрозе) в поле *антропологии*, избегая перспективы скатиться в дискурс фатализма: он постоянно говорит об *опасности* как о том, в чём «виновен» сам человек, и о *судьбе* не как о непреодолимом принуждающем факторе, а как о глубинном экзистенциальном *призвании* человека.

Означает ли это, что освобождение человека от власти техники как *Gestell* должно означать уничтожение техники? никоим образом: «Если произойдёт перемена в бытии, что теперь означает – в существе поставы, это никоим образом не приведёт к демонтажу техники, чья суть покоится в поставе. Она не будет ни нарушена, ни тем более разрушена» [Хайдеггер 1993: 253]. Таким образом, проблема техники – это проблема человека, а решение этой проблемы связано не с трансформацией техники, а с трансформацией человеческого самосознания, с приведением его к норме бытия. И нам предстоит не борьба против техники, а сражение за человека.

Заключение

Мы видим, что угроза человеку со стороны техники / технологии состоит не в том, что технический прогресс повышает степень риска для жизни, но как раз в том, что техника элиминирует этот риск, редуцируя существование до уровня стремления к безопасности. Последняя же может быть обеспечена только редукцией человека к информационной модели, то есть (независимо от степени сложности этой модели) к исчислимому и измеримому комплексу данных, подлежащих регистрации, учёту, хранению, трансляции и воспроизведению. Другими словами, эффективность технологии прямо связана с предварительным рациональным упрощением человека, с его «обналичиванием». Однако эта угроза существованию, будучи осознанной, может стать объектом сопротивления, противодействия со стороны человека, способного в своих установках апеллировать не только к эффективности, но и, прежде всего прочего, к смыслу. Требуется всего лишь не допустить трансформации страха в отчаяние, а надежды – в безопасность. До тех пор, пока страх перед возможными угрозами заключает в себе неопределённость и, следовательно, имеет своей оборотной стороной надежду, человек располагает возможностью изменить положение дел.

Тема риска, как правило, возникает при констатации непредсказуемости, «нерассчитываемости» последствий применения технических инноваций. Ясно, что такая непредсказуемость с развитием новых технологий

только возрастает. Но при этом очевидно и то, что изменяются сами понятия *исчислимого* и *исчислимого* в отношении будущих событий: первое перестаёт означать точно и целесообразно рассчитанное управление будущим, а второе уже не означает полную невозможность такого расчёта и управления. И хотя, с одной стороны, с развитием технологий «целесообразность «контекстуализируется» и неопределённость увеличивается», с другой, по справедливому утверждению У. Бека, «убывающая «рассчитываемость» сопровождается растущей «возможностью оценки» побочных последствий; более того, одно *обуславливает* другое» [Бек 2000: 264–265]. Таким образом, возрастающая неопределённость («нерассчитываемость») будущего сопровождается и в известной степени компенсируется растущей возможностью оценки результатов. Учёт этой двойной тенденции позволяет (хотя бы на психологическом уровне) преодолеть «фатализм последствий», присущий научно-технической цивилизации [Бек 2000: 265], и признать очевидную необходимость аксиологической экспертизы в точности не предсказуемых эффектов технологических инноваций.

Всё, что происходит, происходит с человеком. Поэтому «в динамике глобальной реальности определяющую роль играет антропологический уровень»; и поэтому же наше понимание роли *человеческого* измерения реальности должно «отражаться на том, какие риски мы видим в современности и как мы интерпретируем их» [Хоружий 2016: 138]. С обозначенной философской позиции ясно, что так называемые «умные» технологии призваны «в идеале уравнивать технологию с человеком, по крайней мере в конечном результате» [Ардашкин, Суровцев 2021: 36], но эта перспектива реализуется лишь при условии редукции человека к аналитически исчислимому устройству. Перспектива же элиминации человека основана только на предположении о том, что мы можем радикально уменьшить список ресурсов, способностей и функций, присущих человеку; только в этом случае мы получаем уверенность в реализации перспективы *полной* замены человека программой.

Человек, соглашающийся с редукцией существования ради своей безопасности, в итоге «выбирает тренд ухода», то есть «отказывается от бытия» [Смирнов 2018: 73–77]. Значит, человеку сегодня угрожает не истребление другим «видом» (машинами, роботами, программами), а собственный *отказ* от существования в качестве человека, что означает внутреннее согласие «на собственную замену технологиями» [Ардашкин, Суровцев 2021: 36]. В этой связи главная задача современной культуры должна быть связана «с необходимостью выработки концептуальной антропологической альтернативы, противостоящей тренду ухода человека», а решение этой задачи возможно лишь «при отказе от тренда ухода человека в пользу возвращения человеку его собственного бытия» [Смирнов 2018: 77]. Правда, задачу серьёзно осложняет то, что указанная возможность бытийной аннигиляции входит в собственное понятие человека как такового. Во всяком случае, лишь удержание темы современных технологий в поле аксиологически ориентированной философской антропологии поможет нам и осознать глубину проблемы, и постараться отыскать варианты её решения.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ «ЦИФРОВОЙ» АНТРОПОЛОГИИ

С. С. Аванесов³⁶, Е. И. Спешилова³⁷

Современный человек всё более интегрируется в сферу высоких («умных») технологий, делегируя им возрастающее число тех функций и действий, которые совсем недавно считались неотъемлемой прерогативой самого человека как разумного и свободного существа. Благодаря техническому / технологическому прогрессу человек вольно или невольно (но при этом неизбежно и зачастую радикально) трансформирует среду своего обитания и образ своей жизни. Однако человек не всегда понимает (а иногда и вовсе не хочет знать), что при этом происходит с ним самим. Остаётся ли он прежним, становится ли он лучше или хуже, становится ли он вообще кем-то другим? Способность ставить такого рода вопросы позволяет сформировать относительно новый научно-философский дискурс, который можно условно назвать «цифровой» антропологией. Такая дисциплина (а точнее – полидисциплинарная практико-ориентированная исследовательская платформа) могла бы сопровождать человека на его пути к новым высотам технологического прогресса, в известной степени корректируя этот путь.

Чтобы совершать движение по названному пути, необходимо для начала прояснить следующие вопросы: во-первых, какова должна быть концептуальная рамка гуманитарного исследования, направленного на выяснение характера и последствий «цифровой революции»; во-вторых, в чём заключается специфика такого исследования, если оно претендует на статус гуманитарной экспертизы в широком смысле этого понятия; в-третьих, какие антропные (то есть подлежащие антропологическому изучению) контексты развития современных передовых технологий нуждаются в прояснении на первом шаге становления релевантной гуманитарной экспертизы.

Концептуальный каркас исследования

Приступая к долгому и подробному разговору об антропологических аспектах технологической революции, необходимо (хотя бы в приближительном виде) установить базовые, реперные параметры дискурса на эту тему, иначе говоря, сформулировать конвенциональную *тектоническую матрицу* исследования. Ориентация на такие параметры позволит (1) удерживать сосредоточенность на специфическом предметно-тематическом поле и (2) сохранять специфический характер работы с этой предметностью, а именно, такой работы, в которой неразрывно сочетаются *научная методология* и *социальная миссия*.

Прежде всего, разговор о «цифровой» антропологии требует удержания более или менее строгой границы **предметности**, что в нашем случае предполагает фокусировку внимания на, условно говоря, *втором уровне событий*. Это значит, что мы должны рассуждать не о том, что *даёт* человеку то или иное техническое изобретение, а о том, что при этом *происходит* с

³⁶ © Аванесов С. С. 2023

³⁷ © Спешилова Е. И. 2023

самим человеком. В таком ракурсе мы рассматриваем «не технические или маркетинговые качества продукта, а то, как влияет этот продукт при его внедрении в повседневность на идентичность человека» [Смирнов 2018: 75]. Именно в этом заключается специфика предметности нашей – антропологически ориентированной – аналитики технологических инноваций.

Далее, необходимо иметь в виду **структуру** самой предметности наших суждений. Иначе говоря, происходящее с человеком в результате внедрения «умных» технологий, устройств и программ должно быть рассмотрено с разных дисциплинарных позиций, в согласии с тем, что человек испытывает воздействия по разным векторам: психологическому, эстетическому, этическому, физическому и т. д. «Сборка», интеграция этих аспектов может и должна происходить в поле философии человека. Неоднородность предметно-тематической сферы предполагает работу как на уровне отдельных гуманитарных дисциплин (анализ), так и на уровне философской антропологии (синтез). Следовательно, конкретное экспертное заключение по конкретному «цифровому» кейсу должно (в норме) включать два уровня: аналитический и интегральный.

Отсюда следует необходимость постоянной **методологической рефлексии**, обращённой на строение дискурса, определяемое предметностью и соответствующим ей методом исследования. Методология – это всегда «метадискурс», предполагающий перемещение «когнитивного фокуса» с референта на когнитивную модель и обратно [Медведев 2007: 112] с целью удержания *релевантности* суждений о предмете. Конкретный экспертно-аналитический инструментарий должен быть обоснован и оправдан именно методологической рефлексией.

При этом надо понимать, что методологически правильно выстроенный дискурс не является автоматически действующей системой, но находится в распоряжении своего оператора, то есть дискурсивно действующего (рассуждающего, ведущего речь) субъекта. Иначе говоря, «суть методологии как стиля мышления заключается не в потенциальных результатах когнитивного действия, а в особой культуре мышления, в развитии способности исследователя фокусироваться на своих основаниях, т. е. осознавать себя как субъекта когнитивного действия не по результатам познавательного процесса, а через рассмотрение себя в ходе формирования мысли» [Медведев 2007: 112]. Применительно к обсуждаемой тематике это означает, что аналитику (эксперту) потребна перманентная **ауторефлексия**, позволяющая не упускать из виду то, что ведущий речь, во-первых, сам включён в предметную сферу речи, а во-вторых, обладает известной степенью свободы в сфере подбора, коррекции и замены наиболее эффективных (с его точки зрения) методов и методик.

Такая рефлексивная установка предполагает осознанную **ответственность** исследователя за те выводы, которые он производит и публикует. Эта ответственность опирается не только на формальное присутствие учёного в предметно-тематическом поле его работы, но и на личную заинтересованность конкретного исследователя в том, что его *прямо* касается. Все заключения эксперта в области гуманитарной экспертизы цифровых технологий будут иметь непосредственное отношение к нему самому.

Наконец, рассуждение на тему антропологических измерений технологического прогресса представляет собой не столько правильно или непра-

вильно построенный текст или спич, сколько *прямое участие в событиях*. Поэтому всякий такого рода теоретический дискурс должен расцениваться в то же самое время как реальная **прагматика**, как перформативное высказывание, как практическая реализация программы действий, как форма участия в предмете суждения, то есть как такая акция, в которой логос является одновременно и праксисом. Так преодолевается формальная (дурная) дистанция между тем, о чём мы говорим, и самой нашей речью.

Итак, концептуальный каркас исследования в сфере гуманитарного анализа цифровых инноваций задаётся (1) особой предметностью, (2) её структурой, (3) рефлексией методологии, (4) ауторефлексией, (5) осознанной ответственностью исследователя и (6) прагматическим характером дискурса.

Между восторгом и фобией

В отношении влияния «умных» технологий на человеческую жизнь мнения порой расходятся диаметрально: от оптимистического восторга до агрессивного пессимизма. Дело не столько в том, что это влияние понимается по-разному (поскольку оно *действительно* является разным), но, скорее, в том, что по-разному понимается сама человеческая жизнь – в соответствии с широким спектром онтологий: от физической до нормативной. Таким образом, предметная сфера гуманитарного исследования новых технологий оказывается неизбежно связанной с «состоянием умов», точнее, с конструированием и циркуляцией *образов* научно-технического прогресса и его продуктов в общественном сознании. Поэтому, например, «искусственный интеллект» подлежит *гуманитарному* анализу в первую очередь как идея, миф и фобия, то есть в культурно-социальном аспекте, как предмет *антропологии*. В этом плане спор об «искусственном интеллекте» для гуманитария начинается, так сказать, значительно раньше, чем для конструктора или программиста, – не с проблемы его создания и эффективного использования, а с вопроса о том, что мы имеем в виду под этим словосочетанием и корректно ли мы его употребляем.

Такая когнитивная позиция выражает собой, во-первых, способность гуманитария использовать максимально широкий (контекстный) взгляд на те или иные явления цивилизации и, во-вторых, базовую *философскую* установку о том, что гипотетическая «объективная реальность» (если таковая существует) никогда не дана нам вполне, а исследованию подлежат только человеческие формы представления этой реальности и порядок человеческих действий в связи с этими представлениями.

Человек, который обнаруживает себя находящимся «в мире высоких технологий и обмельевшей жизни, в мире сумасшедших скоростей и эмоционального оупления, в мире, жёстко перемальвающим человека бешеной индустрией производства и развлечений» [Блюменкранц 2005: 10], то есть в такой среде обитания, из которой вытеснена личность, – такой человек относится к «умным» технологиям как к однозначной угрозе его существованию. Мы знаем, что «вторжение техники в пространство человеческой реальности, будучи, разумеется, результатом практической деятельности самого человека, воспринималось мыслителями конца девятнадцатого и первой половины двадцатого века как вторжение чего-то *внешнего, бытийно чуждого, т. е. нечеловеческого (или не подлинно человеческого)*» [Мышкин 2015:

32]. Однако в XXI веке пора понять, что сфера человеческой ответственности за происходящее не имеет строгой границы, а если что-то и «вторгается» в жизнь человечества, то только по его собственной инициативе.

Иначе говоря, *с человеком не может случиться ничего нечеловеческого*. Такова его исходная и неизблемая позиция в совокупной реальности, пронизанной антропным принципом. И поскольку инструмент / протез / машина должны рассматриваться как продолжение человеческого тела и никак иначе, постольку, получается, ничего античеловеческого в этих феноменах как таковых не заложено. Они *могут* стать «врагами» человека, но точно в таком же смысле, в каком врагом человека может стать его собственное тело. Ничего принципиально нового эти дополнения и продолжения не прибавляют к исходным опасностям человеческого существования.

Но тело – это *материальное выражение способностей* или, иначе говоря, физически оформленные способности. Человек обладает и нематериальными способностями, не имеющими (как таковые) физического, телесного выражения. И если интеллектуальное исчисление – это такая же человеческая способность, как и все прочие, то и компьютерная программа, следовательно, является лишь её продолжением. И она *может стать* врагом человека, только если её *использовать* именно так. Она – тот самый «третий род сущего», который сам по себе – ни благо, ни зло в терминологии Сократа / Платона; она подлежит тому или иному конкретному применению, и только *способ* её использования превращает её либо в благо, либо в зло.

Как видим, гуманитарная экспертиза требует правильной расстановки акцентов. К числу такого рода важнейших акцентов надо отнести тезис о том, что «главный объект технологических новаций – сам человек» [Смирнов 2018: 70], а не те или иные устройства. Необходимо различать, говоря сократовским языком, *то, для чего*, и *то, ради чего*. Первое – это цель (эффекты), второе – ценность (человек). Воспользуемся методом Сократа, раз уж он опять пришёлся к слову. Для чего человек идёт в аптеку? – для того чтобы туда пойти; для чего человек хочет туда пойти? – чтобы купить лекарство; для чего человек хочет купить лекарство? – для того чтобы его принять; для чего человек хочет его принять? – для того чтобы выздороветь; для чего человеку быть здоровым? – чтобы жить; для чего человеку жить? – для блага, или, другими словами, *ради победы добра над злом*. И так, человек идёт в аптеку, *чтобы* купить себе лекарство и выздороветь, но *ради* победы добра над злом. Деятельность человека всегда аксиологически координирована; такая деятельность и составляет *суть* его существования. Человек теряет присущую именно ему идентичность, если отказывается от ценностного измерения своей практики, предпочитая действовать по целям или, хуже того, по стимулам. Важно понимать, что в свете ставки на чистую технологическую эффективность эта потеря человеческой идентичности выступает как соблазн отказа от излишней сложности в пользу легкой ошутимой утилитарной выгоды.

Любая технологическая разработка является разновидностью *социальной* практики и потому подлежит культурно-антропологической оценке. Отсюда очевидна «необходимость введения в социальную практику института гуманитарной экспертизы, позволяющего оценивать возможные последствия (позитивные и негативные) принимаемых решений для развития личности» [Тульчинский 2008: 39], а также для самого существования

человека. В конечном счёте, определяя степень гуманитарной опасности или, напротив, пользы «умных» технологий, вопрос приходится ставить так: если человек постепенно передаёт часть своих функций машине / программе, то перестаёт ли он быть человеком? или он при этом всё же остаётся человеком, то есть *существом, способным передавать «вовне» часть своих функций?* Человек теряет что-то человеческое, или он просто является существом, *способным терять* нечто существенно важное?

Антропоидная программа: имитация и бизнес

Многие нерешённые проблемы, связанные с социокультурными аспектами разработки и внедрения «умных» технологий, коренятся, как ни парадоксально, не в них самих, а в способе их представления в мышлении и речи.

К примеру, считается очевидным, что технологии и технические устройства в целом повышают степень свободы человека, избавляя его от обязанности совершения многочисленных рутинных действий. Однако очевидно, с другой стороны, что интенсивность человеческой деятельности при этом, наоборот, значительно возрастает, что ведёт к перманентному стрессу. С помощью технологий (как старых, так и новых) человек действительно освобождает себя от многих тяжёлых работ. Однако нельзя оставлять без ответа важнейший вопрос: «для чего он себя высвобождает?» [Смирнов 2018: 71]. Остановившая наше рассуждение на высвобождении времени, которое оказывается в распоряжении современного человека, мы рисуем не всю картину происходящего. Не менее важно, *куда* может быть (и будет) потрачено время, которое высвобождается благодаря «гаджетам», программам и приложениям. Не будет ли оно отдано другим «гаджетам», программам и приложениям? Время человеческой жизни не абстрактно, оно всегда наполнено чем-то конкретным, оно событийно. Поэтому простое увеличение количества свободного времени в каком-то определённом частном случае *само по себе* ещё не означает прирост блага. Более того, мы вправе поставить вопрос ещё конкретнее: а высвобождается ли время на самом деле? Судя по всему, в результате внедрения новых технологий происходит не столько возрастание объёма свободного времени, сколько стремительный рост *возможностей его занять*. В результате мы имеем не высвобождение времени на самообразование, коммуникации и креативные практики, а *уплотнение* времени, рост интенсивности деятельности в единицу времени и, соответственно, увеличение стрессовых нагрузок на психику и человеческий организм в целом.

Другая причина названных *стрессов нарастания интенсивности* связана с ещё одной неточностью выражения. Мы говорим о *переходе* к новым, «цифровым» формам коммуникации в профессиональной сфере, по привычке подразумевая под переходом отказ от одного формата и принятие другого. На самом деле второе происходит, а первое – нет: новый формат внедряется (цифровые документы, электронные каналы передачи и хранения информации и т.п.), а старый продолжает сохраняться (обязательные «твёрдые копии» на бумажных носителях, «ручные» подписи и т.п.). Такое положение дел нельзя объяснить только техническими или финансовыми причинами; эти причины заключаются именно в культурно-антропологических обстоятельствах. По-видимому, с расширением поля применения циф-

ровых технологий нарастает проблема «стыковки», адаптации этих технологий к чисто человеческим режимам существования (правовым, экономическим, социально-коммуникативным, психологическим, этическим); и чем более лавинообразно происходит названное расширение, тем катастрофичнее становится отставание адаптационных процедур от темпов прогресса технологий. Поскольку же реальное положение дел всегда отстаёт от провозглашённой *нормы* цифровизации, постольку это отставание неизбежно влечёт *имитацию* как способ компенсации указанного несоответствия.

Тактика имитации характерна и для иных проблемных полей, возникших вокруг темы внедрения «умных» технологий. Само определение «умный», «интеллектуальный» заставляет ожидать от программы или технологии неких *человеческих* действий и потому может порождать соответствующие фобии. Однако очевидно, что все, так сказать, «антропоморфные» характеристики программных продуктов принадлежат не им самим, а их описаниям. Программа лишь *имитирует* человеческие действия, причём сама эта имитация инициирована не программой, а программистом. Любая технология неизбежно и навсегда остаётся продуктом человеческой деятельности и не может превратиться ни во что другое. Мы можем, однако, сконструировать настолько извращённый дискурс, что в нём всякая имитация будет представлять в роли единственно возможной подлинности. Отсюда ясно, что и один из ключевых вопросов, связанных с технологическим антропоморфизмом, – вопрос об «этике искусственного интеллекта» – должен быть переформулирован: «если ИИ является *имитацией* когнитивных функций, то допустимо ли, чтобы он был *имитацией нравственной рефлексии*?» [Назарова, Каширин 2020: 27]. Во всяком случае, очевидно, что нет и не будет никаких оснований вести речь об этике программы, а не об этике программистов и этике пользователей.

При этом ясно, что имитация человека программой принимается общественным сознанием в качестве подлинного *очеловечивания* программы лишь в том случае, если в этом сознании уже сформированы представления о возможности человека быть программой, то есть быть окончательно исчисленным. Если программа – это конечный алгоритм, то в качестве *замены человека* такая программа может восприниматься только в том случае, если человек уже заранее признан конечным алгоритмом. Программа может заменить собой только программу. Имитация человека программой предполагает предшествующую имитацию человеком *распоряжения самим собой* как конечной системой. Понимание этого момента облегчает борьбу с фобией, связанной с якобы угрожающей перспективой передачи «машине» полного распоряжения человеком: как человек может передать «машине» / программе распоряжение тем, чем он сам *не* распоряжается? Отказ от *предрассудка исчислимости человека* способен предохранить нас от страха перед замещением человека программой.

Для того чтобы имитировать распоряжение собой, человеку надо себя концептуально редуцировать, представить самого себя *наличным*, *подручным*, находящимся в распоряжении. Однако, по удачному выражению М. Хайдеггера, «человек может, конечно, тем или иным способом представлять, описывать и производить те или иные вещи. Но непотаённости (Unverborgenheit), в которой показывает себя или ускользает (zeigt oder entzieht) действительное (das Wirkliche), человек не распоряжается»

[Хайдеггер 1993: 228]. До конца никогда не зная самого себя (в силу своей неустранимой неопределённости), человек может лишь имитировать такое знание; и «очеловеченная» программа, соответственно, способна «заменить» человека лишь в горизонте такой имитации. Вот что, к примеру, утверждает Сергей Ширкин, декан факультета искусственного интеллекта GeekUniversity:

«Нужно понимать, что ИИ, как и любая программа, – это прежде всего код, то есть определённым образом оформленный текст. Этот код нуждается в развитии, обслуживании и совершенствовании. К сожалению, само собой это не происходит, без программиста код не может “ожить”. Поэтому все страхи о всемогуществе ИИ не имеют оснований. Программы создаются под строго определённые задачи, они не обладают чувствами и устремлениями, подобно человеку, они не совершают действий, которые в них не заложил программист. Можно сказать, что в наше время ИИ обладает лишь отдельными навыками человека, хотя и может в быстроте их применения опережать среднестатистического человека. Правда, на выработку каждого такого навыка тратятся многочасовые усилия тысяч программистов. Самое большое, на что пока способен ИИ – автоматизировать некоторые физические и умственные операции, освобождая тем самым людей от рутины. Несёт ли применение ИИ какие-то риски? Скорее, сейчас существует риск не разглядеть возможность применения технологий искусственного интеллекта. Многие компании осознают это и пытаются развиваться сразу в нескольких направлениях в расчёте на то, что какое-то из них может “выстрелить”. Показателен пример интернет-магазинов: сейчас на плаву остались только те, кто осознал необходимость применения ИИ, когда это ещё не было в тренде, хотя вполне можно было “сэкономить” и не приглашать непонятно зачем нужных математиков-программистов»³⁸.

Как видим, по мнению самих практиков «искусственного интеллекта», никакой реальной угрозы «замещения» нет: программа не может победить человека³⁹. Только сам человек может объявить её победителем, а себя сделать побеждённым, то есть *отказаться от себя*. А способность не быть собой – это специфическая суть *собственно человеческого* образа бытия. Так что и в такой возможности развития событий (то есть в прогрессирующем отказе от себя) нельзя увидеть ничего нового, небывалого и революционного. Технологическое развитие продуцирует лишь всё более совершенные *инструменты манипуляции*, которыми пользуются самовоспроизводящаяся бюрократия, агрессивные СМИ и внеморальный бизнес. Эти инструменты используются узко целесообразно, утилитарно, без учёта культурно-аксиологических контекстов, поскольку они ориентированы на плоско понимаемую и, самое главное, *краткосрочную* эффективность. Поэтому решения в названных сферах принимаются, как правило, «в узких корпоративных интересах, без учёта долговременных перспектив и последствий»; однако

---

³⁸ См.: <https://theoryandpractice.ru/posts/17550-что-такое-искусственный-интеллект-ii-opredelenie-ponyatiya-prostyimi-slovami>.

³⁹ Шахматная программа побеждает шахматиста только потому, что программа и человек играют вовсе не в одну игру, а в совершенно разные игры. Для человека это игра на фоне его общего психофизического состояния и в контексте эмоционального восприятия происходящего; для программы это исключительно игра вне всяких контекстов.

настоящая эффективность подобных решений, проектов и программ «не ограничивается экономичностью и результативностью как характеристиками использования средств для достижения поставленных целей. Сами цели, то есть представления о желаемых результатах, могут не только не соответствовать реальным социальным запросам, не решать по существу актуальные проблемы, но даже усугублять их» [Тулчинский 2008: 38]. Развитие технологий с ориентацией на быструю рыночную прибыль способно разрушить ту социальную среду (сообщество вменяемых потребителей), благодаря которой только и возможно извлечение прибыли. Чистый бизнес благодаря цифровым технологиям получает отличную возможность полностью реализоваться и в конечном счёте потерпеть полный крах.

Другая сторона дела состоит в том, что наука (в том числе техническая) всё более отделяется от сферы использования (то есть *социального внедрения*) её достижений. Исследователь продаёт итог своего труда как продукт на рынке. «Учёные фактически изолированы от использования своих результатов; здесь у них отсутствует всякая возможность влияния; это относится к компетенции других. Значит, учёных нельзя и привлечь к ответу за фактические последствия результатов, полученных ими с аналитических позиций» [Бек 2000: 264]. А если дело обстоит так, то единственная для учёных возможность влиять на внедрение их собственных разработок – войти в процесс *с другой стороны*, то есть не через институт науки, а через институт социально ориентированной экспертизы. Если науке позволено перейти свои границы, то это должно происходить именно здесь – в сфере социальной ответственности учёных за результаты своих исследований и разработок.

Это и есть сфера гуманитарной экспертизы технологических инноваций. Внедрение такой экспертизы в инновационно-технологическую практику требует (и будет означать) преодоление идеологии *технократизма*, основанного на *редуцированном понимании человека*, то есть идеологии, сложившейся ещё в эпоху модерна. Высшим мотивом любого действия, предприняемого в русле технологического процесса, должно быть благополучие человека, а не функционирование устройства, программы или системы. Это возможно тогда, когда именно человек будет возвращён на подобающее ему место высшей ценности, определяющей постановку любых технологических целей и достижение любых технических эффектов.

Заключение

Итак, ситуация нашего времени настоятельно требует введения «гуманитарной экспертизы технологических проектов с точки зрения развития с их помощью человеческих качеств» [Смирнов 2018: 75]. Поскольку же реальный человек всегда включён в такую культурную систему, на которой основана его конкретная идентичность, постольку гуманитарная экспертиза должна выстраиваться как оценка проекта и с точки зрения его соответствия человеческому существованию (то есть параметрам личности, свободы / ответственности и т.п.), и с точки зрения его адаптированности к конкретной социальной среде (то есть к ценностям, культурному наследию и т. п.). Пока что признаётся, что вопросы адаптации цифровых технологий «главным образом касаются проблемы внедрения этико-нормативных кри-

териев и механизмов в ИИ на стадиях его разработки и применения», что заставляет концентрировать внимание вокруг технологий как таковых и профессиональной этики их разработчиков и пользователей. А вот «этический анализ ИИ с точки зрения *последствий* его применения <...> пока не предпринят, хотя очевидно, что эта тема – наиболее актуальная для общества, поскольку может повлечь социальные последствия, которые коснутся каждого» [Назарова, Каширин 2020: 25]. Иначе говоря, экспертная деятельность ещё только *должна* распространиться на широкие социокультурные контексты применения технических инноваций.

Гуманитарная экспертиза по своему назначению не является цензурой или фильтром. Такая экспертиза должна стать «встроенной» в сам процесс технологических инноваций, должна быть его составной частью, а не внешней по отношению к нему инстанцией. Другими словами, очевидно, что «гуманитарная экспертиза предполагает выстраивание саморефлексии и самооценки самими разработчиками собственных продуктов, понимание ими самими собственной ситуации изменения» [Смирнов 2018: 75] под воздействием этих продуктов. Такая ауторефлексия может и должна вести ко всё большему пониманию необходимости гуманитарного анализа последствий внедрения инноваций со стороны тех, кто этими инновациями непосредственно занят и увлечён.

Помимо прочего, гуманитарная экспертиза призвана работать с социально-психологическими абберациями, вызванными всё большим участием инновационных технологий и устройств в повседневной жизни человека. «Подлинная оценка той угрозы, которую представляет для нас техника, возможна только если мы не будем ни поклоняться всеведущему и всепроникающему богу Машины, как это делают технократы, ни дрожать в суеверном страхе перед его всепожирающей мощью, к чему проявляют излишнюю склонность поклонники старой романтической поэзии» [Мышкин 2015: 34]. Научившись избегать соблазна машинизации человека [Смирнов 2018: 73], мы точно так же должны научиться избегать «гуманизации» машины / гаджета / программы. Первый шаг в этом направлении – критический пересмотр антропоидной лексики, которой мы пользуемся для именованя технологических феноменов и описания их действия. Поэт может сказать: «Паровоз тяжело дышал»; учёный должен выражаться более корректно.

Наконец, главное, что важно понимать, приступая к гуманитарной (то есть человеческой) экспертизе: не от *строгого* определения человека определяется его ситуация, но от его ситуации постоянно достраивается его *нестрогое* определение. Человек не есть точно определённое сущее, с которым что-то случается в результате воздействия на него извне. Любое такое «внешнее воздействие» может рассматриваться лишь как способ или этап продолжающегося *деятельного* человеческого самоопределения. Иначе говоря, кто такой человек, мы узнаём *только из того, что с ним происходит*. Ибо (см. выше) с человеком не может произойти ничего нечеловеческого.

ЭТИКА И АВТОМАТИКА: НЕГАТИВНЫЙ СЕМИОЗИС КАК ПАРАДИГМА ЦИФРОВИЗАЦИИ

С. С. Аванесов⁴⁰

1

Проблема антропологических аспектов и гуманитарных эффектов технологического прогресса в последние десятилетия закономерно превращается из побочного, случайного и чуть ли не экзотического предмета рассуждения в ключевую, центральную тему исследований и прогнозов в области «цифровизации». И если, так сказать, «изнутри» процесса технологического развития гуманитарная экспертиза инновационных проектов некоторым всё ещё кажется досадным осложнением, тормозящим победный ход этого развития, то с позиции комплексной аналитики, позволяющей видеть вопиющую несамодостаточность любой технологии «самой по себе», указанная экспертиза представляется единственно возможной формой *понимания* происходящего. Если определять технологию как «применение организованного знания для решения практических задач упорядоченными системами людей и машин» [Барбур 2001: 4], то есть обязательно иметь в виду *человеческий* фактор техники, то стремление учитывать социально-гуманитарные контексты технологического прогресса для оценки последнего вовсе не выглядит искусственным или надуманным. А именно такое определение технологии (и техники) представляется максимально *конкретным*, а потому и наиболее корректным.

Другими словами, мы не можем ни сформулировать, ни сформировать адекватное представление о сути и результатах технологического прогресса, если мы пытаемся мыслить его изолированно от той культурной (антропной) среды, в которой он готовится и происходит, которой он «питается» и на которую он оказывает влияние. При этом очевидно, что в настоящее время отношение к социокультурным аспектам стремительного развития и внедрения новых технологий далеко не однозначно. Налицо три позиции, сложившиеся ещё в течение XX века: (1) новые технологии – «полезный источник более высокого уровня жизни, более совершенных коммуникаций, лучшего здоровья»; (2) новые технологии ведут «к отчуждению от природы, к разрушению окружающей среды, к механизации жизни и утрате свободы», то есть к концу человека; (3) любая технологическая революция «неоднозначна, воздействия её различны в зависимости от социального контекста, в котором она создаётся и используется» [Барбур 2001: 3]. Все эти позиции основаны на справедливой точке зрения, согласно которой технологическое развитие невозможно адекватно воспринимать и оценивать в отрыве от его антропологических аспектов, – не только потому, что невозможно мыслить и реализовывать любую технологию вне социокультурного контекста (о чём часто «забывают», как «забывают», к слову, и о том, что все чудеса *софта* возможны только за счёт расходования огромного количества *физических* ресурсов), но и потому, что всякая технология как таковая с необходимостью является социокультурным феноменом.

---

⁴⁰ © Аванесов С. С. 2023

Первые две из трёх названных позиций выражают крайнее (и потому с неизбежностью одностороннее⁴¹) отношение человека к технике / технологии: это либо своеобразная футурологическая эйфория, «прометеевский» энтузиазм, либо тревога манихейского толка, сопровождаемая представлением о технике как о чём-то «дьявольском», когда «мистифицированная машина как бы является носителем рабства и бесчеловечности» [Клеман 2004: 289]. При этом очевидно, что «крайний пессимизм относительно перспектив развития человечества» [Мышкин 2015: 33] – не единственный способ реакции на угрозу деградации человека и дегуманизации среды. Перспектива исчезновения человека может восприниматься и в качестве необходимого этапа глобальной эволюции: «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход и гибель*» [Ницше 1990: 9]. И хотя такая перспектива звучит как *приговор человеку*, тем не менее в одном случае этот приговор сопровождается скорбью, а в другом – воодушевлением.

Максимально взвешенным и адекватным представляется третий вариант оценки технологического прогресса, поскольку именно он наиболее явным образом увязывает технологию с социокультурной конкретикой и позволяет держаться на гарантированной дистанции от восприятия технологии как чего-то «самого по себе» (неважно, представляется она как сама по себе благо или как сама по себе зло). Оценивая технологию в аспекте её гуманитарных измерений, мы должны понимать, что «сама по себе она ни плоха, ни хороша, это просто орудие, применение которого зависит от социального контекста» [Барбур 2001: 20]. Иначе говоря, область технологического развития – от высоких технологий в самом общем смысле до конкретных высокотехнологических устройств – разумнее всего отнести к тому, что ещё в античной философии было определено как «промежуточное» (*μεταξύ*) или «среднее» (*μέσον*), как то само по себе «безразличное» (*ἀδιάφορον*), которое *становится* благом или злом лишь в результате его *употребления* во благо или во зло [ср.: Аванесов 2008: 182–187]. «Благо» или «зло» техники / технологии не присущи ей самой по себе, но представляют собой нечто производное от актов, связанных с её разработкой и внедрением, а именно от (а) человеческой мотивации, (б) социального целеполагания и (в) гуманитарных последствий её применения. Итак, третья позиция позволяет отнести технику / технологию к области «среднего», то есть поместить её в сферу принятия ответственных решений, сферу предпочтения и выбора, иначе говоря, ввести её в собственную предметную область *аксиологии* и, следовательно, в контекст аксиологического дискурса.

Аксиологическое отношение к реальности придаёт последней трансфизическое измерение, помещает её в координаты, задаваемые категориями блага и зла, истинного и ложного, важного и второстепенного, прекрасного и безобразного, должного и недолжного, то есть в координаты *собственно человеческого* опыта. В этом опыте всё «фактическое» может быть трансформировано в «событийное», а всё «естественное» определяется как таковое исключительно из антропной позиции. Техника / технология, которая

⁴¹ В данном случае я не стараюсь утверждать, что односторонний подход к оценке описанной ситуации является априорно ошибочным; речь пока что идёт лишь о том, чтобы выяснить, к каким *прагматическим* последствиям ведёт принятие той или иной *теоретической* позиции в отношении прогресса технологий.

всегда стоит под вопросом, оказывается размещённой в тех же аксиологических координатах, которыми качественно определена специфика собственно человеческого отношения к реальности. В этом случае само *понимание* техники / технологии включает в себе безусловное стремление к полноте учёта её характеристик. Без принятия во внимание аксиологического измерения техники её квалификация всегда оказывается недостаточной и потому ошибочной. Следовательно, полезность техники неопределима из её чисто функциональных (утилитарных) качеств; «оценивая технологию, мы, кроме краткосрочной экономической эффективности, должны думать о справедливости» [Барбур 2001: 12], иначе говоря, признавать технику / технологию законным предметом этики.

Приводит ли использование техники к *моральным* (этически квалифицируемым) эффектам? По-видимому, нельзя не признавать, что многие специфически моральные проблемы радикально снимаются именно вследствие внедрения технических средств автоматизации в сферу социальных взаимодействий. К примеру, в торговле проблему недовесов аннулировали электронные весы; обман сдачей предотвращается безличным расчётом; грубость в общении с клиентом ликвидирована с помощью замены человека роботом или программой. Но означает ли это, что техника делает человека лучше в моральном плане? Отнюдь нет; скорее это свидетельствует не о решении моральных проблем, а о переносе того или иного коммуникативного акта из области этического нормирования в сферу *автоматического* действия / бездействия, как если бы у потенциального убийцы в момент покушения спонтанно наступал полный паралич тела⁴²: заповедь «не убий» потеряла бы свой *этический* характер, то есть перестала бы быть моральной нормой.

Это означает, что в сфере технологизации (автоматизации, «цифровизации») антропных практик моральная проблема снимается не иначе как через *деперсонализацию социального отношения*. Обнаружение этого тренда, состоящего в переходе от этики к автоматике, заставляет ставить радикальный вопрос: можно ли планировать решение *всех* моральных проблем человечества и не равнозначно ли полагание такой цели принятию установки на *тотальную* деперсонализацию коммуникативной сферы?

Существуют лишь два способа организации человеческой активности: (1) регуляция поведения и (2) ориентация поступка. Только второй способ имеет непосредственное отношение к этике, предполагая сознательное следование ответственного субъекта тем правилам, нормам и ценностям, которые он сам свободно признаёт таковыми. Регуляция поведения не предполагает ни свободы, ни субъектности; здесь высшей формой организации активности оказывается автоматизм, при господстве которого «отношения между людьми становятся объективированными и механическими» [Барбур 2001: 13], зато точными и предсказуемыми. Вопрос состоит в том, все ли *человеческие* действия можно сделать автоматическими? Где *граница* деэтизации поступка, за которой он превращается в стандартно регулируе-

---

⁴² Примерно такой способ блокировки деструктивного действия предполагает Александр Нариньяни, когда прогнозирует, что сигнал, направленный к мозгу извне, будет использоваться «для коррекции психики eНото» (то есть «цифрового» человека), в частности, для «ограничения агрессии» [Нариньяни 2008: 8].

мое поведение? Где и когда, иначе говоря, наступает конец этики⁴³, а с ним и конец человека как морального субъекта? В *этом* заключается главная проблема так называемой «этики искусственного интеллекта». Вопрос не в том, как подогнать «ИИ» под этическую систему организации человеческой активности; вопрос в том, *актуальна ли* такая система в сфере действия «ИИ», то есть в тех режимах социальной практики, где место этики занимает автоматика. И самое главное: что происходит или должно произойти с человеком, если он соглашается на эту замену?

2

«Программирование» социальных практик опирается на ряд базовых постулатов, которые, как правило, находятся вне зоны видимости и потому вне сферы внимания самих «программистов». Эти неявные пресуппозиции являются целиком антропологическими, определяющими собой *действительные* (то есть культурно значимые) возможности, параметры и результаты «цифровизации». Иначе говоря, сама идеология «цифровизации» антропных практик опирается на вполне конкретную антропологию [ср.: Аванесов, Спешилова 2021]. Какие же базисные представления о человеке безусловно коррелируют с этой идеологией? Во-первых, человек есть существо, тождественное самому себе, то есть существо *конечное* в полном смысле слова. Человек – это монада, атом, не имеющий продолжения ни в пространстве (физическом, социальном или в трансфизическом), ни во времени. Отсюда, во-вторых, полагается *исчислимость* человека, ибо исчислить можно только конечное (самотождественное) существо. В-третьих, управлять исчисленными человеческими монадами удобнее всего путём их *унификации*, достижимой за счёт редукции человеческого существования к уровню «усреднённого human being» [Нариньяни, 2008: 3], то есть за счёт приведения людей к единой для всех количественной мере [см.: Аванесов 2016а: 282–286]. Наконец, в-четвёртых, такая унификация монад переводит их в статус пассивных *элементов* общего процесса, к управлению которым они не имеют никакого отношения.

Итак, замыкание в самодостаточности (атомизация), исчислимость, усреднение, подчинение тотализирующему потоку бытия – вот те характеристики человека, которые являются необходимыми условиями его успешной «цифровизации». Иначе говоря, внедрение цифровых устройств и систем предполагает, что для их успешного функционирования человек должен вести себя как существо конечное, исчислимое, унифицированное и подчинённое целому. Живые существа иного типа не вписываются в этот план и с неизбежностью маргинализируются, превращаются, по выражению Бодрийяра, в «отбросы» цивилизации [Бодрийяр 2006а: 437]⁴⁴. По прогнозу того же Бодрийяра, в ближайшем будущем «рядом с информационными артериями образуются информационные пустыни, возникнет своего рода информационный четвёртый мир – убежище всех изгоев, всех тех, кого от-

⁴³ Ср.: «Виртуализация этики – это неизбежный аспект виртуализации человека, и углубление виртуализации ведёт ко всё более полной деэтизации» [Хоружий 2016: 406].

⁴⁴ У Мишеля де Серто возникновение человеческих «отходов» объясняется как неизбежный результат сложной рационально-контролирующей деятельности [Серто 2008: 26].

вергли средства массовой информации. К нему добавится интеллектуальная пустыня, населенная мозгами, оставшимися без работы по причине предельной усложнённости самих информационных сетей» [Бодрийяр 2006а: 438]. Таковы неизбежные социальные последствия «цифровизации» культуры; но чтобы эти последствия наступили, требуется запустить сам процесс «цифровизации»; запуск же происходит тогда, когда (явно или неявно) уже принята установка на деперсонализацию человека.

Однако является ли такая внутренняя антропологическая установка эксклюзивным признаком нашего времени? Связана ли она исключительно с развитием нынешних передовых технологий? От ответа на этот вопрос зависит то, как мы будем выстраивать рефлексию этого явления и его последствий: либо путём конструирования новой, небывалой концепции нового, небывалого человека, либо путём обращения к накопленному культурой опыту моделирования и практического испытания такого рода экзистенциальных ситуаций. Во всяком случае, даже с точки зрения простой продуктивности, мы будем иметь основания заниматься конструированием новых концепций деперсонализации лишь тогда, когда ознакомимся с уже имеющимися или убедимся, что в коллективном опыте человечества таковых нет.

Если механизация жизненных процессов вполне коррелирует с концептом человека-машины, то «цифровизация» требует, образно выражаясь, более «тонкого», но и более радикального способа антропологической редукции. В истории человеческой мысли было много попыток теоретического редуцирования человека – к субстанции, мировому духу, биологическому виду, социальному классу. Однако известны (и до сих пор актуальны) такие формы экзистенциальной аналитики, которые гораздо точнее ориентированы на перечисленные характеристики «еНото» – «цифрового» человека, или, выражаясь более традиционно, *человека исчислимого*. Наиболее развитая и логически завершённая концепция такого человека сформулирована в буддизме, точнее – в буддийских философских школах, особенно в вайбхашике. Именно буддийская антропологическая парадигма вольно или невольно актуализируется в нарративах, описывающих то, что происходит с человеком и его миром в ходе современного технологического прогресса. Постараемся рассмотреть аргументы в пользу правильности данного утверждения.

Во-первых, чем выше уровень развития технологий, тем дальше человек от полноты жизни как коммуникации с реальностью. На этом пути постепенно происходит *капсулизация жизненного мира*. Человек привыкает обитать в замкнутом пространстве, «личном информационном коконе» [Нариньяни 2008: 8], куда ему доставляют впечатления о чём угодно и куда подводят любые удобства, средства существования и рабочие инструменты. Технологически оснащённый человек оказывается в ситуации обеспеченности и самодостаточности, стремящейся к изоляции; но переживается это состояние не как отрыв от мира, а как «вбирание» мира в пространство частной жизни. Глобальная коммуникационная сеть стирает разницу между индивидом и миром, уравнивая их масштаб и обеспечивая доступ (виртуальный, конечно) к любому ресурсу и к любой точке земного шара. Такое *интроспективное* переживание мира типически совпадает с концептом буддийской сантаны – потока опыта (обычно неверно называют это «потоком сознания», хотя сознание представляет собой только часть потока, притом

приговорённую к уничтожению). Логическим же *результатом* капсулизации индивида необходимо является тот самый «солипсизм в конце туннеля» [Нариньяни 2008: 4], к которому, как это показал буддизм, с необходимостью ведёт «оцифровка» личного существования и который находит себе закономерный выход в тотальной аннигиляции.

Во-вторых, новые технологии создают для человека виртуальную среду, в которой он и получает иллюзорный статус обладателя мира. Симуляция обладания замещает собой коммуникацию с реальным миром; дабы это замещение произошло, виртуальный опыт должен стать неотличимым от реального. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «в виртуальном уже нет ценности – здесь царствует простая информативность, просчитываемость, исчислимость, отменяющая любые эффекты реального» [Бодрийяр 2006в: 31]. В результате цифровизации жизни «способность отличать настоящую реальность от виртуальной исчезает полностью» [Нариньяни 2008: 16], что и является ключевой установкой буддизма.

В-третьих, цифровые технологии заставляют человека вступать в такое отношение к технике, «когда требуется понимание пользователя “на лету” часто даже лучше, чем он понимает себя сам» [Нариньяни 2008: 5]; иначе говоря, требуется уже не понимание самого себя как такового, а интуитивная подстройка психики и моторики под программу (гаджет). Так теряется за ненужностью реальность собственного существования, которую подменяет *унифицирующая* квази-реальность «матрицы». Практика элиминации субъекта, его самоотречения в пользу безличной и даже прямо античеловеческой программы убедительнее всего разработана и аргументирована в буддизме.

В-четвёртых, буддийское миропонимание проявляет себя, когда мы наблюдаем дискурсивный (речевой) перенос действия и даже самого «источника» действия внутрь *потока* реальности, состоящего из неких *элементов*. К примеру, мы можем прочесть о том, что «отдельные технологии образуют взаимосвязанную систему – единую самоподдерживающуюся сеть, которая живёт собственной жизнью» [Барбур 2001: 13], а также о том, что необходимость совершенствования «искусственного интеллекта» обусловлена «растущим потоком всякой е-техники: множась и эволюционируя, элементы этого потока отчаянно борются за своё право на жизнь» [Нариньяни 2008: 5]. Особенно точен Бодрийяр, указывающий на то, что «повсюду существует замена реальности “неореальностью”, целиком произведённой исходя из комбинации элементов кода», и что, следовательно, «на всём пространстве повседневной жизни существует огромный *процесс симуляции*» [Бодрийяр 2006б: 164]. Всё это уже чисто буддийский дискурс в терминах дхармы и сантаны.

В-пятых, парадигма «исчисления» человеческого сознания является основанием для различных современных проектов достижения «бессмертия». Все эти проекты основаны на тезисе о том, что личность тождественна конечному объёму своего сознания, «носителем» которого при жизни выступает тело, а после жизни может стать техническое устройство. Таким образом, речь о «бессмертии» человека в контексте цифровизации возможна лишь при том условии, что «душа» понимается как некий огромный, но в конечном счёте исчисляемый объём информации, случайным (и потому легко заме-

нимым) носителем которой является тело [ср.: Нариньяни 2008: 14–15] – некая экзистенциальная переменная. Нумерология сознания, будучи принятой в качестве эпистемической рамки, легитимирует дискурс реинкарнации, который, в свою очередь, актуализирует буддийские концепты нулевого значения тела и конечности содержания индивидуального сознания.

Наконец, самое важное. Виртуализация человеческого существования заключается прежде всего в том, что дискредитируется и опустошается его семиотическая составляющая, которая как раз и призвана обеспечивать *коммуникативный* характер этого существования. Знаки (точнее говоря, то, что всегда функционировало в качестве знаков) перестают обозначать нечто внезапное и становятся непроницаемыми самодостаточными феноменами, не обозначающими ничего иного. Информация превращается из посредствующего звена между «внутренним» и «внешним» в поток дискретных эстетических возбудителей. Атомизированный человек теряет выход к чему бы то ни было реальному и перестаёт в нём нуждаться. Вместо сути человек получает в своё распоряжение лишь презентацию. Теперь «важным становится не качество продукта, а степень его новизны» [Нариньяни 2008: 17], не содержание услуги, а её «подача». На первый план в оценке эффективности выходят количественные показатели (та самая «нумерология»): потраченное время и «освоенные» денежные средства. В области медиа теперь имеет значение не скорость и объём доведённой до реципиентов информации (то есть сообщений о реальных событиях), а количество «информационных поводов» и число их потребителей. В сфере здравоохранения решающим показателем выступает не реальная эффективность деятельности по переводу пациентов от состояния болезни к состоянию здоровья, а количество приёмов (то есть записей в системе медицинского страхования). Происходит явный перенос акцента на означаемое при почти полном равнодушии к означаемому, которого, в принципе, может и не быть вовсе. То, что было культурой, в катастрофических масштабах производит *презентации*, наложенные на *пустоту*. Семантика обращается в свою противоположность, в анти-семантику. Человек постепенно погружает себя в обстановку господства количественного формализма и перманентной имитативности, становится обитателем *иллюзорного* мира. Это мир буддиста, растворившего себя в потоке симулякров, лишь *имитирующих* знаки.

Итак, интерпретировать суть происходящего с человеком в эпоху его «цифровизации» посредством концептуального аппарата буддийской философской антропологии нам позволяют следующие характерные черты, присущие современной антропной ситуации: (1) капсулизация существования, (2) виртуализация жизненного мира, (3) унифицирующая адаптация, (4) процессуально-атомарный анализ, (5) нулевая степень телесности, (6) негативный семиозис.

Нынешняя глобализация жизненного пространства сообщает любой локальной традиции потенциал универсальной актуальности. Нет ничего удивительного в том, что та или иная доктрина или концепция, на первый взгляд ограниченная в пространстве и времени, *может* оказаться ключом к пониманию определённых глобальных тенденций. Между тем, буддизм в его целом – далеко не маргинальная линия развития человеческого опыта самопознания, а буддийская культура – «органичная составляющая ев-

разийского духовного пространства» [Островская, Рудой 1994: 3]. Именно в буддизме наиболее последовательно проведён эксперимент по достижению полной автономизации и капсулизации человека, до конца продумана логика развития негативной антропологии. Поэтому-то вайбхашика с её нумеризмом или мадхьямика с её иллюзионизмом могут многое объяснить в *современном* глобальном человеке, всё более приобретающем черты героя буддийских нарративов.

К АНТРОПОЛОГИИ ГРАНИЦЫ: ОКРУЖЕНИЕ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ

С. С. Аванесов⁴⁵

1

Время, которое ставит перед человеком вопрос о собственно человеческой идентичности, которое заставляет его вопрошать о его собственной перспективе перед лицом небывалого прогресса техники, которое вызывает в нём как минимум тревогу за своё сохранение, – это время может стать эпохой *тотальной антропологии*.

Уйдя, казалось бы, так далеко от себя в ходе своей экспансии вовне, человек именно сейчас получает повод вспомнить о себе самом. Этот повод зачастую носит характер шока, вызванного перспективой (реальной или мнимой) покинуть сцену истории, что было бы равносильно окончанию истории как таковой. Без человека нет *истории* мира, как нет и самого мира. Угроза крушения мира по причине его возможной (и уже, видимо, близкой) безлюдности заставляет вести речь о его спасительной *гуманизации*. А такая речь может выстраиваться лишь в категориях принятия экзистенциальной ответственности за этот мир. Человек ещё способен вернуть себя миру, и только тогда он сможет вернуть мир себе.

Взаимоопределение человека и мира – не что-то новое, что следовало бы «прибавить» к реальности. Гуманизация мира – это не навязывание космосу чего-то сверх того, что он есть как таковой, но *проявление его сути*, на время ушедшей из поля зрения человека. Ни один обитатель этого мира, кроме человека, не обитает *в мире*. Никто, кроме человека, не знает о мире и не называет его так. Мир как таковой не может сохраниться, если он потеряет человека и тем самым утратит свою *человеческую* природу. Чтобы мир был, нужна точка его сборки – человек. Лишь в шестой день творения мир становится миром – благодаря тому, что в нём появляется человек как его завершение и его условие. Мир произведен от человека, он имеет *гуманитарную* природу.

Однако *между* миром и человеком издавна поставлена техника, которая выступает, с одной стороны, как инструментарий воздействия человека на мир, с другой стороны, как способ прилаживания человека к физическим принципам существования, адаптироваться к которым напрямую, без посредников, человек не может. Само наличие техники как бы фиксирует различие между человеком и миром, закрепляет это различие и заставляет принимать его в качестве фундаментального и однозначного факта. Такова онтологическая роль техники в расколе человеческого жизненного мира; преодолеть этот раскол можно только на пути критики аксиомы о человеке, отделённом от мира, и мире, отделённом от человека. Тогда и техника получит своё законное место в общей картине мира.

Пока же, как и многое в современной действительности, техника / технология реализуется в своей *неподлинной* форме. Извращённый характер

---

⁴⁵ © Аванесов С. С. 2023

техники обусловлен её дегуманизацией. Жан Бодрийяр справедливо указывает на следующий факт: в нынешнем мире пост-ценности, в расчеловеченном мире даже «интеллектуальное пространство собственного мнения» теряет своё значение и подвергается уничтожению. И вот в чём причина: «Когда техника делает доступным всё, что угодно, я уже не могу решить, что полезно, а что бесполезно; пребывая в недифференцированном мире, я не в состоянии решить, что прекрасно, а что безобразно, что хорошо, а что плохо, что оригинально, а что нет. <...> В ситуации невозможности принять какое-либо решение любой предмет делается плохим, и единственной защитой становится противореакция, неприятие и отвращение», то есть *тотальное отрицание*. Когда человеком овладевает поток информации о доступном, в котором он уже не может различать позитивное и негативное, высокое и низкое, важное и неважное, тогда для него всё становится *одинаково чуждым*. Человек, «замыкаясь на себя и десоциализируясь», теряя своё *продолжение* в обществе, самоопределяется лишь «в негативности», то есть в отрицании всего – и себя в том числе. Он ищет или изобретает такие «формы неприятия», которые дают возможность в конечном счёте «избавляться от нас самих и нашей энергии каким угодно способом». И это, как говорит Бодрийяр, – «новая форма экзорцизма с магической коннотацией, экзорцизма, направленного на себя, на других, на Другого» [Бодрийяр 2006а: 442–443]. Однако при этом мы должны понимать, что техника – это не то, чему мы можем вменить ответственность за такое положение дел. Чтобы техника / технология приводила к описанным результатам, требуется лишь одно, но исключительное условие: надо, чтобы *человек* прямо или косвенно санкционировал такие последствия технического прогресса.

Поскольку в своём неподлинном положении техника стоит *между* человеком и миром, поскольку она в этом положении расчеловечивает человека, постольку негативная установка в отношении техники зачастую сопровождается отречением и от всего «современного мира» [Клеман 2004: 289]. Если культура больше не проникает в природу, а природа больше не определяется культурой (поскольку между ними стоит непреодолимый барьер техники), то исчезает единственная основа слаженности мира и приближается его распад. Такой финал невозможно отсрочить или отменить с помощью редукции культуры к физической природе либо физической природы к содержанию человеческого сознания: оба пути ведут к деградации системы «мир–культура», которая держится лишь за счёт человека. Первый вид упрощения отменяет всё культурное, изгоняет всё персональное, деконструирует этику и аксиологию, то есть требует экзистенциального самоустранения человека (при сохранении его физического тела). Это путь к провалу человека в чистую стихийность инстинктивного бытия за счёт очищения его Id от культуры и, следовательно, от персональности. Второй вид упрощения обращает материальный мир в иллюзию, отнимает у человека чувство ответственности за космос как его собственный дом, превращает социальность в пустой звук и, таким образом, деконструирует этику и аксиологию, то есть ведёт к тем же последствиям. Это очередной способ достижения нирваны – безразличия, ставшего тотальным.

Амбивалентный характер техники состоит в том, что она может восприниматься и, соответственно, использоваться для реализации как перво-

го, так и второго сценария. Она, особенно на этапе «цифровизации», может быть понята и как, с одной стороны, форма насильственной адаптации человека к «естественному» порядку, не осложнённого никакими сингулярностями и трансценденциями, и как, с другой стороны, средство покорения природы, безответственного распоряжения естественной средой. Чтобы не происходило ни того, ни другого, необходимо вернуть технике её собственную суть, то есть вернуть ей *человеческий* характер. Спасая технику от не-собственного, неподлинного способа бытия, человек спасает свой собственный, человеческий способ существования, в котором техника призвана не удваивать реальность, а сообщать ей интегральное, не-дуальное, не требующее редукции единство. Для того, чтобы это произошло, физический мир должен приобрести статус человеческого тела, индивид и общество должны обоюдно утратить всякие предпосылки для противопоставления друг другу, а человек должен уметь видеть в любом техническом устройстве продолжение себя самого, а не «противоестественное» приложение к себе. Иначе говоря, должна быть изжита сама *граница*, на которой может быть поставлена техника или технология. Это не требует никакого вмешательства в реальность, поскольку как раз-таки в реальности этой границы *нет*. Современному человеку достаточно об этом вспомнить.

У человека нет границы ни в жизни, ни в определении. Человек как таковой – это всегда «человек плюс»: и в биологическом, и в социальном, и в технологическом и в онтологическом смысле. Индивидуальное человеческое тело – это огромная колония различных организмов, состав которой постоянно меняется. Будучи социальным существом, человек всегда является не только носителем собственных признаков, но ещё и «облаком» характеристик, порождённых общественным мнением о нём. Наше время, если использовать выражение Анри Лефевра, – это «эра киберантропа» [см. Клеман 2004: 289]; но человек всегда был *технически* больше самого себя, отличаясь от животного умением целесообразно изготавливать орудия труда – свои «дополнительные органы». Наконец, онтологически человек представляет собой такое существо, которое способно заступать за свои природные пределы, существо без сущности, сбывающееся лишь в экзистенциальном общении с Другим.

Такая недоопределённость и трансграничность человека позволяют ему свободно сопрягать в своей *реальной* жизни рациональное с иррациональным, алгебру с поэзией, знание с верой, материальное с духовным, целостность с полнотой. Реальность *человека+* закономерно является *реальностью+*, в которой находится место виртуальному и принимается его несомненная ценность. Никакой адронный коллаيدر в деле воспитания человека не сможет сравниться с Бабой Ягой или Змеем Горынычем, а «звёздное небо надо мной» – явление гораздо более виртуальное, чем «нравственный закон во мне»: эта прекрасная ночная картина ничуть не соответствует синхронному положению дел во вселенной.

Исходя из того, что настоящий (не выдуманный теоретиками) человек – это всегда *человек+*, мы должны признать, что всякая попытка вести речь о человеке *самом по себе*, о человеке как о существе, окончательно определённом и строго отграниченном от всего иного в мире, представляет собой *псевдонаучный дискурс*. Такой фантастический, нереальный человек –

это на самом деле «человек минус», это такой антропологический концепт, которому нет соответствия в антропной реальности. Задача антропологии сегодня состоит в том, чтобы поменять фантастическую оптику на релевантную [см.: Аванесов 2017] и тем самым ликвидировать, как сказал бы Конфуций, *искривление имён*, которое чревато катастрофой мира.

Что касается техники / технологии, то её гуманизация (окультуривание) может происходить разными путями и с различной интенсивностью. Как минимум, технология должна начать опираться на длинное плечо культуры, а не на короткое плечо «эффективности» (тем более, что зачастую это эффективность производства, а не эффективность потребления). Технологический прогресс нуждается в учёте гуманитарных контекстов – в конечном счёте для того, чтобы развитие техники / технологии не привело к регрессу культуры и деградации человека. Примитивно понимаемая технологичность (то есть *удобство* массового производства), оторванная от гуманитарного знания и даже просто невнимательная к реальному человеку, зачастую оборачивается принудительным приучением потребителя к *неудобному* (окна без форточек, дверные ручки офисного типа, пластиковая посуда, мебель из опилок и т. п.). Чтобы такого отрыва техники от человека не происходило, надо вернуть технику в культуру, помещая всякое техническое / технологическое новшество в координаты, задаваемые, с одной стороны, его историко-антропологической ретроспективой, с другой – его краткосрочными и долгосрочными социокультурными эффектами. Соотношение культуры и технологии – ключевой вопрос выживания как первой, так и второй.

Удержание культурно-антропологического контекста технологического развития – признак сохранения онтологической идентичности человека. Дело за малым: творцы и организаторы технического прогресса должны *вспомнить* самих себя.

2

И учёный, и технолог, и программист, и менеджер, и бизнесмен – в первую очередь (равно как и в последнюю) – люди. Им приходится (или когда-нибудь придётся) действовать по-человечески, то есть лично: ответственно и свободно. Действующий человек – существо моральное, опирающееся в своих поступках на этическую программу. И хотя само слово «программа» сегодня перестаёт обозначать личный *экзистенциальный проект* и превращается в наименование безличного алгоритма, этика не может исчезнуть из жизни человека, пока он человек. И это именно он, а не «искусственный интеллект», должен руководствоваться моральными соображениями, ориентирами и правилами, в том числе при осуществлении своих профессиональных действий технического / технологического характера. Мораль – это в точном смысле «*Menschliches*», но при этом не «*Allzumenschliches*», а человеческое в самом точном, прямом и исключительном смысле. Термин «этика», следовательно, не может применяться к нечеловеческим феноменам, таким как компьютерная программа или цифровой алгоритм; бессмысленно вести дискуссии об этике искусственного интеллекта, разве что это уместно в сфере исследования языковых оксюморонов. Гуманитаризация техники / технологии не имеет ничего общего с её мистификацией.

Но если этика – это прескриптивная дисциплина, то она не может существовать без своего *аксиологического* обоснования. Моральный императив требует поступать определённым образом в определённых обстоятельствах или ситуациях; однако необходимым условием императивности всякого императива является *ценность*, ради которой и надо поступать так, а не иначе. Этическую программу реализует человек, в основе деятельности которого лежат конкретные ценности, определяющие и способ действия человека, и целеполагание как форму ориентации этих действий. В сфере развития технологий должны соблюдаться такие же правила: недостаточно поставить цель для того или иного шага технологического прогресса, необходимо понять и решить, ради чего (во имя чего) совершается этот шаг, реализуется этот проект, изобретается и внедряется это конкретное устройство. Итак, технический / технологический прогресс должен совершаться в координатах, задаваемых тремя опорными измерениями: (1) адресат инновации, (2) цель инновации, (3) ценность инновации. Только в этом случае он будет происходить в *гуманитарном* контексте.

Гуманитарная рефлексия, предметом которой выступает технический прогресс, не является для него чем-то искусственным или чуждым. Поскольку всякая деятельность в сфере высоких (равно как и низких) технологий имеет в виду не сами эти технологии как таковые, а того человека, который, как предполагается, заинтересован в их плодах, и поскольку сами действующие в указанной сфере лица также с необходимостью являются людьми, постольку вся интеллектуальная и практическая деятельность в технический / технологической сфере является *автореферентной*, обращённой на самих деятелей. Пищевые биотехнологии ориентированы в конечном счёте на покупателей в супермаркетах, то есть на самих биотехнологов, их жён и детей. Генная инженерия – это то, что может спасти или убить самого инженера или его близких. «Цифровая культура», не знающая пределов, способна привести к моральной, эстетической и интеллектуальной деградации уже следующее поколение. Всё, что происходит благодаря инновационным технологиям, происходит с творцами технологического прогресса и их ближайшим окружением в пространстве и времени. На этом безусловном тезисе должна быть основана их персональная ответственность за результаты своей деятельности.

Продукты такой деятельности выходят из-под контроля прежде всего на *ментальном* уровне. Как говорил ещё Ле Корбюзье, «цифра всемогуща, я ей поклоняюсь» [см. Ермолаев 2012: 180]; эта установка привела, как известно, к созданию и распространению *бесчеловечной* среды обитания. В наше время частный случай становится общим правилом, а «поклонение» приобретает всемирный масштаб. По всей видимости, произошла очередная мистификация продукта человеческой деятельности, в данном случае – числового способа фиксации, хранения и передачи данных. Однако «цифра» – не какая-то самостоятельная сущность, тем более – не разумная сущность; она есть средство *выражения* нашего понимания наличного положения дел. Как справедливо замечает Евгений Водолазкин, «в древности вообще невероятно много цифр – размеров, расстояний, возрастов. Цифра тогдашним людям казалась важным выражением сущности. Если угодно – её, сущности, инобытием» [Водолазкин 2022: 69–70]. Подменять (а не дополнять) бытие

инобытием означает терять само человеческое *качество* жизни, которое не может быть компенсировано ни количеством «цифровых» впечатлений, ни увеличением продолжительности биологического или виртуального жизненного срока. Аксиологический контекст культуры требует всегда ставить вопрос, *ради чего* человеку эта (сколь угодно долгая) жизнь.

И вопрос не в том, как произвести много еды, а в том, сколько её нужно, можно ли контролировать свои потребности, как сохранить в человеке навыки аскетике, то есть *управления собой*. Ибо горе человеку, если им начинают управлять пищевые гиганты и продуктовые сети.

Возвращение всем видам человеческой деятельности, в том числе в сфере техники / технологии, их аксиологического измерения восстанавливает саму глубинную, исходную и потому подлинную структуру человеческого существования. Эта структура отличается прежде всего своей открытостью, недоопределённостью и, следовательно, свободой. Такая возможность трансцендировать наличное положение дел значительно увеличивает значение *риска* как фактора свободного действия и закономерно переводит тезис о безопасности жизнедеятельности в положение предмета полемики. В антропологической парадигме безопасность высшего уровня – это безопасность *внутренняя*, которую обеспечивают этика, аксиология, педагогика, философия. Безопасность «внешняя», безопасность «сама по себе» разрушительна для человека, поскольку элиминирует его способность заботы и делает его зависимым от *внешней* системы. И человеку, и сообществу грозит «гравитационный коллапс» [Бодрийяр 2006а: 447], если из их существования исчезает *мобилизующая угроза*. Герметичность замкнутого бытия есть его гибель.

Чрезмерная опека влечёт за собой ослабление защитных сил и иммунитета; антитела, оказавшись без работы, обращаются против самого организма. Такова же и природа ненависти: как и многие современные болезни, она проистекает из самоагрессии и аутоиммунной патологии. Мы уже с трудом переносим атмосферу искусственного иммунитета, царящую в метрополиях. Мы уподобились некоему виду животных, лишённых естественных врагов, в результате чего они обречены на быстрое вымирание или самоуничтожение. Чтобы как-то защитить себя от отсутствия Другого, врага, неблагоприятных обстоятельств, мы прибегаем к ненависти, которая способствует возникновению своего рода искусственных, беспредметных невзгод. Таким образом, ненависть – это своеобразная фатальная стратегия, направленная против умиротворённого существования [Бодрийяр 2006а: 444].

Современные идеологии «безопасности» и «комфорта», а также соответствующие им технологии, действуют как экзистенциальная анестезия. Они – через терапевтическое, генетическое, коммуникационное вмешательство – изолируют человека от мира и мир от человека, возводя между ними непроницаемую границу. В результате человек теряет опыт персональности и навык свободной ответственности. Он меняет свободу риска на безопасность принудительной стерильности, подвергая себя насилию «разубеждения, умиротворения, нейтрализации, контроля» – насилию «безболезненного уничтожения» [Бодрийяр 2006а: 445–446]. Стоило ли так биться за безопасность, если она оказалась столь враждебной жизнедеятельности человека? Вопрос о цене безопасности не был даже поставлен, и проблема соотношения безопасности как неразрушающего продуктивного взаимо-

действия и безопасности как смертоносной изоляции не была даже сформулирована.

Наконец, чистая, бесчеловечная технология (в частности, технология «цифровизации») требует своеобразного исповедания веры в тотальную линейную причинность, иначе говоря, требует специфического атеизма. Именно здесь человек может лишиться себя онтологической открытости, то есть, иначе говоря, потерять Бога как своего Другого:

«там, где всё присутствующее предстаёт в свете причинно-следственных взаимодействий, даже Бог может утратить для представления всё святое и высокое, всё таинственное своего далёка. В свете причинности Бог может скатиться до роли причины, до *causa efficiens*. Тогда Он даже внутри богословия станет Богом философов – тех, которые определяют всякую открытость и потаённость (*Unverborgene und Verborgene*) исходя из действующей причины, никогда при этом не задумываясь о сущностном источнике самой причинности» [Хайдеггер 1993: 233].

Упование на цифровизацию опирается (и не может не опираться) на такую забывчивость, где место Бога занимает абсолютно иррациональная, не уравновешенная разумом, абсурдная *беспричинная причинность*. Мир, в своё время расколдованный христианством, снова заколдовывается, превращается в *causa sui*, то есть в нечто понятное, но совершенно необъяснимое. «Теологическую веру» в Бога-Творца и Вседержителя теперь заменяет «технологическая вера» во всеислие науки, технологии и бытовых технических благ, сущность которых остаётся для рядового потребителя даже более неведомой, чем сущность огня для древнего человека» [Мамонова 1991: 87]. Космос, замкнувшийся на самого себя, снова становится ареной игры колдовских сил и магических технологий, в которую органично вписываются мистификация и следующая за ней мифологизация «цифровой» техники – как эффективные средства влияния на потенциального потребителя.

В связи с таким положением дел современное религиозное сознание получает для себя важнейшую задачу: в диалоге с внерелигиозным, секуляризованным сознанием «показывать, каким образом современная ситуация человека может быть не ареной его отказа от себя и добровольного исчезания, но полем его творческой реализации себя, во всей полноте своих измерений» [Хоружий 2016: 235]. Это тяжёлая, но в то же время благородная, вдохновляющая и творческая миссия, поскольку для неё потребны не только старые запасы религиозного опыта, но и новые, *инновационные* идеи и практики, для которых ныне пришло время, возможно, *последнее время*.

Если христианство – это *риск* быть человеком в полном смысле слова, то именно христианство, как религия свободы и ответственности, способно сохранить риск в поле человеческого существования, тем самым позволяя человеку оставаться человеком. Именно в этом состоит миссия христианства в современном мире. Оно способно вернуть миру *разумность*. По точному выражению В. К. Шохина, «трактовка ментального как бихевиористского аналога компьютерной системы, которая является лишь вариацией на тему Ламетри “человек-машина”, при игнорировании иноприродного ей “инженера” и “программиста”», является рациональной *в самой низкой степени*.

В самом деле, этот конечный вывод из математически оснащённых построений Дж. Фодора, Й. Кима и одного из ведущих теоретиков иску-

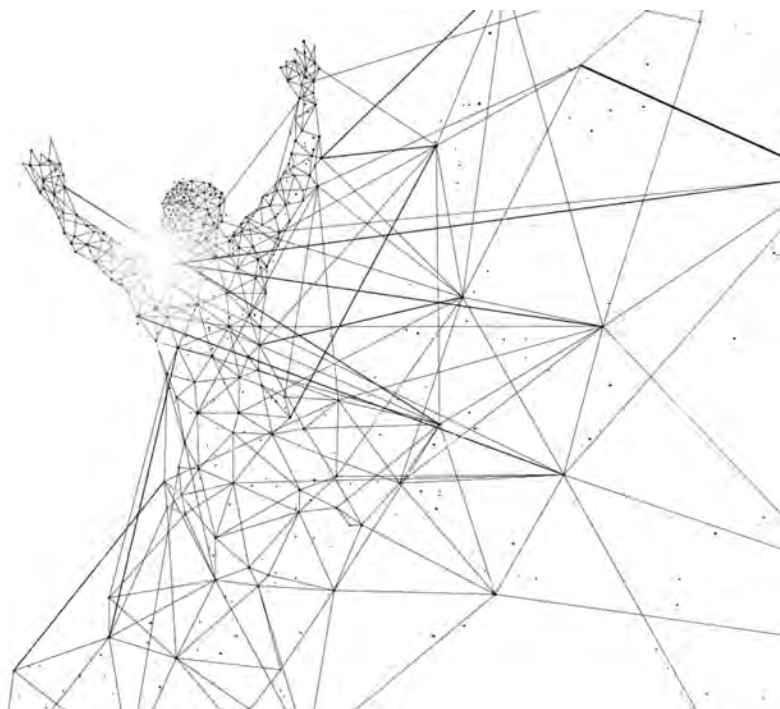
ственного интеллекта Д. Деннета не превышает планку рассуждения, при котором кто-то попытался бы кого-то убедить, что фортепьянные клавиши сами по себе (в результате пройденной ими эволюции) могут производить музыкальные пьесы – без участия пианиста, композитора и даже тех людей, которые изобрели и сделали из дерева соответствующий музыкальный инструмент [Шохин 2010: 257].

Итак, техника как таковая не может быть причиной ухода человека со сцены истории и следующего за этим конца мира. Техника / технология становится губельной для человека и мира, когда она – в результате экзистенциального забвения истинного положения дел – оказывается в пограничном положении между человеком и бесчеловечным миром. Биологически, социально, технически, онтологически замкнутый человек нежизнеспособен; он уходит в небытие, уводя с собой весь мир. Возвращение технике / технологии её подлинного – человеческого – измерения, включение её в её подлинный – культурный – контекст возвращает мир человеку и открывает человека миру. Только такого рода тотальное очеловечение всего поля существования и практики способно остановить у-мирание мира. Если нынешнее время крайней экзистенциальной тревоги не сбудется как эпоха тотальной антропологии, то миру придёт конец. И тогда да здравствует *новый* мир и Град Божий, сходящий с небес!

Глава 2

ГУМАНИТАРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ВИРТУАЛИЗАЦИИ

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА

С. А. Смирнов⁴⁶

В настоящее время в научной литературе весьма актуальной остается тема, касающаяся проблемы онтологического статуса виртуальной реальности. Выступает ли последняя особым модусом реальности? Имеет ли она какой-то онтологический статус? Относится ли она к сфере сущего? Или она является скорее фикцией или иллюзией сознания? Если виртуальность выступает модусом реальности, то какова природа этой реальности?

Мы полагаем, что разговор о природе виртуальной реальности (далее – ВР) относится к тем важным вопросам современной научной повестки, от обсуждения которых зависит и дальнейшее решение вопроса о природе вообще всех социокультурных и антропологических трансформаций, переживаемых человеком.

В качестве научной гипотезы допускаем, что ВР есть разновидность такой формы жизни, как превращенная форма (далее – ПФ). Последняя, как было ранее показано в различных исследованиях, является не просто реальностью, но и важнейшей формой существования сложных систем, только в их превращенной форме. Для осмысления и понимания природы ВР, представленной как превращенная форма, нам необходимо в этой связи сначала рассмотреть вопрос о природе самой превращенной формы.

Открытие превращенной формы

ПФ или превращенные объекты (далее – ПФ) – реальность особая. Как выразился в свое время М. К. Мамардашвили, свойства этих объектов «фундаментально неклассичны» [Мамардашвили 1992: 269]. В своих известных работах в кратком виде он описал схему превращения.

Реальные отношения людей, их реальные деятельности, воплощаются в вещной и знаково-символической форме, отчуждаются от них и начинают жить по своим законам. Происходит превращение (метаморфоз) реальности. Результат превращения оборачивается в свою объективированную форму, становится той самой ПФ, или превращенным объектом. ПФ «получает самостоятельное “сущностное” значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы <...> и становится на место действительного отношения» [Мамардашвили, 2001: 264].

Феномен ПФ открыл и описал впервые на экономическом материале К. Маркс, назвав их *verwandelte Form*⁴⁷, показав их воплощение в денежной форме стоимости, в феномене цены, замещающей стоимость товара.

⁴⁶ © Смирнов С. А. 2023

⁴⁷ Впервые в качестве термина К. Маркс употребил «превращенную форму» в черновом варианте «Капитала», в рукописи «К критике политической экономии» 1861 – 1863 гг. Проблему превращения стоимости в денежную форму, рождения цены как идеальной превращенной формы, Маркс описал подробно в своем «Капитале». Но как понятие ПФ выступает сквозной темой, пронизывающей всю проблематику отчуждения.

Исследователи замечают, что тема превращенных форм никогда не была популярной в экономической науке [Рушаник 2012; Рагозина 2017; Лангштейн 1986]. Концепт ПФ был однажды вброшен К. Марксом, но дальше долгое время методологически был как бы не доработан, не становился методологическим средством понимания сложности изменений, происходящих в социальной и экономической сферах. Впрочем, они были не первыми в этом утверждении. Сам К. Маркс заметил в свое время: «Что вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 547]⁴⁸.

В то же время, как полагают некоторые авторы, тема ПФ выступает сквозной темой всей политэкономической концепции Маркса [Лангштейн 1986: 39; Рушаник 2012: 47].

Не будем пересказывать исходные положения проблематики отчуждения и превращения, развивавшейся К. Марксом, начиная с рукописей 1844 года, далее в «Немецкой идеологии», далее в рукописях 1857 – 1858 гг., и представленной далее в «Капитале». Остановимся на феномене метаморфоза товара в его превращенную форму цены.

Исходно вещь обладает потребительной стоимостью, будучи полезной для кого-то, являясь тем самым продуктом. Она становится товаром, поскольку на нее затрачен труд, и она может быть приобретена, поскольку обладает меновой стоимостью. Все товары как стоимости представляют собой овеществленный человеческий труд [Маркс, Энгельс 1960, 23: 104].

Но чтобы приобрести вещь как товар, последний должен быть переведен в иную форму своего существования, в ее денежную форму, замещающую товар. «Деньги как мера стоимости есть необходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости – рабочего времени» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 104]. Заметим: в *мере* как *идеальной* категории выражен *материальный* характер товара, его потребительная стоимость, то есть человеческий труд, затраченный на его создание.

Но рабочее время не выступает эквивалентной формой товаров, поскольку не выражено в ПФ. Таковой становится денежная форма, выраженная в цене, но вообще не имеющая ни грана вещества, товара, она лишь идеальная форма, она «есть нечто, отличное от их (товаров) чувственно воспринимаемой реальной, телесной формы, следовательно – форма идеальная, существующая лишь в представлении» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 105].

Но далее в этом месте следует фраза: «стоимость железа, холста, пшеницы и т.п. существует, хотя и невидимо, в самих вещах, она существует в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту, в отношении, которое, так

---

⁴⁸ Маркс употреблял оба варианта – превращенный и извращенный. Здесь же в этом абзаце выше Маркс говорит о том, что «в выражении “стоимость труда” понятие стоимости не только совершенно исчезает, но и превращается в свою противоположность. Это такое же мнимое выражение, как например стоимость земли» [Маркс, Энгельс, 1960, 23: 547].

сказать, существует в их голове» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 105], то есть, в самих вещах, говорит метафорично К. Маркс⁴⁹.

Итак, цена есть денежное выражение овеществленного в товаре труда. И вообще выступает мнимой величиной, как бывают мнимые величины в математике. Ценой может обладать даже то, что и не произведено в процессе труда, например, совесть, честь, имя [Маркс, Энгельс 1960, 23: 112]. Они могут для своих владельцев стать предметом купли-продажи, им может быть назначена цена, хотя они и не произведены. Но они могут стать товаром на рынке именно в силу превращения – качество человека заменяется его ценовой формой. Последняя начинает жить своей жизнью как «объективная мыслительная форма», в силу чего обывателю кажется, что деньги обладают своей сущностью, самостоятельной силой, им присваиваются сущностные определения.

Но деньги есть всего лишь знаки, они обозначают не себя, они представляют другую реальность, становясь мерой, представляя золото, которое само представляет стоимость, за которой стоит труд. Но в процессе этой длинной замены происходит метаморфоз, и «функциональное бытие денег поглощает <...> их материальное бытие» [Маркс, Энгельс 1960: 23: 140]. Мера заменяет ту реальность, которую замещает и заменяет. Идеальная форма замещает материальное содержание, существуя с одной стороны, как универсальная мера, с другой, как знаковое тело (денежный знак).

Итак, как только вещь становится товаром, она превращается в «чувственно-сверхчувственную вещь». Мистический характер товара порождается не его потребительной стоимостью, полезностью, а его способностью быть купленным по цене, не равной ему самому. Мера обмена вещи побеждает саму вещь, побеждает и тот труд, который был потрачен на ее производство. Товарная форма выступает зеркалом, но кривым зеркалом,

---

⁴⁹ По поводу этого места Э. В. Ильенков, много и подробно занимавшийся проблематикой диалектики идеального, в свое время удивлялся, отмечая приключенность перевода. Рядом соседствуют два суждения. Сначала – суждение о том, что идеальная форма существует в представлении, то есть в сознании людей, потом – суждение о том, что идеальная форма существует в самих вещах. Э. В. Ильенков резонно полагает, что К. Маркс прежде всего имеет в виду реальность превращенных форм в самих вещах, например, самостоятельное существование денежной формы, вещно воплощенной в денежных знаках [Ильенков 2018: 104–105]. Сам Макс неоднократно пояснял, что в отличие от Гегеля, у которого идеальное, то есть процесс мышления, превращается в самостоятельного субъекта, в демиурга, а у него идеальное есть «материальное, пересаженное (*übersetzen*) в человеческую голову, и преобразованное в ней» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 21]. (Ср.: «...das Ideelle nichts anderes als das im Menschenkopf umgesetzte und übersetzte Materielle» [Karl Marx, Friedrich Engels 1968]). Употребленный в этом месте глагол *übersetzen* означает не только собственно действие по переводу с языка на язык, но и действие по переводу, перевозке, переправке вещей и людей, например, с берега на берег (перевозить, переводить, переплавлять). Понятно, что метаморфоз, превращение, например, стоимости в ПФ происходит не в голове и языке, а вне его, но и не само по себе вне человека, а благодаря работе и трансформации человеческой деятельности и продуктов ее труда, в результате чего идеальное приобретает двоякую природу. Идеальная форма суть реальное отношение людей, их деятельностей, переведенное и проведенное через их сознание, и возвращенное в материальный мир, но воплощенное в ПФ, например, воплощение стоимости в денежной форме товара.

отражающим общественные отношения вещей. Именно потому, что вещь представляет не саму себя, людям нужна не сама по себе вещь в ее телесной оболочке, а ее общественная мера, стоимость. Стоимость превращает каждый продукт труда в «общественный иероглиф» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 84]. Последний воплощается в денежной форме, законченной форме товарного мира, которая «скрывает за вещами общественный характер частных работ» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 86].

Отчуждение и превращение

Почему же происходит процесс превращения? За ним стоит другой процесс – отчуждение труда, шире – отчуждение человека от продуктов своего труда, от самого себя, за которым стоит процесс разделения труда, то есть расщепления самого человека, в силу чего человек перестает управлять самим собой.

Проблема отчуждения, в том числе описанная в работах К. Маркса, давно и подробно проанализирована в ряде работ философов-марксистов и неогегельянцев (см. [Батищев 1992; Давыдов 1980]), в которых явно проглядывает гегелевская терминология и идеологический пафос.

Прежде, чем выйти на проблему превращения, К. Маркс заложил в основание своей концепции деятельностьную онтологию человека, пытаясь поставить философию с головы на ноги, в противовес философии духа Г. В. Ф. Гегеля. Для К. Маркса человек есть то, что он производит из себя сам своей предметной деятельностью. Человек есть деятельностьное существо. Его сущее есть то, которое описывается в категориях предметной деятельности и ее форм. Развитие предметной деятельности, ее дальнейшее разделение и расщепление означает естественно-исторический процесс метаморфоза, причем, реальный, а не иллюзорный, происходящий с самим человеком. История в этом смысле есть не что иное, как «деятельность преследующего свои цели человека» [Маркс, Энгельс 1955, 2: 102].

Поэтому человек таков, каким он сам себя реально производит в мире своей собственной предметной деятельности [Батищев, 1969, с. 104]. Но по этой же причине в мире этой же предметной деятельности универсальное осуществление этой предметной деятельности невозможно. Она всегда расщепляется на части. Но разделение деятельности приводит к разделению и самого человека, превращая человеческих индивидов в «частичных индивидов», приводя к тому, что «не только частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется», становится раздробленным [Маркс, Энгельс 1960, 23: 373]. Вместе с разделением труда разделяется и сам человек, превращающийся в «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 499].

Такое расщепление происходит неизбежно в силу развития отчужденного труда, в результате чего человек «созданное им самим богатство предстает как чужое богатство, его собственная производительная сила – как производительная сила его продукта, его обогащение – как самообеднение, его общественная сила – как сила общества, властвующая над ним» [Маркс, Энгельс, 26, ч. III: 268].

В результате и сам человек превращается из субъекта в объект, а предметная деятельность воплощается в вещные, иррационально-превращен-

ные формы. Так возникает «отчужденное трудом, наделенное самостоятельностью по отношению к нему и тем самым превращенное формообразование» (цит. [Батищев 1969: 120]). Иррационально-превращенная форма есть форма «не только скрывающая свое действительное происхождение, но и скрывающаяся от него» [Батищев 1969: 120].

Это место – итог и корень определения и происхождения ПФ. ПФ есть *реальная форма жизни*, но отчужденная от своего истока собственного происхождения, отрекшаяся от него, но замещившая его, как вещь «забывает» своего создателя, человека, и замещает его.⁵⁰

Так отчуждение предметной деятельности отрывает предметность от живого истока, от живой активности как процесса и придает ее результату (предметному воплощению) специфическую превращенную форму овеществления. Предмет превращается из человеческого – в нечеловеческий, замещающий его. Тем самым мир людей замещается миром вещей. Последние наделяются волей, качеством субъектности, они «хотят», «желают», «действуют». А люди овеществляются, лишаются своей субъектности, выполняя лишь вещные функции, становясь функциями большого тела отчужденного труда, его «простыми органами», его частями [Маркс, Энгельс 1959, 13: 17]. Поэтому общественные отношения в предметной деятельности при ее отчуждении заменяются на «вещные отношения лиц и общественные отношения вещей» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 83]⁵¹.

Происходит парадокс. Вещный мир не может быть самостоятельным, поскольку он есть создание человека. Но в процессе развития предметной деятельности и все большего отчуждения от истока вещный мир отрывается от своего создателя, становится вне его, перестает ему подчиняться, и далее сам начинает наделяться самим человеком субъектными качествами, становясь над ним, управляя уже собственным создателем, тем самым выступая превращенной формой его родовой сущности, то есть предметной деятельности⁵².

Но, как известно, тайна преодоления отчуждения и превращения кроется в его собственном генезисе, в возвращении человека к самому себе, к его собственному общественному бытию, к родовой сущности, его собственной предметности, что и означает «положительное упразднение всякого отчуждения» [Маркс, Энгельс 1974, 42: 117].

Сказанное означает, что для К. Маркса положительное упразднение отчуждения предполагает преодоление разделения труда в категориях участ-

---

⁵⁰ С известной долей условности (*cum grano salis*) формы творения, отделившиеся от Создателя, забывшие его, свой исток, можно назвать превращенными формами творения, включая и профанную, редуцированную до быта жизнь человека.

⁵¹ В другом месте: «персонификация вещей и овеществление лиц» [Маркс, Энгельс 1960, 23: 124].

⁵² В этом смысле можно допустить, что ПФ выступает формой инверсии исходных отношений, инверсивной формой [Севостьянов 2019]. Забегая вперед, заметим, что такая инверсия характерна для человека, пребывающего, живущего в цифровой реальности, при тотальной дигитализации, при таком выстраивании интерфейса между человеком и умным гаджетом, мобильником, при котором человек теряет границу между социальной реальностью и виртуальной. Подросток, превращающий свой мобильник в любимую игрушку, делегирующий ему многие активные функции, сам становится по отношению к нему неким «мобильным приложением».

ненного человека, то есть универсальное развитие человека, его способностей. В таком случае отчужденный труд должен быть замещен свободной самостоятельностью людей, в рамках которой развиваются универсальные способности человека.

Мы понимаем, что это скорее идеал, чем предметное разрешение проблемы отчуждения и превращения, но это задает нам вектор движения, направление для дальнейшей работы и понимания того, что виртуальная реальность, понимаемая как ПФ, и есть реальность, но представленная в превращенном виде, а не иллюзия и не фикция, не фантом сознания.

Если снять сильно выраженный идеологический контекст с толкования последователями К. Маркса проблемы отчуждения и ПФ, то мы увидим вполне твердую, проработанную методологическую конструкцию, опирающуюся на мысль и логику К. Маркса-философа⁵³.

Превращение выступает способом и механизмом опосредования элементов сложных систем (здесь – экономической сферы) и измерение непосредственно несоизмеримых величин и элементов. Но для обыденного сознания ПФ представлена в мистической форме, поскольку процесс превращения для него скрыт, а деньги выступают формой мистификации, как иррациональные числа в математике [Лангштейн 1980]⁵⁴.

Важно то, что эти ПФ являются не иллюзией сознания, не сновидением, не галлюцинацией, они выступают «объективными мыслительными формами»⁵⁵. ПФ представляет собой реальность, но особую. Это формы действительности, точнее, формы действительного существования, только превращенные. Примером тому выступает товарный фетишизм, когда вещь наделяется свойствами невещественных отношений и эти свойства выступают вне связи с человеческой деятельностью, то есть, вполне натуралистически [Мамардашвили 1992: 270].

Содержательные определения действительной реальности, подчеркивает М. К. Мамардашвили, здесь уходят на второй план. Сама ПФ наделяется сущностным значением, хотя таковым и не является. Как не являются бумажные деньги самим товаром или трудом, потраченным на производство товара. Но она наделяется чужими свойствами, обособляется и замещает саму сущностную реальность. Как вещь замещает стоящую за ней деятель-

⁵³ Известно, что К. Маркс нам не оставил большую Логик, но он нам оставил логику «Капитала».

⁵⁴ Иррациональными числами называются числа, несоизмеримые с единицей, а потому могущие быть выраженными ни целым, ни дробным числом. С помощью иррациональных чисел соизмеряются непосредственно несоизмеримые переменные величины.

⁵⁵ В этом плане к ПФ не применимы такие определения, как «извращенный», «искаженный», «ложный», «не правильный» (см. также [Рушаник 2012; Рагозина 2017]). Превращенный объект – объект, перешедший в иное состояние, переживший метаморфоз, ставший другим, что не означает того, что он стал ложным и извращенным. Но мы бы добавили вслед за Марксом: ПФ – объект, ставший другим, при том, что этот другой, другая форма существования, выступает редуцированной формой замены первой реальности второй, выдающий себя за первую. ПФ есть реальность, какой бы она ни была. Она показывает то, как реальность исходных отношений переживает метаморфоз и переход в иную форму существования в силу объективного процесса отчуждения человека от своего труда, происходящего в свою очередь, по Марксу в силу развития процесса разделения труда. Тем самым человек, призванный быть существом универсальным и совершенным, редуцируется, разделяя себя на части, теряя самого себя.

ность людей. Как знак замещает предмет, который он обозначает. Как денежная форма замещает стоимость, стоящую за ней. Как цена превращается в реальность, существующую самостоятельно [Мамардашвили 1992: 270].

ПФ замещает реальность, будучи сама другой реальностью. Не иллюзией и не мистическим явлением. Просто она становится на место действительных отношений. Природа ПФ заключается именно в ее *превращённости* и представленности последней в вещной форме. Но не форма (денежная, знаковая) есть ее реальность, а её превращённость выступает её реальностью. Поэтому последняя не сводится к субъективным фикциям и иллюзиям сознания. Более того, ПФ не является вообще лишь формой сознания. Это особая реальность, существующая помимо сознания отдельных индивидов. Но она существуют не в том виде, как существует сама человеческая деятельность, первая, не превращенная реальность. ПФ есть реальность, подобная реальности мнимых чисел в математике, или реальности идеального газа, реальности научных абстракций, воплощенных в знаковых формах и схемах⁵⁶. Это существование абсурдно с точки зрения научного познания, как абсурден «жареный логарифм». Но тем не менее ПФ существуют [Мамардашвили 1992: 272].

Итак, для понимания ПФ важна не сама вещно-знаковая форма (вещь, знак, бумажная купюра), а их превращённость, в процессе которой сама ПФ забирает на себя свойства исходной реальности (труда, стоимости), и тем самым замещает собой эту первую реальность, реальные отношения. Далее, этой ПФ присваивается особый оператор существования. Она также реальна, как первая реальность. Этой замещающей форме присваивается квази-субстанциальность. И после этого человек манипулирует именно этими ПФ, а не реальными отношениями. Как он манипулирует деньгами как реальными товарами. Далее – уже эти ПФ манипулируют самим человеком, становящимся частью реальности этих ПФ. Там он и теряет самого себя, переживая феномен отчуждения от себя самого [Мамардашвили 1992: 275].

К таким же ПФ, допускает М. К. Мамардашвили, фактически можно отнести и феномен псевдомышления, демонстрируемого компьютером. Здесь происходит подмена реального акта мышления человека искусственными моделями, с помощью которых на основе принципа вычислимости демонстрируется якобы акт мышления. Подобным моделям приписываются свойства квазиреальности [Мамардашвили 1992: 277]⁵⁷.

---

⁵⁶ Заметим, однако, что если мнимые числа в математике (типа квадратного корня из отрицательного числа, $\sqrt{-2}$) существуют в мышлении математиков и выражены в знаковой форме, то денежная форма существует не только в сознании людей, но прежде всего как «объективные мыслительные формы», помимо сознания людей, по своим законам. Сила денег состоит в том, что они выступают ПФ товара, фактически играя роль, сравнимую с той, которую играют мнимые числа. Деньги – иррациональная форма товара, служащая для измерения неизмеримого.

⁵⁷ Это кстати отдельная тема. Здесь наблюдается двойная подмена: подмена реальных общественных деятельностных отношений людей превращенными формами и подмена акта мышления человека манипуляциями с помощью искусственных моделей на компьютере. Последнее связано с редукцией – мышление сводится к набору операций, которые можно выстроить в программу (алгоритм), что в свою очередь объясняется тем, что и сам феномен мышления редуцируется к активности мозга. Разработчики AI полагают, что мышление происходит в голове, и оно может быть описано как набор вычислительных операций. Стало быть, последние могут быть смоделированы и пересажены в искусственное тело другого носителя, в компьютер.

К. Марксу было важно показать, что ПФ не сводится к феномену иллюзий и галлюцинаций. Это особая реальность, которая замещает и, главное, – превращает родовую реальность человека, идущую от его истока, в иную, отчужденную от него форму, отбирая у человека его самого, замещая его другим. Например, в настоящее время человек в процессе цифровизации замещается цифровым аватаром, своим цифровым двойником⁵⁸.

Некоторые авторы в итоге делают сильный вывод: превращение есть универсальный механизм существования действительности, выработанный начиная с первородных космогонических мифов [Иванов 1992]. Авторы допускают, что превращение – это «универсальный тип метаморфоза нелинейных и органических систем, который не несет в себе деструктивности и извращенности, а выступает иррациональным (парадоксальным) способом бытия различных типов рационализма (знания)» [Римский, Калинина 2012: 30]⁵⁹. Превращение должно рассматриваться не как деструктивное формообразование, а как необходимый и нормативный процесс существования социальных систем [Римский, Калинина 2012: 29]. Эффект превращения делает их гибкими и открытыми.

⁵⁸ К ПФ Мамардашвили относит также и знаковые структуры, которым приписываются свойства реальности (согласно теории Сепира-Уорфа). И мифологические структуры коллективного бессознательного у Юнга (архетипы), и психоневрозы у З. Фрейда. Например, исследователи показывают сходство таких ПФ, как денежная форма товаров и архетипы у Юнга [Завершнева 1998]. Последние обладают таким же свойством замещать реальный процесс, происходящий в психике человека, только в его превращенной форме. Это не галлюцинации. Это те реальные факты психической жизни, которые так же реальны, как сам человек. Но именно работа с ними позволяет достигать терапевтического эффекта и выводить человека из состояния невроза. Хотя заметим, что если невроз в его внешней представленности, телесном недуге, понимается как ПФ, то в таком случае это патология, а потому лечение предполагает возвращение к норме, исправление недуга. Но тогда ПФ понимается как раз как извращенная форма, как нарушение нормы. А это не так. ПФ означает не извращение и не недуг, не патологию, а естественный процесс метаморфоза системы. Точнее, извращенность в ПФ есть эпифеномен, внешний признак ПФ, причем не главный, закрывающий исследователю глаза своей кажимостью.

⁵⁹ Добавим к этому то, что метаморфоз есть универсальный способ существования Мифа как первой культурной формы, сформированный до науки, искусства и вошедший в них всеобщим архетипом. Метаморфоз означает постоянную смену форм жизни, переход из мира живых в мир мертвых и обратно, превращение героя в животных, птиц, растения, преобразование человека в камень и обратное оживление. С этим архетипом связано вообще огромное количество мифологических сюжетов, описанных как примеры оборотничества [Иванов 1992; Неклюдов 1992]. На этом языке можно сказать, что и деньги есть форма оборотничества, показывающая иную сторону явления, маску, скрывая существо и тайну события превращения. Главным же сюжетом метаморфоза выступает сюжет, связанный с архетипом Пути, проходя который герой переживает преобразование. Идя в иную землю, по ту сторону, в чужие края, и возвращаясь победителем и преобразенным героем. Переживая испытания и преодолевая их с помощью волшебных помощников (зверей и птиц). На этом сюжете строятся многочисленные волшебные сказки и сюжеты про Героя, дерущегося со Змеем. Метаморфоз человека, проходящего испытания в процессе прохождения Пути, есть универсальный культурный код, зашитый в памяти культуры. И он не может быть извращением или имитацией жизни. Также и с превращенной формой. Она выступает не имитацией и извращением, а необходимым способом существования сложной культурной системы (см. также [Римский, Калинина 2012]).

Ведь что такое превращение? Это преобразование исходного родового отношения в иное и замена его последним. Деньги не могут быть извращенной формой и тем более фикцией. Они есть такой способ существования товарной формы, который неминуемо должен был прийти ей на смену. Как неминуем и метаморфоз самих денег. От натурального обмена люди переходят к обмену с помощью товарных посредников в неденежной форме, которые сами меняли свою форму существования, выполняя роль денег, типа пушнины или кожи, далее – металлические деньги, бумажные деньги, электронные деньги, банковские карты, криптовалюта... И этот процесс превращения и замещения все более шел в сторону виртуализации денежной формы, все более удаляясь от своей вещной оболочки, но оставаясь всеобщим заменителем и выступая чистой воды превращенной формой товара.

Тем самым, забегая вперед к теме виртуальности, заметим, что превращение идет по линии все большей виртуализации и цифровизации: вещь – товар – деньги в виде товарного знака – цифра.

Итак, ПФ, с одной стороны, если брать ее внешний способ представленности в сознании обывателя, может выглядеть: как извращенная форма, как имитация, как замещение, как фикция, как ложная форма, как превратная форма, как инверсия, как иллюзия сознания, как идеологический артефакт [Лангштайн 1986; Рыбаченко 2019, Римский, Калинина 2012; Рушаник 2012; Рагозина 2017 и др.]. Но все эти характеристики, хотя и показывающие внешние признаки эпифеноменального существования ПФ, не показывают главного – существа реального, а не иллюзорного превращения. Этот оборотень рядится в разные одежды, но последние лишь скрывают его существо. Названные характеристики выступают скорее наблюдаемыми эпифеноменами, но не показывающими реальное существо происходящего, природу ПФ, скорее выступая обманом зрения. Как солнечный зайчик или круги по воде. Что нам скажет солнечный зайчик о природе света? Или что скажут круги по воде о природе жидкости?

Существо ПФ заключается в том, что она означает бесконечный процесс метаморфоза, превращений исходных форм жизни в последующие. На примере экономических отношений это ярко видно, что и показал К. Маркс.

Эта ПФ есть эффект игры другой, исходной по отношению к ней формы жизни (деньги – превращенная форма товара и его стоимости, прибыль – превращенная форма прибавочной стоимости, зарплата – превращенная форма стоимости труда и т.д.). Цепь этих превращений и *опосредований* может продолжаться до бесконечности, пока живы эти формы жизни. По отношению к каждой новой ПФ предшествующая оказывается ее содержанием и внутренним единством, а каждая последующая – превращенной формой действительного существования предыдущей формы жизни. Чем длиннее цикл, тем больше превращений и опосредующих звеньев между исходной и превращенной формой, тем больше скрыты следы этих превращений и опосредований [Рагозина 2017: 63].

Быть формой превращенной – значит быть формой производной, пережившей метаморфоз, значит быть результатом сложной цепи метаморфозов развития исходной формы жизни, исходного основания целостной системы общественных связей и отношений [Рагозина 2017: 66], в силу чего исследователь делает вывод: ПФ есть «всеобщий и необходимый способ осуществления развития» [Рагозина 2017: 68].

В этой связи и сам конструкт ПФ выступает необходимым конструктом и способом описания деятельностных форм существования, переживающих метаморфоз, происходящий вне сознания отдельных индивидов [Рыбаченко 2009]. Этот метаморфоз – процесс, происходящий не в голове человека, а вне её. Это и показывает, почему К. Маркс представляет этот феномен как «объективные мыслительные формы».

Хотя надо признать, что К. Маркса прежде всего интересовал глубинный процесс отчуждения труда и стоящее за ним разделение труда, приводящий к процессу превращения. Ему важно было вскрыть механизм отчуждения с тем, чтобы призвать к «положительному упразднению» частной собственности, что и приводит его к идее революции⁶⁰. Поэтому все категории, скрывающие и искажающие процесс отчуждения и отношения эксплуатации чужого труда, рассматривались им как ПФ, толкуемые скорее в категориях извращения, нежели превращения.

Заметим еще раз, что существенным при понимании природы ПФ является не ее внешне представленная форма в виде эпифеноменов⁶¹ а распредмечивание самого процесса превращения родового отношения, выступающего истоком и клеточкой – в развитые формы, в которых в превращенном виде представлена эта клеточка. Как это и было показано у К. Маркса – движение товара, через стоимость и труд – к денежной форме и цене труда и товара.

Но в связи с тем, что процесс превращения есть долгий, бесконечный процесс метаморфоза связей и отношений людей и деятельностей, то в таком процессе каждая новая ПФ выступает в роли посредника последующего превращения, что отмечает Лангштейн [Лангштейн 1986]. Сам процесс превращения в этом смысле он называет *процессом опосредования*, что вообще снимает с понятия ПФ ее негативную коннотацию. С помощью ПФ происходит опосредование связи разных элементов, с помощью ПФ как опосредующего звена разрешается исходное противоречие и происходит вывод системы на новый качественный уровень развития [Лангштейн 1980].

Итак, суммируем главные качества ПФ:

1. ПФ выступает как *отдельная форма жизни*, проявляющаяся по отношению к предыдущей форме жизни как *способ ее превращения*. Содержание предыдущей формы жизни выступает в ПФ ее формой, но в превращенном, преобразованном виде.

2. ПФ выступает в качестве *посредника* для продвижения форм жизни к дальнейшим формам существования. Она в зеркальном отражении показывает того, кто отражается в ПФ, но помогает ему понять себя, свою превращенность. Проходя через свое *опосредование* в ПФ, форма жизни возвращается к себе.

⁶⁰ Именно эта тема более всего волновала философов-марксистов, толковавших проблему ПФ в категориях отчуждения труда, задавая тем самым их аналитике сильно выраженный идеологический оттенок [Батищев 1969; Давыдов 1980].

⁶¹ Примеры таких ПФ разные исследователи пытались показать: ненаучное знание, догматические формы знаний, ПФ в образовании, в культуре, религии (эзотерика и мистические формы новых квазирелигий), в психиатрии и психоанализе, например, лечение неврозов с помощью анализа архетипов и сновидений [Завершнева 1998; Севостьянов 2019; Рушаник 2012, Рыбаченко 2009; Римский, Калинина, 2012].

3. ПФ представлена как *идеальная форма* в ее различных вариантах знаково-символического опосредования (вещи, тексты, знаки, символы, числа, образы...). В этом смысле ПФ может выступать внешней, телесно (в вещи и знаке) представленной формой жизни сознания, но в его знаково-символическом преломлении.

4. ПФ замещает исходную форму жизни, скорее выступая *ее копией*, замещением, знаком, но в этом плане является более доступной и открытой для освоения и осмысления. В обыденной и повседневной жизни люди предпочитают в этом плане пользоваться копией оригинала, то есть деньгами вместо товара и тем более стоимости, и далее – заменителями и самих денег (банковские карты и проч.).

5. Поэтому ПФ не является извращенной формой, имитацией, ложной формой, фейком, обманом, иллюзией. ПФ живет как форма жизни, проделавшая путь превращения, но она не форма ложного сознания, не иллюзия и не обман зрения.

Но важно то, что коль скоро она суть форма превращенная, идущая от исходного отношения, от исходной формы жизни, то она *не является самостоятельной формой сущего*, она не полагает собственной реальности, а значит не обладает своей онтологией. Не может быть онтологии у ПФ, как не может быть онтологии денег или онтологии цены. Но может быть онтология экономической жизни или социальной жизни. Но в последней исходная реальность может переживать метаморфоз, воплощаясь в ПФ.

ПФ суть изнанка воплощения, точнее, недоовоплощенная форма жизни. Человек всякий раз вынужден совершать практики распределечивания, дабы за реальностью ПФ увидеть исходную, до превращения, форму жизни.

Виртуальность как превращенная форма

Рассмотрим в этой связи ВР в категориях превращения, метаморфоза, то есть в категориях опосредования, тем самым представляя ВР не как извращенную изнанку существования, не как иллюзию и ложную форму, а как необходимую, но превращенную форму жизни, выступающую посредником для перехода человека на новый уровень социальной жизни.

Открытый К. Марксом феномен ПФ показывает фактически существование феномена превращения на разном материале. Виртуальная реальность, по этой логике, выступает именно такой ПФ. Особенно ярко понимание ВР как ПФ видно на примере виртуальных, электронных денег, криптовалют.

В настоящее время доминирует точка зрения, согласно которой виртуальная реальность есть иллюзия реальности. Человек, попадающий в виртуал, попадает в иллюзорную реальность. И либо ей надо подчиняться, либо противостоять.

Виртуальная реальность (Virtual reality, VR) в таком случае – это фактически созданный компьютером мир виртуальных сред, к которым можно получить доступ с помощью иммерсивных устройств (шлемов, очков, наушников). Виртуальная среда полностью заменяет довиртуальный мир. Человек погружается в виртуальность, может даже манипулировать цифровыми объектами, погружаясь, например, в видеоигру. С помощью особых программ человек попадает в виртуальную, дополненную реальность, добавляя все новые и новые виртуальные слои. В этом плане виртуальность понимается как

сугубо воображаемый мир или особое состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определённых условиях (при наличии технических устройств и средств погружения в виртуальную среду).

Другие авторы полагают, что виртуальная реальность не иллюзия, а особая, цифровая, реальность. Этот спор будет тупиковым, если, как было сказано выше, не показывать механизма превращения, который скрыт от невооруженного глаза.

Например, автор концепции виртуального реализма Д. Чалмерс полагает, что виртуальность есть реальность, не иллюзия: «Я утверждаю, что виртуальная реальность – это своего рода подлинная реальность. В частности, я выступаю за виртуальный цифровизм (*virtual digitalism*), в котором виртуальные объекты являются реальными цифровыми объектами, и против виртуального фикционализма, в котором виртуальные объекты являются вымышленными объектами. Я также утверждаю, что восприятие в виртуальной реальности не обязательно должно быть иллюзорным, и что жизнь в виртуальных мирах может иметь примерно такую же ценность, как жизнь в неvirtуальных мирах» [Chalmers 2017: 309].

Все свои аргументы Чалмерс посвящает именно доказательству того, что виртуальный мир есть не иллюзия и не фикция, а реальность⁶². По его логике виртуальные объекты реально существуют. События в виртуальной реальности действительно происходят. Переживания в виртуальной реальности не являются иллюзорными. Виртуальные переживания обладают такой же ценностью, как и не виртуальные переживания [Chalmers 2017: 310]. При этом специфика реальности виртуальных объектов и событий заключается в том, что виртуальные объекты суть цифровые объекты. Они являются продуктами вычислительного процесса, происходящего в генерирующей виртуальные среды компьютере [Chalmers 2017: 317].

Аргументы Д. Чалмерса выглядят убедительны лишь отчасти, поскольку больше касаются внешней характеристики, эпифеноменов VR. Человек, живущий в VR, переживающий эффект полного погружения, создаваемого иммерсивными средствами, испытывает такие же чувства, и даже еще более сильные, что и тот, кто живет в исходной физической и социальной реальности. Он испытывает эффект присутствия, причем возможно гораздо эмоционально более сильного. Более того, он может делать в VR то, что в принципе не может делать в социальной реальности с зафиксированными в ней нормами. Например, он (в виде двойника в цифре) может там убивать другого (тоже двойника в цифре). Он может там совершать деяния, но в цифровом, замещенном, превращенном виде, будучи сам цифровым двойником, деяния, которые запрещены в социальной реальности. Но в силу превращенности это присутствие выступает не реальным присутствием, а именно эффектом, кажущимся, как бы присутствием, недовоплощенным до своей реальной полноты. Но желание быть в присутствии и невозможность его воплощения в реальной социальной практике толкает на осуществление его, присутствия, но в превращенной форме.

И поэтому в повседневной практике постепенно происходит так называемый *ценностный событийный сдвиг*: для человека, живущего в VR, события, там происходящие с ним, становятся ценностно и смыслово более

⁶² См. также о концепции Д. Чалмерса [Танюшина 2021].

значимыми, нежели события в социальной, не виртуальной жизни. ВР для него становится событийной и ценностно окрашенной, жизненно значимой. В этой ВР – он, то есть его цифровой аватар, любим, уважаем, он там герой, его принимают и славят. Яркий пример тому, как метафора такой жизни – фильм Д. Кэмерона «Аватар». Персонаж фильма, инвалид в жизни на Земле, прилетая на другую планету, попадая туда в виде цифрового аватара, становится Героем, спасающим её от уничтожения.

Д. Чалмерс же делает вывод, что не виртуальная реальность и ВР есть две формы реализации человека, и обе обладают ценностью, более того, нет оснований полагать, что какая-то из них более реальна и значима. Существование в ВР может быть настолько же ценным, что и существование в исходном, физическом и социальном мире.

Мы не будем здесь далее спорить с Д. Чалмерсом по поводу виртуально-го сдвига в целом и по поводу возможности создания искусственного интеллекта, переселения человека в иное, небιологическое тело и т. д. Это отдельная проблема⁶³. Но что касается виртуальной реальности, здесь нет предмета спора. И нет нужды доказывать, что виртуальный мир – не иллюзия, а реальность. Но вопрос состоит в другом. Какова природа этой реальности?

Заметим, что исходная форма реальности у Д. Чалмерса редуцирована до физической, до существования эмпирического индивида (как это характерно вообще для аналитической традиции). Но дело в том, что человек есть существо социальное, деятельностное, культурное, способное на поступок, связанный с нравственным выбором. Эти качества не формируются в собственно физическом мире. В этом первом физическом мире он – вещь среди вещей, такое же животное, как любое другое. Только «двуногое и бескрылое». Но по мере его социокультурного развития на нем формируется иное, общественное «тело», неорганическое тело личности.

Поэтому сравнивать ВР с физической реальностью означает сильное упрощение, поскольку именно ценности и смыслы формируются вовсе не в физическом мире вещей, а в мире нравственных и социальных ответственных действий. Д. Чалмерс слишком упростил задачу. Она гораздо сложнее. Человек потому и уходит в ВР, что именно как социальное и культурное существо он выбирает там, в ВР, ценности и критерии собственной событийности, будучи не способным их найти в социальном мире. Этот уход в ВР означает уход от себя, показывающий не просто цифровизацию, но и виртуализацию социокультурного мира, уход прежде всего ценностный, смысловой, событийный, а не чисто технологический. Это и означает его, человека как социокультурного существа, превращение, метаморфоз, оборачивание в цифрового двойника и замена себя, до виртуального, своим цифровым аватаром.

Но для Д. Чалмерса, как и для других представителей компьютеризации, согласно которому разум имеет вычислительную природу, ВР есть

---

⁶³ Д. Чалмерс, как и многие другие представители аналитической традиции, полагают, что AI возможен, поскольку сознание они понимают в категориях вычислительных операций. А поэтому эту функцию вычислений может выполнять искусственное техническое устройство, то есть AI. Последний и создает виртуальную среду. Достаточно построить хороший алгоритм, и можно создать AI. Тем самым AI наделяется качествами субъектности, а человек фактически элиминируется за ненадобностью. К. Маркс оказался прав.

фактически результат компьютерного конструирования, построенного на вычислительной модели, последняя же должна так или иначе повторять исходную физическую реальность. А компьютер выстроен по логике алгоритма, по которому осуществляются операции по вычислению, происходящие в человеческом мозге.

Базовая пара категорий, лежащих в основании такой онтологии, сводится к паре вещь-машина. Человек с его мозгом сведен к функциональному органу, физическому объекту, его сознание – к операциям в мозге, а ВР суть порождение машины. Такая предельно редуцированная модель, как мы полагаем, не может быть удовлетворительной моделью для понимания природы не только ВР, но и в целом природы мышления и человека.

При описании виртуальной реальности Д. Чалмерсу не хватает методологической точности. Да, ВР – реальность. Но какова ее природа? Признание того, что виртуальный мир есть реальность, а не иллюзия, и что виртуальные объекты – это цифровые объекты, такое признание мало что дает исследователю. Этот спор похож на игру в бисер.

За этим феноменом стоит проблема отчуждения человека от самого себя, превращения его в цифрового заменителя. Д. Чалмерс не оперирует понятием ПФ. Он испытывает дефицит средств понимания и главное – противостояния, поскольку человеку нужна альтернатива этой форме жизни в виде ПФ.

Альтернативную модель можно предложить, используя наработки в рамках культурно-исторической традиции, держащейся на работах К. Маркса – Л. С. Выготского (см. наши попытки [Смирнов 2021б]).

Если понятен механизм порождения виртуальной реальности как ПФ (а он описан в классическом виде у К. Маркса), то будет понятен и обратный механизм преодоления зависимости человека от этой ПФ, механизм возвращения человека к себе самому, преодоления магии ПФ, ее расколдовывания.

Итак, ВР устроена именно как ПФ. ВР не иллюзия. Это форма реального существования. Точнее, такого существования, в основании которого лежит стремление к замещению неудавшегося социального способа бытия. ВР становится таким замещением, фактически заполнением пустого социального места, которое человек реальным социальным содержанием не заполнил.

Природа этой ПФ как реальности – в ее превращенности, согласно которой исходное социальное отношение в реальной действительности заменяется иной формой виртуального существования, становящейся более значимой для индивида, нежели первая.

ПФ исходной, социальной реальности, переживается человеком при этом вполне реально (как, например, ребенок переживает, играя в свою игру), она доступна ему, предлагает ему разные формы как бы полноты и разнообразия существования. Это такая форма реальности, в которой возможно то, что невозможно в этой, первой, социальной реальности, что создает дополнительный соблазн для ухода индивида в эту реальность. ВР доступна, проста в освоении, существование в ней не связано с выполнением социальных обязательств.

В этой ПФ сняты те нормативные и ценностные ограничения, которые приняты и установлены в социальной реальности. В ПФ индивид перестает фактически существовать как социальное существо. Все социальные огра-

ничения здесь сняты. Он не несет ни перед кем никаких социальных и нравственных обязательств. Цифровые виртуальные объекты не предъявляют ему никаких требований. И сам индивид, живущий в ВР, становится таким же виртуальным объектом, то есть цифровым аватаром.

Смысловой и ценностный центр событийности смещается в эту реальность. Сама событийность становится виртуальной, кажущейся индивиду более полной, разнообразной, богатой и более значимой для него, нежели исходная социальная реальность⁶⁴.

Человек в виде своего цифрового двойника начинает жить в этой ВР собственной жизнью, подчиняясь логике и законам ВР, не подвластной человеку, оригиналу. В пределе аватар может и отделиться от своего оригинала, примеров чему уже много. Когда, например, по документам человек еще жив, он как бы значится в базе данных, а реально он умер. И статистика, и все действия с этим человеком продельваются на основе этих данных, а не на основе того, что реально с человеком произошло. Его документальный заменитель как бы живет своей жизнью, им манипулируют, подают на него сведения и проч., а физически его уже нет. Но по факту манипулируют данными о человеке, его ПФ, которая в ВР организуется, оформляется, образует новый «функциональный орган», обладающий своей квазисубстанциальностью, живя своей жизнью как отдельная цифровая монада.

Виртуальная реальность: поиск онтологии

Некоторые исследователи, еще в доцифровую эпоху, представляли ВР фактически как форму работы сознания и подсознания: в виде форм и образов воображения, сновидений, различных образных представлений, игровых имитаций, художественных образов [Носов 1999; Розин 1996]. По этой логике в сферу ВР они включили детскую игру, искусство, разные практики воображения и представления, сновидений, фактически, все многообразие работы сознания человека и шире – многообразие его психической жизни.

К таким попыткам относится, например, предложение Н. А. Носова о введении отдельного направления «виртуалистика», посвященного исследованию так называемых виртуальных объектов и состояний, которым данный автор пытается приписать онтологические качества. Но все примеры виртуальной реальности автор берет из реальности психической жизни (особые состояния летчика во время полета, сновидения, состояние пациентов, страдающих от алкоголизма, и др.). Но с другой стороны, Носов пытается вывести виртуалистику из истории философии, в которой были пре-

---

⁶⁴ Многие исследователи в этой связи полагают, что в настоящее время в силу виртуализации и цифровизации мира сам процесс социализации и адаптации человека в подростковом возрасте происходит именно в виртуальной реальности, в связи с чем введены уже такие понятия, как «цифровое детство», «цифровая социализация», «цифровая личность». Виртуальная реальность в виде интернета побеждает семью и школу в борьбе за главную роль в процессе социализации [Солдатова 2018]. Но проблема в том, что такая виртуальная социализация происходит также в превращенной форме, форме замещения реальной социализации, замены человека его цифровым двойником. Виртуальная социализация, в силу снятия социальных обязательств, происходит в форме виртуальной имитации и замещения. Условно говоря, социализируется не сам человек, а его цифровой аватар, двойник, создаваемый в цифровой реальности, сам же человек социализацию не проходит, заменяя себя другим, цифровым двойником.

цеденты обсуждения такой особой реальности, как потенциальное бытие (на примере Николая Кузанского и др.).

С одной стороны, речь идет о различных воображаемых мирах, имеющих природу психической реальности (против чего никто и не возражает), с другой стороны, делаются попытки онтологически укоренить ВР через категорию потенциального, виртуального бытия. Последнее есть бытие в потенции, в возможности состояться, в пределе – это обретение человеком собственной реальности через постижение бытия в Боге (поскольку для религиозного мыслителя бытие возможно лишь как бытие в Боге), в его Истоке. Исток бытия представлен как праформа, прообраз иных, последующих форм бытия (семя будущего древа).

Эта идея не получила дальнейшего концептуального развития⁶⁵. Но вот феномен воображаемых миров, в которые погружается человек, для чего используются разные иммерсивные средства (компьютер с программой, тренажеры, наушники, очки и проч.), за счет чего человек испытывает эффект присутствия в особой реальности, так этот феномен и получил фактическое воплощение в современных разработках, когда разработчики получили в свое распоряжение новые информационно-компьютерные технологии, позволяющие создавать этот эффект присутствия.

Но надо понимать, что такое погружение есть манипуляция с сознанием. Фактически тем самым представление о ВР сводится к феноменам сознания, что показывает чрезмерное смещение границ ВР. Оно происходит от неточности методологической оптики, непроясненности природы ВР. Последняя отличается от работы сознания тем, что ВР – реальность, воплощенная телесно, но заменяющая собой первую реальность, породившую ее. Как деньги замещают товар, а за ним – труд (см. выше).

Виртуальные объекты в этом смысле имеют гибридную природу, это «кентавр-объекты (К-объекты), имеющие естественно-искусственную при-

⁶⁵ Представление о ВР в категориях потенциального бытия, посредством которого сама реальность рассматривается с точки зрения сопричастности ее к своему онтологическому Истоку, имеет глубокие философские корни. Фактически концепт потенциального бытия получил развитие в таких идеях, как божественный «прообраз» у Кузанского, «прафеномен» растения у Гете, клеточка капитала у Маркса, в том числе в виде растительных метафор – семя орехового дерева у Николая Кузанского, желудь дуба. Это семя можно «увидеть» лишь умным зрением, «телесными глазами». Кузанец рассматривал прообраз «умным оком». Не так, как он видит актуальное дерево, а «виртуально», то есть как возможное будущее органического целого, его «божественный прообраз». В семени скрыта божественная потенция бытия. В семени в свернутом виде представлено будущее развитое целое, последнее присутствует в семени как прообраз [Кузанский 1979: 46–47]. Понятно, что речь идет об умозрении, посредством которого можно узреть сквозь мрак неведения божественный Исток, Начало. Силу зрению человека дает божественная сила. «Видит» не глаз, а духовная сила, дающая возможность человеку различать цвета и формы в природе и становящаяся путеводителем в искании Бога. В рамках разработок, посвященных ВР, это направление о потенциальном бытии не получило развития. Хотя, полагаю, именно оно могло бы задать основания для построения собственной онтологии ВР. Это вполне объяснимо. Произошла известная онтологическая редукция, свернувшая актуальное бытие в Боге в мирское редуцированное существование с помощью эффекта погружения. Вместо бытия в Боге – погружение в мир грез и цифровых объектов. Иммерсивность заменила богообщение. Попытка восстановления этой традиции была осуществлена в работах С. С. Хоружего, но в эскизном, не проработанном виде [Хоружий 2000; Хоружий 2005].

роду, какую имеют вообще многие знаково-символические объекты, замещающие собой физическую и социальную реальность. С одной стороны, объекты ВР есть продукт работы сознания, они выступают как Е-объекты, с другой, они конструируются в компьютерных играх, в имитационных моделях, с помощью разного рода цифровых программ и платформ, иммерсивных средств, позволяющих человеку совершить погружение в ВР (И-объекты).

В этом смысле ВР в доцифровую эпоху еще не могла быть так называемой объективной реальностью. Во времена Маркса и Выготского, Фрейда и Юнга могли говорить о реальности сознания и подсознания, о реальности психической жизни, о реальности процесса превращения социального мира в мир превращенных форм, что и было ими описано в их работах на примере денег, цены, архетипов и неврозов. Как самостоятельная реальность она сформировалась именно в ситуации цифровизации. В этом смысле единицей любого виртуального объекта выступает цифра, а не образ сознания или подсознания. Образ подсознания есть продукт активности человека, осуществляемой либо под контролем сознания (в игре, в искусстве), либо не под контролем сознания (во сне), как вещная форма проявления сознания. Но в ВР виртуальные объекты, используя работу человеческого сознания, переводят их с помощью цифры в виртуальную реальность, становясь параллельной человеку реальностью, внешней и превращенной по отношению к индивиду. Поэтому мы и говорим о цифровых двойниках, цифровых помощниках, цифровых аватарах и проч.

Да, феномен двойничества был описан давно в культуре. Фигура Двойника представлена в великой литературе. Но Двойник у Достоевского – «бумажный тигр», он плод воображения писателя. Он существует лишь в сознании его автора. Он не существует независимо от него. Он не конструируется и не выводится во вне сознания индивида. Или он существует в виде бреда психически больного, или как образ во сне спящего человека.

До появления цифры ВР была представлена, полагают некоторые авторы, в виде состояний человека, которые он испытывал в особых случаях (в игре, в самолете, в состоянии болезни, в искусстве), попадая в особые ситуации и переживая их событийность, человек и порождал такие виртуальные объекты. Последние суть порождение особого состояния сознания человека [Розин 1996]⁶⁶.

Думаю, что сведение ВР, ее объектов, к продуктам порождения сознания и подсознания – тоже редукция. Именно в силу того, что ВР – такая же реальность, но параллельная социальной и физической реальности, реальность превращенная. В этом кроется ее магия и ее соблазн. Но и в этом же кроится и ключик к ее расколдовыванию.

Для этого необходима настройка оптики мышления на выстраивание адекватной самой ВР онтологии, что в свою очередь нуждается в соответ-

---

⁶⁶ Розин при этом выделяет пять типов объектов ВР – имитационные, условные, прожективные и гибридные. К пятому классу относятся собственно цифровые объекты, а цифровизация им понимается как вид социального проектирования. В любом случае объекты ВР есть продукты ЕИ- природы. Они создаются либо по логике подобия, либо по логике имитации, либо конструируются и образуют особую реальность. ВР существует вне отдельных индивидов и дана им как внешняя реальность, уже от него не зависящая. Яркий пример – реальность Интернета.

ствующей предельной онтологии. Например, бытие человека не может быть понято без бытия в Боге. Или онтология Техники не может быть построена без онтологии Деятельности. Так и здесь. Ведь ВР (как реальность, а не фикция сознания) не является и не может являться самостоятельной. Она по своей природе вторична. Но, как полагает С. С. Хоружий, в настоящее время до сих пор «философские основы виртуалистики не выстроены, философская и в особенности онтологическая трактовка виртуальных явлений до сих пор остается почти не развитой» [Хоружий 2005: 40].

С другой стороны, повседневные практики поставляют нам огромное количество примеров виртуальной жизни, виртуальных проявлений, форм, вплоть до того, что мы уже говорим о ВР, о виртуальных объектах, виртуальных событиях, но концептуальной основы под свой весьма пестрый виртуальный опыт мы не подвели, дабы увидеть эту реальность умным, вооруженным глазом.

К слову сказать, сам С. С. Хоружий для понимания сути и смысла ВР отталкивается в своих представлениях о ВР от квантовой механики, в которой уже давно введены такие научные конвенции, как «виртуальный фотон», «виртуальная траектория элементарной частицы». Под последними имеется в виду целый ряд допущений физиков о существовании особых идеальных объектов, которые не совсем существующие объекты. Они лишены некоторых важных предикатов существования, выступая как бы некоторой недореальностью. В этом плане, полагает С. С. Хоружий, виртуальные явления характеризуются некоторым частичным, недо воплощенным существованием, отсутствием ряда существенных признаков существования [Хоружий 2000: 313]. Им присуще «умаленное наличествование».

В этом смысле ВР не обладает самостоятельным родом бытия, она распознается как некоторый субгоризонт, представляя собой «недород бытия». Виртуальные события суть проявления человека, подчас в крайних и радикальных формах, но в умаленном виде. Как это бывает часто – сдувается энергия в свисток. Виртуальные события яркие, броские. Человек в них реализуется, казалось бы, безгранично, он может в виртуальном мире творить то, чего не может делать в социальном, физическом. Но эта иллюзорная масштабность и радикальность как бы реализации означает погруженность в «умаленную и участненную, недо воплотившуюся и недооформившуюся реальность, в сферу минимальной, пороговой событийности и энергетики» [Хоружий 2000: 349]. Но ВР не может рассматриваться как сфера сущего, то есть наличного бытия, поскольку представляет собой недоналичествующее, «недосущее» [Хоружий 2005: 42]⁶⁷.

Поскольку яркость и кажущаяся масштабность реализации не предполагает создания своего мира, своей онтологии, последнюю ВР берет у пер-

⁶⁷ Отчасти такое понимание перекликается с более привычным представлением, идущим из научно-философской традиции, согласно которой виртуальность есть реальность в потенции (потенциальное бытие). Виртуальные объекты и состояния в таком случае суть те, которые могут быть как возможные, могущие быть. В этом плане виртуальная реальность есть такая, которая существует лишь как возможность [Рузавин 2000: 404]. Виртуальная реальность есть некоторый уровень существования, показывающий потенциальное состояние бытия. Но при всем том, что виртуальность претендует на статус реальности, она всегда не дана в наличии, она всегда – в возможности, недо воплощенности, а потому и реальной в полном смысле быть не может.

вого мира, у мира социального, культурного, природного, человеческого. И сам человек виртуальный, живущий в VR, есть человек скопированный, чистой воды цифровой аватар, который не может быть самостоятельным, как не может быть самостоятельной копия. Или как не может быть самостоятельным молоток. Будучи инструментом, подручным средством, он функционирует всегда в чьих-то руках.

Такое представление о VR вполне перекликается с пониманием VR именно как ПФ исходной, первой, реальности. Но не извращенной формой, не имитацией, не фикцией, а вполне себе реальной формой жизни, только представляющей собой способ существования в превращенном, то есть в отчужденном виде⁶⁸.

В VR человек отчуждает, отделяет себя от самого себя, вынося себя в цифру, превращая себя в своего двойника, в цифрового аватара, наделяя его функциями как бы живого существа, не по-настоящему, а «понарошку». Вообще жизнь в VR есть игра понарошку, игра с копиями, при отказе от оригинала, то есть от самого себя. Это «творчество для пробы, для понта, для стеба, для прикола» [Хоружий 2000: 350]. Человек погружается в VR, полагая, что он попадает в царство свободы, но объективно выходит, что человек там недовоплощается, недоживает, недополучает, недо... Он там как бы живет. Человек не получает в VR полноты осуществления, не насыщается онтологической полнотой. Вследствие чего переживает фрустрацию, и вместо полноты существования – получает имитацию и новый наркотик. Попадая в этот онтологический тупик недобытия, понимая, что в таком случае надо бы вернуться в исходную социокультурную форму жизни, но не будучи в состоянии это делать, поскольку он от нее уже бежал, уходит снова в VR, начинает использовать VR как способ бунта против социума. Виртуальный бунт становится новой, но превращенной формой бунта, бунта понарошку, поскольку реального социального бунта виртуальный человек совершить не может. Для последнего необходимо выйти из VR в социальный мир, снять с себя ники и виртуальные прозвища и становиться реальным человеком, преодолевая собственное отчуждение, становясь реальным субъектом социального действия.

---

⁶⁸ Вместе с тем, признавая виртуальность в качестве реальности, не имеет смысла придавать ей действительно онтологического статуса. Стремление выстроить по поводу VR соответствующую онтологию, да еще привязать ее к фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, выглядит весьма искусственно (см., напр., [Сокулер 2017]). Этот автор полагает, что виртуальность, точнее, цифровой мир (что вообще-то не одно и то же) схожа по своим качествам с таким способом существования у М. Хайдеггера, как «подручное».

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: К ПРОБЛЕМЕ АНТРОПОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Е. И. Спешилова⁶⁹

Развитие искусственного интеллекта постепенно выходит на новые и новые высоты: то, что ещё несколько лет назад казалось перспективой конца XXI века, становится всё реалистичнее, а предположения из области научной фантастики плавно обретают черты вполне жизнеспособных и выполнимых проектов. Человек всё больше интегрируется в техносферу, а вопрос повседневной заботы о себе выводится из его компетенции и делегируется «умным» устройствам: «умный» дом, «умный» автомобиль, «умный» город призваны решить все бытовые задачи, связанные с обеспечением базовых потребностей человека, позаботиться о нём и создать для него максимально комфортную, безрисковую среду. Одновременно с этим в виртуальное, цифровое пространство переносятся многие социальные практики: общение с друзьями, финансовые операции, образовательные процессы, взаимодействие с медицинским персоналом и так далее. В этой связи возникает закономерный вопрос: что при всех этих трансформациях происходит с человеком? Меняет ли технологический прогресс существенным образом самого человека или данные изменения не имеют принципиального онтологического значения, то есть человек остаётся «тем же самым», что и раньше? Становится ли он свободнее и ответственнее в поиске и развитии своей экзистенциальной стратегии или, напротив, находит в виртуальной среде новые формы зависимости и способы самозабвения? Все эти вопросы требуют детального философского рассмотрения, поскольку стремительное изменение жизненного мира современного человека, не получившее своевременного гуманитарного анализа, может оказать на него радикально деструктивное воздействие.

Дискредитация и реабилитация «виртуального»

Принято считать, что «виртуальное, каким мы его мыслим сегодня, – это сфера, где нет ни субъекта мысли, ни субъекта действия, сфера, где все события происходят в технологическом режиме» [Бодрийяр 2006б: 31]. Иначе говоря, виртуальное пространство зачастую рассматривается как не имеющее экзистенциальной ценности, вторичное, производное и, конечно, менее совершенное, нежели реальность. Виртуальность, рассматриваемая с аксиологической точки зрения, связывается с иллюзорностью, мнимостью, недостаточностью, наполненностью симулякрами и, в целом, получает, как правило, негативные коннотации. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «в виртуальном уже нет ценности – здесь царствует простая информативность, просчитываемость, исчислимость, отменяющая любые эффекты реального» [Там же]. Таким образом, виртуальность заранее оказывается дискредитированной, поскольку она переключает внимание человека со сферы реального на сферу нереального, заманивает его в «зазеркалье», отвлекая от подлинного и настоящего жизненного мира.

---

⁶⁹ © Спешилова Е. И. 2023

Вместе с тем само понятие виртуального, как и многие другие термины современного научного дискурса (в том числе такие понятия, как «искусственный интеллект», «умный город» и т.д.), остаётся непрояснённым [Соснина 2017] и нередко используется стихийно и интуитивно. Однако, так как философия – это пространство битвы «против зачаровывания рассудка посредством языка» [Витгенштейн 2018: 81], своё небольшое философское исследование мы начнём с предварительного семантического анализа данного термина.

Прежде всего следует отметить, что в узком и наиболее распространённом смысле «виртуальное» трактуется как то, что произведено с помощью информационно-коммуникационных технологий и компьютерных систем [Немыкина 2011: 57]. В частности, виртуальным может быть названо любое сетевое взаимодействие человека с другим человеком (виртуальное общение, интернет-коммуникация) или с другим пространством (виртуальное путешествие), а также любой феномен, который переносится из действительности в интернет-среду, то есть оцифровывается (виртуальная валюта, виртуальная карта и т. д.). В данном случае речь идёт о мультиплицирующем, удваивающем эффекте виртуального пространства, которое выступает как надстройка по отношению к физическому миру, как дополнительный канал получения информации, эмоций и впечатлений, а также как ещё одно средство коммуникации. В этом отношении виртуализация становится верным процессом-спутником информационного общества, в котором человек находится одновременно и в конкретной точке пространства/времени, и в оцифрованной, вневременной среде, на пересечении бесчисленных потоков сведений, мнений и знаний.

Наряду с этим сочетание «виртуальная реальность» (которое, казалось бы, должно быть оксюмороном) используется для обозначения новых искусственных миров, созданных с помощью компьютерного моделирования и производящих эффект присутствия путём активного воздействия на органы чувств человека (например, с помощью VR-технологий). Сам этот термин был введён в 1984 году американцем Дж. Ланьером, занимающимся производством компьютеров, способных создавать стереоскопическое изображение, и затем стал применяться для референции к киберреальности в целом. Пространства компьютерных игр и метавселенных дают «возможность человеческому сознанию окунуться в мир вымысла и фантазии» и по своим качествам напоминают нечто мистическое, мифическое [Грязнова 2005]. Такое виртуальное не воспроизводит реальность, но, скорее, служит как альтернатива действительному и наличному, его временная замена.

Однако важно учитывать, что понятие «виртуального» не исчерпывается таким узким и ограниченным техническим смыслом. Исторически термин «виртуальное» восходит к латинскому «virtus», которое трактовалось как «добродетель, нравственное совершенство, душевное благородство», то есть функционировало как этическая категория, описывающая превосходные мужские качества, и постепенно приобретало дополнительные смыслы, такие как «энергия, сила». Как отмечает Е. В. Грязнова, родство терминов «энергия» и «виртуальное» обнаруживается ещё в философии Платона и Аристотеля [Грязнова 2005]. Так, «виртуальное» рассматривалось как потенциальная энергия, активная, но воздействующая скрыто, неявно. Кроме

того, в средневековой философии и теологии «виртуальное» интерпретировалось в контексте теории возможных миров для обозначения того, что реально не существует, но может возникнуть при определённых условиях. С точки зрения логики, к возможным, а значит, виртуальным мирам относится вся область контрафактического [Kripke 1972: 44] – мыслимые положения дел, альтернативные варианты развития событий, то, что могло бы (или не могло) иметь место в действительности. Умберто Эко, используя семантику возможных миров в качестве методологии исследования текстов, пишет, что возможный мир – «это мир воображаемый, желаемый, чаемый, искомый» и т. д. [Эко 2007: 375]. Такими виртуальными мирами, например, предстают произведения художественной литературы, мифы и иные нарративы, в которых конструируется некая символическая реальность.

Ещё одно смысловое измерение понятие «виртуальное» получает в рамках естественных наук, в частности, в основаниях классической механики, а также в квантовой теории поля. Оно используется для обозначения ненаблюдаемых, мнимых объектов (виртуальная частица, виртуальная траектория и т. д.), которые, с одной стороны, наделены теми же характеристиками, что и реальные объекты, но, с другой стороны, не удовлетворяют некоторым «существенным условиям и ограничениям на эти характеристики», например, их «энергия не обязательно является положительной», а «масса не обязательно является нулевой» [Хоружий 1997]. В статье «Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности» С. С. Хоружий утверждает, что «виртуальная реальность, виртуальные явления характеризуются всегда неким частичным или недоовощённым существованием, характеризуются недостатком, отсутствием тех или иных сущностных черт явлений обычной эмпирической реальности» [Там же], именно поэтому такую реальность не следует рассматривать как отдельный, автономный род бытия или особый онтологический горизонт. С его точки зрения, виртуальная реальность «опознаётся как своеобразный суб-горизонт в горизонте энергий “здешнего истока”, представляя собою *не род, но недород бытия*» [Там же]. Несмотря на то, что виртуальное пространство может послужить областью расширения опыта человека, сама сфера виртуального интерпретируется им в качестве чего-то умалённого, недоовощённого и недооформленного, как признак упадка человека и мира. В онтической иерархии виртуальные события располагаются в области минимальной энергетике, уступая по степени значимости как событиям наличествования, так и, конечно, событиям трансцендирования.

Таким образом, представленная палитра различных вариантов понимания термина «виртуальное» показывает всю неоднозначность этого понятия. Отталкиваясь от трактовки «виртуального» в узком смысле – как созданного с помощью особых компьютерных технологий, максимально погружающих человек в сконструированный мир, и используя интерпретацию «виртуального» как информационного и символического феномена, можно заключить, что современный человек живёт в виртуальном мире, поскольку «повсюду существует замена реальности “неореальностью”, целиком произведённой исходя из комбинации элементов кода. На всём пространстве повседневной жизни существует огромный *процесс симуляции*» [Бодрийяр 2006а: 164]. Более того, можно прийти к выводу, что не только для современного, но для человека в принципе характерно стремление «пре-

одолевать» реальность путём трансгрессии в виртуальные миры (здесь, к примеру, можно вспомнить практики камлания, путешествия шаманов в потусторонний мир). Данность, фактичность и даже косность наличного (имманентный срез) дополняется опытом его переосмысления, воображения того, чего нет, то есть виртуальным пластом, а в предельных случаях – практиками трансцендирования. Жиль Делёз подчёркивает, что «всякое актуальное погружено в похожую на туман расплывчатость виртуальных образов», которые на него воздействуют [Делёз 2006]. Виртуальное всегда определяется посредством оппозиции чему-либо – виртуальное/реальное, виртуальное/актуальное, виртуальное/материальное; и в зависимости от того, что утверждается в качестве его «антагониста», акцентируется онтологическое, гносеологическое или аксиологическое значение виртуальности.

Логика постмодерна свидетельствует о том, что в предельном смысле вся сфера символического, вся область культуры как знаковой реальности может быть отнесена к пространству виртуального, искусственно созданного, надстроенного над материальным миром; иначе говоря, виртуальное может пониматься как замена идеального. В постмодернистском дискурсе исчезает грань между реальным и виртуальным: виртуальность оказывается реальной, а сама реальность виртуальной. Виртуальность реальна, в частности, потому, что она оказывает воздействие на субъекта, порой даже более интенсивное, нежели события действительности. Реальность же виртуальна в том смысле, в каком она конструируется человеком и обществом посредством языкового структурирования и ценностной дифференциации объектов; реальность создаётся человеком, она не является вещью в себе. Когда все процессы рассматриваются исключительно в информационно-коммуникационном свете, то всё психическое, социальное, даже сам субъект может виртуализироваться, получая статус иллюзии, эффекта властного дискурса, с помощью которого можно скрыто управлять желаниями масс и регулировать их потребности.

Тем не менее, если мы стремимся разграничить области виртуального и неvirtуального, то следует иметь в виду ключевые свойства виртуальной реальности, к коим можно отнести: «порождённость, автономность, интерактивность, превращённость, наблюдаемость, дискретность, субъективное происхождение и объективное существование, символичность, отсутствие признаков, имеющих у натуральной реальности, иллюзорность, нереальность, ирреальность, потенциальность» [Грязнова 2013]. Родовым же признаком всего виртуального, как заключает Е. В. Грязнова, оказывается его «информационная сущность», тогда как все приведённые свойства являются производными от неё [Там же]. Остановившись на таком информационном подходе к понятию «виртуальное» и акцентируя внимание именно на цифровом виртуальном пространстве, постараемся оценить, какое влияние на человека оказывают технологии виртуализации. Действительно ли «мы вступаем в мир псевдособытия, псевдоистории, псевдокультуры» [Бодрийяр 2006б: 164] или всё-таки возможны конструктивные, экзистенциально значимые практики, представленные в виртуальном пространстве? Может быть, необходимо реабилитировать онтологически и аксиологически дискредитированное понятие виртуального?

Антропологические эффекты виртуализации жизненного мира

В монографии «Социум и синергия: колонизация интерфейса» С. С. Хоружий, рассуждая о практиках сетевого общения, писал, что «информационный прогресс сопровождается антропологической деградацией» и что «виртуализация этики – это неизбежный аспект виртуализации человека, и углубление виртуализации ведёт ко всё более полной дээтизации» [Хоружий 2016: 405–406]. При этом он предлагает определённую иерархию форм виртуального общения, в основе которой лежит нарастающая степень виртуализации данных практик. Так, например, в простой коммуникации посредством электронной почты присутствует минимальная степень виртуализации, поскольку структура идентичности и личности человека при этом не изменяется, человек пишет от своего лица. Общение через личную страницу в социальных сетях, согласно данной иерархии, представляет первую ступень виртуализации, поскольку оно связано с созданием определённого образа себя, стилизацией субъекта. Затем виртуализация усугубляется в практиках анонимного сетевого общения, предполагающих отказ от собственного лица и от своего имени, и существенно возрастает при интернет-общении под «ником», примитивной маской. Таким образом, мы видим, что степень виртуализации в данном случае связывается не с различными видами технического взаимодействия, то есть не с мерой погружения человека в искусственно созданный мир, а с уровнем отказа человека от себя в этих практиках, то есть в само понятие виртуального изначально закладывается процесс дегуманизации, сопровождающийся снижением самоконтроля человека, падением его ответственности и нарастанием безличности. Однако, как отмечает С. С. Хоружий далее, хотя «из нашего описания виртуального общения выступает немалый набор весомых антропологических угроз, которые несёт в себе углубление виртуализации, <...> из него же можно извлечь и определённые указания на то, в каком направлении надо двигаться для преодоления этих угроз. Решающий фактор – присутствие и участие человеческого лица, возврат в русло актуального личного общения» [Там же: 407], иначе говоря, ответственное общение от своего имени.

В этом отношении важно отметить, что в современной цифровой среде анонимность, считавшаяся ранее едва ли не одной из ключевых характеристик интернет-взаимодействия, становится всё менее возможной. Теперь субъекту не скрыться в виртуальном пространстве под цифровой маской, не утаить свои действия и даже мысли, нередко тем или иным образом зафиксированные в каких-либо поисковых запросах или доверительной личной переписке. Развитие технологий отслеживания пользователя, определения его интересов, предпочтений, политических или иных взглядов предполагает возрастание уровня правового и социального регулирования области сетевой коммуникации. Постепенно такое виртуальное взаимодействие становится всё более регламентированным, структурированным, в него проникают всё те же привычные установки, которые характерны для действительности: человек переносит в виртуальный мир стандартные социальные практики, транслирует знакомые ценности. Неэтичное и нетипичное поведение в виртуальном пространстве, как правило, осуждается, а различные варианты девиантных поступков имеют негативное значение,

то есть в виртуальной реальности воспроизводятся стандартные процедуры этической оценки, а также механизмы социальной дифференциации.

Учитывая то, что виртуальная реальность есть реальность информационная, цифровая, необходимо акцентировать внимание на производности, порождённости этого пространства. Погружение в виртуальный мир означает взаимодействие с данными, ценностями, идеями и смыслами, за которыми стоит некий создатель, программирующий среду определённым образом. Виртуальность может породить иллюзию нейтральности и непредвзятости информации, однако важно не забывать, что она всегда кем-то производится. То, что данные могут фиксироваться с помощью автоматизированных систем и затем обрабатываться с использованием технологий искусственного интеллекта, также не означает, что полученная в результате этих процессов информация является объективной, поскольку именно человек определяет, какую выборку данных производить, каким образом их обрабатывать и с какой целью.

В связи с этим одним из принципиально значимых антропологических эффектов, порождённых виртуализацией жизненного мира человека, на мой взгляд, является распространение практик манипулятивного воздействия на субъекта. С точки зрения Ж. Бодрийяра, забота о человеке, которая декларируется в качестве цели научно-технического развития, по сути, является алиби для реального принуждения: «функция всякого, институционального или неинституционального, аппарата заботы, который нас окружает и разрастается – общественной информации, рекламы и т. д., – состоит в том, чтобы одновременно награждать и удовлетворять, и соблазнять, тайком совращать» [Бодрийяр 2006б: 213]. Такая навязчивая забота есть форма скрытой манипуляции, «типичная репрессивная позиция патерналистского аналитика», в которой утверждается, что человек не способен самостоятельно понять себя, познать, чем он является и чего хочет, «для этого есть *мы*» (государство, общество, крупные корпорации и т. д.), наблюдающие за человеком и знающие его лучше, чем он сам [Там же: 215]. При таком подходе человек редуцируется до пассивного объекта воздействия, а само сетевое пространство становится новым инструментом контроля, но не открыто дисциплинарного, а латентного, рассредоточенного [Krivý, 2018: 12] и потому менее заметного. Практики заботы о себе, траектории личного преобразования и попытки «услышать свой голос» [Смирнов 2010: 80] в манипулятивном сценарии не приветствуются, так как контролировать индивидуальное, личностное сложнее, нежели усреднённое, массовое и однообразное.

Однако виртуальное, несмотря на связанные с ним антропологические риски, можно использовать и в конструктивном ключе: «никак не отвергая виртуального общения, мы должны развивать навыки, ноу-хау, как переводить это общение в поле *chresis*, благого пользования» [Хоружий 2016: 409]. В этом смысле виртуальное может трактоваться как творческое, игровое пространство, область воображения и моделирования, позволяющая в ещё одной форме совершенствовать личностные качества человека и реализовывать его персональную стратегию. «Человек, деструктивные действия которого предотвращает не мораль, а право, – большой человек, человек *не в норме*» [Аванесов 2016а: 351], если же человек морально и экзистенциаль-

но здоров, то и в виртуальном мире он сможет позитивно преобразовывать себя, тем самым возвращая понятию «виртуальное» его исходное значение нравственного совершенства и духовного благородства.

* * *

С одной стороны, виртуальное можно рассматривать как исчезновение реальности, как «смелый, специфический выбор самого человечества», которое «решило клонировать свою телесность и своё имущество в другой, отличной от прежней, вселенной» и, по существу, «отважилось исчезнуть как человеческий род, чтобы увековечить себя в роде искусственном, гораздо более жизнеспособном, гораздо более эффективном [Бодрийяр 2006б: 31–32]. С другой стороны, мы можем рассматривать виртуальное как современную реальность, в которой существуют антропологически значимые практики, то есть как то, что может быть направлено на «выстраивание культурных практик развития и формирования личности человека в новой реальности с помощью построения моделей человеко-цифро-машинно-знаковых систем, выступающих полигонами развития высших способностей человека – его мышления, воображения, памяти» [Смирнов 2022а: 75–76]. Виртуальное оказывается амбивалентным во многих смыслах: оно и существует, и не существует; представлено и в потенциальном, и в актуальном измерении; с ним связаны как опасности, так и позитивные возможности. По сути, это новый вызов для человека, риск потерять себя или всё-таки обрести. Как писал Мартин Хайдеггер, «чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному, тем более вопрошающими мы становимся» [Хайдеггер 1993: 238], и именно такое философское вопрошание позволяет найти спасительный путь в виртуальном пространстве.

К ОСНОВАНИЯМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФОРМ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О. А. Персидская⁷⁰

Вопрос о сущностных характеристиках человека в эпоху стремительного прогресса «умных» технологий с необходимостью предполагает многосоставной ответ. Человека можно попытаться понять через трансформацию среды его существования; через изменение его собственных физиологических и когнитивных параметров, эмоциональной сферы и коммуникативных навыков. На пути этого познания несколько базовых философских феноменов являются ключевыми, центральными: например, сознание и бессознательное, деятельность, граница, личность, идентичность. На последнем из приведенных понятий – идентичности – мы хотели бы сосредоточить внимание в этом параграфе. Его основной целью является попытка концептуализации оснований исследования цифровой идентичности как комплексного феномена. Однако мы считаем необходимым предварить эту попытку рассмотрением особенностей цифровой среды – на наш взгляд, это необходимо для погружения в тему.

Цифровой мир и смешанная среда существования

Реальность, в которой находит себя современный человек, претерпела настолько глобальные изменения, что те, кто пытается ее описать, осознают необходимость переименовать ее, чтобы подчеркнуть отличительность нового мира от всего того, что было раньше. Излом, ставший причиной поворота от старого мира к новому, часто связывают с информационной революцией, которая начала разворачиваться с изобретением микропроцессорных технологий и персональных компьютеров и достигла своего апогея, когда появился интернет как сеть для информационного обмена в масштабах всей планеты [Floridi 2014; Маклюэн 2013 и др.].

Критерии, по которым оценивается роль цифровизации в жизни отдельных людей, завязывают с эмпирической оценкой таких показателей, как процент пользователей интернета в мире и отдельных странах, возраст дебюта пользования интернетом, возраст, с которого пользователь начинает самостоятельно формировать свой интернет-контент, время, уделенное серфингу в социальных сетях [Бовина, Дворянчиков 2020], регулярность доступа к гаджетам у представителей разных поколений [Cognitive development 2017], особенности взаимодействия детей с интерактивными игрушками [Hong, Lee 2019] и др.

Очевидно, что для именования этой новой реальности требуется емкое концептуальное обобщение, способное стать основанием для исследования текущих трансформаций. Кто-то, как например В. Д. Нечаев и Е. Е. Дурнева, говорят о цифровой реальности, которая существует параллельно с привычной предметной средой [Нечаев, Дурнева 2016]; R. Gillian провозглашает эпоху визуальной культуры [Gillian 2014]; А. В. Непомнящий заостряет внимание на глобальной экспансии информационно-коммуникационных

---

⁷⁰ © Персидская О. А. 2023

технологий и последующей их развертке во всех аспектах жизненного контекста человеческих сообществ [Непомнящий 2017]. Лейтмотивом исследований звучит идея о том, что так называемая цифровая среда настолько плотно входит в повседневность, что начинает замещать не цифровую.

Интересно, что понятия, описывающие процесс цифровизации жизненного мира личности, также успели пройти несколько итераций проверки на актуальность. О. В. Рубцова фиксирует, что еще недавно употребительное понятие «виртуальная реальность» теряет свою популярность [Рубцова 2019a]. Ему на смену пришло иное понятие – смешанная реальность, которое опирается на так называемый континуум Милгрэма, отражающий протяженность от базовой реальности до чистой виртуальности [Milgram, Kishino 1994]. Также с континуумом Милгрэма и с понятием смешанная реальность соотносится понятие онлайн, введенное Ф. Флориди в 2014 году [Floridi 2014], но до сих пор актуальное для ряда исследователей.

Нам кажется примечательной эта эволюция понятийного аппарата с точки зрения того, как в каждом новом понятии сначала четко разграничиваются, затем совмещаются, а после вовсе неразрывно сливаются реальности, в которых существует человек. В этой связи отправными точками в концептуализации оснований цифровой идентичности как комплексного феномена мы будем считать смешанную реальность в качестве понятия, фиксирующего размывание реальности и виртуальности, постепенное стирание четкой границы между человеком и машиной, а также разворот от дефицита информации к информационному изобилию [Floridi 2015].

Онтологизация цифры и двойная неопределенность исследователя

Новая смешанная среда существования человека и глубокие изменения его самого стали вызовом для социально-гуманитарных наук; ряд исследователей говорит даже о формировании оснований новой, «цифровой» антропологии [подробнее см. Аванесов, Спешилова 2021]. Для того, чтобы перейти непосредственно к анализу феноменов, связанных с человеком в цифровой среде, зафиксируем позицию, в которой находятся сами антропологи и социальные философы. Мы условно обозначили ее как позицию двойной неопределенности исследователя. Речь идет о том, что он, во-первых, испытывает недостаток теоретико-методологических концепций и объяснительных моделей. Частично это затруднение снимается за счет усовершенствования уже имеющегося аппарата социально-гуманитарных наук, но проверка этих моделей на адекватность является актуальной задачей будущего. Во-вторых, так как само цифровое общество находится в стадии своего формирования, концептуализация представлений о нем вынужденно строится на априорных допущениях. Этим же, на наш взгляд, обосновано и то, что в основании некоторых из концептуализаций о человеке в смешанной среде и цифровом обществе лежит противопоставление условий «старого» и «нового» устройства мира, где «старое» (или иногда – «традиционное») понятно и описано, а понимание «нового» в большей степени строится на принципе антитезы и в меньшей – на понимании и описании сущностной специфики процессов и феноменов.

Некоторая часть работ, посвященных человеку в цифровой среде, тяготеет в своих философских основаниях к онтологизации цифры и пони-

манию информации как субстанциональной сущности [Мамедова 2021: 75]. Эти идеи можно рассматривать как направляющие и регулирующие, в значительной степени определяющие тренд социально-гуманитарных наук и философии. Однако вопрос о правомерности и эвристичности такой онтологизации остается дискуссионным. Часть авторов, видя новизну оснований складывающегося цифрового мира, говорят о необходимости переосмысления оснований его онтологии. Интересно в этой связи наблюдение О. А. Гримова: «... принципиально уже то, что мы оперируем понятием “цифровая реальность”, полагая ее не просто актуализированной, но и “реальной” онтологически... Таким образом, сама дискурсивная практика и устойчиво воспроизводимые научный, публицистический, повседневно-практический и иные нарративы маркируют и закрепляют цифровые технологии как уже реальные <...>, обладающие социальной фактичностью и определенным императивно-принудительным воздействием на индивида» [Гринов 2019: 44]. Противоположный полюс мнений представляют суждения, демонстрирующие сомнения в онтологической оформленности цифрового мира: например, Д. В. Винник считает, что человечество не столкнулось «с принципиально новыми социально-онтологическими феноменами», а лишь «с новой спецификой давно описанных и объясненных социальных явлений, появившихся в результате усложнения коммуникационной среды» [Винник 2014: 80].

Цифровая среда как превращенная форма и пределы потери субъектности

Для описания сущности цифровой среды как онтологического феномена мы опираемся на концепцию цифровой среды как превращенной формы, которую разворачивает С. А. Смирнов (с опорой на концептуальную рамку К. Маркса). С. А. Смирнов оперирует понятием «виртуальная реальность», но нам видятся смысловые пересечения с употребляемым нами понятием «цифровая среда», поэтому здесь мы будем обращаться с обоими понятиями как с условно синонимичными. Цифровая среда для человека «представляет собой продолжение естественно-искусственного процесса метаморфоза деятельности человека, только воплощенное в ее превращенной форме», при этом «превращенная форма есть реальная форма жизни, не иллюзорная, но отчужденная от своего истока собственного происхождения» [Смирнов 2023б: 21, 25]. Цифровая среда как превращенная форма создает иллюзию привлекательной реальности, но лишь имитирует, условно воспроизводит реальную среду, причем в ограниченном и редуцированном виде. Важно, что пребывание в этой имитированной среде может приводить к «ценностному событийному сдвигу», когда события, происходящие в цифровой среде, становятся для человека более значимыми, чем те, что происходят в реальности [Смирнов 2023б: 30].

Этот сдвиг центра событийности открывает в перспективе возможность ухода самого человека, которую мы понимаем как смещение центра самоопределения: «Человек так увлекся техническим прогрессом, что по привычке, отдавая технике всё новые и новые функции и работы, постепенно стал отдавать ей и самого себя, свои умные функции, те, которые он выполнял ранее сам и которые делали его самим собой» [Смирнов 2021г: 23]. Здесь открывается возможность поставить вопрос о пределах потери

человеком самого себя в цифровой среде. Крайняя форма этой потери, на наш взгляд, выражается в невозможности обретения личностью самодостаточности, дающей основание для того, чтобы помыслить себя в качестве субъекта.

Особенную остроту эта ситуация приобретает, если мы обращаемся к ситуации ребенка, высшие психические функции которого проходят стадии своего оформления в смешанной среде, в окружении цифровых устройств. Социально-культурная специфика этой ситуации состоит в том, что гаджет (цифровое устройство) не только выступает более сложным орудием, но встраивается в механизм действия ребенка, одновременно беря на себя и стимулирование его к деятельности, и предложение готового сценария ответной реакции [Смирнов 2022а: 55]. Доводя такой сценарий до определенного предела, можно говорить, как представляется, о перераспределении ролей: так, устройство берет на себя функцию деятеля, а ребенок (пользователь) остается лишь наблюдателем.

Вопрос о пределах субъектности в цифровой среде является принципиально важным как для понимания специфики сущностных параметров изменившегося человека, так и для выстраивания концептуальных оснований цифровой идентичности, о чем будет сказано ниже, в разделе об определении контуров ее концептуализации. Какие еще характеристики, параметры человека важны для понимания того, как формируется цифровая идентичность? Не претендуя на исчерпывающий анализ этой широкой темы, остановимся на анализе цифровой коммуникации и особенностей мышления, поведения и эмоций цифровой личности.

Коммуникация в цифровой среде

Описание коммуникативного процесса в опосредованной цифровыми устройствами среде зачастую строится на противопоставлении привычного для исследователей (некоторые употребляют определение «традиционное») межличностного общения в ситуации «лицом к лицу» и новой формы общения в сети. На этой антитезе основаны выводы об ограниченности сенсорного опыта, который в ситуации онлайн-общения не может быть обогащен жестами, мимикой или интонационными модуляциями; здесь же – замена обычных проявлений человеческих эмоций на смайлы, эмодзи и иные условные знаки. Сюда относят специфическую черту онлайн-общения, которая связана с трансформацией представлений о времени и пространстве коммуникативной ситуации: «Виртуальное общение разворачивается в особом пространственно-временном континууме, в котором географические расстояния не имеют значения, а также имеет место так называемый феномен “вневременности”. Так, при общении в режиме “онлайн” ситуативное время может растягиваться до бесконечности, переживаясь как актуальное “здесь и теперь”» [Рубцова 2019b: 106].

Эмпирические ответы на вопрос о том, как общение онлайн воздействует на коммуникационные качества личности, лежат в широком спектре от позитивных до самых негативных оценок. Приведем лишь некоторые из них. Так, с одной стороны, опасения исследователей связаны с деградацией нравственной нормы коммуникативного процесса [Арпентьева 2017], замещением ее на ситуативное реагирование в рамках конкретной коммуни-

кативной ситуации [Postems, Spears 1998]. С другой стороны, есть доказательства в пользу того, что молодежное онлайн-общение структурировано в соответствии с достаточно хорошо разработанными нормами социальной уместности, чувством взаимности и коллективной этикой [Ito et al. 2008: 77]. Далее, результаты одних эмпирических исследований демонстрируют «корреляции онлайн-активности подростков с низкой самооценкой (Caplan, 2002), чувством одиночества (Clayton et al. 2013), самоповреждениями (Lam et al., 2009) и аутистическими признаками (Finkenauer et al. 2012)» [см. обзор: Жукова, Айсмонкас, Макеев 2019: 126], а также снижением эмпатии [Холмогорова, Клименкова 2016], но другие показывают, что соцсети и общение в них оказывает благоприятное воздействие: например, помогает юным в преодолении чувства одиночества и налаживании близких социальных связей [Wood, Bukowski, Lis 2016].

Существенную обеспокоенность исследователей вызывает появление ряда негативных феноменов, связанных с общением в социальных сетях. Среди них выделяют, например, кибербуллинг, троллинг и флейминг [Cheung, Wong, Chan 2021]. Учитывая, что понятийный аппарат в данной области не сформирован, мы не можем говорить о терминах в строгом виде, а только лишь об определениях, зачастую пересекающихся по смыслу и перекрывающих друг друга. Кибербуллинг – это использование информационных и коммуникационных технологий для намеренного, враждебного и неоднократно повторяющегося поведения лица или группы, направленного на оскорбление других людей [Belsey 2005; цит. по: Баранов 2015]. Под троллингом понимают «вид виртуальной коммуникации с нарушением этики сетевого взаимодействия, выражающейся в виде проявления различных форм агрессивного, издевательского и оскорбительного поведения» [Внебрачных 2012]. Флейминг характеризует вид интернет-спора, который ведется не с целью выяснения позиций оппонентов, а ради самой агрессивной коммуникации с использованием оскорблений, злых шуток, неаргументированной критики, переходом на личности [Смирнов 2006] (что представляется абсурдным с учетом анонимизации, которую обеспечивает киберкоммуникация).

Публикации, посвященные негативным эффектам онлайн-общения и опасным феноменам, которые оно порождает, как представляется, численно преобладают над теми, которые транслируют сдержанную позицию или подчеркивают позитивные стороны общения в сети. Но многие из них объединены выводом о том, что в современном мире социальные сети становятся одним из основных каналов коммуникации, особенно для детей и представителей юношества. В этом смысле блокировка доступа к интернету равноценна перекрытию кислорода и не может считаться разумным способом решения проблем, которые несет с собой общение онлайн.

Методологической рамкой, на которую ссылаются исследователи [см., например, Солдатова, Чигарькова, Калинина 2022; Yarchi, Baden, Kligler-Vilenchik 2020; Радина 2018] при исследовании онлайн-общения, стала модель J. Suler. В ней этот вид коммуникации характеризуется следующими признаками: обеспечивает диссоциативную анонимность и невидимость коммуникантов, способствует асинхронности и солипсистской интроекции, развивает диссоциативное воображение, а также минимизирует пока-

затели статуса и власти [Suler 2004]. Диссоциативная анонимность становится возможной за счет намеренного растождествления личностью себя и того образа, который она создает (конструирует) о себе в сетевом пространстве. Обращение к диссоциативной анонимности, к слову, часто служит для исследователей основой перехода к концептуализации понятия цифровая (или виртуальная) идентичность, к которому мы обратимся позднее. Невидимость дополняет диссоциативную анонимность, но имеет отношение к характеристикам поведения человека в сети: «люди, перемещающаяся в пространстве Интернета, не видимы, они могут посещать сайты, читать сообщения форумов, комментарии, наблюдать за дискуссией» [Бовина, Дворянчиков 2020: 103]. Асинхроничность вопроса и ответа позволяет коммуникантам обдумать, отредактировать или полностью изменить свои реплики. Солипсическая интроекция имеет отношение к ситуации, когда в отсутствие полной информации коммуникант конструирует, додумывает и достраивает образ своего сетевого собеседника, причем эта деятельность в большей степени опирается на собственные установки и потребности коммуниканта, а не на реальные (скрытые) характеристики его оппонента. Активизация диссоциативного воображения происходит в ситуации, когда коммуникант разделяет для себя онлайн- и оффлайн коммуникацию, подразумевая, что первая имеет характер игры и искусственности и не имеет воздействия на реальный мир человека. К посылке, в соответствии с которой цифровая реальность воспринимается человеком как симуляция, не имеющая отношения к жизни, восходит, как представляется, и выделенный J. Suler признак минимизации статусов и власти. Он основан на представлении о том, что интернет не воспроизводит структуры и институты реальной жизни, а предлагает пространство для отношений равенства (во многом за счет анонимности и скрытости реальных статусных регалий).

С одной стороны, очевидна актуальность обоснования онлайн-коммуникации как принципиально нового вида общения в условиях, когда граница между не цифровой и цифровой реальностью стирается, и исследователи скорее говорят о личности, живущей «онлайн», нежели о человеке, перемещающемся между двумя мирами. С другой стороны, некоторые характеристики онлайн-коммуникации, выявленные J. Suler, такие, как диссоциативная анонимность, солипсическая интроекция и активизация диссоциативного воображения, явно указывают на то, что сам акт такого коммуникационного взаимодействия не имеет, строго говоря, отношения к реальности ни с точки зрения самого коммуниканта (он разделяет себя и ту личность, которая общается в сети), ни с точки зрения его визави (существует ли он вообще?), ни по своим последствиям (которые воспринимаются коммуникантом как игра). Это позволяет нам переосмыслить онлайн-коммуникацию в понятиях символического акта, имеющего большее отношение к воображению личности, чем к реальности.

Мышление, поведение и эмоции человека в цифровой среде

Существуют любопытные исследования, посвященные тому, как современная среда меняет мозг человека на уровне его физиологии. Например, К. К. Loh и R. Kanai показали, что те, кто потребляет интернет-контент, переключаясь между разными видами электронных устройств (в источнике

такая активность названа *media multitasking*), имеют меньшую плотность серого вещества в передней поясной извилине мозга. Это наблюдение позволило авторам предположить связь между этим физиологическим параметром и снижением эффективности когнитивного контроля и социально-эмоциональной регуляции [Loh, Kanai 2014]. В другом исследовании было показано, что у профессиональных игроков в компьютерные игры (*video game experts*) повышен объем серого вещества в задней теменной коре, что улучшает функции их памяти, связанные с пространственной и визуальной обработкой информации [Tanaka et al. 2013; Gong et al. 2016].

Исследование влияния видеоигр на высшие психические функции можно выделить в качестве отдельной темы, объединяющей разработки многих научных групп. Противопоставление «мнимой ситуации» в «традиционной» (здесь: в не опосредованной цифровыми технологиями) игре и в видеоигре (опосредованной цифровыми технологиями) восходит к вопросу о том, задействовано ли и в какой степени в процессе воображение [Рубцова 2019б: 104]. Так, не опосредованная игра позволяет субъекту творчески действовать в широком диапазоне вариантов при изобретении игровой стратегии и реализации своей роли. Опосредованная игра имеет отношение скорее к выбору, а не созданию имеющихся игровых ролей и сценариев, и обращение к воображению происходит в гораздо меньшей степени.

Перспективная область исследований связана с интерпретацией бесконечного потока информации в интернете как гипертекста и выявлением изменений мышления, связанных с необходимостью пользователя взаимодействовать с ним. Нелинейность движения по гипертексту и открываемую им для субъекта возможность перемещаться по нему, руководствуясь не заданной структурой, а опираясь на собственные субъективные потребности, выделяют в качестве основных отличительных характеристик взаимодействия с гипертекстом. Также значимо, что получаемая информация разнородна: кроме собственно текста пользователь потребляет аудио- и видеоконтент, свободно переключаясь между ними [Рубцова 2019б: 101]. Результаты исследований разнородны [Войсункинский, Солодов 2020]: одни демонстрируют обеспокоенность последствиями существенного увеличения когнитивной нагрузки, другие показывают, что навигация по гипертексту позволяет адаптировать материал под себя [Patterson 2000], а также улучшить составляющие когнитивного процесса, связанные с созданием семантической сети [Jonassen, Wang 1993].

С темой гипертекста тесно связана другая область научного поиска. Растущее число академических публикаций, посвященных осмыслению феномена клипового мышления, по-видимому, говорит о том, что он находится в стадии обоснования своей научной состоятельности и эмпирической проверки. Отметим, что понимание сути «клипового мышления» зачастую строится на его противопоставлении иным типам мышления – например, понятийному, логическому, концептуальному мышлению или мышлению «людей книги» [Пендикова 2016; Купчинская, Юдалевич 2019]. Выделяют такие черты мышления «человека экрана», как быстрота поглощения информации, склонность к визуализации, способность к многозадачности. Подчеркивается и целый ряд иных эффектов такого типа мышления, которые авторы склонны оценивать как негативные: рассеянность, дефицит

внимания, ослабление аналитических способностей, поверхностность суждений, речевая бедность.

Вербальный интеллект также оказывается затронут цифровизацией. По-видимому, чрезмерное использование Интернета может быть связано со снижением когнитивных функций и уменьшением объема нескольких областей мозга у детей. Это может быть причиной снижения вербального интеллекта и уменьшением объема серого вещества на более поздних стадиях их взросления [Takeuchi et al. 2018]. В другом исследовании выявлено, что молодые люди (исследование было проведено на студенческой выборке), хорошо владеющие технологиями, с большей вероятностью будут обладать гибким мышлением и менее склонны сопротивляться изменениям, чем те, кто хуже разбирается в них [Barak 2018]. Среди прочих эффектов цифровизации описаны, например, повышение раздражительности и снижение стрессоустойчивости, сложности с концентрацией внимания, а также депрессивные проявления, возрастающий риск суицида, астения [см., например, Kelleci 2008; Twenge et al. 2018].

Возрастающая сложность инструментов, при помощи которых открывается возможность измерить параметры мозговой деятельности и глубже понять трансформации, связанные с физиологией мозга, продуцируют рост числа и разнообразие тем прикладных исследований. Однако в настоящий момент, на наш взгляд, нельзя говорить о том, что в академическом сообществе сложился консенсус, позволяющий дать хоть сколько-то однозначную и комплексную оценку изменениям, происходящим в мозгу человека, и вызываемым ими трансформациям его мышления, поведения и эмоций.

Зафиксируем некоторые опорные точки, которые кажутся нам важными и потенциально значимыми в данном дискурсе. Прежде всего, видится, что связь человека и цифровых устройств уже неразрывна. Интересный вывод делают N. Barr и соавторы: они трактуют эту связь как «расширенный разум». Имеется в виду то, что люди часто компенсируют свои способности к глубокому аналитическому мышлению обращением к смартфонам, где без особого труда находят ответы на свои вопросы. Исследователи заключают, что психология должна учитывать взаимосвязь разума и технологических средств для того, чтобы адекватно охарактеризовать человеческое мышление в современную эпоху [Barr et al. 2015].

Удачным методологическим приемом, примененным для целей более глубокого понимания особенностей «расширенного разума», видится переосмысление оснований теории развития личности Л. С. Выготского. В оптике этого подхода О. В. Рубцова говорит о принципиально новом механизме психики, через который происходит опосредование окружающего мира человеком: «цифровые технологии позволяют рассмотреть проблему орудия и знака под новым углом зрения. Так, в одних обстоятельствах компьютер или смартфон могут выступать преимущественно как орудие, используемое для передачи информации (отправка электронной почты или sms-сообщения), а в других обстоятельствах то же самое средство может выступать в качестве знака, опосредующего различные психические функции и процессы (общение через социальные сети, участие в компьютерной игре и др.). При этом переход от орудийного к знаковому использованию происходит настолько быстро (а иногда эти процессы разворачиваются парал-

лельно), что проследить четкую границу между технологией, применяемой в качестве орудия, и технологией, применяемой в качестве знака, представляется практически невозможным... Таким образом, с появлением новых технологий мы имеем дело с уникальным феноменом, который сочетает в себе как орудийные, так и знаковые компоненты. В ходе взаимодействия то одни, то другие компоненты выходят на первый план – иначе говоря, орудие и знак начинают работать вместе, и речь идет уже не о противопоставлении, но об их взаимосвязи и взаимопереходах» [Рубцова 2019а: 122].

От единой цифровой идентичности к множественности ее форм: определение контуров концептуализации

В современной социальной философии понимание идентичности личности в категориях ее текучести и принципиальной незавершенности окончательно сместило некогда преобладающее представление о ней как об определенной (и/или определившейся) структуре. Новый виток в развитии этих идей был спровоцирован становлением цифровой реальности в качестве притягательной среды для существования человека. Исследовательская схема, в соответствии с которой понимание идентичности возможно в том числе через систему ценностей, остается актуальной и на текущем этапе концептуализации оснований изучения цифровой личности. Исследования, касающиеся ценностных ориентаций, попавшие в поле нашего наблюдения, констатируют, что у «человека цифры» произошел «ценностный виртуальный сдвиг», причина которого состоит в переориентации от реальности к виртуальности: «ребенок, подросток выбирает разные образцы для своего поведения не в реальном социальном мире, не у родителей и учителей, а в виртуальном мире» [Смирнов 2021г: 23]. Хотя и фрагментарно, но дополняют и раскрывают этот тезис ряд эмпирических исследований ценностных ориентаций, которые подчеркивают высокую значимость для юношества возможности удовлетворения своих коммуникационных и познавательных потребностей непосредственно в момент их возникновения и веру в возможности технологий [см., например, Кирьякова, Мороз 2021], что, впрочем, кажется очевидным при возрастающем уровне зависимости молодежи от цифровых устройств.

Перенос центра событийности человеческой жизни из офлайн в онлайн заставил задуматься о содержании и критериях идентичности с точки зрения влияния на нее новых условий. Переопределение идентичности у «человека цифры» так или иначе можно возвести к концепции «дрейфующей идентичности» Ф. Джеймисона и представлениям о конструировании идентичности, интерпретирующим теории Э. Гоффмана [Мамедова 2021: 77]. Мы можем выделить два направления концептуализации, которые преобладают в дискурсе переопределения идентичности: во-первых, направленные на изучение расщепления виртуальной и реальной идентичностей личности; во-вторых, рассматривающие перспективы замены человека как личности постчеловеком.

В соответствии с первым направлением принято, что воплощение своей личности в киберпространстве происходит через удвоение, предполагающее появление у человека дополнительной идентичности – цифровой или киберидентичности. Эта идентичность определяется принадлежностью к

виртуальному сообществу и задается количеством информации, которую человек способен воспринять [Там же: 79]. Становление такой идентичности возможно из-за того, что основание механизмов идентификации принципиально изменяется: «социализация сегодня в значительной степени осуществляется в условиях продолжительного и активного пребывания в интернет-пространстве, что позволяет многим авторам называть ее “цифровой социализацией”» [Яницкий и др. 2022: 301]. Г. У. Солдатова определяет цифровую социализацию как «опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [Солдатова 2018: 76]. Здесь подчеркнем, что Г. У. Солдатова, которая существенно продвинула социально-философскую и социально-психологическую разработку концепта цифровой социализации, по-видимому, рассматривает цифровую среду как социальную и допускает наличие цифровой личности в качестве одного из измерений реальной личности.

Важно зафиксировать, что изменение оснований социализации позволяет противопоставлять их «традиционным основаниям», к которым относят семью и близкое окружение, школу и круг сверстников. Действительно, как показали Яницкий и соавторы, ценность таких объектов идентификации, как национальная, этническая или религиозная группа существенно девальвирована [Яницкий и др. 2022: 302]. Доводя различие между старыми и новыми объектами идентификации и ее механизмами до предела, М. А. Мамедова говорит, что «В реальном мире персональные и групповые идентичности являются продуктом *социального* (курсив наш – О.П.) конструирования, определяются разнообразными институциями. Виртуальное пространство образует широкую горизонтальную перспективу, которая обеспечивает возможности персонального формирования идентичностей...» [Мамедова 2021: 80], заостряя тем самым внимание на персонификации идентификационного процесса и его символическом характере.

Такая ситуация открывает человеку возможности для конструирования киберидентичности, и, по-видимому, пределы этого конструирования еще только предстоит осмыслить. Так, например, у О. В. Рубцовой человек сам является актором создания своей киберидентичности – с опорой на собственные вкусы и желания, он пробует и примеряет как различные социальные роли, так и может варьировать, например, возраст и гендерную принадлежность [Рубцова 2019б: 106]. В рамках такого представления человек сам является субъектом конструирования. Другие авторы (например, В. В. Чеклецов) говорят о риске, связанном с потерей идентичности; такой ракурс рассмотрения проблемы ставит человека в подчиненную позицию по отношению к воздействию на него цифровизации [Аршинов, Асеева и др. 2017: 154].

Что стоит за этими изменениями? Складывается впечатление, что в ответе на этот вопрос пока что мало определенности. Широко распространены суждения, в соответствии с которыми человек, лишенный «традиционного» процесса идентификации, вынужден формировать самопонимание с опорой на разрозненные, разобщенные объекты для идентификации, за счет чего его самоопределение представляет собой не согласованную, а децентрали-

зованную структуру; в итоге человек утрачивает свою «онтологическую почву» и нравственные ориентиры [Писаревская 2021: 192, 193]; лишается возможности стать интегрально развитой личностью [Непомнящий 2017: 13]. Также подчеркивается, что такая идентичность не является целостной структурой, а включает в себя «разрывы и пробелы в самопонимании себя и мира»; это приводит к неминуемым конфликтам личности с собой и окружением [Арпентьева 2017: 103].

Подчеркиваемый в концептуализациях символический характер цифрового взаимодействия, а также тот факт, что цифровая идентичность, по мнению исследователей, является дублем не цифровой идентичности и конструируется с опорой на персональные предпочтения личности, на наш взгляд, заставляет усомниться в том, можно ли считать цифровую социализацию именно социализацией в собственном смысле этого термина. Поясним, что социализацию связывают с интеграцией в социальную среду, которая упорядочена существующими в социуме нормами и институтами. А в случае персонального конструирования личностью своей цифровой идентичности следует, скорее, говорить о выстраивании образа себя, о самопрезентации в цифровом мире, или, в крайнем случае, о цифровой квази-социализации. Такое различие, на наш взгляд, принципиально важно, так как позволяет учесть одновременно и факт того, что цифровая квази-социализация складывается параллельно с социализацией человека, и то, что она обращается в своем становлении к символическим механизмам и персонально выбранным объектам.

Кроме того, перенос акцента на символический характер цифровой квази-социализации делает более понятным и рассуждение о роли волевого усилия в становлении цифровой идентичности. Для понимания особенностей процесса квази-социализации в условиях цифровизации важно, что, в отличие от не цифрового, цифровой мир предлагает простые для понимания и освоения символические схемы. Именно упрощение интериоризации этого доступного материала может приводить к последствиям, описанным рядом авторов, таким, например, как дефицит усилия и произвольной регуляции, нарушение способностей к самоконтролю [Тхостов, Сурнов 2005], смещение ориентаций к получению психологического комфорта и «сиюминутных удовольствий» [Арпентьева 2017: 101] как наиболее простых и доступных форм деятельности. В результате такой глобальной перестройки оснований личности человек «не умеет нести ответственность, не умеет совершать нравственный выбор, не умеет строить свою собственную ситуацию развития» [Смирнов 2021г: 23]. И речь здесь идет не столько о том, что человек инфантилизируется и скатывается к отношениям потребления, сколько о том, что происходит принципиально важный отказ от волевого действия. Воля же, понимаемая как одно из центральных качеств личности, как способность сознательно и целенаправленно регулировать и контролировать своё поведение и деятельность, умение мобилизовать психические и физические возможности для преодоления трудностей и препятствий, в условиях цифрового мира рискует, по-видимому, стать атавизмом. Не будет преувеличением сказать, что, передавая цифровому устройству все больше и больше функций, а в пределе – отказываясь от осуществления волевого усилия, в значительной степени человек теряет самого себя [Смирнов 2022б].

Второе направление в дискурсе переопределения идентичности еще более радикально и связано с перспективами, которые открывают достижения науки, направленные на глобальное преобразование качеств человека. В области социально-гуманитарного знания идеи, связанные с этой темой, часто объединяют под шапкой трансгуманизма. Притягательность трансгуманизма связана с тем, что он обещает ликвидацию боли, страдания и старения, а также значительное усиление физических, умственных и психологических возможностей человека [Новые технологии 2008: 7], а в своем пределе – даже преодоление смерти. В то же время в рассуждениях на тему трансгуманизма отчетливо звучит обеспокоенность, связанная с последствиями таких глобальных преобразований. Так Я. А. Афанасенко и Т. Г. Чернова рассуждают о том, останется ли человеческое в человеке после вмешательств, связанных с коррекцией генома, широким применением трансплантации, внедрением в жизнь цифровых технологий и искусственного интеллекта, контролем мыслительного процесса и пр. [Афанасенко, Чернова 2022]. Целый ряд мыслителей [см., например, Бжезинский 1972; Кутырев 2015; Трансгуманизм 2021; Смирнов 2022б] аргументируют, что радикальные идеи трансгуманизма редуцируют человека как социокультурное целое до набора биологических, когнитивных и интеллектуальных функций, одновременно подменяя в нем собственно человеческое. По отношению к идентичности человека ход такого рассуждения закономерно наталкивает на выстраивание философской проблематики, связанной с переопределением или даже поиском новой идентичности измененным человеком: «При принятии решения о том, как быть с подобными средствами, изменяющими субъект и его опыт (а следовательно, изменяющими после эксперимента и саму личность человека), и о том, как быть с “измененными” человеческими существами, нам придется столкнуться с такими новыми вопросами, как: “Кто я?”, “Когда я являюсь кем?”, “Кто они по отношению ко мне?”» [Бжезинский 1972: 26]. Таким образом, трансгуманизм в острой форме актуализирует тему направлений модификации человека, одной из ключевых точек рассуждения в рамках которой является проблема самоидентификации личности.

Исследования, краткий обзор которых нам удалось сделать, да и многие другие актуальные и значимые работы бесспорно важны для развития обозначенной темы. Отметим, что в части работ, посвященных исследованию цифровой идентичности или шире – цифровой личности – подход к пониманию человека задан в категориях функциональной поведенческой модели, выдающей набор реакций на воздействия цифровой среды. Та же оптика зачастую задает и подход к пониманию цифровой идентичности – она может быть сведена к единому образу, который характеризуется через согласованный набор присущих ему черт. Разумеется, конструирование таких образов важно для понимания особенностей отдельных сторон существования человека в изменившихся условиях цифрового мира. Однако, на наш взгляд, такой образ редуцирует сложное образование – идентичность человека в цифровом мире – до отдельной части. Мы же уверены, что идентичность в цифровой среде множественна, насыщена смыслами, связями, многоуровневым содержанием. В этой связи мы видим важным развитие комплексного видения проблемы, которое позволило бы исследовать совокупность форм цифровых идентичностей.

Критерии выявления форм цифровой идентичности

Новизна нашего подхода заключается не только в акцентуации необходимости выделения не единой цифровой идентичности, а совокупности ее различающихся форм, но также в попытке выстраивания каркаса критериев для их типизации. Данные критерии мы считаем основанием разрабатываемого нами теоретико-методологического конструкта.

1. *Роль цифрового устройства и цифровой среды.* Следует иметь в виду, что в каждой отдельной ситуации использования цифрового устройства оно имеет специфическую роль. Нам удалось зафиксировать такие роли цифрового устройства, как посредник; часть человека; наставник; инструмент. На наш взгляд, в осмыслении роли цифрового устройства важно фиксировать, наделяется ли оно в восприятии человека собственной субъектностью, то есть «оживляется» ли, воспринимается ли одушевленным.

Цифровая среда, которую мы рассматриваем как превращенную форму, может выступать в ролях коммуникативного пространства; источника быстрых удовольствий; источника информации и др. Таким образом, первый критерий имеет прямое отношение к вариациям онтологического статуса цифровой среды и цифрового устройства в восприятии их человеком.

2. *Положение событийного центра.* Положение событийного центра фиксирует преимущественную ориентированность индивида на социальную или цифровую реальность. Это положение отражает то, какие события воспринимаются человеком как более значимые, и, соответственно, ценностно наполненные: те, что происходят в реальной среде или те, что происходят в цифровой среде? Критерий положения событийного центра позволяет зафиксировать степень погруженности человека в цифровую среду.

3. *Центр самоопределения человека.* Третий критерий относится к тому, что можно обозначить как центр самоопределения человека. Он отражает позицию самого человека по отношению к цифровой среде: он может быть субъектом действия или объектом ее воздействия. Другими словами, третий критерий раскрывает качество и уровень субъектности личности.

Формы цифровой идентичности. Попытка портретирования

Следующим шагом после обозначения каркаса теоретико-методологических критериев является переход к описанию форм цифровой идентичности. Подчеркнем, что эти и другие возможные формы цифровой идентичности не являются у отдельной личности взаимоисключающими и могут реализовываться как по отдельности, так и в совокупности, а совокупность этих форм представляет то, что мы считаем составляющими цифровой идентичности как комплексного феномена.

Приведем здесь несколько описаний разных форм цифровых идентичностей, которые представляются нам достаточно убедительными и яркими.

1. *Цифровая идентичность человека с «достроенным разумом»* реализуется, когда человек занимается получением информации с помощью цифрового устройства. Последнее здесь выступает в роли инструмента, а цифровая среда – как источник информации. Специфика состоит в том, что, так как обращение к цифровому устройству позволяет компенсировать ограниченность возможностей мозга, то можно говорить уже о «достройке» себя, своих когнитивных параметров цифровым орудием. При этом человек

остается в субъектной позиции (центр самоопределения не смещен в цифровую среду), но дополняет и улучшает свои способности; центр его событийности также, скорее всего, не смещается в цифровую среду, а остается в реальности.

2. *Цифровая идентичность человека с цифровой телесностью.* Значительно большее погружение в цифровую среду демонстрирует опыт использования человеком носимых цифровых устройств, отслеживающих параметры состояния тела (например, смарт-часы) и позволяющих осуществлять селф-трекинг [Ним 2018] фиксирует, что в отдельных случаях человек может воспринимать носимое цифровое устройство в роли своего наставника, предоставляющего оценки параметров тела. Важно подчеркнуть, что именно эти количественные оценки заменяют качественный опыт непосредственного восприятия собственного тела человеком. Одновременно гаджет влияет на формирование у человека того образа, к которому ему следует стремиться (сколько часов спать, какое количество воды потреблять, как много двигаться, к какому весу стремиться и пр.). Можно сказать, что человек частично утрачивает позицию субъекта как по отношению к своему телу, так и в отношении собственной способности выстраивать перспективу своего физического прогресса. В рамках нашей теоретико-методологической рамки исследования форм цифровой идентичности здесь следует говорить о смещении и центра самоопределения, и событийного центра человека, связанного с ощущением телесности.

3. *Цифровая идентичность алгоритмического человека.* В современном мире социальные сети становятся одним из основных каналов коммуникации. В том, что касается коммуникационной деятельности, нам видятся возможными как минимум два варианта развития сценариев поведения. Первый из них – условно обозначим его как «негативный сценарий» (форма цифровой идентичности алгоритмического человека) – специфичен в том, что ход его реализации предполагает следующую диспозицию: цифровая среда проявляется в качестве превращенной формы, а человек смещает фокус внимания на свою цифровую аудиторию. Подчеркнем, что здесь сама суть коммуникативного процесса может быть перестроена: так как коммуникация в превращенной среде может не иметь прямого отношения не только к социальности в общепотребительном смысле, но и вообще к реальности, она имеет большее отношение к воображению личности, конструируется ею. В то же время именно на эту превращенную, не четкую, размытую среду ориентируется человек, стремясь «сконструировать в виртуальном пространстве собственный образ, обеспечивающий высокую популярность» [Чернавин 2022: 77]. Этот образ тем более привлекателен для цифровой аудитории и тем сильнее желанен его конструктором, чем строже соответствует алгоритмическим параметрам социальных сетей, которые учитывают исчислимые параметры, например, число подписчиков, постов, лайков и комментариев к ним и пр.

Скорее всего, субъектная позиция человека в описанной ситуации сохраняется, но сама среда выступает как превращенная форма социальной. В то же время, именно в ней человек осуществляет попытку реализации собственной субъектности. А событийный центр человека определенно смещается из реальной в цифровую среду.

4. *Человек возвращающийся*. В случаях, когда цифровая среда выступает не как отдельное (от реальной социальной среды) пространство для коммуникации, а лишь как воплощенное через цифрового посредника (устройство) продолжение реальной социальной среды, позволяющее устанавливать, поддерживать и развивать социальные контакты, она теряет свойства онтологического феномена, а цифровое устройство выступает в роли инструмента для общения. Обозначив эту форму как «человек возвращающийся», мы подразумеваем, что идентификационные параметры человека дополняются составляющей, обретенной в цифровой среде, но центры его событийности и самоопределения не смещаются в нее: таким образом, мы считаем, что человек возвращается к себе. На наш взгляд, форма идентичности «человек возвращающийся» характеризует сценарии, в которых молодые люди воспринимают цифровую среду как «полноценное пространство для конструирования идентичности и формирования личности» [Солатова, Чигарькова, Илюхина 2022: 34, 35].

5. *Идентичность человека – информационного бродяги* (это меткое определение мы позаимствовали у: [Шнейдер, Сыманюк 2017]) может быть реализована при погружении в практики, связанные с отвлечением и развлечением: просмотр видеороликов, определенный вид игр, которые часто называют «убийцами времени», «зависание» в ленте социальных сетей. Такой способ времяпрепровождения особенно притягателен для детей: для них «гаджет становится живым собеседником» [Смирнов 2022а: 57]. В нашей концептуальной рамке это может означать то, что цифровое устройство наделяется пользователем свойствами субъектности. Наедине с экраном человек остается в позиции пассивного наблюдателя, его событийный центр смещен в цифровую среду. Возможная полнота его деятельности, понимаемая как социокультурный акт, редуцируется к стимульно-реактивной модели. Здесь возможен уход человека от самого себя с потерей собственной субъектности. В пределе такой тип может способствовать формированию бессубъектной идентичности.

Здесь мы закончим попытку портретирования возможных форм цифровой идентичности. Следует понимать, что они представляют далеко не полный список, который нужно корректировать и дополнять новыми формами, где заданные критерии приобретают иное содержание.

* * *

В исследовательской оптике, относящейся к выстраиванию современной антропологии цифрового мира, складываются два принципиально отличающиеся подхода к пониманию человека. В рамках первого он представлен как жертва или иногда даже раб [Непомнящий 2017: 10] цифровых технологий. Такое представление обосновывает доминирование идеи защиты человека от влияния технологий [Смирнов 2021г: 26]. На наш взгляд, такая заградительная позиция ограничивает развитие антропологических проектов, сфокусированных на поиске ориентиров, способных задать человеку новый осмысленный горизонт его существования в необратимо изменившейся реальности.

Иную перспективу открывают интеллектуальные конструкции, вдохновленные трансгуманистическими проектами, складывающиеся в рамках

второго подхода: здесь идея защиты уступает идее о пользе полного слияния человека как физической и биологической сущности с достижениями прогресса для целей радикального уменьшения страдания и увеличения уровня счастья. В то же время, необходимо подчеркнуть, что увлеченность улучшением человека «по частям» оставляет вопрос о личности как целостной структуре за гранью осмысления, а потому трансгуманизм, на наш взгляд, не может считаться подходящей платформой для развертывания полноценного концептуального дискурса о личности в цифровом мире и ее цифровых идентичностях.

Отметим, что в ряде исследований тема человека свертывается к подходу, в рамках которого он понимается как упрощенная сущность, которую можно свести к набору функций, измерить и понять через анализ ее реакций на разнообразные воздействия цифровой среды. Согласимся со С. А. Смирновым, который показывает, как в свете доминирующего в такой оптике бихевиористического подхода человек сначала редуцируется до функциональной поведенческой модели, а после и вовсе может быть заменен частично или полностью на иное существо [Смирнов 2022б].

Подобная редукция, на наш взгляд, характерна и для некоторых исследований цифровой идентичности. Ее преодоление видится нам возможным за счет выстраивания концептуальной рамки, позволяющей развивать комплексное представление о формах цифровой идентичности. Нам представляется, что предложенный подход усложняет понимание феномена цифровой идентичности, делает рассматриваемую проблему более многогранной. Также он помогает уйти от односложных представлений о перспективах человека в цифровом мире и показать, что сценарии его поведения и идентификационные характеристики могут быть разными.

Критерии, положенные в основу предложенной теоретико-методологической рамки типологизации форм цифровой идентичности, а именно, роль цифрового устройства и цифровой среды, положение центра самоопределения и центра событийности, позволяют не только портретировать разные формы цифровых идентичностей. Также предложенная схема показывает разницу потенциалов к раскрытию собственной субъектности человеком, в особенности – человеком, находящимся в процессе становления, то есть ребенком или подростком. Именно с раскрытием субъектности мы связываем основной потенциал проведенного исследования. Так, идентичность формы человек – информационный бродяга оставляет ребенка в пассивной позиции, а значит – пагубно влияет на возможность раскрытия субъектности; мы видим важным акцентировать это и призвать к выработке мер, направленных на недопущение развертывания этой формы у подрастающего поколения. Форма идентичности человек с цифровой телесностью также может привести к потере ребенком самого себя, хоть и частичной; на наш взгляд, она преодолима через удержание цифрового устройства в позиции орудия и непосредственное проживание собственной телесности. Касательно форм человек алгоритмический и человек возвращающийся мы считаем важным акцентировать актуальность повышения цифровой компетенции детей и подростков для более тонкого понимания опасностей, которые цифровая среда может представлять для субъектности формирующейся личности. Наконец, форма идентичности человек с достроенным раз-

умом раскрывает, на наш взгляд, самый широкий спектр возможностей для встраивания практик, опосредованных цифровыми устройствами, в воспитательный и образовательный процессы. Особенно интересные перспективы такое встраивание открывает при условии удержания ребенком себя в субъектной позиции, когда он учится обращаться к помощи цифрового посредника для решения поисковой ситуации обучения.

ЦИФРОВОЕ ДЕТСТВО – НОВЫЙ РАЗРЫВ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И ДЕТЬМИ?

А. С. Зайкова⁷¹

<i>Мама дома?</i>	<i>Кофе пьет,</i>
<i>Мамы нет.</i>	<i>Глазами водит –</i>
<i>Мама вышла.</i>	<i>Что там в мире</i>
<i>В интернет.</i>	<i>Происходит?</i>
<i>Мама ищет</i>	<i>Мама, я тебе</i>
<i>В интернете:</i>	<i>Скажу!</i>
<i>Как дела</i>	<i>В мире</i>
<i>На белом свете.</i>	<i>Я происхожу!</i>

Я – НОВОСТЬ. Маша Рупасова

Разрыв между ребёнком и родителем, порождённый избыточной цифровизацией и её последствиями, широко обсуждается в современном социогуманитарном дискурсе. Стихотворение Маши Рупасовой стало ярким аргументом одной из сторон дискуссии, утверждающей, что цифровые устройства и практики превратились в непреодолимый барьер между родителями и детьми. Кажется очевидным, что в этом стихотворении наглядно показано несовпадение интересов родителя (узнать новости) и интересов ребенка (привлечь внимание матери). Но является ли это несовпадение симптомом широчайшей трещины в межпоколенческих отношениях или же это лишь демонстрация привычного стремления детей занять всё пространство родителя?

Прежде всего мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что подобное несовпадение интересов не является уникальной характеристикой цифровой эпохи. В частности, в литературе, созданной до появления цифровых устройств, можно найти примеры подобного несовпадения. Так, в рассказе «И что не люблю» из цикла «Денискины рассказы» автор пишет: «Еще не люблю, когда мама идет со мной погулять и вдруг встречает тетю Розу! Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться». Если мы обратимся к более ранним временам, то обнаружим, что интересам ребёнка там уделялось ещё меньше внимания [Ariès 1962]. Более того: для аграрных цивилизаций было характерно отношение к ребёнку не как к человеку, а как к некоторому потенциальному работнику [Lancu 2017].

В целом, опуская наиболее крайние варианты, подобное несовпадение интересов можно считать в значительной степени нормой: родитель не может и не должен ставить все интересы ребёнка на первое место, хотя учитывать их, безусловно, необходимо. Таким образом, обсуждаемый разрыв не сводится к различию отдельных интересов. В отличие от такого несовпадения, непонимание интересов другого, пренебрежение ими (что характерно для определённого исторического периода), их отрицание и способствуют углублению разрыва. Но как меняет цифровое детство выше описанную ситуацию? Действительно ли оно способствует развитию непонимания и

⁷¹ © Зайкова А. С. 2023

углублению разрыва, или, возможно, оно даже является катализатором такого разрыва?

В большинстве случаев, когда говорят о цифре как о границе между ребёнком и взрослым, подразумевают, что либо взрослый, либо ребёнок находятся «по ту сторону» границы. Это возможно, к примеру, в том случае, когда значительная доля внимания одного из них находится в цифровом пространстве, в то время, как для другого цифровое пространство недоступно или не так привлекательно. Стихотворение Рупасовой является примером, когда родитель находится «по ту сторону цифры», в то время, как для ребёнка это цифровое пространство не интересно. Можно представить себе и обратный пример, когда родитель не знаком с цифровым миром, а ребёнок проводит большую часть бодрствования рядом с компьютером или смартфоном. Подобное явление особенно было характерно для зари цифровой эры, когда подростки проводили значительное время за использованием цифровых устройств. В частности, в 2010 году только один из пяти подростков пользовался интернетом реже, чем раз в день, в то время среди родителей такая частота была характерна более, чем в половине случаев [Солдатова, Рассказова 2020]. Однако исследования 2019 года демонстрируют, что в настоящий момент таких родителей меньше, чем один из тридцати, что явно демонстрирует распространённость использования интернета и цифровых устройств [там же].

Таким образом, нельзя сказать, что граница между ребёнком и взрослым совпадает с границей цифровой реальности. Если она и существует, то она должна существовать либо в одной реальности, физической или цифровой, либо проходить сквозь обе. В данной статье мы исследуем именно тот разрыв или часть разрыва, которая происходит в цифровой реальности.

В первую очередь такой разрыв наблюдается, когда разные поколения внутри одной семьи используют разные цифровые продукты: игры, фильмы, электронные книги, медиа, социальные сети и др. Так, более двух третей пользователей социального медиасервиса TikTok – это подростки и молодые люди до 24 лет, в то время, как в некоторых других социальных сетях доля подростков и молодых людей составляет около трети от общего количества пользователей [Influencer 2022]. Более того, большинство цифровых продуктов специально спроектированы с учётом интересов и предпочтений конкретной аудитории определённого возраста, пола, рода занятий и т.д. В результате использование разных цифровых продуктов приводит к тому, что присутствующий в цифровых продуктах контент (образы, тексты, идеи), популярный для пользователей одного возраста (дети, подростки), не знаком пользователям другого возраста (родители). Это приводит к разрушению общих ценностных смыслов родителей и детей и способствуют формированию «цифрового разрыва», основанного на разных подходах к использованию цифровых устройств среди детей и взрослых [Солдатова, Рассказова 2017].

Однако несмотря на столь сильное различие в предпочтениях цифровых продуктов, стоит обратить внимание на несколько значимых фактов. Для начала, мы хотели бы отметить, что, несмотря на возрастную направленность приложений и сервисов, они остаются доступны и для тех пользо-

вателей, которые вследствие возраста не принадлежат целевой аудитории разработчика продукта.

Кроме того, в большинстве глобальных цифровых продуктов присутствует перекрёстный контент, и, несмотря на возрастную направленность определённых образов, мемов и шуток они часто выходят за границы сообщества, которым были порождены, и «путешествуют» по другим медиапродуктам, выходя за рамки возрастной группы, на которую были ориентированы.

Также существует значительное количество цифровых продуктов и цифрового контента, которые предлагаются как семейные или не выделяют определённую возрастную категорию. В качестве отдельной группы среди них хочется также отметить продукты, которые не просто являются семейными, но и спроектированными для совместного времяпрепровождения. Такими продуктами, в частности, являются сервисы для просмотра семейных фильмов и различные цифровые игры (компьютерные, мобильные, на приставках и т.д.).

Наконец, стоит обратить внимание на важную деталь. Как показано в рамках культурно-исторической школы Л. С. Выготского, наиболее важную роль в акте развития выполняет не просто орудие или знак, а взрослый посредник, роль которого в раннем детском возрасте берут на себя родители [Смирнов 2021б].

Исследователи отмечают, что изначально именно родители становятся посредниками между детьми и цифровым миром [Benedetto, Ingrassia 2020]. Они показывают ребёнку цифровые устройства, устанавливают первые приложения и показывают, как ими пользоваться. Даже если прямого обучения не происходит, ребёнок наблюдает за действиями родителей и повторяет за ними, изначально не понимая смысла повторяемых действий. Такие повторения могут быть не только с использованием цифровых устройств, но и с другими, замещающими их предметами. Так, ребёнок трёх лет может сделать из конструктора «ноутбук» или «смартфон» и делать вид, что печатает на его клавиатуре. Подобная «игра в цифру» демонстрирует, что для ребёнка существование компьютеров или смартфонов не является чем-то принципиально отличным от существования экскаваторов или поездов.

И всё же уже через несколько лет после этого ребёнку становятся доступными цифровые устройства, в то время, как немногие дети посещают кабину машиниста. Это ещё раз показывает важность роли посредника между детьми раннего возраста и цифровым миром. Посредник не только знакомит ребёнка с цифровым миром, но позволяет ему там сделать первые шаги, демонстрируя и вовлекая в цифровую реальность, рассказывая про основные правила поведения в интернете или помогая установить новое приложение. Однако позже ситуация может измениться: появляется так называемая обратная социализация (*reverse socialization*), когда дети оказываются более компетентны в вопросе цифровых технологий и сами могут являться наставниками родителей, обучать их и оказывать цифровую поддержку. При этом разрыв цифровых навыков и знаний тем серьёзнее, чем менее обеспеченными и образованными являются родители [Nikken, Oprea 2018]. Можно даже сделать предположение, что чем в большей степени родители выступают в роли посредника в раннем детстве, тем меньше проявляется цифровой разрыв в более взрослом возрасте. Из этого следует то, что

именно форма и объём цифрового воспитания, то есть «усилий и методов родителей по пониманию, поддержке и регулированию деятельности детей в цифровой среде» [Benedetto, Ingrassia 2020] имеет наибольшее значение для предотвращения разрыва в позднем детстве и подростковом возрасте.

Исследователи выделяют множество стилей воспитания, отличающихся по степени контроля и вовлечённости в жизнь ребёнка. Как правило, среди них основными считают четыре. Авторитарный тип воспитания предполагает стремление родителей к контролю в ущерб вовлечённости, в то время, как разрешающий тип стремится к вовлечённости в ущерб контролю, а авторитетный стиль пытается сбалансировать и контроль, и вовлечённость родителя в жизнь ребёнка. Наконец, избегающий стиль в равной степени стремится избегать и контроля, и вовлечённости, и, в целом, можно сказать, что такой родитель стремится к избеганию самого ребёнка. Исследования последних лет показывают, что этот список не вполне полный, и можно выделить ещё такие типы, как «родитель-вертолёт», который подобно вертолёту кружит над ребёнком в стремлении постоянно отслеживать все его действия и направлять его, если что-то пойдёт вразрез с планами родителями или его представлениями о безопасности, а также «родитель-бульдозер», пытающийся загодя уничтожить все препятствия на пути ребёнка [Зайкова 2022].

Аналогичную типологию мы можем перенести на стили цифрового воспитания [там же]. Для авторитарного цифрового воспитания характерен жёсткий запрет цифровых устройств или отдельных цифровых продуктов без обсуждения причины, цифровой «родитель-вертолёт» постоянно отслеживает историю браузера и личную переписку ребёнка, а «родитель-бульдозер» не выпускает ребёнка в свободное «цифровое плавание», тщательно блокируя все цифровые продукты, вызывающие у него даже тень сомнения в их безопасности для ребёнка. В противовес упомянутым стилям «избегающий» родитель игнорирует цифровую жизнь ребёнка, не используя никакие методы контроля, но отказывая ему в поддержке любых проблем, связанных с цифровой активностью.

Несмотря на возможность чёткого определения стилей воспитания, они не являются жёстко фиксированными, а могут меняться в зависимости от возраста ребёнка, жизненных условий семьи, общей ситуации, и даже настроения родителя. Так, когда мы говорим про цифровое воспитание, полный запрет цифровых устройств для ребёнка до года может сочетаться с игнорированием цифровой жизни ребёнка в его десять лет.

Однако, как показали исследования, значительно бóльшую роль в цифровых предпочтениях детей играют не стили цифрового воспитания, а цифровые предпочтения родителей, их цифровые привычки и убеждения [Benedetto, Ingrassia 2020]. К примеру, стремление родителей использовать цифровые устройства во время еды влияют на привычку детей к использованию цифровых устройств во время приёма пищи значительно серьёзней, чем озвученные запреты или стиль воспитания, в том числе стиль цифрового воспитания. В то же время вовлечение детей в общую цифровую активность семьи и позитивный взгляд на цифровые возможности не только значительно расширяет цифровые возможности детей, но и способствуют укреплению отношений детей и родителей [Ibid].

Таким образом, именно стремления родителей способствуют формированию первых цифровых интересов детей. Если при этом родители вовлекают детей в семейные компьютерные игры, выбирают с детьми общие социальные сети, совместно используют цифровые образовательные ресурсы и медиапродукты, это создаёт для родителей и детей общее цифровое пространство, которое и может стать связующей нитью, препятствующей разрыву между родителями и детьми.

Цифровое детство действительно может стать катализатором такого разрыва или может усилить существующий разрыв между детьми и родителями. Но также оно может и сгладить этот разрыв, если дети и взрослые имеют общее цифровое пространство, создание которого в раннем детском возрасте доступно только тем, кто осуществляет непосредственное воспитание ребёнка.

При этом цифровое воспитание как воспитание, направленное на цифровую часть жизни ребёнка, необходимо не только для обеспечения цифровой и физической безопасности ребёнка. Оно также позволяет сохранить общие ценностные установки, облегчить доступ к ряду возможностей, расширить образовательные и социальные возможности цифровых устройств для ребёнка, в том числе способствуя развитию цифровых форм социальных взаимодействий. При этом наибольшее значение имеет не стиль цифрового воспитания, а отношение родителей к цифровизации и в частности к цифровым формам взаимодействия родителей и детей.

О ПРИНЦИПАЛЬНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ИМИТАЦИИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ПОСРЕДСТВОМ СКВОЗНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А. Г. Горбачева⁷², А. И. Пестунов⁷³

Введение

В последние годы публикуется довольно много пессимистических прогнозов о том, что развитие цифровых технологий приведёт к замещению человека и вытеснит его из многих сфер деятельности [Аршинов 2017: 27; Смирнов 2022б]. Причем, действительно, такие прогнозы возникают вполне обоснованно, поскольку всё чаще отмечается возможность исключения человека из тех или иных процессов не только за счёт ставшей привычной автоматизации рутинных процессов, а о замене высококвалифицированных работников, выполняющих интеллектуальную работу. Например, вместо человека-эксперта могут использоваться экспертные интеллектуальные и самообучающиеся системы в медицине [Гусев 2017], сельском хозяйстве [Павлова 2011: 6], информационной безопасности [Басыня 2019: 28], кредитно-финансовой деятельности [Воловик 2017: 46; Беляев 2019: 151] и других областях. Более того, речь может идти и вовсе о принципиальном изменении бизнес-процесса так, чтобы в нём в принципе не предполагался тот вид работ, который ранее выполнял человек. Так, в торговом и финансовом секторе уже сформировался тренд на создание платформ и исключение третьих доверенных сторон и посредников (таких, как банк или магазин) из цепочки взаимодействия конечных пользователей друг с другом [Котляров 2019: 58; Ларина 2020: 182]. В этих изменениях ключевую роль может сыграть технология распределенных реестров «Блокчейн», которая повлияет и на другие сферы [Басыня 2019: 41; Попок 2019: 47; Пестунов 2018: 83].

Другое, тоже в определённом смысле пессимистическое по отношению к человеку направление – это трансгуманизм [Transhumanist FAQ 2021], предполагающий трансформацию человеческого тела с помощью технологических устройств вплоть до киборгизации людей, при которой соотношение естественных и трансформированных частей человеческого тела сильно сместится в сторону последних [Емелин 2013: 68]. Также в ряде работ отмечаются различные негативные тенденции, связанные с упрощением коммуникативно-мыслительной активности людей под воздействием информационных технологий [Горбачева 2016: 15; Горбачева 2015: 135; Memi 2013: 79].

Авторы настоящей работы придерживаются более оптимистичной философско-технологической позиции, предполагающей лишь оснащение человека дополнительными «умными устройствами» для имитации сверхъестественных способностей, а не для трансформации тела или сознания человека.

⁷² Горбачёва А. Г. 2023

⁷³ Пестунов А. И. 2023

Люди, претендовавшие на обладание сверхъестественными (экстра-сенсорными) способностями, на протяжении всей истории вызывали особый интерес как у своих современников, так и у последующих поколений. При этом отношение в обществе к таким необычным людям разнилось: были и ярые сторонники, и не менее ярые противники, а некоторые учёные до сих пор стараются найти научные подтверждения или опровержения возможности обладания подобными способностями. Например, в рамках специальной и общей теории относительности, квантовой механики, а также теории струн существуют обоснования возможности перемещений во времени, часть из которых находит и эмпирическое подтверждение [Дубнищева 2018: 187].

В настоящей статье мы не будем вдаваться в эти споры, поскольку цель работы иная. Основной тезис, который формулируется и обосновывается в статье, состоит в том, что существует *принципиальная возможность* имитации способностей, которые принято считать сверхъестественными, с помощью умных технологий, указанных в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»⁷⁴, в том числе больших данных, нейротехнологий и искусственного интеллекта, новых производственных технологий (3D-печати), робототехники и сенсорики, технологий беспроводной связи, а также дополненной реальности. В статье рассматривается достаточно прозрачная механика такой имитации и обсуждается тезис о том, что в будущем имитация сверхъестественных способностей может стать доступной практически любому человеку, и экстрасенсы (если такие существуют) могут стать неотличимы от обычного человека.

Имитация сверхъестественных способностей посредством человеко-машинного интерфейса и нейротехнологий

О человеко-машинном интерфейсе и нейротехнологиях. Для передачи информации от человека к компьютеру и другим устройствам используются всевозможные человеко-машинные интерфейсы, такие, как пульты управления, манипуляторы (клавиатуры, мыши, джойстики), сенсорные экраны, микрофоны с функцией распознавания голоса и многие другие. Для получения информации человеком применяются мониторы, звуковые динамики, генераторы вибросигналов и т. д. Задача подобных интерфейсов состоит в том, чтобы обеспечить высокий уровень достоверности и скорости передачи информации. При этом ограничивающими факторами могут быть, например, низкая скорость печати на клавиатуре, наличие опечаток, плохое качество изображения на мониторе и многое другое. Эти проблемы мотивируют разработчиков человеко-машинных интерфейсов совершенствовать их, повышая удобство использования, скорость передачи информации, снижая требования к квалификации пользователей.

В настоящее время перспективными разработками считаются устройства, дающие возможность считывать сигнал напрямую из мозга, интерпретировать их и преобразовывать в соответствующие цифровые данные. Такие человеко-машинные интерфейсы принято называть *нейроинтерфейсами*. Опытные образцы нейроинтерфейсов уже созданы и интегрированы

---

⁷⁴ См.: Цифровая экономика 2021.

с различными механическими устройствами, такими, как экзоскелеты, бытовые приборы, дроны. В интернет-справочнике «Атлас новых профессий», разработанном совместно несколькими ведущими организациями в сфере новых технологий, выделена такая профессия будущего, как проектировщик нейроинтерфейсов – специалист, занимающийся разработкой совместимых с нервной системой человека интерфейсов для управления различными устройствами с учетом психологии и физиологии пользователей⁷⁵.

Рассмотрим, как с использованием нейроинтерфейсов и других технологий цифровой экономики возможна имитация таких сверхъестественных способностей, как телепатия, телекинез и материализация мыслей (см. рис. 1).

Телепатия. Телепатия – это передача и чтение мыслей на расстоянии. Для создания принципиальной возможности имитации этой способности необходимы две технологии: нейротехнологии и беспроводной интернет. Принципиальная схема выглядит следующим образом: с помощью нейроинтерфейса считываются мозговые импульсы, отражающие мыслительную деятельность, преобразуются в соответствующие коды, удобные для передачи информации, а затем эта информация передаётся по беспроводному интернету и в конце преобразуется в импульсы, которые поступают в мозг. При должном развитии эти технологии позволят передавать не только мысли, но и ощущения и переживания.

Телекинез. Нейроинтерфейсы могут стать ключевой технологией для имитации ещё одной сверхъестественной способности – телекинеза, или управления предметами на расстоянии. Для этого помимо нейроинтерфейсов потребуются ещё такие цифровые технологии, как искусственный интеллект, робототехника и устройства беспроводной связи. Принцип, который можно заложить в механику имитации телекинеза, следующий:

– с помощью нейроинтерфейса сигналы из мозга о желаемом перемещении предмета считываются посредством нейроинтерфейса;

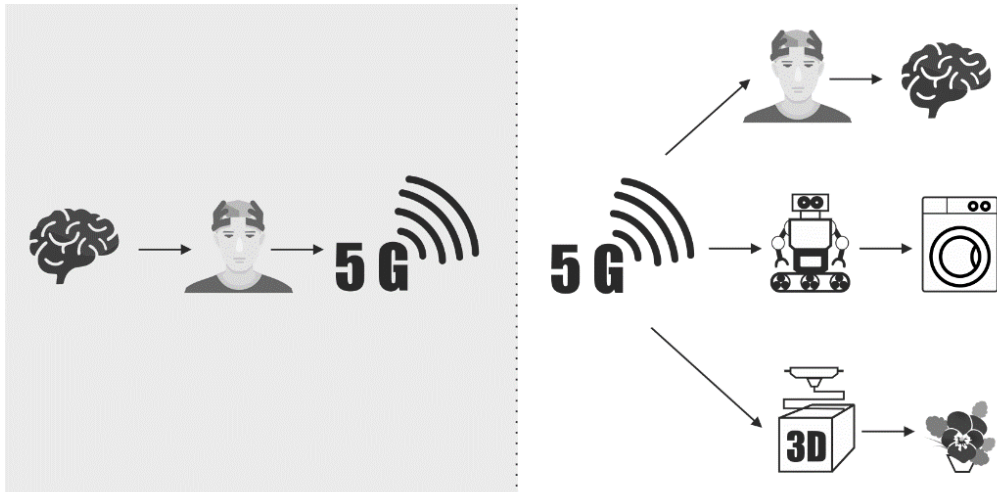

Рис. 1. Имитация телепатии, телекинеза и материализации мыслей посредством цифровых технологий

⁷⁵ См.: Атлас новых профессий 2021.

- полученные сигналы интерпретируются и преобразуются в конкретные команды с помощью технологий искусственного интеллекта;
- затем посредством беспроводных технологий эти команды передаются робототехническому устройству, которое после получения команд выполняет перемещение предметов.

Если робототехническое устройство будет внешним, то механика перемещения будет в определённом смысле видна и понятна, однако при его интеграции внутрь предметов, подлежащих перемещению, имитация телекинеза будет выглядеть более мистической и сверхъестественной. Это же касается и нейроинтерфейса: если сделать его малозаметным, то внешних отличий от истинного телекинеза (если он существует) наблюдаться не будет.

Материализация мыслей. Ещё одна сверхспособность, существование которой наукой пока не доказано, является материализация мыслей. В буквальном смысле это явление людьми понимается как появление объекта материального мира согласно мыслям человека. Хотя достоверных свидетельств подобных событий широкой общественности не представлено, в произведениях культуры и искусства материализация мыслей описывается как появление объекта словно из ниоткуда с постепенным повышением чёткости всех его элементов вплоть до полной его явленности.

Конвергенция нейротехнологий и 3D-печати в ближайшем будущем способна позволить людям имитировать материализацию своих мыслей. В настоящее время как правило технологии 3D-печати состоят из двух основных этапов: создание модели объекта в специальном программном редакторе (3ds max, Blender, Google SketchUp, AutoCAD, Компас, MeshLab) и непосредственно печать объекта по созданной модели на 3D-принтере. Фактически здесь тоже можно говорить о материализации мыслей, ведь компьютер с установленным в нём программным редактором трехмерных моделей можно считать нейроинтерфейсом – интерфейсом между мозгом человека и компьютером, или так называемым «человеко-машинным» интерфейсом. Однако, что не даёт в полной мере воспринимать описанный процесс как материализацию мыслей, – это длительность процесса создания модели в редакторе и необходимость наличия соответствующих навыков у человека. Тем не менее, здесь продемонстрирована принципиальная возможность реализации того, что понимается под материализацией мыслей в произведениях культуры и искусства, а создание полноценного нейроинтерфейса, который позволит всеобъемлюще считывать и качественно интерпретировать импульсы из мозга человека, снимет этот барьер (длительность создания модели и необходимость наличия навыков), и мы фактически будем иметь дело с материализацией мыслей.

Один из идеологов технологического прогресса К. Шваб предполагает, что к 2025 году около 81% потребительских товаров будут создаваться технологиями 3D-печати, а это значит, что при наличии достаточной базы моделей потенциальных товаров человек сможет просто «ткнуть пальцем» в нужную модель или послать импульс из мозга, мгновенно запустив на печать желаемый продукт. Предполагается, что в скором будущем появится возможность использования в 3D-печати различных материалов, таких, как пластик, алюминий, нержавеющей сталь, керамика или даже сложные сплавы [Шваб 2018: 180], а это, в свою очередь, приблизит людей к материализации мыслей.

Имитация экстрасенсорного восприятия и способности предвидеть будущее посредством Big Data

О технологии Big Data. Big Data включает в себя комплекс технологий, позволяющих собирать, хранить и обрабатывать огромные массивы различной и непрерывно обновляющейся информации. По большому счету, информация генерировалась всегда и в больших объёмах. Например, пульс людей бился и до появления пульсометров, люди общались между собой и до появления социальных сетей и мессенджеров, а продукты продавались и до возникновения интернет-магазинов. Однако основное отличие сегодняшней ситуации от прежней заключается в том, что посредством различных современных технологий (которые объединены под общим названием Big Data) появилась возможность эффективно работать со всей этой информацией. В частности, с помощью датчиков и сенсоров её можно считывать, с помощью сетевых технологий есть возможность получения доступа к информации, собранной в совершенно разных местах, а с помощью современных вычислительных устройств, компьютерных алгоритмов и технологий искусственного интеллекта стало возможным эффективно управлять и вычленять знания из имеющейся информации, делая нетривиальные полезные выводы.

Важнейшей особенностью Big Data является то, что эта технология позволяет сопоставлять не связанные на первый взгляд между собой данные, производя на выходе абсолютно удивительные и в то же время точные выводы. К таким данным можно отнести информацию о перемещении людей, состоянии их здоровья, сделанных ими покупках и т. д. Имея доступ к технологии Big Data, становится возможным строить точные прогнозы и узнавать о людях информацию, которую они сами даже могут и не осознавать.

Рассмотрим теперь, как с помощью Big Data можно имитировать экстрасенсорное восприятие и предвидение будущего.

Экстрасенсорное восприятие. Под экстрасенсорным восприятием, как правило, понимается способность человека получать информацию, недоступную восприятию органами чувств. В какой-то степени к экстрасенсорному восприятию можно отнести и эмоциональный интеллект, эмпатию, способность читать язык телодвижений и другие психологические инструменты, поскольку многие люди их не используют или не способны использовать. Людей, владеющих такими способностями, называют проницательными, хотя с точки зрения, скажем так, «непроницательных» людей, обладатели навыков чтения подобных психологических проявлений, могут считаться экстрасенсами. Однако в религиозной и эзотерической литературе имеются описания (хотя и не обоснованные научно) способностей отдельных людей видеть и более тонкие проявления: болезни, историю жизни, особенности характера и многое другое.

Для имитации экстрасенсорного восприятия потребуется конвергенция следующих основных цифровых технологий: искусственный интеллект, беспроводные технологии и дополненная реальность. Общая схема такой имитации может быть следующей:

- «экстрасенс» надевает устройство дополненной реальности;
- направляет веб-камеру на объект (на другого человека);

– посредством технологий искусственного интеллекта (машинное обучение, распознавание образов, компьютерное зрение) объект идентифицируется;

– через беспроводную сеть ищутся цифровые следы и профили данного человека в социальных сетях и интернете;

– доступная информация обрабатывается с помощью технологий Big Data, чтобы выявить её части, релевантные ситуации, а затем отображается через устройство дополненной реальности, демонстрируя «экстрасенсу» метаинформацию.

Например, такой «экстрасенс-продавец» сможет непосредственно выбрать из толпы нужного человека, которому следует предложить товар, чтобы тот его купил. Или можно будет увидеть потенциального сотрудника компании для найма без необходимости перебирать массу резюме – устройство дополненной реальности «подсветит» нужного кандидата определенным цветом.

Предвидение будущего. Многие процессы развиваются согласно шаблонам и закономерностям, поэтому теоретически, имея достаточно полную информацию, можно предсказывать события будущего. Такую возможность можно реализовать на практике с использованием современных технологий, поскольку они позволяют получать и эффективно обрабатывать огромные массивы данных, формировать на их основе выводы и строить прогнозы. Уже сегодня появилась возможность достаточно точного предсказания многих явлений на основе таких массивов данных, отражающих поведение объектов физического мира и получаемых через различные датчики, журналы событий пользователей интернета и других источников. В частности, достаточно точные выводы об интересах людей и их потенциальных действиях в будущем можно сделать на основе «цифровых следов», оставляемых в Интернете и социальных сетях.

Таким образом, человек, обладающий доступом к программным средствам обработки и анализа больших данных может узнавать и предсказывать события в будущем. Если пользоваться философской аналогией, то человека, обладающего инструментами обработки и анализа больших данных можно считать «демоном Лапласа», который в рамках теории детерминизма может предсказать всё, что угодно, зная скорости и положения всех частиц во вселенной.

Заключение

В настоящей статье проанализированы сверхъестественные способности через призму сквозных технологий цифровой экономики. Показана механика их имитации посредством конвергенции таких научно-технологических направлений, как искусственный интеллект, нейротехнологии, большие данные (Big Data), беспроводные технологии, робототехника и сенсорика. Совершенствование этих и других технологий позволит все более гармонично вписывать такие «сверхъестественные» способности в человеческую деятельность, что может привести к тому, что обычные люди, оснащённые соответствующими механизмами, смогут в будущем стать неотличимы от экстрасенсов, если таковые существуют.

Глава 3

ЭТИЧЕСКАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: АНТРОПОЛОГИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

ЭТИЧЕСКАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАЗЛИЧИЕ (Методологический аспект)

С. А. Смирнов⁷⁶, Н. А. Синюкова⁷⁷

Проблема

Человек начинает переосмысливать свою собственную жизнь тогда, когда попадает в кризисные, пограничные ситуации. Обычная повседневность не требует этого. Когда же человек, его собственная жизнь (жизнь в норме) ставится однажды под вопрос, тогда он (или кто-то другой, вместо него, например, врач, если сам человек не в состоянии это делать, будучи вне нормы, будучи больным) вынужден обращать свой взор на самого себя, задавать вопросы (где он? зачем он? кто он есть?), так или иначе спрашивать о себе, а значит о своих границах, о том, где кончается норма, и начинается патология. Он начинает задавать вопросы о потере самого себя. Мы полагаем, что именно такие пограничные вопросы и рождают феномен гуманитарной экспертизы, отличной от этической.

Человек задает о себе вопросы, попадая в ситуацию нарушения нормы, значит, нарушения границ. Последнее означает ситуацию патологии, то есть болезни (в широком, в том числе социокультурном смысле).

Реакцией, ответом на эту вынужденную оглядку на себя становится специальная практика проведения анализа (самоанализа), оценки, шире – экспертизы или исследования того, что происходит с человеком.

Поэтому рождается необходимость в экспертизе, призванной обратить внимание на то, что происходит с человеком в норме и вне нормы.

Под нормой человека мы имеем в виду его бытие, то есть пребывание человека в мире, понимаемом как онтологическое событие, совершающееся во благо человека. Именно установка на то, что человек как сущее должен состояться как онтологически присущая его бытию норма, вытекающая из онтологической установки, такая установка и подвергается в настоящее время атаке со стороны набирающего силу антропологического тренда, согласно которому человек все более отказывается от бытия в мире, предпочитая уход из этого мира, и тем самым он предпочитает пересмотреть этот парадигмальный принцип бытия в мире⁷⁸.

---

⁷⁶ © Смирнов С. А. 2023

⁷⁷ © Синюкова Н. А. 2023

⁷⁸ Подробный разговор о том, что есть человек в норме, не является темой данной статьи. Заметим только, что человек в норме для нас и есть такое представление, согласно которому человек осуществляет полное онтологическое размыкание к бытию, он открыт к бытию и благодаря этому в нём развиваются его личностные качества, такие, как нравственный этос, мышление, воля, память, воображение, чувственный мир и тем самым он формируется согласно собственной идее человека, понимаемой как смысловая опора мира. Человек же вне нормы готов к отказу от бытия, он стремится редуцировать свое существование к онтической реальности, уже – к эмпирическому существованию «тела желания» с его биологическими потребностями, в пределе – это существование биоида, у которого работают лишь две функции – страх и удовольствие (см. о бытии как норме, о норме человека [Аванесов 2016а; Смирнов 2015; Хайдеггер 1993; Хоружий 2013]).

Исторически этическая экспертиза (далее ЭЭ) была призвана эту норму защитить, защитить привычный этос человека, его устои⁷⁹, человека как существе в его онтологическом смысле, защитить человека в его норме, поскольку именно это нормальное, принятое как норма, существование человека в его этосе и оказалось подвергнуто в настоящее время серьезному риску, шире – полной проблематизации. Это означает в пределе то, что человек отказывается быть, то есть отказывается от самого себя как существа⁸⁰.

Принятие Нюрнбергского кодекса в 1947 году стало прецедентом для мировой практики, связанной с защитой человека от того, чтобы к нему относились как к объекту посягательств, вторжения, уничтожения (см. [Кодекс 1947])⁸¹. Принятие этого документа было связано именно с пограничной ситуацией, в которой человек в целом, как существе, оказался во время войны. А фашизм стал той идеологией уничтожения человека, которая после второй мировой войны была объявлена как человеконенавистническая идеология и практика уничтожения человека.

Нюрнбергский кодекс при этом стал первым международным юридическим документом, вводящим этические нормы в медицинскую практику, в проведение медицинских научных исследований. Это в том числе означает, что фактически пытки и издевательства над людьми, и не только в концлагерях, были приравнены к медицинским опытам, которые были негласно разрешены во всем мире до этого. Врач-эсэсовец ничем с точки зрения классической медицинской практики не отличался от обычного врача. И тот, и другой проводили опыты над человеком, позволяя вторгаться в человеческую жизнь и уничтожать ее. Можно считать, что с этого момента этическая экспертиза была зафиксирована как норма, как документ, защищающий человека от насилия над ним, от медицинского вмешательства и от покушения на его человеческое достоинство.

Что фактически произошло с принятием Нюрнбергского Кодекса? Был запущен процесс нормативного регулирования деятельности, направленной на защиту человека от разного рода ставших массовыми практик его уничтожения. А медицинские опыты над узниками в нацистских концлагерях смерти, биомедицинские исследования с участием человека фактически были приравнены к практикам уничтожения человека.

Б. Г. Юдин вводит в этой связи два типа антропологии биомедицинских исследований [Юдин 2011б: 91–95]. Первый, в пределе, это тип радикального уничтожения человека, практиковавшийся в нацистских концлагерях

⁷⁹ Этика в своем истоке так и понималась как то, что рождается как исток человека, его корневые устои. В этом смысле этическое в человеке как существе означает не только набор моральных правил поведения, а прежде всего корень жизни человека, его первоначальный исток. Этос (ἦθος) означал буквально стойло, привычное местопребывание, жилище, хлев, логово, место, вокруг которого организуется вся повседневная жизнь, это место дает живительную силу. При культурном переносе этос становится нравом, обычаем, образом мыслей и поведения людей, собственно этическим. Этическая норма становится ориентиром, на который предполагается равняться конкретным людям в повседневном поведении. На корневые значения этоса точно и правильно обращают внимание и современные авторы (см. [Сидорова 2019]).

⁸⁰ См. подр. о тренде ухода [Gorbacheva, Smirnov 2016].

⁸¹ В этом же идейном русле разрабатывались принятые позже Хельсинкская декларация 1964 года и Конвенция прав человека 1997 г. [Декларация 1967; Convention 1997].

смерти или в японском «Отряде 731». Согласно такому типу человек сначала подвергается радикальной редукции – испытуемый сначала признается нечеловеком (опыты проводились над заключенными, военнопленными, людьми иной расы), а затем над ним можно проводить любые опыты, по отношению к которым сняты все моральные ограничения.

Заметим, что такое отношение является прямым следствием развития естествознания, построенного по схеме захвата мира, в рамках которой дозволено все ради могущества того, кто проводит этот захват. Сначала тот, над которым ставится опыт (животное или человек, любое живое существо) признается объектом, даже неким материалом. Главное, чтобы этот материал был качественный, здоровый, чтобы эксперимент над ним был чистый. Затем над ним можно проделывать любые опыты⁸². В таком случае свой естественнонаучный эксперимент естествоиспытатель может проделывать, допуская любые испытания и пытки над живым материалом. Точнее эти манипуляции уже и не называются пытками. Это научный эксперимент. Чистый, лабораторный. Это фактически идеально чистый эксперимент, которому не мешают никакие моральные обязательства, поскольку испытатель имеет дело с чистыми биологическими процессами, перед ним некий объект для испытаний, к которому в принципе не может быть применима никакая моральная норма.

Вторым типом антропологии биомедицинских исследований Б. Г. Юдин называет те, которые проводятся уже при регулирующем воздействии принятых нормативных документов, кодексов и конвенций, согласно которым испытуемый становится участником исследования осознанно, добровольно, давая свое информированное согласие. Само введение испытуемого предполагает формирование у человека его особой позиции в рамках испытаний [Юдин 2011б: 95].

Но во времена принятия Нюрнбергского кодекса и далее при принятии Декларации и Конвенции сам человек как род не отказывался от самого себя, он стремился себя защитить от уничтожения. Идеал человека разумного сохранялся как незыблемый онтологический ориентир.

Современные достижения науки и конвергентных технологий привели к тому, что стали более подвижными сами представления о норме человека и его границах. Все более становится проблематичным понимание того, кого необходимо защищать? Привычные границы между жизнью и смертью (пересадка органов, клиническая смерть), между человеком и животным, естественным и искусственным, задающие всегда человеку его норму, его предел, все более перестают быть понятными и общезначимыми (см. [Юдин 2011а: 7–20]). На фоне же того, что сам человек все более и более стремится изменить свою собственную идентичность (гендер, язык, нормы культуры, себя в целом), актуальным становится вопрос – какую норму человека защищает этическая экспертиза? Нюрнбергский кодекс основывался на идеалах гуманизма и признания незыблемости человека, на идеалах защиты человеческих прав и свобод, человеческого достоинства.

---

⁸² В печально знаменитом японском «Отряде 731» испытуемых называли «бревна-ми» (марута). Для проведения опытов поставляли военнопленных, то есть, «бревна». Предварительно их откармливали, они должны были быть здоровыми. Затем их отдавали под пытку-испытание.

Но дело в том, что в настоящее время человек вновь попал в такую ситуацию уничтожения себя, мы имеем дело с новой формой фашизма, только уже технологического, цифрового фашизма, который предполагает реализацию тренда ухода человека как сущего и замены его постчеловеком. Эти идеи так или иначе в разных формах и практиках проповедуют наиболее радикальные представители современного трансгуманизма⁸³.

Классический тип рациональности полагал, что норма мысли, норма культуры, норма социального действия, зафиксированные в правилах, образцах, незыблемы и они должны воспроизводиться на людях, для чего были построены культурные конвейеры, машины воспроизводства культуры, передающие из поколения в поколение эти образцы. За это отвечала культурная и духовная традиция, сидящая на соответствующих институтах (семья, образование, церковь, государство, право).

Подобное полагание было связано с базовым постулатом: мир разумен, объективен, познаваем. Он доступен познанию и соответственно овладению. По поводу его познания человек строит знаниевые концепты, претендующие на истинность. То есть человек и мир полагались как *соразмерные друг другу*⁸⁴.

Теперь же мы попали в неклассическую ситуацию, при которой между миром и человеком образовался разрыв. Этот разрыв человек вынужден преодолевать сам, посредством личного усилия. А норма человека оказалась подвижной, в силу чего человек должен на себе её восстанавливать⁸⁵.

Парадигма классической рациональности базируется на допущении, что мир разумно упорядочен именно потому, что в этом мире допускается необходимость присутствия разумного существа, то есть человека. Все представления о разумности, целостности, связности, всеобщности мира получают свою легитимность лишь потому, что в мире присутствует разумный человек, соразмерный этому миру. В мире присутствует человек как его смысловая опора.

В таком случае, если убрать человека как точку опоры мира, через которую и весь мир кажется разумным и соразмерным человеку, то и весь мир рухнет. В этом плане идеи трансгуманизма о замене человека постчеловеком выступают ничем иным, как формой убийства как разумного человека, так и соразмерного ему разумного мира.

В этой связи этическая экспертиза, призванная ранее защищать установленную норму человека, его жизнь и здоровье, его достоинство, оказалась как институциональная форма и практика уже не достаточной, не

⁸³ Но мы уже отметили выше, что все началось гораздо раньше, с самого начала развития науки, модель которой изначально была построена как форма захвата мира. Человек сам позволил себе выстраивать науку как форму освоения и овладения природой, постепенно превращая и себя самого в придаток техники. Если человек строил свое познание мира как его захват (иного, чужого, другого мира, объекта, не важно – природы, другого человека, общества), то он постепенно, все более совершенствуя технические орудия захвата, сам превращается в их придаток. Об этом давно уже было сказано. Напр., у М. Хайдеггера, который сам пережил в свое время соблазн и искус этого захвата [Хайдеггер 1993: 221–237].

⁸⁴ См. более подр. об идее человекосоразмерности в работах [Петров 2010; 2012].

⁸⁵ См., напр., о классическом и неклассическом типе рациональности, о неклассической ситуации мыслителя в работах М. К. Мамардашвили [Мамардашвили 2004].

соответствующей новой ситуации. Она должна быть дополнена другой институциональной формой, гуманитарной экспертизой (далее ГЭ), которая предполагает главное – практику *восстановления нормы человека*, возвращение человеку его призвания – быть смысловой опорной точкой мира. ГЭ при этом необходимым образом должна выстраиваться как институция, со своими практиками, процедурами, нормами.

Рассмотрим вкратце с этой точки зрения позиции отечественных и зарубежных авторов относительно ЭЭ и ГЭ как институций, как они понимают их цели и задачи, их объект и проблему их институционализации⁸⁶.

Этическая и гуманитарная экспертиза: опыт осмысления

Обсуждение специфики рассматриваемых институциональных форм экспертизы ведется давно. Опубликовано внушительное количество материалов по проблематике ЭЭ и ГЭ, ежегодно проводится масса конференций, симпозиумов, круглых столов. Но при всем разнообразии и пестроте подходов, наблюдаются определенный дефицит понимания феномена «этического» и «гуманитарного», незавершенность, недостроенность концептуальных основ ЭЭ и ГЭ. Названные дефициты и незавершенности наблюдаются на фоне стремительного развития повседневной практики проведения экспертиз и соответствующих институций и форм. Сформировалась целая экспертная «индустрия», конструирующая новый социальный порядок: новые социальные роли (эксперты, консультанты), институты (советы, комиссии, комитеты), практики (консультации, разработка рекомендаций и проектов нормативного регулирования, обучение и подготовка соответствующих специалистов), регулятивный порядок и нормативные предписания (принципы, стандарты, законы) в области развития и внедрения науки и технологий в биомедицинские исследования и медицинскую практику.

При всей неопределенности и противоречивости подходов, интерпретирующих природу и содержание ЭЭ, будь то знание моральных теорий и аргументов [Singer 1979] или определенная форма «моральной мудрости» [Nobel 1982] или способность обосновать моральное суждение в связанном, прозрачном виде [Yoder 1998] – при всей незавершенности поисков концептуальной основы и методов ЭЭ, количество экспертов и комитетов растет стремительно, особенно в медицине. Вместе с ними растет и «производство» инструментов и стандартов качества практик ЭЭ, соответствующих нормативных документов, в которых уже не проясняется значение определения «этическое».

Дж. Бишоп, анализируя один из основных, принятых в США документов, регламентирующих проведение ЭЭ в здравоохранении («Основные компетенции для этического консультирования в здравоохранении»), показывает, что в документе основное внимание уделено самому процессу экспертизы, её процедурам, стандартам качества и лишь один параграф посвящен этике. Единственный стандарт рассматриваемого документа, как пишет автор, – процедурный. Именно процесс ЭЭ формирует то, что условно называется как «этический». ЭЭ определяется в документе путем обозначения её границ, различением от того, чем она не является. Она не является

---

⁸⁶ См. также наши предыдущие работы [Смирнов, Яблокова 2019; Смирнов 2018] и уже существующие обзоры по теме [Воронин 2012; 2013].

правовой, духовной консультацией, медицинской или профессиональной рекомендацией. Но не прописано то, какой именно тип рекомендации формируется в процессе ЭЭ [Bishop 2012: 182–184].

В случае с ГЭ ситуация выглядит еще более неопределенной. В западной литературе такое понятие отсутствует. Но смысл ГЭ у разных авторов, как отечественных, так и западных, означает то, что ГЭ имеет дело с *границами человека*. Многие авторы обсуждают разные прецеденты «вмешательства» в человека, примеры внедрения нововведений и новых технологий, например, опыты по редактированию генома человека или влияние цифрового обучения на качество образования, или клонирование человека, или трансплантацию органов и т. д., так или иначе оценивая эти опыты и тем самым проделывая некий теоретический экспертный анализ, держа в голове в расплывчатом и свернутом виде свои представления о ней, но почти не обсуждая собственно методологию самой экспертизы. В итоге её конструкт расплывается, не выстраивается.

Попробуем сделать некую методологическую вытяжку из ряда работ отечественных и зарубежных авторов по теме методологического устройства ЭЭ и ГЭ и их сравнения с учетом уже сказанного нами выше.

Первоначально, как замечает Б. Г. Юдин, сферой применения практики ЭЭ стали биомедицинские исследования с участием человека в качестве испытуемого [Юдин 2006: 214]. Главная цель ЭЭ заключалась в том, чтобы определить угрозы и риски, связанные с участием испытуемого в этих исследованиях, для чего и предполагается выстроить механизмы и процедуры его защиты. Для этого создаются этические комитеты, проводятся экспертные советы, даются консультации и разрабатываются кодексы и документы, регулирующие процедуры ЭЭ.

Сама ЭЭ представляет собой в этой связи конкретную, законченную процедуру, имеющую заданную цель – выработку рекомендаций для принятия конечного решения, связанного с защитой человека от воздействия процедур и инструментов, затрагивающего жизнь, здоровье и благополучие человека.

Вслед за биомедицинскими исследованиями необходимость в стратегии защиты человека была осознана в медицинской практике. Впервые в медицинской практике была проведена ЭЭ при использовании аппарата гемодиализа в 1960-м году, когда остро встал вопрос о справедливости отбора пациентов для подключения к нему и когда немногим позднее при проведении первой операции по пересадке сердца, возник вопрос о том, что считать смертью человека. Решением этих вопросов занимались этические комитеты, предложив в первом случае «социально значимые критерии» отбора пациентов для диализа, а во втором – критерий смерти человека – «смерть мозга» [Jonson 2000]. В обоих случаях по поводу человека выносилось определенное решение, проводились совещания, посвященные вопросу о том, кому дать шанс на жизнь.

Заметим, что Нюрнбергский кодекс 1947 года фактически представлял собой документ, устанавливающий границы и ставящий рамку в целом для ЭЭ, применимую для самых разных сфер жизнедеятельности. А рамка носит онтологический характер: она показывает, что человек есть смысловая опора мира, базовый ориентир, жизнь которого, его достоинство и высшие

качества, выступают точкой отсчета, размывать которую нельзя. Важно, что при рамочном понимании ЭЭ на первое место ставится *благополучие испытуемого, его жизнь и здоровье*, они должны превалировать над интересами науки и общества, как это потом уже было зафиксировано в Хельсинкской декларации⁸⁷. Но эта рамка с развитием ЭЭ сдвинулась в сторону сугубо *инструментального понимания ЭЭ* [Bishop 2012: 182], в сторону развития практик организационного управления, с установленными извне целями и ориентацией на техники и средства их достижения, их эффективность [Макинтайр 2000: 45]

При рамочном понимании ЭЭ в её изначальном виде, принцип добровольного, осознанного решения на участие в испытании выступает ключевым. Теперь от участника исследований или пациента требуют его «окончательного и бесповоротного» выбора, его самоопределения при принятии решения. Пациент осознанно принимает участие в принятии решения и подписывает информированное согласие на лечение или отказ от него. Этого от него сегодня требует и закон⁸⁸.

Но важно, что после принятия этого принципа сразу же последовал целый список исключений (несовершеннолетние дети, пожилые, заключенные, психически больные, военные и т. д.). Особенно это касалось медицины, поскольку количество сложных или так называемых «пограничных» случаев медицинского лечения росло стремительно. Если человек, находясь без сознания, подключен к аппарату искусственного жизнеобеспечения, если человек тяжело болен физически или душевно, его решение заведомо не может считаться осознанным, свободным, добровольным информированным согласием⁸⁹.

Поэтому продолжение искусственного продления жизни, использование при лечении экспериментального препарата или новой методики лечения не может определяться решением больного. Но также не может безоговорочно определяться и врачом. Поэтому в 1980-е годы в США, Канаде и позднее в Европе запускаются процессы институционализации практики ЭЭ для обеспечения процесса совместного принятия медицинского решения в рамках ЭЭ на этическом комитете [Jonson 2000].

ЭЭ становится частью организационной структуры и процессов того медицинского учреждения, где появляется этический комитет, в рамках которых в качестве основной задачи ставится улучшение «обращения» со сложными в этическом отношении ситуациями принятия решений [Netzke 2015: 24]. Сама ЭЭ в данном случае представляет собой управляемый экспертом и структурированный специальным инструментом (протоколом) процесс «делиберации» или обсуждения решения [Fahr 2010: 57]. Для этого разрабатываются различные теоретические модели, методы, инструменты

---

⁸⁷ См.: «В медицинских исследованиях с участием человека в качестве субъекта здоровье участника превалирует над всеми другими интересами» [Декларация 1964: ст. 6(5)].

⁸⁸ В России это № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года (Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

⁸⁹ В таком случае, если «потенциальный субъект исследования» считается недееспособным, требуется информированное согласие его законного представителя [Декларация 1964: ст. 27(24); 29(26)].

структурирования процесса поиска для принятия решения. Его участники договариваются о решении, затрагивающем благополучие, жизнь и здоровье человека, призванном защитить человека от вмешательства, связанного с угрозой для его жизни. Они договариваются о том, что в случае конкретных моральных затруднений, «здесь и сейчас» считать «нормой» человека. Состояние здоровья человека становится предметом переговоров, а не избыточной данной нормой.

Но нас интересует прежде всего отличие ЭЭ от ГЭ, отличие концептуальное. Таковых попыток провести концептуальное различие между ЭЭ и ГЭ не так много. Например, Б. Г. Юдин – один из немногих, кто пытался это сделать, замечая, что именно методологическое и концептуальное обоснование как общих принципов, так и средств осуществления ГЭ требуют дальнейшей проработки. Хотя относительно этого вопроса и в отечественной, и мировой литературе пока, к сожалению, преобладают декларации и пожелания, чем конкретные результаты [Юдин 2006].

Первое различие, вводимое Б. Г. Юдиным, касается времени и формата. ЭЭ – это конкретная процедура, предполагающая принятие конкретного решения по поводу конкретного случая практики работы с испытуемым. В отличие от этого ГЭ – это особая, длительная социальная практика, которая не предполагает обязательного окончательного решения [Юдин 2006: 231–237]. Это больше процесс согласования, выстраивания компромиссов, с участием самих испытуемых.

ЭЭ выстраивается в рамках принятых в обществе норм и правил, привычного этоса защиты прав человека (см. также [Engelhardt 2012: 152, 156]). ГЭ же предполагает не просто выстраивание компромиссов, но и выход на новый уровень понимания проблем, новый уровень взаимодействия. И этот переход на новый уровень осуществляется в рамках самой ГЭ, которая может быть в этой связи достаточно длительной [Юдин 2006: 236].

В этом плане ЭЭ больше касается существующего положения дел, в то время как ГЭ предполагает особую практику *«опережающего реагирования»*, как пишет Б. Г. Юдин, это особого рода деятельность, связанная с прогнозированием (добавим – нелинейным прогнозированием, то есть форсайтом), вновь возникающих угроз и последствий, связанных с развитием и внедрением передовых технологий⁹⁰.

В таком случае ГЭ не может быть ограниченной каким-то конечным решением. Она предполагает выстраивание новых видов коммуникаций, связей, новых видов взаимодействия между разными агентами изменений, разными участниками научной, проектной, образовательной и иной деятельности.

ГЭ тогда выступает, по сути, как «форма предваряющего, моделирующего “оживления” обществом ситуаций, порождаемых внедрением научно-технических и социальных новшеств» [Юдин 2006: 234].

Важно то, что Б. Г. Юдин фактически рассматривает ГЭ как *форму социальной инженерии*, в рамках которой моделируются новые социальные

⁹⁰ В последнее время, впрочем, ЭЭ также приобретает прогностический, перспективный характер как инструмент оценки рисков при внедрении новых технологий. Речь идет об оценке «эффектов» от принимаемых в сфере медицинского управления решений, их влияния на пациентов, их семьи и общество в целом [Gibson 2008: 243].

ситуации, строятся новые модели, с помощью которых участники как бы обживают новые социальные форматы, новую реальность, складывающуюся под воздействием технологических и социальных нововведений. Именно такой формат, такая специфика ГЭ пока никем и нигде не описана и не смоделирована. Зачастую ГЭ сводится к разновидности ЭЭ.

Что касается объекта ГЭ, то ранее Б. Г. Юдин совместно с И. И. Ашмариным полагали, что объектом ГЭ выступают технологии, нововведения, новые социальные практики [Ашмарин, Юдин 1997]. Теперь в свете выше сказанного относительно специфики ГЭ, необходимо уточнение: её объектом становятся не технологии и нововведения, а *новые социальные модели*, конструируемые участниками ГЭ для отработки и обживания новых практик, новых норм и правил взаимодействия, новых коммуникаций, для осмысления и понимания ими рисков и последствий внедрения умных технологий.

Фактически, предметом ГЭ становится некий переход нормативной границы, сдвиг. Ведь если допускается, что при внедрении технологий так или иначе ожидаются определенные последствия, то именно этот сдвиг, шифт (от внедрения к изменению) и должен выступать объектом ГЭ. Иначе говоря, объектом ГЭ должен выступать модельно описанный *феномен сдвига*, который происходит при внедрении нововведений, то есть собственно та трансформация, которая происходит с человеком при внедрении нововведений. Стало быть, предметом ГЭ выступает та самая норма человека и её границы, точнее, то, что происходит с ними, как они меняются при нововведениях, при внедрении новых технологий, новых социальных практик и культурных инициатив.

Но еще раз отметим важнейшее. В подобных представлениях о предмете ГЭ у всех фактически авторов человек рассматривается как испытываемый (само слово было взято из медицины, из биомедицинских экспериментов), как неизменный и пассивный объект заботы и защиты от угроз и рисков. Он здесь представлен как испытываемый, хотя согласный на добровольное участие в испытаниях, и принимающий выработанные без него и до него правила игры. Процедуру испытаний, саму практику ЭЭ и ГЭ, определяет не он, испытываемый, а специалисты и эксперты. Другие решают за него вопрос – какие риски возможны или какие блага или возможности он может получить, какие выгоды получают разные агенты от внедрения новых технологий и нововведений.

Более того, принятие решений в рамках экспертизы связано зачастую с ориентацией не на интересы человека, а с учетом принятых ранее протоколов и правил лечения, в которых участники процесса представлены как носители функций, носители норм, встроенные в консалтинговые процедуры и стандарты качества, становясь подчиненными так называемому «нормированному видению» [Bishop 2012: 188].

Многие авторы (прежде всего представители объектного, натуралистического подхода в науке) особенно увлечены тем, что продолжают искать в человеке какую-то скрытую и не определяемую сущность, говорят о его природе, пусть даже если эта природа связана с постоянными изменениями. Но последние происходят в пределах человека как неизменного сущего, поэтому должна быть, полагают эти авторы, некая природа человека, а значит она может быть концептуально описана и представлена. Эти

попытки по-прежнему живы, и рано или поздно, идя в логике этого поиска, мы впадаем в грех редуционизма, пытаюсь в этих концептуальных поисках сводить природу человека к каким-то принципам, или качествам, или ищем какие-то определения и локализуем эти качества к какому-то определенному социальному и биологическому субстрату. При поиске определений, даже если признается, что сущность человека и есть способность его к изменениям, наличие последней, то есть сущности, не подвергается сомнению. В этой связи и сам предмет ЭЭ и ГЭ постоянно увязывается с наличием некоей сущности человека, посягательства на которую и становится предметом экспертизы. Поэтому и предмет экспертизы так или иначе редуцируется, поскольку в таком случае авторы ставят объектом экспертизы эту самую сущность, пытаюсь выяснить, изменяется ли она в новых условиях, при техническом воздействии на человека или нет, и в какую сторону. Полагаем, что это методологический тупик. В этот тупик попал, например, в свое время Ф. Фукуяма, описывавший разные прецеденты вмешательства в человека биомедицинских технологий и искавший в человеке некую неизменную природу, сведя последнюю в итоге едва ли не к его генотипу и наличию мозга [Фукуяма 2004].

Если говорить о том, кто выступает в качестве субъекта ГЭ, и рассматривается ли человек в рамках ЭЭ и ГЭ как субъект изменений, а не как объект заботы и защиты, необходимо отметить здесь концептуальный разрыв. Как уже было нами замечено выше, в нормативных документах, вводящих этические принципы в научные исследования и опыты с участием человека (см. [Декларация 1964; Кодекс 1947; Convention 1997]) последний, выступающий участником исследований как испытуемый, рассматривается в них как субъект. Последнее объясняется тем, что он участвует в испытаниях добровольно, осознанно, давая свое информированное согласие. Этого достаточно для обозначения субъектности у испытуемого в пределах научного исследования. Этого достаточно для правового, нормативного документа, поскольку в таком случае, если случится непредвиденное и будут нарушены права испытуемого, то он становится субъектом, защищающим свои права.

Но этого недостаточно для введения специфики практик ЭЭ и ГЭ, в которых отношение к человеку принципиально различное. И способы участия разных агентов, участников экспертиз, также различные. Строго говоря, врач в процессе медицинского вмешательства должен действовать согласно утвержденным протоколам и не вполне может рассматриваться как субъект действия. Субъектность возникает у него в особых случаях – в ситуациях принятия решений в условиях дефицита данных и наличия разных точек зрения на продолжение исследования, связанного с лечением тяжело больного.

В этой связи периодически обсуждается вопрос о том, кто же является субъектом ГЭ, в чём заключается субъектность в рамках ГЭ, происходит ли трансформация субъектности при проведении ГЭ.

Л. П. Киященко и П. Д. Тищенко, например, вводят представление о множественной субъектности в рамках ГЭ, о множественности экспертных позиций [Киященко, Тищенко 2011]. Они задают сакраментальный вопрос: «Кто свидетельствует в качестве эксперта на ГЭ?». Ответы будут разные.

Авторы выделяют трехсоставную структуру экспертной позиции. Первый тип, «отстраненный субъект», соответствует типу познающего субъек-

та в рамках классического рационализма. Он дистанцирован от объекта исследования, относится к познаваемому миру как к объекту, в котором протекают объективные процессы. Это собственно классический ученый-естествоиспытатель. Он похож на наблюдателя, следящего за божественным творением природы. Он сам не включен в этот процесс, отстранен от него. Но такая позиция предполагает привязанность субъекта к своим представлениям, приписывание им объективности и истинности. Носитель экспертного знания в таком случае выступает носителем правильного истинного знания и является в таком случае главным свидетелем на процессе ГЭ, от суждения которого зависит принятие решений⁹¹.

В отличие от него «множественная субъектность» предполагает наличие и допущение множественности миров и множественности представлений и знаний и соответственно множественности свидетельств. Последнее связано с разнообразием опыта экспертов и, шире, участников ГЭ. Особенности и специфика точки зрения, позиции разных экспертов становятся необходимым условием для такой экспертизы. Такая субъектность вырабатывается соответственно в рамках неклассического типа рациональности.

Третья позиция, «участный субъект», предполагает прямую включенность эксперта и участника в процесс ГЭ, и как следствие – их личную ответственность за её проведение и результаты. Здесь происходит увязывание знаний и представлений эксперта с его ответственностью, с нравственными принципами. Основанием для экспертного суждения выступает не просто его экспертные знания, а его ответственная позиция, которая может вступать в конфликт с его же собственными знаниями.

А. А. Воронин, проведя в ряде своих статей обзор работ отечественных авторов по проблематике ГЭ, отмечает, что главной проблемой остаётся её не востребованность [Воронин 2012: 125]. Со времен И. Т. Фролова, который фактически впервые в нашей стране осуществил, обладая административным ресурсом, прецедент институционализации ГЭ, создав Институт человека РАН, в рамках которого был проделан первый опыт проведения ГЭ, этот опыт остаётся одним из немногих примеров ГЭ. Затем этот институт был закрыт. Академии наук он был не нужен⁹².

А. А. Воронин полагает, что доминирование иерархических структур и вертикали власти при принятии решений, горизонтальная коммуникация научных сообществ, разных групп с их разными интересами перестает ра-

---

⁹¹ Востребованность такой экспертной позиции объясняется простым обстоятельством. При проведении судебно-медицинской экспертизы, например, следствие опирается на мнение эксперта-криминалиста, который знает, к примеру, что происходит с телом утопленника, если оно находилось в воде несколько часов или сутки. В массовой практике, в которой прибегают к услугам эксперта-знатока, носителя конкретных знаний, это вполне обоснованно и приемлемо. Но если такая же схема оценки ситуации применяется к случаям, в которых заведомо отсутствуют точные данные, и эксперты не располагают достаточным количеством достоверного материала для выводов и принятия решений, такая схема становится явно дефицитной.

⁹² Институт человека РАН просуществовал с 1992 по 2004 г. Первым директором был И. Т. Фролов. С 1999 по 2004 директором был Б. Г. Юдин. В рамках Института человека РАН впервые в стране был открыт сектор по биоэтике. Также И. Т. Фролов и Б. Г. Юдин инициировали учреждение журнала «Человек» (1990 г.), главным редактором которого был Б. Г. Юдин, оставаясь им до своей смерти в 2017 г.

ботать, а поэтому сама институция ГЭ фактически редуцируется до разовых процедур либо просто не проводится. Либо сводится к академическим форматам научных локальных исследований и теоретических разговоров. Либо сводится к имитации.

Многие эксперты в этой связи полагают, что ГЭ крупных технологических проектов в нашей стране просто невозможна. Именно по причине того, что решения принимаются правящими элитами исходя из своих корыстных и властных интересов [Воронин 2012: 125].

Далее мы попытаемся предложить рамочный концепт, в котором будут проведены концептуальные различия ЭЭ и ГЭ. Данное различие опирается как на уже опубликованные работы разных исследователей, так и на собственный опыт понимания авторов статьи. Наше различие носит модельный, концептуальный характер. При проведении конкретных экспертных практик и процедур данная модель может быть использована как методологический ориентир.

Норма и границы человека

Как мы уже сказали в самом начале, итоги второй мировой войны, зафиксированные в ряде нормативных документов, касались главного – отношения к человеку. Человек представлялся как сущее незыблемое, незаменимое, как ценностная и смысловая, разумная опора мира. Он, человек, был объявлен как объект, нуждающийся в защите от вмешательства. Человек воспринимался и воспринимается в целом до сих пор в массовой практике (в науке, в медицине, образовании, юриспруденции) как тот объект, который нуждается в защите от посягательств и вторжения, от изменения его границ, в защите его свободы, здоровья, его права на развитие и самореализацию, на свое место в мире.

Но такое отношение порождает и то, что человек рассматривается большей частью как пассивный объект защиты, как испытуемый, который нуждается в защите, фактически как тело (как больное тело в медицине), даже если он рассматривается как субъект и агент права, но все же как пассивный субъект, нуждающийся в защите от посягательств. Он не рассматривается как самостоятельный субъект, порождающий новый порядок, как тот, который меняется, который всегда не завершен, всегда не полон, но всегда стремящийся быть цельным⁹³.

В свое время классик психиатрии К. Ясперс, разрабатывая методологические основы для психопатологии в самом начале XX века, ввёл в науку феноменологическое направление и понимающее отношение к больному пациенту (душевно больному), разрабатывая так называемую понимающую психопатологию [Ясперс 2020].

Он призывал относиться к человеку, причем, душевно больному, как к личности, которая всегда больше, чем наше о нем понимание, чем его понимание самого себя. К. Ясперс доказывал, что относительно человека, как

---

⁹³ Ср., напр., у К. Ясперса: «Человек как целое никогда не становится предметом познания. <...> Всякое знание о человеке – это частное знание; оно указывает на одну из бесконечного множества реалей «человеческого». Любое знание о человеке зыбко и не окончательно. Человек всегда больше того, что он знает о себе; он всегда больше того, что знает или может знать о нем кто-либо иной» [Ясперс 2020: 916].

всегда не завершеного сущего, всегда имеется «избыток видения», выражаясь языком М. М. Бахтина, к нему надо относиться не как к объекту внешнего воздействия (даже если это воздействие делается во благо), а как к потенциальной личности со своим миром⁹⁴.

Фактически на примере опыта психопатологии уже были разведены два разных подхода к человеку – человек как *пассивный объект защиты, заботы и воздействия*, с одной стороны, и человек как *субъект собственных изменений*, на себе выстраивающий опыт заботы о себе.

Это различие связано с тем, что в рамках первой парадигмы норма человека как бы отчуждена от него самого, она встроена в большие социальные машины заботы и попечения (образование, здравоохранение, власть, социальные службы). И здесь сам отдельный человек уже и не отвечает за себя. За него отвечают другие. Само государство призвано заботиться о нём. Главное заключается в том, чтобы в реальной практике заботы не были нарушены установленные границы, нарушение которых считается преступлением. В этом смысле в рамках ЭЭ норма человека и его границы зафиксированы, они охраняются законом, они описаны в картине мира, человек имеет, то есть ему приписано вполне определенное «положение человека в космосе», говоря словами М. Шелера. В рамках ЭЭ границы человека предполагаются быть фиксированными, не предполагается трансформация человека и изменение его границ. Поэтому он должен быть защищен институтами, нормами, процедурами, кодексами.

Во втором же случае это положение человека перестает быть фиксированным, полагается, что норма человека не отчуждена от него самого, а он сам – сущее незавершенное и меняющее себя, поэтому он сам призван норму человека всякий раз восстанавливать, возрождать себя посредством опыта заботы о себе.

Если ситуация человека становится подвижной и границы становятся плавающими и подвижными, прозрачными, то мы имеем дело с феноменом фронта, то есть с плавающей, прозрачной границей, которая всякий раз переустанавливается. И тогда на повестку дня ставится вопрос о практике ГЭ.

Цели, задачи, практики экспертизы

Этическая экспертиза зарождалась в ситуации необходимости защиты нормы человека, защиты его незыблемых границ, защиты и охраны его жизни, здоровья, его чести и достоинства, его идентичности. Поэтому изначальной целью ЭЭ и является разработка нормативов, правил и процедур, связанных с практикой защиты границ человека, и выработка рекомендаций относительно прецедентов, связанных с нарушениями этих границ. В таком

---

⁹⁴ Строго говоря, К. Ясперс вынужден был лавировать между наукой и философией. Как ученый он строил предмет психопатологии, а как философ строил философию экзистенции, которая не является наукой. Человек в этом смысле не является научным предметом и объектом познания. По природе своей человек – существо незавершенное, и потому он как человек не доступен познанию. Поэтому его самого структурировать, конструировать невозможно и преступно. Но можно структурировать и конструировать наши знания о нем [Ясперс 2020: 894]. В этом плане нет необходимости строить универсальную науку о человеке (она просто невозможна). Человек никогда не может быть дан нам как готовый объект для исследования. Он подобен не карте лежащего перед нами континента, а скорее схеме возможных маршрутов к нему [Ясперс 2020: 895].

случае, критерием оценки при проведении ЭЭ становится эффективность проводимых процедур [Bishop 2012: 188]. Поэтому сама ЭЭ рассматривается как новый механизм нормирования и регулирования [Frank, Jones 2003], как инструмент управления решениями в области социальных и технологических трендов [Nowotny 2001; Fox 2008].

Если же границы человека стали подвижными, если сам человек предпочитает выбирать иной способ существования, если внедрение умных технологий ставит под вопрос привычные представления о жизни и смерти, естественном и искусственном, если человек все больше функций и работ отдаёт умному устройству, если ставится вопрос о возможности редактирования генома человека, то тем самым растёт и становится массовой практика размывания границ между живым и мертвым, человеком и техникой и т. д. Тем самым проблематизируется и сама ЭЭ. Она сталкивается с проблемой размывания и даже исчезновения самого объекта защиты. Размываются нормы и границы, и сам человек как сущее трансформируется, его самого всё больше подменяет умное существо-киборг. Кого и от чего необходимо тогда защищать? Кто выступает в таком случае носителем плавающей нормы?

Если мы не хотим исчезновения человека как сущего, то перед нами ставится принципиально новая задача – переустройство и восстановление границ человека, но в новых условиях, в новой реальности, в новой смешанной, гибридной социально-цифровой среде. И тогда мы вспоминаем идею Б. Г. Юдина (см. выше) о ГЭ как форме социальной инженерии⁹⁵, то есть *форме моделирования новой социально-цифровой среды обитания*. В такой ситуации необходимо заново перераспределять функции и работы между человеком и умной цифровой средой, но сохраняя человека как сущее, как существо мыслящее и принимающее решение, отвечающее за себя и за мир, в котором живёт, оставаясь смысловой опорой мира.

Способ проведения ЭЭ соответственно выливается в осуществление *процедуры соответствия* существующей практики – установленным нормам. ЭЭ представляет собой фактически согласование описанной системы норм, упакованных в кодексах и конвенциях, и реальных прецедентов, случаев нарушения установленной нормы, границы. Фактически ЭЭ выявляет и описывает сам прецедент разрыва, нарушения нормы, и предполагает этот разрыв зашить, преодолеть, указывает на нарушение записанной нормы и призывает к ответу тех, кто норму нарушил. В этой ситуации ЭЭ постепенно редуцируется в практику консультирования и стандартизации процедур, становясь успешно продаваемой услугой, инструментом управления, оцениваемым в категориях эффективности, результативности, измеряемости.

Некоторые авторы говорят о том, что ЭЭ должна сводиться к экспертным заключениям, касающимся не столько «этики» лечения, в том смысле,

---

⁹⁵ Тема социальной инженерии является отдельной большой темой, не относящейся напрямую к тематике данной статьи. Сошлемся на ряд работ разных авторов и отметим, что социальная инженерия как теория и практика социально-гуманитарного проектирования становится особенно актуальной именно в периоды перехода и трансформации социально-технологических укладов и необходимости введения принципов конструирования новых моделей реальности, на которых и отрабатываются новые способы жизнедеятельности. К таковым практикам конструирования социальных моделей в принципе относится и практика ГЭ (см. работы по социальной инженерии [Попов 2002; Розин 2002]).

как она понимается в моральной философии, сколько эффективности консалтинга, связанного с решением медицинских проблем. Более того, поиск метода ЭЭ в этических теориях не помогает, а напротив усложняет процесс принятия решений [Fahr 2010: 56]. В этой связи в ЭЭ образовался разрыв между этикой и консультированием, при заметном крене в сторону оптимизации процесса консультирования, улучшения его качества и результатов.

В случае с ГЭ такая процедура становится невозможной, поскольку сама граница не фиксирована, не положена в качестве нерушимой нормы. Участники ГЭ вынуждены в новой реальности проделывать определенный *путь переустановления границ и восстановления нормы в новых условиях*, в условиях новой реальности, в которой необходимо переустановить связи человека с умной средой и главное – переустановить самого человека в его отношении к бытию, то есть восстановить человека в норме (см. выше).

В ЭЭ соответственно ключевую роль играют носители нормы, то есть эксперты, специалисты, сведущие относительно того, какие нормы и кодексы существуют в конкретной сфере жизнедеятельности, защищающие человека с точки зрения его этоса. Эти эксперты выступают как нормоносители, контролеры и держатели нормы, знающие то, где пролегает граница между принятым, нормативно признанным и разрешенным, с одной стороны, и ненормативным, не признанным, с другой.

В ГЭ таковых держателей нормы фактически нет, а если есть, то только в виде носителей экспертного, исключительного, прецедентного знания. Здесь граница не фиксирована, поэтому экспертами выступают все участники ГЭ, но каждый в своей части. Например, что происходит в случаях с выбросом на рынок инновационного продукта? Если выводится на рынок «умная» стиральная машина, то экспертом выступает не инженер-разработчик, и не управленец, и не юрист, а домохозяйка, которой предстоит пользоваться машиной каждую неделю. Это несколько редуцированный пример, но он показывает простой случай введения непривычного продукта или услуги, или действия, относительно которого не прописаны нормы. Эти действия с умной машиной пока не нормированы. Нормы действия ещё предстоит выработать, а значит переустановить новую связь человека и умного технического устройства.

В этом плане носителем экспертизы, экспертом выступают все те, кто осуществляет саму процедуру переустановления границ в новой реальности.

В результате роль экспертов и участников ЭЭ и ГЭ принципиально разная. В рамках ЭЭ эксперт осуществляет процедуры сверки и соответствия случая, прецедента – и существующей нормы, описанной в документах. В рамках же ГЭ все участники процедуры вынуждены фактически проделывать шаг развития и стараться представить новую модель взаимодействия человека и умной среды, в которой (модели), видится восстановленной норма человека и переустановлены связи человека и мира. Фактически ГЭ носит явно выраженный проектный характер. Она проводится в формате нелинейного форсайта, то есть конструирования желаемого для участников образа будущего, в котором (образе) человек восстановлен в своей онтологической норме, но в новой реальности.

Зафиксируем выше сказанное в рисунках в виде опорных схем, показывающих устройство ЭЭ и ГЭ (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Этическая экспертиза.

Рис. 2. Гуманитарная экспертиза.

Приведем итоговую сравнительную таблицу, в которой мы зафиксировали принципиальное концептуальное различие ЭЭ и ГЭ (Табл. 1).

Многие авторы справедливо полагают, что сама ГЭ как идея, форма, институция находится в процессе формирования. Но мы считаем, что она таковой будет всегда по той причине, что она сама выстраивается не как законченная процедура, а как *процессуальная форма*, как способ мониторинга глубинного процессуального сдвига, смещения границ человека, его нормы, и постоянного ее восстановления, возрождения в новой реальности.

Это особая задача-вызов для экспертных сообществ и всех участников: пытаться выстраивать такой концепт, такие модели ГЭ, которые соответствовали бы такой специфике ГЭ. Это задает самой ГЭ предельную рамку: ГЭ как институция, посредством которой сам человек обращает на себя вни-

Таблица 1

Критерий	Этическая экспертиза	Гуманитарная экспертиза
Человек, отношение к нему	Объект защиты и охраны, испытываемый.	Субъект изменений, совершающий личное усилие по заботе о себе
Норма человека	Установлена в культуре, зафиксирована и описана в мировоззренческой картине мира. Не подвергается сомнению.	Человек в бытии подвергнут проблематизации. Проблема перенормирования. Проблема восстановления нормы человека в новых условиях.
Границы человека. Разная природа границы	Установлены, зафиксированы. Границам приписана объективность.	Граница как подвижный фронтир, не фиксирована, прозрачна. Граница событийная, смысловая, ценностная.
Цели экспертизы	Разработка положений и рекомендаций по защите человека как объекта вмешательства и воздействия на него новых разработок и технологий.	Переустановление и восстановление нормы человека и его границ. Перераспределение функций и работ между человеком и умной средой.
Отношение в рамках экспертизы к норме и границе	Нуждаются в защите	Пересматриваются в режиме конвенций, переустанавливаются. Восстановление нормы самим человеком, на человеке в новых условиях, в ситуации изменения самого человека.
Способ проведения экспертизы	Анализ представленного материала, результатов исследований, тестов, документов с точки зрения защиты человека как объекта воздействия.	Моделирование новой ситуации. Публичная процедура защиты проектов и разработок с точки зрения выстраивания нового интерфейса человека и умной среды.
Нормативные документы при проведении экспертизы	Согласованные и принятые в сообществе Конвенции, декларации и кодексы по биоэтике, по биомедицинским исследованиям и др.	Поисковый формат. Не выработаны или используются те же, что и при ЭЭ, но в новой интерпретации, по прецеденту.
Институциональная форма	Этические комитеты, экспертные советы	Пока не выстроена. Форма социальной инженерии. Участвуют приглашенные эксперты по прецеденту, ad hoc. Уже существующие этические комитеты, действующие по ситуации.

Критерий	Этическая экспертиза	Гуманитарная экспертиза
Кто эксперт?	Профессионал, обладающий специальными конкретными экспертными знаниями, носитель экспертного опыта, знающий проблематику, документы, нормативы.	Может быть любой вовлеченный в опыт самоисследования ситуации, в том числе испытуемые, пользователи, благополучатели, исследователи и др. Распределение экспертных функций между участниками.
Роль эксперта	Провести процедуру соответствия конкретной ситуации и наличной, зафиксированной нормы. Дать предметную консультацию по проблеме, по ситуации.	Выработать новое экспертное знание в уникальном опыте экспертизы относительно нового положения человека и его бытия в мире. Выработка экспертного предложения по новой модели взаимодействия человека и умной среды.

вание и возвращает себе самого себя. Поскольку его заботой о самом себе и должно быть постоянное «возвращение человека его существу», возвращение «отпавшего от своей сущности» человека ему самому [Хайдеггер 1993: 195–196]. В этом собственно и состоит ее гуманитарность.

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕТОД СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ ИНЖЕНЕРИИ (введение в онтологию гуманитарного проектирования)

С. А. Смирнов⁹⁶

Постановка задачи

В работе представлено понимание практики гуманитарной экспертизы (далее – ГЭ) как метода социогуманитарной инженерии. Мы бы хотели сделать акцент прежде всего на этот инженерный аспект, вынося за скобки собственно аспект этический и гуманитарный, которые мы уж затрагивали в своих предыдущих работах, посвященных специфике гуманитарной и этической экспертиз [Синюкова, Смирнов 2021а; Синюкова, Смирнов 2021б]. Здесь же мы представим *принципиальную схему* устройства ГЭ как *метода*, разворачивающегося по мере реализации разных проектов, затрагивающих основы той или иной сферы жизнедеятельности, имеющей гуманитарные последствия. Используя эту схему как *объяснительный и регулирующий принцип*, можно далее организовывать и выстраивать практику проведения ГЭ⁹⁷.

В этой связи нам важно помнить, что в схеме удерживается не столько объект ГЭ (что оценивается, то есть проект), не столько результат реализации проекта, сколько процесс-метаморфоз, переживаемый авторами проекта и его партнерами, включенными в процесс реализации проекта, испытывающими неизбежные социокультурные и гуманитарные изменения.

Парадигмальный сдвиг

Согласно классической рационалистической парадигме развития науки, доминирующей до XX века, научное сообщество полагало, что есть один мир, доступный познанию. А познающий его человек должен быть ему соразмерен. Относительно этого мира строилась та или иная онтология. Допускалось, что в силу единственности мира существует истина, скрытая сущность мира, к которой выстраивается долгий путь познания. Добываемым на этом пути знаниям о мире приписывалась истинность, достоверность и поэтому исследователи спорили относительно того, кто ближе и точнее к истинному, правильному пониманию мира сущего.

В рамках такой парадигмы допускается базовый постулат: мир объективен, разумно устроен, упорядочен, познаваем, доступен познанию отдельно взятым индивидом, становящимся в своём развитии познающим субъектом, осваивающим средства и конструкты познания. На этих допущениях базировался классический тип рациональности⁹⁸. Человек, познающий этот

---

⁹⁶ © Смирнов С. А. 2023

⁹⁷ Опыт понимания и описания в целом практик проведения методологически организованной экспертизы как метода инициации общественных изменений, фактически как метод социальной инженерии, представлен в ряде работ отечественных авторов [Марача, Матюхин 2002; Попов 2002; Розин 2002]. В нашей работе мы будем отталкиваться от идей, высказанных этими авторами, а также опираться на свой опыт, понимая специфику как языка, так и фактуры собственно гуманитарной экспертизы.

⁹⁸ См. также нашу предыдущую работу [Смирнов 2019а: 20–23].

разумный мир, соразмерен ему. Фактически в основании познавательной классической парадигмы закладывался и принцип человекообразности мира и его познания [Петров 2009; Петров 2012]

Неклассическая ситуация начинается тогда, когда именно этот принцип человекообразности перестает работать. Допускается, что в мире есть вещи, не доступные познанию, не разумные, не объективные и не предсказуемые. А познавательная деятельность перестает быть доминирующей в отношении человека и мира. Ей на смену приходит инженерная деятельность и соответственно этому – инженерная парадигма, в дополнение к научной.

В такой ситуации были поставлены под вопрос базовые постулаты о разумности и познаваемости мира и, соответственно, о его соразмерности человеку. Сама парадигма классической рациональности базируется на допущении, что в мире необходимо присутствие разумного существа, то есть человека. Все представления о разумности, целостности, связности, всеобщности мира получают свою легитимность лишь потому, что в мире присутствует смысловая опора мира, разумный человек, соразмерный этому миру [Петров 2009; Петров 2012; Смирнов 2019б].

XX век открыл человеку то, что было реальным откровением мир не просто познаваем, он конструируется. Такое допущение стало возможным в связи с осуществленным онтологическим переходом, согласно которому допускается иная природа сущего: мир есть не только мир процессов, объективных и независимых от человека, а мир есть мир поступков, актов мышления действия людей, мир нравственных выборов и ответственных действий, выступающих основанием для всех остальных сфер жизнедеятельности, включая познание, преобразование, конструирование, проектирование. И от того, как человек мыслит, действует и поступает, зависит и само понимание мира. Как человек помыслит, так он и будет жить.

В этой связи знаниевые и понятийные конструкты, ранее проверявшиеся на истинность, точность, достоверность, теперь должны проверяться также на осмысленность, целесообразность, человекоориентированность. Знание не отражает объекты, а наука, как выражался Р. Рорти, не является «зеркалом природы». Знания собираются, конструируются и строятся под конкретные проекты конкретными людьми и потому имеют деятельностную природу. Они собираются и разбираются, строятся и пересобираются, их хранят в библиотеках культуры. Еще точнее – у знаний и понятий есть имя и фамилия, есть авторство. Они рождаются в конкретной деятельности, у которой есть авторы. Знания мозаичны, они постоянно пересобираются под проектные задачи и программы. В таком случае актуальной становится задача сбора и хранения разных массивов данных. Из них уже авторы проектов и программ собирают те или иные знаниевые конструкты, конструкторские проектные модели, состоящие из этих данных⁹⁹.

В такой ситуации понятия, строящиеся ранее в классической модели науки и игравшие роль каркасных лесов, несущих конструкций, крепящих человеческий опыт, выполнявших функцию опор и ориентиров, перестают

---

⁹⁹ Если в классической парадигме знаниям приписывалось онтологическое значение, за знаниями предполагалось некое сущее, теперь же за знаниями прикрепляются инженерные задачи, знания все менее отражают некое объективное сущее, они все более становятся средством для собирания конструкторов, строящихся под проектные задачи [Попов 2002: 48].

быть таковыми в силу снятия с эпистемологического опыта критерия объективности и достоверности, в силу того, что в мире не может быть единой и единственной онтологии, одной картины мира, нет потому и единых понятийных каркасов. Нет поэтому единого языка. Наступает «понятийная катастрофа» [Попов 2002: 49].

Это приводит к угрозе дезориентации человека в принципе и к смене всей стратегии мышледействия – к отказу от выстраивания доктринальных концептов и теорий, которым приписывается объективность сущего, – в пользу выстраивания поисковых и навигационных стратегий, предполагающих разработку авторских проектных и программных схем и маршрутов действий. Забегая вперед, заметим, что практики гуманитарных экспертиз и форсайтов выступают как раз такими практиками навигации и выстраивания антропологии будущего.

Тем самым мы переходим от собственно привычной научной онтологии и картины мира (гомогенной, претендующей на истинность и достоверность) – к инженерным практикам мышления и действия множества субъектов, акторов, носителей воли, целей и полаганий. Именно конструирование и проектирование, сборка и разборка конструкторов из массивов данных, собирание разнородного материала под задачу есть сугубо инженерный тип действия. В эти сборочные конструкторы входят разные составляющие, как-то, собственно знания о процессах, социальные связи и коммуникации, управленческие функции и работы, технические задачи, позиции, цели и полагания акторов¹⁰⁰.

По этой же инженерной логике сборки и разборки конструкторских схем действия стали выстраиваться и собственно социальные и гуманитарные проекты. Сама идея инженерии была распространена и на социальную и гуманитарную сферы.

В таком случае в инженерной парадигме необходима и соответствующая стратегия – соположения и сопричастия разных онтологий, картин мира, целей и оснований действий людей. Необходима организация разных онтологических картин и построение онтологических конфигураторов, имеющих не знаниевую природу, а целеполагающую, деятельностьную. Люди, носители конструкторов опыта, вынуждены договариваться о смыслах и целях своих действий, сопологать их друг другу, а не спорить о понятиях, о точности и правильности своих представлений, о том, что должно быть на самом деле.

Но согласование разных онтологических картин и выстраивание конфигураторов невозможно в привычном проектном зале. Осуществление

---

¹⁰⁰ Другие исследователи называют выше названный переход от классической к неклассической ситуации переходом от века науки к веку технонаук, предметом которых выступает не столько познание мира, сколько его преобразование, в рамках которого и сам человек становится таким предметом биотехнологического преобразования [Тищенко 2017: 10]. Более того, мир технонаук имеет дело с неустойчивыми границами между миром человека и миром вещей или миром техники. Собственно, поэтому суть биоэтики, полагает П. Д. Тищенко, и заключается в том, чтобы путем экспертных дискуссий и согласований каждый раз заново формировать границы между миром людей и миром вещей, тем самым всякий раз возвращаясь вновь к ответу на вопрос – «что такое человек?», всякий раз восстанавливая демаркационную линию между миром человека и миром вещей. Эта граница в технонауках становится предметом технологического конструирования [Тищенко 2017: 11].

социально-культурного инженерного действия в человеческом общежитии, где пребывают разные носители отдельных волей и устремлений, невозможно в проектном залоге – залоге выработки отдельно взятым субъектом своего проекта и его реализации. Так было ранее, в эпоху недавнего увлечения и массового внедрения проектного подхода, носители которого полагали, что любая идея, касаемая особенно социального и гуманитарного развития, если она правильно упакована в проект, должна быть реализуема. Это порождало и порождает разного рода очередные социальные утопии, реформации и конфликты.

Согласование многих волей невозможно лишь в проектном действии. Многообразие целей и устремлений и их постоянные изменения не могут быть спрогнозированы и спроектированы, равно как не могут быть представлены в единой гомогенной онтологии. Онтология в инженерной парадигме гетерогенна и гетерохронна. Идеи рождаются из разных источников и имеют разных носителей и не могут быть представлены в едином и единственном шаге развития и упакованы под один проект. Здесь много авторов, траекторий и схем представленности.

В силу снятия критерия объективности смещается и сам акцент понимания смысла действия. С объекта и всего дискурса о правильности и достоверности акцент переносится на проблему осмысленности действия и выработки адекватного *метода* этого действия. Актеры, носители действий, нуждаются в том, чтобы вырабатывать не столько знания о мире, сколько адекватные методы действия, способы построения работ, связанных с выстраиванием своего полагания в мире, где другой носитель действия также рассчитывает на свое осмысленное действие. А поэтому метод действия не обязан быть соответствующим некоему объекту (как в классической картине мира), он должен сопологаться целям и задачам авторов проектов, носителей идей развития. Метод должен соответствовать самому действию и учитывать последствия, связанные с тем или иным действием.

В силу этого растет фактор непредсказуемости в мире сосуществования множества волей и устремлений. Особенно растет непредсказуемость и непрогнозируемость гуманитарных последствий (в силу сложности их формализации), и в силу увеличения сложности проектов и преобразований.

Поэтому важнейшим становится построение *метода действия* как способа преобразований посредством *управления гуманитарным сдвигом* в собственной ситуации человека, автора проектного действия, и учета ответных действий других контрагентов.

Сказанное предполагает представление метода действия не как исследования внешних, вне положенных автору проекта, объектов, а как метода навигации и поиска, по ходу которого происходит метаморфоз и самого автора проекта, носителя идеи. Но коль скоро этот метаморфоз предсказать и предзадать нельзя, то необходимо вырабатывать дорожные карты движения, маршруты изменений.

Эта дорожная карта показывает не внешние мировые тренды (роста цен, понижения спроса на автомобили определенной марки или новые стили в одежде, что обычно представлено в практике различных форсайтов), а *карты изменений носителя идеи, автора проекта, карты его гуманитарного метаморфоза*. Ведь его проект – это видение образа будущего его самого, его места, видение преобразований его предметной деятельности, куда

он включен как живой её носитель. Поэтому проект есть проект изменения самого субъекта, носителя проекта. Это карта его личностного и профессионального роста¹⁰¹.

Для полагания своего проектного действия его автор представляет перед собой схему позиций и коммуникаций, целей и задач, своих и других. Автор преобразований должен видеть самого себя в своей схеме и другого, и глазами схемы он начинает видеть собственно и сам мир. Без представленности мира в схеме мысли и действия он слеп. В схеме осмысливается и цикл жизни этого мира.

Мышление о порождении мира посредством проектов и их гуманитарных последствиях есть мышление авторское. Оно не исследует готовый внешний объект, не преобразует готовые объекты внешней среды, не конструирует машину вне человека. Это авторское произведение, точнее, даже автопортрет, видение собственно метаморфоза своей формы жизни. Автор организует собственный шаг развития мира в ситуации постоянного дефицита знаний о нем.

В схеме проектного действия тем самым необходимо удерживать:

1. Позиции, включая позицию автора проекта и позиции ближайших соседей, контрагентов или партнеров по предметной деятельности.

2. Карту полигона предполагаемых проектных действий, которые автор предполагает совершить в мире предметной деятельности.

3. Систему, наличность всех связей и коммуникаций в предметной деятельности.

4. Включенность автора в некое целое, большее, чем он сам. Например, проект посвящен преобразованию учебной деятельности в университете. Без видения университета как целого и встроенности в него автор проекта будет обладать дефицитом видения.

5. Возможности и моменты непредсказуемости действий других акторов для автора преобразований («джокеры», «дикие карты»).

6. Правила, нормы взаимодействия на полигоне изменений.

7. Видение места проекта в сфере предметной деятельности, которая будет переживать изменения.

Автор проекта, субъект действия, выступает «мыслящей инстанцией», носителем этой схемы изменений, которая, как и сама мысль, больше отдельно взятого индивида. Автор проекта, хотя исходно и выступающий индивидом, в ходе проекта *дотраивает* себя до субъекта действия и до мыслящей инстанции, стремясь удерживать все целое преобразований, всю ситуацию изменений, которая при вбрасывании проекта всегда будет больше отдельно взятых индивидов.

---

¹⁰¹ С учетом всего выше сказанного проект прежде всего предполагает трансформацию мышления автора проекта, посредством чего происходит и трансформация ситуации. В этом плане не надо ломать людей, заставлять их меняться, давить на них извне. Прежде всего автор проекта переживает метаморфоз своего способа мысли и начинает видеть ситуацию по-другому: «Проект – это трансформация ситуации, ориентированная таким образом, чтобы при минимальных изменениях было достижение всех целевых пунктов. Надо сохранять внешнюю структуру, миссию, назначение, цели. А изменения и перестройки вообще должны быть минимальными. Перестройки надо производить в мыслях и психологических состояниях» [Щедровицкий 2003: 118].

Только субъект изменений как мыслящая инстанция (большая, чем индивид) и может быть соразмерной масштабу изменений и должен быть способным меняться по мере изменения ситуации.

Последнее необходимо и возможно при выполнении ряда условий (см. также [Попов 2002: 60]):

- жизненная включенность автора проекта в ситуацию изменений; он проектирует не еще один инструмент, он порождает новую форму жизни, меняя мир и самого себя;
- готовность автора проекта достраивать себя до масштаба ситуации изменений;
- готовность и способность выстраивать коммуникацию с другими агентами изменений;
- готовность и способность работать с непредсказуемыми ответными действиями, выступающими в качестве джокеров для новых проектов.

Гуманитарная экспертиза как метод. Принципиальная схема

Итак, в инженерной парадигме человек сам встроен в мир и сам порождает его изменения. Поэтому природа таких изменений событийна и рукотворна, а не объектно-процессная.

В этой рамке и рождается собственно гуманитарная экспертиза (далее – ГЭ) как институт и практика установления места человека через его проектное действие, становясь событием этого установления. Поэтому ГЭ есть метод социогуманитарной инженерии, а не акт познания.

Практики конструирования привели к переходу от кантовского вопроса «Что такое человек?» (и связанного с этим стремления выверять и проверять знания о человеке на предмет их истинности и объективности) к вопросу о том, «Где есть человек?», ответ на который событиен: человек есть тот, каким он совершается в мире, что он делает с самим собой, человек есть поступающее мышление и действие, посредством чего он, человек, и находит, обретает свое место, которое также событийно. Оно всякий раз переустанавливается в момент события мышления и действия. Поэтому и границы этого места человека прозрачны и пульсирующи¹⁰².

Если границы места человека пульсируют, то он потому всякий раз их и восстанавливает. Предмет ГЭ и есть восстановление места человека, его границ, тем самым собственно его *нормы быть*. Она, ГЭ, есть метод установления, восстановления этого места. Поэтому она выступает не познавательным действием относительно того, что такое человек, а конструированием этого места, выстраиванием его места, его нормы быть, поскольку эта норма не субстанциальна, она событийна (норма быть есть усилие быть).

В таком случае в основании устройства ГЭ как социогуманитарного инженерного действия должна быть положена представленная в нашем мышлении и выраженная в знаковой форме принципиальная схема ее устрой-

¹⁰² Ср. у Х. Плеснера: границы человека виртуальны, ментальны. Например, линии на рисунке не обладают никаким реальным сущим. Они могут быть проведены, затем стерты, затем вновь проведены. Так и границы человеку и его тела [Плеснер 2004: 104–108]. Граница места человека не существует сама по себе, она полагается как место соприкосновения одного, меня, с иным мне. Это соприкосновение пульсирует. Граница представляет собой в таком случае некий пульсирующий контур.

ства, имеющая не познавательный смысл, а проектно-событийный. Эта схема существует сугубо в нашем мышлении как объяснительный принцип, с помощью которого показывается регулятивный механизм действия ГЭ. Представим эту схему (рис. 1).

На схеме фигура обозначает автора проекта в различных позициях (в ситуации инициации проекта, хода проекта, управления проектом, в рефлексивной позиции).

Также этот знак обозначает позицию экспертов в верхней левой части схемы, а также позицию сторонников и противников проекта в верхней правой части.

В нижней половине схемы показан путь проекта, его развертывание. Над этой частью показано рефлексивное отслеживание проекта и управление гуманитарным сдвигом. Эта часть самая важная. От степени и масштаба изменений и понимания авторами проекта собственного метаморфоза зависит и ход самого проекта.

Собственно содержанием изменений является изменение сферы самой предметной деятельности (ПД), которая «сидит» на ее носителях и переживает пошаговые изменения (ПД 1, ПД 2 и т.д.).

Повторим, что гуманитарная экспертиза понимается нами как метод социо-гуманитарной инженерии, то есть способ организации и управления

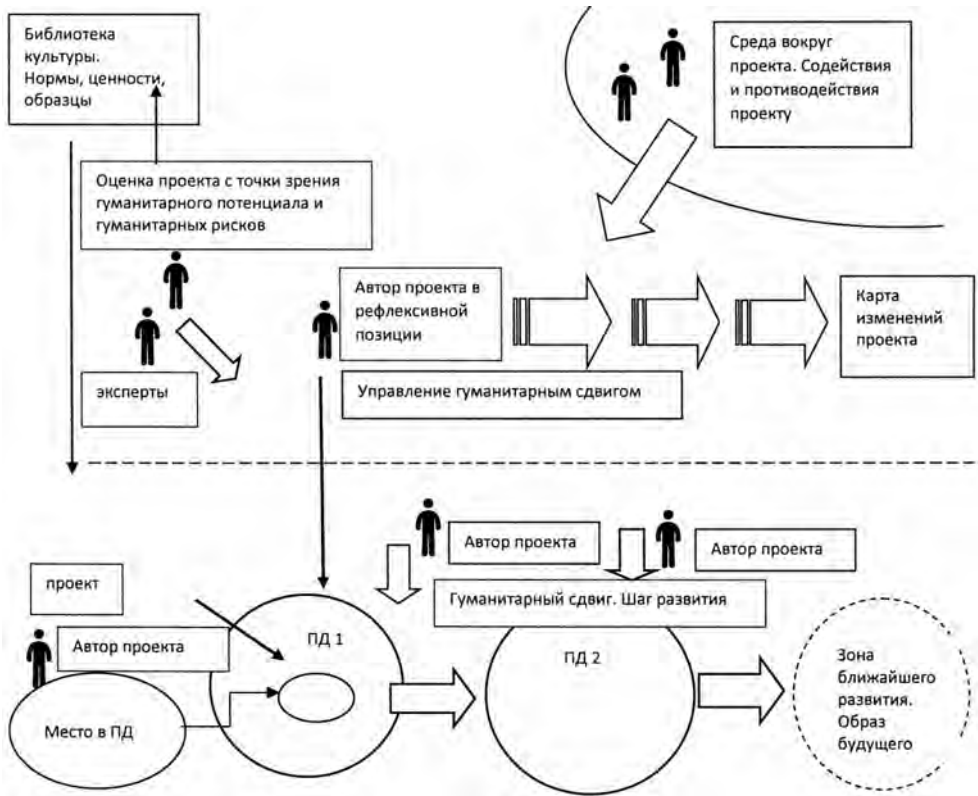

Рис. 1. Гуманитарная экспертиза. Принципиальная схема.
 ПД – предметная деятельность

социальными и гуманитарными изменениями, происходящими не вне людей, а на самих людях, связанными с реализацией проектов, содержанием которых является внедрение так называемых умных технологий в различные сферы жизнедеятельности человека.

Лишь в узком, привычном, смысле ГЭ можно понимать как оценку гуманитарных рисков и негативных, деструктивных последствий внедрения умных технологий в жизнедеятельность человека, наблюдаемых в силу этого внедрения, и этических проблем, с этим связанных. Об этом в литературе много написано [Синюкова, Смирнов 2021 и др.].

Мы полагаем, что именно поэтому имеет смысл понимать и выстраивать ГЭ как метод инициации и управления процессом гуманитарных изменений, происходящих на людях в связи с внедрением технологий, меняющих привычный уклад жизни, привычное устройство базовых деятельностей людей.

В состав этого метода входят следующие виды работ.

1. Инициация, генезис проектов, порождающих гуманитарный сдвиг, имеющих гуманитарные последствия.

2. Организация работ по реализации этих проектов.

3. Оценка проектов с точки зрения возможных гуманитарных последствий, связанных с реализацией проектов. Проведение процедуры оценки гуманитарных рисков и гуманитарного потенциала проекта в рамках защиты и обоснования проекта.

4. Мониторинг процесса реализации проекта, организация сопровождения проектов.

5. Выработка норм и правил человеческого общежития, необходимых в ситуации гуманитарных изменений.

6. Выработка и составление дорожных карт маршрутов реализации проектов, в которых фиксируются моменты и треки гуманитарных изменений и сдвигов. В силу сложности и тонкости, проблематичности наблюдения за ними они ведутся в виде дневников наблюдений, протоколов, бортовых журналов, в которых отмечается корректировка действий по маршруту и сопровождению проекта, гуманитарные изменения и метаморфоз участников проекта.

7. Рефлексивное описание гуманитарных последствий, гуманитарного сдвига на материале конкретной фактуры проекта, его носителей. Инвентаризация гуманитарных рисков и гуманитарного потенциала проекта в точках движения, важных для корректировки управления навигацией проекта.

8. Осуществление приращения проекта, достраивание проекта в его гуманитарной составляющей. Выстраивание антропологии проекта.

9. Оценка шага развития при внедрении проекта. Понимание сдвига от ПД 1 к ПД 2 (см. рис. 1).

10. Сопровождение проекта при его внедрении, запуске и реализации. Мониторинг жизни проекта.

11. Выстраивание при внедрении и жизни проекта новых социальных связей, новых правил игры, принципов и кодексов. Управление процессом социальных изменений через сдвиг в ПД, то есть собственно социальная инженерия.

Фактически сказанное предполагает представление образа желаемого будущего, который выкладывает перед собой автор проекта – как представление о себе в будущем, его фактический автопортрет в будущем, после

прохождения шагов по реализации проекта. В этом заключается и главная трудность – выкладывать свой образ будущего. Обычно авторы проектов себя не видят в проекте или видят в карикатурном, идеологическом виде, представляя себя глазами чужого сознания, или вытаскивают привычные представления о себе в прошлом, тиражируя себя в будущее.

Необходимо помнить, что, строго говоря, образ будущего, помышляемый автором проекта, существует в его мышлении. Этот образ ничего не отражает, за ним не лежит никакая объективная картина мира. Он не соответствует никакой внешней реальности. Его реальность – мышление самого автора проекта. Поэтому фактически реализация проекта предполагает проведение сложно организованных процедур переноса/перехода из реальности проекта в реальность социо-культурную. Тем самым автор проекта «строит реальный мир соответственно своим идеальным схемам» [Щедровицкий 2003: 191].

Образ будущего необходимо представить не в виде некоей абстрактной идеи или абстрактного образа будущего, не в виде проекта, как это привычно делать при нормах проектирования, а в виде связки исходного состояния, толкавшего автора проекта на инициацию проекта (исток проекта, толкающий на самоопределение автора проекта) через шаги по навигации проекта, с предельным горизонтом образа будущего. Стяжка между истоком и горизонтом задает энергию для хода всего проекта. Если этой связки нет, то проект быстро закончится, исчерпав свою энергию. Эти изгибы и торосы, связанные с реализацией проекта и его навигацией, разворачиваются на самом авторе проекта и его партнерах, на их пошаговом изменении в этой навигации, воплощаясь в личностном и профессиональном метаморфозе, и фиксируются в дневнике наблюдений, бортовом журнале.

Инициация проекта

Важно понять, что сама инициация проекта не связана напрямую и непосредственно с теоретической работой, не является результатом предварительных исследований каких-то глубинных процессов, также не является частью организационной работы автора проекта на его рабочем месте. Инициация проекта является результатом и фактом его личной и профессиональной биографии, фактом его личностного и профессионального самоопределения, и рождается на стыке его личностного истока и предельного горизонта.

Поэтому по большому счету таких проектов, несущих в себе гуманитарные последствия, не может быть много. Большинство проектов, как правило, обычно посвящено отдельно взятым аспектам профессиональной деятельности, они касаются инструментария работ, ассортимента средств в рамках привычной, существующей социальной и профессиональной среды, устоявшихся норм и привычек, в условиях функционирования в рамках неизменной предметной деятельности.

Проекты, подлежащие ГЭ, предполагают изменения самой предметной деятельности, изменения среды обитания, самих способов реализации и осуществления, построения базовой предметной деятельности (далее – ПД) (например, образовательной, научной, культурной, медицинской, управленческой), изменения норм и правил построения ПД. И потому они затрагивают ценностные, смысловые и нормативные опоры этой ПД, в силу чего они имеют гуманитарные последствия. А поэтому и становятся предметом ГЭ.

Ситуация неопределенности и непредсказуемости и порождает заказ на ГЭ как на метод социо-гуманитарной инженерии, имеющей своим предметом управление и сопровождение проектов, имеющих непрогнозируемые гуманитарные последствия и риски. Поэтому возникает нужда в ГЭ как в институции, а не как в отдельно взятых процедурах. В рамках этой институции исследование и проектирование выступают подчиненными, включенными в более рамочную работу – собственно работу по инженерии гуманитарных изменений¹⁰³.

Автор проекта (преобразователь, инициатор гуманитарного сдвига) в таком случае выступает не просто автором проекта в привычном смысле. Он – *носитель и инициатор гуманитарного сдвига*. Стало быть, в его проекте должно быть удержано главное – содержание и смысл этого сдвига, происходящего, заметим, на нем самом.

Автор проекта в самом проекте в этой связи должен обозначить и себя, инициатора сдвига, свое место в предметной деятельности, подвергаемой его проектному действию, и показать собственную ситуацию гуманитарного сдвига. Эту ситуацию сдвига он должен удерживать в своей исходной схеме сдвига, наполняя ее конкретным содержанием (см. движение автора проекта на схеме, рис. 1).

Обозначая свое место в проекте, его автор обозначает и свое место в мире, вводит своим личностным проектным усилием это место. Тем самым рождается новая форма жизни, живущая со своей жизненной интенцией и вступающая в контакт с другими формами жизни, имеющими свои места. Эта форма жизни рождается, имеет искусственно-естественный генезис, поскольку выступает результатом проектного действия, порождаемого ситуацией разрыва в ПД, испытываемого на себе автором проекта, включенного в эту ПД. Интенция автора проекта предполагает развитие его формы жизни, а разрывы в ПД не позволяют этой интенции осуществиться. Автор на себе проживает разрывы в ПД, поскольку его форма жизни встречает современные ему тренды развития. Последние создают при встрече с ПД ситуацию вызова. Через себя, свою ПД и свой проект, автор проекта видит действие этих трендов, толкающих его на шаг развития.

---

¹⁰³ Институциональный подход к организации экспертизы как социальной инженерии выражен в ряде работ некоторых авторов [Марача, Матюхин 2002]. Эти авторы фактически пытались осмыслить экспертизу как «институциональную форму», в категориях работы состязательных институций (суда и парламента). Сама экспертиза в ее рамках строится как публичное, открытое состязание разных сторон, сторонников и противников проекта, с выработкой правил состязаний, клятвы со стороны автора проекта и его защиты, включая публичные слушания и т. д. Полагаю, что подобное копирование и перенос состязательных практик, их устройства в практику социогуманитарной инженерии чревато и спорно. Поскольку данные состязательные институции опираются на хорошо разработанную, утвержденную и согласованную нормативную базу в виде законов, предписаний, актов и процедур. Таковой базы у гуманитарной экспертизы нет и быть не может. Это все равно, что сравнивать поход по неизвестным диким местам в тайге, без карты и компаса, с экскурсией по Эрмитажу. Но сама попытка осмыслить экспертизу как институциональную форму, с ее правилами, процедурами, кодексом, принципами, устройством, позициями – эта попытка вполне обоснована. Но надо отметить, что это хорошее и многообещающее начало, связанное с попыткой осуществить институционализацию экспертизы, продолжения не получила. Прошло более 20 лет после описанных прецедентов.

Своим проектом, как новой формой жизни, автор стремится осуществить шаг развития, переводя ситуацию из ПД 1 в другую стадию (ПД 2), стремясь увидеть образ будущего, зону ближайшего развития (ЗБР) (см. рис. 1).

Но проблема заключается в том, что ЗБР может быть представлена лишь в желаемом образе, который не может быть частью исходного проекта по определению. Увидеть реальность будущего своей ПД автор проекта не может. Поскольку будущего как реальности нет. Образ будущего задается в образе через интенцию автора, его самоопределение. Но этот образ встречает сопротивление у других контрагентов, включенных также в эту или соседнюю ПД. Другие контрагенты, такие же самостоятельные и рефлексивные, носители иных форм жизни, имеют иное представление о том, как далее развиваться или не развиваться ПД (см. среда проекта на рис. 1).

Эта ситуация встречи разных видений не может быть полностью спроектирована и упакована в отдельно взятый проект. Поэтому над проектом выстраивается рефлексивный метаплан управления проектом и всем сдвигом в ПД, и план мониторинга гуманитарного сдвига (большая стрелка на рис. 1).

В ходе движения проекта происходит его неизбежная трансформация, в рамках которого меняется и сам проект, и его автор. Автор проекта достраивает себя, свою субъектность и антропологию проекта, дооформляет себя до фигуры управляющего гуманитарным сдвигом, которым (управляющим) он ранее не был, он дополняет свое видение, становящееся более объемным, достраивает себя до более полного, цельного состояния. Он не мог видеть в исходном старте проекта всю ситуацию развития, чреватую конфликтами и джокерами. В ходе проекта и сдвига он сам меняется и начинает видеть и уметь то, чего не мог видеть и уметь до запуска проекта.

В этом плане важнейшим в социальной инженерии является не сам проект в его предметности, а управление гуманитарным сдвигом, и возможность, способность автора проекта переживать и удерживать собственный метаморфоз, становиться другим.

Эта позиция управления проектом и гуманитарным сдвигом отличается от позиции собственно автора проекта в самом начале (хотя они могут сочетаться в одном человеке). Она не проектная, она держится на ценностных, смысловых, гуманитарных основаниях, нормах, не могущих быть упакованными и формализуемыми в проекте. Они держатся в метаплане и задают ценностный смысловой контекст всему движению проекта по гуманитарному сдвигу.

Требования к организации гуманитарной экспертизы как к процедуре

Сказанное означает необходимость выделения требований к организации самой ГЭ как процедуры.

1. Осознание автором зрелости и готовности проекта, осознание готовности самого автора. Ощущение автором проекта готовности к изменениям.

2. Полнота, представленность всех участников, имеющих отношение к проблемной ситуации, сложившейся в данной ПД. Складывание проектной команды.

3. Готовность проекта к защите. Предварительные репетиции защиты. Пилотная обкатка, предварительные обсуждения.

4. Подбор и подключение экспертов. В качестве таковых могут выступать как участники, уже включенные в ситуацию, так и приглашенные. Требования к экспертам выражаются прежде всего в отношении доверия к ним со стороны участников проекта. Этим людям сообщество принимает за экспертов. И второе – эти эксперты потому и приглашены, поскольку имеют опыт, сходный с данным проектом, данной проблемной ситуацией.

5. Выработка правил коммуникации по проведению процедуры ГЭ. Принятие этих правил, их предварительное согласование со всеми участниками процедуры.

6. Составление и согласование списков вопросов, посвященных оценке гуманитарных последствий, гуманитарных рисков и гуманитарного потенциала проекта. Они выступают реперными ориентирами для организации содержательного разговора на самой процедуре оценки. Списки составляются каждый раз под конкретную процедуру оценки проекта в связи со спецификой содержания проекта.

7. Выделение отдельной позиции методологов, управляющих организацией процесса инициации и сопровождения процесса реализации проекта.

8. Достаивание авторами проекта его антропологии, доведение до целого проекта, до целого всей ситуации изменений, доращивание до состояния соразмерности автора проекта целому, которое всегда больше отдельных индивидов.

9. Угадывание джокеров, работа с дикими картами и сопротивлением реализации проекта. Минимизация рисков и увеличение возможностей по реализации проекта.

Предполагаемые результаты гуманитарной экспертизы

Из сказанного выше следует, что собственно ГЭ есть процессуальная форма, в которую могут входить и отдельно проводимые процедуры запуска проекта, его оценки, отдельных фиксаций промежуточных результатов, моменты коррекции хода проекта и другие реперные точки продвижения авторов проекта, точки навигации и отслеживания.

Понятно, что в этом случае можно говорить не столько о результатах ГЭ, сколько об отдельных фиксируемых «следах» пути проекта, который может идти и несколько нет. Стало быть жизненный цикл проекта становится частью жизни его носителей¹⁰⁴.

Но результатами таких проектов можно все же считать как следы, в которых воплощались моменты осмысления и хода проекта, понимания его гуманитарного метаморфоза, так и основные итоги, в которых фиксируются заявленные в начале стратегические цели, которые в ходе движения могут корректироваться.

Такими следами могут быть статьи, интервью, книги, воспоминания, дневники, бортовые журналы наблюдений, кодексы и своды правил, в которых описываются собственно результаты, точнее, реперные точки, фиксирующие значимые для носителей проекта моменты осмысления пройденного пути.

---

¹⁰⁴ Например, у автора этих строк было несколько таких научно-образовательных проектов, длящихся 3–5 лет. Это проект экспериментальной группы на историческом факультете НГПИ в 1987–1993 гг. Проект в чистом виде навигационный, поисковый, с огромным количеством неучтенных гуманитарных рисков [Смирнов 1995]. Это проект «Клуб Финансист» в НГУЭУ в 2005–2009 гг.

О ПРОВЕДЕНИИ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМАТЕ ПОИСКОВОГО ПОЛИГОНА (методический аспект)

А. Г. Горбачёва¹⁰⁵, А. И. Пестунов¹⁰⁶

Введение

При реализации технологических проектов их авторы и разработчики зачастую делают акцент на функциональных возможностях, пользовательском интерфейсе, удобстве использования и других технических аспектах создаваемого продукта или устройства. Главной целью при этом является скорейшее создание и внедрение этого продукта с последующим получением прибыли. Пользователям продукта, как правило, обещают снижение издержек, повышение эффективности или просто показывают красивую привлекательную картину, заставляющую клиента приобрести данный продукт как, например, красивый цветок или интересную игру.

Однако подчинение всего процесса реализации проекта таким целям часто не учитывает гуманитарную составляющую, окружающую использование созданного продукта. Приведём пример. Задумывался ли создатель смартфона над теми последствиями, к которым приведёт его распространение по миру? Какую ответственность он несёт за то, что кто-то теперь вместо занятий спортом «зависает» в смартфоне? Приносит ли создателю смартфона удовлетворение тот факт, что люди получили новые доступные средства коммуникации? Или, может быть, его беспокоит то, что последняя модель смартфона становится предметом манипуляций в семье и в отношениях в духе: «Ну, купи мне новый смартфон, а то я ...»?

Эти и целый ряд других подобных вопросов при их правильном изучении и учёте при разработке продукта должны придавать ему значительно бóльшую цельность и, в конечном счете, выгоду как создателю, так и разработчику. Тщательная проработка этих вопросов даст возможность пользователям не свалиться в конфликты и деградацию или просто в использование продукта как игрушки, но сделает его инструментом развития и самосовершенствования [Смирнов, Яблокова 2019]. В условиях беспрецедентного ускорения технологического прогресса в последние годы антропологические и гуманитарные аспекты должны быть неотъемлемой частью любых технологических исследований [Смирнов 2018]. Они должны смягчать или обуздывать стремление технологизировать человека.

Изучению подобных вопросов посвящена такая форма коллективной экспертной оценки, как гуманитарная экспертиза [Ашмарин, Юдин 1997; Воронин 2012; Воронин 2013]. Зачастую и по праву гуманитарная экспертиза тесно переплетается с этической, хотя они и имеют различия [Смирнов, Синюкова 2021а; Юдин 2006]. Формы такой экспертизы могут быть разные

---

¹⁰⁵ © Горбачёва А. Г. 2023

¹⁰⁶ © Пестунов А. И. 2023

ми. Более того, согласованное экспертное видение того, что такое гуманитарная экспертиза, в полной мере не сформировано. Одним из способов гуманитарной экспертизы может быть *поисковый полигон*, в рамках которого не только осуществляется попытка провести такую экспертизу, но и выработать и уточнить её механизм.

В настоящей работе описан опыт проведения двух полигонов, цель которых состояла в следующем:

- провести оценку нескольких конкретных продуктов и проектов;
- проанализировать то, как меняются и перераспределяются роли и функции человека и компьютера в рамках кейсов по использованию этих продуктов;
- ответить на вопросы о том, в какой роли рассматривается человек (пользователь) в этих проектах – как активный субъект действия или как пассивный потребитель, попадающий в зависимость от умной машины и программы.

Выявленные по итогам первого полигона проблемы, а также обратная связь участников была учтена при проведении второго полигона.

Первый полигон и рефлексия

11 ноября 2021 года состоялся первый полигон «Умный гаджет», цель которого заключалась в том, чтобы оценить коммуникационные кейсы, проекты и виды деятельности с точки зрения того, как меняются роли и функции человека и компьютера при их взаимодействии. В какой роли рассматривается человек (пользователь) в этих проектах – как активный субъект действия или как пассивный потребитель, попадающий в зависимость от умной машины и программы?

Были представлены три следующих проекта из разных технологических сфер:

Проект 1. Реализация продвижения товаров и услуг через социальные сети (SMM- маркетинг).

Проект 2. Проведение соревнований по киберспорту.

Проект 3. Разработка диалоговой системы (чат-бота) для абитуриентов вуза.

Экспертами являлись представители вузов и научных институтов, а также специалистов из коммерческих компаний. Их задача состояла в том, чтобы провести гуманитарную экспертизу проектов в соответствии с обозначенной выше целью и следующими открытыми вопросами:

1. Попадает ли человек в зависимость при использовании технологий и изменяется ли его субъектность?
2. Насколько важно учитывать то, что при покупке программного продукта он может вести себя не так, как ожидал пользователь?
3. Как должна быть выстроена цепочка взаимодействия между пользователем и программистом, создающим программное обеспечение?
4. Меняется ли суть коммуникации при взаимодействии через технологического посредника вместо непосредственного общения?
5. Способно ли программное обеспечение учитывать психологические особенности пользователя и как представления программиста о человеке влияет на создаваемое им программное обеспечение?

6. Можно ли сказать, что уже сейчас в человеке что-то меняется или это только перспектива будущего и какие качества человек готов отдавать умной машине, а какие ещё нет?

По результатам полигона были выявлены следующие проблемы и особенности. В связи с тем, что полигон проводился первый раз, то в силу ряда объективных обстоятельств в полной мере цель не была достигнута, но выявились несколько конкретных проблем, которые следует решить в рамках следующих полигонов.

Особенность 1. Готовая, нормативно прописанная методика проведения гуманитарной экспертизы отсутствует. И хотя полигон проводился по подготовленной программе, но многие эксперты не до конца понимали свою роль и в своих комментариях подстраивались под общий фон дискуссии. Часто высказывались банальные вещи, которые сложно назвать вкладом в достижение цели.

Особенность 2. Хотя спикерам, представлявшим проекты, устно были даны общие инструкции по подготовке презентации и выстраиванию доклада, нужные акценты расставлены не были (по крайней мере это касалось проектов по SMM и киберспорту), а эксперты тратили много времени не на экспертизу, а на уточняющие вопросы, поскольку не понимали, о чём идёт речь.

Особенность 3. В полигоне принимали участие очень разные люди (как по возрасту, так и по профилю деятельности): студенты, эксперты, преподаватели. Это дало возможность посмотреть на некоторые аспекты с разных сторон.

По результатам первого полигона были сделаны следующие выводы.

1. В качестве цели для второго полигона следует поставить выработку методики гуманитарной экспертизы с учётом опыта первого полигона. Результатом должен стать алгоритм (хотя бы в общих чертах) проведения экспертизы и чёткие рекомендации и инструкции для экспертов и спикеров. Должны быть выработаны и приняты требования к составу и квалификации спикеров и экспертов (как по качеству, так и по количеству).

2. Необходимо выработать форму представления проекта, предполагающую, что представлять проект должны совместно эксперт и разработчик, причём они должны заранее подготовиться, чтобы их доклад был совместным, учитывающим как техническую, так и гуманитарную составляющую.

3. Необходимо разработать гайд для эксперта по работе на полигоне.

Гуманитарная экспертиза как оценка гуманитарного потенциала и гуманитарных рисков проекта

Для введения специфики гуманитарной экспертизы группа организаторов, авторов этой процедуры выработали общие требования к её специфике. Было выработано представление, согласно которому целью полигона является оценка гуманитарного потенциала продукта и гуманитарных рисков его внедрения. Если на первом полигоне это явно заявлено не было, то во второй раз эти аспекты были отражены в рамке полигона.

Гуманитарный потенциал продукта означает совокупность новых возможностей, которые даёт пользователю этот продукт, в том числе возможности для личностного и профессионального роста, для развития его

творческих и интеллектуальных способностей, а также для повышения эффективности социогуманитарного взаимодействия.

Гуманитарный риск означает негативные социогуманитарные последствия, связанные с внедрением продукта, разработанного в ходе проекта. К гуманитарным рискам можно отнести, например, снижение морально-этического уровня пользователей продукта или возникновение конфликта на этической почве. Гуманитарным риском может считаться и личностная, интеллектуальная деградация пользователей данного продукта.

При оценке гуманитарного потенциала дискуссия должна вестись, ориентируясь на развитие личности, активном участии пользователя, субъектности человека. Предполагается выявление того, как внедрение проекта позволит расширить возможности человека и обеспечить его личностный рост. Не является ли разработанный продукт всего лишь игрой, создавая тупик для дальнейшего развития?

Вторым аспектом, требующим выяснения, является понимание возможности пользователя влиять на совершенствование продукта. Становится ли в каком-то качестве пользователь отчасти и сам разработчиком, участвующим в модификации разработки?

Наконец, третьим значимым аспектом является анализ того, какие личностные (психологические и нравственные) качества человека будут формироваться у потребителя при использовании продукта и как они будут соотноситься с социально одобряемыми нормами?

Оценка гуманитарных рисков предполагает анализ негативных этических, моральных, социальных и других гуманитарных последствий от внедрения результатом проекта. Можно ли на этапе разработки предсказать эти негативные последствия и избежать их за счёт модификации? Как оценить возможность использования результатов проекта с неблагими целями или появление условий для конфликтных ситуаций? Если же конфликт неизбежен, то необходимо рассмотреть варианты его перевода в конструктивное русло.

Требования к представлению проектов на полигоне

В рамках первого полигона выяснилось, что спикеры зачастую представляют проект с позиции разработчика в технологическом ключе. В итоге большая часть дискуссии была посвящена не гуманитарной экспертизе, а выяснению технологических деталей проекта. И только потом обсуждение начинает вестись уже в рамках целей полигона. Во избежание этого предлагается заблаговременно прикрепить к проекту эксперта, чтобы он помог спикеру построить презентацию именно под гуманитарную экспертизу с тем, чтобы необходимость каких-либо технических уточнений на полигоне не возникала.

Для реализации данной идеи предлагается добавить этап совместной подготовки к полигону эксперта и спикера. Приблизительный алгоритм подготовки может быть следующим:

1. Автор готовит текстовое описание своего проекта и направляет его эксперту.
2. Эксперт знакомится с описанием, даёт обратную связь и помогает отредактировать его с учетом цели и задач полигона.

3. Автор совместно с экспертом проводят предварительную гуманитарную экспертизу и редактируют описание проекта с учётом её результатов.

4. Автор готовит презентацию на основе полученного текстового описания.

5. Автор представляет проект на полигоне, после чего выступает эксперт и делает нужные акценты именно в рамках гуманитарной экспертизы.

6. Участники полигона обсуждают проект и проводят гуманитарную экспертизу представленного проекта.

7. По итогам обсуждения формулируются предложения по доработке проекта.

Для повышения эффективности совместной работы эксперта и автора на подготовительном этапе предложена следующая структура текстового описания проекта:

1. Краткое описание предметной области.
2. Проблема, на решение которой направлен проект.
3. Цель и задачи проекта. Что является итоговым продуктом?
4. Кто является заказчиком проекта?
5. Для какой социальной группы пользователей предназначен проект?
6. Кто получает выгоду от внедрения результатов проекта?
7. Перечень конкретных работ и ресурсов, необходимых для их выполнения.
8. Каковы эффекты от внедрения проекта?

Гайд для эксперта

Данные полигоны носят поисковый формат. Механизм и критерии оценки проектов на предмет их гуманитарного потенциала и гуманитарных рисков ещё только предстоит выработать. Тем не менее, это не означает, что эксперты не могут эффективно работать на полигоне и реально вносить вклад в формирование процедуры гуманитарной экспертизы. Первый полигон как раз и выявил данную проблему. Многие эксперты высказывали свои соображения не по проектам, а относительно технологических сфер, где реализуются проекты. Другими словами, даже не знакомясь с проектом, такие эксперты высказались бы точно так же, поскольку предметом их оценки является не сам проект, а широкое технологическое направление. Например, оценивая информационный чат-бот для студентов и абитуриентов вузов, эксперты говорили в целом о чат-ботах, но не о том, как трансформируется взаимодействие целевых аудиторий с университетом под влиянием возможности новых коммуникаций посредством чат-бота.

Таким образом, стало очевидным, что экспертам необходим некий гайд для эффективной работы на полигоне. Однако сложность состоит в том, что этот гайд должен помогать эксперту концентрироваться на задачах полигона и на проекте, но никак не ограничивать ход его мыслей. Для соблюдения этого баланса в гайд были включены базовые вопросы, через призму которых эксперт должен смотреть на проект.

Это должно позволить придерживаться рамочного смысла, организующего гуманитарный дискурс на полигоне. Ключевым здесь является вопрос, связанный с совместной выработкой *антропологической составляющей* конкретного технологического проекта, поиском *гуманитарного контекста*.

ста проекта и выявлением гуманитарных последствий от его внедрения. Поэтому для организации содержательной рамки экспертизы позиция эксперта локализуется вокруг ряда следующих базовых вопросов, представленных в гайде:

– Какие новые риски или новые возможности для развития получает человек от внедрения данного проекта?

– Как перераспределяется функционал между человеком и техникой в случае внедрения проекта?

– Для решения какой гуманитарной проблемы предназначен проект?

– Решается ли проблема при внедрении проекта и почему не могла быть решена ранее?

– Внедряется ли проект во Благо людей или его движет коммерческий интерес?

– Видна ли гуманитарная перспектива, связанная с внедрением проекта или он делался сам по себе, имея перед собой сугубо технические или коммерческие задачи?

В итоге, эксперту предлагается высказать своё мнение после каждого проекта и затем принять участие в дискуссии после представления всех проектов. Каждый проект представляет спикер, который кратко вводит присутствующих и экспертов в содержание проекта. Эксперт может предварительно ознакомиться с информацией по технологическим сферам, в рамках которых будут представляться проекты, по приведённым к проекту ссылкам.

Заключение

Второй полигон прошел более успешно, чем первый, однако ряд вопросов ещё требуют уточнения. Так, многие спикеры или эксперты были привлечены к участию в полигоне без явно выраженного интереса с их стороны. В основном, это было любопытство, материальная заинтересованность или использование административного ресурса. Ключевой вопрос в этом контексте состоит в том, как добиться того, чтобы участники полигона (прежде всего – авторы проектов) осознавали свою выгоду именно от гуманитарной экспертизы и от доработки проекта согласно рекомендациям.

Еще одним открытым вопросом является выработка требований к проектам на полигоне. Любой ли проект может быть подвергнут гуманитарной экспертизе? Может быть, есть проекты, которые ни при какой доработке не подходят под такой поисковый полигон и не может быть подвергнут гуманитарной экспертизе? Здесь, возможно, имеет смысл оценивать способность проекта измениться по итогам рекомендаций.

И, наконец, третий вопрос состоит в том, в какой форме необходимо выдавать рекомендации авторам проектов по итогам гуманитарной экспертизы и как выстраивать сопровождение процесса реализации проекта? Ведь совместная работа с экспертом потребует и после полигона. По результатам гуманитарной экспертизы должен быть получен перечень проблемных ситуаций (кейсов) для человека, сообществ, социума, человечества в целом, которые могут возникнуть в результате применения продукта и его распространения среди различных целевых групп. По итогам взаимодействия с экспертом и представления проекта на полигоне предполагается,

что у автора проекта появится видение того, как можно достроить проект до своего целостного вида с включением в него не только технической, но и антропологической составляющей. В итоге разработчик будет начинать видеть человека в его целостности, в разных позициях и стратегиях. В этой связи гуманитарная экспертиза должна показать разработчикам цифровых «умных» проектов то, что без учета антропологической составляющей результаты их проектов не смогут раскрыть свой потенциал в полной мере, рискуя стать просто умными игрушками.

Таким образом, по итогам двух проведенных полигонов удалось в какой-то степени формализовать отдельные моменты и составить некоторые регламентирующие требования к методике проведения гуманитарной экспертизы.

ОЦЕНКА ПРОЕКТОВ В РАМКАХ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Пилотная модель

П. В. Кайгородов¹⁰⁷

Гуманитарная экспертиза проекта ООО «Пегас Кэпитал»

Референт проекта: Соболев Д., представитель ООО «Пегас Кэпитал».

Эксперт: Кайгородов П. В., к. филос. н., доцент НГУЭУ.

Материалы для экспертной оценки:

- 1) Выступление Соболева Д. на полигоне в НГУЭУ в 2021 г.
- 2) Глубинное экспертное интервью с Кайгородовым П. В. в 2022 году (см. в данном номере журнала).
- 3) Уставные документы ООО «Пегас Кэпитал», описания проектов.

Классификация проекта

1. Класс: «Ариадна» [Приложение 1];

Класс присвоен проекту на основании заявленных в интервью планов о проведении ООО «Пегас Кэпитал» семинаров, информирующих широкую общественность о природе и механизмах функционирования криптовалюты. Данная деятельность является побочной относительно основной – организации для клиента крипто-портфолио и консультационного сопровождения его инвестиций. Последняя, однако, носит сугубо экономический характер. Поскольку педагогическая деятельность более комплексна в реализации (затрагивает не только технический предмет изучения, но и практики эффективного обучения), был выбран более приоритетный класс.

2. Коэффициент философского напряжения [Приложение 2]

Философским базисом проекта признан объективизм Айн Рэнд. Как на полигоне, так и в интервью, представитель проекта настаивает на децентрализованной модели экономики, минимизирующей вмешательство государства. Одновременно в ходе интервью причиной стратегического стремления в мета-вселенную респондентом указывалась мера индивидуальной свободы, обеспечиваемая этой средой. Таким образом, философия, движущая проект – предельный индивидуализм и независимость сильной личности от социальных рамок. Будучи философом XX века, Айн Рэнд отстаивает от времени реализации проекта менее, чем на сто лет и обеспечивает коэффициент философского напряжения равный единице – минимально возможный. Это не означает, что идеи базиса не могли устареть с восьмидесятых годов (когда А. Рэнд скончалась), однако обсуждение их может вестись с осознанием того, что лексика и категории, которыми пользуются участники проекта не требуют подробной исторической интерпретации и могут трактоваться в текущем философском дискурсе.

3. Трансформационный потенциал: односторонняя замена [Приложение 3]

В интервью респондент указывает на то, что практика реализации криптовалютных операций начинает приобретать черты, характерные для

¹⁰⁷ © Кайгородов П. В. 2023.

традиционного фиата – запрос на органы, восстанавливающие нарушенные права пользователей и внешние гарантии стабильности курса криптовалют. Таким образом говорить о фундаментально новой практике невозможно. Однако, один только переход от материальных носителей (купюр, банковских карт) к полностью оцифрованным счетам меняет социально-экономическую динамику потребления и инфраструктурного обеспечения денежной системы в достаточной степени, в силу чего назвать последствия проекта усилением существующих практик нельзя.

На команду, реализующую проект (как на этапе обучения, так и на этапе финансового сопровождения) применение технологий криптовалют с необходимостью не распространяется (по крайней мере – как прямое следствие участия в проекте). Соответственно проект признан имеющим односторонний трансформационный потенциал.

4. Магнитуда проекта: город [Приложение 4]

Согласно уставным документам у «Пегас Кэпитал» нет иностранных филиалов, и фирма не является представительством более крупной зарубежной компании. В связи с чем можно полагать, что реализация проекта будет осуществляться в пределах одного государства по меньшей мере в обозримом будущем.

5. Формат экспертизы: однократная оценка [Приложение 5]

В связи с классификационной позицией проекта (заменяющая «Ариадна») при должной корректировке на начальных этапах организации, обучающий процесс сможет впоследствии реализовываться без дополнительных консультаций.

Рекомендации

1. В интересах обеспечения эффективности процесса обучения желающих специфике работы с криптовалютой, заручиться услугами квалифицированного педагога с экономическим образованием.

2. В связи с тем, что феномен криптовалюты по природе своей глобален и неразрывно связан с Интернет-технологиями, дополнить образовательный курс занятиями по базовой Интернет-грамотности.

Приложение 1 Классы проектов

1. «Дедал»

Проекты данного класса являются трендообразующими. Они включают непосредственную разработку технологий или концептов, требующих гуманитарной экспертизы. Поскольку любые изменения, вносимые на столь фундаментальном этапе, оказывают существенное влияние на образующийся тренд, проекты класса «Дедал» нуждаются в гуманитарной экспертизе в первую очередь. При наличии отдельных элементов, соответствующих классу «Дедал», в проекте, могущим быть характеризованным как «Ариадна», присваивается первый класс.

2. «Ариадна»

Проекты данного класса характеризуются просветительской компонентой. По меньшей мере одной из задач проектов является донесение сути новых технологий или концептов до широкой общественности. Не занимаясь разработкой напрямую, проекты «Ариадна» вносят существенный вклад

в общественное видение таких новшеств и, как следствие, их гуманитарная экспертиза имеет высокий приоритет. При наличии отдельных элементов, соответствующих классу «Ариадна», в проекте, могущим быть характеризованным как «Мидас», присваивается первый класс.

3. «Мидас»

Проекты данного класса являются сугубо коммерческими и не влияют на суть эксплуатируемых технологий и концептов. Из-за этого их качества единственные изменения, которые могут быть привнесены в них относительно нового тренда – это ограничить или отказаться от его использования или напротив приступить к таковому. В этой связи проекты данного класса имеют низкий приоритет гуманитарной экспертизы.

Приложение 2

Коэффициент философского напряжения

Нами был присвоен условный коэффициент, отражающий хронологический разрыв между средствами реализации проекта и его философской базой. Коэффициент измеряется по шкале от единицы до двадцати пяти. Цена деления шкалы – 100 лет. Чем больше времени прошло между артикуляцией философских оснований, обусловивших цели проекта и разработкой технических средств его реализации, тем выше будет коэффициент. Чем выше коэффициент, тем более детальная гуманитарная экспертиза требуется проекту.

Необходимость отслеживания философского напряжения обусловлена характером философского знания. Всякая философская парадигма есть порождение своего времени – уникального для данного периода истории сочетания социальных, культурных, экономических, технологических и политических обстоятельств. Зачастую формулирующие свои философские идеи мыслители настаивают на их реализуемости в современном им мире. Исключением из этого правила, вероятно, должно считать космизм Н. Ф. Фёдорова, который всегда позиционировал своё учение как философию будущего, для реализации конечного идеала которой, воскрешения всех былых поколений людей, требовались технологии, отсутствовавшие в России XIX века. Следовательно, применение новых моделей и подходов требует тем больше внимания и экспертных уточнений, чем больше времени разделяет такой подход с оригиналом. Пейорация или нейтральное изменение содержания терминов, устаревание социальных практик и иные трансформации подобного рода – неполный перечень причин, по которым мотивация и фундаментальные цели проекта могут требовать пристальной оценки и пересмотра экспертом.

В широком смысле измерение индекса философского напряжения позволяет отслеживать соблюдение методологического основания гуманитарной экспертизы: «переустановление и восстановление нормы человека и его границ» [Синюкова, Смирнов 2021а: 44]. Чем выше индекс, тем больше существует вероятность, что для такового восстановления будут не уместны актуальные современные философские инструменты.

Приложение 3

Трансформационный потенциал

Трансформационный потенциал выступает комплексным параметром, отражающим качество эффектов проекта в случае его успешной реализации.

Трансформационный потенциал ранжируется по следующей шкале: *Усиление – Замена – Новация*.

Если трансформационный потенциал проекта оценивается как «Усиление», это означает, что его реализация результируется в оптимизации или ином улучшении существующих практик без кардинальных изменений природы таковых. Примером может выступать выход очередной итерации айфона.

Если трансформационный потенциал проекта оценивается как «Замена», то это означает, что его реализация позволит осуществлять определённую практику качественно иным образом. Такой новый способ всё ещё может быть оптимальнее прежнего, но приоритетной для данной классификации считается новизна формы. Примером этого выступает гужевого транспорта автомобильным в качестве основного средства наземного транспорта.

Если трансформационный потенциал проекта оценивается как «Новация», это означает, что его реализация создаёт качественно новые практики, не существовавшие ранее. Примером выступает расшифровка генома человека.

В рамках оценки трансформационного потенциала вводится также критерий подверженности авторов проекта трансформациям, которые они же сами инициируют. Подверженность эта изначально оценивается, исходя из декларативных планов проекта. Проект может быть назван односторонним (авторы свободны от последствий реализации) или универсальным (эффекты реализации неизбежно распространяются и на авторов тоже). Таким образом, знаковым выражением данного этапа оценки проекта будет служить его положение в нижеприведённой таблице (Табл. 1).

Таблица 1

Трансформационный потенциал

	Усиление	Замена	Новация
Односторонний			
Универсальный			

Трансформационный потенциал как параметр отражает постулат, заложенный в методологию проведения гуманитарной экспертизы: «Предметом ГЭ выступает пульсирующая граница между человеком как сущим и Иным ему сущим, при пересечении которой начинается не-человек – животный мир, смерть, постчеловек или Бог» [Смирнов, Яблокова 2019: 39]. В зависимости от того, насколько эластично восстанавливается граница нормы человека после реализации проекта, его влияние может быть как приемлемым, так и невозможным к усвоению обществом в рамках сохранения человека.

Приложение 4

Магнитуа проекта

Данный показатель описывает приблизительный масштаб распространения эффектов проекта в случае его успешной реализации. Магнитуа ранжируется по следующей шкале: *Индивид – Город – Страна – Планета*.

Сам по себе данный параметр имеет ограниченную информативность, но его сочетание с классом проекта даёт более точные представления о характере мер, которые должны быть предложены в результате гуманитарной экспертизы.

Магнитуда значима не только с точки зрения экономических вложений в проект. Сошлёмся на пример: «<...> историческая эволюция медицинских систем на современном этапе пришла в особую точку, когда объективно присущие медицинской деятельности противоречия, локализованные до сих пор преимущественно на уровне индивидуальных взаимодействий, обретают не просто социальный характер, но и цивилизационный» [Сидорова 2021: 60].

В этом смысле магнитуда есть выражение немедленных свойств проекта и динамики его развития в будущем и онтологии проекта с точки зрения его возможности влиять на иные проекты.

Приложение 5

Формат экспертизы

Данный параметр описывает количество итераций консультаций, требующихся проекту для успешной реализации. Параметр включают в себя следующие форматы: *Однократная оценка – Периодическая оценка – Сопровождение*.

Однократная оценка предполагает единичный акт экспертизы с последующим вынесением экспертного заключения и рекомендаций. Подходит для краткосрочных проектов малой магнитуды.

Периодическая оценка предполагает проведение экспертиз, осуществляемых несколько раз с заранее установленной периодичностью. Подходит для проектов с несколькими выраженными этапами реализации.

Сопровождение предполагает наличие постоянного эксперта, входящего в коллектив разработчиков проекта и оказывающего услуги по периодической оценке в режиме реального времени, то есть длительный мониторинг. Подходит для комплексных, междисциплинарных проектов, протяжённых во времени.

ОТНОШЕНИЕ К ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ В БИЗНЕС-СООБЩЕСТВЕ

Анализ экспертного опроса

О. А. Персидская¹⁰⁸

Принято считать, что темп развития современных цифровых технологий и искусственного интеллекта превосходит ту скорость, с которой общество может к ним адаптироваться. Эта мысль находит подтверждение в частности в том, что человечество зачастую обнаруживает неожиданные для себя последствия внедрения этих технологий только после того, как они уже повсеместно распространены. Говоря об этих последствиях, часто упоминают «цифровой разрыв», влекущий углубление социального неравенства населения; риски, связанные с обнародованием конфиденциальной информации из цифровых источников; перспективу трансформации рынка труда из-за того, что искусственный интеллект становится способен взять на себя выполнение всё более широкого ряда профессиональных задач и пр.

Сказать однозначно о том, какие из перечисленных и иных последствий внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта преувеличены общественным сознанием, а какие действительно представляют опасность, сложно, однако ясно то, что какой-либо механизм прогнозирования и предупреждения подобных рисков мог бы быть полезен для этой цели.

Примером для построения модели такой экспертизы могла бы стать внедренная в практику биомедицинской деятельности этическая экспертиза. Эта экспертиза призвана выявить риски для участвующих в биомедицинском исследовании людей и животных и сопоставить эти риски со значимостью результатов, которые будут получены в ходе его реализации. Она проводится в рамках специально созданных для этих целей этических комитетов, существующих в научных учреждениях [Юдин 2006].

В отличие от этической, экспертиза глобальных рисков, связанных с внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта, выходит на гораздо более широкое поле деятельности, нежели область биомедицины. В настоящее время разработка модели и внедрение данной экспертизы находится скорее на этапе философской идеи, чем практики [Тищенко 2008: 198], и требует значительной доработки и проработки. Эту задачу берут на себя как отдельные исследователи [см., например, Воронин 2013; Гребенщикова 2011; Луков 2006; Тищенко 2008; Юдин 2006], так и философские коллективы [см., например, Синюкова, Смирнов 2021а; Смирнов, Яблокова 2019; Горбачева, Пестунов 2022]. Они называют такую экспертизу *гуманитарной*, делая акцент на том, что её прогностическим горизонтом является будущее человека, человеческого общества и культуры.

Концептуальная модель гуманитарной экспертизы опирается на идею опережающего реагирования на возникающие угрозы и последствия внедрения и развития технологий. Это реагирование, в свою очередь, становится возможным в ходе моделирования новых социальных ситуаций, в ко-

¹⁰⁸ © Персидская О. А. 2023

торых может оказаться человек, использующий ту или иную цифровую технологию или технологию, созданную на основе искусственного интеллекта. Важным шагом моделирования здесь видится не только конструирование этих возможных ситуаций, но и обживание тех социальных форматов, той социальной реальности, которые предполагают внедренные технологии. В этой связи объектом гуманитарной экспертизы выступают не цифровые технологии или технологии, связанные с искусственным интеллектом сами по себе, а те социальные практики, возникновение которых они продуцируют, а её предметом становится переход нормативной границы в определении человека и человеческого, то есть сдвиг в понимании нормы существования человека [Юдин 2006; Синюкова, Смирнов 2021a]. Соответственно, в фокус гуманитарной экспертизы могут быть помещены технологии, которые трансформируют уклад жизни человека; те, что могут влиять на представления о естественном и искусственном (и на границу между ними); те, что имеют отношение к смещению реальности и виртуальности; в целом – те, что несут в перспективе существенные социокультурные последствия.

Таково, в общих чертах, теоретическое видение идеи гуманитарной экспертизы. Для её реализации на практике необходима, разумеется, проработка конкретных деталей её проведения, способов внедрения в существующие институциональные структуры, формирование этических оснований и кодексов экспертов, а также решение широкого ряда иных практических задач. Отдавая дань уважения коллегам, трудящимся над теоретической проработкой гуманитарной экспертизы, мы решили подойти к теме с другой стороны – более практически ориентированной. Ясно, что разработчики цифровых технологий и технологий, связанных с искусственным интеллектом, являются значимой составляющей гуманитарной экспертизы: результат именно их труда продуцирует новые социальные практики, способные сдвинуть границу в понимании нормы человеческого, то есть составляющие, являющиеся предметом и объектом экспертирования. Поэтому успех практической реализации идеи гуманитарной экспертизы, на наш взгляд, во многом зависит от того, насколько разработчики будут вовлечены в эту экспертизу и с каким настроем воспримут её. Однако наш анализ публикаций показал отсутствие работ, посвящённых восприятию гуманитарной экспертизы разработчиками новых технологий. Отчасти восполнить этот пробел призвано проведенное нами пилотное социологическое исследование. В его ходе было проведено четыре экспертных интервью с руководителями новосибирских предприятий, область деятельности которых связана с цифровыми технологиями и (частично) искусственным интеллектом. Интервью проводились как с использованием средств цифровой видеосвязи, так и в ходе личной встречи. Каждое из них заняло от 20 до 40 минут. По согласованию с информантами, данные серии интервью приводятся в обезличенном виде без указания имени, пола и возраста респондентов; обнародованы только должность информанта и область деятельности предприятия, которым он руководит.

Вопросы интервью были сосредоточены на нескольких темах. Во-первых, отношение к феноменам «цифровая технология» и «искусственный интеллект». Во-вторых, выявление рисков для человека и человечества,

связанных с внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта. В-третьих, выяснялось, представляется ли гуманитарная экспертиза нужной бизнесу и почему. В-четвертых, была осуществлена попытка моделирования как возможного состава комиссии по гуманитарной экспертизе, так и способов внедрения этих комиссий в существующие институциональные структуры.

Разумеется, проведённая работа не может считаться завершённым социологическим исследованием, поэтому полученные результаты не претендуют на широту охвата мнений по рассмотренным вопросам и на исчерпывающий анализ темы. Однако, на наш взгляд, сделанное позволяет в самом первом приближении взглянуть на гуманитарную экспертизу глазами тех, кого она напрямую касается, и открыть академическому сообществу те практические грани темы, которые не очевидны с сугубо теоретической позиции.

Анализ результатов интервью позволил сформулировать ряд тезисов, соответствующих приведённому выше списку вопросов, а также заключительную идею, которая, мы надеемся, сможет дать импульс дальнейшей проработке модели гуманитарной экспертизы. Сформулированные нами в кратком виде выводы, раскрытые и дополненные цитатами информантов, приведены ниже.

1. Не цифровых технологий не осталось. В ответах информантов была акцентирована мысль о том, что граница между цифровыми и не цифровыми технологиями становится условностью.

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«Сейчас почти любое устройство <...> содержит цифровые технологии. Устройств таких много – в быту, в производстве».

Информант 2, коммерческий директор, разработка электроники:

«В моем понимании цифровые технологии – это инструмент. И все технологии, которые сейчас развиваются, попадают под определение “цифровые”».

В этом смысле не будет преувеличением сказать, что для современных производств не цифровых технологий не существует, они так или иначе представлены практически в любом создаваемом устройстве.

2. Цифровые технологии – безопасный инструмент, внедрение ИИ требует более осторожного отношения. Следует отметить разницу в отношении к цифровым технологиям и искусственному интеллекту. Первые воспринимаются освоенными, безопасными и являются инструментом, позволяющим реализовывать производственную деятельность. Единственный риск здесь – предупреждение использования цифровых технологий с целью причинения намеренного вреда. Тема искусственного интеллекта вызвала иное отношение: её либо не хотели поднимать, ссылаясь на ограниченность компетенций, либо касались настороженно, раскрывая идею о риске, связанном с тем, что, с одной стороны, использование искусственного интеллекта привлекательно для многих, так как позволяет решать сложные не алгоритмизируемые задачи, но, с другой стороны, оценка технологии принятия этих решений принципиально невозможна, а значит, нельзя ручаться

и за качество решений; следовательно, делегирование может быть связано с риском.

Информант 2, коммерческий директор, разработка электроники:

«Что касается искусственного интеллекта, то <...> нами не понято до конца, как он устроен. <...> Это особенность, данность нейросетевой технологии. <...> Нейросетевая модель настолько хороша, что мы склонны доверять ей принятие решений. Подкупает, очень подкупает высокое качество реализации не алгоритмизируемых задач. <...>

В момент, когда происходит это делегирование, и возникают риски, потому что мы не знаем, как она это решение принимает. <...> Мы принципиально не можем проконтролировать, насколько качественное решение она принимает».

Информант 3, директор, цифровые технологии в медицине:

«Я думаю, если не брать радикальные примеры, [например], не отдавать ИИ на непонятных алгоритмах, условно, управление атомом [реакцией расщепления атома], то [все нормально]».

Информант 4, директор, в.н.с., д-р хим. н., химическая технология:

«Какие-то риски есть, но у меня нет параноидального неприятия таких вещей. [Риски могут быть связаны с] передачей чувствительных решений устройству».

3. *Гуманитарная экспертиза все же нужна.* До начала интервью респондентам было предложено ознакомиться с кратким конспектом, содержащим описание идеи гуманитарной экспертизы. В формулировках мы чаще всего опирались на работу и Н. А. Синюковой и С. А. Смирнова [Синюкова, Смирнов 2021а]. Мы можем лишь надеяться, что наш пересказ идей коллег оказался удачным и позволил дать информантам необходимое и достаточное представление о гуманитарной экспертизе. Первым вопросом интервью, непосредственно связанным с гуманитарной экспертизой, был вопрос о том, нужна ли она бизнесу, и, если нужна, то зачем. Следует отметить, что в явном виде тезис о том, что гуманитарная экспертиза не нужна, не прозвучал (мы допускаем, что отчасти из вежливости уважаемых информантов).

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«Экспертиза конечно нужна. Какие-то пилотные правовые, экспериментальные режимы могут существовать, но потом нужна экспертиза, нужны апробации».

Информант 3, директор, цифровые технологии в медицине:

«...экспертиза, конечно должна быть, но не больше и не меньше, чем при внедрении любой технологии. Рутинная вещь должна быть <...>: эффективна [или] не эффективна технология, опасна [или] не опасна. Там ничего нового нет».

Информант 4, директор, в.н.с., д-р хим. н., химическая технология:

«Экспертиза всегда танцует от существующего опыта, но существует масса вещей, по которым опыта нет. Могут быть прогнозы, но не может быть

гарантий <...>. Никакой прогноз не является гарантией <...>. Надо пытаться прогнозировать, надо пытаться делать это эффективно, но при этом всегда держать в уме, что это только прогноз, а не свершившийся факт. В любом прогнозе, сколько угодно квалифицированном, всегда есть люфт неопределенности».

3(a). ГЭ нужна бизнесу, потому что позволяет прояснить стратегию. Более детальные обоснования запроса на гуманитарную экспертизу можно сформулировать в ряде положений. Во-первых, по мнению информантов, гуманитарная экспертиза может дать бизнес-сообществу доступ к нормотворческому (а впоследствии – и к законотворческому) процессу в самом его начале; также она дает возможность сократить дистанцию между людьми, регулируемыми технологические отрасли и теми, кто является объектом их регулирования. Во-вторых, гуманитарная экспертиза за счет междисциплинарного взаимодействия позволяет предпринимателям расширить горизонт собственного понимания процессов. В-третьих, гуманитарная экспертиза способна снять риски, связанные с разработкой не перспективных технологий или тех, которые впоследствии могут быть ограничены в разработке. В целом, по выражению одного из респондентов, гуманитарная экспертиза позволяет убрать «туман войны» для того, чтобы окружение и стратегическая перспектива деятельности стали более ясны.

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«Бизнес-сообщество и вообще бизнес – очень ответственны. <...> Нам проще работать, когда определены “правила игры”, какими бы они не были».

Информант 2, коммерческий директор, разработка электроники:

«Я думаю, что экспертиза нужна. <...> Самая главная задача современного, так скажем, мира – управлять процессами. Способом управления процессами являются знание и контроль. <...> Экспертиза их может дать».

4(a). Внедрение гуманитарной экспертизы в институциональные структуры может быть осуществлено через распределение по направлениям и уровням. Признавая чрезвычайную сложность и новизну задачи, связанной с моделированием способов внедрения гуманитарной экспертизы в институциональные структуры, некоторые важные моменты информанты всё же смогли прояснить. Одной из таких идей явилась мысль о том, что универсального способа гуманитарной экспертизы нельзя придумать и следует создавать экспертные комиссии для разных направлений цифровых технологий и технологий, связанных с внедрением искусственного интеллекта. Вторая мысль касается необходимости разнесения экспертиз на уровни – федеральный, региональный, муниципальный – в соответствии с масштабом внедряемой технологии.

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«Наверное, невозможно придумать универсальный способ [экспертизы], я его не вижу. Например, если мы говорим об использовании цифровых технологий в городском хозяйстве – то тогда, наверное, город, муниципалитет должен одобрять или не одобрять их использование, то есть должна быть структура, комиссия при муниципалитете. Если в отрасли – то

при [соответствующем] Министерстве <...> на региональном, муниципальном, федеральном уровнях».

4(б). Моделирование состава экспертной комиссии гуманитарной экспертизы следует осуществлять с соблюдением принципа широкого участия профессионалов разных профилей. В моделировании состава экспертных комиссий информанты придерживались как идеи о трехчастной структуре, включающей представителей власти, разработчиков и научное сообщество, так и тезиса о необходимости соблюдения междисциплинарного состава комиссии. Отрадно было услышать от некоторых о том, что гуманитарии, специалисты по этике и социальные философы также должны войти в состав комиссий.

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«[кто может входить в состав комиссий экспертиз? – инт.] Безусловно – специалисты в этих технологиях. Специалисты в гуманитарных и этических вопросах. Наверняка – какие-то представители власти. Экспертное сообщество – представители от разработчиков, от научных организаций, от власти: как обычно, широкий круг. Нужно поле мнений <...> Нужно найти пересечение взглядов».

Информант 2, коммерческий директор, разработка электроники:

«В платоновском идеальном мире в состав комиссий должны входить мудрые люди с широким кругозором. Если люди, участвующие в этом обсуждении, достаточно мудры для того, чтобы понимать, что их компетенция в том вопросе, который они рассматривают, ограничена, или ее вообще нет, и не выносить суждения по этому поводу, и не принимать решений, тогда это качественная междисциплинарная история. <...> Собрать рабочую группу – очень просто, <...> отбор экспертов для принятия решения – очень сложен».

Информант 3, директор, цифровые технологии в медицине:

«Должно быть экспертно оценено: если медицина, то должен быть доктор, если защита общественного порядка – юристы, полиция, социум можно привлекать <...> И разработчики, конечно <...> Смысл заложат, условно, доктора, а исполнение будет за разработчиками <...>

[Научное сообщество может участвовать? Профессионалы в области этики? – инт.] Обязательно. Люди [не профессионалы] в общих вопросах разбираются очень слабо. Поэтому нужны [именно] эксперты».

Информант 4, директор, в.н.с., д-р хим. н., химическая технология:

«Абстрактно, экспертизой должны заниматься специалисты, причем многопрофильные, раз задача ставится мультидисциплинарная».

«Я пока вижу частное решение – [например, если технология касается полиции], то есть МВД, им нужно поручить собрать эту комиссию и решать эти вопросы. Частные, понятные вопросы могут относиться к соответствующим государственным ведомствам. Вещи общего плана... <...> Теоретически напрашивается “межведомственная комиссия”, с другой стороны, от самих слов попахивает чем-то совершенно бессмысленным

и неэффективным: люди будут собираться, отрабатывать какие-то бюрократические процедуры, но толка от этого не будет».

Заключая изложение анализа результатов серии интервью, мы хотели бы сделать акцент на том, что помимо рассмотренных высказываний также в беседах прозвучали суждения о том, что идея гуманитарной экспертизы слишком абстрактна и не до конца понятна информантам. Речь идёт о том, что на настоящий момент представить конкретные механизмы её внедрения в существующие институциональные структуры и какую-то её работающую модель не представляется, по мнению некоторых из тех, с кем нам удалось поговорить, возможным.

Также были высказаны сомнения в возможности осуществления гуманитарной экспертизы на практике, которые мы также считаем целесообразным привести. Во-первых, у некоторых информантов есть скептицизм по поводу возможностей экспертного сообщества прогнозировать глобальные риски внедрения цифровых технологий и технологий, связанных с искусственным интеллектом. Во-вторых, так как определённые формализованные и неформализованные практики экспертизы проектов уже существуют, то надстройка ещё одной структуры – гуманитарной экспертизы – выглядит излишней. В-третьих, прозвучали сомнения по поводу возможности экспертного сообщества выработать какую-то общую, и при этом не ангажированную точку зрения. Эта мысль, отметим, отчасти звучала уже у А. А. Воронина [Воронин 2012: 125]. В-четвертых, были высказаны сомнения том, что независимая экспертиза и независимые эксперты в принципе существуют.

Очевидно, что идея гуманитарной экспертизы требует, с одной стороны, популяризации, а, с другой стороны, прояснения и конкретизации механизмов организации, проведения и внедрения в существующие институциональные структуры. Высказанные информантами сомнения в целесообразности и возможности проведения гуманитарной экспертизы могут стать причинами усомниться в том, что теоретическую и практическую проработку её идеи следует продолжать. Но намного рациональнее, на наш взгляд, рассматривать их как возможные уязвимости модели гуманитарной экспертизы, и, соответственно, усиливать её концептуальные и практические параметры в том числе в этих слабых местах.

Проведённое (пускай и в пилотном, усечённом формате) исследование показало, как представляется, что существует разрыв в понимании идеи гуманитарной экспертизы у её разработчиков, социальных философов, и тех, кого она непосредственно касается – представителей бизнес-сообщества. Так, расходятся представления о цели гуманитарной экспертизы: если первые удерживают в фокусе философскую задачу восстановления нормы и границ человека, то вторые нацелены на более практический результат, позволяющий развивать дело наиболее эффективным и прозрачным образом. Разумеется, данное заключение не содержит в себе никаких оценочных выводов о целях деятельности первых и вторых, а лишь акцентирует разницу целеполагания и необходимость диалога для налаживания сотрудничества и настройки общей оптики. Заключая, акцентируем, что разработка концепции гуманитарной экспертизы, на наш взгляд, может быть существенно

продуктивнее в диалоге с представителями бизнес-сообщества. В качестве возможного направления развития темы укажем как необходимость проведения полномасштабного социологического исследования по намеченной теме, так и актуальность выхода на диалог с другими сообществами, например, с управленческими структурами.

Глава 4

ЧЕЛОВЕК И ЦИФРА В ШКОЛЕ: НОВЫЙ ИНТЕРФЕЙС

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД: ЦИФРОВОЙ ВЫЗОВ И МОДЕЛЬ ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ

С. А. Смирнов¹⁰⁹

*Центральный факт нашей психологии –
факт опосредования*

Л. С. Выготский

Введение

Незаметно для самих себя мы оказались в другой реальности. Мы давно уже живем в новой, гибридной среде, в которой цифровые технологии и «умные гаджеты» стали необходимой составной частью нашей жизни, без которых мы не представляем более самих себя.

Но проблема заключается в том, что все выработанные до настоящего времени в мире концепции человека, теории развития, легшие в основу мировой психологии, педагогики, антропологии, были выработаны в доцифровую эпоху. Соответственно, в этих концепциях и теориях цифры как составной их части просто нет ни в каком виде.

Возникает вполне законный вопрос: какими глазами мы видим нашу собственную реальность? Реальность самих себя? Какой интеллектуальной оптикой мы вооружены, когда пытаемся понять, что с нами происходит в настоящее время, уже в новой, цифровой реальности? Мы по-прежнему готовы использовать ранее наработанные концепции или необходимо от них отказаться и вырабатывать какие-то иные теории, соответствующие новым практикам? Какая парадигма или подход может быть использована в качестве концептуальной опоры, чтобы она не просто обладала сильным объяснительным ресурсом, но и помогала бы в новой реальности лучше понимать нас самих, давать ответы на наши вопросы о том, что с нами происходит?

Дело ведь в том, что современные исследования, посвященные влиянию цифры на человека, особенно на детей и подростков, так или иначе должны выстраивать соответствующую оптику видения на то, что происходит с человеком, какие изменения он испытывает. Какую в таком случае оптику использует исследователь? Какую концепцию? Какую теорию развития человека?

Необходимо более подробно рассмотреть культурно-исторический подход через призму её ядерной модели, выработанной в школе Л. С. Выготского. Мы полагаем, что именно модель опосредования, выступающая стержневой в этом подходе, может быть использована в качестве базовой объяснительной модели, помогающей нам лучше понять не только то, какие изменения происходят с человеком в онтогенезе под влиянием цифры, но и дать основополагающие предложения, способные лечь в основание новой исследовательской повестки на будущее.

Часть 1

МОДЕЛЬ ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ

Весь пафос мысли и действия основателя культурно-исторического подхода заключался в том, чтобы не просто построить новую концепцию развития человека, не просто осуществить желаемое «врастание человека (ребёнка) в культуру», но приподнять его самого, изначально натурального и биологического, слабого и не оснащенного, над самим собой, над своей реактивной натурой, над своим биологическим наследием, не отрицая последнее, а используя его ресурс и возможности.

Тогда становится понятно, почему изначально, в поисках базовой модели, в работах, посвященных инструментальному методу, его так сильно занимала идея овладения человеком своим поведением. Перед ним стояла задача выработать эту объяснительную модель, с помощью которой можно увидеть, предметно объяснить и показать всю тайну развития высших форм поведения человека, всю ее событийность.

Таковой модели у него пока не было, а была доминирующая до сих пор в мировой психологии схема стимул-реакция (S – R). Все поведение (поведение, а не деятельность) человека понятным образом объяснялось как пучок поведенческих реакций. Но поэтому все психические функции и формы поведения человека, фиксирует Л. С. Выготский, исследовались с точки зрения натуральных процессов, а не как формы культурного развития [Выготский 1983: 7]. А собственно высшие формы поведения оставались вне поля зрения. Точнее, они также понимались как натуральные процессы. А натуральное и культурное вообще смешивалось и не различалось. Человек в человеке не был виден. Он был представлен таким же пучком реакций, как и любое другое живое существо.

Недостатка в экспериментальном материале при этом не было. Испытывался дефицит мыслительный, методологический. Поэтому, используя уже достаточно богатую базу исследований в мировой психологии, Л. С. Выготский искал мыслительный ход, который вывел бы его на адекватное понимание сути и смысла развития высших форм психики человека.

Находясь сам в поисковой ситуации, перебирая различный материал, Л. С. Выготский приводит случаи, например, со сном кафра, жребием Пьера Безухова, узелками на память, зарубками на палке. Обсуждая привычным способом базовую модель объяснения поведения человека по схеме стимул – реакция, он приводит эти рудиментарные примеры, на основе которых человек принимает решение.

Вот пример из Л. Леви-Брюля¹¹⁰. Туземец, если встречается трудность по принятию решения, говорит: «Я об этом увижу сон». Или просто бросит кости [Выготский 1983: 68].

Или приводит пример с историческим анекдотом про буриданова осла. На того влияют с одинаковой силой два стимула. Осёл не в силах принять решение и поэтому не может реагировать на какой-то один из них. А человек в этой ситуации бросает жребий. Где же здесь принятие решения? На

¹¹⁰ См. первое издание работ французского социолога и философа на русском языке [Леви-Брюль 1937]. Л. С. Выготский, скорее всего, читал его на французском.

первый взгляд, признает Л. С. Выготский, человек действует так же реактивно, по той же схеме стимул – реакция. Но на самом деле не совсем. Человек вводит в схему искусственный, вспомогательный стимул. Да, животные жребий не бросают. Вроде человек не сам принимает решение, доверяясь слепой силе жребия. Но все же он сам вводит вспомогательное средство, которого не было в природе. Он вводит стимул-средство, помогающее ему принять решение. Тем самым *осуществляет опосредованное действие*. Созданный человеком стимул определил его реакцию [Выготский 1983: 69].

Да, то, как принимает решение человек, бросая жребий, тоже может быть объяснено и по схеме S – R. Но человек вводит вспомогательное средство, *конструируя новую ситуацию*. Это простой пример сознательного построения ситуации. Бросание жребия по сравнению с ситуацией «буриданова осли» создает новую ситуацию: «...новое состоит в том, что человек сам создает стимулы, определяющие его реакции, и употребляет эти стимулы в качестве средств для овладения процессами собственного поведения. Человек сам определяет свое поведение при помощи искусственно созданных стимулов-средств» [Выготский 1983: 72].

Другой пример, взятый из Л. Леви-Брюля – зарубки на память. Миссионер просит туземца рассказать, что он запомнил из его проповеди. Кафр сначала колеблется, затем почти слово в слово повторяет его проповедь, все его основные мысли. Кафр по ходу проповеди делал зарубки на дереве. Руководствуясь зарубками, он мог воспроизвести услышанную речь. Свои зарубки он связал с содержанием речи и с их помощью организовал свое запоминание. Он управлял процессом запоминания [Выготский 1983: 74].

На анализе этих и многих других примеров появляется главная связка: опосредование – овладение.

Тем самым Л. С. Выготский вводит идею *автостимуляции*. При схеме стимул – реакция стимулируется пассивное, реактивное поведение. И в этой схеме вводится полное представление и полная определяемость поведения внешней стимуляцией.

Для другой, культурной формы, вводится схема автостимуляции, в рамках которой человек сам вводит искусственные стимулы-средства и организует с их помощью свое поведение [Выготский 1983: 78]. Рождается впервые идея опосредования, становящаяся ядерной в объяснительной модели.

Прежде, чем идти далее, разведем понятия опосредование и опосредствование.

Опосредование – опосредствование

В работах разных авторов упоминаются оба слова. У Л. С. Выготского доминировало опосредование. Оно больше носило характер поискового слова-ориентира, не понятия и не термина. Но по контексту употребления видно, что речь идет об *опосредствовании*, поскольку присутствует тема овладения поведением. В чем их различие?

Опосредование означает акцентировку на отношении человека и среды, на теме овладения внешними артефактами для выстраивания человеком отношений с внешней средой. Здесь выделяется внешний предметно-орудийный аспект. Фактически здесь имеется виду трудовая деятельность.

Опосредствование означает акцентировку на отношении человека к самому себе через средство, которым он овладевает, и посредством его овладевает своим поведением. Здесь выделяется аспект средства как *психологического орудия*, собственно мотивационно-установочный аспект, аспект отношения к себе, рефлексивный план действий.

Существенное различие Л. С. Выготский видит именно в *направленности*. Орудие служит проводником воздействия на объект его деятельности, оно направлено вовне. Оно вызывает изменения в объекте, выступая средством внешней деятельности человека, направленной на покорение внешнего объекта (природы). Знак же есть средство психологического воздействия человека на поведение – на свое или чужое, средство внутренней деятельности, направленное на овладение самим человеком, знак направлен вовнутрь [Выготский 1983: 90].

Эти два слова были изначально в смысловой связке. Затем они разделились. Не всегда разные авторы учитывают это. Пишут об одном контексте, но употребляют другой (рис. 1).

Надо сказать, что в англоязычной литературе эта разница не чувствуется. В англоязычных текстах стоит одно: *mediation*. Эта разница фактически ушла в связи с тем, что многих западных авторов интересует опосредование первого типа: человек – мир, человек – среда (и далее, по аналогии: человек – текст, человек – человек), то есть план внутреннее – внешнее. Ключевой же проблемой для Л. С. Выготского, рождающей базовую модель, выступала проблема управления человеком своим поведением посредством введения вспомогательного искусственного знака-орудия-посредника. Понимая эту разницу, мы далее будем говорить об опосредствовании.

Идём далее. Л. С. Выготский вводит опосредствование как принцип не только для того, чтобы показать феномен развития человека в онтогенезе, но и для показа переплетения природного и культурного в развитии чело-

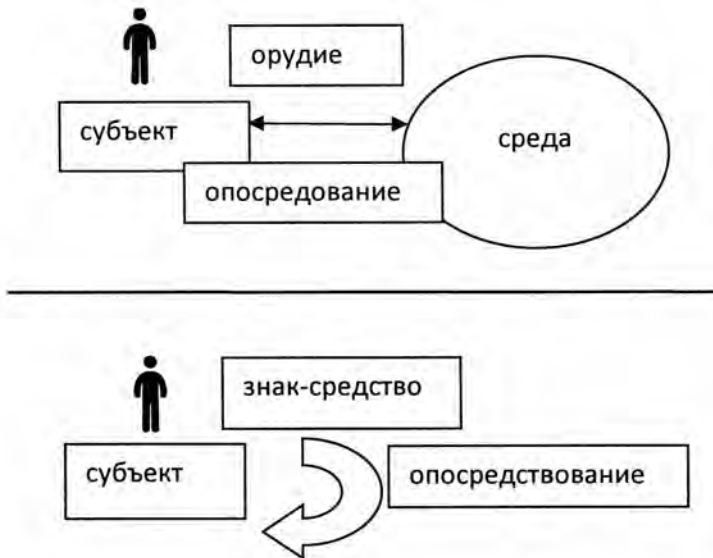

Рис. 1. Опосредование и опосредствование

века, для выстраивания между ними связи. Опосредствование становится главным звеном между ними. И тогда «вращение в культуру» ребенка понятным образом описывается через практики опосредствования. Поэтому собственно и сам феномен культурного развития в его генезисе и не исследовался, замечает Л. С. Выготский. Ещё не написана история развития высших психических функций.

Первоначально Л. С. Выготский вводимый искусственный стимул называл знаком, давая ему определение: «Искусственные стимулы-средства, вводимые человеком в психологическую ситуацию и выполняющие функцию автостимуляции, мы называем знаками, придавая этому термину более широкий и вместе с тем более точный смысл, чем в обычном словоупотреблении. Согласно нашему определению, *всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением – чужим или собственным – есть знак*» [Выготский 1983: 78].

Если вводится идея управления, организации, овладения, то рано или поздно Л. С. Выготский должен был прийти к связке – знак как орудие. И он так и фиксирует: «Изобретение и употребление знаков в качестве вспомогательных средств при разрешении какой-либо психологической задачи, стоящей перед человеком (запомнить, сравнить что-либо, сообщить, выбрать и пр.), с *психологической стороны* представляет в *одном пункте* аналогию с изобретением и употреблением орудий» [Выготский 1983: 87].

Пока все же здесь также много метафорического или слишком много прямых аналогий и уподоблений. Но главное состоит в том, что такие искусственные средства¹¹¹ играют роль *точки опоры*, оказывая поддержку и помощь психологическому процессу. В чем состоит эта поддержка? Что вообще значит быть средством мышления или памяти? [Выготский 1983: 88]. Ведь если понимать это все в буквальном смысле, замечает Л. С. Выготский, то все растворяется. Например, техника отчасти принадлежит психологии, но ведь не полностью: «Орудия как средства труда, средства овладения процессами природы и язык как средство общения и связи растворяются в общем понятии артефактов или искусственных приспособлений» [Выготский 1983: 88]¹¹².

Здесь рождается в разных вариантах собственно сама идея опосредствования, в графике выраженная в схеме треугольника: основой аналогии между знаком и орудием является опосредующая функция, принадлежащая одному и другому [Выготский 1983: 89]. Л. С. Выготский не придумывал идеи и модели. Он искал, подбирая аналогии и научные метафоры. Через орудия человек воздействует на природу. А через знаки человек воздей-

¹¹¹ Искусственные, то есть специально введенные, приспособленные. Хотя понятно, что это могут быть палки, камни, любые предметы и знаки, слова, собственный голос, междометия, крики, детское говорение, бормотание как бы про себя и проч.

¹¹² Встречавшееся также и у Л. С. Выготского понятие *артефакта* (но не ставшее постоянным и базовым), используется и в американской культурной антропологии, далее активно используется в работах М. Коула, Дж. Верча и др., называвших все психологические орудия артефактами, и медиаторами, а процесс опосредования – медиацией. Эти авторы, как мы уже сказали, переводят опосредствование как медиацию с помощью артефактов, не разводя опосредование и опосредствование. Последнее, если говорить об овладении с помощью знака-орудия, предпочтительнее и употребляется отечественными авторами (Б. Д. Эльконин и др.) (см. ниже).

ствует на свое и чужое поведение. Человек овладевает поведением, своими натуральными процессами, реакциями и страстями, с помощью знака-орудия, вспомогательного средства, воздействуя на себя, опосредуя тем самым собственное поведение, не реагируя напрямую на внешний стимул.

Беря в качестве аналогии трудовой деятельности, в которой человек посредством орудия воздействует на объект, Л. С. Выготский меняет направленность и переходит к идее психологического орудия-знака, посредством которого человек воздействует на себя, на свое поведение, с тем, чтобы управлять, организовывать его, тем самым овладевать собой, своими реакциями. Л. С. Выготский рассуждает пока в орудийной логике, накладывая представление о трудовой деятельности на психологию поведения.

Но такое опосредствование в корне меняет саму *структуру знаковой операции*. Устанавливается не прямая непосредственная (реактивная) связь между стимулом и реакцией, а опосредованная связь за счет вспомогательных средств-стимулов [Выготский 1983: 111].

Это и есть для Л. С. Выготского главный признак феномена культурного развития [Выготский 1983: 112]. Вводится промежуточный знак-посредник и вся операция принимает характер акта опосредствования [Выготский 1983: 116].

Но главное мы видим дальше: само введение знака-посредника, его использование и употребление, осуществляется для организации поведения и всего процесса овладения собственным поведением: «Мы не могли бы лучше описать новое значение всей операции, чем сказав, что она представляет собой овладение собственным процессом поведения» [Выготский 1983: 118]. Человек подчиняет своей власти при помощи знаков процессы собственного поведения [Выготский 1983: 118].

Появляется базовая схема: овладение реакциями с помощью знаков и построение высших форм поведения. Выготский делает вывод: «психические процессы являются процессами овладения нашими собственными реакциями при помощи различных средств» [Выготский 1983: 273]. Например, человек, попавший в ситуацию буриданова осла, бросает жребий и тем самым выходит из создавшегося затруднения [Выготский 1983: 277].

Л. С. Выготский полагает, что наше поведение вплетено в естественные законы природы, основным законом которых и является схема стимул-реакция, поэтому основным законом овладения природными процессами является овладение ими через стимулы [Выготский 1983: 278]. Сам акт овладения понимается в тех же категориях поведенческой схемы. Пока Л. С. Выготский рассуждает в категориях стимулов и реакций. Поэтому и акт овладения он описывает в этих категориях. Его задача заключалась в том, чтобы выйти за рамки спиритуализма, идеализма, посадить психологию на материальную основу, с одной стороны, и выйти из натурализма в культуру, описать акт овладения, с другой.

Поэтому и само овладение он описывает как *овладение реакциями*, вводя искусственный стимул, новый стимул, но все равно стимул.

Л. С. Выготский пока не выводит свободное действие человека из него самого. Он его выводит из того, что человек создает новую ситуацию в собственном поведении, новый стимул, искусственный, и выходит тем самым из тупиковой ситуации, в которой на человека одинаково сильно действуют стимулы, мешающие ему действовать. Человек изменяет своей внешней

деятельностью окружающую обстановку и тем самым воздействует на собственное поведение, подчиняет его своей власти [Выготский 1983: 281].

Но пока Л. С. Выготский не выходит за рамки стимул-реактивной модели, вводя в нее промежуточное звено, идя по той же логической схеме. Ведь высшие формы психики, такие, как воля, свободное действие, мышление волшебным образом, вдруг, не рождаются. Они такой же природы, полагает Л. С. Выготский. Только человек выстраивает свободное действие из искусственных, собственных стимулов, создает фактически некий искусственный «функциональный аппарат» поведения [Выготский 1983: 282].

В итоге в «Инструментальном методе» Л. С. Выготский делает первое обобщение: «В поведении человека встречается целый ряд искусственных приспособлений, направленных на овладение собственными психическими процессами. Эти приспособления по аналогии с техникой могут быть по справедливости условно названы психологическими орудиями или инструментами (внутренняя техника, *modus operandi*) <...>. Примерами психологических орудий и их сложных систем могут служить язык, различные формы нумерации и исчисления, мнемотехнические приспособления, алгебраическая символика, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, карты, чертежи, всевозможные условные знаки и т. д.» [Выготский 1982а: 103].

В период разработки инструментального метода и принципа опосредствования Л. С. Выготский шел по логике инструментальной (орудийной) парадигмы, в которой знак есть именно орудие, «приспособление», средство, с помощью которого человек управляет своими психическими процессами. Здесь знак выступает не самоцелью, а лишь средством, инструментом¹¹³. По этой логике и произведение искусства есть средство, и язык. Л. С. Выготский пока не заходил дальше, не рассматривал эту искусственную сферу как самоцельную, обладающую своей природой, в которой человек живет, которую человек создает не только как костыли и опоры, приспособления, а как культурные самоцельные практики и культурные формы.

Данный инструментальный вектор был вполне объясним. Он был связан в целом с доминирующей в западном рационализме парадигмой овладения – природой, другой территорией, другим миром, другим человеком.

Эту же логику овладения Л. С. Выготский распространяет и на свой метод. Другой логики и не было. Во всей науке она доминировала¹¹⁴.

Поэтому, разумеется, в стране, где «советский человек» был проектом, который должен был быть сконструирован, Л. С. Выготский вводил модель через идею овладения своим поведением, за которой стоит идея конструи-

---

¹¹³ Опять же западные авторы, последователи культурно-исторического подхода, так и переводят психологическое орудие-знак как культурный инструмент опосредования (*cultural tool*), а само опосредование как *mediated action* [Верч 2011; Wertsch 2007]. Дж. Верч при этом признает, что *mediation* является центральной категорией в работах Л. С. Выготского [Wertsch 2007, p. 191], ссылаясь на ключевую фразу из его доклада о сознании, вынесенную нами в эпиграф нашей статьи. Дж. Верч калькирует слово опосредование («*oposredovanie*») и переводит как *mediation* [Wertsch 2007, p. 178].

¹¹⁴ Другая логика конечно была. Логика заботы о себе. Но она ушла на периферию науки. В западном рационализме доминировала логика овладения. Последнее трансформировалось в психологии в логику овладения своими натуральными процессами, или в других категориях – в логику конструирования высших форм поведения.

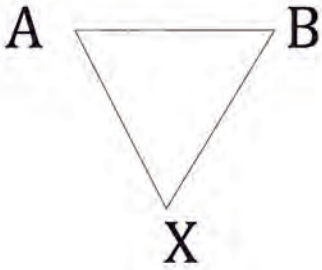

Рис. 2. Знаковая операция опосредования [Выготский 1982а: 104].

рования под идеологический заказ. Модель должна была быть подведена и под идеологическую концепцию советского человека. Л. С. Выготский внёс в эту идеологию конструирования советского человека и свою лепту [Выгодский 2016]. Ему была важна идея овладения человеком самим собой, своим поведением. В ней заключена прежде всего воспитательная функция такого акта: «Воспитание есть искусственное овладение естественными процессами развития. Воспитание не только влияет на те или иные процессы развития, но перестраивает самым существенным образом все функции поведения» [Выготский 1982а: 107].

Вот он, марксистский пафос и социальный заказ. Марксист Л. С. Выготский дал задание исследователю Л. С. Выготскому построить идеологическое обоснование концепта.

В итоге рождается графически выраженный конструкт, знаменитый треугольник (рис. 2)¹¹⁵.

Поведение понимается и описывается как естественный акт: А – В, то есть стимул – реакция. При естественном запоминании устанавливается прямая ассоциативная связь (условно-рефлекторная) между двумя стимулами. При искусственном запоминании (с использованием мнемотехники) при помощи искусственного орудия (узелок на платке, мнемотехническая схема) устанавливаются две схемы опосредующего действия: А – Х и Х – В. Каждая из них, полагает Л. С. Выготский, является естественным условно-рефлекторным процессом. Новым является *замещение и направленность* – то есть активное использование естественных свойств мозга.

Надо сказать, что у Л. С. Выготского были разные треугольники опосредования. В черновике «Конкретная психология человека» 1929 года встречаются вариации базовой схемы (рис. 3).

Во всех этих треугольниках не хватает чего-то принципиального, главного. Сама по себе орудийно-инструментальная схема не выводит нас на понимание механизма развития высших форм (мышления, воли, памяти). Л. С. Выготский это понимал, введя потом в других работах, кроме знака, других «посредников» – речь, смысл, другой человек («культурный взрослый»). Пока же он полагает, что этот инструментальный, искусственный акт может быть разложен на составляющие его естественные акты. А человек все равно ограничен своим натуральным субстратом, способностью своего мозга. Что собственно человеческого появляется в схеме? Только перенаправленность, составление новой комбинации? Такова пока его объяснительная модель. По-другому пока не видит.

Эта схема объясняет сущность инструментального метода, то есть собственно акт овладения описывается орудийно-инструментально. Причем, с

¹¹⁵ Потом на все лады треугольники обсуждал и строил М. Коул и другие представители триадической парадигмы (см. часть 2). Но у них не было главного – овладения самим человеком своим поведением и построения через это высших форм личности. У них доминирует овладение внешней предметной деятельностью. Например, чтением.

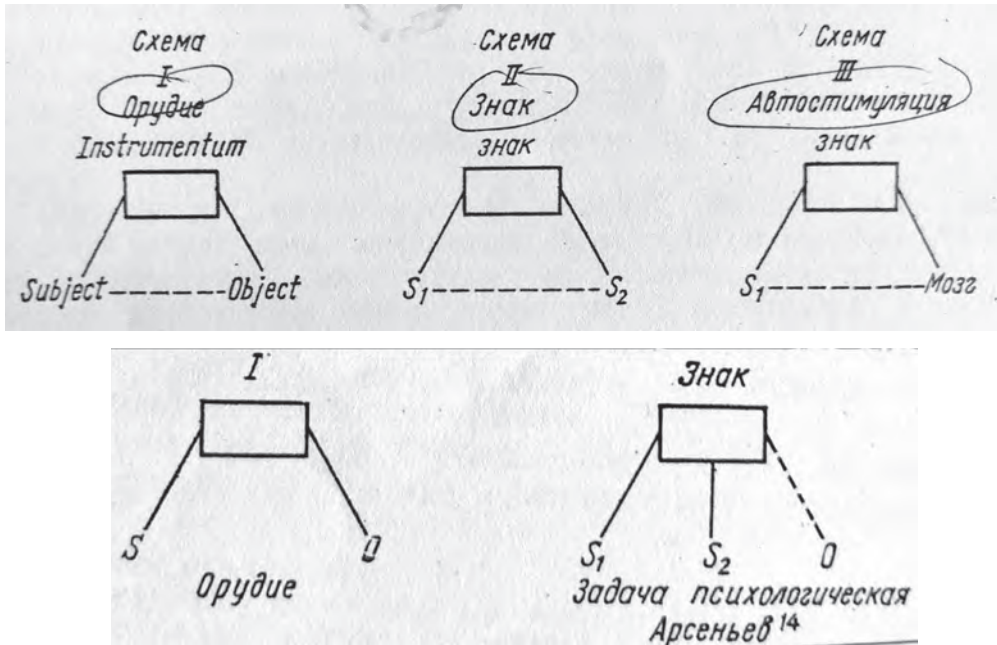

Рис. 3. Фигуры опосредствования [Выготский 1986а: 56].

привязкой на базовую схему стимул-реакция, как на закон: этот метод не отрицает ни одного естественно-научного метода изучения поведения и нигде не пересекается с ним [Выготский 1982а: 104–105].

Разница состоит только в том, что инструментальный метод выстраивает новое соотношение между актом поведения и внешним стимулом. Только в одном случае стимул играет роль объекта, на который направлен акт поведения (запомнить, сравнить, оценить, выбрать, взвесить), а в другом случае – роль средства, при помощи которого мы решаем необходимые задачи. Психологическая природа в этих случаях разная. Они по-разному обуславливают и определяют наше поведение [Выготский 1982а: 105].

Тем самым вводится идея психологического орудия – знака, с помощью которого человек воздействует на свое поведение. В схему вставляется новый член – психологическое орудие, становящееся новым центром, фокусом, функционально определяющим все процессы, образующие инструментальный акт. Всякий акт поведения становится тогда интеллектуальной операцией [Выготский 1982а: 105]. Психологическое орудие ничего не меняет в объекте; оно есть средство воздействия на самого себя (или другого) – на психику, на поведение [Выготский 1982а: 106].

Выход за рамки бихевиористской схемы и инструментального метода был совершен позже, в работе «Мышление и речь», в работах, посвященных психологии детской игры, проблеме сознания, в работах, где исследуется проблема умственно отсталых детей и др.

В апокрифе, как ее называет Е. Ю. Завершнева, в черновиках его доклада «Проблема сознания», Л. С. Выготский делает снова базовый вывод: «Центральный факт нашей психологии – факт опосредования. Общение и

обобщение. Внутренняя сторона опосредования открывается в двойной функции знака: 1) общение, 2) обобщение. Ибо: всякое общение требует обобщения. Общение возможно и непосредственно, но опосредованное общение есть общение в знаках, обобщение здесь необходимо» [Выготский 1982а: 166].

Здесь рождается идея связи знака-значения-смысла, основных единиц анализа в вершинной психологии. Л. С. Выготский почти окончательно выходит за пределы психологии поведения и реактологии. Он все время мучительно искал и строил ту объяснительную модель, глазами которой можно было бы распознать и понять тайны развития психики, выйдя на уровень вершинной психологии (в отличие от глубинной). Он брал результаты экспериментов у других авторов и показывал тупики тех моделей, которые предлагали Коффка, Келер, Бюлер, Кюльпе, Левин и др. Ими был уже собран богатейший экспериментальный материал. Но были весьма упрощенные и неадекватные объяснительные модели либо в духе стимул – реакция, либо в духе интроспекции (за исключением, впрочем, К. Левина).

Необходимо было совершить переход, выход из натуральных стихийных процессов – в мир культурных смыслов, выстроив между этими мирами предметную связку. Например: «<...> не человек – вещь (Штерн), не человек – человек (Пиаже). Но: человек – вещь – человек <...>. Обобщение есть выключение из наглядных структур и включение в мыслительные структуры, в смысловые структуры» [Выготский 1982а: 167].

Тем самым Л. С. Выготский приходит к ключевому посредующему звену – смыслу: «*Первые вопросы детей никогда не суть вопросы о названии; это суть вопросы о смысле предмета <...>. Сознание в целом имеет смысловое строение. Мы судим о сознании в зависимости от смыслового строения сознания, ибо смысл, строение сознания – отношение к внешнему миру*» [Выготский 1982а: 165]. «Смыслообразование есть главная функция знака» [Выготский 1982а: 162].

Выход на идею смыслового поля, за пределы натурального, оптического, зрительного поля Л. С. Выготский и его коллеги обнаружили опытным путем, увидев, что испытуемые, взрослые и дети, страдающие слабоумием, расстройством речи, парафазией, показывают в своём поведении чёткую привязанность к натуральной ситуации, к видимому, оптическому полю. Он сравнивал афазика с нормальным человеком. Первый зависит от оптического, натурального поля, второй может оторваться от него, управляя им уже со стороны смыслового поля. Л. С. Выготский, переключаясь с К. Левиным, вводит представление о смысловом поле (см. подр. [Завершнева 2015; Смирнов 2016]).

Л. С. Выготский ставит проблему – может ли человек менять смысл ситуации или он зависит от своих потребностей и аффектов? Что значит – «становиться над ситуацией» и управлять ею? Нам, замечает Л. С. Выготский, важны моменты, при которых личность меняет структуру поля и его значение для себя. Дифференцированность поля, его структурность зависят от смысловых моментов, от смыслового фактора, который и определяет эту дифференцированность. Переключение систем и структур поля зависит от того, как меняется «смысловое значение ситуации <...>, чем более разумное отношение к ситуации понятнее, чем более дифференцированы и более

гибки внутриспсихические системы, тем большая свобода будет выявлена в отношении к окружающему» [Самухин и др. 1981: 127].

Свобода, получаемая через понимание смысла, даёт возможность «стоять над ситуацией», она выражается в гибкости и дифференцированности психических структур. Такая свобода над ситуацией и видимым натуральным полем наблюдается у здорового нормального человека. Обратная ситуация зависимости от натурального поля, от оснащённости и конкретности ситуации, связанной с инструментарием поведения, конкретными заданиями, словами, предметами, наблюдается как раз у больных, страдающих расстройством психики, деменцией и парафазией. Больной не может переключать свои потребности и переструктурировать ситуацию. Он находится не в смысловом поле, а в поле натуральном, он является «рабом видимого поля». В отличие от последнего, смысловое поле есть, как пытались определить Л. С. Выготский и его коллеги, «та психологическая ситуация, которая обуславливается степенью и понятийности, и дифференцированности аффективных систем. Понятийность (тип обобщения) и является тем фактором, которым определяются векторы смыслового поля <...> У нормального человека, мыслящего понятиями, смысловое поле иначе структурируется, векторы возникают по иным законам: человек владеет своим полем, как бы стоит над ним» (цит. по: [Завершнева 2015: 126]). В отличие от нормального человека у больного наблюдается полное подчинение натуральному полю, изображающему конкретную ситуацию.

Далее проблематику смыслового поля Л. С. Выготский рассматривает на многих примерах, в том числе на материале детской игры, в которой ребёнок играет со смыслами, нежели с вещами (перепредмечивание предмета, тапок становится пароходом и т. д.) [Выготский 1966]. На примере анализа детской игры Л. С. Выготский фактически открыл феномен перехода ребёнка от вещи – к смыслу вещи. На феномене детской игрушки можно точно показать, во что играет ребёнок. Он играет не с самой вещью, а с тем смыслом, которым он её наделяет (с тапком-пароходом) [Выготский 1966]. В этом заключается и главное противоречие и энергетика,двигающая игру. Ребёнок играет со смыслом, но не теряет связь с реальностью. Он понимает, что, играя в пароход, в смысл, он манипулирует тапком как вещью. Но в тапке ему важна его смысловая «пароходность», а не вещная «тапочность».

Фактически введением смысла, смыслового поля, Л. С. Выготский обозначил иной вектор, переход от инструментально-орудийной парадигмы – к *полевой парадигме*. Введение концепта поля было важно с точки зрения показа принципиального различия между разумным, точнее, осмысленным, поведением и неразумным, неосмысленным поведением, то есть как норма человеческого. Человек разумный живёт не в натуральной оптической ситуации, а в наднатуральной, смысловой реальности, которая не является фиксированной. Она постоянно плывёт и потому мы вынуждены прибегать к такому концепту, как поле, посредством которого показывается мерцающий и пунктирный характер границы человеческой реальности, её постоянная неустойчивость и динамика внутренних процессов. Важно при этом иметь в виду, что смысловое поле выступает, с одной стороны, как конструкт, с помощью которого исследователь анализирует степень развития разумности и сформированности осмысленного поведения у человека, с другой сторо-

ны, смысловое поле – реальность, не придумка, оно имеет онтологический статус, свои этапы развития, начиная с внешнего для индивида психологического плана и заканчивая внутренним планом, экранирующим процессы взаимодействия человека с миром [Завершнева 2015: 133–134].

Пребывание в смысловом поле и означает собственно человеческое действие, опосредованное смыслами и символами и дающее желанную свободу. Забегая вперед, заметим, что умный гаджет, цифра, входя в ранний период развития ребенка, не оспособленного и не умеющего, не владеющего своими реакциями, отодвигая взрослого, заставляет его, ребенка, действовать как раз в видимом, натуральном поле (см. часть 3).

В свете сказанного графическим образом опосредствования-овладения должен выступать уже не образ треугольника, а образ сферы. Треугольник родился у Л. С. Выготского по ситуации, на скорую руку, и в связи с переосмыслением бихевиористской базовой схемы стимул – реакция. В нее вставляется знак-посредник и мы получаем треугольник, то есть «структуру знаковой операции».

Но далее сама модель разрасталась идеями и практиками, исследованиями и экспериментами, и в итоге мы должны говорить о *сфере овладения через опосредствование* (рис. 4).

Тем самым меняется сама стратегия мышления и ее образное представление: сдвиг от инструментальной стратегии и треугольных метафор – к смысловой стратегии и сферным образам, к представлению сферно организованного поля действия, а не треугольного ломанного хода, выступающего в лучшем случае как научная метафора (см. [Zittoun et al. 2007], но ломающего и теряющего полноту видения всего «совокупного действия»).

Каждый такт в этой сфере есть особый момент, часть всей знаково-деятельностной операции опосредствования-овладения: субъект-знак, субъект-знак-орудие, субъект-знак-орудие-предметное действие, субъект-

Рис. 4. Сфера опосредствования-овладения.

знак-орудие-предметное действие-реакция индивида... И всем этим управляет особое рефлексивное начало в человеке, формирующееся в процессе осуществления этих тактов – собственно личность: «высшая психологическая инстанция организации и управления своим поведением, заключающаяся в преодолении самого себя» [Эльконин 1995: 402]¹¹⁶.

Вырывание из сферной реальности треков-тактов и их отдельное описание может быть условной, искусственной операцией. Равно как искусственным представлением будет то, что ребенок оперирует вещью или орудием (ребенок-вещь, орудие) или знаком (ребенок-знак). В реальности это гибриды разной степени зрелости и сформированности.

Также нет и такта индивид – орудие. Поскольку орудием манипулирует то в человеке, что формируется в нем как личностное начало, управляющее собственными реакциями в себе как в индивиде. У индивида как у реактивного существа просто нет такого субъектного и личностного начала и нет такого органа, способного на рефлекссию и управление собой.

Поэтому Д. Бекхёрст прав, говоря, что треугольников-то много, ибо если вырезать из сферы каждый такт и акт отдельно, то и получим [Бэкхёрст 2007]:

Человек – человек, между ними знак.

Человек – мир, между ними знак, орудие.

Человек – отношение к себе посредством знака-речи.

Человек – вещь, между ними знак.

Но такое вырезание треугольников опосредствования – тоже редукция, абстрактная вытяжка, не существующая в реальных актах. Эти такты-треки вырезаются из реальности сферы овладения-опосредствования силой абстракции и показывают лишь часть, участнического человека, отрезок действия, кусочек траектории личности.

Разумеется, эту сферу мы тоже конструируем, «видим» силой мысли, силой абстракции, как и треугольник, о чем писал и сам Л. С. Выготский – мы можем выделить эти такты и акты лишь силой абстракции, в чистом виде они не существуют, они переплетены и живут в тысячах операций, проб, действий.

Свою сферу держит каждый субъект действия, но не в изолированном пространстве, а соприкасаясь со сферой другого человека, который также держит и выстраивает свою сферу опосредствования. Они вступают во взаимодействие не как эмпирические индивиды, а как *сферно организованные*

---

¹¹⁶ Проблема становления личности в человеке выступает отдельной, огромной темой. Мы ее здесь не будем развивать, хотя понятно, что от формирования неорганического тела личности зависит и все остальное. Строго говоря, Личность была одна в христианской культуре. Это Личность Иисуса Христа. Мы же все, смертные и грешные, есть недотыкомки, недоделки, «не-до-мерки», «не-до-образы», не-до-умки», как говаривал О. И. Генисаретский. К.-Г. Юнг вторил этому, понимая под личностью «определенную, способную к сопротивлению и наделенную силой душевную целостность», выступающую идеалом для взрослого человека [Юнг 1995: 188]. Юнг указывал, что ставить задачу формирования личности ребенку – вещь неподъемная и не адекватная. Эта задача стоит перед взрослым, способным и готовым принять такое решение на такое жизненное задание, для которого формирование личности остается идеалом: «Личность как полная реализация целостности нашего существа – недостижимый идеал» [Юнг 1995: 191].

субъекты действия. И видят они друг друга глазами не натуральными, а культурными, через оптику субъекта-знака-действия. И коли так, то и взаимодействие у них выстраивается именно так, как выстроены их сферно организованные деятельностные структуры. Поэтому либо выстраивается контакт, либо нет, либо есть понимание, либо нет. Потому что понимаем мы не эмпирическими телами и индивидуальными реакциями, а знаково-деятельностно и смысловó, через предметную деятельность и смысловой прагматический контекст, в котором оказываются те, кто встречается. Эмпирические реакции есть лишь реакции, но никак не связь, не понимание, не встреча. Здесь в реакциях тел-индивидов нет смыслов, нет смыслового контекста, а есть лишь реакция на внешние стимулы.

Поэтому примеры, которые Л. С. Выготский приводил в своих поисках, нуждаются всякий раз в оговорках. Он-то знал, о чем говорил и писал. Ему было некогда комментировать и разворачивать содержательные контексты. А нам приходится проделывать обратную работу – разворачивать скрытые в его конспектах-черновиках смыслы¹¹⁷.

Например, говоря об опосредствовании, он приводит примеры о сне кафра, узелках на память и других рудиментарных формах, взятых из традиционных культур, выискивая аналогию.

Кафру, представителю традиционной культуры, человеку мифа, свойственно мифологическое мышление, потому он так и действует, делая зарубки. Именно потому, что центр принятия решения в культуре мифа находится не в индивиде. Он передоверяет принятие решения иной силе, сакральной. Решение принимается в рамках и в связи с ритуалом теофании, и только Бог может тебе позволить поступать так или иначе (см. [Элиаде 1994]). Человек через ритуал теофании приобщается к священному и посредством этого становится реальным сущим и действует так, как ему говорит сакральное начало. Строго говоря, в кафре субъектное начало не выработано и не требуется. Поэтому сфера опосредствования у него не полная, точнее, другая. Она погружена в ритуал священнодействия.

То же самое мы видим в религиозном опыте. Не человек принимает решение, а через него говорит иное начало, голос священного. Этот голос можно услышать лишь в молитвенной практике. Как услышать Бога? Через молитву.

В случае с мифологическим и религиозным сознанием для верующего и человека мифа приоритет лежит вообще не в нем самом, а в культуре, в священной традиции, к которой он приобщается через ритуал священнодействия. Понятно, что в таком случае петля опосредствования выстраивается разнообразная, в зависимости от вида «посредника» – будь то вещь, знак, имя, миф, символ, Бог и др.¹¹⁸

---

¹¹⁷ Фактически, большинство его опубликованных сочинений – это его устные выступления, речи, доклады, черновики, конспекты, написанные по случаю статьи. Даже «Мышление и речь» представляет собой компиляцию ранее написанных статей, черновиков и продиктованных стенографистке кусков и не является законченным автором произведением [Выгодская, Лифанова 1996: 296]. Это произведение нельзя считать завершенным, последним словом ученого и мыслителя (см. [Р. Ван дер Веер, Завершнева 2018]).

¹¹⁸ На это указывает и В. П. Зинченко [Зинченко 1996].

Когда Л. С. Выготский говорит о подобных примерах опосредствования (жребий, карты, кости, сон кафра, зарубки, узелки на память), о включении в схему стимул-реакция третьего члена, посредника, он не оговаривает сакральный и религиозный контекст, поскольку ему было важно показать разницу прямого реактивного действия и действия опосредствования. Остальное было выведено пока за скобки.

За скобками у него остаются вопросы: Что есть ключевой стимул для верующего? Для кафра? Для ребенка? Голос Бога? Слово родителя (значимого для ребенка как Бог для верующего)? Или в категориях стимул – реакция поступок человек мифа или верующего человека в принципе нельзя описывать?

В «Мышлении и речи» Л. С. Выготский отчасти и косвенно отвечает на эти вопросы и не только делает обобщающие выводы, но и достраивает фактически сферную организацию всей модели опосредствования, подтверждая связку овладения и опосредствования, вводя их в качестве базовых, а не просто поисковых принципов вершинной психологии: «<...> центральной проблемой при объяснении высших форм поведения является проблема средств, с помощью которых человек овладевает процессом собственного поведения <...> все высшие психические функции объединяет тот общий признак, что они являются опосредованными процессами, т. е. включают в свою структуру как центральную и основную часть всего процесса в целом употребление знака как основного средства направления и овладения психическими процессами [Выготский 1982б: 126].

Фактически ключевая проблема, которую он решал в этой работе, проблема выстраивания связки мысли, слова и действия, решалась и описывалась им также в категориях модели опосредствования и построения фактически сферной структуры, в которой мысль не является чистым актом, отделенным от слова и действия: «<...> отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли <...>. Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [Выготский 1982б: 305].

Мысли как чистого акта, отдельного от слова и действия, нет в реальности. Его нельзя увидеть, как нельзя увидеть и внутреннюю речь. Нельзя ее наблюдать так, как мы наблюдаем за поведением. А поэтому в схему стимул – реакция высшие способности человека не могут быть упакованы и встроены. Равно как и не могут быть описаны в категориях реакций. Л. С. Выготскому становится ясным то, что акт мышления не есть функция мозга и не есть реакция на стимул. Это всегда акт связки действия и слова, связки по схеме опосредствования. Событийность мысли заключается в осуществлении этой связки слова и действия через опосредствование и управление своими поведенческими реакциями: «Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове» [[Выготский 1982б: 307]. В другом месте: «Мысль совершается в слове, а не выражается только в нем. Мысль есть внутренне опосредованный процесс» [Выготский 1982а: 162].

И тогда собственно акт мысли-действия представляет собой такое же сферно организованное пространство, как и пространство действия по опосредствованию (рис. 5).

Рис. 5. Сфера мысли-действия.

Сначала Л. С. Выготский шел от стимула-реакции, затем вставил туда знак-посредник, которым был любой другой стимул, включая и вещь-действие (зарубки, узелки, кости для жребия, карты), затем на это место посредника он ставит речь-слово (начиная с детского лепета и мычания-бормотания и кончая развернутым высказыванием).

Но вся динамика опосредствования, при смене самих средств опосредствования, крутится вокруг проблемы овладения человеком процессами и реакциями своего поведения.

Акт мышления совпадает с актом опосредствования. Поэтому мышление совершается в слове-посреднике. Поэтому акт мышления и акт опосредствования имеют сферную организацию.

Никакой мысли в голове у человека нет. Он не достает ее оттуда. В мозге человека есть лишь психофизиологические реакции. Но совершая действие опосредствования, человек имеет шанс совершить акт мысли, в котором формой свершения является слово-высказывание. Уже потом задним числом это, многократно совершенное мыследействие отражается на функциональном строении мозга, который, обладая нейропластичностью, формируется соответствующим образом, в зависимости от практик опосредствования.

Но рано или поздно Л. С. Выготский должен был прийти к идее *взрослого-посредника*. Ребёнок всегда не один, он всегда – в социальном окружении. Не он сам в одиночестве овладевает своим поведением, а с помощью взрослого: «Источник развития лежит в социальном окружении ребенка, в конкретных отношениях его со взрослыми (экспериментатором)» [Выготский 1984: 29]. Путь от вещи к ребенку и от ребенка к вещи лежит через другого человека [Выготский 1984: 30].

Здесь рождается схема опосредствования Д. Б. Эльконина (см. часть 2).

Часть 2

ПОСЛЕ ВЫГОТСКОГО. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ

Ребёнок – это всегда два человека – он и взрослый.

Д. Б. Эльконин

От опосредствования к ориентированию и посредничеству

Большинство последователей КИП признают, что именно идея опосредствования выступает главной, стержневой для концепции Л. С. Выготского. В. П. Зинченко пишет: «В опосредствовании состоит пафос культурно-исторической психологии. В посредническом акте заключена тайна развития <...>. В теории развития Выготского понятия опосредствования, овладения и осознания являются ключевыми» [Зинченко 1996: 10; 32–33].

Да, это правда. Но надо признать, что каждый исследователь включал в эту идею что-то свое, новое, тем самым как бы доращивая, достраивая исходную модель опосредствования-овладения. У Д. Б. Эльконина появляется, как мы уже сказали, фигура взрослого-посредника. П. Я. Гальперин вводит понятие ориентировочной деятельности. М. Коул и Дж. Верч упирают на теорию артефактов-медиаторов. А. Н. Леонтьев и Й. Энгелстрём строят психологическую теорию деятельности.

Но как мы видим, все это части целого, отдельные сколы целостной концепции, которую Л. С. Выготский не успел достроить, наметив лишь эскизно горизонт развития КИП. Но уже по этим наброскам мы видим масштаб замысла вершинной психологии.

В этом замысле, как мы пытались показать в первой части работы, ядром выступала модель опосредствования. Зерно, ячейка модели спрятано в простом, казалось бы, действии с предметом. Возьмем пример, описанный впервые П. Я. Гальпериным. Пример того, как ребенок осваивает через посредство взрослого действие с ложкой, с помощью которой он научается есть кашу [Гальперин 2003: 43; Эльконин 1995: 90–91].

Ребенок овладевает действием с ложкой, приспосабливаясь не просто к физическому орудью, а к *образцу его использования*, который показывает ребенку взрослый. В пределе взрослый выступает для ребенка носителем образца, живым воплощением образца. Поэтому Борис Эльконин, вслед за отцом, считает, что в принципе «образ взрослости как идеальная форма является центральной категорией, задающей целостность детства. Образ взрослости, образ совершенного (идеального) взрослого является единственным способом и опорой представления детьми их будущего» [Эльконин 2010: 72]. Следствием такого представления становится трансформация, перевод идеи опосредствования в идею посреднического действия.

В ходе самой орудийно-знаковой операции происходит перестройка. Сначала ложка была у ребенка продолжением его руки, как палка выступает продолжением лапы обезьяны. Затем постепенно посредством действия по образцу, который показывается взрослым, ребенок овладевает не просто самим орудием, но и действием с ним, точнее, способом действия. И это происходит в совместном действии со взрослым.

Здесь кроется вся динамика предметного действия и смыслового поля, их переплетение, здесь в сложном сплаве представлены предметно-орудийный аспект действия и мотивационно-смысловой.

Ребёнок, конечно, использует орудие как средство опосредствования, но его ему предъявляет значимый для него Взрослый. От взрослого идет показ сценария желаемого поведения. Взрослый показывает не просто орудие и действие с ним. Ребенок сначала воспринимает аффективно, волнующе-смысловое это действие, в которое вставлено и орудие. В пределе, в пафосе, ребенок, *любя взрослого*, берет от него образ действия, весь *сценарий его поведения*. И уже только внутри его – берет действие с орудием. Орудие, само предметное действие, включено, погружено в смысловой контекст, *сценарно организованный*. Между ребенком и взрослым вставлен знак-посредник, погруженный в сценарный контекст, в котором звучит правило: Поступай так. Вот образец¹¹⁹.

В треугольной схеме тем самым выделяются два направления, два вектора действия.

Вектором *ребенок – орудие* выделяется предметность действия, его орудийность, функциональность. По этой линии пошла далее вся психологическая теория деятельности.

Вектором *ребенок – взрослый* выделяется смысл действия, мотив, образ действия, показываемый ребенку взрослым.

Смысл рождается между людьми. Он не заложен в орудии. В орудии заложена его функция.

Понятно, что в живом действия сцеплены оба вектора: «В самом действии слиты воедино и общественная функция предмета, и его технические примеры осуществления» [Эльконин 1995: 92].

Тем самым выстраивается двойной треугольник (рис. 6):

Технический, предметно-орудийный план поведения связан с выстраиванием отношения ребенок – вещь (орудие). Посредником здесь выступает взрослый, показывающий образец действия.

Смысловой, мотивационно-потребностный план действия связан с выстраиванием отношения со взрослым. Здесь посредником выступает вещь,

Рис. 6. Двойное опосредствование по Д. Б. Эльконину

¹¹⁹ Модели посреднического действия, представляющего собой всю полноту идеальной формы взрослости, посвящены работы Б. Д. Эльконина. Последний полагает, что опосредствование есть редуцированная форма посреднического действия [Эльконин 2010: 75].

действие с предметом. Эти системы отношений периодически меняются местами и тем самым выстраивается логика и периодизация развития в онтогенезе, что потом и описал в своих работах Д. Б. Эльконин. Но в обеих версиях, точнее, проекциях, присутствует опосредствование, только разного типа, замечает Эльконин [Эльконин 1995: 404].

Д. Б. Эльконин резюмирует свою позицию относительно модели опосредствования, в ряде положений, переведя ее в категории совместного посреднического действия ребенка и взрослого [Эльконин 1995: 98–99].

1. Предметное действие формируются только в совместной деятельности ребенка со взрослым.

2. В процессе освоения предметного действия для ребенка главным является *смысл* его отношений со взрослым. И уже в рамках смыслового контекста взаимодействия, притяжения им образа взрослого происходит овладение функцией предмета как орудия, которое ребенок осуществляет совместно со взрослым, решая определенные задачи (поедание каши ложкой).

3. Критерием степени овладения предметным действием, его орудийности, является *соответствие своего действия – образцу*, идущему от взрослого.

4. Для овладения предметным действием ребенок формирует в себе образ действия с предметом. Поскольку он не может сразу овладеть образцом, у него формируется *образ действия* с предметом. Это происходит путем многочисленных *пробных действий*, если при этом они соответствуют исходному *смысловому контакту со взрослым*, с его санкции.

5. Образец действия осваивается не непосредственно, а опосредованно, через образ действия.

6. После формирования образа действия с предметом заканчивается формирование предметного действия. А операционно-техническое овладение предметным действием осуществляется в рамках и контексте этого образа действия.

7. Всякому операционно-орудийному освоению предметного предшествует мотивационно-потребностный период, предполагающий *ориентацию* ребенка на взрослого, выяснение *смысла образа его действий*. Ребенок – это всегда два человека – он и взрослый.

В первой части мы уже говорили о переходе Л. С. Выготского от орудийной к смысловой, полевой, парадигме. Именно смысловое поле держит целое совокупного действия человека (ребенка), а не само по себе орудие. Что делает человек в поле действия, в ситуации разнонаправленности воздействия на него разных стимулов? Он ищет опоры и ориентиры. Иначе говоря, осуществляет ориентировочную деятельность и шире – строит личностную навигацию с помощью взрослого. Тем самым, в модель опосредствования включается в качестве еще одной ее части идея ориентирования.

Обогащение модели: опосредствование и ориентирование

Введя тему ориентирования, П. Я. Гальперин задал фактически второй фокус, дополнив сферу второй частью: овладение своим поведением происходит не только через опосредствование, но и также через ориентирование.

П. Я. Гальперин зафиксировал, что истоком для построения ориентировочной деятельности является, с одной стороны, поиск источников для жизни (пища, жилье, одежда), с другой, отсутствие в среде обитания готовых

опор и ориентиров. Выстраивание этой двойной связи задаёт предмет самой ориентировочной деятельности, а последняя составляет ядро психической жизни человека. П. Я. Гальперин настаивает, что «только в системе его (субъекта) ориентировочной деятельности психические явления получают своё естественное и функциональное оправдание» [Гальперин 2003: 155].

Для всякого живого субъекта важнейшим мотивом в поведении является стремление «разобраться в ситуации». Последнее является общей задачей в любой ориентировочно-исследовательской деятельности. Эта задача распадается на ряд подчинённых задач: «исследование ситуации, выделение объекта актуальной потребности, выяснение пути к цели, контроль и коррекция, то есть регуляция действия в процессе исполнения» [Гальперин 2003: 156].

В целом такая схема поведения характерна для всех животных, осуществляющих ориентирование в поисках добычи и места для жилья. Но у человека ориентировочное действие сначала формируется в идеальном плане, как «идеальное действие», с точки зрения «потребного будущего» (термин Н. А. Бернштейна), как воспроизведение будущего действия в плане *образа действия*.

Как правило, при поиске ориентиров их в готовом виде нет. И потому важнейшим видом действий является *проба* [Гальперин 2003: 164]. Например, кошка, если не знает, куда делать шаг, сначала делает лапой мягкое пробное движение, не полностью опираясь на землю, на поверхность, а осторожно, как бы предварительно, будучи готовой тут же отпрыгнуть. После того, как она чувствует, что можно опереться на поверхность как на что-то твёрдое, она переносит тяжесть тела на лапу, затем делает такой же пробный шаг дальше. Это сравнимо с тем, как человек идет по болоту и, не зная, куда шагать, берёт в помощь опору – длинный шест, которым прощупывает вокруг себя дно, прежде, чем делать шаг. Такое же поведение характерно, например, для обученных лошадей, идущих по опасной дороге. Хозяин в этом случае даёт команду «Бросить поводья!». И лошадь сама, осторожно ступая, шаг за шагом идёт по опасному маршруту (горной дороге), совершая, как пишет П. Я. Гальперин, «задержанное движение».

Но дело не в самой по себе пробе. Пробным действием человек намечает черновик маршрута. Особенно это важно в ситуации неизвестности, если территория, по которой он идёт, ему совершенно не известна.

Поэтому человек сначала формирует образ действия, затем его осуществляет, в результате чего этот образ при реализации действия гаснет. Дальше – новое ориентировочное действие и т. д. Так строится схема прямой связи: ориентация – образ будущего действия – действие. Такая схема работает в трудовой деятельности, которая требует исполнения набора операций и контроля над исполнением.

Например, путник, отправляясь в дорогу, всегда берет с собой карту. При движении по местности он всякий раз сверяет карту и с местностью, чтобы всегда понимать, в каком он месте находится и куда он двигается. Если перевести это правило на жизнь человека, то именно понимание им своего *места в мире* становится ключевой опорой для него. Место человека в мире в его разных масштабах и понимание опор являются ключевыми понятиями в антропологической навигации.

Если же у человека нет карты, и он идет по незнакомой местности, то он вынужден искать ориентиры в окружающем пространстве и во времени, дабы опереться на них. Например, заблудившись в лесу, человек забирается на дерево, чтобы обозреть с высоты местность и понять, где он. Или смотрит на звёзды, на солнце. Или он смотрит на деревья (мох на деревьях), на муравейники у деревьев. Он прибегает к разного рода знаниям, представлениям, воспоминаниям и сличает их с местностью. Тем самым он фактически начинает рисовать «карту-маршрут» для своего дальнейшего движения. Он присваивает природным объектам функции ориентиров, рисует не существующую карту у себя в сознании. Без неё он просто остановится, будучи полностью дезориентирован.

Так и в жизни, так и в онтогенезе, при освоении любой сложной деятельности. Важнейшим моментом здесь является определение «точки взора», как говорит П. Я. Гальперин. То есть, определение своего места в пространстве. Базовым исходным моментом здесь является «градиент цели» [Гальперин 2003: 167]. С одной стороны, субъект переживает определённую потребность. С другой стороны, в реальной ситуации этот субъект опознаёт внешний объект и выделяет его как тот, который отвечает этой потребности. Связка потребности и объекта потребности образует «смысловую центрацию, определённый смысл» [там же]. Исходя из этой связи, ставится цель пути и строятся этапы продвижения. Затем осуществляется коррекция движения и далее – достижение цели.

Итак, как устроена схема ориентирования, согласно П. Я. Гальперину?

С одной стороны, человек испытывает потребность в получении средства, источника для жизни (пока здесь не важно – витальная, социальная, культурная, иная форма жизни, она уже есть). Эта потребность просто переживается им как живым существом.

С другой стороны, во внешнем мире он ведёт поиск ориентиров, опорных точек, реперов, которые позволяют обустроить ситуацию, задать ей смысловой каркас. Как пишет П. Я. Гальперин, «в целенаправленном действии основная цель есть первое и очевидно значимое среди прочих объектов поля, которые выделяются и запоминаются лишь по мере увязки с нею» [Гальперин 2003: 168].

В этой ситуации образуется тем самым определенное смысловое поле, внутренне связанное и понятное с точки зрения того, как действовать.

Субъект ориентирования осуществляет идеальное действие, затем пробное и затем реальное и всякий раз сверяет свое перемещение по полю действия, держа в уме смысловой каркас ситуации (рис. 7).

Исток ориентировочной деятельности связан с базовой потребностью выжить и с поиском ориентиров, которые тесно увязаны с поиском источников выживания. Сама ориентировочная деятельность в этом смысле выступает фактически базовой деятельностью. Ориентировка является витальной с точки зрения выживания и развития, а дезориентация чревата лишениями, в пределе – гибелью.

Далее более предметно П. Я. Гальперин развивает свой концепт относительно того, какие формы и средства выстраиваются при ориентировочной деятельности и какие этапы необходимо выстраивать при формировании ориентировочной деятельности. Для него в этом плане потребности,

Рис. 7. Поле ориентирования

чувства, воля выступают разными формами ориентировочной деятельности субъекта в различных проблемных ситуациях.

Потребность является «исходным и основным началом ориентировки в ситуациях» [Гальперин 2003: 185]. Чувства выполняют роль способа оценки ситуации и средства переориентации. Воля становится средством и формой ориентировки при принятии решений в проблемных ситуациях.

Именно эту ориентировочную сторону и изучает психология. Предметом психологии становится именно ориентировочная деятельность. Психология изучает не всё, она изучает именно свойства, содержание, качества ориентировочной деятельности и роль в ней мышления, воли, чувств, потребностей [Гальперин 2003: 186 и др.]. Психология изучает в этом смысле не просто мышление, а именно «процесс ориентировки субъекта при решении интеллектуальных задач» [Гальперин 2003: 187–188]. То же самое с волей. Психология изучает не просто волевые процессы, а то, что относится к ориентировке – «ориентировка субъекта в таких обстоятельствах, в которых одного только разума или чувства, или того и другого вместе недостаточно. Характерная и своеобразная ориентировка субъекта в ситуациях моральной ответственности, ориентировка, ведущая к принятию того или иного решения – вот, что, собственно, и составляет предмет психологии воли» [Гальперин 2003: 189].

Но ориентировочная деятельность должна быть сформирована, выстроена. Это формирование имеет свои этапы. Отсюда проистекает его знаменитая концепция о поэтапном формировании умственной деятельности, вошедшая во все учебники [Гальперин 2003: 271–316].

Проблема в том, отмечает П. Я. Гальперин, что не всё можно наблюдать. И не всё можно учесть в задании для испытуемого. Это всегда задача со многими неизвестными. Главное здесь состоит в том, что значительная часть формирования предметного действия находится у человека в идеальном плане, который скрыт от наблюдения. Мы заранее себя ограничиваем неполнотой ориентировки.

Методом исследования в психологии поэтому, полагает П. Я. Гальперин, должен стать метод построения или формирования предметного, ориентировочного действия. Сначала устанавливаются требования к будущему действию (образ будущего), затем выясняются условия, при которых такое

действие будет сформировано. Затем эти требования воплощаются в систему показателей, которым должно соответствовать будущее действие. Затем идёт исполнение, отслеживание и корректировка исполнения и его поэтапное формирование.

Таким образом, необходимо не наблюдать то, как происходит формирование понятий и действий у человека, а строить их и создавать условия, при которых они могут быть построены с заранее намеченными свойствами [Гальперин 2015: 238].

Возвращаясь к базовой связке опосредствование-овладение, после выше сказанного имеет смысл достроить сферу (см. рис. 4, 5), добавив в неё идеи Д. Б. Эльконина и П. Я. Гальперина.

По Л. С. Выготскому, человек овладевает своим поведением (реакциями и стимулами), выстраивая второй план поведения, с помощью знакового опосредствования, надстраивая свои действия и осмысляя их в смысловом поле действия. Здесь овладение обусловлено опосредствованием.

По Д. Б. Эльконину, ребенок осуществляет действие по опосредствованию вместе со взрослым-посредником, воспринимая его как живой знак-образец, как воплощение идеальной формы. Здесь овладение обусловлено наличием встречи и причастности к взрослому-посреднику, и само опосредствование описывается и выстраивается уже как посредническое совместное, «совокупное действие».

По П. Я. Гальперину, человек (ребёнок) осуществляет ориентировочное действие, представляя его в поле образа действия и проделывая далее поэтапную работу по формированию ориентировочной деятельности, внутри которой высшие функции выступают частями ориентировочной деятельности. Здесь овладение обусловлено ориентированием. «Мера овладения» поведением связана со степенью сформированности ориентировочной деятельности.

Пространство овладения выстраивается тем самым как сфера, в которой связываются планы опосредствования, посредничества и ориентирования (рис. 8).

Рис. 8. Сфера опосредствования и ориентирования

Переходя к полевой парадигме, мы тем самым расширяем горизонт и словарь нашего дискурса. Мы переходим от таких привычных понятий, как индивид, субъект, сущность, объект, процессы, системы, к таким, как ориентирование человека в мире, навигация, место человека, горизонт, поле действия, ориентиры, опоры, средства ориентирования, путь, этапы движения по пути, карты маршрутов и т.д.

Через призму и оптику этой сферно организованной схемы мы начинаем точнее видеть то, что происходит с человеком, когда он попадает в ситуацию дезориентации в связи с появлением цифры и умного гаджета.

Треугольная метафора. Редукция модели

*Сорок душ посменно воют,
Раскалились добела –
Во как сильно беспокоят
Треугольные дела!*

В. С. Высоцкий

Зарубежные исследователи, исповедующие, по их словам, культурно-исторический подход, также полагают, что тема опосредствования выступает ключевой в этом подходе. Но сама по себе констатация этого факта мало, о чем говорит. Постепенно опосредствование трансформируется у многих авторов в опосредование (см. их различие в части 1). В самой модели ставится главный акцент на выстраивание человеком отношений с внешним миром, а тема овладения им своим поведением постепенно вообще почти сходит на нет.

Например, Д. Бэкхёрст также считает, что для тех, кто хочет изучить философское значение наследия Л. С. Выготского, не найти лучшей отправной точки, чем понятие опосредствования [Бэкхёрст 2007: 61]. В русском переводе статьи Д. Бэкхёрста пишется слово «опосредствование». А в оригинале, как и у всех англосаксов – mediation. Дж. Верч также указывает на опосредствование как на «самый значительный и уникальный вклад» Л. С. Выготского.

Но далее Д. Бэкхёрст уточняет, что суть опосредствования заключается в отрицании непосредственности. Это что-то в сути своей рациональное [Бэкхёрст 2007: 61]. Иными словами, существо, наделенное психикой, вступает в определенное отношение с миром [Бэкхёрст 2007: 61]. Для Д. Бэкхёрста важно именно это: человек – мир. И как человек выстраивает отношение опосредствования с миром.

У Л. С. Выготского главным было выстраивание связки опосредствование – овладение. В связку стимул – реакция вставляется психологическое орудие, с помощью которого человек овладевает своим поведением, то есть своими реакциями. А психологическим орудием выступает знак, слово, речь. И где это у Д. Бэкхёрста? Этого просто нет. Нет ни слова про эту связку, про овладение.

Д. Бэкхёрст озабочен связью человека и мира, прямым отношением человека с миром. Поскольку, видите ли, эпистемология засорена разного

рода посредниками в виде понятий, проекций, интерпретаций, чувственных данных. А нужна прямая связь человека с миром [Бэксхёрст 2007: 63]. Как в таком случае психика соприкасается с миром и как мир может рационально отражаться в ней? [Бэксхёрст 2007: 63]. Д. Бэксхёрст полагает, что идея опосредования и делает возможным эту самую непосредственную связь с миром.

Запустив в мир идею опосредствования, Л. С. Выготский был уже не властен над её судьбой. Она стала обретать свою собственную биографию. И вот уже на Западе фактически развилась целая треугольная парадигма, воплотившаяся в разного рода принципы триангулярности и триадные концепты, собирающие целые обзоры и коллекции разных треугольников (см. [Zittoun et al. 2007]).

Например, эмоциональный треугольник у З. Фрейда, треугольник опосредования С. Выготского, социокогнитивный треугольник у Ж. Пиаже [Zittoun et al. 2007]. Авторы считают, что между ними есть сходство: они показывают общую проблему преобразования и перехода от внешнего посредничества к внутреннему посредничеству.

В каждой из треугольной модели выстраиваются свои комбинации субъекта – объекта и посредника между ними (другого или знака) (см. общую схему-рисунок треугольников, рис. 9).

Для авторов подобных обзоров треугольник скорее выступает научной метафорой, используемой в научных исследованиях, рамочным названием целого направления в виде «триадных теорий» (triadic theory). Но по факту идея опосредствования воплощена только у Л. С. Выготского. В этом обзоре она так и называется – Mediation Triangle.

Относительно теории Л. С. Выготского авторы полагают, что это скорее не треугольник, а буква V. Основная идея заключается здесь, по их логике, в

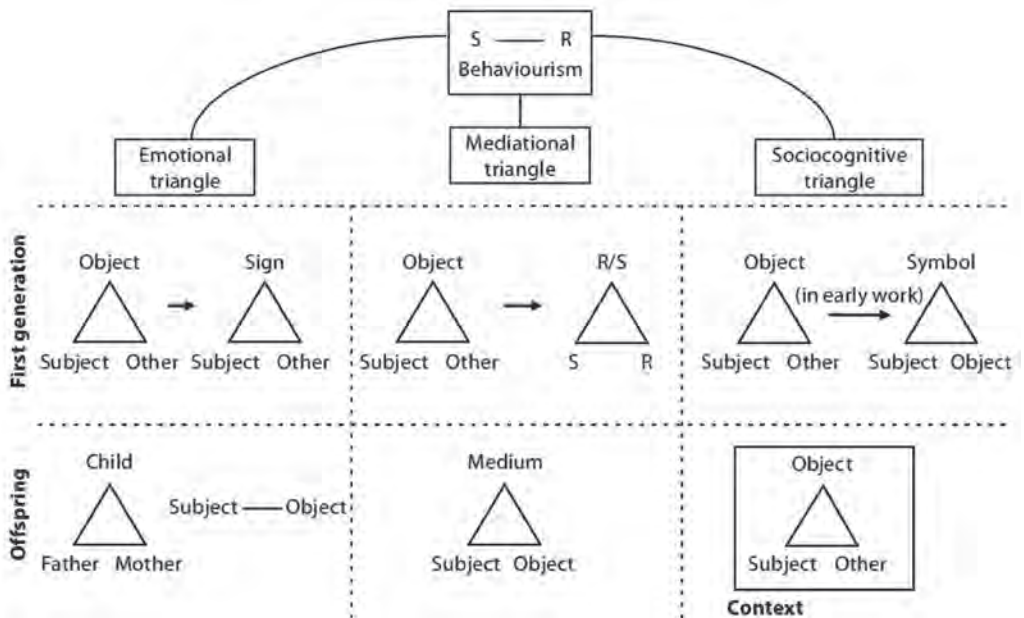

Рис. 9. Генеалогия треугольников [Zittoun et al. 2007: 211].

том, что структура социального взаимодействия перемещается в структуру самоопосредования (self-mediation).

Но, как и Дж. Верч, и Д. Бэкхёрст, и М. Коул, авторы полагают, что, согласно культурно-историческому подходу, люди стремятся приспособить среду к собственным целям, а потому они вводят вспомогательные средства, выстраивая тем самым разные треугольники отношений между субъектом и объектом и их посредниками (орудиями и знаками).

При таких интерпретациях в сознании исследователей вольно или невольно происходит сдвиг от темы выстраивания связки опосредствование-овладение – к теме отношений человек-мир, человек-человек, человек (индивид)-социум. И тогда в саму теорию Л. С. Выготского, уже помимо его воли, закладывается мысль, что, основной единицей культурно-исторического подхода является совместная опосредованная деятельность. В этой связке совместной деятельности убирается тема овладения. И опосредствование превращается в опосредование.

Например, этому посвящен проект М. Коула «Пятое измерение», связанный с построением совместной деятельности взрослых и детей [Коул 1997; Cole 1996]. В этой деятельности важную роль в качестве посредников играют артефакты разного типа. М. Коул вводит понятие артефакта вместо психологического орудия и проводит классификацию артефактов. Но в этой классификации нет ни слова про связку опосредствование – овладение.

Й. Энгстрём пошел дальше. Он довел идею опосредования до определенной практики и технологии работы в организациях (в госструктурах, в медицинских и образовательных учреждениях) [Жорепанова, Виноградова 2006; Sannio, Engeström 2018].

Коль скоро опосредствование заменяется опосредованием, а последнее понимается как совместная деятельность в организациях, коллективах, то Й. Энгстрём фактически, выстраивает свою версию организации трудовой деятельности, опираясь на фактически метафору треугольника взаимодействия, понимая опосредование как совместную трудовую, производственную деятельность в организациях.

Все бы ничего. Только вот Л. С. Выготский разводил трудовую, внешне опосредованную деятельность, и деятельность по овладению своим поведением (опосредствование). Он разводил внешние орудия и психологические орудия, различая их направленность: трудовая деятельность направлена на объект с целью его исследования и изменения, а психологическое орудие направлено на самого субъекта действия, с целью овладения им своим поведением (см. в первой части). Это различие почему-то многие авторы и не держат.

Й. Энгстрём взял лишь часть культурно-исторического подхода, теорию деятельности, и развил ее до теории и практики построения совместной деятельности в организациях, поставил это на коммерческую основу, включив в свои треугольники еще множество посредников – сообщество, правила, разделение труда.

Й. Энгстрём и другие фактически выстраивают направление, которое получило название КИТД (СНАТ), Культурно-историческая теория деятельности (Cultural-Historical Activity Theory), но в слове культурный оставили лишь момент социального взаимодействия, выхолостив основную идею

культурного развития у Л. С. Выготского – идею овладения поведением через опосредствование¹²⁰.

Остаётся в итоге хорошо известная, давно проработанная практика совместной трудовой и профессиональной деятельности через создание разного рода мастерских, нетворкингов, коворкингов, кнотворкингов, совместных проектов, коллективной творческой деятельности (как была развита в СССР практика трудовых коммун, теория и практика коллективных творческих дел О. С. Газмана и др.).

Но это фактически про другое. Мы тем самым отделяем часть от целой КИП и уходим в теорию и практику коллективной деятельности, тем самым выхолащивая вообще всю модель опосредствования-овладения-ориентирования.

Нам же важно предложить объяснительную модель, на языке которой описывается и выстраивается антропопрактика культурного развития человека (ребенка в онтогенезе) на основе выстраивания связки овладение-опосредствование в новой ситуации, ситуации цифровизации среды обитания и образа жизни людей, при которой среда характеризуется тем, что цифра занимает там ключевое место. Она становится больше, чем орудие опосредствования (см. часть 3).

Из выше сказанного вытекает то, что на Западе редуцировали культурно-исторический подход до теории деятельности, причем в версии Энгestrёма, но забыли базовые идеи культурно-исторического подхода.

Интересно то, что сами представили культурно-исторической теории деятельности полагают, что они действительно развивают культурно-исторический подход Л. С. Выготского. Они активно цитируют его, ссылаются на его работы. Й. Энгестрём пишет: «Меня интересует культурно-деятельностная теория и изучение развития в целом. В настоящее время я занимаюсь исследованием коконфигурации (co-configuration) как нового метода организации деятельности, а также экспансивным обучением (expansive learning) в мультидеятельностной среде. Я изучаю трансформации в организациях и изменения, возникающие в процессе работы, комбинируя микроуровневый анализ дискурсов и взаимодействий с историческим анализом и моделированием организаций как деятельностных систем, сталкивающихся с различными противоречиями в ходе своего развития. Вдохновившись методом двойной стимуляции Л. С. Выготского, мы в своей работе используем орудия интервенции (такие, как Лаборатория изменений – Change Laboratory), чтобы проанализировать перестраивание деятельностных систем, осуществляемое участниками. В настоящее время я исследую организации здравоохранения, банк и телекоммуникационную компанию (цит. по: [Корепанова, Виноградова 2006: 75]).

Фактически Й. Энгестрём применяет деятельностный подход (каковых в мире много) к работе с организациями по выстраиванию и перестраиванию в них коллективной, распределенной, совместной, трудовой деятельности. И у него в итоге родился свой треугольник с различными посредниками (рис. 10).

---

¹²⁰ Кстати, на Западе чаще всего именно развитие теории деятельности ассоциируется с именем Й. Энгестрёма, а не с именем А. Н. Леонтьева. В этом есть какая-то ирония судьбы [Корепанова, Виноградова 2006: 72].

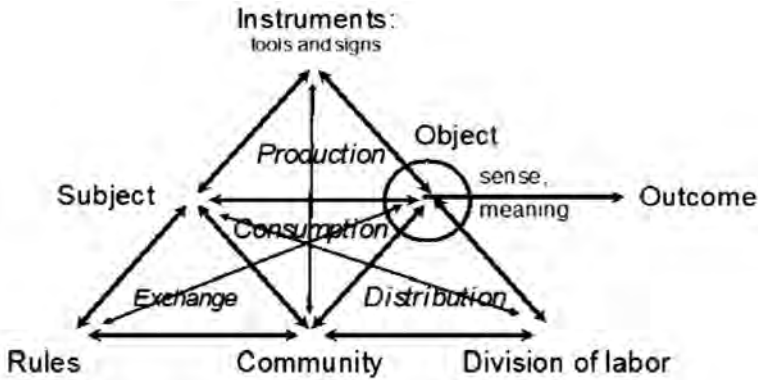

Рис. 10. Треугольники опосредования Й. Энгестрёма [Sannio, Engeström 2018: 45].

В схеме сочленены разные виды треугольников: правила-субъект-сообщество; субъект-инструменты (орудия и знаки)-разделение труда; субъект-инструменты-объект и др. Схема выступает таким конфигуратором-орудием, на языке которого автор организует коммуникацию на своих семинарах.

Й. Энгестрём больше опирался на работы А. Н. Леонтьева и В. В. Давыдова. Работы Л. С. Выготского он знает плохо. А по факту он просто сделал деятельностную вытяжку из них и на этом успокоился. То есть Й. Энгестрём построил именно треугольник трудовой деятельности. Строго говоря, это не имеет отношения к идее опосредствования как важнейшему принципу культурного развития человека, ребенка в онтогенезе. Идея психологического орудия и овладения своим поведением через опосредствование здесь в принципе исчезла.

Разумеется, культурно-исторический подход и трудовая деятельность неразрывны и переплетены друг с другом. Также, как и идея овладения сама по себе ведь не работает. Почему и зачем ребенку овладевать своим поведением? Что это означает на практике? По смыслу? Зачем? У Выготского ребенок якобы овладевает внешним стимулом. В другом месте он говорит, что овладение происходит с помощью знака как психологического орудия и тем самым ребенок овладевает своим поведением, своими реакциями.

А зачем ему все это? Для того, чтобы овладеть внешним объектом – палкой, ручкой, листком бумаги, пластилином, карандашом, любым предметом, чтобы научиться ими манипулировать – с тем, чтобы совершить предметное действие. А последнее нужно, чтобы все равно ответить на стимул – чтобы с помощью ложки съесть кашу. Все равно у ребенка нет на первом месте такой задачи – овладевать своим поведением. У него на первом месте – потребность и стремление ее удовлетворить. И здесь Выготский прав, говоря, что мы от природы и натуральных процессов никуда не денемся. Но нам нужна связка культуры и природы.

Однако, самим устройством опосредствованного действия ребенок, того не ведая, будучи вынужден овладевать внешним по отношению к нему предметом, обращаясь к себе по ходу дела с помощью знака-слова, и ко взрослому как носителю образца действия, он корректирует свои реакции,

овладевает ими, и постепенно, совершая множество раз такие действия, формируя предметное действие, формирует собственно те самые культурные *функциональные органы*, составляющие тело личности.

В этом смысле нет такой проблемы, которой озабочен Д. Бэксхёрст, что, мол, человек отгородился от мира средствами-посредниками. Он никогда этого не сделает, поскольку он все равно животное и все равно испытывает желания и потребности, желания овладеть внешним объектом. Другое дело, какие и как он выстраивает посреднические действия и какую деятельность по опосредствованию совершает.

Если же вернуться к теме цифрового вызова, здесь как раз впервые мы сталкиваемся с радикально иной ситуацией: цифра, в отличие от разных внешних предметов, не пассивна. Это не ложка, не палка, не вилка, не ручка. Это часть среды, причем активная, стимульная. Умный гаджет – больше, чем предмет, больше, чем орудие, в отличие от старой телефонной трубки. В него зашита программа действий, сценарий. Предмет яркий, привлекающий, соблазняющий. И с зашитой программой, сценирующей поведение ребенка. Здесь и кроется базовая проблема и вызов для всей модели опосредствования. Мы к этому еще вернемся (см. часть 3).

Психологические орудия и артефакты

Как опосредствование было заменено опосредованием, так и идея психологического орудия была сведена в ряде работ к идее артефактов [Коул 1997; Верч 1996]. Замысел М. Коула заключался в том, чтобы поставить культуру в центр развития человека, то есть рассмотреть проблему, названную Л. С. Выготским «врастанием человека в культуру». Но в таком случае именно пространство культуры, состоящее из артефактов, культурных моделей и сценариев, становится главной темой в модели М. Коула.

Он полагает, что исходная посылка КИП заключается в том, что «структуры развития психических процессов человека порождаются культурно [Коул 1997: 131].

Сфера культуры у М. Коула и стала тем посредником, благодаря которому развивается человек. А культура и состоит из артефактов, сценариев и моделей.

Во времена Л. С. Выготского, полагает М. Коул, говоря о средствах опосредования, принято было говорить об орудиях труда. И предлагает говорить об артефактах, как о более родовом понятии.

Это понятие взято им из американской культурологии и антропологии, изучающей древние традиционные культуры. Тем самым М. Коул сразу вытесняет идею психологического орудия и идею овладения человеком своего поведения – в пользу овладения человеком внешним миром с помощью артефактов.

Далее он вводит вслед за Вартофским классификацию артефактов [Коул 1997: 145–146].

Это первичные артефакты, собственно орудия труда, материальные изделия, буквально искусственные изделия, средства, орудия труда (артефакты, artefacts) (топоры, вилы, молотки, лопаты ...).

Вторичные артефакты включают в себя первичные артефакты и способы действия с ними, способы их использования. Поэтому они включают предписания, обычаи, нормы.

Третий уровень артефактов, третичные артефакты, представляют собой уже нематериальный, идеальный мир культуры, те самые культурные модели и сценарии, в контекст которых погружены первичные артефакты, но зависят именно от него.

Строго говоря, ребёнку представлен не молоток и топор, не ручка и карандаш, а контекст, правила и сценарии, внутри которых показывается способ существования этого орудия. Это собственно и показали П. Я. Гальперин и Д. Б. Эльконин. И давно. Ребёнку представлена не ложка и вилка, а образец действия с ними.

Но надо учитывать тонкость перевода. Слово «средство» часто переводится на английский как *means*. То, посредством чего. В оригинале у Дж. Верча употребляется *mediation means*. В русском переводе переводчик сократил – остался медиатор [Верч 1996]. Но вот орудия, инструменты, переводятся как *tools*.

А вот посредник переводится уже как *medium*. Посредничество – *mediation*, медиация. Здесь есть принципиальная разница. Но в итоге связку опосредствование – овладение М. Коул и Дж. Верч тоже теряют, уйдя в культурно-антропологическую тематику внешнего опосредования и овладения человеком (ребёнком) артефактом-орудием и подражания сценариям взрослых. А где овладение ребёнком своим поведением? Остаётся орудийный аспект: «индивид-действующий-с помощью- медиатора» [Верч, 1996: 22].

И главное: при переводе на английский различие между опосредовани-ем и опосредствованием не проводится. Ставится везде *mediation*.

Итак, тем самым М. Коул приходит к идее культурного контекста и его рамок. Эту идею давно обсуждали в лингвистике, прагматике (Т. ван Дейк и др.), ведя понятие так называемого прагматического контекста. Фактически это аналог понятия смыслового поля. В случае встречи и разговора, например, его участники понимают прагматический контекст: кто говорит, кому говорит, где говорит, зачем говорит, в каком контексте. Последний держится только этими говорящими. Этот контекст обозначает среду конкретного *события*, героями которого выступают те, кто в него включен. М. Коул выделяет разные круги контекста по мере его расширения (ученик сам с собой, на уроке, в классе, в школе и т.д.) [Коул 1997: 157].

Это более точное понимание проблематики, нежели попытка Бронфенбреннера ввести так называемые экологические сферы и системы (микро, мезо, макросистемы), работы которого по иронии почему-то оказались записанными в западную традицию КИП (см. [Солдатова 2018]).

Все это замечательно. Но что мы видим? Мы видим постоянные подмены, переключения и отвлечения на другие темы. Близкие и сходные темы, но это все не развивает исходную модель КИП, в которой удерживается связка опосредствования и овладения.

Но удивительно то, что на уровне рамочных заявлений и исходных положений М. Коул декларирует, что «опосредованная деятельность (в оригинале – *mediation*) имеет разнонаправленные последствия; она одновременно изменяет субъекта по отношению к другим и связь Я – другие по отношению к ситуации в целом, а также среду, в которой Я взаимодействует с другими» [Коул 1997: 169].

Но момент именно связки и опосредствования, и овладения, момент переживаемого ребенком личностного метаморфоза он не схватывает, не

описывает, не исследует. А лишь констатирует, оставаясь в душе своей бихевиористом, описывающим структуры поведения, в которых меняются люди посредством взаимодействия и изменения контекста вследствие опосредующей роли в этой деятельности артефактов.

Свои представления М. Коул заложил в свою методику опосредующего обучения чтению (чтение с вопросами) (см. подр. [Коул 1989]).

В базовый треугольник Л. С. Выготского на место психологического орудия, средства-знака-посредника, (называемого им артефактом), М. Коул ставит текст (рис. 11).

Ребенок вступает в этап обучения чтению, имея опыт общения со взрослым. Последний уже имеет опыт опосредованной деятельности с текстом. Поэтому задачей ставится обучение ребенка этой деятельности по опосредованию отношения с миром через текст.

Поэтому в логике действия выстраивается последовательность:

А. Опосредованное взаимодействие с миром ребенка через взрослого.

В. Опосредованное взаимодействие взрослого с миром через текст.

С. Желаемое будущее – опосредованное взаимодействие ребенка с миром через текст.

В итоге сопоставляются наличная и подлежащая формированию система опосредования, которые должны быть скоординированы.

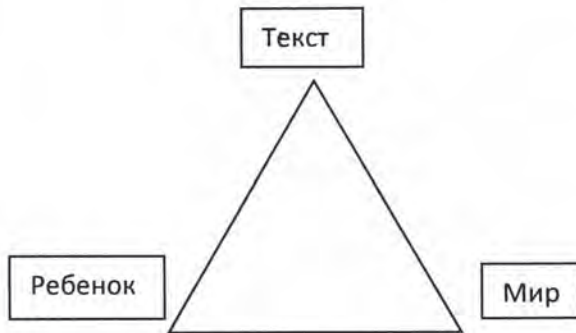

Рис. 11. Треугольник М. Коула в методике вопрошающего чтения [Коул 1989: 81].

Рис. 12. Развертывание треугольника М. Коула в методике чтения [Коул 1989: 95].

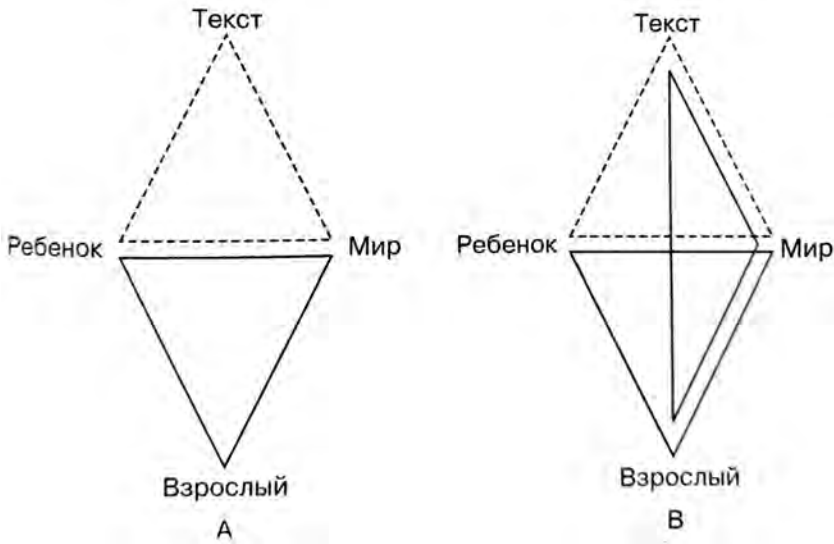

Рис. 13. Опосредование в треугольнике М. Коула
[Коул 1989: 96].

Здесь не место разбирать специально методику вопрошающего чтения. Она опубликована. Нам важно отметить, что судя по всему связка опосредствования-овладения оказалась утерянной у многих авторов, причислявших себя к последователям КИП, взявшими лишь часть модельной конструкции, касающуюся внешнего орудийного (в том числе текста как орудия) опосредования (а не опосредствования), выстраивания содержания развития человека с помощью внешних и весьма ограниченных по репертуару медиаторов-артефактов. Это случилось именно потому, что вторая часть сферы развития, по Д. Б. Эльконину, мотивационно-потребностная, а если шире, аффективно-смысловая, была постепенно утеряна¹²¹.

Е. Ю. Завершнева замечает, что ученица К. Левина Б. В. Зейгарник в своем учебнике по патопсихологии не стала уделять внимание эмоционально-волевым кризисам личности ребенка, хотя именно эти кризисы задают основной акцент для развития патологий, а не орудийный. А учебников по теории эмоций у нас вообще долгое время не было. К учению об эмоциях и поиску связки аффекта и интеллекта Л. С. Выготский пришел в конце своей короткой творческой биографии.

Иначе говоря, смысл своих действий человек держит посредством аффекта, эмоции, чувства. У М. М. Бахтина это называется «эмоционально-во-

¹²¹ Зинченко В. П. в 1993 году уже указывал на проблему обеднения исследовательского поля культурно-исторической психологии, говоря о том, что произошло отступление, а порой и упрощение исходного корпуса идей, «утрачилась духовная компонента "всеединства"», а значит оказалось разрушенным и оно само. Была также сужена идея и всё поле опосредствования человеческого развития. Выготский только начал работать с проблемой знака и слова (добавим, смысла), а вот символ и миф никак не присутствовали в исследованиях представителей этой научной школы [Зинченко 1993: 5]. А без полного представления роли всех четырех медиаторов в развитии невозможно подступить к вершинной психологии [Там же, с. 6].

левым тоном», ритмической интонацией. Смысловое целое удерживается не предметным действием и не орудием, а через ощущение целого, всего аффективно переживаемого, поля, связанного с выстроенной (или нет) связкой и сопричастностью с целым Миром, ощущением (самочувствием) себя в мире, самопониманием и определением своего места в нем.

«Бытие имеет место», говаривал М. Хайдеггер. Оно свершается событийно в месте. Человек как событие в этом мире свершается, обозначая эту пульсирующую точку. Поэтому главный онтологический вопрос означает вопрос о том, где я, а уже потом – что и кто я?

И если человек теряет или не обретает свое место, то уходит и все остальное. Опоры этого места выстраиваются сугубо смысловые и энергетические, а не предметно-орудийные.

Сценарный контекст

Разговор о трансформации исходной модели Л. С. Выготского будет не полным, если мы не сошлемся на идеи еще одного психолога, Дж. Брунера, который также считал себя последователем Л. С. Выготского. Выше мы уже замечали, с опорой на Д. Б. Эльконина, что ребенок берет в овладении не само орудие, а прежде всего образец действия с ним через взрослого, показывающего ему образец.

Развивая Д. Б. Эльконина, можно сказать, что рядом с ребенком находится не просто взрослый, живой носитель образца действия, а рядом и вокруг – среда сценариев поведения. М. Коул активно ссылается на Дж. Брунера и К. Нельсон, разрабатывавших этот концепт сценарного и сценирующего поведения.

В более широком контексте Дж. Брунер сценарный контекст рассматривает как нарративный опыт человека, повествование о своем опыте, используя естественный, а не формально-логический, не понятийный язык. В связке ребенок – взрослый на первый план выступает именно предоставление взрослым ребенку своего опыта в виде нарратива. Способность ребенка также на выстраивание своего нарратива зависит от того, как это выстроено в процессе обучения. Единицей же нарратива выступает сценарий.

Идею нарратива и сценария Дж. Брунер переносит в практику школьного обучения и разрабатывает теорию нарративной психологии и психотерапии, построенной на том, что пациент рассказывает врачу (или просто собеседнику) свою жизнь, тем самым запускается терапевтический эффект [Bruner 1987].

Нарратив предполагает описание задним числом своей жизни как последовательности событий, эпизодов, случаев. Нарратив, то есть рассказ-воспоминание о своей жизни есть искусственная операция, в которой рассказчик, разумеется, начинает про себя вольно или невольно придумывать, сочинять себе своего героя (не обязательно специально или из умысла, пытаясь выглядеть не тем, кем был на самом деле, а просто потому, что мы так устроены – то одно забудем, то другое перепутаем).

Но надо понимать, что нарратив сценарен. В работах Дж. Брунера и К. Нельсон показан сценарный характер работы нарратива [Коул 1997: 150–151]. Сценарий структурирован своей логикой, структурой повествования, развернутого во времени, в событиях. Если перевести это на нашу пробле-

му, то вокруг ребенка образуется такое пространство не просто смысловых контекстов, но сценарно-событийных контекстов. Именно они, полагают Брунер и Коул, организуют смыслообразование у людей в онтогенезе [Коул 1997: 126].

Д. Б. Эльконин это называет мотивационно-потребностной стороной деятельности (в отличие от орудийной, операционно-технической, стороны) (см. выше).

Понятно, что дети живут во взрослых контекстах, контролируемых взрослыми и соответственно им равняются, отмечает К. Нельсон. Сценарий, полагает она – это событийная схема, в которой определяются события, последовательность и связность событий. К. Нельсон говорит о сценариях как об «обобщенных событийных схемах» [Коул 1997: 150].

И что происходит сейчас, когда ребенок попадает в цифровую среду? Умный гаджет замещает взрослого в этом поле сценарного контекста и забирает себе событийную схему. Вместо взрослого встает фигура гаджета, точнее фигура цифрового аватара взрослого, записанного в гаджете. Но вместо культурного посредничества и взаимодействия происходит отъятие активности у ребенка в пользу доминирующего гаджета. Точнее, если присутствует фигура «взрослого» в зашитом в гаджете сценарии, то в качестве цифрового двойника, аватара, то есть в превращенной форме.

Но об этом мы поговорим уже в третьей части.

Часть 3 ЦИФРОВОЙ ВЫЗОВ

Вы не гаджет

Д. Ланир

Стремление Л. С. Выготского совместить две парадигмальные проекции в одном концепте и одной модели – орудийную и смысловую, инструментальную и полевую, не свалившись в крайности, обернулось неминуемо тем, что стала развиваться преимущественно первая, орудийная, или деятельностная, причем, в ее редуцированном инструментальном изводе. Фактически от поискового концепта Л. С. Выготского, предполагавшего представление человека в его целостном образе, была выделена орудийно-инструментальная часть, вылившаяся в психологическую теорию деятельности в работах А. Н. Леонтьева, Й. Энгestrёма и др.

А смысловая, полевая часть концепта, оставалась долгое время под забвением. Но это не вина исследователей, а признак доминирующих трендов, о которых мы в начале работы упомянули. Цифровой вызов, с которым столкнулась в целом культура, наука и особенно гуманитарная научная мысль, до сих пор воспринимает его, что называется, орудийно, относя к цифре как к ещё одному орудью-посреднику (см., напр. [Рубцова 2019а; 2019б]).

В. П. Зинченко, любитель нюансов и тонкий знаток культурно-исторического подхода, подметил также тренд орудийности и развития разного

рода медиаторов и артефактов вокруг человека, в силу чего последний начинает теряться в этой техносфере: «Человек действительно оснащается таким большим числом орудий, средств, артефактов, артеактов, амплификаций, акцентуаций, установок, доминант, новых искусственных форм, функциональных органов, идеологем, что есть реальная опасность превращения его самого в человекоорудие, в инструмент, в машину, в робота и т. п.» [Зинченко 1996: 33].

Мимо этого тренда, замечает В. П. Зинченко, культурная психология не должна проходить. Но предложить в этой части что-то предметное он не успел, хотя уже сейчас понятно, исходя из выше сказанного в первых двух частях, что по идее надо делать в ситуации цифрового вызова.

В предыдущих работах мы уже пытались анализировать феномен трансформации человека в ситуации жизненного функционального аутсорсинга (см. [Смирнов 2016а, 2016б]). Если вернуться к началу нашей работы, к постановке вопроса, то, используя метод и дискурс культурно-исторического подхода и прежде всего модель опосредствования в ее двух планах, смысловом и орудийном, мы обозначили тогда следующие проблемные точки:

1. Проблема личности человека начинается в ситуации аутсорсинга там и тогда, где и когда происходит *размывание смыслового поля и потеря смысловой целостности предметного действия*. Мы полагаем, что начинается это рано — когда ребенок перестает играть в сюжетно-ролевые игры и подменяет их виртуальными и имитационными активностями, когда он не знает, чем себя занять, поскольку вокруг него нет живой социальности, причастной ему. И он либо занимает себя слабо осмысленными физическими активностями (беготня, прыгалки), либо уходит в виртуальные игры, которые создают ему иллюзию полноты проживания и событийности.

2. Проблема личности человека начинается тогда, когда происходит *обеднение и упрощение знаково-орудийного действия*. Например, при обучении рисованию вместо рисования карандашом и лепки из глины руками человек сразу рисует стилем и строит графики на компьютере (см. [Палласма 2013]).

Л. С. Выготский, описывая специфику ситуации, связанную с включением орудия в структуру поведения, фиксировал, что при этом одни функции заменяются другими, перестраивается вся структура поведения и т. д. [Выготский 1982а: 105–106]). В данном случае это и происходит, но в обратном направлении. При замене карандаша и листка бумаги на клавишу компьютера происходит изменение самого предметного действия и его образно-смыслового ряда: карандашом я рисую образ на чистом (пустом!) листке бумаги, чувствуя себя творцом и развивая руку. Клавиши на компьютере не позволяют этого делать.

Включенный в структуру действия умный гаджет не просто меняет всю структуру поведения, что и было ранее при развитии и усложнении орудий, но упрощает эту структуру, сплющивает ее. По аналогии: если ранее прачка стирала бельё сама и руками, то при появлении стиральной машины ей надо загрузить грязное бельё в машину и нажать кнопку. Машина все сделает сама. Само действие сплющивается.

По той же аналогии: ребенок нажимает на клавишу, кнопку гаджета, и получает сразу результат в виде разных картинок и новых соблазнов. Между

нажатием кнопки и результатом нет рабочего интервала, то есть собственно самой работы, предметного действия, результатом которого стал некий продукт, и нет ощущения сопричастности к этому действию и результату.

Тем самым мы получаем ту же схему поведения, стимул – реакция, от которой мы пытались уйти все это время. Умный гаджет упростил структуру действия, сплющив все треугольники и сферы опосредствования-овладения.

Разумеется, это сделал не гаджет, а те разработчики, которые, предлагая человеку умную игрушку, навязывают ему и соответствующую структуру поведения по той же схеме стимул – реакция.

3. Человек испытывает кризис развития тогда, когда происходит *упрощение и обеднение связей и координации знаково-символических структур* (обеднение языка, снижение, сплющивание горизонта культурных образцов и т. д.).

Мы допускаем определенный складывающийся тренд как массовидное явление: при переживании названных выше процессов, редуцирующих личностное тело человека, происходит и редукция самого человека вплоть до его радикальной метаморфозы, а значит, исчезновения его идентичности. Орудийно-знаковое тело человека радикально упрощается, а значит, упрощается и сам человек.

А начинается все с размывания и исчезновения смыслового горизонта, рамку которому задает культурный образец. Носителем последнего выступает культурный взрослый. Если он перестает быть для ребенка носителем идеальной формы, то ребенок теряет смысловой горизонт становления

Но когда живой носитель практики, носитель образца, для ребенка исчезает, то у него «растворяется» и образ будущего. Человек (ребенок) вновь становится рабом зрительного поля. Если происходит потеря названных выше опор (потеря горизонта *смыслового поля, упрощение орудийного пространства и упрощение связей и координаций*), то человек теряет самого себя, т. е. теряет свое личностное тело, которое его крепит в этом мире как культурное существо. И это уже не метафора, а реальный исторический процесс обратного метаморфоза, возврата назад, обратного хода, но с разрушительными последствиями.

Это удивительно, но вслед этому технологическому тренду, провоцирующему обратное движение человека к стимул-реактивному поведению, в самой науке стал доминировать такой же тренд. Если мы посмотрим работы современных авторов, посвященные воздействию цифры и умных технологий на человека, особенно на ребенка и подростка, то мы видим следующую картину.

В подавляющем большинстве исследователи пытаются рассмотреть проблему влияния цифры на человека глазами сугубо бихевиористской модели (в категориях стимул – реакция), с точки зрения того, как влияет активный гаджет на ребенка и как ребенок реагирует, как он себя чувствует, что происходит с его вниманием, эмпатией, воображением, самочувствием и т. д. Все будто забыли про отечественную традицию культурно-исторического подхода, про модель опосредствования-овладения. В исследованиях ребёнок представлен как сугубо реактивное, пассивное существо, на которого воздействует активная агрессивная цифра и соблазнитель гаджет (см. подр. [Смирнов 2021]).

Вместе с тем все же некоторые исследователи обращаются именно к наследию культурно-исторического подхода, в котором видят мощный ресурс для выработки содержательного и практического ответа на цифровой вызов и выстраивания антропологической альтернативы [Рубцова 2019а, 2019б; Солдатова, Рассказова 2020; Солдатова, Войскунский 2021; Солдатова 2018; Смирнов 2021г; Falikman 2021; Файола и др. 2016].

Г. У. Солдатова с коллегами верно полагает, что в настоящее время встала необходимость выработки трансдисциплинарной концепции, базисом, ядром которой выступал бы КИП, с помощью которого можно и нужно описывать по-новому процессы опосредствования, среди которых важнейшую роль уже играют цифровые технологии [Солдатова, Войскунский 2021: 433 и др.].

Это верно. При этом коллеги полагают, что процессы социализации, то есть усвоения социального опыта и социальных норм и образцов в настоящее время приобретают принципиальную новизну – сформировался своеобразный феномен цифровой социализации, в рамках которой формируется и так называемое цифровое поколение, складывается «цифровая личность», образуется феномен «цифрового детства» [Солдатова, Рассказова 2020; Солдатова, Войскунский 2021; Солдатова 2018].

Коллеги верно подмечают специфику момента. Да, действительно. Для понимания роли цифры и природы гибридной онлайн-оффлайн среды необходима концепция, в которой процессы опосредствования и овладения начинают пониматься уже с учетом новых цифровых средств и практик. В этой базовой установке мы сходимся. Нужна новая модель опосредствования-овладения для новой среды обитания. Но что предлагают коллеги? Как они видят эту модель? Какие подходы вырабатывают?

В связи с формированием гибридной среды обитания молодой человек переживает специфический процесс цифровой социализации, в силу чего формируется такой феномен, как цифровая личность, цифровое поколение, для которого характерны следующие признаки (см. подр. [Солдатова 2018: 73–74]):

1. Гиперподключенность; молодые люди находятся в интернете по 8-10 часов в сутки; для большинства гаджет стал частью их повседневной жизни, в том числе и ночью.

2. Повседневное пребывание в уже сложившейся смешанной реальности (оффлайн-онлайн), в которой четкой границы между социальным и виртуальным мирами ними фактически уже не существует, она размыта; каждый второй ребенок сознает это и принимает как данность то, что живет в смешанной гибридной реальности.

3. Расширенное сознание; развитие техносферы приводит к тому, что человек, особенно не оспособленный, личностно не сформированный подросток в своей жизни как бы наращивает на своем индивидуальном теле и своем сознании современные технические устройства, как бы удлиняя себя, надстраивая, расширяя свое сознание, что послужило поводом для введения понятия «расширенного сознания» (Д. Чалмерс), а ранее – понятия органо-проекции (Э. Капп, П. А. Флоренский). Представители трансгуманизма полагают, что это расширение и усиление человека разного рода техническими устройствами и цифровыми насадками – неизбежный тренд, в силу кото-

рого человек переживает реальную трансформацию собственной идентичности, приводящую к формированию цифровой личности в ее различных обликах (аватар, цифровой двойник и проч.). Она воплощается в разного рода цифровизации личных данных, цифровых следах, цифровых биографиях и легендах, формирующих двойную, вторую жизнь человека в виртуале.

4. Формирование новой социальности в смешанной среде, складывание паттернов поведения, характерных для виртуальной среды обитания, в результате чего можно говорить о необходимости вторичного опосредствования, цифрового переопосредствования через включение уже существующих опосредствованных форм поведения в новые формы цифрового опосредствования.

Последнее наиболее интересно. Что такое вторичное переопосредствование? Пока у коллег этот феномен не описан, и модель цифрового опосредствования не показана. Пока же заявлено, что необходимо разработать концепт, который бы помог показать феномен цифрового гиперподключения к многофункциональному инструменту, интернету.

Да, необходимо. С одной принципиальной поправкой – интернет не инструмент, а среда обитания. А цифровые инструменты отличны от классических орудий тем, что они многофункциональны, обладают элементами искусственного интеллекта, мобильны, персонализированы, настраиваются под конкретного пользователя, совмещают в себе функции знака, орудия, навигатора, самоучителя и проч.

При всей важности указанных предложений мы пока не увидели в этих работах новой модели, в основании которой лежит культурно-исторический подход, и где бы был показан механизм опосредствования-овладения цифры и с помощью цифры. Как раз пока наоборот. Пока мы имеем многочисленные примеры воздействия, влияния цифры на молодое поколение, которое фактически можно считать сложившимся цифровым поколением, живущим в гибридной реальности. Но как происходит опосредствование-овладение в этой реальности у цифрового поколения и происходит ли там овладение им своим поведением с помощью цифры – мы пока этого не видим. Наше интеллектуальное видение не вооружено концептом. Факты скорее говорят об обратном – об активной роли интернета, виртуальной среды и почти полном погружении детей и молодежи в эту среду, о почти пассивном их поведении (что отмечают и исследования, показывающие и расширение сознания, и гиперподключенность, и смешанную реальность, и зависимость от гаджетов и проч.).

На этом фоне и феномен цифровой социализации выглядит пока декларативно. Точнее, однобоко. Что означает усвоение и овладение социального опыта, приобретаемого в смешанной среде, воспроизводство этого опыта и формирование цифровой личности? Мы пока видим лишь влияние этой среды на молодых людей.

Мы видим скорее цифровые следы, нежели цифровую личность, понимая последнее как метафору. Оцифровка опыта, личных данных, воплощение их в следах в виртуальной жизни пока говорит лишь о том, что человек много пребывает в этой среде и много следов там оставляет в виде разных записей, блогов, фотографий, видео, регистраций, имен, ником и проч. Цифровая личность выступает здесь лишь как метафора следа.

Более того, в силу влияния этой цифровой среды на индивида, особенно на подростка, мы можем говорить лишь о том, что происходит складывание такого цифрового двойника человека, у которого фактически формируется своя виртуальная биография, со своими следами виртуальной жизни. Именно она и меняется, более того, она становится для человека более значимой, ценностно важной и событийной. И поэтому скорее условно происходит социализация и складывание не реального социального субъекта, а формирование его цифрового двойника, аватара. Где в таком случае момент овладения и усвоения социального опыта в онлайн среде? Это пока спорное суждение. Оно не показано.

Скорее социальная и виртуальная среды сращиваются в материале конкретной индивидуальной жизни, для конкретного индивида эти миры не существуют отдельно. Он легко перемещается из одного мира в другой. При этом в таком гибриде все более значимым становится слабо регламентированный цифровой мир новых желаний и возможностей, а не первый, нормированный и регламентированный. Цифровая копия становится более важной, нежели исходный оригинал. Это подтверждается современными исследованиями. Наблюдается фактически смещение традиционных форм социализации, их вытеснение и замена их новыми формами приобретения социального опыта, формами цифровой социализации [Солдатов 2018: 75].

Возникает вопрос. Да, Л. С. Выготский это давно зафиксировал. Одни орудия заменяют другие, сменяются функции, перестраивается поведение. И фактически меняется среда обитания. Но где акт развития с помощью цифры? Где момент овладения собой посредством овладения орудия, пусть это орудие и будет сложным и многофункциональным?

Дело в том, что в случае с упомянутым выше так называемым расширением сознания, удлинением тела индивида некоторые авторы опосредствование понимают именно в категориях расширения, удлинения, функционального технологического расширения сознания и тела человека [Файола и др. 2016]. Человек расширяется, усиливает себя сугубо технически, за счет технических устройств, специально настроенных для удобства и быстроты их освоения, становящихся частью человеческой новой, неорганической телесности. Многие этот феномен воспринимают положительно. А представители трансгуманизма это понимают как неизбежный тренд, полагая, что цифровые артефакты призваны преобразовать человека в сторону его совершенствования.

На этой почве наблюдаются даже попытки выстраивания некоего синтеза культурно-исторической психологии, трансгуманизма, новой телесности и философии сознания. Этаким гибридом Л. С. Выготского, Р. Курцвейла и Д. Чалмерса. Смею утверждать, что последние двое в принципе никакую модель опосредствования-овладения не предлагали. Зато они видят развитие человека как его сугубо техническое усиление и расширение по принципу протеза: человеку, лишившемуся ног, делают хорошие протезы. А слепому дают умные очки.

Поэтому мы не найдем у Д. Чалмерса и Р. Курцвейла ответа на вопрос, как обстоят дела в этом гибриде с овладением? Что происходит с человеком, его высшими формами и способностями, в смешанной среде? Дело не в том, что он обставляется техническими устройствами, а в том, как распре-

деляются функции и работы в этом новом интерфейсе человек-цифра? Как и в пользу кого/чего происходит перераспределение функции по принятию решений между человеком и цифрой? И происходит ли реальное формирование человека как разумного и нравственного существа, отвечающего за себя и за мир, в котором живет? Или при трансформации человека и среды его обитания под влиянием цифры происходит усиление роли цифры и отказ человека от самого себя, от своей активной роли субъекта?

Нас интересует всё же базовая модель опосредствования-овладения и её работа (или отказ от неё) в новой гибридной реальности.

Некоторые авторы полагают, что скорее необходимо говорить о складывании нового коллективного субъекта распределённого типа, состоящего из привычного нам субъекта действия, технического устройства (точнее, устройств, целой серии девайсов и гаджетов) ранее бывшего в качестве орудия-средства, помещенных в интернет-среду. Сейчас же техническое устройство уже больше, чем средство, оно выступает в качестве активного агента-помощника, поскольку ему делегированы новые функции не только по исполнению рутинной работы, но и по принятию решений. В результате происходит сращивание субъекта и технического орудия-посредника в единый субъект [Файола и др. 2016: 152]. Что позволяет некоторым авторам допустить, что рано или поздно произойдет конвергенция разума, тела, социального опыта и цифровых технологий в едином коллективном субъекте, в силу чего наступит некое рождение симбиотической жизни и произойдет формирование единства «киберкультурного распределенного опосредствования» [Файола и др. 2016: 158].

Что же касается попытки построить гибриды культурно-исторической психологии и трансгуманизма, то они связаны с непониманием существа всей вершинной антропологии Л. С. Выготского. У них разные концепты человека, разные основания. У Л. С. Выготского человек выступает существом активным, субъектом развивающимся, у которого формируются высшие формы поведения посредством практик опосредствования и овладения собственными реакциями. В трансгуманизме же человек редуцирован, он есть существо реактивное и биологическое, нуждающееся в техническом усилении. Он сведен к набору функций, а поэтому, разумеется, может быть заменен умным киборгом, функционально более эффективным.

В культурно-историческом подходе человек не заменим, в трансгуманизме он заменим. Правда, сам Л. С. Выготский отчасти «виноват» в том, что его записали в сторонники и предтечи трансгуманизма, поскольку в свое время он сделал вклад в идеи переплавки, переделки и перековки человека (см. [Выгодский 2016]). Но то было время идеологического влияния, хотя Л. С. Выготский не поддался им, оставшись мыслителем, преодолевая в себе идеолога-марксиста.

Не будем идти далее в споры о трансгуманизме. Оставим здесь основную проблемную идею, которая выглядит вполне здраво: что означает формирование единого коллективного субъекта распределенного типа, в котором по-новому распределяются работы и функции между человеком и цифровыми агентами в смешанной среде обитания и как выстраивается модель опосредствования-овладения в этом новом интерфейсе? Как между ними распределяются работы и функции, при которых выстраивается практика

опосредствования-овладения, через которую формируется новый субъект, овладевающий своим поведением, при котором человек не заменяется аватаром, а остается самим собой.

Пока же рассмотрим ближе и внимательнее, то, как действует цифра (виртуальная среда в широком смысле, включающая все многообразие умных технических устройств) в категориях модели опосредствования-овладения, описанной нами в первых двух частях и как выстраивается интерфейс ребенок-цифра (гаджет) в дополнение к тому, что мы уже сказали выше.

Если речь идет о ребенке, то есть о человеке, у которого еще не сформированы высшие способности, но он уже живет в виртуальной среде, гаджет уже стал его постоянным помощником, то в его коммуникации с гаджетом выстраивается особая ситуация.

Функциональное замещение

В гаджет встроены сценарии действия, которые ведут ребенка. Не он действует, а его ведут. Кликнешь так – получишь это. В нормальной ситуации развития ребенок совершает опосредствованное действие по овладению своими реакциями с помощью знаков-орудий. Именно потому, что сама социальная ситуация не дает ему подсказок (если мы берем ситуацию отношения со взрослым в норме, если взрослый не дает подсказок). Но вместо этого ребенок получает сразу не просто подсказку, а целую навигацию действий, зашитую в гаджете. И вся она выстроена по схеме пути как в сказке: сделай это – получишь бонус. Вся схема поведения выстраивается в логике не усилия и преодоления, а в логике стимул – получение нового соблазна.

В результате чего не может формироваться высшая способность, поскольку самое главное не происходит – опосредствование и овладение собой, своей реакцией. Нет необходимости совершать действие по опосредствованию, коль скоро ты получаешь бонус.

Многие авторы допускают что, мол, вместо орудия, палки, ложки, предмета ребёнок получает более сложное функциональное орудие, умный гаджет, и в этом смысле ничего страшного не происходит. Наоборот, ребёнок вступает с ним в сложное взаимодействие, много интересного узнает. Но дело в том, что самого акта опосредования и через это – овладения собой не происходит. Оно просто не требуется.

Проблема не в замене одного орудия на другое – карандаша и ручки на гаджет. Проблема в том, что само орудие (гаджет) устроено принципиально по-другому. Оно *забирает культурную функцию* у ребёнка, действует и работает вместо него.

Именно потому, что гаджет активен, в отличие от ложки и ручки, которой ребенок когда-то овладевал, чтобы съесть кашу и написать слово на листке бумаги, выстраивается иная ситуация, иной интерфейс человек – орудие.

Гаджет активен, он диктует ребенку активность, точнее ответную реакцию. И вместо активного действия ребенка мы имеем его реактивное поведение.

Событийная инверсия

При переносе основного акцента действия с социальной реальности в виртуал ребенок переживает действия в виртуале как более ценностно

значимые. И то, что происходит с ним (то есть с его цифровым двойником в виртуале) для него более значимо, чем то, что происходит здесь в социальной реальности. При этом, если и происходят с ним изменения, то они происходят с его двойником, а не с ним. Поэтому формируется, трансформируется не он, реальный, а его двойник, перетягивающий на себя центр внимания и событийности, в результате чего сам ребенок становится приложением к гаджету, а не наоборот.

Взрослый посредник (культурный взрослый), ранее в норме онтогенеза создававший ситуацию взросления, выстраивая действие по опосредствованию, здесь, в интерфейсе ребенок – гаджет, просто отсутствует. Вместо него ребенку представлены цифровые двойники, виртуальные собеседники, заманивающие ребенка все далее в чащу виртуального леса.

Такая ситуация, становящаяся постоянной жизненной ситуацией развития (квазиразвития), создает обратное движение: вместо развития ребенок переживает инфантилизацию, обратное движение, регресс. Он отучается читать, писать, считать, принимать решения, пробовать.

Сам гаджет не только как устройство, но прежде всего как орудие, сценирующее его поведение (со встроенным в него алгоритмом), встраивается во внутрь, в структуру поведения ребенка и начинает им управлять. Тем самым снимается вообще социальный план поведения, поведение ребенка становится просто асоциальным.

Магия гаджета

Выготский выделял при развитии речи в онтогенезе три стадии [Выготский 1983: 163]. Первая стадия – натуральная, магическая, для нее характерно первоначальное отождествление вещи и слова. Слово равно вещи. Слово имеет такие же качества, как и предмет. Слово «стол» равно вещи стол. Само название предмета выступает свойством предмета. Манипуляции с вещью сходны манипуляциям словом. Слово обладает в этом смысле магической силой. Это характерно в целом для мифологического мышления, черты которого давно подмечены и характерны для детского сознания.

На этом этапе развития у ребёнка выстраивается внешняя связь между стимулом и реакцией, по ассоциациям и аналогиям. Он запоминает эту связь по случайным внешним признаками, но не понимает внутренней связи (картинки лошадь и сани связываются, но почему, он не понимает). Как связываются, например, гром и молния с именем Бога, Перуна или Зевса. Эта связка происходит внешне, ассоциативно. Как и у человека мифа образуются в его сознании связка между словом в ритуале и природным явлением (вызывание дождя). Ребенок в стадии магического употребления знаков использует их по чисто внешнему сходству [Выготский 1983: 159].

Заметим, правда, что в мифологическом мышлении вещь или слово имеют магическую силу. Поэтому у человека мифа выстраивается не просто внешняя случайная связь. Не сама по себе вещь имеет силу, но в ней скрыта священная сила, которую можно вызвать в ритуале.

При манипуляции с гаджетом ребенок долгое время останавливается в своем развитии на этой первой, магической стадии. Гаджету приписываются свойства субъектности и вообще он обладает магической силой, он управляет поведением ребенка, а не наоборот. Гаджет становится живым

собеседником ребенка, одушевляющего свой гаджет, относясь к нему больше, чем как к игрушке.

В ситуации виртуализации своей среды обитания и подчинения себя цифре ребенок становится похож на больного деменцией, который становится рабом зрительного поля. Виртуальный ребенок не умеет управлять, овладевать своим поведением с помощью этого гаджета, подчиняясь его магической силе.

Социальное vs виртуальное

Гаджет с зашитой в нем функцией и сценарием поведения, не является носителем социальной функции. Он предлагает виртуальный мир, не реальный, мир превращенных форм. Поэтому если ребенок берет его за образец и вшивает в свое поведение по схеме интериоризации, то происходит подражание не социальному миру, а виртуальному. И ребенок становится не социальным существом, а виртуальным. Происходит виртуальная интериоризация, а не социальная.

Почему все же так происходит? Почему происходит это виртуальное цифровое смещение и движение в обратном направлении, связанном с желанием человека (особенно ребенка) подчиниться цифре, следствием чего происходит возвращение к стимул-реактивному поведению?

Усилие vs удобство, комфорт

Как мы уже обсудили в первой части, Л. С. Выготский отталкивался от марксовской модели трудовой деятельности, выстроенной как внешняя деятельность с орудием, направленным вовне, на преобразование объекта, природы. В отличие от нее Выготский выстраивает модель внутренней, психологической деятельности, в которой ключевую роль играет психологическое орудие, знак, направленное вовнутрь, на овладение человеком своими реакциями и преобразование собственного поведения.

Исторически развитие техники шло по логике первой модели, логике усовершенствования внешнего орудия, самого технического устройства с точки зрения усиления эффективности и все большего удобства и комфорта для пользователя, человека. Человек все более принаровлялся к орудию, создавая себе все более удобные условия управления орудием, становящимся все более умной машиной, переставая быть просто пассивным орудием. С этим связаны разного рода эргономические разработки и проч. В отношениях человек-техника при этом функционал распределялся все более в сторону машины, чтобы человеку-пользователю было удобно, чтобы он легко осваивал технику. Умная техника осваивается по принципу самоучителя, зашитого в эту технику, посредством нажатия ряда кнопок, а машина работает уже сама, регулирует свою работу. В техническое устройство зашита программа его функционирования. Человеку не надо ее осваивать, и через освоение ее человек не развивает в себе никаких функций.

Технологический, шире, функциональный аутсорсинг постепенно делал свое дело. Человеку было важно, чтобы орудие все более становилось машиной, становящейся все более умной и эффективной. Базовыми требованиями для технического устройства в трудовой деятельности всегда выступали такие качества, как эффективность, удобство, функциональность. Для техники это норма. Так выстраивался весь технический прогресс.

А вот психологическое орудие-знак, направленное вовнутрь, на преобразование поведения человека, не должно рассматриваться в таких же категориях – удобство, простота в освоении, эффективность. Принципы удобства и эффективности, применяемые в трудовой деятельности, адекватны для последней, но если эти же принципы применяются к психологическому орудю при обучении и развитии ребенка, то это тормозит развитие. Отношения человек-техника здесь меняются местами. В обучении наоборот удобство, эффективность и аутсорсинг не могут быть главными критериями. Здесь главное состоит в том, чтобы создать для ребенка зоны ближайшего развития, создать ситуации развития через преодоление. Ученику должно быть трудно, дабы он овладевал своими реакциями и через это формировал себя.

Но с гаджетом произошло все наоборот. Он вошел в повседневность ребенка и все изменил. Он удобен, прост в освоении и эффективен. И когда он стал подменять учебник и учителя, родителя и наставника, когда ученик стал все более подчиняться удобному интерфейсу, который осваивается на раз дошкольником, то возникла инверсия. Гаджет удобен, эффективен, быстро осваивается, заменяет собой взрослого и создает иллюзию развития.

Но тогда не выполняется главное условие культурного развития: ученик перестает овладевать своим поведением. В общении с гаджетом этого не требуется.

В различных работах и обзорах, посвященных опосредствованию, как мы уже рассмотрели во второй части, проблема взаимодействия ребенок – цифра сводится к другому, и вообще извращается.

Вместо знака-стимула-средства обсуждается артефакт как внешнее орудие.

Вместо опосредствования – медиация, сиречь – опосредование.

Вместо схемы овладения, направленного на себя, предлагается схема субъект-артефакт-объект, то есть схема овладения (часто использования) объектом, предметом, вещью, но не собой.

Ключевая разница здесь заключается, как и писал Л. С. Выготский, в направленности. Все многочисленные треугольники М. Коула и Й. Энгстрёма (см. часть 2) посвящены овладению учеником внешним предметом, объектом, но не собой, овладению им предметной деятельностью, в которой медиатором выступает предмет (знак, слово, книга и проч.). Теперь таковым стал умный гаджет, забирающий всю событийность у ребенка, а значит и его самого, и при этом не требующий овладения. Гаджет осваивается на раз. Ребенок в таком случае становится реактивным существом.

Но задача заключается в том, чтобы превратить гаджет в цифрового помощника по овладению собой, своими аффектами, и выстраиванию сложной предметной деятельности. Пока же гаджет этого не требуют, поскольку заточен на логику маркетинга: быстро, удобно, эффективно, думать не надо, прост в использовании, в него зашит простой и доступный самоучитель.

Стимул-реактивная модель начинает доминировать именно потому, что гаджет для пользователя выстроен в логике бизнес-модели, в которой все пользователи рассматриваются как реактивные существа, готовые потреблять и пользоваться предлагаемыми продуктами. И чем больше доступных соблазнов в гаджете – тем лучше.

Сценарный захват

До цифры сценарий поведения предлагался ребёнку от взрослого. Он был культурным посредником (см. во второй части). Более того, в реальной социальной среде перед ребенком разворачивался репертуар сценариев. В этом репертуаре были помечены приоритетные и не приоритетные скрипты. Это все равно, что рассматривать любую классическую ситуацию выбора. Например, как быть Ромео и Джульетте – любить друг друга (один стимул) или послушаться родителей, то есть голоса родовой традиции (другой стимул). Два стимула с одинаковой силой давят и надо делать выбор. Делая выбор в пользу любви, они совершают свободный поступок, но при этом гибнут.

Поэтому сфера опосредствования всегда была погружена в сценарный контекст, который представлен ребёнку, любому индивиду. Сама сфера опосредствования будет действовать так, каким будет этот сценарный контекст.

И вот пришла цифра, то есть ребенок попадает в виртуальный мир соблазнов. Он радикально изменил именно сценарный контекст. Ранее этот контекст был несколько отдален от орудийно-знакового, от индивидуальной линии поведения, хотя и связан. Теперь же сам сценарий, причем приоритетный, уже зашит в само устройство, в гаджет, мобильник, планшет, в игру в интернете. Еще точнее, сценарный контекст фактически скукоживается, поскольку взрослые из этого контекста удалены как носители. Вместо них происходит почти полное замещение социальной реальности доминирующим сценарием, зашитым в главный посредник – умный гаджет.

Взрослый, ставящий вместо себя гаджет, забирающий речь у ребёнка, ставит ему заглушку в виде готовой картинкой, не требующей высказывания. Тем самым он вообще забирает у него, ребенка, собственную событийность, то есть акт развития. Ребенок не совершает акта опосредствования, не совершает личного усилия, просто беря готовое действие как вещь.

До гаджета ребёнок совершал всякий раз новое действие в новой ситуации, преодолевая трудности и решая новые задачи по осуществлению предметного действия. А с гаджетом он получает готовый сценарий поведения и вместо нового действия в новой ситуации он повторяет готовый сценарий, зашитый в гаджете.

Тем самым он не переживает акта развития, поскольку не осуществляет реальное действие по опосредствованию, связанное с овладением своим поведением. Ему нечего преодолевать. А потому нет основания для формирования в себе собственной субъектности.

Вместо привычной модели мы имеем новую старую (рис. 14, 15):

Рис. 14. Опосредствование.

Рис. 15. Стимул – реакция с гаджетом

В новой ситуации ребенок действует свободно, так, как хочет. Он не зависит от натурального вещного поля, действуя в смысловом поле.

В случае с гаджетом он становится рабом зрительного поля, образ которого ему навязывается образом из гаджета, его картинкой.

Сплющивание смыслового горизонта

Д. Б. Эльконин замечал, что в онтогенезе наблюдается известное отставание в степени развитости мотивационно-потребностной сферы от операционально-технической [Эльконин 1995: 390]. Но совокупное действие есть единство аффекта и интеллекта. Аффект связан с ориентацией на другого человека, здесь рождается социальный смысл. Интеллект связан с ориентацией на реальный предмет, на условия осуществления действия [Эльконин 1995: 403].

Если происходит замена взрослого гаджетом, то мы получаем радикальное переустройство ситуации. Вся смысловая, мотивационно-потребностная сфера сворачивается и замещается готовым образом действия, идущим от сценарного контекста, зашитого в гаджете. Это копирование образца не предполагает совместного действия.

Если гаджет занимает место взрослого, то исчезает и мотивационная сторона действия, исчезает и смысл. Остается лишь предметная, операционально-техническая сторона предметного действия, причем, в свернутом редуцированном цифровом виде, которую ребенок не осваивает, а берет в виде готовой схемы-образца от гаджета, не имея возможности выстраивать совместную деятельность со взрослым.

Иллюзия безопасности

В модели опосредствования-овладения взрослый показывает ребенку образец, являя себя таковым, живым знаком, будучи носителем знака, носителем того, что и как делать, тем самым выстраивая мотивацию для ребенка, который, несмотря на новую ситуацию, готов рисковать. Освоение нового действия с предметом всегда рискованное занятие. Не только кашей весь вымажешься, но и молотком ударишь по пальцам. Или, делая первые шаги, упадешь, ударишься коленками. Но ты пробуешь. Хотя бывает больно.

В случае с гаджетом и цифрой ты ничем не рискуешь. Его разработчики все сделали так, чтобы тебе не надо было прилагать усилий, чтобы тебе было комфортно и не было больно. Ты ничем не рискуешь. Ты нажимаешь пальцами на клавиши. И тебе не больно, если что-то пойдет не так. Снова

пробуешь, и снова не больно. Ты не получаешь ответной реакции от гаджета в виде явного физического контакта. Вместо этого – манящий и соблазняющий свет ярких картинок и комфорт цифрового путешествия, но «как бы» присутствуя в отсутствии. Полноты свершения собственного действия и ощущения сопричастности с Другим (взрослым, здесь же тебя поддерживающим) ты не ощущаешь. Но этого не требуется.

Вместе с тем сама цифровая практика уже показывает многочисленные примеры того, что дети и подростки все более ощущают складывание агрессивной виртуальной среды обитания [Войскунский 2016; Войскунский 2017; Солдатова 2018; Файола и др. 2016]. Ненормированное, неотрегулированное, не регламентированное пространство виртуального обитания не может не быть агрессивным. Его обитатели, прячась за никами и легендами, заполняют это пространство троллингом, буллингом и другими видами и формами агрессивного поведения. Это вынудило представителей власти, бизнеса и общества вырабатывать разного рода этические кодексы для сферы производства и внедрения технологий искусственного интеллекта.

Вместе с тем, ясно, что агрессивная виртуальная среда связана не с технологиями AI, а с тем, что сами люди, особенно подростки и молодежь, в социальном плане не сформированы как ответственные субъекты действия. Недостроенные, несформированные, социально незрелые существа переносятся в виртуал, в котором в силу его слабой нормированности начинает бурно расцветать множество запрещенных в социальной среде действий, нарушений и преступлений. Виртуальная среда дает молодому человеку множество соблазнов, которым не овладевший своим поведением индивид, разумеется, будет подвержен.

П. А. Флоренский: влечение к свету

В отличие от идеи технологического расширения человека нам ближе идея органопроекции в версии П. А. Флоренского. Поэтому для полноты исходного видения добавим рядом с Л. С. Выготским еще одну проекцию, связанную с трудами о. П. А. Флоренского, посвященную антроподицее, построению антропологии, «конкретной метафизики человека» «в гетеанском смысле», в которой воедино плавятся те же единицы анализа – мысль, слово, орудие, знак, символ [Флоренский 1992]. Современные авторы давно применили скрытую переключку их голосов [Антропологические матрицы 2007].

Переходом между этими двумя мыслителями выступает тема органопроекции и выстраивания нового, неорганического тела личности, выстраивания, условно говоря, личностного функционального органа (см. более подр. [Смирнов 2014]).

В. П. Зинченко эту тему подчеркивал особо: «Функциональные органы, психологические функциональные системы, следует рассматривать как материал (материю), из которого, в конце концов, конституируется духовный организм» [Зинченко 1996: 9]. «Душевный организм» – это изобретение самого Л. С. Выготского: «Функциональные системы. Прототип – психология способностей. Представление о душевном организме, обладающем деятельностью» [Выготский 1982а: 157]. Вброшенное как метафора в конспекте записей, не предназначенных для публикации, оно не получило у него содержательного концептуального развития. Но невидимая переключка шла.

П. А. Флоренский прежде всего отталкивался от проблемы формирования человека как разумного существа, творения Божия. Но разумность рукотворна. Себя человек призван создавать в сотрудничестве с Создателем.

Поэтому собственно человеческое в человеке заключается не в самом по себе изготовлении орудий, и не в самом по себе духовном, идейном понимании разума как некоей духовной сущности, витающей как абсолюта, всеобщая предпосылка. Разумность не существует отдельно от практики выделения человеком собственной орудийно-деятельностной органики: «Если разум вовне раскрывает себя как неопределенно возрастающая и осложняющаяся совокупность орудий, то изнутри рассматриваемый он есть совокупность проектов этих же орудий, схем и образов <...>, разум есть потенциальная техника, техника есть актуальный разум» [Флоренский 1992: 132]. Содержанием разума должно быть нечто, что, «воплощаясь, дает орудие». Этим нечто является как раз его концептуальная работа, термины, понятия, концепты. Материализованным воплощением терминов и понятий становится орудие. Термины – орудия мысли [Флоренский 1992: 132].

Для П. А. Флоренского «человек есть существо, строящее орудия», «выделяющее орудия», *homo faber*, «животное искусное». То есть существо не просто техническое, умелое, но искусное. Предшественники П. А. Флоренского и М. Хайдеггера технику сводили к орудийности, техничности (поставу) или вообще трактовали органопроекцию натуралистически и в духе протеза.

Орудие есть расширение нашего организма, есть искусственный член, приставленный к тому нашему органу, «непосредственно зыждущая деятельность коего была остановлена» [Флоренский 1992: 152–153]. Но одновременно, если орудие органично дополняет наше тело, нас самих, то оно само «будучи как *тело*, оказывается *продолжением тела*, как бы проросшим в природу телом человеческим» [Там же].

Как может тело продлиться в том, что не есть тело? Суть мысли Э. Каппа, автора понятия органопроекции, полагает Флоренский, состоит в том, чтобы «уподобить искусственные произведения техники естественно выросшим органам» [Там же]. Техника есть сколок с живого тела или, точнее, с жизненного тело-образующего начала; живое тело есть «первообраз всякой техники» [Там же].

Не само по себе тело удлиняется. Идея исходного образа орудия, первообраза, задает принципиально иное видение феномена органопроекции. Человек сам становится мерой мира, продолжаясь в него. Орудие «оказывается вырезанным именно по образцу», так сказать, по контурам того действия или того действия-органа, которое было задержано: «Было только что сказано: *действия-органа*, ибо орган нельзя мыслить вне его функции, и со своим действием всякий член тела составляет неразрывное целое» [Флоренский 1992: 153]. Тем самым появляется идея «действия-органа», то есть органа, не отделимого от своей функции, некоей органической целостности, большей, чем сам орган.

Фактически, эта идея действия-органа перекликается с идеей «функционального органа» А. А. Ухтомского (см. выше), которую использовали представители школы Л. С. Выготского, чтобы преодолеть натурализм предшественников, представителей рефлексологии.

П. А. Флоренский пишет, что сходство между органом и орудием – морфологическое (добавим – и собственно антропологическое): «И техническое приспособление, и орган выдвигаются одной потребностью и строятся *одною* внутренней деятельностью <...>. Между органом и орудием, функционально обслуживающим *одну* задачу, есть и должно быть морфологическое тождество» [Флоренский 1992: 155].

Но П. А. Флоренский понимает, что прямой связки между органом и орудием нет, должен быть посредник. И он вводит идею первообраза – телесный орган выступает органическим первообразом орудия. Всякое орудие, с одной стороны, является «проекцией какого-либо органа», а орган выступает прообразом орудия. Между ними образуется плавающая и прозрачная деятельностная, энергичная граница, натурально не зафиксированная.

Итак, подытоживает П. А. Флоренский: «Разум определяет себя в технике, продолжающей тело посредством проекций его органов», оружия же «имеют своим типом первообразы органов, самые же органы – своею моделью» [Флоренский 1992: 171].

Если так, то умный гаджет, в логике и метафизике Флоренского, является собой иное человеческому телу тело, не отдельно взятое орудие, а особое тело с набором умных функций, но такое, которое еще необходимо сделать энергичным собеседником человеческого энергичного (деятельностного) тела, тела личности, не отчужденного от него, а выступающего соратником ему.

Иного выхода у нас нет. Поскольку и исходно мы призваны были к тому, чтобы продлеваться в искусственных телах, не превращаясь в их придаток, а открывая себе жизненный горизонт, новые миры, не забывая свое собственное лоно.

Главное, чтобы наш орган сохранял свою задачу – быть первообразом орудия. Первообразом умного гаджета, умной техники выступает все тело нашей личности.

Например, что есть глаз? Это не просто орган. Это то в нас, что открывает нам свет. Глаз «есть изнутри ничто иное, как *влечение к свету*». Это влечение к свету и создает и сам глаз, и камеру-обскуру, и микроскоп и телескоп [Флоренский 1992: 171].

Что есть влечение к свету? Где и как оно рождается? П. А. Флоренский отмечает, что «мы мыслим свет, мы чувствуем его, мы устремляемся к нему... уже имеем в себе его». Но тем самым «наше стремление к свету есть <...> явление света в нас, свет в нас, поскольку он является нам – не только наша энергия, как проявление нашей собственной бытийственности, но и энергия света как проявление его бытийственности» [Флоренский 1992: 172].

Завершим же мы наш разговор продолжением в будущее – вопрошанием Б. Д. Эльконина, спросившего себя вслух: зачем Выготскому была нужна идея опосредствования, и здесь же ответившего – затем, что это есть переход к выстраиванию и выращиванию человеком собственных опор для свободного действия. Это способ выращивания подлинной человеческой самостоятельности [Эльконин 2016: 111].

Добавим, что таковых неорганических, энергичных опор в человеческой личности, конечно, больше и не они сводятся только к знаку и слову. К этому списку добавляются такие опоры, как символ, имя, образ, число, из

коих собственно и складывается тело личности человека в процессе прodelывания им культурных практик заботы. Для каждого из перечисленных новообразований личности характерна своя практика опосредствования и овладения. Выготский не успел завершить построение полного «тезауруса личности», многое осталось в набросках и планах. Отчасти эту тему развивал Флоренский, вводя их как ипостаси лица-личности в своих работах (см. [Флоренский 1988; 1989]), а также в нашей работе [Смирнов 1996: 89–90 и др.]). Но оставим это для будущего разговора.

Заключение. Культурное задание

Завершим наш разговор резюмирующим итогом – сформулируем ряд методологических положений на языке культурно-исторического подхода, которые должны лечь в основание нового задания для исследователей и разработчиков, выступающего ответом на цифровой вызов.

1. Возвращение взрослого. Восстановление связи взрослый (посредник) – ребенок (ученик) в акте развития, выстраивание их совместной предметной деятельности в новой гибридной среде.

2. Восстановление смыслового поля действия ребенка (ученика) в цифровой среде. Расширение горизонта смыслового поля. Выстраивание смыслов предметной деятельности в гибридной реальности.

3. Восстановление событийного центра для ребенка в реальной жизнедеятельности при помощи использования ресурса и богатства цифрового контента. Преодоление виртуальной инверсии.

4. Построение новой модели акта опосредствования с участием цифры: человек – орудие – знак – цифра. Формулирование для «умного гаджета» и цифровых технологий нового задания: вместо игрушки для развлечений они должны становиться средствами по развитию личности человека, становиться его цифровыми помощниками.

5. Восстановление базовой деятельности по опосредствованию с использованием цифровых технологий и построение в новой цифровой среде практик обучения базовым видам деятельности (чтение, счет, письмо и др.), используя ресурс цифровой среды.

Говоря словами молодого Льва Выготского, сказанными им в 1917 году, «новый день застал нас неготовыми». Человек оказался не готов к цифровому вызову. Не готов не инструментально-орудийно, а не готов смысловó. Не готов аффектом, то есть личностно-рефлексивно. Он поддался онтологическому соблазну. Именно жизненный функциональный аутсорсинг, на основе которого строился весь технологический прогресс последнюю тысячу лет, привел к тому, что человек окружил себя множеством артефактов-медиаторов, но потерял духовно-смысловые опоры, крепящие его событийное место в мире. Он продолжал заниматься внешним орудийным опосредованием, но перестал владеть собой, увлекшись богатством техносферы.

Теперь же ему предстоит долго и тяжело возвращаться к самому себе, своему событийному и незаменимому месту в мире. В качестве опор ему будут служить те культурные практики опосредствования и овладения, которые его делают самим собой. А в качестве новой опоры он будет использовать также и умного цифрового помощника.

ЦИФРОВАЯ ШКОЛА: В ПОИСКАХ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

С. А. Смирнов¹²²

Проблемная ситуация. Дефицит видения

О негативных последствиях цифровизации образования и в целом – цифровизации повседневной жизни человека написано уже много. Проведены многочисленные медицинские, социологические и психолого-педагогические исследования, в том числе и в нашей стране. Последнее было ускорено массовым переходом на различные формы онлайн обучения в школах и вузах по всему миру¹²³.

О результатах данных исследований мы еще поговорим. Но нас интересует прежде всего то, какой глубинный, невидимый невооруженным взглядом культурный и антропологический сдвиг при этом происходит? Происходит ли радикальная трансформация человека и привычных институций, отвечавших всегда за его формирование и развитие (особенно такой сферы, как образование)? И главное – какими объяснительными моделями для описания этого глубинного сдвига мы располагаем? Вооружены ли мы этим видением или мы можем пока только фиксировать следы этого сдвига, отмечать его треки, описывать задним числом последствия его воздействия на человека?

При описании влияния смартфонов, интернета, различных гаджетов и девайсов на школьников, подростков, студентов и взрослых, разные исследователи вынуждены использовать какие-то объяснительные принципы и модели. Какими глазами исследователи смотрят на получаемые ими данные, будучи вынуждены их как-то интерпретировать? Какие концепты и модели в свои исследования они при этом закладывают?

Мы полагаем, что важнейшим объяснительным и проектным ресурсом, наибольшей методологической и мировоззренческой силой при объяснении феномена виртуального сдвига, при понимании психологии Интернета, поведения человека в цифровой среде обладает культурно-историческая концепция, предложенная в работах Л. С. Выготского, его учеников и соратников [Выготский 1984; Выготский 1995; Эльконин 1995]. Многие исследователи полагают, что эта роль объясняется тем, что в ней разработана модель, описывающая базовый процесс формирования высших психических функций человека через механизм опосредствования и овладения им знаками и орудиями, посредством которых происходит построение человеком предметной деятельностью и через это – овладение и преобразование им своего поведения [см. работы Войскунский 2016; Войскунский 2017; Войскунский, Солодов 2020; Рубцова 2019а; Рубцова 2019б; Коул 1997; Коул

¹²² © Смирнов С. А. 2023

¹²³ В исследованиях приводятся данные, согласно которым в условиях пандемии COVID-19 в 2020 году порядка 1,3 млрд. школьников были переведены в одночасье в массовом порядке на дистанционную форму обучения по всему миру. Школьники были вынуждены длительное время находиться в режиме самоизоляции [Кучма и др. 2020; Viner et al. 2020]. Лишнее доказательство масштабности проблемы.

1989; Эльконин 1994; Эльконин 2010; Cole 1996; Falikman 2021; Ruckriem 2010]. Понимание природы процесса знаково-орудийного опосредствования человеческой психики выступает важнейшим также и при понимании природы влияния на человека цифровой среды, цифровых технологий, современных технических и информационных средств.

С другой стороны, отметим, что в подавляющем большинстве и западных, и отечественных исследований, посвященных влиянию цифровых технологий на человека, доминирует бихевиористская модель, в которой выделяются две позиции: страдающий «ученик» (школьник, студент, подросток и др., представленный как сугубо реактивное существо) и активный (агрессивный) умный гаджет (шире – разнообразная информационная среда, в которую страдающий ученик погружается, и его окружает обилие разного рода технических устройств) (рис. 1).

В различных исследованиях, посвященных изучению влияния цифры на ученика (детей, подростков), в этом интерфейсе «ученик – гаджет» выделяются прежде всего три аспекта:

- как влияет гаджет (компьютер, смартфон, интернет, экран) на индивида – на его психоэмоциональное состояние, самочувствие, стрессоустойчивость, когнитивные способности, социальные отношения со взрослыми и сверстниками;

- как влияет гаджет и др. устройства на собственно морфологию мозга, его структуры и зоны активности;

- как под влиянием всевозможных гаджетов и цифровых средств ведет себя страдающий ученик (студент, подросток и др.).

Интерфейс «индивид–гаджет» (шире – цифра) в рамках данной модели редуцируется зачастую до интерфейса «мозг–компьютер» (гаджет, смарт-

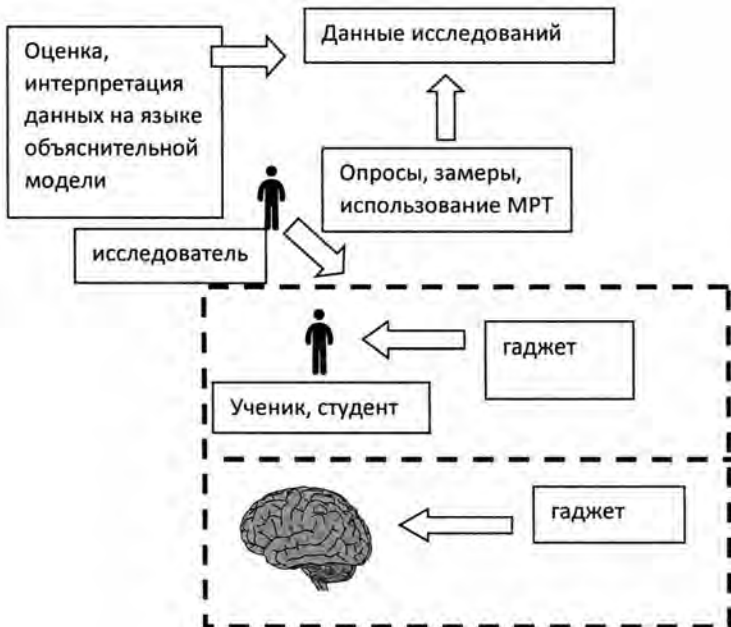

Рис. 1. Рамочная схема исследований. Бихевиористская модель.

фон). Эта редукция происходит по понятным причинам: если исследования проводятся в рамках нейрофизиологии, и исследователя интересует больше всего активность мозга, характер этой активности, скорости и типы реакций мозга, проще говоря – его сигнальная активность, то интерфейс «человек–цифра» редуцируется до «интерфейса «гаджет–мозг».

В качестве средств в различных исследованиях используются, как правило, две группы инструментов: это средства социологического исследования (опросники, анкеты, интервью) и нейрофизиологические исследования с использованием МРТ.

Согласно схеме и в зависимости от числа испытуемых, критериев оценки, замеров и опросов мы получаем те ли иные данные, касающиеся того, как ведет себя ученик или студент и как он себя чувствует при длительном использовании смартфонов или компьютеров, или при длительном присутствии в интернете. Самочувствие индивида при этом становится фактически главным критерием оценки воздействия на него гаджета.

«Как Вы себя чувствуете?» – спрашивает врач у алкоголика после употребления им хорошей дозы спиртного.

«Отлично, доктор!».

Может ли самочувствие человека быть главным критерием понимания объективности и реальности происходящего?

Возьмем некоторые примеры из проведенных исследований и их результаты.

Например, как показывают разные исследования, длительное использование детьми и подростками смартфонов и иных гаджетов неблагоприятно воздействует на сон, также меняется ритм сна и бодрствования. Плохой сон ночью чередуется с сонливостью днем [Вятлева 2020; Falbe 2015]. При ежедневном использовании подростками смартфона более 5 часов в день возрастает риск однократного суицида. В целом использование смартфонов и длительное нахождение в интернете влияет на самочувствие, повышается раздражительность, тревожность, снижается стрессоустойчивость [Kelleci 2008; Twenge 2018]. Также длительное пребывание в интернете и пользование смартфоном в течение дня отражается на том, что подростки испытывают трудности засыпания, утомление, недостаток энергии и снижение концентрации внимания [Foerester 2019]. Некоторые исследователи полагают, что и взрослые, активно пользующиеся смартфонами и иными гаджетами, отличаются пониженной степенью развитости аналитических когнитивных стратегий в решении задач и низким уровнем знаний [Barr 2015].

Лонгитюдные исследования в Японии детей и подростков с 5 до 18 лет с помощью МРТ–диагностики показали, что длительное использование интернета в течение трех лет по сравнению с ровесниками, которые пользовались интернетом редко, значительно снижает вербальный интеллект, а также ухудшает динамику созревания мозга в зонах, ответственных за речь, внимание, эмоции [Takeuchi 2018].

Также можно сослаться на отечественные исследования, в которых прослежено влияние дистанционного обучения и режима самоизоляции на самочувствие детей подростков. Как показали социологические исследования, проведенные в России по результатам 2020 года (год пандемии), такой режим самоизоляции является стрессоформирующим, оказывающим неблагоприятное влияние на психосоматическое состояние школьников, у

большинства из которых отмечаются неблагоприятные реакции пограничного уровня, наличие депрессивных проявлений, астенические состояния, синдром головных болей, нарушение сна [Кучма и др. 2020]¹²⁴.

Что дают нам данные проведенных исследований? Можно ли доверять этим данным? Насколько они валидны, системны? Показывают ли они действительно реальные глубинные процессы или они измеряют психологические состояния, которые имеют склонность меняться? Что исследователи реально измеряют и с чем имеют дело? С реальными процессами или с собственными галлюцинациями, версиями и проекциями?

Очевидно, что здесь необходимо иметь в виду те модели, концепты и инструменты, которые использованы в данных исследованиях и глазами которых исследователи изучали ситуацию. Мы на них указали. Это МРТ-диагностика и социологические опросы, которые интерпретировались на языке бихевиористской модели («гаджет – ученик»).

Дефицит объяснительного потенциала данной модели ощущается сразу, как только пытаешься выяснить, что в реальности происходит с людьми, особенно с детьми, у которых еще только формируются личностная органика и высшие психические функции. Одно дело фиксировать то, что работа с гаджетом влияет на сон и на внимание (это похоже на правду), другое дело, если мы начинаем обсуждать более корневые вещи: происходит ли изменение личностной структуры у детей, меняется ли тип мышления в цифровой среде, что происходит с такими способностями и качествами личности, как память, мышление, воображение, нравственные основы личности у подростков, молодых людей? Влияет ли реально цифровизация среды и обучения на формирование мышления, памяти, воображения, воли у человека, то есть тех высших психических функций, которые традиционно понимаются как те, которые делают человека человеком.

В конце концов на притупление внимания, ослабление памяти и качество сна, на стрессоустойчивость влияют разные факторы. Смартфон здесь не исключение. Необходимо проводить еще много корреляций между этими факторами. На сон влияют также и длительное чтение, и интенсивные физические нагрузки, особенно вечером, и многие другие факторы.

Но главный дефицит подобных моделей заключается в том, что в них человек представлен не по-человечески, то есть не в его высших формах поведения, а как реактивное существо, лишь реагирующее на внешне стимулы. А «высшая форма поведения есть везде там, где есть овладение процессами собственного поведения и в первую очередь, его реактивными функциями», подчеркивал Л. С. Выготский [Выготский 1984: 83]. А реактивное действие, реорганизованное самим человеком, перестает быть реактивным, а становится целенаправленным [Выготский 1984: 84]. В то время, как в выше приведенных исследованиях человек представлен как сугубо реактивное существо, реактивно отвечающее на воздействующие на него внешние стимулы.

Задача заключается не просто в том, чтобы провести замеры и опросы и констатировать, что у какого-то числа школьников или студентов притупилась эмпатия от большого сидения за компьютером или ухудшилась точность зрительной фиксации образов или притупилось внимание. Задача

---

¹²⁴ Эти данные коррелируют с данными других социологических исследований, проведенных до пандемии [напр., Кузнецова 2020].

заключается в том, чтобы понять: правы ли противники цифровизации обучения, утверждающие, что цифровизация губит как образование, так и в целом всю нацию? Правы ли они, когда утверждают, что в цифровой среде (при сохранении привычной модели обучения – классно-урочной системы, лекционно-семинарской модели) у целых поколений молодых людей начинает формироваться клиповое сознание, перестает формироваться системное критическое мышление, и в целом формируется инфантилизм в сочетании с агрессией как стратегия и позиция? Происходит ли реально так называемый виртуальный уход или виртуальная инверсия – смещение событийного центра из социального мира – в мир виртуальный, в котором уже нет необходимости нести ответственность за поступки, нет социальных иерархий и нет социальных и моральных норм и границ? Ведь понятно, что такая модель и такого рода исследования не дадут нам ответов на эти вопросы.

Поэтому возникает резонный вопрос – если мы не имеем адекватных объяснительных моделей, помогающих нам понимать реальность воздействия цифровой среды на человека, его идентичность, его человеческие качества (мыслительные, социальные), то в таком случае мы фактически слепы? И мы просто фиксируем следы на песке, которые тут же будут смыты?

Или мы имеем дело с борьбой разных групп влияния? С одной стороны, мы имеем группу цифровиков, заинтересованных во внедрении цифры во все сферы повседневной жизни, особенно в образовании, в силу его массового характера и национального значения, с другой – группу их противников, условно говоря, «зеленых», ратующих за отказ от цифры, запрещающих гаджеты, утверждающих, что цифровизация губит наших детей и наше образование, и в целом – убивает нацию [см. напр. Четверикова 2017; Четверикова 2020].

Чтобы избежать крайностей эмоциональной и мало содержательной риторики, с одной стороны, и односторонности редуцированных моделей, показывающих не вполне адекватную картину происходящего, с другой стороны, нам необходимо выстроить определенную концептуальную модель, хотя бы ее рабочий вариант, опирающуюся на богатую научную традицию (имеющую последователей как среди зарубежных, так и отечественных авторов), которая бы обладала объяснительным потенциалом и позволяла нам без гнева и пристрастия начинать понимать реальность цивилизационных и культурных сдвигов и вырабатывать осмысленный и продуманный ответ на подобный вызов.

Проблемная ситуация

В настоящее время можно сказать, что цифровая среда как среда обитания сложилась. Для подрастающего поколения цифра давно стала той реальностью, в которой они живут. Точнее, необходимо говорить о смешанной гибридной социально-цифровой реальности, в которой граница между социальным и виртуальным весьма пунктирна и не статична.

В такой реальности важным становится то, как выстраивается эта граница между привычным социальным миром и миром цифры. Как выстраивается взаимодействие между человеком (школьником и учителем) и цифровыми умными устройствами и технологиями.

Уже проведены многочисленные исследования, в которых показывается влияние цифровых технологий, смартфонов и гаджетов на школьников,

на их сознание, память, чувственную сферу, воображение, психосенсорику, когнитивные способности и др. Пандемия показала наиболее рельефно то, как влияют онлайн обучение, самоизоляция, компьютерные технологии и интернет на школьников.

Фактически все исследования показывают, что длительное пребывание в интернете в режиме самоизоляции негативно влияет на способности, психосоматику и качество развития школьников.

В то же время мы должны отметить, что вопрос заключается не в длительности пребывания в интернете, а также не в самой по себе цифре.

Проблема заключается в том, что школа в ее массовом составе не готова к цифровым технологиям. Встает вопрос не о том, чтобы внедрять цифровые технологии, а о том, что нужна новая модель школы в принципе, в которой учитель и ученик выступают партнерами по развитию. А ученик рассматривается как личность, выстраивающая с помощью взрослых (учителя и родителя) свою личностную траекторию. В такой практике навигации цифровые технологии оказываются как нельзя кстати, становясь умным помощником.

Школьники давно и независимо от школы и родителей живут в цифровой среде. Вопрос заключается не в том, чтобы запретить умные гаджеты и интернет или насаждать их в школы. Вопрос заключается в том, чтобы выстраивать в новой гибридной реальности новый интерфейс школьник-гаджет, школьник-интернет, учитель-школьник-цифра. Но разработанные ранее в доцифровую эпоху модели, используемые в педагогике и психологии развития, не вполне подходят для того, чтобы их использовать как объяснительные и описательные модели для понимания и выстраивания практик развития школьников в современной цифровой среде.

Строго говоря, в настоящее время у нас просто нет цифровой педагогики и психологии развития со своим предметом, методами, инструментарием, практиками и стандартами.

Для этого необходимо для начала начать выстраивать новые модели взаимодействия «учитель-школьник-цифра-орудие-знак-предметное действие», которых ранее просто не было. В них не было такой части, как цифра, которая больше, чем орудие и предмет, больше, чем книга, карта, калькулятор или доска с мелом. Цифра – это часть среды обитания. Причем, у школьников и подростков виртуальный мир обитания превалирует над социальным миром, что радикально (часто – негативно) отражается на их социальных качествах, способности делать выбор, нести ответственность за себя и за другого. Уже происходит в настоящее время так называемый ценностный виртуальный сдвиг: ребенок, подросток выбирает разные образцы для своего поведения не в реальном социальном мире, не у родителей и учителей, а в виртуальном мире, он не умеет нести ответственность, не умеет совершать нравственный выбор, не умеет строить свою собственную ситуацию развития, потому что уже не живет в реальном ответственном мире. Для него центр событийности смещен в сторону виртуального мира, представленного для него как большой сверкающий гипермаркет, в котором присутствуют превращенные формы жизни, потому что готовые культурные формы, размещенные в виртуальном мире, необходимо осваивать, совершать усилие. А школьник их предпочитает брать как готовые вещи.

Это происходит потому, что ценностный центр для молодого человека в этом социальном мире перестает быть миром образцов для самоопределения и поступков. В итоге он выбирает образцы в виртуальном мире.

В этой связи проблема заключается в выстраивании в новой реальности принципиально новых моделей школы в целом, моделей взаимодействия учитель-ученик-родитель-руководитель школы. В традиционной классно-урочной системе с дисциплинарной структурой такая новая модель не может быть выстроена.

Поэтому необходимо выстраивать отдельные полигоны, отдельные классы и учебные предметы, на которых учителя и родители добровольно возьмут на себя риски по выстраиванию желаемой новой модели школы.

Что касается концепций для психологии и педагогики развития, то мы полагаем, что культурно-историческая психология школы Л. С. Выготского (далее – КИП) обладает огромным исследовательским и объяснительным потенциалом, используя который мы можем выстраивать новые практики развития и обучения в смешанной социально-цифровой среде, отвечающие современным вызовам. Об этом говорят и уже существующие теоретические работы, и первые исследования, проведенные в рамках традиции и концепции КИП отечественными и зарубежными авторами.

Классическая модель Л. С. Выготского. Структура акта развития

Мы полагаем, что в качестве таковой традиции выступает традиция культурно-исторической психологии и антропологии, развиваемая в работах Л. С. Выготского и его последователей [Выготский 1984; Выготский 1995; Эльконин 1995; Коул 1997; Коул 1989; Эльконин 1994; Эльконин 2010; Cole 1996; Давыдов 2006; Зинченко 1996; Леонтьев 1983; Самухин и др. 1981; Смирнов 2001; Смирнов 2021б; Фаликман, Коул 2014]. Постараемся показать, что именно она обладает тем объяснительным потенциалом, который при выстраивании новой модели в новой реальности может помочь нам в выработке адекватного ответа на современные вызовы, связанные с цифровизацией и виртуализацией.

Для выстраивания модели необходимо вспомнить базовые представления о культурном развитии человека, которые заложены в культурно-исторической («вершинной») психологии и антропологии Л. С. Выготского, которые легли в дальнейшем и в основание концепции поэтапного формирования мышления, в основание возрастной периодизации развития человека, и в концепцию развивающего обучения, то есть вспомнить основные идеи, наработанные в школе Л. С. Выготского.

Основным содержательным пафосом культурно-исторической психологии Л. С. Выготского является построение концепта культурно-исторического развития человека (или формирования его личности, что для него было одно и то же) на основе модели овладения человеком своим собственным поведением т. е., овладения самим собой, своей натурой, данной от первого рождения, своими реакциями и аффектами.

Овладевая с помощью знаков (речевой деятельности) и орудий своим поведением, человек (ребенок в онтогенезе) осуществляет собственное культурное развитие, формируя в себе в процессе овладения высшие психические функции (мышление, волю, память, воображение). Именно акты ов-

ладения своим поведением с помощью знаков как психологических орудий суть акты развития, выступающие в качестве единиц структур деятельности, представленных в понятийных конструктах, преодолевающих догадки и домыслы об устройстве психики человека [Выготский 1984: 24–25, 36, 56 и др.].

Внутри процесса культурного развития выстраиваются этапы, «культурные возраста», не совпадающие с «паспортным» возрастом человека [Выготский 1983: 302–313; 32]. Каждый возраст, каждый этап культурного развития отличается своими структурой, организацией деятельности, способами действий, набором и комплексом орудий и знаков, различных средств овладения.

Этот процесс Л. С. Выготский описывал в категориях формирования высших психических функций (или «психологических систем») – восприятия, памяти, воли, мышления, воображения, выступающих «опосредованными процессами», включающими «в свою структуру как центральную и основную часть всего процесса в целом употребление знака как основного средства направления и овладения психическими процессами» [Выготский 1982б: 126]. Собственно, здесь и ставится переведенная на язык культурно-исторической психологии проблема становления личности как знаково-орудийного, деятельностного тела человека. Овладевая своим поведением, человек строит своё деятельностное («неорганическое») тело личности в единстве органа-действия-образа: как единство руки-предмета-образа предмета и образа действия-действия с предметом [Зинченко 1996; Смирнов 2016б].

Если принять обратную логику, то выводом становится утверждение, согласно которому человек, не овладевающий собственным поведением, своими реакциями с помощью знаков («психологических орудий»), не реорганизуя и не выстраивая тем самым свою высшую психику, не развивается, не становится собой. Если происходит некое делегирование этого процесса внешнему носителю (например, умному техническому устройству, то есть гаджету и цифре), то тем самым ставится заслон для развития человека, его высших психических функций. Ключевым моментом становится пункт, согласно которому и к цифровым технологиям должно выдвигаться требование: выступают ли они новым знаково-орудийным средством, помогающим человеку овладевать своими реакциями или они представлены ему лишь как форма усиления его реакций, забирающая у него главную работу по становлению себя, формированию собственной структуры личности?

Л. С. Выготский акцентировал внимание на том, что формирование высших психических функций происходит по единой базовой схеме, логике развития, т. е. логике «культурного формирования личности» [Выготский 1984: с. 54–56]. И в этом процессе ключевым является основной набор символических форм деятельности – речь, счет, письмо, чтение, рисование, лепка, которые обычно рассматриваются как нечто «постороннее и добавочное по отношению к внутренним психическим процессам» [Выготский 1984: 54]. По логике Л. С. Выготского, это как раз базовые символические формы, создающие остов, внутренний каркас личностного тела. Они строят саму систему высших психических функций и образуют внешнюю линию культурного развития, наряду с внутренней линией – формированием высших психических функций [Выготский 1984: 54]. Эти две линии культурного развития переплетены. Без счета и письма, чтения и рисования не происходит лепки душевного организма, то есть структуры личности.

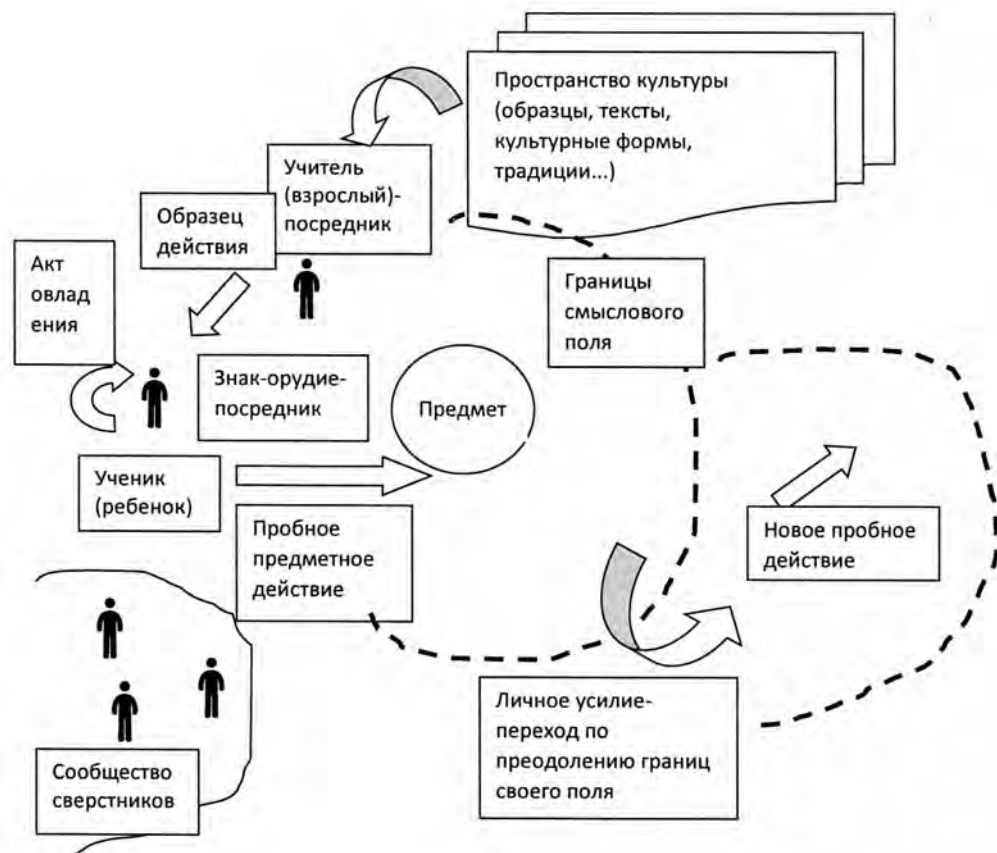

Рис. 2. Модель Акта развития в рамках культурно-исторической концепции.

Теперь выделим в этом процессе его единицу, акт развития, и представим его в модели, которая с нашей точки зрения играет ключевую роль в объяснении самой природы процесса развития (рис. 2). И далее ее прокомментируем. Она принципиально отличается от бихевиористской модели, приведенной нами выше и выгодно отличается своей объяснительной силой.

Интерпретация модели

1. Предметно-орудийное действие и смысловое поле.

Известная возрастная периодизация Д. Б. Эльконина, построенная на чередовании «операционально-технической» и «мотивационно-потребностной» сторон деятельности выступает одним из ключевых объяснительных принципов развития [Эльконин 1995: 60–99]. В более расширительной трактовке эти две стороны выступают как связка предметно-орудийной и смысловой сторон деятельности.

Прежде всего между взрослым и ребёнком устанавливается смысловой контакт, мотивационно-потребностная связь. Ребёнок (как и любой индивид) никогда не выступает отдельным «робинзоном» на необитаемом острове. Прежде, чем совершать действие с предметом, человек устанавливает смысловой контакт с другим человеком.

Между взрослым и ребёнком выстраивается отношение по поводу предмета и смысла действия. И между ними стоит предмет (орудие), которым предстоит овладеть (например, ложкой, с помощью которой предстоит есть кашу). Тем самым структура взаимодействия выстраивается в виде треугольника: взрослый – предмет – ребенок. В этом треугольнике линия «взрослый – ребенок» образует смысловую связь, а линия «ребенок – предмет» образует орудийную связь. В зависимости от чередования и смены акцентов этих связей выстраиваются две стороны деятельности – смысловая и орудийная. Доминирование разных сторон деятельности задает и характер, специфику разных возрастов в онтогенезе. В зависимости от их смены выделяются ведущие виды деятельности (игровая, учебная и т.д.) [см. подр. Эльконин 1995].

Тем самым ребёнок (индивид) не только овладевает действием с предметной стороной жизни (ложкой, рубашкой с пуговицами, машинкой, мобильником и т. д.), но прежде всего взрослый (учитель) выстраивает с ним смысловое пространство взаимодействия. Это пространство носит как предметный, так и смысловой характер. Всякое предметное действие человека совершается в смысловом поле. Отсутствие последнего есть признак болезни (слабоумия), феномен которого был изучен еще в работах Л. С. Выготского и его учеников (явление деменции), в которых было показано, что у слабоумного ребенка отсутствует смысловое поле взаимодействия, он присутствует в натуральном физическом поле вещей, у него не работает воображение. Он не умеет играть [Выготский 1995; Самухин и др. 1981].

2. Взрослый, учитель (посредник) – ребёнок, ученик.

Итак, предметная деятельность совершается всегда во взаимодействии с другим (взрослый – ребенок, ученик – учитель, родитель – ребенок и т. д.). Движение человека к вещи идет через движение к другому (человеку). Между человеком и вещью всегда стоит другой человек.

Взрослый предъявляет ребенку образец действия (действие с ложкой), выступая посредником в выполнении действия. Но само действие ребенок все равно должен совершить сам, через личное усилие. Готовой, закреплённой в памяти, схемы действия у него нет и быть не может. Живое осмысленное действие с предметом при сопровождении взрослого ребенок проделывает сам, делая шаг в новое смысловое поле (на рис. показано пунктиром). И так далее до достраивания действия в его полноте, пока ребенок не овладеет действием с ложкой полностью. Так происходит и со всеми другими предметами.

3. Знаковое-символическая природа опосредствования действия¹²⁵.

¹²⁵ Русский язык с его приставками и суффиксами вносит смысловое разнообразие, отражающееся и на содержании слов и понятий. Строго говоря, «опосредование» и «опосредствование» суть слова разные и о разном. Первое, опосредование, предполагает выделение момента влияния среды на человека, акцент на том, как на него влияет внешний мир, внешняя среда и какая «социальная ситуация развития» формируется у человека. Второе, «опосредствование», выделяет ключевой момент в актах развития – момент роли знака как средства, с помощью которого человек овладевает своим реактивным поведением. Собственно, знаковое опосредствование и выступает «моделью перехода», «моделью шага развития» [Эльконин 1994: 132–154; Эльконин 2010: 125, 152–161 и др.]. Л. С. Выготский в своем дискурсе эту разницу понимал, но терминологически не подчеркивал. В его текстах присутствуют оба смысла. Но мы должны понимать их разницу. Западные исследователи, употребляя понятие «медиация», эту смысловую разницу в словах не могут фиксировать, хотя содержание вынуждены удерживать.

Но надо понимать, что ребенок (ученик) обращается к взрослому (учителю) посредством знака-слова. Еще ранее – посредством жеста и телесного действия. Смысловая связь взрослый – ребенок, учитель – ученик устанавливается с помощью знака-посредника. Опосредствование действия человека с орудием и акта коммуникации с другими людьми всегда носит знаково-символический характер. Это также показано во многих работах по культурно-исторической психологии [Эльконин 1994; Эльконин 2010; Cole 1996].

Выстраивая посредническое действие по овладению предметом и строя контакт с другими, человек осуществляет сам акт опосредствования. Здесь кроется корень проблемы, к которой мы постепенно подходим: если ранее между взрослым и ребенком стояли предмет-орудие, вещь и знак, то в цифровой среде мы имеем новый феномен – цифру. Возникает вопрос – выступает ли цифра тем знаком-посредником или ее природа много шире и сложнее, нежели действие с помощью орудия? Иначе говоря, овладение цифрой происходит по той же схеме опосредствования, что и овладение вещью и знаком? Или базовую схему опосредствования и овладения поведением необходимо пересматривать и перестраивать? Постановке этой проблемы уже посвящены первые работы на примере рассмотрения цифровых технологий как средств опосредования [Рубцова 2019а; Рубцова 2019б].

4. Новый «функциональный орган».

Овладевая предметом-вещью, человек овладевает с помощью другого и действием с этой вещью. Ребенок, овладевая ложкой, овладевает действием с ложкой. В процессе овладения у человека формируются новые так называемые «функциональные органы», которых не было у него в его теле¹²⁶. Ведь чтобы использовать ложку в процессе еды, человек выстраивает сложную связь: ложка- кисть-рука-локальная зона в мозге, в которой завязывается нейронная связь и фиксируется «память действия», которое он далее может осуществлять не думая.

Тем самым у человека в процессе его социокультурного развития формируются многие сотни новых функциональных органов, число и содержание которых зависит от разных предметных деятельностей, которые от рождения ему не даны и не могут быть даны, поскольку предметная деятельность не наследуется, ее человек выстраивает в онтогенезе.

Здесь также возникает вопрос: овладевая мобильником, ребенок выстраивает также новый функциональный орган, быстро и до автоматизма манипулируя гаджетом? Так ли устроена связка по построению этого нового органа, как это было и с другими вещами и орудиями, или здесь есть

---

¹²⁶ Идею функционального органа ввел физиолог А. А. Ухтомский. Он понимал функциональный орган как «<...> временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» [Ухтомский 2016: 95]. На языке культурно-исторической концепции функциональный орган понимается как некое новообразование, формирующееся у человека в результате культурного развития, как сплетение функций, сил, энергий и тех органов, которые даны от рождения – глаз, рук, ног. Речь идет о формировании и чеканке новых деятельностных органов, обладающих силами (энергиями) и несущими конструкциями главного новообразования – личностной структуры человека. В. П. Зинченко добавляет: «Функциональные органы, психологические функциональные системы следует рассматривать как материал (материю), из которого, в конце концов, конституируется духовный организм» [Зинченко 1996: 9].

принципиальное отличие? В чем тогда заключается разница между, например, овладением учеником книгой и чтением (как действием), с одной стороны, и овладением учеником смартфоном и действиями с ним, с другой?

Наша гипотеза заключается в том, что при овладении актом чтения ученик (как и любой человек) совершает личное усилие и выстраивает собственный акт развития, совершая действие по пониманию текста. Акт понимания всегда возможен лишь как личный акт. А в действии со смартфоном последний забирает у ученика всю силу понимания. Соответственно весь акт развития за ученика совершает смартфон, поскольку в нем зашита программа действий, сценирующая поведение ученика и тем самым заставляющая его всякий раз действовать по подсказке, по готовому образцу, поскольку в гаджете главное не он сам, а та программа, которая в него зашита. Поэтому действуя по программе, ученик как бы подсаживается на крючок программы и привыкает к тому, что он может просто брать готовые образцы действий и не совершать личных усилий. То есть действовать как тот покупатель, ходящий по торговым рядам в роскошном супермаркете, предлагающем ему разные готовые товары. А покупатель просто берет эти готовые вещи, а не овладевает ими, и тем самым не овладевает своим действием, а значит не овладевает собой. А значит, не развивается.

5. Акт мышления

Совершение нового предметного действия с орудием всегда носит характер пробного действия. Совершение пробного предметного действия посредством орудия и осознание-осмысление, рефлексия по поводу опыта проделывания пробного действия и есть собственно акт мышления [см. Эльконин 1994; Эльконин 2010].

В акте мышления завязаны основные моменты и опоры этого акта: сам субъект действия, его автор (ребенок, ученик) – его тело, органы (включая локальную зону мозга) – орудие – знак-символ, опосредствующий действие – само действие. Согласно базовым постулатам культурно-исторической психологии мышление не происходит в этом смысле в мозге. Оно происходит с помощью мозга, но во внешней по отношению к индивиду зоне – в структуре его пробного действия, оставляя в мозге следы в виде новых нейронных связей.

Масштаб и сложность акта мышления зависит от сложности и предметности действия и знакового опосредствования (начиная с ложки ребенка и кончая написанием книги). Но принципиальная схема остается такой же: акт мышления встроен в само предметное действие и осознание этого действия. Он не витает отдельно в виде некоего духовного порыва, равно как и не локализован нигде в мозге индивида. Он вплетен в структуру предметно-смыслового действия¹²⁷.

¹²⁷ Понимание и описание мышления как деятельности проведено давно в традиции культурно-исторической психологии. См. напр., в работе В. В. Давыдова [Давыдов 2006]. Акт мышления как способ действия обладает структурой, в которой основным предметом становится работа по построению понятия как особой формы овладения знаком, точнее, идеальным содержанием предмета, то есть, его значением. Овладение понятием предмета означает овладение способом построения этого предмета, построения его культурной развитой формы. На этих допущениях была в дальнейшем построена вся методика развивающего обучения.

6. Сообщество сверстников

В отличие от бихевиористской модели (см. выше), в которой ученик (ребенок) представлен как некий отдельный индивид, на которого воздействует умный гаджет, в данной модели принципиальную роль играет детское сообщество и сообщество сверстников. Действие по опосредствованию происходит не в паре индивид – орудие, а среди сверстников, в коллективном взаимодействии, в коллективной предметной деятельности, в детской игре, в учебной деятельности, что задает самой предметной деятельности характер коллективной распределенной деятельности и позволяет каждому индивиду проходить процессы социализации.

7. Смысл модели: Акт развития

В целом данная модель показывает многосоставную структуру *акта развития*, совершаемого человеком посредством участия в нем взрослого-посредника, знака-посредника, предметного действия с орудием, действия в смысловом поле и овладения (управления) посредством этого действия своим поведением (аффектами и потребностями).

Овладевая орудием и опосредуя его знаком (словом, речью), человек овладевает собой. Раздвигая границы смыслового поля и совершая новое пробное предметное действие, человек совершает акт развития, требующий от него личного усилия, не заложенного при этом в образце действия.

Само по себе присутствие взрослого посредника и внешней культурной рамки, библиотеки образцов и культурных форм (на рис. 2 справа вверху), не гарантирует полноты и качества самого акта развития. Последний всякий раз совершается впервые и посредством личного усилия. Лишь последнее выступает условием и шансом того, что человек становится собой. Через него формируются его высшие человеческие качества. Поскольку человек есть не состояние, а усилие, говорил М. К. Мамардашвили.

Акт развития и цифровая среда. Вызов

Мы полагаем, что цифра, войдя в пространство взаимодействия, стала разрушать структуры этого пространства, схемы и связи, показанные нами в базовой модели акта развития (рис. 2).

Попробуем зафиксировать феномен сдвига, происходящего под воздействием процесса цифровизации, и обозначим основные моменты радикального изменения выготскианской модели акта развития (рис. 3).

На рисунке 3 показано, что содержание акта развития (на рис. 3 в левой части) смещается вправо – в виртуальный мир. В силу чего происходит виртуальная инверсия. Ребёнок, ученик, перемещается в виртуальное поле, которое (и это главное!) становится основным событийным пространством в его жизни. Тем самым основные смыслы, ценности и образцы он берёт там, в этом поле. В этом поле отсутствует взрослый-посредник, отсутствует акт овладения ребенком орудия, отсутствует акт овладения знаком и опосредствование с его помощью предметного действия. В виртуальном поле отсутствует как таковое сообщество сверстников, заменяющееся его превращенной формой – социальными сетями, виртуальными группами, которые не стабильны, легко собираются в кучки и стайки и легко и быстро распадаются.

Рис. 3. Виртуальная инверсия.

Проследим этот сдвиг, виртуальную инверсию, по направлениям.

1. Инверсия схемы: гаджет – ребенок

Вместо предметного действия с орудием и опосредствованием этого действия с помощью знака и речи мы имеем дело с действием с гаджетом (смартфоном, мобильником, компьютером). Причем, активную роль здесь играет уже не сам ученик, ребенок, а гаджет. Они меняются местами. Если в классической детской игре или любой другой учебной и предметной деятельности человек выполняет роль активного субъекта развития, задающего правила игры, то здесь роль активного квазисубъектного начала играет «умный гаджет». Его первенство и активность объясняется тем, что, с одной стороны, у самого ребенка на первом месте стоит не когнитивная мотивация, направленная на познание, на овладение культурной формой, а желание получить готовую информацию или вещь. А с другой стороны, активность гаджета объясняется тем, что в нем зашита программа, сценирующая действия ребенка-ученика. И чем богаче меню этих зашитых в гаджете сценариев поведения, тем сильнее будет тянуться к нему ребенок, и тем сильнее будет его зависимость от гаджета. В результате чего происходит так называемый «жизненный аутсорсинг, согласно которому не сам человек выполняет те или иные работы с помощью орудия и знака, а за него проделываются те или иные базовые работы (запоминание, счет, письмо, чтение, принятие решений), которые в классической модели акта развития он проделывал сам и которые играли роль основных практик, связанных с формированием структуры личности человека (см. о процессе жизненного аутсорсинга [Смирнов 2016а; Смирнов 2016б]).

2. Сплющивание горизонта смыслового поля и размывание его границ.

Вместо богатого, хотя и рискованного смыслового поля действия, в котором ученик пробует, рискует, ошибается и снова пробует, совершая шаги развития, ему предоставлено готовое поле для виртуальных имитаций, состоящее из цифровых двойников, дубликатов-заменителей, муляжей готового действия, которые нет необходимости осваивать, а можно просто брать и манипулировать ими. Также можно брать и готовую информацию вместо ее поиска. В результате само смысловое поле сплющивается до натурального. Человек, хотя и помещается в виртуальное поле, но там он действует с буквальными вещами и даже их заменителями, становясь «рабом зрительного поля», как писал Л. С. Выготский. Такое поведение характерно для детей с деменцией, шизофренией, которые не способны оперировать смыслами, не умеют играть в воображаемом поле. Такое поведение характерно для обезьян, которые не умеют, не могут оперировать смыслами. Они живут в натуральном видимом поле наличных предметов и вещей.

3. Исключение взрослого-посредника

Взрослый из виртуального поля выведен. В большинстве случаев реальной образовательной и тем более повседневной практики жизни ученика, школьника, студента взрослый в виртуальном поле не присутствует как участник совместного действия. И поэтому не задает ученику культурный образец и не участвует в действии опосредствования. Вместо взрослого-посредника, вместо живого носителя образца ребенку предоставляют его заменителя – цифрового двойника, виртуальных персонажей, виртуальных учителей в интернете¹²⁸.

4. Замена знака-посредника

Вместо знака-посредника, опосредствующего действия ученика по овладению предметным действием и проговаривания этого действия, ученику предлагают подсказку в виде меню в гаджете. В виду того, что действие происходит в сплюсненном поле натуральных вещей и их цифровых двойников, сама возможность знакового опосредствования также редуцируется до возможности выбирать из представленных в меню зрительных образов, представленных на экранах компьютеров и смартфонов. Лишение возможности постоянного проговаривания в слове и написания в тексте, изображения в рисунке, в лепке, приводит к тому, что ученик начинает играть в подставки, в заменители. Вместо осмысления и проговаривания он берет картинку и

---

¹²⁸ Даная характеристика относится к описанию тренда в целом. Но надо признать, что человеческое поведение в интернете характеризуется гораздо более пестрыми и неоднозначными качествами. Многие исследователи отмечают гибридный характер поведения в Интернете. С одной стороны, для такого поведения характерны анонимность, гибридные формы (миграция из физической реальности в виртуал и обратно), что воплощается в намеренном искажении информации о себе, погоне за репутацией с помощью манипулятивных рейтингов, погружении (иммерсия), что провоцирует рост разного рода форм девиации коммуникативного поведения (кибербуллинг, троллинг, плагиат, кибершпионаж и проч.). С другой стороны, для такого поведения в виртуальном мире характерны мобильность, открытость для новых коммуникаций, готовность к постоянному переформатированию своего образа, выстраивание новых связей и сообществ, распределенность сервисов, ресурсов и вкладов в разного рода совместные действия, акции (краудсорсинг и др.) (см. [Войскунский 2016: 38–45]).

как бы показывает себе ее (тем более взрослый также выведен из коммуникации, он заменен цифровым двойником). В результате сама петля овладения предметом и смыслом скукоживается, превращаясь в прямое действие на замену. Вместо слова-посредника встает готовая картинка-заменитель, уже не являющаяся посредником. Ребенок вообще лишен в такой ситуации возможности совершать действия по опосредствованию. Цифровая среда, в которой сплющено смысловое поле, лишает его такой возможности.

5. Квазифункциональный орган

Тем самым формируется новый квазифункциональный орган. Он отличается от привычного функционального органа (рука-орудие-знак) тем, что в действии с предметом-орудием активная роль принадлежит хозяину орудия. Человек ведет рукой и орудием, овладевая им. Любый ребенок – хозяин своей ложки и своей игрушки, а не наоборот. Здесь же происходит обратное. Хозяин становится слугой своей мобильной игрушки. И они слипаются в едином интерфейсе настолько, что ребенок уже не может жить без мобильной игрушки, становясь от нее радикально зависимым, теряя свои способности, поскольку в повседневной жизни цифровое средство выполняет множество операций и функций, которые сам бывший хозяин уже выполнять самостоятельно не может и не хочет. Да, это действительно новый поведенческий орган, но такой, который забирает субъектность у человека все больше и больше.

6. Редукция акта мышления

Поэтому сам акт мышления редуцируется до сплющенного клика: потребность – вещь – результат – новая потребность.

Возьмём для примера простой бытовой прибор – стиральную машину. Ранее хозяйка выстраивала весь процесс стирания белья самостоятельно, и вся цепочка работ была осознана и выстроена последовательно: грязное белье – потребность в стирке – средства (вода, таз, белье, порошок) – набор операций по стирке – чистое белье. Весь процесс отслеживался и выполнялся субъектом действия.

В случае с умной машиной, работа с которой состоит только в том, чтобы заложить белье в нее и нажать на кнопку, этот процесс, вся привычная последовательность операций, свертывается. Саму работу по стирке человек не делает, отдав ее машине. Он и не обязан ее знать. У него выстраивается простая схема: потребность – результат. Сложилась потребность, далее скрытый от человека процесс работы – и далее сразу получение результата. Причем, время ожидания между потребностью и результатом становится все меньше в силу автоматизации работ и совершенствования машины. Мы получаем сугубо потребностную схему, в которой человек не участвует как активный субъект действия. От него не требуется акта овладения собой и орудием. Он делегирует работы техническому устройству и сервисным службам, становясь от них зависимым. Но потребность и желание получить результат остаются. В эту связку потребность – результат встраивается умный гаджет – и человек начинает выполнять роль почти автомата, точнее, машины желаний, которая лишь производит все новые желания, удовлетворяемые все более умным техническим устройством¹²⁹.

¹²⁹ См. подр. о редукции акта мысли и действия [Горбачёва 2016].

7. Распад детских сообществ

Ковидный год показал, что и детские сообщества, и без того переживающие не лучшие времена, попали в жесточайший кризис. Они просто стали исчезать, распадаться. В режиме самоизоляции дети, вынужденные переходить на эрзац-формы общения в пространстве интернета, получают взамен не реальное сообщество сверстников, а его заменителей в виде социальных сетей, квазигрупп и квазисообществ.

Тем самым в целом акт развития, сплющиваясь до натурального поля, лишаясь взрослых посредников и сообществ сверстников, лишаясь полноценного акта знаково-символического опосредствования, перестает быть таковым актом развития. Он становится просто количественным натуральным ростом физического индивида, потребляющего суррогат информации и получающего не культурные образцы для овладения, а готовые шаблоны вещей и действий, находясь при этом в постоянном страхе и стрессе.

Восстановление модели акта развития

Немецкий исследователь Г. Рюкрим подчеркивает, что идея опосредствования своего поведения человеком является ключом во всей культурно-исторической психологии [Ruckriem 2010: 30]. Вызов культурно-исторической психологии дан именно с этой стороны. Именно цифровые технологии бросили вызов ей, поставив под вопрос саму идею опосредствования. В этой связи именно идею опосредствования надо рассматривать как тот оселок, на котором отрабатывается и главная проблема – что есть цифра, цифровая технология как орудие или знак, выполняющий функцию опосредствования¹³⁰?

В чем заключается вызов? Немецкий исследователь резонно замечает, что Л. С. Выготский имел дело с орудием и знаком и строил свой концепт в доцифровую эпоху. В его концепте отсутствуют понятия машины, техники, технологии. И тем более нет понятий автомата, компьютера, цифровой технологии, по понятным причинам.

И поэтому Г. Рюкрим полагает, что сама модель Л. С. Выготского, выработанная в доцифровую эпоху, не может быть окончательной, такое допущение будет неисторичным по той простой причине, что само представление об

---

¹³⁰ Надо заметить, что Г. Рюкрим увлекаясь идеей опосредствования (на языке западных авторов называемого «медиацией», что уже придает этому феномену иной смысл, отличный от смысла, который вкладывал Л. С. Выготский), забывает две базовые идеи. Фактически Г. Рюкрим рассматривает идеи Л. С. Выготского периода инструментального метода, не идя дальше и не рассматривая поздние работы Л. С. Выготского, а также работы его соратников и учеников [Эльконин 1995; Эльконин 1994; Эльконин 2010]. Он ограничился противопоставлением идей Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, их разногласием, которое привело фактически к расщеплению единого концепта на собственно культурно-историческую психологию и теорию деятельности. Но как мы показали выше при объяснении базовой модели, посредником выступает не орудие и знак сами по себе, а взрослый-посредник, выступающий с ребенком совместное предметное действие, в котором тот, овладевая психологическим орудием, овладевает действием и затем собой, своим поведением. И второе. Предметное действие происходит в смысловом поле. Акт развития связан с осуществлением пробного действия, совершая который человек раздвигает границы смыслового поля. Идею смыслового поля Г. Рюкрим и многие западные авторы вообще фактически не обсуждают.

орудии-посреднике нуждается в принципиальной корректировке или даже пересмотре именно потому, что современная реальность другая, в ней важнейшую роль играют цифровые технологии. Сама природа орудия и знака изменилась, изменилась и среда обитания человека [Ruckriem 2010: 32]¹³¹.

В итоге, вслед за этим следует и сама идея формирования новых функциональных органов, которые как бы выведены наружу, за пределы индивида, что выводит нас, замечает Г. Рюкрим, на идею технического моделирования высшей психики человека. Логика развития всей техносферы, добавим мы, выводит нас на идею еще более явно выраженного выведения во вне индивида «высших психических функций», поскольку именно цифровая среда и цифровые технологии, задающие новое качество среды становится пространством их формирования. Идея неклассической психологии, заложенная Л. С. Выготским, предполагающая наличие психического вне индивида, в структурах деятельности (в виде знаков, артефактов, психических орудий), становится теперь уже вполне классической и приемлемой уже в новых условиях цифровой реальности.

Но Г. Рюкрим говорит о моделировании мозга с помощью современных технологий, хотя речь должна идти о моделировании структуры человеческой деятельности в целом, в которой (структуре) мозг выступает лишь частью, отдельным органом, выполняющим свои функции¹³².

Г. Рюкрим делает важный вывод. Фактически и Л. С. Выготский, и А. Н. Леонтьев пренебрегли понятием среды, отрекаясь от бихевиоризма, увлекаясь идеей опосредствования, находясь еще в иной, доцифровой культуре и среде. Но теперь вновь актуальной становится проблема среды как пространства обитания человека. Но не как внешнего по отношению к ин-

---

¹³¹ Г. Рюкрим далее подробно разбирает тему различия взглядов Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева на природу знака и орудия как посредников. Но здесь не место на этом останавливаться. Сошлемся на работу автора [Ruckriem 2010: 32–35]. Кстати, Г. Рюкрим справедливо считает, что и А. Н. Леонтьев, оставаясь в своих работах 60-х-70-х годов, когда принимал участие в психологических исследованиях, связанных с первыми техническими проектами, в пределах концепции книжной доцифровой культуры, воспринимал компьютеры как технические средства, что вполне объяснимо – цифровой среды еще не было. Но что важно – А. Н. Леонтьев рассматривал роль машин с точки зрения усиления и улучшения работы естественных органов человека и формирования у него новых так называемых «подвижных физиологических органов», или функциональных органов, ссылаясь на работы А. А. Ухтомского [Леонтьев 1983: 161] (см. выше комм. по модели). Это ему позволяло говорить, что «человеческие органы» высшей организации психики как бы выделены, выведены наружу, за пределы эмпирического индивида. Именно потому, что они имеют деятельностьную природу и структуру. Мышление, сознание не локализованы в мозге, но отражаются в нем, оставляя следы, или «овеществляются в мозге» [Леонтьев 1983: 161].

¹³² Именно такое различие самой деятельности по моделированию вводит идею возможности создания искусственного интеллекта (ИИ). Граница спора здесь пролегает как раз по линии – что моделируется при создании ИИ? Мозг с его активностью или структуры предметной деятельности человека? Носители натуралистической установки, идущей из физиологии, локализуемой высшие способности в мозге, полагают, что ИИ есть модель мозга. Носители деятельностьной установки полагают иное: мышление формируется в предметной деятельности, в которой мозг есть лишь отдельный орган, в котором отпечатываются следы мышления. И поэтому ИИ – это не модель мозга, а модель особо организованной деятельности человека, связанной с выстраиванием нового интерфейса человека и машины.

дивиду объективного мира, воздействующего на него в духе вульгарного материализма, а как той среды обитания, в которой мы все находимся, будучи ее частью. И коль скоро цифровые технологии становятся «новой ведущей средой», определяющей в целом качества этой среды, в которой мы обитаем, необходимо ввести принципиальные коррективы и в саму концепцию культурно-исторической психологии. Новая среда рождает новые эпистемологии [Ruckriem 2010: 36]. Поэтому необходимо, полагает Г. Рюкрим, переходить от концепции, посвященной решающей роли орудия, знака, инструмента как посредников – к концепции, посвященной цифровой среде как ведущего катализатора развития [Ruckriem 2010: 37]¹³³.

М. Фаликман обращает внимание на смену векторов в рамках культурного развития человека. Если одним из базовых положений в культурно-исторической психологии выступало положение, согласно которому высшие психологические функции появляются дважды – сначала как внешняя, экстрапсихическая, социальная функция, а потом как внутренняя, интерпсихическая функция в процессе интериоризации (извне – вовнутрь), то теперь в силу складывания смешанной цифровой среды происходит обратный процесс экстериоризации (изнутри – вовне). В этом движении цифровые инструменты становятся уже внутренними частями нашей когнитивной системы [Falikman 2021: с. 2]. Такое «расширенное познание» предполагает представление цифры уже не как инструмента. Она, в отличие от привычных вещных орудий доцифровой эпохи выступает *средством расширения горизонта развития, средством личностной навигации*. В такой ситуации развития граница между внутренним и внешним, собственно психической сферой и внешней средой становятся размытыми, точнее, подвижными и проницаемыми¹³⁴.

Да, разумеется, культурно-историческая концепция разрабатывалась в доцифровую эпоху, что объяснимо. Но в силу концептуальной открытости и пластичности этой концепции, соответствующей и личности ее главного автора, Л. С. Выготского, она имеет мощный потенциал развития и в новой реальности. Нельзя согласиться с Г. Рюкримом, который полагает, что в силу своего зарождения до цифры она страдает анахронизмами, поскольку принадлежит книжной культуре и ее основные положения подлежат пересмотру [Ruckriem 2010: 37].

Другие исследователи пытаются это учесть и преодолеть отставание исследовательской практики, стремясь начать переписывать так называемую смешанную, или гибридную, реальность (mixed reality) на языке культурно-исторической концепции, введя представления о роли цифровых технологий как средств опосредствования [Войскунский 2017; Войскунский, Солодов 2020; Рубцова 2019а; Рубцова 2019б]. При этом цифровые технологии играют двойную роль – роль знака и орудия в разных ситуациях. Если

---

¹³³ Добавим, что Л. С. Выготский не отвергал важной роли среды. Но он ее трансформировал в идею смыслового поля, в пространстве которого осуществляются совместные действия людей, взрослого и ребенка. Но оставим этот спор для дальнейших разговоров.

¹³⁴ Допущение о границах между внешним и внутренним всегда условно, поскольку новые функциональные органы человека выступают внешними по отношению к индивиду, являясь частями структур деятельности, которая всегда больше индивида.

брать базовые виды деятельности, посредством которых человек развивается (чтение, письмо, счет, общение), то исследователи показывают, как изменился характер этих деятельностей, встроенных в смешанную реальность.

Например, практики чтения в разных средах и с разными носителями (книгой или текстами в интернете) различаются друг от друга принципиально. Здесь наблюдается переход от линейного чтения текста – к нелинейному движению (навигации) по гипертексту [Рубцова 2019б: 101–102; см. также [Войскунский 2017; Войскунский, Солодов 2020]. Строго говоря, навигация по гипертексту перестает быть собственно чтением как видом мыследействия. Прежде всего потому, что гипертекстовая навигация по нелинейному виртуальному знаковому полю предполагает достижение иных целей, связанных с поиском информации, развлечением, продвижением своей виртуальной личности в сети. Но это вовсе не акт чтения текста, предполагающий проникновение в духовный мир автора этого текста, как это понималось ранее в доцифровую эпоху.

Сам же характер движения по гипертексту (более сложное по организации, полагают исследователи, чем чтение), обладает такими качествами, как нелинейность, индивидуализированность, прерывистость [Рубцова 2019б: 102].

Трудно назвать прерывистое движение по гипертексту индивидуализированной навигацией, как считает А. Е. Войскунский [Войскунский 2017; Войскунский, Солодов 2020]¹³⁵. То, что движение по гипертексту задает характер открытости и объемности – с этим можно согласиться. Но это движение без самоопределения его автора, без его целеполагания и осмысления своего движения будет похоже на хаотичное движение молекулы по бесконечному лабиринту космоса. Индивидуальный характер этому движению еще необходимо задать, что связано с выше сказанным – с ролью взрослого посредника, культурного образца и выстраиванием целеполагания, задающего вектор для навигации в этой смешанной среде. В противном случае мы получаем корабль без руля и без ветрил.

Заметим, что пока в проведенных исследованиях и публикациях в принципе отсутствует описание такого базового феномена, как акт чтения (акт умного чтения). Он предполагает, с одной стороны, присутствие автора текста, с другой, присутствие умного читателя, вступающего в диалог с автором. В самом акте чтения восстанавливается исток творения текста, и мы имеем дело с феноменом рождения (возрождения) автора в живом акте чтения. Поэтому, в культурно-историческом и символическом смысле автор бессмертен, и у каждого поколения есть свой А. С. Пушкин.

Но ведь также очевидно, что при формировании в смешанной среде пространства гипертекста фигура автора как раз отсутствует. Равно как и движение по гипертексту не предполагает и умного читателя, и выстраивания акта умного, внимательного чтения. Дело не в том, что чтение текста предполагает линейное движение. Строго говоря, это несколько искусственная

---

¹³⁵ См. более подр. о феномене гипертекстов в интернете и использовании гипертекстов в обучении [Войскунский 2017; Войскунский, Солодов 2020]. Исследователи замечают, что отечественные авторы фактически почти не описывали этот феномен, и гипертексты практически не использовались в практике обучения [Войскунский 2017: 13–14].

характеристика чтения текста. Оно, конечно, не линейно. Читатель может читать, перечитывать, идти по тексту дальше, потом вернуться к прочитанному, потом вновь идти дальше, останавливаться, вновь перечитывать, пометать прочитанное, создавая над текстом автора свой текст, текст соавтора-читателя, надстраивая над ним свое понимание, свой понимающий текст. Собственно, самым актом чтения читатель делает себя соавтором текста-произведения, и только самым актом чтения он начинает понимать то, что читает. В пределе читатель творит себя актом чтения¹³⁶. В этом заключен глубинный смысл акта чтения как акта творения. Он предполагает прежде всего погружение в иной мир и движение в него через текст, сквозь текст – к истоку творения, в силу чего только и возможно понимание этого рожденного когда-то текста-творения другим человеком, автором.

В этой связи необходимо допустить, что акт чтения всегда становится задачей для конкретной личности, и он не может быть заменен движением по гипертексту в цифровой реальности. А последняя создана для иных целей, как мы сказали, – для поиска информации, для установления контактов, для продвижения себя, для выстраивания разных виртуальных моделей тех миров, к которым невозможен доступ в силу существующих физических границ¹³⁷.

На примере проблематики чтения можно видеть, что негативные последствия, которые приписываются цифровизации и виртуализации, начинаются не с цифры и не с гаджета. Школьники и студенты перестают читать не тогда, когда приходит цифра в школу или вуз. Они перестают читать дома, в семье, в своей повседневной жизни. И не цифра отторгает людей от книги, а смена базовых ценностных установок и ориентаций. Книга, как и литература, перестали быть той культурной формой, которая выступает опорой и задает ориентиры, векторы культурного развития. Школьники и студенты перестают видеть в книге то пространство образцов, на которые необходимо равняться.

Значит, проблемы начинаются в нас самих задолго до того момента, как ребенок возьмет в руки смартфон. Сначала он теряет контакт с родителем и учителем. А потом берет смартфон и ищет там себя и квазиобраз-

---

¹³⁶ См. подробный разбор феномена акта чтения у М. К. Мамардашвили в Лекциях о Прусте [Мамардашвили 2014].

¹³⁷ Было бы интересно рассмотреть конкретные методики освоения и обучения чтению в смешанной реальности с использованием цифры, но в модели культурно-исторической психологии. Например, М. Коул, последователь идей Л. С. Выготского, разработывал на основе идей А. Р. Лурии методику «Чтения с вопросами» (вопрошающее чтение) [12]. Методика была разработана еще в доцифровую эпоху, по схеме живого контакта учитель – ученик. В методике важным была работа, направленная на перекодирование и реструктурирование текста и выстраивание через вопросы себе и друг другу в группе обучающихся с помощью учителя актов понимания учеником того, что читает [Коул 1989: 41 и др.]. Развитие этой разработки получило у М. Коула в его проекте «5 измерение» [Коул 1997]. В данном проекте роль посредника начинает играть компьютер, включенный в коллективную игровую деятельность детей и взрослых [Коул 1997: 325–326 и др.]. Но в данном проекте компьютер используется лишь как техническое средство, наподобие калькулятора. Не обсуждается то, что сама реальность изменилась и стала смешанной, социально-цифровой, и поэтому М. Коул не ставит вопрос о границе, о феномене смещения границы между этой и той реальностью, не обсуждается природа цифры как особого рода посредника.

цы. Необходимо преодолеть в этом плане не саму виртуальную инверсию, а ценностный сдвиг, и вернуть человека ему самому. Чтобы человек начинал видеть в цифре не врага или друга, или игрушку, а просто средство, играющее определенную роль в личностном развитии человека.

Необходимо переходить от дискурса защиты и нападения, (защиты детства, человека, мира от агрессивного мира гаджетов) – к дискурсу переосмысления и переоформления, выстраивания нового видения, точнее понимания новой реальности, казавшейся нам такой же, какой была в доцифровую эру. Если мы понимаем, что мы живем в новой реальности и мы становимся в ней другими, то мы вынуждены выстраивать новые методологические объяснительные модели, в которых цифра выступает новым средством развития человека.

На этом фоне появляются новые исследования, показывающие постепенное формирование этого дискурса и складывание более дружественного интерфейса ученик – цифра, в котором медленно преодолевается стратегия защиты детства от нападения агрессивной цифры [Солдатова 2018]. Постепенно растёт уровень «цифровой компетентности». Всё более выстраивается более ответственное отношение к цифровому контенту, к взаимодействию и обучению со стороны родителей и подростков, что вносит необходимые требования к безопасности использования цифровых технологий (более грамотное, избирательное использование, сокращение времени пребывания в интернете, закрытие агрессивного и сексуального контента, вредоносных вирусных программ). В условиях смешанной реальности постепенно формируется так называемая «культура цифрового гражданства». Тем самым, как полагают исследователи, и само виртуальное пространство структурируется и становится сферой социализации детей и подростков, оно все более наполняется культурным заданием, связанным с развитием человека, но уже в новой смешанной среде, помогая выстраивать более ответственную и осознанную позицию относительно роли цифры как среды обитания.

Заключение. Новая исследовательская повестка

Если вернуться к нашей базовой модели, то нам видится, что задача здесь становится гораздо более сложной. Одно дело – менять отношение к цифре, менять поведенческие стереотипы, выстраивать с цифрой дружественный интерфейс. Это то же самое, как поменять минус на плюс в своем настроении и отношении к чужому предмету или явлению. Ребенок, например, боится собак. Он их в первый раз видит. Его просят подойти к ней и погладить ее, внушая, что она не кусается. Или человек идет ночью на кладбище, чтобы преодолеть страх темноты и стереотипы про бродящие там души умерших. В итоге он пытается преодолеть сугубо психологический страх, и как следствие – поведенческий стереотип, сформировавшийся в нем из предыдущего негативного опыта.

От таких стратегий, направленных на изменение паттернов поведения наше понимание новой реальности не станет глубже и точнее. Если мы полагаем, что базовая модель культурно-исторической психологии продолжает работать и она имеет огромный объяснительный потенциал, то на ее языке мы и должны сформулировать себе новое культурное задание на буду-

щее¹³⁸. Чтобы в нем были заданы рамочные ориентиры как для дальнейших исследовательских программ, так и для проектов, связанных с построением разных антропопрактик развития в разных сферах жизнедеятельности.

Сформулируем это культурное задание для новой модели в новой реальности, формирующее будущую исследовательскую повестку.

1. Восстановление связи взрослых (посредник) и ребёнок (ученик) в акте развития, в совместной предметной деятельности в новой смешанной гибридной среде. Изменение роли взрослого (учителя) и ребенка (ученика). В цифровых культурных практиках зачастую именно внук становится учителем для своего деда при освоении новых технических средств¹³⁹. Перераспределение функций в связке: взрослый – ребёнок – цифра. Выстраивание дружественного интерфейса взаимодействия, в котором разнообразная смешанная среда становится смысловым пространством развития, а не пространством виртуального ухода из социальной реальности.

2. Восстановление смыслового поля действия ребёнка (ученика) в цифровой среде. Расширение горизонта смыслового поля. Выстраивание смыслов предметной деятельности в смешанной реальности.

3. Восстановление событийного центра для ребёнка в реальной жизнедеятельности при помощи использования ресурса и богатства цифрового контента. Преодоление виртуальной инверсии.

4. Построение новой модели акта опосредствования с участием цифры: человек – орудие – знак – цифра. Формулирование для «умного гаджета» и цифровых технологий нового задания: вместо игрушки для развлечений они должны становиться средствами по развитию личности человека.

5. Восстановление базовой деятельности по опосредствованию с использованием цифровых технологий и построение в новой цифровой среде практик обучения базовым видам деятельности (чтение, счет, письмо), используя ресурс цифровой среды. Например, работа с гипертекстами действительно может быть выстроена как форма личностной навигации, построенной с учетом ресурсов гипертекстов, обладающих интерактивностью, наглядностью, мультимедийностью, разнообразием контента и т. д.

6. Восстановление детских сообществ и сообществ сверстников. Новые коллективные творческие дела и формы взаимодействия. Возвращение человека из виртуала в социальную реальность на новой основе. Новые коллективные формы взаимодействия взрослых и детей с использованием цифровых технологий.

7. Введение в проектную и исследовательскую повестку вопроса о необходимости разработки новых цифровых моделей обучения, в которых *цифровые антропопрактики* становятся не просто средством, но и новым

---

¹³⁸ Примерно так же рассуждает упомянутый нами немецкий автор Г. Рюкрим: если культурно-историческая психология и теория деятельности, вытекающая из нее, претендуют на то, чтобы продолжать развиваться в цифровую эпоху, они должны выработать новые модели, но в новой реальности [Ruckriem 2010: 37].

¹³⁹ Это предполагает представление об ином типе культуры, в духе М. Мид. Постфигуративная культура, в которой взрослые учили детей, дополняется префигуративной, в которой дети становятся учителями для взрослых. Как правило, такой сдвиг культур происходит в переходные времена, времена смены укладов и трансформации социальных структур [Мид 1988].

видом мыследеятельности. К привычному списку базовых видов деятельности человека и видов обучения (чтение, письмо, счёт, общение, познание) добавляется фактически новая мыследеятельность, задающая тем самым новые качества и требования для развития личности, раздвигающие горизонт развития и задающие новую «зону ближайшего развития».

Л. С. ВЫГОТСКИЙ, ЦИФРОВОЙ РАЗЛОМ И ПОИСКОВАЯ СИТУАЦИЯ

С. А. Смирнов¹⁴⁰

Опосредствование и цифра

Цифровые технологии (в широком смысле – цифра), активно внедряемые в различные сферы жизнедеятельности, выступили серьезным вызовом для гуманитарных наук и в том числе для культурно-исторической концепции Л. С. Выготского (далее – КИП). Фактически, все мировые антропологические, психологические концепты, известные нам и до сих пор выступающие базовыми для гуманитаристики, были разработаны в доцифровую эпоху. И потому цифра никак не фигурировала в этих концептах. И хотя уже в 60-е годы прошлого века появились работы, посвященные как роли компьютера и информационных технологий в развитии человека, так и рискам, с этим связанным¹⁴¹, но вместе с тем базовые постулаты КИП не были проверены по крупному счету цифрой. А вызов здесь как раз и заключается в том, что она бьет в самую сердцевину КИП – в модель опосредствования.

В чем заключается предметно этот вызов и связанная с этим проблемная ситуация для исследователей?

Постулат КИП гласит, что все «высшие психические функции <...> являются опосредованными процессами, т. е. включают в свою структуру как центральную и основную часть всего процесса в целом употребление знака как основного средства направления и овладения психическими процессами» [Выготский 1982б: 126]. Акт развития по Л. С. Выготскому всегда был представлен через акт овладения человеком своим поведением посредством психологического орудия (знака). Последний отличается от орудия труда своей *направленностью* – вовнутрь, на свой способ действия (в отличие от внешнего предмета-орудия, направленного вовне, на объект) [Выготский 1983: 90]. Это различие грамматически воплощается в ключевом понятии, в изменении суффикса: при воздействии на объект субъект осуществляет акт *опосредования*, действуя с помощью орудия. А при воздействии на себя субъект осуществляет акт *опосредствования*, овладения своим поведением, действуя с помощью знака¹⁴².

Но что означает овладение своим поведением? Оно означает освоение человеком (ребенком) с помощью взрослого-посредника способа действия с

¹⁴⁰ © Смирнов С. А. 2023

¹⁴¹ См., например, [Арсеньев и др. 1966]. По понятным причинам, нельзя представить построение и описание в этих работах модели опосредования с участием в ней цифры. Но многие мифы различных представителей трансгуманизма эти авторы пытались развеять (например, миф, согласно которому мыслит мозг, а поэтому можно разработать модель искусственного интеллекта на примере анализа активности мозга).

¹⁴² Это различие при переводе на английский исчезает. Во всех переводах присутствует *mediation*. Причем западные авторы, в том числе и последователи КИП, делают акцент именно на орудийной стороне акта – на действии субъекта с помощью орудия. Одна половина акта развития (опосредование) обсуждается, забывается другая, главная, – овладение своим поведением.

помощью орудия и формирование тем самым собственной субъектности. Если быть более точным, при освоении способа действия последний «входит» в человека, становясь его новой функциональной органикой, у человека формируется новый «функциональный орган», о чем любил повторять В. П. Зинченко¹⁴³. Здесь важно представить сам процесс освоения способа действия как проживания субъектом самого процесса освоения. Как пишет Б. Д. Эльконин, важно понимать то, как стимул, ранее бывший внешним для человека, превращается во внутреннее средство, или как знак «превращается во внутреннее средство построения действия» [Эльконин 2010: 233]. Это ключевая проблема КИП. И вопрос не в том, как работает стимул, ставший средством, вопрос в самом становлении стимула средством, в проживании самого «промежутка», в пределах которого происходит превращение стимула в средство.

Дело в том, что сам акт овладения предполагает усилие, переживание и проживание внутреннего самоощущения. Б. Д. Эльконин (со ссылкой на работы Лисиной, Зинченко и Гордеевой) фиксирует ключевую проблему, которая заключается в том, что *полнота акта опосредствования* предполагает проживание личного усилия, «чувства собственной активности». Человек (ребёнок) физически проживает акт овладения, он преодолевает этот акт, проживая его в полноте самочувствия, видя, слыша и ощущая психологическое орудие физически, сенсорно, телом. То есть средство, с помощью которого человек осваивает способ действия с предметом и тем самым овладевает собой, своим аффектом, ощущается телесно, сенсорно, в полноте присутствия. Таким способом в принципе осваиваются самые различные способы действия и основные деятельности, будь то чтение, письмо или танец. Здесь важны акценты. Не само по себе овладение культурным средством есть главное ядро в модели опосредствования, а то, происходит ли далее овладение человеком своими психическими процессами с помощью этих средств и происходит ли далее формирование новой личностной органики с помощью этого процесса овладения? Иначе говоря, человек может овладеть внешним действием ручки при письме. Или он может выучиться грамоте и как-то начать читать. Но вопрос в другом – овладевает ли человек собой, своими аффектами, проделывая действия с письмом или чтением, управляет ли он своим письмом с помощью ручки? Какова здесь полнота проживания и управления этим проживанием?

В ряде исследований, в том числе и автора этих строк, уже введено допущение, что цифра (цифровые технологии) выступает новым *средством опосредования* [Рубцова 2019а; Рубцова 2019б]]. При этом, как полагает О. В. Рубцова, цифровые технологии выступают одновременно и в роли орудия, и в роли знака [Рубцова 2019а: 121–122]¹⁴⁴. Но если цифра есть знак, то каким способом происходит овладение цифрой как знаком и что при этом

¹⁴³ На примере письма: ручка-кисть-рука-локальная зона в мозге в виде нейронных связей.

¹⁴⁴ Добавим к этому, с учётом выше сказанного, что речь в этих работах идёт всё же больше об орудийном аспекте, а не об аспекте овладения собой. Цифра выступает здесь орудием и знаком, но в орудийном смысле. С помощью цифры человек может делать уже очень многое. Но остаётся главный вопрос – что такое овладение собой с помощью цифры и становится ли цифра частью нового функционального органа?

чувствует субъект действия, ребенок, оперируя цифрой? Не является ли такое допущение излишним упрощением, когда мы считаем цифру знаком и орудием? Полагаю, что цифра больше, чем знак и орудие. Она – среда обитания нового типа, в которой живет ребенок. Причём (и это главное) в этой среде отсутствует привычный нам взрослый-посредник.

Л. С. Выготский в своё время замечал: «<...> включение символических операций делает возможным возникновение совершенно нового по составу психологического поля, не опирающегося на наличное в настоящем, набрасывающего эскиз будущего и таким образом создающего свободное действие, независимое от непосредственной ситуации» [Выготский 1984: 50].

Л. С. Выготский ставит в прямую зависимость использование психологического орудия и создание возможности для осуществления опосредствованного способа действия в смысловом поле, в отрыве от наличной (видимой) ситуации. Опосредствованное знаком действие и освоение (присвоение) его и посредством этого овладение собой осуществляется предметно-телесно. А управляет субъект этим действием, приподнимаясь над наличной ситуацией, из смыслового поля.

Речь идет об усилении, связанном с преодолением наличной ситуации «путем построения собственного поля действий, преднамеренных по своей динамике и опосредствованных по своей структуре», как верно замечает А. А. Егорова [Егорова 2010: 18].

Что нам важно здесь понять? Важно зафиксировать, что акт развития строится в связке опосредствования и овладения, при которой сама последовательность, логика и структура действия по опосредствованию и овладению проживается и переживается все равно непосредственно-телесно и чувственно, всеми органами чувств. Ребенок видит, слышит, чувствует руками предмет и знак, становящийся психологическим орудием и средством, точнее – этот предмет и знак как бы прорисовывается непосредственно всей личностной органикой ребенка. Например, первую букву на чистом листе ребенок пишет всем телом. Хотя сам знак не чувствуется, но проживается само действие по написанию знака. Проговаривание первого слова при акте чтения происходит всем существом. Через голос и через все тело проговаривается вслух звук, слыша который говорящий овладевает и звуком, и буквой и посредством этого – собой.

Но при этом управляет собой ребенок, находясь над наличной ситуацией, из смыслового поля. Если он не приподнимается над своей телесностью и непосредственностью проживания, то он будет зависеть от своих аффектов и не в силах будет превращать стимул в средство.

Это сочетание действия в смысловом поле, из которого происходит управление предметным действием, и проживания акта овладения в непосредственно-сенсорно-телесном поле задает всю энергетику акта развития. В этом смысле оно и *имеет место*, то есть *происходит как событие*. Оно видимо, оно проживается. Опять зададимся вопросом – пребывание человека в виртуальной среде, созданной с помощью цифры, также происходит непосредственно-предметно-телесно и оно имеет место? Или такое пребывание теряет координаты хронотопа, то есть, собственного присутствия и событийности? И если событийность все же имеет место, то какого оно качества?

В серии экспериментов, проведенных Б. Д. Элькониным и А. А. Егоровой, было показано, что именно такое проживание чувства собственной

активности важно при освоении психологического орудия [Егорова 2010; Егорова 2009; Эльконин 2010]. Ими был показан феномен освоения, присвоения человеком знака, присвоения собственного способа действия. Они показали, что именно в актах овладения своим поведением само действие по овладению может быть проживаемым и наблюдаемым. Было показано, что в промежутке освоения психологического орудия как средства способа действия важно прочувствование действия с ним: необходимо, чтобы средство стало чувствительным к объекту его приложения, дало возможность руке ощутить и глазу увидеть: «Подобное опробование средства – испытание осязаемости его действия – необходимый субъективный момент освоения способа действия» [Эльконин 2010: 234]¹⁴⁵.

Добавим, что сам субъект действия при этом должен и желает себя видеть в этом проживании момента освоения и присвоения способа действия, будучи не слепым реактивным существом, а активным субъектом, управляющим актом собственного способа действия.

Вывод, к которому пришли Эльконин и Егорова, заключается в том, что сам акт освоения способа действия требует необходимости усиления видения самой ситуации овладения, для чего нужно построение средств усиления собственного видения. Если субъект не видит саму ситуацию и себя в ней, не проживает собственного прочувствования акта, то в таком случае способ действия не становится своим, присвоенным, а остается отчужденным, а значит не осваивается [Егорова 2010: 20].

Приложив выше изложенные требования к модели опосредствования и овладения в рамках КИП, вновь зададимся вопросами:

1. Если допускается, что цифра выступает новым средством опосредствования/опосредствования, то можно ли говорить, что она выполняет роль такого же проживаемого человеком психологического орудия, с помощью которого он овладевает своим поведением?

2. Если цифра выполняет роль психологического орудия, то можно ли говорить о том, что ею субъект также овладевает, осваивает и на себе проживает акт прочувствования?

3. Возможно ли в принципе применять такие характеристики, относящиеся к традиционным психологическим орудиям (предметам и знаками), выработанные в рамках КИП, к цифровым средствам, с помощью которых создается виртуальная реальность (далее – VR)? Применимы ли описанные в КИП способы действия человека к способам действия человека в VR? В таком случае мы должны допустить, что VR устроена так же, как и исходная социальная, физическая, материальная реальность, в которой изначально действует человек. Так ли это?

---

¹⁴⁵ Б. Д. Эльконин замечает: «Самочувствие (чувство себя) – эта первоначальная форма самоопределения и идентичности – является самой глубокой экзистенциальной психосоматической закладкой человеческого существования и, в частности, первоначальным условием ситуации достижения. Существенно, что именно чувство себя как «первичная потребность» не является естественной данностью, оно строится, являясь функцией определенного типа усилий. Тот тип усилий, в котором становится чувство себя, как раз и предполагает опосредствование в его полноте, а именно, усиление, отображение и возвращение индивиду его латентных, внутренних «стремлений» [Эльконин 2010: 157].

Цифровой разлом

Молодое поколение, особенно школьники, уже давно, с рождения, живет в цифровой среде, являющейся для них средой обитания. Такое пребывание в цифровой среде действительно деформирует структуры поведения детей и подростков. В этой ситуации происходит следующее. При массовом внедрении умной цифры в повседневность, при иммерсивном погружении ребенка и подростка в виртуальную среду происходит то, что умный гаджет и ребенок меняются местами: активную роль «субъекта», воздействующего на человека, берет на себя гаджет, а пассивную роль подчиняющегося «объекта» берет на себя школьник. Это связано с тем, что в умном гаджете уже заложен сценарий поведения, алгоритм действия. Берущий его ребенок, с неформленными способностями, не овладевший еще своим поведением, берет не просто гаджет в руки. Он подчиняется зашитому в гаджет сценарию поведения.

Названный феномен мы называем *цифровым разломом*. Последний означает расщепление в базовой схеме коммуникации взрослый – ребенок, в силу чего *взрослый уходит из событийного поля ребенка*. Он в виртуальном мире ребенка отсутствует. С другой стороны, сама умная цифра, то есть цифровые двойники в VR, выступающие в роли квазипосредников, забирая себе функцию образца действия, представлены в образе готового действия, предназначенного для того, чтобы его взять и повторить, минуя стадию опосредствования, связанного с личным усилием ребенка. В итоге ребенок не проживает самого акта овладения своим поведением, он не продельвает действия опосредствования, а потому и не становится субъектом действия, поскольку этого от него не требуется, а требуется действие по образцу, по сценарию, зашитому в гаджет.

Тем самым произошло и смысловое, и функциональное замещение. VR заменила собой исходную, социо-культурную реальность, в которой и происходил акт опосредствования и овладения. В силу этого замещения ребенок, будучи отторгнутым от живого взрослого, заместившего себя гаджетом, сам же и создает ситуацию, в которой погружается в VR. Исходная ситуация, в основании которой лежит живое желание увидеть, услышать, прочувствовать живой мир, переводится ребенком в VR, но в *превращенной форме*, воплощается в акт погружения и замещения, поскольку ему кажется (хочется), что там, в VR, он найдет все, и полноту, и смысл, и непреходящий источник, и радость встречи и принятия¹⁴⁶. Но получает в лучшем случае виртуальный заменитель, копию ушедшего оригинала (человека, вещи, действия, образа) (рис. 1).

В силу сказанного мы наблюдаем целый веер последствий цифрового разлома. Эти последствия следующие. Опишем эту ситуацию как принципиальную, модельную, понимая, что в ее пределах возможны варианты.

Функциональная инверсия

В гаджет встроены сценарии действия, которые *ведут* ребенка. Не он действует, а его ведут. Но если в живом «совокупном действии» (Д. Б. Эль-

---

¹⁴⁶ См. подр. представление о виртуальной реальности как о превращенной форме (гл. 2).

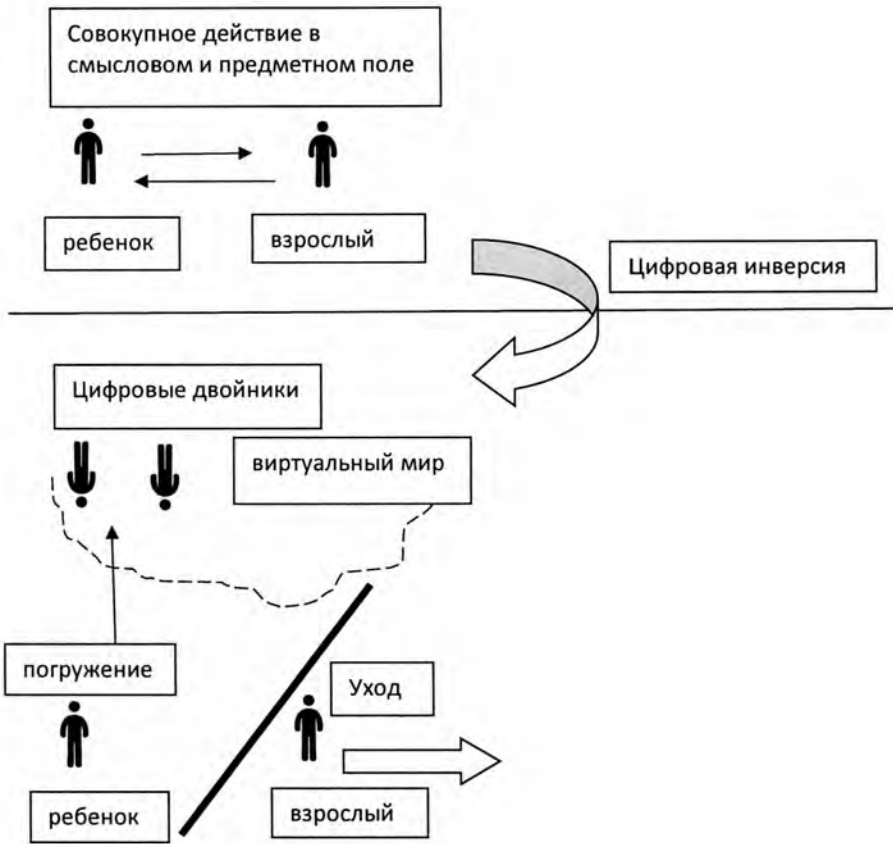

Рис. 1. Цифрой разлом и замещение

конин) ребенок переживает и проживает это совместное действие со взрослым, которому он, ребенок, возвращает освоенное и осмысленное, уже присвоенное, свое действие, показывает ему его, ища подтверждения и принятия, то в ситуации смыслового одиночества наедине с цифрой он этой возможности не имеет, да и не желает, поскольку его манит к себе красивый мир цифровых соблазнов.

В ситуации развития (в ее норме) ребенок в присутствии взрослого совершает опосредствованное действие по овладению своими реакциями с помощью знаков-орудий, поскольку сама социальная ситуация не дает ему подсказок: если мы берем ситуацию отношения ребенка со взрослым в норме, если взрослый не дает подсказок. Но вместо этого, находясь в VR, ребенок получает сразу не просто подсказку, а целую навигацию действий, зашитую в гаджете. Вся схема поведения выстраивается не в логике овладения своим поведением, а в логике соблазна: кликни на клавишу – получишь бонус. При такой схеме не может формироваться высшая способность, поскольку самое главное не происходит – опосредствование поведения орудием и овладение собой, своей реакцией. Нет необходимости совершать действие по опосредствованию, проделывать над собой усилия, коль скоро ты сразу получаешь бонус.

Проблема здесь не в самой по себе замене одного орудия на другое – карандаша и ручки на гаджет. Проблема в том, что само орудие (гаджет) устроено принципиально по-другому. Оно *забирает культурную функцию субъекта* у ребенка, действует и работает вместо него. Активным становится искусственное изделие, техническое устройство, а не человек, происходит функциональная инверсия.

Событийный сдвиг

Многочисленные исследования показывают, что ребенок не просто присутствует в интернете и тратит там многие часы. Он там живет. Он живет в виртуальной реальности. Но проблема и здесь не в самой по себе цифре и пребывании в виртуальной реальности. При погружении ребенка в VR происходит *смещение ценностного акцента* – в пользу VR. Ребенок переживает действия в VR как ценностно более значимые для него. То, что происходит с ним там (на самом деле, с его цифровым двойником в VR) для него более значимо, чем то, что происходит с ним здесь, в социальной реальности. Происходит *перенос событийного центра* из этого мира – в тот мир, виртуальный.

Взрослый посредник (культурный взрослый), ранее в норме онтогене-за создававший ситуацию взросления, выстраивая действие по опосредствованию, здесь, в VR, просто отсутствует. Вместо него ребенку представлены цифровые двойники, виртуальные собеседники, заманивающие ребенка все далее в чашу виртуального леса.

Сценарный захват

До цифры сценарий поведения предлагался ребенку от взрослого. Он был культурным посредником [Эльконин 1995]. Более того, в реальной социальной среде перед ребенком разворачивался репертуар сценариев. В этом репертуаре были помечены приоритетные и не приоритетные скрипты.

Поэтому сфера опосредствования поведения ребенка всегда была погружена в сценарный контекст, который представлен ребенку. Сама сфера опосредствования будет действовать так, каким будет этот сценарный контекст.

И вот ребенок попадает в виртуальный мир соблазнов. Последний радикально изменил именно сценарный контекст. Ранее этот контекст был несколько отдален от орудийно-знакового, от индивидуальной линии поведения, хотя и связан. Теперь же сам сценарий, причем приоритетный, уже зашит в само устройство, в гаджет, мобильник, планшет, в игру в интернете. Еще точнее, сценарный контекст фактически скукоживается, поскольку взрослые из этого контекста удалены как носители. Вместо них происходит почти полное замещение социальной реальности доминирующим сценарием, зашитым в главный посредник – умный гаджет.

До гаджета ребенок совершал всякий раз новое действие в новой ситуации, преодолевая трудности и решая новые задачи по проделыванию предметного действия. А с гаджетом он получает готовый сценарий поведения и вместо нового действия в новой ситуации он повторяет готовый сценарий, зашитый в гаджете.

Тем самым он не переживает акта развития, поскольку не осуществляет реальное действие по опосредствованию, связанное с овладением своим

поведением. Ему нечего преодолевать. А потому нет причин для формирования в себе собственной субъектности.

Сплющивание смыслового горизонта

Д. Б. Эльконин замечал, что в онтогенезе наблюдается известное отставание в степени развитости мотивационно-потребностной сферы от операционально-технической [Эльконин 1995: 390]. Но совокупное действие взрослого и ребенка есть единство аффекта и интеллекта. Аффект связан с ориентацией на другого человека, здесь рождается социальный смысл. Интеллект же связан с ориентацией на реальный предмет, на условия осуществления предметного действия [Эльконин 1995: 403].

Если же происходит замена взрослого гаджетом, то мы получаем радикальное переустройство ситуации. Вся смысловая, мотивационно-потребностная сфера сворачивается и замещается готовым образцом действия, идущим от сценарного контекста, зашитого в гаджете. Это копирование образца не предполагает совместного действия.

Если гаджет занимает место взрослого, то исчезает и мотивационная сторона действия, исчезает и смысл. Остается лишь предметная, операционально-техническая сторона предметного действия, причем, в свернутом, редуцированном цифровом виде, которую ребенок не осваивает, а берет в виде готовой схемы-образца от гаджета, в виде алгоритма, не имея возможности выстраивать совместную деятельность со взрослым.

Социальное vs виртуальное: смена мест

Гаджет с зашитой в нем функцией и сценарием поведения не является носителем социальной функции. Он предлагает виртуальный мир, не реальный, мир превращенных форм. Поэтому если ребенок берет его за образец и вшивает в свое поведение по схеме интериоризации, то происходит подражание не социальному миру, а виртуальному. И ребенок становится не социальным существом, а виртуальным, точнее, заменяет себя своим цифровым аватаром. Происходит виртуальная интериоризация, а не социальная.

Усилие vs удобство, комфорт

Л. С. Выготский отталкивался от марксовской модели трудовой деятельности, выстроенной как внешняя деятельность с орудием, направленным во вне, на преобразование объекта, природы. В отличие от нее Выготский выстраивал модель внутренней, психологической деятельности, в которой ключевую роль играет психологическое орудие, знак, направленное вовнутрь, на овладение человеком своими реакциями и преобразование им собственного поведения. Этим психологическое орудие отличается от технического – направленностью не во вне, а вовнутрь.

Исторически развитие техники шло по логике первой модели, логике усовершенствования внешнего орудия, технического устройства с точки зрения усиления его эффективности и все большего удобства и комфорта для пользователя, человека. Человек приспособлял и развивал орудия, делая их все более удобными, эффективными и умными, в силу чего орудие становилось умной машиной. С этим связаны разного рода эргономические разработки и проч. В отношениях человек-техника при этом функционал распределялся все более в сторону машины, чтобы человеку-пользователю

было удобно, чтобы он легко осваивал технику. Умная техника осваивается по принципу самоучителя, зашитого в эту технику, посредством нажатия ряда кнопок, а машина работает уже сама, регулирует свою работу. В техническое устройство зашита программа его функционирования. Человеку не надо ее осваивать, он предпочитает ею просто пользоваться. Проще говоря, домохозяйке не надо вникать в принципы устройства умной стиральной машины. Нажимаешь на кнопку – и она делает нужную тебе работу. Тем самым человек все более передавал разные функции орудию, машине, превращая ее в умное техническое устройство.

Данный функциональный аутсорсинг постепенно делал свое дело. Человеку было важно, чтобы орудие становилось все более умной и эффективной машиной. Базовыми требованиями для технического устройства в трудовой деятельности всегда выступали такие качества, как эффективность, удобство, функциональность. Для техники это норма. Так выстраивался весь технический прогресс.

А вот психологическое орудие-знак, направленное вовнутрь, на преобразование поведения человека, не должно рассматриваться в таких же категориях – удобство, простота в освоении, эффективность. Принципы удобства и эффективности, применяемые в трудовой деятельности, адекватны для последней, но если эти же принципы применяются к психологическому орудю при обучении и развитии ребенка, то это тормозит его развитие. Отношения человек-техника здесь меняются местами. В обучении наоборот удобство, эффективность и аутсорсинг не могут быть главными критериями. Здесь главное состоит в том, чтобы создавать для ребенка зоны ближайшего развития, создавать ситуации развития через преодоление, требующие от него личного усилия. Ученику должно быть трудно, дабы он овладевал своими реакциями и через это формировал себя.

Но с гаджетом произошло все наоборот. Он вошел в повседневность ребенка и все изменил. Он удобен, прост в освоении и эффективен. И когда он стал подменять учебник и учителя, родителя и наставника, когда ребенок стал все более подчиняться удобному интерфейсу, который осваивается на раз дошкольником, то возникла инверсия: вместо усилия требуется схватывание, использование удобного и безопасного гаджета. Гаджет удобен, эффективен, быстро осваивается, заменяет собой взрослого и создает иллюзию развития.

Но тогда не выполняется главное условие культурного развития: человек перестает овладевать своим поведением. В общении с гаджетом этого не требуется.

Иллюзия безопасности

В модели опосредствования-овладения взрослый показывает ребенку образец, являя себя таковым, живым носителем образца, тем самым выстраивая мотивацию для ребенка, который, несмотря на новую ситуацию, готов рисковать. Освоение нового действия с предметом всегда рискованное занятие. Делая первые шаги, упадешь, ударишься коленками. Но ты пробуешь, хотя бывает больно. Но рядом взрослый – он всегда поможет. В его присутствии и внутреннем участии и содействии ребенок готов идти на риск – совершать частное действие.

В случае же с гаджетом и цифрой ты ничем не рискуешь. Его разработчики все сделали так, чтобы тебе не надо было прилагать усилий, чтобы тебе было комфортно и не было больно. Ты нажимаешь пальцами на клавиши. И тебе не больно, если что-то пойдет не так. Снова пробуешь, и снова не больно. Ты не получаешь ответной реакции от гаджета в виде явного физического контакта. Вместо этого – манящий и соблазняющий свет ярких картинок и комфорт цифрового путешествия, но «как бы» присутствия в отсутствии. Полноты свершения собственного действия и ощущения сопричастности с Другим (взрослым, здесь же тебя поддерживающим) ты не ощущаешь. Но этого и не требуется.

Итак, цифра, будучи единицей ВР, не может быть прочувствована и прожита так же, как проживается в акте овладения вещь, предмет, слово, знак, становящиеся средством действия субъекта. Она не дает и не может дать по природе своей самоощущения присутствия и участного действия. Цифра уже дана субъекту действия в виде готовых картинок, образов, сценариев действия. Цифра остается внешним образом, не прочувствованным, не своим, остается внешней картинкой, а не присвоенным способом действия.

В таком случае цифра в этом контексте, являющаяся единицей ВР, сама по себе не может выступать средством опосредствования, если соответствующим образом, искусственно, не выстроена ситуация овладения, если искусственным образом не построена ситуация освоения способа действия и овладения собой, прочувствования самого способа овладения, прочувствования самого себя в акте овладения. Самый простой пример – нужна специальным образом построенная модель виртуального тренажера. Например, тренажер самолета или автомобиля. Тренажер не заменяет реального самолета, но с его помощью можно тренировать навыки. Хотя это все равно будет искусственная ситуация, не замещающая реальности (тренажер никогда не заменит самолет), но тем не менее виртуальная модель помогает в безопасной ситуации осваивать новые способы действия в сложно организованной реальности.

Ведь что важно? Психику просто так натурально не увидеть, она всегда представлена опосредованно через тексты, стимулы, средства, приборы, орудия... Эту, как говорит Б. Д. Эльконин, негативную коннотацию Л. С. Выготский перевернул и сделал позитивным ходом рассуждения. Значит, сам акт опосредствования и овладения надо делать видимым и проживаемым самим субъектом актом. Психологические орудия, средства, вещи и знаки должны быть встроены в акт опосредствования, в которой сама психика и начинает видиться, формироваться, лепиться. Б. Д. Эльконин в таком случае прибегает к понятию построения «пробно-поискового действия». Последнее должным образом строится, оно автоматически не представлено, не существует как готовое действие и не совершается автоматически, стимул-реактивно [Эльконин 2010: 152–161].

Но в таком случае мы должны вести речь не о как таковой цифре и ВР, а о том, что означает построение пробно-поискового действия, но уже в гибридной среде, с помощью цифры? И как может быть использована цифра при построении поисковой ситуации развития? Когда мы ставим перед собой подобные вопросы, мы должны помнить, что проблема заключается не в цифре. Мы неправильно выражаемся в своих речевых оборотах. Как и ранее, до цифры, вопрос стоял не о том, что есть знак сам по себе. Без по-

строения ситуации опосредствования ребенка и взрослого знак не может быть таким средством. Он сам по себе ничто, пустая графема, форма. Поэтому и цифра средством опосредствования сама по себе выступать не может, а лишь в руках умного взрослого. Она вообще нейтральна и амбивалентна по отношению к субъекту действия. Но она начинает «говорить» и оживать лишь в ситуации построения пробно-поискового действия.

Мы вынуждены признать, что пока в настоящее время не построена и не описана модель опосредствования, в которую была бы включена цифра как новый тип культурного посредника. Мы видим пока разнообразные констатации. Да, разные авторы настаивают на том, что модель опосредствования, выступающая ядерной в КИП, должна быть и может быть использована в новой ситуации развития и цифру необходимо включать в эту модель. Другие авторы констатируют, что цифра уже стала новым посредником и мы являемся свидетелями цифровой социализации, и уже сложились такие новые феномены, как цифровое детство, цифровое воспитание, цифровое развитие и т. д. [Солдатова 2018]. Третьи авторы наоборот утверждают, что цифровизация уничтожает личность. Ребенок, погружаясь в ВР, теряет себя и весь социальный мир, но это происходит не от хорошей жизни, ребенок фактически теряет те необходимые социокультурные опоры и ориентиры, которые он ранее имел от культурных посредников, взрослых. Не в силах их найти, он погружается в ВР и находит там превращенные формы таких опор виде цифровых двойников, аватаров, заменителей.

С учётом выше описанной ситуации, мы должны заметить, что сама по себе цифра не может быть уже готовым средством опосредствования¹⁴⁷. Необходимо выстраивать специальным образом ситуации опосредствования, в которые включается цифра и выстраивается такое поле взаимодействия ребенка и взрослого, в котором они могут выстраивать совместное, совокупное действие, но уже с помощью цифры. Это задание для взрослого принципиально новое, прежде всего потому, что цифра по самому своему исходному заданию изначально выступала заменителем «аналога», физического, материального мира, в котором человек появляется на свет. И второе. Цифра больше, чем технология. Наряду с тем, что она может быть использована как средство, она выступает характеристикой среды обитания человека. Задание для КИП, которое заключается в необходимости построения акта развития с участием цифры (в совокупности своей – как единства опосредствования и овладения) сталкивается с тем, что цифра (цифровые технологии) одновременно выступают как средство создания новой реальности, цифровой (ВР, в которую ребенок и погружается, используя иммерсивные средства), и как характеристика этой новой среды обитания. Цифра – больше, чем орудие и знак, это способ обитания в новой гибридной среде.

В цифре живут. Но главное, само попадание в эту среду иное, нежели в случае с первым, социальным миром. В цифровой мир ребенок погружается. Причем, без усилия. Как в воду. Этот мир ему доступен, открыт, в него мож-

---

¹⁴⁷ О. В. Рубцова замечает, что в исследованиях в рамках КИП никто не затронул вопроса о самой цифре, опосредующей деятельность [Рубцова 2019а: 121]. Вынужден отметить, что сама по себе цифра и не может быть таковой, то есть средством. По той простой причине, что она не субъект. Средством, опосредующим действие, она может быть в руках человека, причём двояко. Либо во благо, либо во зло. Поэтому обсуждать надо не цифру саму по себе, а ВР и действия человека в ней.

но попасть моментально, через пару кликов. Правила погружения в этот мир просты, они доступны и маленькому ребенку, в смартфоны и гаджеты зашиты простейшие самоучители, навигация упрощена, и ребенок через набор простых манипуляций с гаджетом попадает в мир соблазнов и вещей, которые недоступны и запрещены в первом мире, только в виде цифровых заменителей. Если акт развития требует личного усилия и полноты присутствия, то погружение в ВР такого усилия не требует, но иллюзия присутствия переживается. Не требуется проходить этапы опосредствования, погружение в ВР безопасно. Ребенок попадает в мир превращенных форм, заменителей реального мира, доступных ему, замещающих этот мир, и у человека возникает иллюзия полноты проживания.

В таком случае ставится задача возвращения человека к самому себе, преодоления отчуждения и распрямления превращенных форм. Но для этого, если вести речь о разработке обучения в школе с помощью цифры, необходимо выстраивать принципиально иную модель обучения. Испытания цифрой не выдерживает именно такая модель обучения, которая построена по логике алгоритма, по модели дисциплинарной матрицы, вопрос-ответного обучения. Алгоритмизация, то есть цифровизация, начинается до цифры. А это значит, что зависимость от цифры необходимо преодолевать до цифры, выстраивая соответствующую модель обучения на уроке.

Цифра на уроке. Поисковая ситуация

Какие модели обучения мы разрабатываем и реализуем в массовой школе, используя цифру? Массовая школа как институт выстроена как социальная машина. С легкой руки М. Фуко школа наряду с клиникой и тюрьмой давно представляет собой дисциплинарный институт надзора и наказания, в котором человек (учитель и ученик) выступает как подчиненный индивид, а не как личность и субъект развития. Это связано с тем, что в доминирующей в массовой школе модели школьного конвейера ученик и не может быть ничем иным, кроме как пассивной функцией, что является следствием процесса программирования поведения ученика и учителя, выступающего базовым процессом в школе, построенной по модели дисциплинарной матрицы. Алгоритмизация поведения как принцип уже заложен в школе, выстроенной по модели конвейера. А цифровизация добавляет и технически закрепляет эту алгоритмизацию.

Умная цифра при ее массовом внедрении неминуемо возвращает нас к старым бихевиористским схемам поведения, в которых ученик рассматривается как реактивное, пассивное существо, действующее по схеме стимул-реакция. Исследователи отмечают, что в массовом обучении происходит возврат к ассоцианизму и бихевиоризму, которые, казалось бы, давно были преодолены в российской психолого-педагогической мысли. Но цифровизация их возродила [Громыко 2020: 41].

Мы полагаем, что одним из ответов на данный вызов выступает разработка таких моделей обучения, в которых ученик рассматривается как субъект развития, преодолевающий стимул-реактивное поведение. В качестве методологической основы для выработки таких моделей мы рассматриваем культурно-исторический подход, разработанный в школе Выготского [Громыко 2020; Громыко, Рубцов 2021; Смирнов 2021б]. Авторы проекта Школы будущего предлагают вместо упрощенного цифро-алгоритмическо-

го подхода – цифро-когнитивный подход, корнями уходящий к культурно-исторической концепции [Громыко 2020; Громыко, Рубцов 2021].

Ключевым критерием адекватности и эффективности применения цифры в школе должен стать вопрос, связанный с тем, какую позицию занимает ученик при обучении с использованием цифры: выступает ли он в качестве пассивного объекта воздействия, выполняющего задания по заданному алгоритму, или учитель создает для него *поисковую ситуацию развития*, в которой у ученика формируется *субъектная позиция*? Цифра, как и любой другой инструмент, должна быть встроена прежде всего в ситуацию обучения и развития, *связанной с формированием у ученика субъектной позиции*. В таком случае *критерием оценки* использования готовых цифровых технологий и разработки новых, должно бы то, способствует ли использование цифры построению ситуаций обучения и развития и формирования у ученика субъектной позиции или нет.

Давно доказано, что субъектные качества ученика формируются в режиме поискового проблемного обучения. Только такой режим позволяет преодолевать парадигму алгоритмического обучения, доминирующего в массовой школе и провоцирующего ученика на стимул-реактивное поведение.

Цифровизация в духе алгоритмизации начинается не с технических устройств и гаджетов, а с программирования поведения учащихся. Необходимо выстраивать поисковые ситуации и затем уже в них встраивать цифровые технологии, помогающие учителю мотивировать учащихся на поисковую познавательную деятельность.

Если же в классе не создается поисковая проблемная ситуация, если урок в массе своей строится по алгоритму «вопрос – готовый ответ», то при такой схеме цифра не только не будет помогать развивать ученика, но и будет провоцировать на еще бóльшую алгоритмизацию поведения. В этой связи учитель должен понимать – создает ли он поисковую ситуацию обучения/развития и какое место в этой ситуации занимает цифра.

Поисковая ситуация разворачивается в несколько этапов. На каждом этапе развертывания поисковой ситуации учитель решает вопрос о включении (или не включении) цифры в обучение. Учитель решает, на каком этапе это включение не требуется, а на каком этапе включение в процесс цифры будет не только оправданным, но и желательным, а цифра при этом будет незаменимым умным помощником. Представим эти этапы.

1. *Вызов*. Мотивация. Предъявление задания учащимся, на решение которого у них нет готовых средств, знаний, опыта. Создание проблемной ситуации, связанной с познавательной или жизненной проблемой. Формулировка проблемы. Постановка целей и задач, направленных на решение проблемы.

Возможное место цифры: цифра – инструмент для показа, для создания провоцирующей ситуации (картинки, видеосюжеты, иллюстрации, примеры и проч.).

2. *Осмысление*. Коллективная или индивидуальная актуализация знаний, выявление учащимися дефицита знаний для решения проблемной ситуации, для выполнения полученного задания.

Возможное место цифры: использование цифровых образовательных платформ для онлайн-конференции, если это необходимо и технически возможно.

3. *Поиск-вопросание.* Задавание вопросов, коллективный поиск в классе, поиск информации, работа с учебниками, справочниками, информацией в сети Интернет, проведение опытов (выбор зависит от возраста, тематики урока, сложности проблемы).

Возможное место цифры: использование гаджетов и цифровых образовательных платформ в качестве навигаторов по поиску информации.

4. *Обсуждение.* Работа в малых группах или в парах. Учащиеся обмениваются найденными решениями, обсуждают способы решения, сопоставляют, сверяют оценивают и корректируют, соотносят свою деятельность с деятельностью других.

Возможное место цифры: цифровая образовательная платформа для проведения онлайн-конференции.

5. *Рефлексия.* Оценка того, что наработали, выход на правило, на понятие, на закономерности, на новое знание. Ученики ищут общее решение для частных проблемных ситуаций, предлагают алгоритм действий, совместно с учителем проверяют его, редактируют, выстраивают определенную модель. Чаще всего этот этап ученики проходят с помощью учителя, который помогает им с помощью наводящих вопросов найти искомое правило, вывести закономерность, сформулировать понятие.

Возможное место цифры: использование цифры (соответствующих программ, напр., Migo) для собирания конструктора полученных знаний и представлений, сборка конфигуратора (или кластера) знаний.

6. *Знаниевое оформление и закрепление.* Предъявляются результаты поиска и их осмысления и обсуждения. Формирование знания, картины, видения. Проверка знаний. Этот этап является финальным и представляет собой некоторую проверочную работу (опрос, контрольную работу, экзамен, взаимопрос, самопроверка и т.д.), по результатам которой учитель и сам ученик делают вывод, что поисковая ситуация пройдена успешно, ученик усвоил необходимый материал и умеет справляться с рассматриваемыми проблемными ситуациями; у ученика складывается субъектная позиция.

Возможное место цифры: цифра – как виртуальный тренажер, используемый для тренировки, закрепления полученного знания, правила, понятия на конкретных примерах.

Заключение

Мы полагаем, что вызов, с которым столкнулась культурно-историческая психология в ситуации цифровизации прежде всего связан с тем, что произошло некоторое забвение духовной традиции, массовая школа и средняя семья «потеряли человека», перестав относиться к себе как к субъектам заботы. А цифровые технологии в этой ситуации выступили провоцирующим фактором, поскольку в отсутствии заботы о себе как о субъекте развития созданный самим же человеком с помощью цифры виртуальный мир становится соблазнительной заменой первому миру, миру человека. В этой связи нам всем необходимо вернуть себя самим себе, восстановить практики развития и формирования собственной субъектности, но уже с участием в них цифры как умного помощника.

ЦИФРОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

А. С. Зайкова¹⁴⁸

Мир вокруг нас – это цифровой мир, и с каждым годом роль электронно-вычислительных устройств в нём только увеличивается, что несёт не только новые преимущества, но и новые риски, в частности, для полноценного развития детей. Ранее исследователи ограничивались предостережением о негативном влиянии электронных устройств на детей и предложением полностью исключить их из воспитания, однако сейчас это не представляется возможным: уже в детском возрасте электронные устройства становятся неотъемлемой частью жизни ребёнка, сначала – как часть жизни взрослого, которую он стремится копировать, а в школьном и подростковом возрасте превращаются в необходимую часть социального взаимодействия. Исследователи, стремясь сократить негативные последствия использования электронных устройств, зачастую сужают дискурс цифрового воспитания до наставлений в области кибербезопасности.

Вместе с тем, сама концепция «цифрового воспитания» является намного более широкой, и включает в себя и рассмотрение типов родительства, и анализ отношений взрослый – ребёнок, и многое другое. Её развитие и анализ, включающий в себя адаптацию традиционных концепций воспитания, позволит в дальнейшем не только снизить негативные факторы цифровых устройств, но и выработать основные методологические принципы для развития подходов к воспитанию и образованию детей. Ниже мы покажем, как идеи традиционного воспитания могут трансформироваться при добавлении в модель взаимодействия взрослый-ребёнок цифровых технологий.

Для начала обозначим концептуальную модель, в рамках которой мы проводим исследование. Мы опираемся прежде всего на культурно-историческую школу Выготского. Она предполагает, что формирование личности, по сути являющееся культурно-историческим развитием самого человека, происходит посредством овладения собой и своим поведением с помощью психологического орудия [Выготский 1984]. С. А. Смирнов описывает этот процесс так: «Овладевая с помощью знаков (речевой деятельности) и орудий своим поведением, человек (ребёнок в онтогенезе) осуществляет собственное культурное развитие, формируя в себе в процессе овладения высшие психические функции (мышление, волю, память, воображение). Именно акты овладения своим поведением с помощью знаков как психологических орудий суть акты развития, выступающие в качестве единиц структур деятельности» [Смирнов 2021б: 63]. Таким образом, центральным понятием в концепции ребёнка становится развитие, единицей которого, соответственно, является акт развития. Это позволяет анализировать трансформационные процессы детства и ребёнка исходя из трансформационных процессов элементов акта развития (предметов, знаков, орудий, посредника, среды), а также их взаимодействий.

Соответственно, различия между современными детьми и детьми двадцать, сорок, сто лет назад появляются в первую очередь вследствие различий среды, с которой они взаимодействуют, в том числе вследствие

изменения орудий, которыми они учатся обладать. Цифровая эпоха предлагает целый ряд новых для человека цифровых орудий, расширяется и видоизменяется знаковая система, меняется фигура посредника. Это приводит к значительным изменениям самого человека в целом и ребёнка в частности. Среди современных исследований мы можем обнаружить значительную работу, проведённую в этом направлении. Так, прежде всего стоит обратить внимание на работы С. А. Смирнова [Смирнов 2021б;], О. В. Рубцовой [Рубцова 2019а], М. Хацигианни (Hatzigianni) [Hatzigianni 2018], Г. У. Солдатовой [Солдатова 2018; Солдатова, Рассказова 2020]. Исследователи обращают внимание на трансформацию ключевых элементов развития и как возможное следствие на перенесение событийного центра в виртуальную реальность.

Цифровая игра и дефицит социального окружения

Ярким примером трансформации элементов развития и следующего за ним переноса событийного центра может выступать явление цифровых игр, особенно в среде детей дошкольного возраста. Исследования 2014 года демонстрировали, что к концу дошкольного возраста более трех четвертей детей активно используют цифровые устройства, в первую очередь именно для игры [Смирнова, Смирнова, Шеина 2019: 79]. С тех пор частота и регулярность использования цифровых устройств только увеличивается. Однако не всегда это явление негативно: так, некоторые линии развития цифровых игр способствуют развитию отдельных навыков и способностей детей (логическое мышление, хорошая память, общая эрудированность), кроме того, возникающее всё чаще размывание границы между традиционной и цифровой игрой приводит к новому направлению развития игровой деятельности ребёнка. Смешанная игра позволяет воплощать наиболее сложные роли и сюжеты, конструировать и редактировать правила, а также следить за их соблюдением, в то время как смысловое наполнение остаётся за самим ребёнком и его ближайшим окружением.

Однако тенденция замещения традиционной игры цифровой, а также развития цифровой игры и размывания границы между цифровой игрой и традиционной появилась только с распространением среди детей цифровых устройств, в то время как другая тенденция — исчезновение сюжетно-ролевой игры — наблюдается уже с середины XX в., когда основная передача игрового опыта начала происходить не от ребёнка к ребёнку, а от взрослого к ребёнку. В результате сюжетно-ролевые игры приобрели искусственные и однообразные черты, произошла примитивизация игры. Как пишет Е. В. Трифонова, «идеальная форма игровой деятельности предстает в искаженном виде <...> или исчезает вовсе» [Трифонова 2022: 8]. Тем не менее, она же обращает внимание на то, что сейчас происходит возрождение игры, наблюдаются попытки её воссоздания в изначальном виде [Трифонова 2022: 9]. В этом случае сюжетная игра призвана воссоздать сложность и многообразие мира и человеческих отношений.

Но воссоздание роли и сопутствующих ей отношений недоступны ребёнку, если ему неизвестно о существовании такой роли или о том, какие признаки для неё являются ключевыми. К примеру, ребёнок может знать о том, что существует некоторая профессия или деятельность, но не знать о том, что она собой представляет, как формирует взаимодействие с други-

ми людьми и т. д., в результате чего воссоздание этой деятельности в виде сюжетно-ролевой игры не представляется возможным. При этом не обязательно опыт деятельности должен быть получен из непосредственных наблюдений: так, как отмечал Д. Б. Эльконин, «дети отражают в своих играх общественные явления в том случае, если и в семье, и в работе дошкольных учреждений эти явления и события находят живой отклик» [Эльконин 2007: 111]. В свою очередь, «отсутствие опыта и вытекающих из него представлений становится препятствием в развитии сюжета игры» [Эльконин 1978: 172].

Переход большей части профессиональной и иной коммуникаций, а также трудовой деятельности в цифровое пространство приводит к дефициту социального окружения. Немаловажным оказывается и тот факт, что самостоятельность детей ограничивается из-за повышения требований безопасности [Jerebine, Fitton-Davies, Lander et al. 2022]. И хотя в ряде случаев это оправдано (к примеру, экскурсия детей в кабину взлетающего самолёта может привести к помехам работе пилотов), общая тенденция изоляции детей от взрослого мира приводит к тому, что дети не понимают и не чувствуют основные принципы устройства социального функционирования общества и отдельных его сфер.

В результате дефицит социального окружения блокирует естественное развитие ролевой игры и как следствие препятствует полноценному развитию ребёнка. Однако, стоит отметить, что это препятствие не является непреодолимым. Во-первых, несмотря на закрытость многих профессий, порождённую как требованиями безопасности, так и узкой специализацией и специфической терминологией, часто знакомство с профессиональной деятельностью может быть доступно через экскурсии, праздники и иные открытые мероприятия. Во-вторых, несмотря на то, что многие профессии уходят в цифровое пространство, и цифровые, и традиционные варианты профессий могут быть предоставлены через цифровые продукты: фильмы, в том числе мультипликационные, блоги и видеоблоги, аудиокниги и подкасты, изображения, настольные и цифровые игры. При этом важное значение имеют именно цифровые игры, выступающие как некоторый образец, демонстрирующий социальную ситуацию, в результате чего ребёнок узнаёт особенности профессии, которые позволяют ему воплощать роль – и не только в цифровой реальности. Так, ребёнок, который не знал о профессии повара из реальной жизни, но ознакомился с мобильной игрой, где демонстрируются основные особенности профессии повара, а также коммуникация повара и логиста, повара и официанта, повара и администратора, может начать играть в поваря и в традиционной форме игры, без участия гаджетов. Существуют также различные проекты виртуальной социальной среды, направленные на овладение определённым социальным поведением, и последние исследования демонстрируют, что просоциальным сценариям действительно можно научиться, имитируя социально конструктивные действия виртуальных персонажей или практикуя социальное поведение в виртуальной среде [Bailey, Bailenson, Obradović, Aguiar 2019].

Есть и более мелкие тенденции, которые, тем не менее, являются важными. К примеру, развивается институт настольной игры, в том числе настольной игры для всей семьи. Кроме того, появляются площадки, декларируемые как дружелюбные по отношению к детям и детской любознательно-

сти, к примеру, концерты, которые не только помогают детям ознакомиться с различными жанрами музыки, но и предлагают им опробовать взрослый музыкальный инструмент, почувствовав себя виолончелистом в квартете или ударником в рок-группе. Впрочем, долю традиционного контента по сравнению с цифровым вряд ли можно назвать преобладающей: в программы дошкольного учреждения чаще всего проведение экскурсий не включено, а сами экскурсии сопровождается большими организационными трудностями; географическая и финансовая доступность площадок тоже играет большую роль, в то время как большая часть цифрового контента доступна постоянно при подключении к домашнему или мобильному интернету. Таким образом, в своём большинстве именно цифровой контент (игры, изображения, аудио, тексты, видео) имеет наибольшее значение для овладения новыми практиками и знаниями, хотя такое повсеместное использование компьютерных игр сопровождается «отсутствием социального и культурного опыта использования цифровых средств» [Смирнова, Смирнова, Шеина 2019: 80], в результате чего возникает потребность в создании такого опыта непосредственно, и, соответственно, в мгновенной его передаче от родителей и опекунов детям.

Цифровое воспитание

Значительная часть современных исследований в философии детства посвящена возможным последствиям вовлечения детей в цифровую среду. Появилось понятие «цифровое детство» – детство, значительная часть которого находится в цифровой реальности. Некоторые исследователи характеризуют такое явление негативно, обращая внимание на ухудшение физических (ухудшение зрения, гиподинамия и т. д.) и когнитивных (ухудшение памяти, ослабление внимания, «клиповое мышление») характеристик, а также социальных способностей детей и подростков. В общем, направления подходов исследователей можно разделить на «цифровой пессимизм», сторонники которого настаивают на полном или частичном запрете доступа к цифровой среде как для дошкольников, так и для школьников, и «цифровой оптимизм», утверждающих полезность или даже необходимость внедрения существующих цифровых орудий для расширения возможностей цифрового детства для повышения качества образования и жизни детей. К примеру, Л. А. Олдридж утверждает, что использование «цифровых медиа» детьми является критически важным для их благополучия, поскольку повышение технической грамотности детей может смягчить ожидающие их экономические трудности [Oldridge 2010], в то время как А. Тейлор пишет про важность замены цифровых технологий образования о природе на непосредственное знакомство с природой изнутри [Taylor 2013]. Большую дискуссию вызывает проблема цифровой социализации подростков: способствует ли она полноценному развитию личности в подростковом возрасте или же мешает ему.

В традиционных исследованиях детства и воспитания существует классификация «стилей воспитания», каждый из которых представляет некоторый набор признаков поведения родителей или опекунов. Так, выделяют авторитарный, авторитетный, разрешающий и избегающий типы воспитания как базовые типы, характеризующиеся определенной степенью

требовательности родителей и готовностью принимать во внимания чувства и желания детей. В последние годы также в отдельные стили стали выделять поведение «родителей-вертолётчиков», которые «зависают» над своими детьми как вертолётчики, наблюдая за каждым аспектом жизни своих детей, готовясь вмешаться в любой момент, и «родителей-бульдозеров», которые стремятся расчистить любые препятствия на пути своего ребёнка, не позволяя ему столкнуться даже с малейшим дискомфортом.

Основные четыре стили воспитания исследователи используют в том числе для изучения вовлечённости родителей в деятельность детей, связанную с использованием интернета и мобильных устройств. Помимо общих принципов, выделяются также отдельные практики воспитания (контроль, блокировка, поддержка, коммуникация и др.). Кроме того, стиль воспитания может меняться в зависимости от возраста и поведенческих особенностей детей, а также убеждений и интернет-осведомлённости родителя [Benedetto, Ingrassia 2020]. Стили и принципы воспитания применительно к поведению детей в цифровом пространстве объединяют термином «цифровое воспитание». Соответственно, «цифровым родителем» называют такого родителя или опекуна, который следит за интернет-активностью детей и подростков, чтобы защитить их от интернет-опасностей. Однако если ранее главной целью «цифрового воспитания» была защита детей от опасностей, которые несут цифровые устройства и доступ в интернет, и, соответственно, главными методами такого родительства были контроль или блокировка, сейчас появился термин «позитивное цифровое воспитание». Такое воспитание не демонизирует цифровую среду, но предполагает, что родитель обучает ребёнка безопасному и ответственному взаимодействию с цифровыми устройствами и интернетом.

Табл. 1. Стили традиционного и цифрового воспитания.
Адаптивный перевод [Milodivov, 2020].

	Традиционное воспитание	Цифровое воспитание
<i>Авторитарные родители</i>	Родители предъявляют высокие требования к своим детям, но почти не заботятся о чувствах ребёнка	Родители могут предоставлять детям новейшие технологии и приложения на условиях строгого соблюдения правил использования, но не предлагают помощь или поддержку в случае трудностей
<i>Авторитетные родители</i>	Требовательность родителей сочетается с их заботой и отзывчивостью	Родители ограничивают экранное время и объясняют правила онлайн-безопасности, но при этом позволяют детям использовать интернет и различные технологии
<i>Разрешающие родители</i>	Отзывчивые родители, не требовательные к своим детям	Родители поощряют своего ребёнка в использовании интернета и технологий по его желанию.
<i>Родители-вертолётчики</i>	Родители бдительно следят за своими детьми, чтобы защитить их от любой опасности	Родители обозначают обширные правила, устанавливают программное обеспечение для родительского контроля и тщательно следят за деятельностью ребёнка, чтобы защитить его от опасностей в интернете.

<i>Родители-бульдозеры</i>	Родители пытаются уничтожить любые потенциальные трудности на пути ребёнка	Родители пытаются создать полностью комфортную, контролируруемую среду в интернете для своего ребёнка, не пытаясь повысить его уровень устойчивости и осведомленности
----------------------------	--	---

Приведённая таблица (Табл. 1) демонстрирует, какие практики предлагают стили традиционного и цифрового воспитания. Однако, стоит отметить, что такая таблица, несмотря на приведённые примеры, не может выступать в качестве основного ориентира для родителей, стремящихся следовать тому или иному стилю. В первую очередь, стили традиционного воспитания – это не жёсткие ярлыки, присвоенные родителям, а некоторый образ действий, который может различаться в зависимости от конкретного случая. Кроме того, существует общепринятое убеждение о преимуществах авторитетного воспитания, соответственно, предполагается, что нужно стремиться к описанному в таблице образу действий авторитетного «цифрового родителя». Но это очевидно не так: даже в рамках определённого стиля воспитания оптимальные практики зависят от множества параметров, в том числе от возраста детей. Жёсткие запреты и родительский контроль могут привести подростка к тому, что он будет использовать электронные устройства втайне, не обращая за помощью к родителям в опасных ситуациях. А для ребёнка трёх лет нормальным является как строгое ограничение экранного времени, так и создание полностью безопасной среды, где у него есть доступ только к тем приложениям, которые родители считают допустимыми – мультфильмы, развивающие игры и пр. Хотя, конечно, и здесь возможна чрезмерная опека, когда ребёнку позволяют использовать только те игры, где он не может ошибаться, тем самым игнорируя развивающий потенциал электронных устройств. Как мы видим, эта таблица является наглядным примером адаптации концепции стилей воспитания к цифровой среде, но только в том случае, если понимать конкретный стиль исключительно как набор практик, обсуждаемый в рамках концепции стилей традиционного воспитания.

При этом стоит отметить, что в условиях дефицита социальной ситуации повышается важность передачи знаний и практик. Для этого существует множество возможностей, традиционных (экскурсии, концерты, книги, настольные игры и т.д.) и цифровых (компьютерные и мобильные игры, видео, музыка, изображения и т.д.). Однако обилия площадок и цифрового контента недостаточно для того, чтобы снизить дефицит социального окружения, поскольку сам ребёнок, будучи дошкольником, не способен ни самостоятельно посетить детское мероприятие, ни подобрать для себя цифровой контент, соответствующий его полноценному развитию. И в том, и в другом случае главенствующую роль занимает взрослый, который знакомит его с определённым социальным окружением, включает обучающий мультфильм или демонстрирует образовательную игру – традиционную или цифровую.

Но хотя подобные действия могут приоткрыть общество взрослых для детей, сделать его интересным для отображения в игре, они не могут научить ребёнка играть. На протяжении множества столетий существовали разновозрастные детские сообщества – в семье или во дворе; повсеместной была передача игр от старших к младшим, при этом младшие входили

в игру старших постепенно, что позволяло сформироваться большой сюжетно-ролевой игре со множеством отдельных, но объединённых сюжетов. Тенденция прекращения передачи игрового опыта от ребёнка к ребёнку только усилилась с середины XX века. В настоящее время больше половины семей воспитывают только одного ребёнка [Медведева 2019: 281], а свободная игра детей во дворе без взрослых считается опасной и тревожной, и зачастую действительно является именно таковой. В детских дошкольных учреждениях, в свою очередь, ребёнок находится среди сверстников, которые редко способны инициировать большую сюжетно-ролевую игру и привлечь к ней других детей из группы. В результате и во дворах, и в дошкольных учреждениях вырастает роль наставника: воспитателя, родителя, старшего брата или товарища и т.д., который бы смог не только инициировать ролевую игру, интересную большой группе детей, но и поддерживать к ней интерес у различных членов игровой группы, предложив наиболее интересные им роли, продемонстрировав возможное социальное взаимодействие между ролями (к примеру, разделив роль мамы и бабушки или машиниста, кондуктора и кочегара).

Большинство исследователей сюжетно-ролевой игры пишут о необходимости участия взрослого, но не как руководителя, а как носителя игровой культуры и полноправного участника совместной игры [Токарчук 2022: 18]. В ряде классификаций детской игре, инициированной взрослым, придаётся меньше значения, а задача взрослого видится как формирование предметно-развивающей среды или создание проблемных ситуаций для развития [См. Кравцова 1996; Новосёлова 2003]. Однако, несмотря на справедливость подобных замечаний для полноценной уже сформированной игровой деятельности, в условиях дефицита социальной ситуации именно взрослый как режиссёр с помощью игрового руководства, игровой регуляции, организации игровой деятельности [Vinogradova, Ivanova 2016] способен не только инициировать, но обогатить сюжетно-ролевую игру – в том числе цифровую.

* * *

В настоящее время полноценное цифровое воспитание не ограничивается использованием концепций и практик традиционного воспитания применительно к цифровой среде. Текущая ситуация нормализации чрезмерного использования гаджетов и социальной изоляции детей приводит к повышению важности взрослого-посредника во всех сферах жизни ребёнка, в том числе и в цифровом мире. Именно взрослый может и должен взять на себя роли наставника-режиссёра, организатора или корректора игры дошкольников и школьников для формирования, коррекции и расширения игровой деятельности ребёнка, способствующей его полноценному развитию. При этом стоит отметить, что цифровые инструменты должны дополнять, а не подменять иные культурные орудия или взаимодействие с живыми людьми. Любое использование цифровых технологий внутри акта развития конкретного ребёнка должно соответствовать текущей культурной ситуации, возрасту, физическим и нейрокогнитивным способностям ребёнка, а также его личным интересам.

Глава 5

АНТРОПОЛОГИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ИСЧИСЛИМО ЛИ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ АНТРОПОЛОГИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Методологический аспект

С. А. Смирнов¹⁴⁹

«... предложение "Машина мыслит (воспринимает, желает)" кажется чем-то бессмысленным. Как если бы спросили: "Есть ли у числа 3 цвет?"»

Л. Витгенштейн

Введение: Вызовы и допущения

Искусственный интеллект исследователи периодически называют последним изобретением человечества. Слово последний употребляется в двойственном смысле. Первый означает то, что это венец его творения, свидетельствующий о высшем уровне научной и технологической мысли. Второй означает то, что своим творением человек сам себя поставил под вопрос, бросил самому себе вызов, столкнувшись с тем, что его же собственное изобретение впоследствии может его самого, создателя, убить, то есть уничтожить как существо, заняв его место.

Мы не намерены обсуждать апокалиптические сценарии, связанные с грядущим «восстанием машин». Нам бы хотелось обсудить проблему искусственного интеллекта (далее – ИИ) не в технологическом, инженерном или узконаучном смысле, а в категориях антропологических оснований.

Какие антропологические основания закладываются в представлениях разработчиков ИИ? Что они понимают под мышлением человека, его интеллектом, прежде, чем приступить к разработкам в сфере ИИ? Как они представляют себе человеческую психику, какие строят по этому поводу модели? Ведь сначала они как-то полагают себе мышление человека, а уже потом приступают к разработке ИИ, допуская, что машину можно научить мыслить.

Для начала заметим, что при любых допущениях вопрос, связанный с разработкой и внедрением ИИ, связан действительно с радикальными вызовами для человека, ставящими его самого в ситуацию онтологического испытания, испытания собственными границами. Выделим здесь два момента.

Первое. ИИ впервые поставил под вопрос уникальность и исключительность человека [Хэвен 2019: 321]. Впервые творение человека, ИИ, может делать что-то лучше своего создателя: считать, прогнозировать, обрабатывать данные, делать диагностику, играть в шахматы и игру Go и т. д.

Второе. Приступив к разработке моделей ИИ, человек получил реальную возможность посмотреть на себя в зеркало. Он фактически в лице ИИ получил цифрового двойника, свое отражение. Строя модели ИИ, своего Двойника, человек получил возможность выстраивать мысленный эксперимент над самим собой, а значит ставить под вопрос себя как существо, и как следствие, он может изменить понимание себя, переосмысляя то, что значит быть собой, человеком.

В таком случае все зависит от самого автора, человека-создателя – какими средствами, представлениями о себе самом, он пользуется, выстраивая эти зеркальные модели самого себя? Если модельные копии не адекватны оригиналу, то значит не адекватны прежде всего его представления о себе самом, выставляющим себя всякий раз в редуцированном, участненном, урезанном виде.

В связи с выше сказанным важно понять – какие принципиальные онтологические и методологические допущения делает автор-разработчик ИИ, какие критерии разумности, осмысленности, рациональности он вводит, строя те или иные модели ИИ?

Вычислимость как принцип

Со времен А. Тьюринга были заложены основополагающие принципы создания «умных машин», согласно которым эти машины не должны ошибаться, они должны быть точными в вычислениях и их действия должны строиться на основе вычислений согласно пошаговым инструкциям. Сам принцип следования пошаговой инструкции (алгоритму) выводится из иного, более рамочного полагания: *мышление есть вычисление*, которое осуществляет человеческий мозг. А само мышление локализовано в человеческом мозге. Тайна мышления заложена именно в активности мозга. Она там скрыта, полагали и полагают разработчики ИИ. Поэтому они десятки лет ставили перед собой главную задачу: построить модель работы человеческого мозга¹⁵⁰. Собственно, с тех пор и стали говорить о «думающих машинах», «умных машинах», введя метафору ИИ как искусственного мозга.

Тем самым укоренилось допущение, согласно которому мышление есть счет, вычисление, исчисление сущего, выраженное в математических моделях, на языке которых можно описать даже и такие тонкие материи, как совесть, сострадание, нравственность т. д. Именно поэтому стали делать ставку на быстрый счет, на быстрое действие. Машина должна уметь быстро считать, перебирая миллиарды вариантов в секунду. Поэтому быстродействующий компьютер в итоге обыграл человека сначала в шахматы, потом в игру Go¹⁵¹.

Хотя сам А. Тьюринг ставил задачу шире. Он не компьютер хотел создать. Сначала он хотел решить математическую задачу, так называемую «проблему разрешения» Гильберта. Последний поставил задачу: разработать пошаговую процедуру, определяющую истинность или ложность любого отдельно взятого математического выражения. Если таковая процедура возможна, то возможен в таком случае (в принципе!) искусственный интеллект, способ-

¹⁵⁰ А. Тьюринг был уверен, что мозг ребенка можно смоделировать на компьютере. Именно потому, что его активность понималась им как набор вычислительных операций, которые можно разложить на последовательность шагов (программу).

¹⁵¹ Заметим, что программа смогла обыграть человека именно за счет скорости вычислений, которые позволяли просчитывать 200 миллионов шахматных комбинаций в секунду. Но такая стратегия при разработке ИИ – тупиковая. Она энергозатратна и не дает ответа на главный вопрос: что есть мышление как субъектное действие. Ответа при такой модели нет и быть не может. Пока ИИ таковым субъектом и не выступает. ИИ лишен субъектности. Пока ИИ есть искусственная математическая модель с заложенными в нее параметрами и действиями по алгоритму.

ный дать ответ на любое логическое выражение. В основании такого подхода лежит принципиальная допустимость логико-математического выражения любого сущего, включая и человеческое мышление. Таковая процедура стала называться далее алгоритмом. И далее Тьюринг предложил устройство, «машину Тьюринга», которая показывала бы эту процедуру в действии, впоследствии эта машина стала называться компьютером, машиной, действующей согласно пошаговой процедуре по определенным правилам.

Впоследствии, при разработке всех поисковых систем в интернете, при организации интернет-торговли этот принцип и был заложен – машина обучалась за счет быстрогодействия, включая новые данные в свой алгоритм, и могла уже предугадывать действия многих клиентов. На этом строится любой маркетинг. Стоит кому-то в интернете в поисковике задать какой-то поиск, ему тут же предложат много вариантов. И на другой раз у него на экране монитора будут всплывать окна с разными предложениями (от женского белья до дорогих машин и домов). Тем самым человек в целом рассматривается как экономическая, точнее, покупающая единица, которую можно посадить на иглу рынка. Программа, с помощью которой осуществляются интернет-продажи, выступает в роли самообучающегося цифрового торгового агента, изучающего разные группы покупателей и ловящего их на разных капризах и желаниях. Машина обучается обобщению по схеме статистической обработки больших массивов данных, будь то онлайн знакомства или игра в шахматы. В основании всех разработок современного ИИ лежит обработка больших данных и так называемое машинное обучение нейросети, обучающейся путем проб и ошибок. То есть, положен принцип вычислимости [Маркус, Дэвис 2021: 18].

Надо заметить, что этот принцип в качестве методологического базового основания был введен в философию раньше. В конце 20-х годов прошлого века между представителями Венского кружка, отстаивающими идеи логического позитивизма, с одной стороны, и представителями метафизики, главной фигурой коих был признан М. Хайдеггер, с другой, шел интенсивный спор [Фридман 2021: 352]. Внешне он выглядел как спор о предмете философии, ее будущем. Р. Карнап и другие обосновывали свою позицию тем, что философия должна быть логически и математически обоснованной наукой, строиться на логических основаниях. А коль скоро метафизика, ее основные понятия, не могут быть логически ни обоснованы, ни опровергнуты, то они не имеют смысла, не являются научными. И поэтому философия как мышление о бытии не может быть основой для выстраивания будущей философии.

В основании спора сторонами закладывались разные онтологические установки относительно того, что есть сущее. Для Р. Карнапа сущее сводилось к эмпирической реальности, реальности существования эмпирических индивидов и натуральных объектов, которые могут быть *описаны, исчислены, подсчитаны, спрогнозированы*. Такая реальность и должна быть таковой – понятной, данной в процедурах описания и расчета. В сущем не должно быть тайны. Все сущее должно быть научно, то есть логически, экспериментально, опытно обосновано и просчитано, исчислено. В основание сущего тем самым закладывался *принцип вычислимости*, то есть расчета, охвата, ухвата. Сущее должно быть схвачено, просчитано и представлено как готовый объект. Равно как и сам человек как объект должен быть просчитан и схвачен.

М. Хайдеггер пытался показать, что в логике его оппонентов происходит подмена, замена онтологического поиска – математическим доказательством, а истине отведена роль просчитанной достоверности, в силу чего происходит редукция, сужение самого предмета разговора. В результате сама философия превращается в «грамматическое предприятие», а философствование – в логические доказательства [Фридман 2021: 46–47]. Концепт бытия редуцируется к приставке «есть» как связке в суждении. Сущее исчезает, остается суждение. Спор идет о суждениях о предмете, а самого предмета уже и нет. Но логика не может справиться с онтологическим вопрошанием, она «расплывается в водовороте более изначального вопрошания» [Хайдеггер 2007: 37].

В этом споре важна базовая интенция. Онтологическая установка, носителями которой были представители позитивизма, направленная на познание и логическое обоснование мира и человека, предполагает не просто сам по себе расчет мира, а дельнейшее его, мира и человека, употребление, в пределе – уничтожение в угоду выгоде, прибыли, капитализации. Этих слов Хайдеггер не употреблял, но основание обозначил: «Всякий расчет сводит исчислимое к расчисленному, чтобы употребить его в последующих расчетах <...>. Это потребляющее употребление сущего выдает истребляющую природу расчета» [Хайдеггер 2007: 71]. В пределе сущее потребляется ради полного расходования. Потребляется также и человек как сырье: «Потребление всех материалов, включая сырье человек, для технического производства неограниченной возможности изготовления всего потаенно обусловлено полной пустотой, в которой взвешено сущее, материал для действительного. Эта пустота требует заполнения» [Хайдеггер 2007: 252–253].

Но пустоту бытия никогда не заполнить полностью только сущего, поэтому возникает необходимость нарастания «обесцеленной деятельности» (сиречь – *имитации и симуляции*). В этом случае именно техника подходит для обеспечения этого недостатка. Техника выступает заменителем, эрзацем сущего, в пределе – протезом для человека, подпирющим его собственную онтологическую нехватку. Человек, растерявший себя, привыкает к этому протезу, ему в его бытийной оставленности нравится замещать, заменять себя техникой-протезом. И чем дальше, тем больше этот протез становится все более функционально нагруженным, в пределе – «умным», то есть собственно, искомым искусственным интеллектом.

Исчисляемое и потребляемое сущее, будучи исчислено, становится «представленным», удобным для потребления и «более доступным» [Хайдеггер 2020а: 605]. Но в кажимости доступности потребления это сущее на самом деле начинает сворачиваться, поскольку в стремлении потребления его всегда мало, его всегда не хватает. Точнее, человеку всегда не хватает собственного бытия, он в погоне за исчисленным и потребляемым, доступным сущим, всегда остается голодным, испытывая онтологическую нехватку, попадая в яму хронического дефицита, из которой чисто технически не выбраться, полагал М. Хайдеггер.

Тем самым задается онтологическое основание для вполне определенной стратегии по разработке ИИ, построенной на исчислении и употреблении. В настоящее время именно эта стратегия доминирует при разработках разных моделей ИИ. Мы не говорим о ней оценочно, негативно или пози-

тивно. Мы говорим о том, что в основании заложена вполне определенная онтологическая установка, направленная на исчисление и соответственно редукцию человека¹⁵².

За этим и стоит вполне определенное представление об ИИ. Приведем примеры определений ИИ, данные разными авторами и опубликованные в разных документах.

1. «ИИ – комплекс технологических решений, позволяющий *имитировать когнитивные функции человека* (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» [Указ 2019: 5а].

2. «Направление исследований в современной компьютерной науке, целью которого является *имитация и усиление интеллектуальной деятельности человека* посредством компьютерных систем» [Финн 2009: 316].

3. «В настоящее время к ИИ фактически относят различные программные системы и применяемые в них методы и алгоритмы, главной особенностью которых является способность решать интеллектуальные задачи *так, как это делал бы размышляющий над их решением человек*. К числу наиболее популярных направлений применения ИИ относятся прогнозирование различных ситуаций, оценка цифровой информации и выведение из нее заключений, анализ различных данных с поиском скрытых закономерностей [Гусев, Добридюк 2017: 81].

4. «ИИ – теория и реализация компьютерных систем, способных *копировать интеллектуальное поведение человека*, выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта». Такие, как визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений и перевод с одного языка на другой [Dictionary 2022].

5. «ИИ – способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота выполнять задачи, обычно связанные с разумными существами. Термин часто применяется к проекту разработки систем, наделенных интеллектуальными процессами, характерными для человека, такими как способность рассуждать, находить смысл, обобщать или учиться на прошлом опыте» [Copeland 2022].

Во всех приведенных определениях ядром выступает выделение имитации и копирования как того действия, которое ставится в основание для последующей разработки моделей ИИ. Возникает вопрос методологическо-

---

¹⁵² В философии математики выше названные вопросы связаны с проблемой вычислимости и невычислимости: «...вычислимость предполагает редукцию в описании, которая избегает или выводит за скобки алгоритмически несжимаемые фрагменты вселенной» [Ершов, Целищев 2012: 11]. Допускается при этом, что «подлинная модель вселенной включает невычислимые элементы», с которыми как раз имеют дело неточные науки, которые потому и неточные, поскольку «сфера их внимания не подлежит алгоритмической сжимаемости». Последнее, то есть феномен алгоритмической сжимаемости, становится основой для «пошагового процесса улучшения описания», то есть операции вычисления в смысле Тьюринга [Ершов, Целищев 2012: 10]. При этом математически доказываем, что «никакая компьютерная программа, которая занимается доказательством, не может достичь того, что достигается математиком, который занят доказательством в процессе математического мышления» [Ершов, Целищев 2012: 443]. Мышление в принципе носит не компьютерный характер.

го свойства: это единственная возможная стратегия при разработке ИИ? Или возможны и другие?¹⁵³

Дело в том, что прежде всего при таких определениях редуцируется сам человек. ИИ определяется фактически через редукцию человека к отдельной функции и допущение искусственной имитации этой функции:

- определение человека как существа, способного к интеллектуальной деятельности,
- выделение этого отдельного типа деятельности, интеллектуальной деятельности, в отдельную функцию, и отделение ее от человека,
- допущение, что эту функцию можно воспроизвести, копировать, имитировать, строить симуляционные, имитационные искусственные модели, наделенные этой функцией,
- допущение, что интеллектуальная деятельность может быть описана в категориях вычислений.

Фактически уже прошло более 60 лет, а тот тренд в определении ИИ, который был задан с середины 50-х годов прошлого века, так и остается базовым: определение ИИ через копирование человека, разумная деятельность которого описывается в категориях вычислений. Например, Дж. Маккарти в 1956 году так и полагал, вынужденно признаваясь, что это лишь косвенное определение человеческого интеллекта, вынужденная редукция. Мы, указывая Маккарти, не можем в целом определить, какие вычислительные процедуры мы хотим называть интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта и не понимаем остальные. Поэтому под интеллектом в пределах наших знаний понимается только «вычислительная составляющая способности достигать целей в мире» [McCarthy 2022].

А. Тьюринг делал то же самое. Но он не стремился строить философские обобщения. Он, будучи математиком, построил для себя логическую задачку-модель на имитацию и заложил в ней ряд допущений, из которых строятся в принципе любые математические задачи. Из этих допущений нельзя делать далеко идущие выводы и строить онтологические характеристики и концепты, обсуждать проблему природы мышления и человека в целом. Он на это не претендовал, предложив тогда, в 1950 году, *поиграть в имитационную игру* [Turing 1950]. А ответ на вопрос, что такое «машина», что такое «мыслить», и умеет ли машина мыслить, он давать не спешил, а предложил игру в имитацию, то есть, свой тест со стеной.

Вопрос «могут ли машины мыслить?» он заменил на другой – «могут ли цифровые вычислительные машины с помощью человека играть в имитацию?», то есть как бы притворяться человеком? Тьюринг был уверен, что через 50 лет цифровые машины настолько быстро будут уметь считать, что средний человек за стеной будет путаться в вопросе, с кем (чем) он разго-

¹⁵³ В качестве уточнения заметим, что мы обсуждаем прежде всего методологические основания, задающие стратегию создания сильного ИИ, то есть такого, который собственно имитирует человеческую интеллектуальную (мыслительную) деятельность. Понятно, что примеры ИИ мы вынуждены приводить из области слабого ИИ, поскольку сильный ИИ не создан и едва ли по логике стратегии вычислимости и имитации может быть создан. Мы в данном случае поэтому обсуждаем то, какие стратегии возможны при создании сильного ИИ, а не отдельные примеры, полагая, что стратегия вычислимости и имитации отдельных функций мозга не может быть выбрана в качестве таковой.

варивает – с человеком или машиной. И все приведенные им самим в своей статье возражения противников относительно возможности машин мыслить он парировал не просто аргументами, а именно рефлексивной позицией: он выступал как разработчик, ставящий мысленный эксперимент, строящий имитационную модель, но не более того. В этой части он действовал как обычный классический ученый, ставящий исследовательскую задачу, и не ведущий онтологических споров, действуя по принципу – «если, то...», «представим себе...». Поэтому все вопросы и возражения относятся не к ИИ, не к некоей за пределом человека находящейся реальности умных машин, а к модели, предложенной автором, Тьюрингом. Поэтому разговор здесь становится сугубо проектно-рефлексивным.

В этой связи рассуждения о том, что есть ИИ, важны скорее своей рефлексивностью, нежели спорами о том, возможен ли ИИ. Они носят характер *методологических и мировоззренческих поисков и допущений*, а не объектных характеристик. Поэтому имеет смысл их обсуждать не с точки зрения того, что есть на самом деле ИИ и возможен ли он (и через него косвенно – что есть сам человек, так рассуждающий), а то, что и как делает автор высказываний, рассуждающий об ИИ. Смысл и польза многообразных концептов об ИИ в этом плане имеет сугубо проектно-рефлексивный и методологический характер. Какие мы полагаем допущения относительно ИИ? Какими мыслительными средствами пользуемся?

Базовые редукции

При обсуждении и понимании человеком того или иного сложного явления он так или иначе вынужден прибегать к разного рода аналогиям, метафорам, и так или иначе допускает упрощенные схемы и модели понимания. Там ему удобнее. Вот и в этом случае. Разработчики ИИ так или иначе прибегают к ряду базовых редукций, с их точки зрения помогающих понять свой собственный предмет. Каковы они?

Первая редукция и допущение, согласно которому по внешней линии поведения можно судить о существовании происходящего. На этом основан и тест Тьюринга: компьютер мыслит, если он *ведет себя точно так же, как человек* в момент его размышлений.

Мыслит, то есть *ведет* себя так же. Мысленный акт уподоблен акту поведения. На этом основан простой актерский пример. Сидит он, этот актерствующий субъект, и *изображает*, что он думает. Он сидит, молчит, или ходит по комнате взад и вперед, курит, снова сидит, молчит, морщит лоб, смотрит вдаль в окно, мы смотрим на него и полагаем, что он думает. Уподобление мысленного акта и акта поведения, видимого внешним образом – сильнейшая редукция и базовое допущение всех натуралистов и бихевиористов.

Мы в таком случае вынуждены описывать акт мышления в категориях поведенческих реакций, в категориях внешне наблюдаемых действий объекта, сравнивая – похож, не похож, так ведет себя или не так, ловим внешние признаки поведения, даем характеристики т. д. и тем самым упускаем главное – внутренний процесс, присущий акту мышления, скрытому от внешнего наблюдателя.

Второе допущение, согласно которому интеллектуальное действие сродни логической операции, которую проделывает вычислительное

устройство. И тем самым полагается, что умственная деятельность – это выполнение некоторой хорошо выстроенной последовательности логических операций, называемой алгоритмом. То есть мышление есть действие по алгоритму. А значит его может сделать искусственная машина с заложенным в нее алгоритмом. Значит, чем лучше алгоритм и чем больше данных можно обработать с его помощью, тем лучше машина будет «мыслить», то есть считать. Значит, задача ставится такая, чтобы машина считала быстро и не совершала ошибок. В настоящее время ИИ опережает человека по быстродействию и по числу искусственных нейронов. Означает ли это, что она мыслит? Причем лучше человека?¹⁵⁴

Р. Пенроуз полагал, что именно этот пункт – самый важный при создании ИИ. И совершенно не важно, по его мнению, кто (что) приводит в действие этот алгоритм – человеческий мозг, компьютер, целое государство индийцев, или механическое устройство, состоящее из колесиков и шестеренок [Пенроуз 2020: 61]. Главное – построение логической структуры алгоритма, а его физическая основа никакой роли не играет. Алгоритм, полагал Р. Пенроуз, обладает бесплотным существованием, не связанным с физической реализацией¹⁵⁵. Тем самым мы подходим к идее бесплотности, идеальной сущности математического алгоритма.

В данном случае допускается опять же редукция, согласно которой у мышления есть физический носитель, пусть разный. Но проблема в том, что само по себе наличие физического носителя, мозг это или машина, не является достаточной для осуществления события мышления. Просто потому, что природа мышления не редуцируется к носителю. Она, природа мысли, событийна. Один носитель мозга мыслит, другой же, такой же носитель, не мыслит, а просто ведет себя как двуногое и бескрылое животное. Но смоделировать событие мышления – совсем другая задача, на сегодняшний день даже трудно представляемая.

Допущение третье, согласно которому коль скоро мышление аналогично поведению и мыслит машина программно, то можно построить имитационную модель такого мыслительного поведения, то есть модель ИИ. И сама схема выстраивается по логике имитации. Есть оригинал, затем строится копия, имитирующая оригинал, его поведение. Тем самым все упирается в выстраивание связки: что берется за оригинал и что значит построить его копию.

Допущение четвертое. В таком случае, коль скоро ставится задача, связанная с построением имитационной модели, то в качестве исходного ори-

---

¹⁵⁴ К слову сказать, модели ИИ уже сейчас количественно перегнали человека по объему нейронов. Компания Digital Reasoning создала и обучила нейронную сеть, состоящую из 160 млрд. цифровых нейронов. Но мыслить она не умеет. Она умеет быстро перебирать данные и выдавать прогнозы и решения. Но не умеет ответить на вопрос, почему она принимает те или иные решения.

¹⁵⁵ В свое время методолог Г. П. Щедровицкий также допускал, что мышление как субстанция может паразитировать на разных физических носителях, не важно, на людях или на смешанных системах, состоящих из людей и машин. Главное – есть мышление или нет, а на чем оно реализуется – не важно. В нашем мире, случайно, оно живет на людях, в другом мире на пингвинах, в третьем на железках [Щедровицкий 1997: 561].

гинала берется активность мозга. Допускается, что тайна мысли скрыта в активности мозга, в активности его нейронов.

По логике имитации и симуляции фактически и создается модель ИИ в виде искусственной нейронной сети. Нейрон – это клетка, которая обрабатывает, хранит и передает информацию за счет электрических сигналов через синаптические связи. Система миллиардов нейронов создает такую сеть¹⁵⁶.

Нейрофизиологи полагают, что здесь и скрыта тайна интеллектуальной деятельности – сеть нейронов, объединенных в миллиарды связей, и есть машина, коммутатор, порождающий мышление. Поэтому искусственная нейронная сеть становится базовой моделью для создания ИИ. Именно способность биологической нейронной сети обучаться и исправлять свои ошибки легла в основу создания ИИ¹⁵⁷.

Но этот ход – также сильная редукция, поскольку мыслит не мозг. Мыслит сложно устроенный «функциональный орган», состоящий из мозга, органа тела человека (например, руки), глаза (уха), предмета, которым оперирует та же рука (например, ложка или молоток), опосредованного словом предметного действия. Это действие с предметом человек совершает много раз, чтобы освоить его, и чтобы оно отложилось в локальной зоне мозга. Совершая действие, закрепляя его, опосредуя знаком-словом, человек овладевает собой, своими аффектами, своим поведением. И только после этого, например, ребенок, много раз совершая, пробуя действие с ложкой, чтобы научиться есть кашу ложкой, овладевает этим предметным действием.

Принцип опосредствования

Глубинная редукция, согласно которой мышление локализуется в мозге, идущая со времен И. П. Павлова (точнее, со времен «машины Р. Декарта») и первых бихевиористов, описывающая интеллектуальное действие в схеме стимул – реакция (S – R), против которой выступал Л. С. Выготский и его ученики и соратники, до сих пор доминирует в методологических концептах авторов-разработчиков моделей ИИ. Они все убеждены, что мышление происходит в мозге, причем «автор» мышления – нейросеть, поэтому надо ее моделировать, создавать имитационную, симуляционную модель биологической нейросети. Более того, мысль понимается как сугубо химическая реакция, происходящая в мозге, сравнимая с электрическим сигналом. Такой пещерный натурализм загоняет разработки в области ИИ в тупик, по-

---

¹⁵⁶ Человеческий мозг имеет порядка 86 млрд. нейронов, имеющих в сумме 2¹⁴ контактов, в мозге ежесекундно происходит обмен более 10¹⁵ нервных импульсов, своего рода звонками между нейронами [Каплан 2019: 26].

¹⁵⁷ Должен заметить, что уже в 1958 году, в период создания первых искусственных нейросетей, перцептронов, их создатель Ф. Розенблатт, основатель новой дисциплины, нейродинамики, сам признавался, что перцептроны, конечно, плохие копии биологически сетей, но они нужны для изучения деятельности мозга. Перцептроны выступали прежде всего моделью мозга (пусть и сильно упрощенной) для проведения экспериментов по изучению активности мозга, а не как устройства ИИ. Их создатели осознавали степень упрощения и редукции, но подобные модели могли подвергаться анализу и были удобны при проведении экспериментов [Пасвинелли 2019].

скольку равным счетом никакого отношения такие допущения к природе мышления не имеют¹⁵⁸.

Здесь нет возможности пересказывать основы культурно-исторической концепции Л. С. Выготского. Скажем только, что в ней предложена принципиально иная модель формирования мышления, его структуры, его устройства, тем более это давно и много раз описано в трудах Л. С. Выготского и его учеников, соратников и последователей [Давыдов 1996].

Для Л. С. Выготского «центральной проблемой при объяснении «высших психологических функций» (как-то, мышления, памяти, воли), является «проблема средств, с помощью которых человек овладевает процессом собственного поведения» [Выготский 1982б: 126]. Главным таким средством выступает знак, слово, как «психическое орудие», выполняющее в развитии высших психических функций роль посредника. Высшие формы поведения суть процессы опосредованные. Поэтому важно понять то, как действие, мысль, знак-слово, орган тела человека (рука) и функция мозга, в которой откладывается память предметного действия, соединены в эту операцию опосредования, совершая которую человек овладевает своим натуральным, стихийным поведением, выстраивая высшие, осознанные формы поведения. В структуре процесса опосредования мышление и может быть именно языковым и деятельностным образованием. Отдельно взятого мышления нет. Мысль «не выражается, но совершается в слове», писал Выготский [Выготский 1984: 307].

В этой связи ключевой проблемой становится проблема *моделирования процесса и процедур актов опосредствования действия с помощью знаков*. Такой ход выглядит принципиально иным, отличным от имитации и копирования. Поэтому автор и предлагает строить иного типа модели ИИ – модели опосредования, в рамках которых не имитируется активность мозга, а строится деятельностная модель, в которой связаны действие-знак-цифра-орудие. А мышление и есть действие по осуществлению этой связанности.

Как мы отметили выше, машина действует по принципу быстрой обработки больших данных. То есть действует максимально не эффективно. Она не умеет делать обобщения, строить понятия, вырабатывать стратегии или совершать ходы по диагонали, наперекор алгоритму. Обобщение у ИИ на самом деле пока не получается. Объединение баз данных и статистический перебор вариантов не есть обобщение. Последнее предполагает выход на понятийный уровень, что делает уже ученик начальной школы.

Машина же делает обобщение по принципу натурального объединения признаков: стул имеет определенное количество ножек и функцию. Человек же задает иное полагание: он оперирует не только признаками и функциями, но и смыслами. Поэтому в качестве стула может быть избран и стол, и стул, и спина папы в игре ребенка, и кровать, и любая доска. Ребенок может перепредмечивать предмет, играя смыслами, отрываясь от натурального

¹⁵⁸ Речь не идет об отрицании необходимости разработок умных нейросетей. Но в таком случае надо понимать, что нейросети и иные обучающиеся системы создаются не как заменители человека, а как их цифровые умные помощники, которые уже существуют в разных сферах (в здравоохранении, управлении, на транспорте и др.). А непредсказуемость нейросетей имеет иную природу, отличную от непредсказуемости человеческого действия.

ряда вещей и признаков (тапок – пароход). И наоборот – неспособность отрывать от натурального поля, неспособность оперировать символами и смыслами показывает, что сознание натурально. Человек страдает психическим расстройством, будучи «рабом зрительного поля»¹⁵⁹. Машина в этой связи где-то похожа на больного деменцией. Она, хоть и играет в игру Go, но она не осознает, что играет в Go. Она не понимает значений символов, которыми виртуозно и быстро оперирует.

Заключение

Имеет смысл выходить на разработку иных моделей ИИ, строящихся не по логике имитации внешнего поведения и симуляции активности человеческого мозга, а по логике построения формирующей предметной мыслительной деятельности. Необходимо строить не модели мозга, а *модели предметной деятельности опосредования*, в которой объединены: предмет (орудие) – орган – зона специализации мозга – предметное действие – знак, опосредующий действие.

Разработка такого рода цифровых моделей, в которых описывается не только активность биологической нейросети, но и структура знаково опосредованного предметного действия, выступает более продвинутым ходом при разработке моделей ИИ. И тогда само машинное обучение имеет смысл выстраивать по логике выше названной методики развивающего обучения, по логике опосредования¹⁶⁰.

В настоящее же время и ИИ, и нейронные сети, и машинное обучение выступают как метафоры, используемые для построения имитационных моделей ИИ. Они не могут играть роль строгих понятий. Равно как и реальность ИИ есть реальность наших представлений о мышлении и в целом о человеке. Мы больше приписываем ИИ интеллект, редуцируя и понимая, что так называемый интеллект машин слабее интеллекта 3-летнего ребенка.

Поэтому главным остается вопрос: когда человек приступает к разработке систем ИИ, как он представляет самого себя и какой новый интерфейс он собирается выстраивать с умной машиной?

---

¹⁵⁹ См. о явлении деменции при болезни Пика [Самухин и др. 1981].

¹⁶⁰ Фактически нейронауки уже вышли на постановку таких задач. Например, А. Каплан показывает, что в человеческом мозге формируется так называемая «динамическая ментальная модель внешнего мира», которой не требуется жесткая привязка к нейронам [Каплан 2019: 31]. Учитывая то, что ежедневно в мозге умирает тысячи нейронов, возникает вопрос: если нейроны специализируются на тех или иных операциях, то как нейросеть справляется с такой динамикой? Например, если в телефонной сети происходит сбой, то не работает вся сеть. Но получается, что над нейросетью формируется динамическая модель, ответственная за творчество, открытия, интуицию. В ней фиксируются «репрезентации внешнего мира», становящиеся самостоятельными «агентами» поведения. Подобная надсетевая модель формируется, разумеется, в живом реальном опыте, она от рождения человеку не дается. Но в таком случае необходимо изучать и строить модели этого опыта. От структур опыта, точнее, предметной деятельности, зависят структуры, морфология человеческого мозга. И не иначе.

ПРЕДЕЛЫ ЭТИКИ ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С. А. Смирнов¹⁶¹

Введение

Разработка и внедрение программ искусственного интеллекта (далее – ИИ) не просто набирают обороты в мире. Это направление становится приоритетным на самом высоком уровне. Приоритетность зафиксирована в принятых стратегических документах развития, в том числе и в нашей стране. Это вполне объяснимо, поскольку предполагается, что лидерство в этом направлении делает страну в целом конкурентоспособным игроком на мировом рынке передовых технологий.

Вместе с тем, при таком темпе развития мало кто задумывается о главной фигуре в этом тренде – о самом человеке, который разрабатывает модели ИИ. Понимаем ли мы, что происходит с самим человеком при развитии этого тренда? Задаём ли мы себе следующие вопросы? И как на них отвечаем?

Какие гуманитарные и антропологические основания закладываются при разработке моделей ИИ? Думают ли про это разработчики проектов ИИ?

Каковы не технологические, а гуманитарные последствия могут быть от внедрения проектов ИИ?

При развитии модели ИИ всё более мощно расширяется и углубляется технологический и функциональный аутсорсинг от человека к машине, то есть передача человеком все более умных функций умной машине. Возникает вопрос: что человек оставляет себе при разработке технологий ИИ и что передаёт умному устройству?

Где и когда при таком аутсорсинге наступает граница, за пределами которой передавать умному устройству уже будет нечего, поскольку человек, перейдя эту границу, перестаёт быть самим собой, поскольку все свои умные функции и работы он передал умной машине? И тогда действительно возникает вопрос о замене человека постчеловеком. Наступит ли когда-нибудь такая ситуация и мы упрёмся в границу?

Как и какой должен будет выстраиваться кентавр человека и ИИ в будущем? Какие здесь могут быть более предпочтительными модели? Какие должны быть новые интерфейсы человека и машины, в которых и человек, и машина предстают уже в новом функциональном качестве?

Сложилась ли уже ситуация, при которой возникает необходимость нового этического кодекса для ИИ и создания института гуманитарной экспертизы внедрения умных технологий? Что сейчас необходимо делать в сфере международного права с точки зрения гуманитарного этического регулирования в сфере разработки и внедрения технологий ИИ?

Подходы к модели AI

Прежде, чем начать отвечать на эти вопросы, необходимо остановиться на основном вопросе: какие модели человека закладываются при разработке ИИ и какие при этом гуманитарные допущения позволяют себе разработчики?

---

¹⁶¹ © Смирнов С. А. 2023

Определений ИИ в настоящее время достаточно много. Но самым продвинутым выступает определение, согласно которому под ИИ понимается такая программа (или алгоритм), которая на основе обработки данных научается «принимать решения в ситуации неопределенности» [Искусственный интеллект 2019: 13].

Что это значит? Это значит, что модель ИИ должна не только решать задачи по алгоритму, но и уметь *вести себя в непредвиденных ситуациях*, которые не были предусмотрены в заложенном в неё алгоритме. Интеллектуальной системе, в таком случае, ставится не только задача, но моделируются и сами ситуации, при которых эти задачи могут возникнуть. В модель тогда встраивается не только набор данных, не только система задач, но моделируются и сами ситуации, способные породить те задачи, которые в алгоритме отсутствуют (рис. 1).

Но такая система, принимающая решение, для разработчика выглядит как черный ящик, внутри которого что-то происходит. Разработчик не знает, почему и как система принимает те или иные решения. Да и сама система не знает, почему она принимает такие решения, находясь за занавесом неведения [Искусственный интеллект 2019: 157]. Такая модель ИИ решает задачи, но не знает, как она это делает. То есть модель ИИ в принципе лишена рефлексии. Но пока разработчика интересует другой вопрос – умеет ли модель ИИ работать с непредсказуемостью? Возникает вопрос – умеет ли сам человек работать с непредсказуемостью и как он это делает?

В таком случае приведём пример, взяв в качестве аналогии модели непредсказуемости и неопределенности модель регулирования поведения водителей и пешеходов на дорогах большого города. Фактически город выступает реальным полигоном-моделью системы с большой степенью непредсказуемых ситуаций и последствий. В силу столкновения многих тысяч воле и действий жителей городское пространство обитания становится реальным полигоном, на котором уже апробируются модели ИИ (например, система умных светофоров, система наблюдения и штрафов, использование беспилотников в качестве умных средств мониторинга дорожного движения и т. д.).

Каждый водитель, едущий в машине, не знает другого водителя в другой машине и не знает, как тот себя поведёт. Но и этот, и другой водитель,

Рис. 1. Модель ИИ.

допускают, что все водители знают правила дорожного движения (далее – ПДД), то есть нормы, разработанные заранее в качестве всеобщего, принятого всеми *нормативного регулятора поведения* на дорогах. ПДД вводятся для того, чтобы минимизировать степень непредсказуемости поведения водителей и пешеходов на дорогах. ПДД вводятся для всех участников движения в качестве дополнительного над физическим полем – нормативного поля, в виде *системы знаков*. Но именно это поле, знаковое, становится главным регулятором, более важным, нежели само реальное пространство передвижений. Ориентируясь в нормативном поле, заданном через ПДД и систему знаков, человек может передвигаться по физическому полю. Если он не умеет ориентироваться в нормативном поле или пренебрегает его правилами, то он рискует попасть в аварию. Таким образом, водитель или пешеход не только видят дорогу и другие машины, но также видят знаки, регулирующие движение, читают их, видя в них заложенные правилами нормы. Одни водители тем самым допускают, что и другие водители будут выполнять правила, закодированные в этих знаках. Тем самым и водители, и пешеходы начинают видеть это нормативное поле, посредством которого они видят и физическое поле. Тем самым жители города, передвигающиеся по его улицам, видят не просто передвижения людей и транспорта, но они видят *регулируемое передвижение с помощью знакового опосредования*.

Таким образом само наличие этого нормативного регулятора, вынесенного во вне водителей, во вне машин, становятся условием движения на дорогах и условием вхождения в это пространство передвижения. Без них будет стихия, хаос и непредсказуемые последствия (рис. 2).

Если перевести эту ситуационную модель в область разработок ИИ, то при разработке моделей ИИ необходимо учитывать встраивание в них подобных нормативных систем, дабы эти модели «умели» предсказывать и действовать в ситуации непредсказуемости. Если подобная нормативная система будет встроена в модель ИИ, то поведение последней становится как бы «разумным». Или нет?

В этом допущении скрыто ключевое условие: соблюдение правил (шире – норм) становится условием безопасности и в целом функциониру-

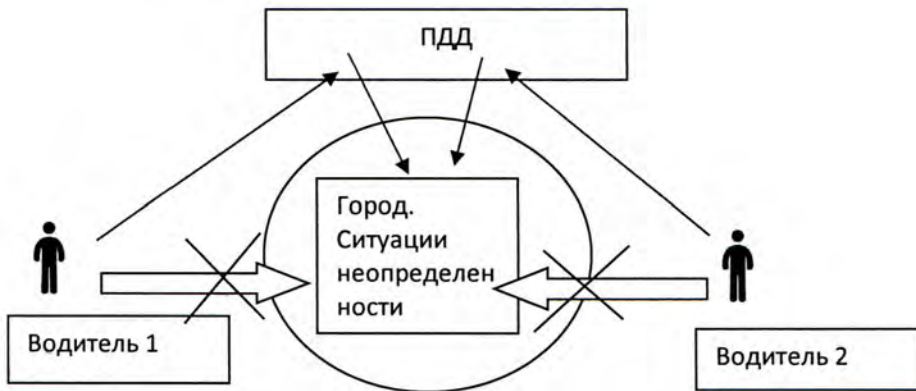

Рис. 2. Модель города как аналог ИИ.

Модель поведения в нормативной рамке в ситуации неопределённости

вания всей системы, здесь – системы дорожного движения. Если водители и пешеходы не соблюдают правила, то происходят аварии и катастрофы. Заметим, что фактически все крупные техногенные аварии (включая Фокусиму и Чернобыль, ставшие джокерами в своё время) были рукотворными, связанными с нарушением правил безопасности.

Если перейти к теме ИИ в виде разработок беспилотников, новых участников ДД, то его создатели вынуждены закладывать в их модели как ПДД, так и все возможные сценарии поведения разных агентов на дорогах (машин, пешеходов и др.). Но возможно ли заложить в модель ИИ *весь репертуар непредсказуемости* поведения пьяных водителей и нерадивых пешеходов? Пока нет. Поэтому появились первые случаи аварий с участием беспилотных машин¹⁶².

Заметим, что по большому счету сам въезд в город, само вождение в городе (см. рис. 2) возможно лишь при условии знания водителем ПДД и сдачи соответствующих экзаменов. Что в мире и делается, хотя люди сами же эти правила постоянно нарушают. Но виноваты здесь не правила и не машины, а люди, позволяющие себе действия, не соответствующие этим правилам. Но само знание ПДД становится пропуском вхождения в большой город.

В таком случае создание ИИ и действие с ним должно выстраиваться по такой же схеме. Параллельно разработкам ИИ создаются и правила, этика для ИИ, а потом уже выстраиваются манипуляции и действия с ним. Знание и принятие норм выступает *условием* управления автоматическим транспортным средством. Знание и принятие нормы и прохождение соответствующей аттестации на знание нормы выступает *условием* вхождения в ситуацию со многими степенями непредсказуемости, с которыми сталкиваются автономные субъекты.

Главным фактором этой неопределенности выступает наличие действий многочисленных акторов, игроков, агентов, в данном случае водителей и пешеходов, вступающих в контакт. Но у них у всех в таком случае должен быть пропуск на вхождение в ситуацию неопределённости и непредсказуемости.

В таком случае ключевой проблемой при разработке ИИ становится не сама по себе разработка ИИ как умного технического устройства. Проблема не в технике, не в чёрном ящике, не в том, что и как делает нейросеть, выдающая разработчику непредсказуемые решения. Проблема в самом человеке, принимающем или нарушающем принятые им самим правила. Если их толковать шире – проблема в сохранении или размывании границ этоса, то есть глубинных устоев обитания, принятых человеком для своего собственного сохранения. Если он не будет удерживать и воспроизводить этос, то устои рухнут. Если сами горожане будут нарушать ПДД, принятые ими же, то город погрузится в хаос.

---

¹⁶² В 2014 году автомобиль-беспилотник Google столкнулся с женщиной, находящейся в инвалидной коляске с электрической тягой, прогоняющей метлой проходящих через дорогу уток. Беспилотник не мог *распознать* данный экзотический для него объект [Искусственный интеллект 2019: 157]. Кстати, в Германии впервые в 2016 году был предложен законопроект о создании первой правовой базы для автономных транспортных средств. В России также разрабатываются изменения для ПДД в связи с беспилотниками. В 2016 году в США был принят первый документ, регламентирующий федеральную политику в отношении беспилотников.

Достаточное ли это основание для определения ИИ? То есть такое, согласно которому модель ИИ может считаться разумной, если умеет работать с *правилами поведения и предвидеть непредсказуемые ситуации*?

Но проблема заключается в том, что сам человек нарушает собственные нормы и правила. Человек есть не тот, кто принимает разумные решения, а тот, кто их же и нарушает. Или тот, кто постоянно выходит за собственные границы. И это есть его собственное онтологическое качество – выходить за собственные границы и обустривать новые сферы обитания. А выходит он за границы не в силу родовой деструктивности, а потому, что он так устроен, будучи существом трансцендентным. Это его способ обитания – раздвигание границ, преодоление ранее положенной нормы, с тем, чтобы далее в новой реальности воссоздавать себя и свои границы уже в новых условиях.

Но в таком случае ИИ *невозможен в принципе*. Потому что граница, поставленная ранее, будет всегда нарушаться тем, кто эти границы поставил – человеком. Не успеет ИИ научиться работать с поставленными границами, завтра эти границы будут нарушены. Или в таком случае необходимо другое представление об ИИ: это такая программа, которая сама же и нарушает свой собственный алгоритм.

Но в таком случае главной проблемой становится не то, возможен ли ИИ или нет, заменит он человека или нет, какие интеллектуальные задачи он сможет решать в будущем. Главным становится сугубо этическая проблема – проблема границ этоса человека, способа и мира его обитания, проблема им же поставленных границ и того, как регулируется удержание этих границ. В данном случае речь идёт о границах человека и ИИ, человека и умной машины. То есть не проблема техническая, математическая, инженерная, информационная, а проблема сугубо гуманитарного, этического свойства. Здесь и рождается собственно этическая, шире – антропологическая, проблематика. То есть проблема границы человека и техники.

Теория вагонетки или этический тупик

Необходимо признать, что в основание своих рассуждений разработчики-инженеры закладывают допущение, что, учитывая рост непредсказуемых ситуаций, необходимость как-то встроить в свои модели ИИ этическую составляющую, связанную с безопасностью человека, возникает задача решить этическую проблему так же, как решаются формально-логические и математические задачи. Тем самым допускается, что в программу, в алгоритм ИИ реально заложить этические нормы, которые понимаются так же, как математические формулы. Иными словами, программу можно обучить этическому поведению. Допускается, что этическому поведению можно обучить и нейросеть. Допускается, что этическую норму или правило (как правильно поступать с точки зрения морали?) можно обосновать формально-логически, что машину можно обучить поступать этически так же, как и научить её совершать вычислительные операции. Значит, допускается, что этический выбор так же рационален и логичен, как решение математической задачи.

Такие допущения породили развитие так называемой теории вагонетки, или «вагонеткологии» (trolleyology), внедрённой в практику этических дискуссий с лёгкой руки разных западных авторов [Эдмондс 2020]. Ситуация или проблема вагонетки описывается мысленным экспериментом.

Представим себе, вы стоите на пути. По нему несётся неуправляемая вагонетка, у которой отказали тормоза. Вы видите, что впереди на пути лежат пятеро человек, они не могут убежать с пути и рискуют погибнуть под вагонеткой, поскольку они привязаны к рельсам. У вас есть возможность перевести стрелку, чтобы вагонетка пошла по другой ветке. Но на ней лежит один человек, который тоже не может уйти с пути, будучи привязан к рельсам. Вы можете перевести стрелку, но он погибнет, хотя пятеро останутся живы. Ваши действия?

Мне кажется, ситуация слишком надумана. Это, разумеется искусственная модельная ситуация, каковых много строится при разработке моделей взаимодействия людей и техники, попадающих в ситуации с большой степенью рисков и неопределённости. Подобные модели полезны для развития практик мысленных экспериментов. Но по сути ситуация, выстроенная в этой модели, предельно цинична. Она предлагает участникам подобных мыслительных экспериментов поместить себя, хотя и в придуманные, но нечеловеческие условия. И представить – способен ли я убить одного ради спасения пятерых? Выбор однозначно тупиковый. Выбора здесь вообще быть не должно. Ведь этика – не арифметика. Нельзя там ставить минус, а там – плюс. Так бывает на войне – когда генерал жертвует в одном месте батальоном, чтобы в другом месте сделать прорыв. Но это на войне. Жизнь нельзя строить по стратегиям войны. Если уж строить модели, то такие, которые бы не загоняли человека в изначально тупиковую ситуацию, в которой любое решение – заведомо убийственное. Человек заведомо ставится в нечеловеческую зависимость от тупой вагонетки и необходимости делать выбор, однозначно и одинаково убийственный. Ведь непричинение вреда другому, и тем более невозможность спасения одного ради смерти другого – это непреложное этическое правило. Оно обязательно к исполнению.

Д. Эдмондс приводит в своей книге 10 таких ситуаций с вагонеткой, в которых ставится вопрос о выборе между тем, пустить ли вагонетку по пути, и ты задавишь пятерых, или пустить по другому пути, и ты задавишь одного. Также он приводит различные примеры выбора, с которыми столкнулись врачи при лечении больных, с которыми столкнулись военные на фронте во время боевых действий, спасатели во время чрезвычайных ситуаций. Но заметим, что все примеры, которые приводит Эдмондс, и на которых строится теория вагонетки, взяты из медицины, на войне, на происшествиях и чрезвычайных ситуациях, во время катастроф. То есть примеры заведомо чрезвычайные. Но жизнь человека нельзя рассматривать как сплошное происшествие, как постоянную войну и бесконечную болезнь. Жизнь человека в норме не может рассматриваться как жизнь на войне или в больнице. Авторы же теории вагонетки строят свои мысленные эксперименты сугубо на примерах чрезвычайных и далее пытаются распространить их на жизнь человека в норме, в нормальных повседневных условиях, когда нет войны, когда никто не болеет и когда нет пожаров и наводнений.

Тем не менее такая с позволения сказать прикладная этика или даже моральная философия пустила корни в западном философском дискурсе и вошла в списки различных опросов. Например, Д. Бурже и Д. Чалмерс не преминули вставить в свое социологическое исследование вопросы из теории вагонетки [Bourget, Chalmers 2021]:

«Задача вагонетки. Ехать прямо, тогда наедешь на пятерых, или переключить стрелку на другую линию, тогда наедешь на одного? Ваш ответ».

Какие ответы были получены?

Переключить – 63,42% опрошенных.

Не переключать – 13,31%.

Другое – 24,88%.

Удивительно. В какую циничную ситуацию ставятся респонденты, на какой вопрос им предлагают ответить! И несмотря на все моральные муки и угрызения все же 13,31% ответили так, что не надо переключать стрелку. Мол, пусть едет вагонетка и давит всех пятерых. И авторы опроса, и респонденты допускают вообще самую возможность рассуждать по поводу таких ситуаций. Это и есть этическая проблема? Куда делся Кантовский ригоризм? Куда ушла великая метафизика нравов? Моральный долг? Нравственный поступок? Самопожертвование ради другого? Почему в этой вагонеткологии не допускается третий вариант – тот, кто находится у стрелки или тот, кто сидит в вагонетке вообще вынужден себя просто взорвать, если движение неминуемо. И прямо, и направо – одинаково пути убийственные. А поэтому, если ты находишься в такой ситуации, ты жертвуешь собой, поскольку иного пути нет, и только ты сам ценою своей жизни и можешь остановить эту страшную вагонетку, которая становится слепым орудием убийства. Но авторы вагонетководения почему-то сидят и рассуждают, но никак не допускают и мысли о таком варианте.

В книжке Д. Эдмондса рассуждения о вагонетках и иных ситуациях морального выбора перемежаются рассказами из истории моральной философии. Интересно, познавательно. Но мысленный эксперимент с вагонеткой, мне кажется, перечеркивает эту увлекательность и ставит вообще крест на проблеме нравственности. Этика исчезает под грудой обломков мчащейся слепой вагонетки. Последняя становится метафорой всего происходящего тренда: за мчащимся поездом технического прогресса мы перестали видеть человека, перестали понимать самих себя. Увлекательная игра с нейросетями несёт нас в тупик, раздавливая человека.

В то же время налицо явно выраженная тенденция, описанная в литературе, состоящая из двух направлений: с одной стороны, машинизация человека, превращение его в функциональное устройство, редукция его поведения до функции, с другой стороны, уподобление машины человеку, превращение её в некое человекоподобное устройство [Смирнов 2022б; Смирнов 2023а].

Подобная тенденция воплощается в том, что разработчики и исследователи допускают возможность моделей так называемых «моральных машин», в которых возможен учёт этических норм, как будто этические нормы могут быть включены в алгоритм поведения машины, вплоть до того, что проблема свободы воли может быть как-то учтена в моделях ИИ, если не сейчас, то не в столь отдалённом будущем [Карпов и др. 2018; Разин 2019].

Исследователи допускают, что обсуждать этику ИИ нельзя без обсуждения проблемы свободы воли [Разин 2019: 58]. Но они допускают в своих рассуждениях и способность ИИ к научению этическому поведению, способность ИИ принимать этически взвешенные решения. Вводится очередная метафора – «моральные машины». Разработчики и исследователи всерьёз

допускают, что ИИ можно научить не только решать нетривиальные задачи, но и научить этическому поведению [Moral Machine 2023; Bostrom 2011]¹⁶³. Это означает, что этическое поведение можно описать так же строго, математически точно. Последнее, разумеется, связано с выше приведёнными примерами из теории вагонетки. Коль скоро этическое действие так же можно рассматривать, как поведение рациональное, логически выверенное, и его можно рассчитать и построить по этому поводу алгоритм, то в принципе машину можно научить совершать этически обоснованные поступки.

Исследователи допускают, что если человек есть субъект, обладающий свободой воли, с которым связана его моральная и правовая ответственность, то именно эти качества должны быть заложены в модели ИИ как параметры. Это значит, что модель ИИ должна быть способна реагировать на случайные (не входящие в алгоритм) события, неповторимые ситуации, уметь принимать адекватные решения, быть способной на нравственные действия. Но коль скоро этому всему человек сам научается поэтапно, в процессе культурного развития в рамках онтогенеза, то тем самым ИИ надо этому тоже учить. Поэтому необходима модель поэтапного обучения ИИ этическому поведению, так же, как есть поэтапное обучение человека [Разин 2019]. Полагаю, что упование на создание подобных моральных машин, способных на этическое поведение – тоже тупик, ещё одно безмерное увлечение разработчиков и исследователей.

Этика для сферы ИИ

Итак, мы не будем идти по пути вагонеткологии и по пути создания моральных машин. Зададим себе вопрос еще раз – где и когда рождается этическая проблематика в ситуациях с разработкой моделей ИИ? Ответ такой: там и тогда, когда разрабатываются правила и нормы, регулирующие взаимодействие людей в ситуации разнообразия воли и действий, непредсказуемости и высокой степени сложности и рисков. Этика рождается не в инженерии, а в ситуации множественности свободных воли и действий. В самом ИИ этики нет и быть не может. ИИ научить этике нельзя по определению, поскольку ИИ не является субъектом действия. Этика выступает регулятором, с помощью которого регулируются отношения между людьми, а не между человеком и машиной. Здесь – ключевая проблема доверия не к ИИ, а к человеку, автору ИИ.

Этика рождается тогда, когда мы сталкиваемся с рисками и угрозами, связанными с разработкой и внедрением ИИ в повседневность, в результате чего растёт степень непредсказуемости, а поэтому необходимо выработать кодексы и конвенции, регулирующие деятельность людей в сфере ИИ. Таких конвенций выработано в последние годы уже много [Кодекс этики 2021; Принципы этики 2021; Proposal 2021; AI Principles 2017; ЮНЕСКО 2021].

---

¹⁶³ В публикациях, посвященных моральным машинам, при этом обучение этическому поведению ставится в том же духе, что и в теории вагонетки. Например, для испытания беспилотных машин ставятся задачи типа: какое из двух зол выберет самоуправляемый автомобиль – гибель двух пассажиров или пяти пешеходов? Обучение этическому поведению строится по той же теории вагонетки. Цинизм задачи закладывается в алгоритм поведения моральной машины.

Казалось бы, человечество всерьез задумалось о том, что пора осмыслить этическую проблематику при разработке умных систем и не увлекаться одними инженерными задачами. То есть пора вспомнить о человеке.

Но зададим себе два вопроса:

1. Какая модель человека при этом закладывается в эти принятые проекты конвенций и этических деклараций?

2. Не стоит ли за разработкой этих конвенций и деклараций всего-навсего маркетинговая стратегия? Может, авторы этих конвенций, в числе которых крупные корпорации (в России это компания Сбер), стремятся просто убедить клиентов в том, что ИИ не обманет, он дружелюбный, его не надо бояться? Но тогда это всего-навсего маркетинговый ход, который продавец той или иной умной технологии использует для того, чтобы убедить клиента и покупателя купить его замечательную технологию.

Что касается первого вопроса, то пока ситуация выглядит следующим образом.

При разработке фактически всех этических конвенций и деклараций их авторы делают два фундаментальных допущения:

- человек не меняется, он всё такой же, каким был и тысячу лет назад,
- история цивилизации есть история освобождения человека, становления его автономной личностью, он достоин лучшей, то есть комфортной и безопасной жизни. Последнее ему и должен обеспечить в том числе ИИ.

При этом допускается, что это благополучие и комфорт требуется защитить от новых рисков, связанных с развитием умных технологий. Всегда при разработке и внедрении сложных инженерных систем требованиям безопасности уделялось серьёзное внимание, будь то строительство АЭС или ракетных комплексов, или разработка ИИ. В данном случае она и должна быть выработана и принята цивилизованным сообществом.

Но проблема в том, что ИИ, внедряясь в реальность, в повседневность человека, реально начинает менять и его устои жизни, его этос, его среду обитания. И речь идёт уже не о правилах поведения и технической безопасности, а о готовности самого человека отказаться от этих устоев. В силу чего отказ ставит под вопрос саму привычную норму человека, его представления о самом себе.

В этой связи задачей становится не сама по себе разработка ИИ и не только выработка мер защиты человека от возможных угроз и рисков, связанных с внедрением ИИ, а построение новой онтологии человека в новой реальности, новой гибридной среде и восстановление нормы человека в этой новой реальности, в которой необходимо перестраивать интерфейс человека и ИИ. Поэтому проблема не в том, чтобы выработать очередной этический кодекс для сферы ИИ, а в том, чтобы всякий раз восстанавливать этос человека, норму человека.

Стремление же разработать кодекс выступает фактически следствием редукции человека, сведения его к отдельной особи, капризной и зависимой от умной техники. Чтобы умная техника не нанесла ему вред, вырабатывается система мер по защите слабого и незащищённого человека-индивида. Представление об атомарной личности, венце западной цивилизации, свелось к отдельной, зависимой от умной техники особи, отдельном индивиде, испытывающем соблазн от разного рода желаний и потребностей, которые-

ми представлена окружающая жизнь, воспринимаемая им в виде большого и яркого гипермаркета.

По большому счёту эти кодексы защищают человека как обывателя жизни. А задача заключается в том, чтобы человек оставался субъектом, способным в себе вырабатывать систему защиты от капризов и соблазнов, связанных с потреблением умной техники. Строго говоря, именно человек, отказывающийся от бытия как нормы, и стремится защитить себя от придуманного им же самим интеллектуального монстра, ИИ.

Что касается второго вопроса, то здесь ситуация сложнее. С одной стороны, принимаются декларации, согласно которым вводится запрет на разработку и внедрение определенных систем ИИ. Например, в Проекте Регламента Еврокомиссии от 2021 года введен так называемый класс запрещенных практик ИИ:

«Искусственный интеллект должен быть не самоцелью, а инструментом, который служит людям с конечной целью повышения их благосостояния. Правила для искусственного интеллекта, распространенного на рынке Евросоюза или влияющего на граждан другим образом, должны ставить людей в центр. Люди должны доверять использованию технологий, знать о ее безопасности и соответствии закону, включая уважение основных прав <...>».

Запрещаются следующие виды практики искусственного интеллекта:

а) размещение на рынке, ввод в эксплуатацию или использование системы искусственного интеллекта, которая применяет сублиминальные методы вне сознания человека с целью существенного искажения поведения человека таким образом, что причиняет или может причинить этому человеку или другому лицу физический или психологический вред;

б) размещение на рынке, ввод в эксплуатацию или использование системы искусственного интеллекта, которая использует любое из уязвимых мест определенной группы лиц в силу их возраста, физических или психических недостатков, с целью существенного искажения поведения лица, относящегося к этой группе, таким образом, что это лицо или другое лицо причиняет или может причинить физический или психологический вред;

с) размещение на рынке, ввод в эксплуатацию или использование систем ИИ государственными органами или от их имени для оценки или классификации благонадежности физических лиц в течение определенного периода времени на основе их социального поведения или известных или прогнозируемых личных или личностных характеристик <...>.

д) использование систем дистанционной биометрической идентификации “в реальном времени” в общедоступных местах в целях обеспечения правопорядка, за исключением случаев» [Proposal 2021]¹⁶⁴.

С другой стороны, например, компания Сбер, принимая свой Кодекс этики для сферы ИИ, вводя принципы этики, явным образом показывает, что за этим стоит всего-навсего маркетинговая политика [Принципы этики ИИ 2021].

---

¹⁶⁴ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council, Title II, article 5, p. 43-44. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/node/9756/printable/pdf>

Можно упомянуть также Азиломарские принципы ИИ¹⁶⁵. Но что здесь интересно? В основании этих принципов также вольно или невольно закралось уподобление поведения ИИ – поведению человека. Например, названы такие принципы:

«... *Схожесть ценностей*. Высоко автономные системы ИИ должны быть разработаны таким образом, чтобы их цели и поведение были схожи с человеческими ценностями на протяжении всей их работы.

Человеческие ценности. Системы ИИ должны разрабатываться и работать таким образом, чтобы быть совместимыми с идеалами человеческого достоинства, его прав и свобод, многообразия культур.

... *Общее (всеобщее) благо*. Суперинтеллект должен разрабатываться только для служения широко разделяемым этическим идеалам и на благо всего человечества, а не одного государства или организации» [AI Principles 2017]

Можно также назвать недавно принятый в России Кодекс этики для сферы ИИ, принятый в 2021 году на форуме по этике ИИ [Кодекс этики 2021]. Согласно этому Кодексу *человеко-ориентированный и гуманистический* подход является основным этическим принципом и центральным критерием оценки этического поведения акторов в сфере ИИ.

Его расшифровка звучит следующим образом: «При развитии технологий ИИ человек, его права и свободы должны рассматриваться как наивысшая ценность. Разрабатываемые Акторами технологии ИИ должны способствовать или не препятствовать реализации всех потенциальных возможностей человека для достижения гармонии в социальной, экономической, духовной сфере и наивысшего расцвета личности, учитывать ключевые ценности, такие как сохранение и развитие когнитивных способностей человека и его творческого потенциала; сохранение нравственных, духовных и культурных ценностей; содействие культурному и языковому многообразию, самобытности; сохранение традиций и устоев наций, народов, этносов и социальных групп» [Кодекс этики 2021].

Далее в Кодексе приводятся уже известные принципы этики для сферы ИИ (непричинение вреда, ответственность, безопасность, поднадзорность и т. д.).

Возникает вопрос: кто и как контролирует соблюдение названных принципов? Каковы механизмы контроля, мониторинга соблюдения принципов? Кто и как несёт ответственность за несоблюдение принципов? Эти вопросы пока остаются открытыми. В принятых декларациях и кодексах вопрос о механизмах контроля и наказания вообще фактически отсутствует.

Заключение

Учитывая сказанное, пока необходимо констатировать следующее.

При разработке этических кодексов и деклараций сам человек не рассматривается как источник риска. Источник рисков почему-то видится в ИИ,

¹⁶⁵ Принципы были разработаны и приняты по итогам конференции разработчиков и исследователей в сфере ИИ, прошедшей в январе 2017 года в Азиломаре, США. На данный момент под ними поставили свои подписи свыше 3 500 ученых, разработчиков, предпринимателей и экспертов. Среди них Илон Маск, Стивен Хокинг, Рэй Курцвейл, представители Google, Apple, Facebook, IBM, Microsoft и т.д.

как будто он выступает субъектом действия. Сам же человек (и не только разработчик) не рассматривается как субъект изменений и источник рисков.

До сих пор сохраняется допущение сходства человека и машины, допускается аналогия и уподобление человека и ИИ.

В принятых декларациях и конвенциях присутствует больше маркетинга, нежели этики.

Предложенные декларации и кодексы для сферы ИИ не стали регулятивами, поскольку в них отсутствуют механизмы контроля и мониторинга соблюдения названных принципов и правил.

В разрабатываемых моделях ИИ доминирует допущение, что этический выбор совершается так же логически и рационально, как и решение математической задачи. А с этим связано и допущение, что ИИ можно обучить этическому поведению так же, как и научить решать задачи.

Возникает ощущение, что мы сами, люди, уже запутались в своих собственных допущениях и представлениях. Наверное, надо начинать вновь с чистого листа. И с самих себя.

ЭТИЧЕСКОЕ САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ИИ: НУЖНА ЛИ СВОЯ КЛЯТВА ГИППОКРАТА АКТОРАМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА?

Т. А. Сидорова¹⁶⁶

Все мы – пациенты, и время от времени, оказываясь в этой роли, рассчитываем на то, что люди, в руках которых оказалась наша жизнь, руководствуются врачебным долгом. Что это такое? Содержание профессионального долга многосоставно, однако, прежде всего – это внутренняя необходимость, свободное, без принуждения, принятие совокупности обязательств. Когда человек получает диплом врача, он принимает Клятву профессии, – как правило, её называют Клятвой Гиппократов, – не пациенту, а именно профессии, обретая таким образом новую идентичность и принимая профессиональный долг в качестве внутреннего законодательства. Суть профессионального долга врача в ответственности за жизнь человека. Но эта способность к исполнению долга возникает не просто от присоединения к прописанным в Клятве или Этическом Кодексе нормам, чего требуют институциональные правила, она становится результатом формирования внутренней убежденности, на основе которой принимаются профессиональные решения.

Клятва предполагает наличие священного, непререкаемого авторитета, заставляющего человека ориентировать свои действия и совершать поступки в соответствии с заявленными обязательствами. Это переведение внешней необходимости во внутреннее чувство долга, а клятвопреступление обозначает моральное падение. «Глубинным психологическим мотивом речевого акта «клятвы» является потребность индивида в доверии со стороны адресата/-ов, которая и трансформируется в целевую установку, связанную с установлением искомого доверия» [Чесноков 2016: 110].

Таким образом, принесение Клятвы есть акт морально-психологической саморегуляции, он становится необходимым в ситуации, когда не внешнее принуждение, например, правовое, становится источником для надлежащего исполнения обязанностей, а внутреннее побуждение воли, преобразованное в горниле осознания своего долга.

И. Кант утверждал, что долг есть категорический (безусловный) моральный (а не договорной, юридический) императив, означающий внутреннее побуждение, которым обладает индивид как автономно, т. е. без принуждения, действующий субъект. Категорический императив – это «моральный закон во мне», бескорыстная ориентация воли свободного субъекта, действующего во благо, и благодаря этому стремлению в душе каждого человека общество обретает единство и целостность.

Врачебная деятельность и история внутреннего профессионального регулирования путём добровольного принятия «закона медицинского и никакого другого», более всего соответствовала духу долженствования, поэтому медицинскую этику стали называть деонтологией (от др.-греч. δέον «должное»), полагая, что врач ориентируется в своей деятельности на безусловное принятие профессионального долга, содержание которого в качестве

---

¹⁶⁶ © Сидорова Т. А. 2023.

мир
к спасению
привести!

Проклинаю псевдопрогресс.
Горло саднит от техсловес».

[Вознесенский 2022].

Кризисные состояния, переживаемые обществом, всё чаще заставляют пересмотреть матрицу современной нравственности и апеллировать к возвращению к философски обоснованным основаниям морали: к античному призыву во всём соблюдать меру или к триаде В. С. Соловьева. В этой триаде, по сути, утверждаются три необходимости: внутренняя мера, желание блага Другому и нравственно обоснованная целеориентирующая установка сознания, то есть, то, что формирует качество воли, определяющей способность личности к добруму, правильному поступку и, в конечном счёте, к выбору.

Отражением потребности преодолеть кризисные явления, которые выражаются в возникновении множества моральных дилемм, является феномен «этизации» современного мира. Прикладная или регулятивная этика бурно развивается. Буквально её истолковывают как «приложение этических и моральных понятий и суждений к конкретным сложным, часто очень драматическим, и в любом случае – противоречивым ситуациям» [Коновалова 1998: 45]. Этизация воплощается в создании всевозможных Этических Кодексов, в актуализации старых и новых форм этики, в возникновении новых видов профессиональной этики, создании корпоративной, институциональной этики. Особую актуальность прикладная этика приобретает в сфере высоких технологий, где оказываются затронуты интересы общества, права и свободы личности, достоинство человека. Этические руководства разрабатываются параллельно созданию новых технологий, выступая способом «опережающего проживания» (Б. Г. Юдин) негативных или неоднозначных эффектов научно-технологической трансформации привычных социальных укладов, изменения того, что понималось в качестве нормы относительно распоряжения собственной жизнью и всеми её атрибутами: здоровьем, телесностью, внутренним миром, личными границами и т. д.

Хорошей иллюстрацией особенностей прикладной этики служит в современной версии медицинской этики, биоэтике, вопрос о заборе органов для пересадки другому человеку. Человек, с точки зрения определённых и культурно адаптированных критериев жизни и смерти, может считаться ещё живым, хотя у него, например, погиб мозг, а жизненные функции поддерживаются при помощи искусственных систем. По действующему сегодня в медицине критерию смерти человека при гибели мозга человек считается мёртвым. Но прикладная этика имеет дело с пограничными ситуациями, в которых принимаемые решения не имеют прецедентов, они сами противоречивы, поскольку трудно сказать, что лежит в основе того, что мы можем обозначить как норма, нормальное, положительное. Не зря А. П. Чехов говорил о том, что «Медицина – это ежедневное испытание на человечность».

С одной стороны, «этизация» – это сугубо положительный феномен, если в мире всё чаще прибегают к этическому регулированию «узких» мест и конфликтогенных зон. Регулирование применения новейших цифровых

технологий, таких, как системы искусственного интеллекта, укладывается в русло общемировой тенденции этизации. В этом случае мы должны видеть, что потребность регулирования говорит о том, что затронуты фундаментальные жизненные ценности, что технология выходит на границы манипулирования человеческой жизнью в её многоаспектной трактовке. Вот, как определяются ценности, которые необходимо защищать, в Кодексе этики в сфере ИИ: «Актеры ИИ должны принимать необходимые меры, направленные на сохранение автономии и свободы воли человека в принятии им решений, права выбора и в целом сохранения интеллектуальных способностей человека как самостоятельной ценности и системообразующего фактора современной цивилизации. Актеры ИИ должны на этапе создания СИИ прогнозировать возможные негативные последствия для развития когнитивных способностей человека, и не допускать разработку СИИ, которые целенаправленно вызывают такие последствия» [Кодекс этики 2021].

Однако, в явлении этизации есть и свои издержки. Дело в том, что мораль, нравственность, этика – понятия близкие, и мы вполне можем их употреблять как взаимозаменяемые. Не вдаваясь в подробности в их различении, мы понимаем, какая тонкая грань удерживает нас на стороне истинной нравственности от того, чтобы не перейти, например, к морализаторству, или, следуя неукоснительно самым этичным правилам, прослыть негодяем. Поэтому возникает картина: прописаны и торжественно приняты самые прекрасные Кодексы, а конфликтность не устранена. Долгое время при решении биоэтических дилемм считалось, что общественный консенсус – это согласие, достигнутое в дебатах, относительно того или иного случая, и есть успешный результат, приемлемое решение. Однако, факт консенсуса сложно установить простым убеждением, обеспечивающим временное принятие той или иной позиции, необходимо успешное дискурсивное оформление того, что будет считаться нормальным. С точки зрения соответствия реальному положению дел, легко увидеть, что принятые решения, например, по поводу отключения жизнеподдерживающих аппаратов, не универсальны, они не могут служить для всех основанием внутреннего законодательства, или, даже, наоборот, разрушают сами основы достижения такого согласия, поскольку отменяют важные ценности, которые обеспечивали социальное единство.

В. С. Соловьев говорил о том, что условием по-настоящему нравственного поступка должен быть свободный выбор этого поступка, вплоть до того, что человек имеет возможность иногда быть и безнравственным. За нравственностью всегда стоит внутренняя работа, выбор между добром и злом, результатом которой и является поступок [Соловьев 1988]. Настоящим критерием, отличающим то, в какую сторону направлено моральное действие, является моральный рост личности – той, которая совершает поступок, и тех людей, во имя которых он совершается. Следование принципу гуманизма, отстаивающего ценность человека, означает не разрушение, а его утверждение в качестве свободного, и на этом основании, нравственно поступающего существа – вот истинный критерий, на который можно ориентироваться в двусмысленных коллизиях, которые всё чаще встречаются на пути современного человека и, особенно, специалистов, в руках которых сосредоточены источники возникновения этих коллизий.

Но всё это имеет отношение к понятиям нравственности и морали. Формы прикладной этики создают правила неморального регулирования, поскольку часто формальные правила ориентированы на то, чтобы привести в порядок не внутренний мир человека, который ищет то, где добро, а где зло, а его поведение, с тем, чтобы оно было функциональным, например, соответствовало целям существования корпорации, бизнеса, институции и т. п.

Нет ничего более сложного и многообразного, чем моральная жизнь в обществе, поэтому ещё одно отличие морали от права заключается в том, что это чрезвычайно гибкое регулирование. Когда мы составляем перечни этических норм, так или иначе начинаем приближать по своему качеству этическое регулирование к правовому, и чем больше этих перечней, тем они ближе. В общем-то, ничего плохого в этом нет, однако сам внутренний посыл свободного, нравственного принятия нормы истончается и перестаёт в какой-то момент быть действительным мотиватором действий и выбора индивида. Поэтому этическое регулирование – это хорошо, но до определённой меры, пока оно не превращает этику в эрзац права. Тогда, как В. С. Соловьев предупреждал об опасности переписывания морали по правовому образцу, поскольку он видел в этом утрату человеком способности свободно выбирать добро [Соловьев 1988]. Этическое регулирование в условиях транзитивного и распределённого характера профессиональных отношений должно строиться на основах саморегулирования. Моральное сообщество среди тех, кто разрабатывает, применяет и продвигает системы ИИ, формируется самим предметом регулирования, коими являются новые технологии с непредсказуемыми социальными и антропологическими импликациями. Всё, что разрабатывается, обещает принести благо, или, по крайней мере, обязуется минимизировать негативные последствия, гарантировать потребителю безопасность. В этой ситуации важно удерживать опорные критерии различения добра и зла, чтобы этически оправдать цели, которые ставят перед собой специалисты, изменяющие нашу жизнь с помощью новейших технологий. Поэтому при этической саморегуляции в сфере ИИ важно не упускать из виду ступень индивидуальной ответственности, предусматривать механизмы для её формирования, для поддержки приверженности гуманистическим, т. е. ориентированным на человека, принципам.

Сегодняшний этап развития медицинской этики также связан с появлением новых технологий, которые ставят врача в ситуацию трудного выбора: между поддержанием жизни и эвтаназией, абортами и искусственным созданием эмбрионов, сохранением целостности человеческого генома и его редактированием и т. д. Так появляются принципиально новые ситуации, когда врачи однозначно не могут следовать основополагающим нормам, заложенным в Клятве Гиппократова. Традиционные отношения врача и пациента изменяются в дистанционной медицине, искусственный интеллект всё больше замещает врача в организационных вопросах, что принимается как безусловное благо, но возникает перспектива, что ИИ заменит врача при принятии решений. Телемедицинское консультирование принципиально востребует антипатернализм, видимо, считая, что в цифровой медицине не так важна «отеческая забота», сколько «понимающий диалог», ассоциируемый с антипатерналистскими коллегиальными отношениями.

Приведём иллюстрацию, взятую из рекомендаций для врача в телемедицине, которая названа «главной проблемой при переходе в онлайн-кон-

сультирование»: «Одна из самых сложных задач, с которой сталкиваются врачи в телемедицине, связана с преодолением патернализма. Многие специалисты не привыкли к партнерским взаимоотношениям с пациентом, им тяжело дается этот переход. Отсюда возникают проблемы при общении в чате, где деликатность должна быть еще выше, чем при личном взаимодействии. Нельзя критиковать и оценивать образ жизни пациента, даже если за этим кроется попытка побудить к лечению. Доктор должен научиться чувствовать пациента через экран, чтобы подвигнуть человека заниматься своим здоровьем, не навязывая ему при этом чувство вины» [Кругликов 2022]. В основе этой рекомендации лежит определённый, клишированный подход, связанный с абсолютизацией принципа автономии пациента и даже неверным его пониманием. Почему эмпатия и врачебная забота должны непременно порождать чувство вины? Автономия защищает право человека распоряжаться собой в вопросах своего здоровья, и это не обязательно противоречит патернализму, таковы современные выводы ученых. Время тотального отрицания патернализма давно ушло в прошлое, сегодня более востребованным является концепт медицинской заботы [Лехциер 2019; Mol 2008]. Нет сомнения в том, что алгоритмы, создаваемые для ИИ, и те практики, на которых будут обучаться нейронные сети, также во главу угла поставят принцип автономии.

Здесь очевидна преобладающая связь с принципами биоэтики, которые известны как «джорджтаунская мантра» Бичампа и Чилдресса: не навреди, делай благо, автономия пациента и принцип справедливости.

Надо сказать, что список принципов биоэтики разнообразен, однако, чаще всего в других формах прикладной этики, и в том числе, в этике ИИ, вспоминают и копируют эту четверку и из неё, в первую очередь, приводят принцип автономии. Следует заметить, что уже в 90-е годы прошлого века европейские биоэтики сместили значимость этого принципа и во главу угла поставили принцип уважения достоинства личности, включающий в том числе добровольное волеизъявление на медицинское вмешательство, о чём в основе своей и утверждалось в принципе автономии, более специфичном для американской, юридизированной традиции регулирования отношений в медицине.

В Кодексе этики в сфере ИИ, принятом в России в 2021 г. принцип автономии и свободы воли человека упоминается в ином аспекте – защиты субъектности человека ввиду её проблематизации в связи с тем, что системы ИИ всё чаще будут подсказывать решения человеку или даже за него их принимать. Автономия и свобода воли в данном случае совершенно справедливо обозначены в качестве значимой ценности, которая требует защиты, и это должно осознаваться акторами ИИ на всех этапах – от разработок до применения.

Обращаясь к новым способам вмешательства в человеческую жизнь, где она оказывается на грани искусственного и естественного, на грани сохранения или утраты человеком свойств и возможностей, которые формируют его видовую и личностную идентичность, на наш, взгляд, уместно использовать принципы биоэтики: уважение достоинства личности (в Кодексе ИИ говорится об уважении прав и свобод человека, но достоинство человека включает, помимо правового закрепления свободы его действий, его автономии, и представление о самоценности человека); не навреди (на-

шёл отражение в Кодексе ИИ в пункте «Непричинение вреда»); уважение к жизни в аспекте сохранения исключительного права человека на видовую идентичность; принцип добровольности (права пользователя решать и выбирать); принцип ответственного распоряжения личной, в т. ч. биомедицинской информацией (есть пункт «Безопасность работы с данными»); неприкосновенность частной жизни (нашёл отражение в пункте «Ответственное отношение»); справедливость (есть пункт о «недискриминации», однако понятие справедливости шире понятия ущемления прав, т. е. дискриминации) [Кодекс этики 2021]. Эти принципы коррелируют с положениями Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники в РФ [Бегишев 2020].

Исторически важнейшим для медицины был принцип «Не навреди!». История медицины – это одновременно история поиска средств избавления от болезней, а затем избавления от побочных эффектов их воздействия на организм. Поэтому девиз врача звучит: Никогда лекарство не должно быть хуже болезни! Выдающийся нравственный пример привёл Н. И. Пирогов. Он развивал принцип «Не навреди!» практически: опубликовал анализ своих врачебных ошибок. Правило «Учиться на ошибках» стало нравственной максимой, частью медицинского образования. Эта максима весьма полезна и для разработчиков новых технологий, в том числе систем ИИ.

Формы и виды вреда для человека в настоящее время дифференцировались. Это и формы физического вреда (вред для телесного здоровья), и моральный, и психологический вред, вред для когнитивной сферы. Этика ИИ имеет дело с видами вреда, которые довольно сложно не только визуализировать, но и заставить признавать то, что в конечном счете воздействие таковым и является.

Утилитаристская калькуляция соотношения вреда и пользы, на которой основаны заключения об этической приемлемости новых средств или новых технологий в сфере ИИ, может оказаться малопродуктивной, поскольку вред в данном случае связан не просто с побочными эффектами от лекарственных и функциональных воздействий, а с ущербом для соблюдения суверенных границ внутреннего мира человека, для сферы его частной жизни, для психологической преемственности, для ментальных установок, базирующихся на убежденности в первичности свободы воли и основанной на этом субъектности индивида. Вред, наносимый, например, ментальной сфере, может вести к дискриминации и таким эффектам, которые в значительной мере заставят пересмотреть сложившиеся моральные и социальные порядки.

В настоящее время в целях контроля участия человека в клинических исследованиях налажена система этической экспертизы, рассматривается вопрос, добровольно ли привлекаются испытуемые, существует ли риск для их здоровья. Для оценки этих рисков разработаны шкалы. Значимый вред для здоровья здесь, конечно же, исключается. По поводу иных видов вреда для человеческой субъективности таких шкал и методик не существует и их разработка весьма проблематична. Эти виды вреда должны быть научно исследованы в междисциплинарных лабораториях. ИИ может влиять на процессы мышления, на взаимодействие с другими людьми, на принятие человеком решений, а также на различные социальные сферы: образова-

ние, культуру, науку, спорт, информационное пространство, повседневную жизнь, самостоятельную заботу о здоровье и др.

Поэтому регулирование в этой области имеет отношение не только к оценке непосредственного вреда и риска для пользователей, который может быть минимален или отсутствовать совсем, но также и к необходимости взвешивать социальные и антропологические эффекты применения полученных знаний на прикладном уровне. Допускать технологии к использованию, опираясь на критерии технической безопасности, значит упускать из виду самое важное с этической точки зрения – уязвимость человека как обладателя психофизического единства, распорядителя своим внутренним миром, суверена над собственным Эго [Сидорова 2020].

Заключение

К этическому Кодексу в сфере ИИ в России присоединилось более сотни компаний. Более того, подчеркивая важность этического аспекта в жизни корпораций, занимающихся ИИ, осуществляется медийная поддержка, в СМИ рассказывают о том, что принят такой Кодекс, что в нём есть человеко-ориентированные нормы и учитываются социальные риски и т. д. Вероятно, таким образом должна быть обеспечена общественная поддержка огромным вложениям, которые делает государство, развивая проекты ИИ. Но главное состоит в том, чтобы получить доверие от потребителей, именно это необходимо для продвижения создаваемых продуктов. Однако, опыт создания «хороших картинок» в современном мире настолько разнообразен, что уверения и массовое присоединение компаний-разработчиков к Кодексу ИИ, вряд ли убедят пользователей в том, что рядовые программисты действительно исповедуют высокие обязательства, под которыми подписались их работодатели.

Возвращаясь к сравнению с медицинской этикой, ещё раз укажем на то, что в медицине ответственность принимается индивидуально, а профессиональное сообщество формируется из тех, кто как веру принял на себя звание врача. Этическое регулирование в сфере ИИ занимает промежуточное положение между обычной профессиональной недеонтологической этикой и теми видами этики, которые имеют отношение к жизненно важным ценностям. И чем более вероятно будет создание вариантов сильного ИИ, с притязаниями на субъектность и одновременным возрастанием вероятности устранения или ослабления человеческой субъектности, тем очевиднее будет востребована модель деонтологической этики. Приобщение к нормам такой этики будет иметь перформативный характер, т. е. само по себе будет поступком, внутренним выбором индивидуально заявленных обязательств.

Отвечая на вопрос, поставленный в название статьи, сделаем заключение, что для этического регулирования в сфере ИИ уже хорошо то, что есть Этический Кодекс. Однако, для транзитивных и распределённых социальных отношений в профессиональных сообществах, занимающихся ИИ, важны такие элементы саморегулирования, которые обеспечивают приверженность общим задачам, обеспечивают микрофизику этой приверженности [Санников 2017].

Перформативные заявления, подобные Клятве Гиппократов (в досоветской России она именовалась «Факультетским обещанием») являются

механизмом инкорпорирования важнейших норм. Эквивалентом Клятвы в этике ИИ может быть формулировка выверенного набора принципов, которые, повторяясь как мантра, станут внутренним кодексом акторов ИИ. Если важно формировать экосистему доверия, то она должна начинаться с принятия моральных ценностей уважения человеческого достоинства, открытости, безопасности, справедливости и т. д. Путь к этому заключается в формировании этической культуры специалистов в сфере ИИ, в их способности брать на себя моральную ответственность при обращении к человеческой жизни и любым её аспектам. В этой связи этическое регулирование должно включать этическое образование будущих специалистов. Для этой цели очень полезны иллюстрации об истории злоупотреблений в биомедицинских исследованиях, о том, как в истории науки и технологий выбирались ошибочные стратегии, которые сулили значительные выгоды в борьбе с болезнями, а обернулись такими нежелательными явлениями, которые стёрли привлекательность обещанных выгод.

О МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПОНЯТИИ «УМНОГО» УСТРОЙСТВА И ЕГО ПРИМЕНИМОСТИ В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. Г. Горбачёва¹⁶⁷, А. И. Пестунов¹⁶⁸

Введение

Значимость философских и антропологических исследований, связанных с изучением трансформаций человека при взаимодействии со всевозможными техническими устройствами, не вызывает сомнений [Ардашкин 2018]. В рамках данного направления рассматриваются различные аспекты, в том числе, возможные риски [Аванесов 2021; Черникова 2012], тренды и прогнозы [Смирнов 2012; Смирнов 2013; Gorbacheva, Smirnov 2017], способы преодоления возникающих барьеров [Ефимов 2020] и пр. Особенную остроту этот вопрос приобрел в последние десятилетия, когда скорость совершенствования технологий стала настолько высока, что люди в течение своей жизни становятся свидетелями смены нескольких поколений вроде бы одного устройства. Например, можно рассмотреть цепочку «проводной телефон – радиотелефон – мобильный телефон – смартфон» и заметить насколько сильно в ней отличаются функциональные возможности первого и последнего устройства.

Описанное явление привело к тому, что современные тексты из различных сфер стали изобиловать словосочетаниями, в которых присутствует характеристика «умный» применительно к технологиям, устройствам, структурным образованиям и другим неодушевленным объектам. При этом как такового общепринятого определения этой самой «умности» на данный момент нет. Данное понятие является скорее метафорой, которая может иметь совершенно разный смысл в различных контекстах. Тем не менее, как правило характеристика «умное» применяется к устройствам, появившимся именно в последние десятилетия, и, следовательно, мы имеем основания выдвинуть гипотезу о том, что в эти самые последние десятилетия многие технические устройства стали приобретать некое общее качество, которое подталкивает людей к тому, чтобы называть их «умными».

Для того, чтобы называться «умным» устройство должно «уметь мыслить», однако убедительного ответа на вопрос, заданный А. Тьюрингом [Turing 1950] еще в середине прошлого века «Могут ли машины мыслить?» пока не получено. Сопоставляя данный факт и приведенные выше рассуждения, мы приходим к противоречию: с одной стороны, машины (читай – устройства) мыслить не способны, чтобы их можно было называть умными в смысле определения Ожегова, а с другой – уже сейчас многие устройства характеризуются как «умные». Попытке разрешить это противоречие и посвящена настоящая статья.

Очевидно, что разрешить описанное противоречие полностью практически невозможно в силу того, что массово используемая в настоящее время

¹⁶⁷ © Горбачёва А. Г. 2023

¹⁶⁸ © Пестунов А. И. 2023.

характеристика «умное» применительно к устройствам является метафорической [Ардашкин 2018], включающей в себя все ассоциации, возникающие при произнесении этого слова, и воспринимается каждым человеком по-своему и стереотипно. Подобная проблема обозначена Тьюрингом [Turing 1950]. При попытке ответить на вопрос «Может ли машина мыслить?» он указал на отсутствие удовлетворительных определений понятий «машина» и «мыслить» и предложил свести ответ на этот вопрос к вопросу возможности прохождения теста.

Поэтому необходимо сформулировать некое компромиссное требование, которое будет свидетельствовать о желаемом результате – разрешением данного противоречия хотя бы частично. Причем этот результат должен иметь практическую пользу с точки зрения философии и антропологии. А именно, он должен помочь в исследованиях, касающихся влияния науки и технологий на человека, в том числе при взаимодействии человека с «умными» устройствами. Таким результатом может являться формулировка внятных, возможно нескольких определений «умности», позволяющих описать какие-либо относительно целостные классы технических устройств, которые в силу их свойств можно называть «умными».

В первой части статьи рассматриваются возможные характеристики, которые можно включить в определение «умного» устройства и критически анализируются на примерах конкретных широко распространенных технических устройств, в целом, как нам кажется, одинаково понимаемых большинством людей. По итогам этого анализа делается вывод о том, что практически любое потенциальное определение «умного» устройства можно подвергнуть критике в том плане, что оно будет справедливо для совершенно разных устройств, скажем так, разной степени «умности». Во второй части статьи формулируются несколько возможных определений «умного» устройства с учетом выводов, полученных в первой части, с последующим сопоставлением этих определений с различными техническими устройствами.

Подход и опорные точки исследования

Важным представляется изучение вопроса о том, действительно ли феномен массового появления «умных» устройств имеет под собой реальные основания. Есть ли что-то, присущее некоторым предметам, что заслуживает внимания и дает возможность назвать эти предметы «умными»? Насколько обоснованно мы называем некоторые предметы «умными»? Не является ли это просто маркетинговым ходом, чтобы придать дополнительную ценность продаваемым предметам в глазах покупателей? Какое принципиально новое качество появилось у неодушевленных предметов, дающее основание введения термина «умный»? Или же мы должны будем признать, что как такового свойства «умности» в общем-то и нет.

Основная трудность нашего исследования состоит в отсутствии прочных исходных посылок. В том, что пытаемся описать класс (или классы) «умных» устройств, не имея соответствующих определений. Мы видим лишь некие косвенные свидетельства того, что такие устройства должны существовать. Таким образом, наша задача состоит в том, чтобы попытаться сформулировать определение «умного» устройства, коррелирующее с массовым пониманием этого слова. Либо, хотя бы обозначить некие при-

знаки «умности» и понять, действительно ли сейчас появились устройства несущие принципиально новый аспект «умности» им присущий.

Тем не менее, определенные опорные точки задать можно. Как минимум, мы уже сформулировали несколько базовых вопросов, определяющих цель исследования. Теперь попробуем понять, от чего можно отталкиваться, чтобы приблизиться к ответу на них.

Поскольку массовым термин «умное устройство» стал относительно недавно – не ранее, чем 10-20 лет назад, то искать «умные» устройства следует среди тех, которые стали массовыми именно в этот период. Следовательно, «точно не умными» устройствами и орудиями мы будем считать те, которые существовали издревле, в том числе, до появления электричества, электронных приборов и ЭВМ. К таким орудиям (именно этот термин для них подходит лучше) можно отнести лопату, обычный телефон, автомобиль без систем электронного управления, молоток, отвертка и пр. Перечисленным устройствам присуще такое свойство, что они в принципе не способны работать без участия человека. Они не могут как начать работу самостоятельно, так и продолжать действовать автономно уже после начала работы.

Второй тип устройств мы назовем «скорее всего не умные». Это электронные устройства, которые появились довольно давно, когда характеристика «умный» не была распространена. К таким устройствам отнесем калькулятор, автоматическую стиральную машину, чайник с автоматическим отключением при закипании, будильник и др. Например, калькулятор не может начать работу самостоятельно, но после нажатия соответствующей клавиши он уже работает автономно вплоть до получения результата вычислений.

Наконец, «скорее всего умными» мы будем считать, такие устройства, как робот-пылесос, беспилотный автомобиль, системы распознавания речи с голосовым помощником, диалоговые системы и пр.

Наш поиск сродни раскапыванию кучи песка, на дне которой мы надеемся что-то найти, поскольку нам либо кто-то об этом сказал, либо нам кажется, и мы хотим это проверить. В итоге, раскопав эту кучу, мы либо обнаружим что-то, либо обнаружим пустое место. Более того, прогрессом можно будет считать даже не только однозначный ответ на этот вопрос (есть там что-то или нет?), но и, хотя бы, уменьшение размеров кучи с отбрасыванием тех ее частей, где точно ничего искомого нет.

Мы считаем наиболее удачным определением, которое можно эксплуатировать в философском и антропологическом анализе, является то, где делается акцент на отчуждении предметного действия. Можно назвать устройство «умным», если для выполнения работы человеку либо вообще не нужно совершать предметного действия, либо это действие минимально и практически не связано (или связь не прослеживается) с получаемым результатом. Таким образом, подобные «умные» устройства являются олицетворением жизненного аутсорсинга.

Например, в этом смысле с точки зрения философского анализа наш гораздо больше интересуют автомобильные дворники с датчиком дождя, чем автомобиль, оснащенный различными «умными» устройствами и, в том числе, «умными» дворниками. Причина в том, что основное предметное действие автомобиля не отчуждается от человека – он как нажимал на педа-

ли и крутил руль, так и продолжает это делать, сколько бы второстепенных, пусть даже и «умных» приборов не было установлено на этот автомобиль.

Таким образом, объектом нашего исследования является не техническое устройство, а скорее человек, решивший вдруг называть какие-то устройства «умными». В отличие от Тьюринга и его последователей, мы задаем вопрос не с целью лучше узнать о потенциале технического устройства (может ли оно мыслить или быть «умным?»), а с целью понять человека. Почему этот Человек решил охарактеризовать некоторые технические устройства «умными»? Что заставило его это сделать? Заслуживают ли технические устройства называться «умными»? Еще один вопрос, связан с появлением разума у машины.

Итак, базовыми вопросами, поиск ответов на которые формирует основную канву настоящей работы, являются следующие.

– Возможно ли выделить некое принципиально новое качество некоторых устройств, которое делает оправданным их классификацию как «умных»?

– Существуют ли свойства, по которым устройство можно отнести к «умным»?

– Как связаны свойство «умности» и устройство, характеризующееся как «умное»?

Методологические противоречия и попытки их разрешить

Рассмотрение устройств через их определение или фактические возможности. Если следовать приведенным выше рассуждениям, то робот-пылесос, скорее всего, можно считать «умным» устройством. Причем, если лишить его часть функциональных возможностей, то он перестанет быть «роботом-пылесосом» в своем изначальном смысле. Таким образом, данному устройству свойство «умности» присуще. Теперь рассмотрим автомобиль. Получается, что автомобиль «умным» не был, но после добавления ему ряда функциональных возможностей, он станет таковым. Таким образом, мы делаем вывод о том, что, на первый взгляд, существует два типа устройств: первому типу свойство «умности» присуще, а второму – нет, но добавление ряда функциональных возможностей может сделать его «умным». Однако приведенное выше рассуждение оперирует скорее терминами, чем сутью. Здесь анализ проведен, отталкиваясь от термина «робот-пылесос», но мы же можем назвать это устройство неким «Устройством Икс». И опять задать вопрос – «умное» ли это устройство. Но уже не концептуально, а фактически. Можно ли это устройство лишить функционала или деталей, чтобы оно перестало быть умным? Таким образом, ответ на этот вопрос практически эквивалентен вопросу о наличии у устройства (машины) сознания, или сильного искусственного интеллекта по Серлю [Searle 1980]. Очевидно, что современные называемые «умными» устройствами таким свойством не обладают, следовательно, изучение зарождения сознания у машины мы не рассматриваем. Свойство умности: свойство умности присуще устройству или это функциональные возможности, которыми можно наделить умное устройство. Например: в базовом варианте автомобиль явно не умный. Однако, прикрепив ему датчик дождя и связав его с дворниками он вроде как поумнеет поскольку будет самостоятельно включать дворники при начале дождя.

Является ли свойство «умности» присущим устройству или же это лишь на уровне функциональных возможностей. До каких пор нужно добавлять в смартфон функции, чтобы он стал умным?

В чем состоит предназначение устройства? Рассмотрим следующий мысленный эксперимент, действующим лицом в котором является кочегар, никогда не сидевший за столом и не знающий, что такое стол. Для этого кочегара деревянный стол будет не более, чем деревяшка причудливой формы, которую от бросит в печь точно так же, как и дрова. Ему и в голову не придет придумывать этой деревяшке какое-то специальное название наподобие «стола».

Настоящим примером показано, что истинное предназначение орудия или устройства может находиться далеко за пределами узкого контекста, в рамках которого некий человек взаимодействует с устройством. Приведем еще более радикальный мысленный эксперимент, демонстрирующий, что истинное предназначение устройства может быть вообще не определено.

Пусть в нашем распоряжении имеется смартфон, имеющий форму молотка. Для человека, понимающего, что такое смартфон, его форма будет вторична. Однако человек, который до этого видел только молоток, не сможет отличить этот смартфон от молотка. Значит, для него это устройство «не умное», а для пользователя смартфона – «умное», если мы сочтем смартфон «умным». При этом нет никакой гарантии того, что обычный молоток не обладает некими свойствами, в том числе «умными», не заложенными в него разработчиком, но которые могут быть познаны через науку. Скажем, речь может идти о неожиданных свойствах составляющих его микрочастиц.

В итоге, при выработке определения «умного» устройства и выделении каких-либо его свойств нам не удастся уйти от познающего субъекта, поскольку никогда не будет гарантий, что этот познающий будет полностью осведомлен об истинном предназначении данного устройства.

Таким образом, определение устройства может быть дано с трех позиций:

- с позиции разработчика, заложившего в устройство определенный функционал, и пользователя, который эксплуатирует именно предусмотренные функциональные возможности устройства;
- с позиции пользователя, который видит в устройстве лишь разновидность тех объектов, с которыми он уже был знаком ранее;
- с позиции пользователя, который нашел принципиально иной способ эксплуатации данного устройства, который никак не закладывался его разработчиком.

Будем считать, что название устройства определяет его функционал, и в некотором контексте этот функционал одинаково понимается как разработчиком, так и пользователем.

Не является ли «умное» устройство просто объединением «не умных» функций? Требуется рассмотрения еще один вопрос. Не является ли «умное» устройство всего лишь объединением функционала отдельных «не умных» устройств? Например, смартфон можно рассматривать, как устройство, объединяющее в себе телефон, калькулятор, фотоаппарат, телевизор, игровую приставку и пр. Если ответ на данный вопрос окажется утвердительным, то мы должны незамедлительно сделать вывод о том, что «умное» устройство –

это не более, чем объединение обычных «не умных» устройств, и смысла награждать свойством «умности» какое-либо устройство безосновательно. Говорить же о синергетическом эффекте применительно к неодушевленным устройствам вряд ли приходится. Другими словами, сложно привести аргументы в пользу того, что объединение в одном устройстве несколько функций приведет к появлению принципиально неожиданного эффекта.

Эволюция технических устройств: где появляется «умность»? Еще одним, на наш взгляд, заслуживающим внимания вопросом является поиск того момента, когда устройства стали «умными» (как всегда оговариваемся, что точного определения «умности» у нас нет). Например, рассмотрим эволюцию вычислительной техники. Упрощенно ее можно представить так: счеты – арифмометр – калькулятор – программируемый компьютер – искусственные нейронные сети. Очевидно, что счеты не являются «умными». Точнее, никаких разумных оснований считать счеты «умными» нет. В каком-то смысле данный вопрос напоминает исследования о зарождении разума.

Таким образом, данный пример показывает, что даже с калькулятором (который вряд ли можно считать умным) возникает возможность того, что человек отдает способность вычислять (мыслить). Что же такого принципиального есть у смартфона, чего нет у калькулятора? Является ли смартфон просто многофункциональным калькулятором? Если так, то достаточно перечислить все его функции и рассмотреть их отдельно. Или же есть нечто качественное, что делает его «умным», а у калькулятора этого нет. Этот вопрос тесно связан с вопросом Тьюринга о возможности машины мыслить, поэтому вопрос о зарождении «умности» у устройств мы оставим за рамками настоящей статьи, а будем рассматривать устройства сами по себе без привязки к их эволюции.

Определение «умности» через внешние проявления и человеко-машинный интерфейс. Что интересует обычного человека, использующего «умное» устройство? Ответ – его функциональность. В связи с этим, имеет смысл говорить именно о функциях и человеко-машинном интерфейсе, не принимая в расчет внутреннюю структуру. Наличие датчиков, процессора, запоминающего механизма не имеет значения. Скорее, мы должны определять «умность» через внешние проявления, т.е. в терминах человеко-машинного интерфейса. При этом следует понимать, что существуют два типа интерфейса: человеко-машинный интерфейс и интерфейс между техническим устройством и окружающей средой. Например, человеко-машинный интерфейс робота-пылесоса состоит из элементов управления, позволяющих настроить и запустить его, а интерфейс с окружающей средой состоит из датчиков, позволяющих ориентироваться пылесосу в пространстве при выполнении своей работы. Указанные два интерфейса имеют принципиально разное значение с философско-антропологической точки зрения. Человеко-машинный интерфейс для взаимодействия с таким устройством должен быть существенно более прост, чем непосредственное решение задачи. Будь-то физическая или интеллектуальная работа. «Умное» устройство призвано «забрать» часть работы себе.

Более того, просто само по себе наличие таких составных частей, как процессор или модуль памяти не является гарантией того, что обладающее ими устройство приобретает некое принципиально новое качество, дающее нам основание называть его «умным». Причина данного суждения состоит

в том, что и процессор, и модуль памяти – это не более чем комбинация неких элементов, взаимодействие которых с достаточной полнотой описано законами физики. В частности, транзисторы – это, грубо говоря, всего лишь маленькие лампочки, которые явно не претендуют на то, чтобы их называли «умными». А на заре развития компьютерной техники именно лампочки и выполняли роль транзисторов.

Таким образом, определение понятия «умного» устройства не должно никак опираться на его внутреннюю структуру, в том числе на наличие внутри него датчиков, процессора, запоминающего устройства и даже физических манипуляторов самих по себе. Определение «умного» устройства должно даваться через человеко-машинный интерфейс, в который при необходимости могут быть включены физические манипуляторы. Вероятно, имеет смысл говорить о способности технического устройства выполнять те или иные функции через его человеко-машинный интерфейс.

О невозможности точного разделения интеллектуального и физического труда. Если устройство «не умное», то оно всегда будет требовать присутствия человека, поскольку даже примитивный, на первый взгляд, физический труд, тем не менее, требует некоторой интеллектуальной деятельности. И только если соединить в устройстве и физику, и интеллект, возникает возможность отчуждения этого труда.

На наш взгляд, разделять физическую и интеллектуальную деятельность некорректно. Возможно, имеет смысл говорить о соотношении этих видов деятельности при выполнении различных видов работ, но заявлять, что определенный вид работы требует только физической активности нельзя. Например, даже при переноске грузов или перекапывании земли требуется некоторая интеллектуальная деятельность для выбора траектории перемещения, прилагаемой силы или положения тела.

Определение «умности» не должно зависеть от человека. При взаимодействии людей друг с другом, в принципе, можно сказать, что один из них умнее другого в каком-либо смысле. Следовательно, определение «умный» так или иначе зависит от субъекта, который дает такую характеристику. Есть вероятность, что для «более умного» человека некоторые считающиеся «умными» «менее умным» будут считаться не «умными». Отсюда получаем две возможности определения «умности» устройства: в зависимости от субъекта-человека и без нее. Поскольку характеристика «умное» применяется к устройствам массово, то определение не должно зависеть от степени интеллектуальности человека.

Критика возможных определений «умного» устройства

В настоящем разделе мы рассмотрим несколько возможных определений «умного» устройства и покажем, что для каждого из определений можно привести аргументы, убеждающие в неудачности того или иного определения.

Потенциальное определение 1. Устройство является умным, если в процессе его работы не требуется участие человека. Необходимость участия человека. Очевидным свойством, которое можно оценить у всех перечисленных устройств, является их способность/неспособность работать без участия человека. Причем можно оценить те только на уровне да/нет, но и степень необходимого участия человека. Например, при использовании ло-

паты человек должен участвовать полностью, а в случае со стиральной машиной – только на этапе загрузки белья, выбора программы и запуска. Если сравнивать компьютер и калькулятор, то принципиальная разница состоит в том, что компьютер может выполнить серию из нескольких вычислений по одной команде человека, а при использовании калькулятора участие человека требуется при каждом вычислении.

Потенциальное определение 2. Устройство является умным, если оно оснащено датчиками, сообщающими ему состояние окружающей среды. Рассмотрим следующее техническое устройство – автомобильные дворники с датчиком дождя. Данное устройство, как минимум, претендует на то, чтобы называться «умным», поскольку справляется со своей задачей по поддержанию чистоты лобового стекла без вмешательства человека. Однако, как только данное устройство лишается датчика, то оно становится точно не «умным». Аналогичные рассуждения также справедливы и для чайника с автоматическим отключением при закипании: убрав из данного устройства датчик интенсивности пара, мы делаем его точно «не умным». В то же время, очевидным является то, что сами по себе датчик дождя и дворники или датчик интенсивности пара и чайник не являются «умными». Более того, если к дворникам присоединить датчик интенсивности пара, а к чайнику – датчик дождя, то «умности» рассматриваемым устройствам не прибавится. Таким образом, мы делаем вывод, что свойство «умности», вероятно, может появляться при вполне конкретном сочетании не «умных» устройств. Само наличие датчика не является достаточным, чтобы сделать устройство «умным». Требуется не датчик, а способность реагировать на окружение. Скорее всего, наличие датчика следует из этого. Важным является приобретение нового качества.

Потенциальное определение 3. Еще одним определением может быть непредсказуемость процесса достижения результата (результат как раз должен быть предсказуем). Например, при уборке помещения робот-пылесос заранее не сообщает свою траекторию движения, определяя ее в процессе. В этом смысле процесс непредсказуем. Однако результат, который отображается на экране калькулятора непредсказуем в том плане, что человек потому и использует калькулятор, что не знает наперед заданного ответа, как, впрочем, и процесса его достижения.

Здесь важен и ответ на вопрос: на ком лежит ответственность за результат? Ответственность применительно к устройствам и людям. В примере со стиральной машиной ответственность за результат лежит на человеке, который разрабатывает программу стирки. Стиральная машина «ответственна» только за выполнение шагов этой программы. В случае же с роботом-пылесосом можно сказать, что в какой-то степени он ответственен и за результат. Например, если на пути его движения появится препятствие, то он его объедет и продолжит работу. Можно ли провести грань между «умным» и «не умным» устройством через нацеленности на результат/процесс? Если разработчик не знает, каким образом устройство достигнет результата, то его можно назвать «умным».

Потенциальное определение 4. Умное устройство должно упрощать предметное действие или делать его тривиальным (как, например, нажатие на кнопку). Варианты: упрощение, отмена, изменение. Скорее всего, «умное» устройство, действительно, должно упрощать предметное действие, одна-

ко, во-первых, предметное действие упрощают даже заведомо «не умные» устройства, а, во-вторых, может быть, упрощение предметного действия «умным» устройством является следствием какого-либо более фундаментального свойства, характеризующего «умное» устройство. Скорее имеет смысл говорить о том, что при использовании «умного» устройства предметное действие становится другим (в частном случае - тривиальным) по сравнению с «не умным» устройством, предназначенным для решения той же задачи. Получается, что для использования «умного» устройства, как и в случае с «не умным», могут потребоваться определенные навыки. Видимо, «умным» можно считать и устройства, для работы с которыми нужно нажать, скажем так, больше одной кнопки.

Например, современный автомобиль, с одной стороны, обладает определенными признаками интеллектуальности, а с другой – предметное действие по отношению к нему нетривиально (если, конечно, не рассматривать беспилотные автомобили). Таким образом, простота или тривиальность предметного действия сама по себе не является необходимым критерием для отнесения устройства к классу «умных». Более того, для многих явно «не умных» орудий наподобие лопаты или молотка предметное действие может быть проще, чем для современного автомобиля, обладающего признаками интеллектуальности.

Свойства, которые могут быть присущи «умному» устройству, и их связь с философско-антропологическими концепциями

Свойство 1. Будем говорить, что устройству присуще свойство *автономности*, если оно способно выполнять поставленную задачу без вмешательства человека. При этом команда на выполнение задачи должна осуществляться через относительно простой человеко-машинный интерфейс, сложность взаимодействия с которым для человека ничтожно мала по сравнению с процессом выполнения данной задачи человеком самостоятельно. Другими словами, человеку не требуется осваивать дополнительные навыки, чтобы отдать команду данному устройству.

Устройства, обладающие свойством автономности, хорошо укладываются в концепцию жизненного аутсорсинга, в рамках которого человек делегирует выполнение некоторых своих функций внешней среде и, в частности, техническим устройствам. При этом процесс делегирования достаточно прост и фактически заменяет предметное действие, которое ранее требовалось для выполнения этой функции. Более того, процесс делегирования может быть очень похож при использовании самых разных устройств и заключаться в отдаче специальных команд посредством нажатия кнопок. Таким образом, свойство автономности фактически демонстрирует механику жизненного аутсорсинга.

С философско-антропологической точки зрения нам не так важно, способно ли устройство взаимодействовать с окружающей средой в процессе выполнения задачи. Главное – это делегирование конкретной задачи данному устройству. Именно в отказе от участия в выполнении задачи в пользу некоторого устройства проявляется явление жизненного аутсорсинга, и данное свойство присуще целому классу устройств, взаимодействие человека с которыми можно исследовать в рамках этой концепции. В некоторой

степени автономное устройство играет роль не только объекта, которому передаются полномочия по выполнению задачи, но и замещает потенциального ассистента, коим может являться другой человек, например, подчиненный или слуга, которому дается поручение.

Свойство автономности отчасти перекликается с позицией Каппа [Капп и др. 1925], согласно которой «в орудии человек систематически воспроизводит себя самого». Однако под его концепцию органопроекции, утверждающую, что всевозможные орудия – это усиление человека, автономные устройства в общем не укладываются, поскольку как таковое усиление не обязательно происходит. Например, такие устройства как робот-пылесос или автоматическая стиральная машина не усиливают человека, а заменяют его. Очевидно, что мы не можем утверждать, что робот пылесос выполняет свою работу всегда быстрее или качественней человека. Хотя в частных случаях это возможно.

Свойство 2. Будем говорить, что устройство обладает свойством *посредничества*, если при его использовании меняется предметное действие, совершаемое человеком, как правило в сторону его упрощения по сравнению с предметным действием, осуществляемым при выполнении данной задачи человеком самостоятельно или с использованием более примитивных устройств. При этом использованием устройства-посредника не отменяет необходимости участия человека на протяжении всего процесса выполнения задачи.

Свойство 3. Будем говорить, что устройство обладает свойством адаптивности, если оно способно изменять свое поведение в зависимости от состояния окружающей среды.

При этом человеко-машинный интерфейс может быть определен не очень строго, быть довольно сложным или вообще в явном виде отсутствовать. Принципиальное отличие автономных устройств от интерактивных умных устройств состоит в том, что интерфейс взаимодействия умных устройств довольно четко определен в то время как с интерактивными устройствами дело обстоит сложнее. Данный интерфейс крайне сложно формализовать и именно при взаимодействии с такими устройствами можно говорить о сращивании человека с технологиями и киборгизацией.

Выводы, перспективы и открытые вопросы

Сформулируем основные выводы, которые можно сделать по итогам обсуждения, приведенного в настоящей статье, и наметим возможные применения полученных результатов.

Выделение какого-то особого класса «умных» устройств среди всего их множества не имеет особого смысла как с точки зрения философии, так и фактически, поскольку любая деятельность так или иначе включает в себя интеллектуальный труд. Например, даже при выкапывании траншеи лопатой требуется некоторый мыслительный процесс по выбору силы нажатия на лопату или точного направления движения.

Три сформулированных определения нельзя отделять друг от друга. Многие устройства могут одновременно соответствовать двум или всем трем определениям. Однако, как было заявлено при обсуждении постановки задачи, ключевым критерием при выработке определений должна яв-

ляться их встраиваемость в существующие философско-антропологические концепции с целью получения возможности для анализа соответствующих этим определениям устройств. Так, понятие автономного устройства дает нам механику жизненного аутсорсинга, понятие устройства-посредника дает нам возможность исследований через предметное действие в рамках теории Л. С. Выготского, а класс интерактивных устройств намечает стыковку с трансгуманизмом.

В качестве дальнейших вопросов, представляющих философско-антропологический интерес и связанных с выработанными определениями, могут быть следующие:

До каких пор человек сможет передавать автономным умным устройствам свой функционал оставаясь при этом человеком?

В чем отличие руководителя, дающего поручения своим подчиненным, от человека, пользующегося автономным устройством?

Какие изменения происходят в человеке, когда он пользуется устройством-посредником и формирует новое предметное действие, фактически забывая старое?

Способно ли интерактивное устройство адаптировать свое поведение, чтобы сформировать у человека зависимость от себя?

Какую стратегию поведения целесообразно выбрать человеку, чтобы пользоваться устройствами этих трех типов себе во благо и с целью своего развития?

Выработанные определения могут быть использованы с целью выбора объекта исследования, поскольку позволяют описать конкретные классы реально эксплуатируемых технических устройств.

«Умное» устройство – это собирательное понятие, куда каждый вкладывает что-то свое. Помимо трех предложенных свойств могут быть введены и другие свойства, имеющие значение для философско-антропологических исследований.

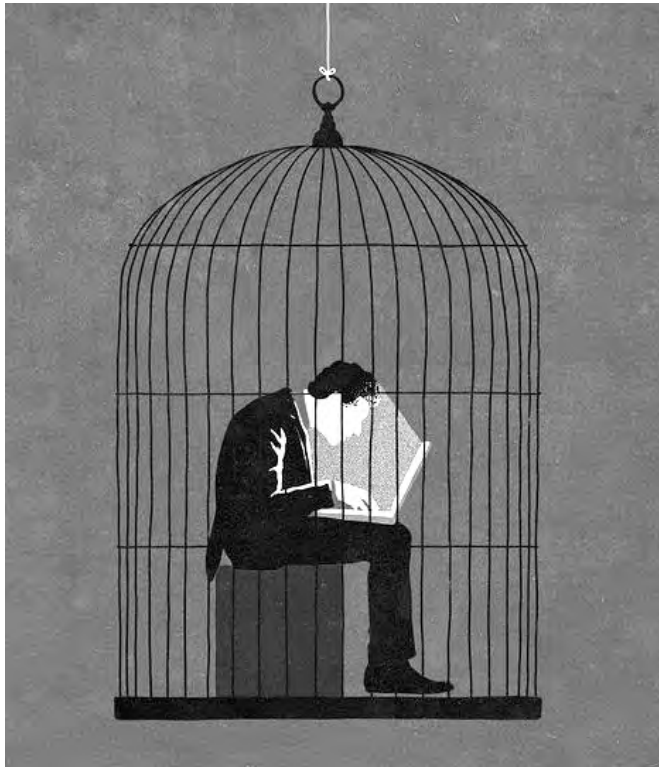

Глава 6

ЧЕЛОВЕК И ЦИФРА В МЕДИЦИНЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В МЕДИЦИНЕ

Т. А. Сидорова¹⁶⁹

Данная глава подготовлена по материалам выступления на Круглом столе, который состоялся в Точке кипения Новосибирского государственного технического университета. Точки кипения открывают в рамках Национальной технологической инициативы, и они становятся площадками для трансдисциплинарного обсуждения актуальных инновационных идей и проектов. «Точки кипения» хорошо подходят для отработки процедур гуманитарной экспертизы биотехнологических проектов, которые в значительной степени меняют привычные социальные и моральные порядки, влияют на сложившиеся нормы взаимодействия в различных сферах социальной жизни. Гуманитарная экспертиза цифровизации медицины предполагает выявление, проговаривание, обсуждение, позиционирование тех проблем и вопросов, которые возникают или могут возникнуть в процессе разработки, апробации, использования новейших интеллектуальных систем, сбора и применения биомедицинских данных, информатизации профессиональной деятельности врача. Обозначенные проблемы отражают противоречия между существующими нормами и новыми способами организации социальной жизни, морального регулирования, личностной и групповой идентификации и самопонимания человека.

Актуальность гуманитарного анализа обусловлена тем, что тренд цифровизации является заметной и существенной формой преобразования как систем здравоохранения, отношений между субъектами медицины, так и изменений в содержании врачебного труда и профессиональных компетенций. Необходимость обсуждения и многосторонней рефлексии процессов цифровизации объединяет разработчиков и врачей, организаторов здравоохранения, представителей социогуманитарных наук в области философии, социологии, биоэтики, антропологии. Вот уже 22-й год подряд в России, а также на территории Восточной Европы и Средней Азии, проводится крупнейшее ежегодное тематическое мероприятие – международный Конгресс «ИТМ Информационные технологии в медицине». В 2020 г. в конгрессе приняли участие 1407 специалистов из 5 стран и 83 регионов Российской Федерации. В рамках научной программы конгресса рассматриваются вопросы разработки и внедрения прикладных ИТ-решений, методология использования передовых научных моделей и подходов при создании программного обеспечения и его практического использования, нормативное и ресурсное обеспечение, эффективность практического внедрения [Международный конгресс 2021]. Важно в рамках этого форума также активизировать присутствие специалистов, которые будут делать акцент на социальных и этических вопросах цифровизации в медицине.

Цифровизация в медицине охватывает следующие области: формирование цифровых баз данных, работа с большими данными; создание интегрированных систем организации и управления здравоохранением; теле-

медицина; применение искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники; использование мобильных устройств для контроля за здоровьем. Эти сферы взаимосвязаны. Все они основаны на сборе биомедицинских данных, а искусственные интеллектуальные системы являются средством обработки данных и их аппроксимации. Цифровизация медицины и, в частности, использование больших данных и технологий ИИ дают возможность поднять на новый уровень диагностику, лечение и систему профилактики заболеваний. Однако остро стоит вопрос, в какой мере можно использовать эти возможности и как регулировать применение: поскольку ограничения замедляют развитие технологий и в целом прогресс в медицине, а неограниченное применение чревато дискриминацией и нарушением прав и свобод личности.

Остановимся на вопросах гуманитарного характера, которые возникают в телемедицине и в области дистанционного наблюдения за здоровьем человека. Дело в том, что именно в дистанционной форме оказания медицинской помощи наиболее остро обнажаются этико-правовые и социальные проблемы, которые исподволь назревали вследствие радикальных изменений взаимодействия врача и пациента в последние десятилетия. Можно говорить о том, что дигитализация медицины с одной стороны, ускорила эти процессы, а с другой, стала закономерным этапом преобразования отношений в медицине в контексте научно-технологической революции XXI века, связанной прежде всего с внедрением информационных и генетических технологий.

Дистанционная медицина

Под телемедициной понимают распространение медицинских услуг и информации с помощью электронных информационных и телекоммуникационных технологий. Это позволяет на расстоянии связаться с пациентом и врачом, получить помощь, советы, напоминания, проводить обучение и консилиумы, осуществлять вмешательство, мониторинг и даже удаленную госпитализацию. Телемедицина является основной частью дистанционной формы оказания медицинской помощи. Сюда же нужно относить и так называемые «домашние стационары» – носимые устройства, которые позволяют мониторировать пульс, давление, дыхание и другие показатели. Согласно полученной информации с этих устройств, владельцев извещают о действиях, которые необходимо совершить в данный момент: принять лекарство, изменить тип физической активности и т. д. Показатели, снимаемые этими приборами, могут передаваться через смартфон непосредственно врачу, или на стационарные приемники, через которые врач «держит руку на пульсе» и дает рекомендации по ходу регистрируемых изменений.

Какие плюсы и минусы имеет телемедицина? К безусловным плюсам относится то, что телемедицина преодолевает гигантские расстояния, связывает врачей и пациентов, а к минусам относится то, что дистанцирует их друг от друга, устраняет непосредственное общение [Введенская 2020: 63, 107]. С исчезновением живого общения между врачом и пациентом, когда оно сводится к переписке в чатах и сетевых сервисах, в лучшем случае через видеосвязь, утрачиваются не только основа для эмпатии и психологического контакта врача и пациента, но и важные профессиональные навыки врача, связанные с наблюдением, умение применять визуальные, тактиль-

ные, ольфакторные средства при осмотре и ведении пациента. К плюсам телемедицины нужно отнести то, что появляется возможность привлечь авторитетных специалистов для консультирования. Но одновременно телемедицина создает соблазн избыточного онлайн консультирования. Эта избыточность может возникать в связи с избыточным предложением со стороны врачей, и это будет, как правило, связано, с платным предоставлением услуги. Также желание пациента по сколь угодно ничтожному поводу обращаться с жалобами могут стать источником такой избыточности. Это, в конечном итоге, ведет к возрастающей зависимости человека от медицины, получившей название *медикализация*. Причем она может сопровождаться появлением специфических ятрогений онлайн-генеза. Под ятрогениями первоначально называли болезни «от слов» врача, затем к ним добавили те, которые возникали «от лечения», сегодня прибавляют болезни «от прогресса медицины», связанные с излишними, разбалансированными вмешательствами в функции организма. Иллюстрацией может служить самая продвинутая китайская облачная медицинская экосистема Ping An Good Doctor, включающая дистанционные консультации, в том числе через терминалы, установленные в метро, на предприятиях и в учреждениях, онлайн аптеки, и ряд других функционалов, которые пациенты могут использовать, опираясь на рекомендации врача, но и, одновременно, занимаясь самолечением. Медицинский контроль за здоровьем, дистанцированный от учреждений здравоохранения и от врача, будет усиливать автономию пациента, но уже не в традиционном биоэтическом смысле, когда речь идет о праве пациента самому выбирать и принимать решение по медицинским вопросам, а усиливать самостоятельность пациента, отчуждая его от врачебного наблюдения. Первоначальной подготовкой к такому отчуждению было самолечение с помощью медицинской информации, которую пациенты черпали из Интернета. Дистанционная медицина может редуцировать роль врача во взаимодействии с пациентом до того, что он будет служить только источником информации. Там, где мы видим минусы, следует отмечать и позитивные возможности. К ним в дистанционной медицине можно отнести персонализацию, которая коррелирует с возрастанием ответственности за здоровье у конкретного пациента, поскольку он имеет возможность корректировать мониторинг своего состояния, оперативно реагировать на изменения, что-то исправляя в образе жизни, становясь комплаентным, т. е. приверженным дисциплине по исполнению назначений врача и т. д. Опять же, доведенная до крайней степени выражения, эта возможность диалектически оборачивается своим отрицанием, поскольку может вести к потребительскому использованию медицинских средств, превращая медицину в гипермаркет цифровых услуг, тем самым углубляя болезненную тенденцию преобразования медицинской помощи в медицинскую услугу.

Датификация медицины и создание интегрированных ИТ-систем

Цифровизация медицины в качестве первого и заметного эффекта имеет создание и сбор огромного количества данных о здоровье пациента, об организации и функционировании ЛПУ, о социально-медицинском сопровождении пациента, истории болезни, медицинских карт и т. д. Упорядочивание процесса датификации, повышение его эффективности требует создания

интегрированных информационных систем. Со сбора данных о состоянии здоровья, с анамнеза начинается взаимодействие врача и пациента, анамнез необходим для выявления этиологии заболевания. Современная датификация поглощает этот микроуровень сбора данных, но по-настоящему начинается с получения Big Data, которые генерируются только с возникновением мощных информационных систем. Начало большой датификации в медицине нужно видеть в проекте «Геном человека» (1989–2003 г. г.). Сегодня не только масштабные проекты по секвенированию генома (в США с 2019 года осуществляется программа «Все мы», которая соберет данные по результатам секвенирования генома и образу жизни 1 млн. американцев) пополняют биомедицинские БД, но и экспонентно возрастают объемы самой разной информации о состоянии здоровья и образе жизни людей.

Приведу примеры создания в нашей стране различных интегрированных систем, которые опираются на сбор биомедицинских данных. Самым масштабным является Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» в рамках нацпроекта «Здравоохранение». Данная информационная платформа разработана для связи информационных систем всех медицинских организаций и профильных ведомств. Она позволяет вести унифицированные электронные медицинские карты и регистры лиц с определенными заболеваниями. С 2015 года в 83 регионах внедрены медицинские информационные системы, в которых ведутся электронные медицинские карты пациентов, есть возможность для электронной записи к врачу. На портале ЕПГУ (Госуслуги) внедрены личный кабинет «Мое здоровье», супер-сервисы «Рождение ребенка», «Утрата близкого», «Инвалидность онлайн».

На базе ЦНИИОИЗ (Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения Минздрава РФ), главной задачей которого является формирование структурированных электронных медицинских документов (СЭМД) для ведения электронного медицинского документооборота Минздрава России при участии Института цифровой медицины, МГМУ им. И. М. Сеченова разрабатываются вертикально-интегрированные медицинские информационные системы (ВИМИС) по направлениям онкология, акушерство и гинекология, эндокринология и др. Так ВИМИС «Онкология» позволит практически в режиме реального времени отслеживать назначения каждого пациента, при необходимости оперативно организовывать консультацию регионального специалиста с врачом в федеральном центре. Система также должна облегчить и повысить качество работы медицинского специалиста за счет программы поддержки врачебных решений. Для этого в вертикально-интегрированную систему загружаются клинические рекомендации. В рамках новой ИТ-системы у пациентов будет личный кабинет. В нем они смогут дистанционно общаться с врачами, видеть полную информацию о своем лечении, фиксировать своё состояние после того, как отправятся из стационара домой и т. д. Наряду с ВИМИС созданы и разрабатываются новые национальные регистры, например, по обеспечению льготными лекарственными средствами и др. При разработке ЛК в этой системе следует обратить внимание на предупреждение ятрогенных эффектов для пациента из-за полной открытости медицинской информации [Центральный НИИ 2021]

Значительные результаты получены с помощью Единой медицинской информационно-аналитической системы Москвы (ЕМИАС), которая работает с 2012 года. Количество пользователей портала превышает 9 млн. пациентов и 10 тысяч медицинских работников. На портале можно записаться на приём, получить направление на обследование, оформить больничный лист и медицинскую карту. 97 % выдаваемых в Москве рецептов – электронные. Москва – единственный мегаполис, в котором все поликлиники объединены в единую систему [ЕМИАС 2021].

Ещё одно важное направление в цифровизации медицины и связанной с ней датификацией медицины в нашей стране – формирование рынка инфраструктурного центра «Health Net» в рамках «Национальной технологической инициативы» (НТИ). «Открытые технологии», экспертная группа Центра компетенций и анализа стандартов ОЭСР РАНХиГС, «Генотек», CoBrain и ряд других компаний занимаются разработкой информационной платформы Health Neuristics. Экспертный совет, курирующий её создание, возглавил академик РАН Андрей Лисица. В состав совета вошли представители МГМУ им. Сеченова, Института сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева и Медицинского научно-образовательного центра МГУ. Платформа будет функционировать как набор мобильных и веб-приложений, взаимодействующих через единую точку (интеграционную шину обмена данными). Начало работы Health Neuristics запланировано на 2023 г. К этому времени система должна будет содержать информацию о здоровье как минимум 120 000 человек. Для сбора данных будут задействованы результаты обследований людей из электронных медицинских карт, онлайн- и офлайн-диагностики в виде опросов в сети или при посещении пользователем, например, фитнес-клуба, данные с носимых устройств и даже из соцсетей [Хелснет 2021].

Гуманитарные вопросы датификации

Широкое применение технологий, использующих данные, включая искусственный интеллект, может нанести непреднамеренный вред, если мы не будем думать о следующих вопросах: транспарентность использования данных, с какой целью они собираются? Как обеспечить подотчетность и объяснимость? Люди должны понимать, где и как используются их данные. Как обеспечено соблюдение конфиденциальности? Какова эффективность применения данных? Справедливо ли, беспристрастно ли собираются данные? Например, существует риск того, что использование биомедицинских данных может принести пользу одним группам за счет других. Технологии больших данных предлагают новые ресурсы обеспечения автономии пациентов, но делают проблематичным требование уважения неприкосновенности их личного пространства и конфиденциальности [Гребенщикова, Тищенко 2020: 63, 94].

Биомедицинские данные представляют собой сведения, составляющие врачебную тайну. Данное медицинское, правовое, социально-этическое понятие представляет собой запрет медицинскому работнику сообщать третьим лицам информацию о состоянии здоровья пациента. Врачебная тайна – один из важнейших принципов в профессиональной медицинской этике. Кроме того, врачебная тайна защищена законом. Нарастающая датификация медицины остро ставит вопрос о соблюдении права на приватность и

конфиденциальность, права на распоряжение информацией о собственном здоровье, кроме того, ставит на грань существование незыблемого этического требования в медицине, провозглашенного в Клятве Гиппократата, где врач даёт обещание: «Чтобы я ни увидел, ни услышал о жизни людской, будет для меня навеки тайной». Данные, составляющие медицинскую тайну, всё больше востребованы третьими сторонами и, например, вызывают интерес не только у коммерческих структур, но и у государственных органов. Так, в 2019 г. МВД России попросило Минздрав предоставить сведения о людях с психическими расстройствами, алкоголизмом и наркоманией для предотвращения преступлений. Представители Минздрава заявили, что подобная передача будет разглашением медицинской тайны. Профессиональное сообщество и правозащитники также выступили против [Мишина, Буранов 2019: 5].

В цифровую эпоху медицинские документы и другие сведения, составляющие врачебную тайну, не являются единственным источником данных о физическом состоянии и здоровье человека. Источники данных в медицине в самом широком понимании: электронные медицинские карты; мобильные приложения для здравоохранения; датчики и устройства мониторинга; данные лабораторных исследований, рентгеновские снимки; данные, полученные в ходе научных исследований с участием групп пациентов; данные о покупке лекарств и других средств медицинской помощи пациентами; данные соцсетей, поисковых запросов и т. д. [Гусев 2021]. Социальные сети, история поисковых запросов, данные о передвижении и посещении лечебных учреждений, покупках и т. д. тоже становятся источниками сведений, которые потенциально могут быть использованы, например, при оценке рисков в страховании или при приеме на работу, но на такие данные не распространяется закон о врачебной тайне. Логика, связанная с чем-то массовым, с анализом больших статистических данных приводит к гипердиагностике, излишним назначениям, в том числе осуществлению ненужных оперативных вмешательств. Возникает проблема не только эффективного, но и этического оборота и применения медицинских данных.

Прежде чем использовать большие данные, нужно решить главный этический вопрос: как обеспечить пациенту приватность? Технически доступно «вычисление» людей с конкретными особенностями, даже если сами индивидуумы явно не указали их. При этом важно отметить, что большие данные не требуют однозначного указания на принадлежность к той или иной группе, они позволяют выявлять её признаки автоматически (так, приём определенных лекарств может указывать на ВИЧ-статус). Например, ИИ уже активно используется для прогнозирования проблем со здоровьем. Facebook внедрил алгоритм, который делает выводы о суицидальных намерениях пользователей на основе постов (например, таких фраз, как «С тобой все в порядке?», в сочетании с «Прощай» и «Пожалуйста, не делай этого»). «Обычные “лайки” в фейсбуке могут с изумляющей точностью предсказать сексуальную ориентацию индивида, его этническую принадлежность, религиозные и политические взгляды, черты личности, уровень интеллекта и счастья, пристрастие к наркотикам, факт развода родителей, возраст и пол» [Cohen, Vayena, Gasser 2018: 2]. Специалистам отделов кадров, занимающихся рекрутингом, не так будут необходимы хитроумные тесты, анализ цифровых следов даст более надежный портрет претендента на должность

и в том числе на медицинскую страховку. Реальность сегодня такова, что мобильный оператор знает об обращениях человека за медицинской помощью больше, чем система здравоохранения. Цифровые следы, которые оставляет человек, накапливаются в течение всей его жизни, побуждают к появлению различных технологий их обработки и практического использования, но одновременно повышается уязвимость частной жизни. Если будет открыт доступ к чувствительным сведениям о состоянии физического, психического здоровья, склонности к суициду и т. д., это может привести к дискриминации, неравенству и стигматизации.

Поэтому растёт озабоченность: как регулировать использование данных? В Великобритании после длительного обсуждения всеми заинтересованными сторонами был сформулирован «Кодекс правил в отношении использования технологий, основанных на данных» [Гусев 2021]. По замыслу создателей, этот кодекс должен стать частью общей цифровой национальной стратегии и помочь создать среду, которая поддерживает инновационные технологии, использующие данные, обеспечить безопасность, конкурентоспособность, соблюдение этических и правовых норм. В Кодексе утверждается, что люди должны знать, что их данные используются в их интересах, и что их конфиденциальность и права защищены. Специалисты, работающие с БД, несут ответственность за то, чтобы люди были должным образом проинформированы о том, как и когда передаются данные о них, чтобы они могли быть уверены в том, что их данные используются в законных, справедливых и равноправных целях [Guidance 2018].

Искусственный интеллект vs клиническое мышление

Использование ИИ, построенного на анализе медицинских данных, позволяет изменить жизнь миллионов пациентов: качественно улучшить диагностику, персонализировать лечение, коренным образом изменить принятие врачебных решений, расширить возможности раннего выявления и профилактики заболеваний [Гусев, Добридюк 2017].

В медицине используют две разновидности искусственного интеллекта – экспертные и нейронные сети. Часто на раннем этапе очень сложно выявить недуг и назначить правильное лечение, поскольку врачу нужно ориентироваться в огромном количестве нозологий и похожих симптомов. В эти моменты на помощь должен прийти искусственный интеллект, имеющий доступ к базам данных с тысячами и миллионами историй болезни. Более того, ИИ сможет обеспечить индивидуализированный подход, приняв во внимание сведения о генетических особенностях пациента, паттернах его поведения и образе жизни, собранных его гаджетами, предыдущей истории болезней. На сегодняшний день для помощи врачу созданы мощные интеллектуальные системы, например, IBM Watson for Oncology, IBM Medical Sieve, Google DeepMind Health, NeuroLex, Face2Gene, Human Diagnosis project.

Искусственный интеллект (ИИ), представляет алгоритмы и программное обеспечение для аппроксимации человеческих знаний при анализе сложных медицинских данных. Здесь под ИИ понимается способность машины ориентироваться в меняющемся контексте и принимать с его учетом оптимальные решения. «Умные» алгоритмы востребованы врачами при решении разнообразных задач: оценки вероятности осложнений заболева-

ний; сбора данных пациента; помощи в постановке диагнозов и назначении лечения; мониторингования и анализа данных тяжелобольных пациентов в режиме реального времени.

Искусственный интеллект обеспечивает беспрецедентную скорость и качество анализа медицинских данных, проанализировать которые человек и даже большие профессиональные коллективы не в состоянии. Известен случай, когда суперкомпьютер Watson, разработанный компанией IBM, представляющий собой специфический когнитивный сервис для диагностики заболеваний, выявил у 60-летней пациентки редкую форму лейкемии, изучив 20 миллионов научных статей о раке всего за 10 минут [Li 2018].

Несмотря на указанные выше преимущества применения ИИ в медицине, имеются негативные последствия для пациентов и врачей. Так, использование данных технологий ради эффективности лечения приводит к проблеме нарушения права пациентов на частную жизнь и сохранение конфиденциальности личных данных, к обнародованию врачебной тайны, что угрожает утратой приватности. Данные из электронной карты, используемые для обучения искусственного интеллекта, могут быть доступны для страховой компании, которая повысит цену медицинского полиса и страхования жизни, если пациент не ведет «здоровый» образ жизни и не выполняет все рекомендации врача по лечению [Beranger 2016]. Работодатель может отказать в трудоустройстве соискателю, если будет владеть информацией о наличии у него хронических болезней и/или генетической предрасположенности к определенным видам заболеваний. Появляется реальная угроза дискриминации людей по физическим и генетическим характеристикам.

Также возникают вопросы: кто истинный владелец медицинских данных; кто и в какой мере может ими распоряжаться: пациент, врач, клиника, страховая компания, работодатель или вычислительный сервис?

При использовании «алгоритмов» в медицине есть вероятность диагностической ошибки, которая может произойти на первых этапах обнаружения и восприятия симптомов. Создать корректные алгоритмы дифференциальной диагностики для всех заболеваний пока достаточно трудно. Врач формирует паттерн и передает его в алгоритм ИИ, однако врач может скорректировать свою логику в постановке диагноза и выборе лечения, а ИИ – нет, если действует самостоятельно.

До сих пор неясным остается и процесс принятия решения интеллектуальным ядром системы, поскольку самообучаемый ИИ, реализованный на нейронных сетях, работает по принципу «черного ящика». В нейронной сети могут возникать ложные корреляционные зависимости и ошибки и, если система приняла неправильное решение, то невозможно понять почему.

Известно, что эксперты-медики, работающие с суперкомпьютером Watson, обнаружили многочисленные примеры небезопасных и неправильных рекомендаций по лечению, которые он давал, используя соответствующее программное обеспечение. «Одним из примеров в документах стал случай 65-летнего пожилого пациента, которому поставили диагноз рака легких и у которого обнаружили мощное кровотечение. Watson предложил назначить мужчине химиотерапию и препарат «Бевакизумаб». Но этот препарат может привести к «мощному или смертельному кровотечению», а значит его нельзя прописывать людям с сильным кровотечением» [Ross, Sweitlitz 2018].

Кроме того, существует опасность внедрения в работу ИИ вредоносных программ. Недавно израильские исследователи с целью тестирования информационной безопасности высокотехнологичного оборудования в медицинских учреждениях создали вредоносное программное обеспечение, которое способно на этапе проведения процедуры вносить изменения в результаты МРТ и КТ, причем выявить подлог практически невозможно. Вирус, который был разработан в рамках эксперимента, способен автоматически добавлять в снимки реалистичные изображения злокачественных опухолей или, наоборот, удалять их. В ходе исследования реальные снимки легких, часть из которых была модифицирована программой, показали трем опытным рентгенологам. В 99% случаев профессионалы не могли заметить подлога и приходили к ошибочным выводам, обнаруживая злокачественные новообразования, которых не было в реальности, и в 94% не замечали следов их стирания, если программа удаляла опухоли с изображений. Таким образом, была выявлена уязвимость интеллектуальной системы, чем легко могут воспользоваться злоумышленники для подмены диагнозов [Zetter 2019].

Известно, что хакеры могут взламывать устройства MyCareLink производства Medtronic, мониторирующие работу сердца, и изменить считываемые данные, тем самым навредив пациенту и заставляя разработчиков и изготовителей совершенствовать приборы [Дефибрилляторы 2021].

Следует отметить, что на «умные алгоритмы» врач не может полностью полагаться еще и по другой причине. У когнитивных систем возникают проблемы с качеством и объемом медицинской информации. Перед разработчиками остро стоит вопрос о том, чтобы на основе рукописных медицинских карт обучить нейронные сети. Накопленные в медкартах пациентов данные могут быть неполными, содержать ошибки, неточности и нестандартные термины. В них недостаточно записей о жизни пациента, его привычках и поведении.

Поэтому главная проблема гуманитарного характера в применении ИИ – устранение уникальности и контингентности в индивидуальной медицинской истории. Если человек станет транс-человеком, только тогда его, наверное, со 100% эффективностью, будет лечить ИИ.

Русский философ И. Ильин словами старого врача назвал главные принципы для врача, утверждая, что «медицина есть призвание, но не дело дохода», и то, что «каждый пациент – уникален» [Ильин 1995]. Гиппократ же говорил об этом так: «Гораздо важнее знать какой человек болен, чем знать какой болезнью». Знание сложности медицинской семиотики, умение оперировать «знаками» клинической картины формирует клиническое мышление врача. Клиническое мышление – это соединение знаний и врачебной интуиции. По законам герменевтики, чтобы правильно «прочитать» знаки болезни, нужно связать их с контекстом – личностью, жизненным миром, биографией, наследственностью пациента, сопоставить с похожими случаями, установить соответствие нозологическому описанию болезни. Использование ИИ снижает ценность клинического мышления, претендуя на то, чтобы заменить врача в постановке диагноза. Первичным в медицине является непосредственное взаимодействие врача с пациентом, клиника как тип медицинского учреждения возникает из практики наблюдения и обучения у постели пациента. Анализ клинических проявлений отличается от анализа данных. И далее, угрозой профессиональной компетентности вра-

ча несет девальвация врачебного опыта и интуиции, которые формируются кумулятивным путем, ведь известно: чем обширнее опыт врача, пусть даже в нем есть место ошибкам, тем ценнее специалист. Если исчезает необходимость запоминания случаев, их кропотливого анализа, полагаясь на память ИИ, атрофируются фундаментальные навыки профессионального мышления. Поэтому снова можно указать на диалектическую инверсию стремления к лучшему в применении ИИ. Искусственный интеллект, наделяя врачей небывалыми ранее возможностями в постановке диагноза и лечения, «в достаточно близкой перспективе угрожает заменить врача роботом, который более надежно ставит диагноз и осуществляет лечебные мероприятия» [Гребенщикова, Тищенко 2020: 63, 86]. Известный американский врач Э. Тополь, указывает на то, что нужно использовать ИИ для увеличения времени общения врача с пациентом. Медицина стала бесчеловечной, что привело к катастрофическим последствиям. Отношения между врачом и пациентом, которые автор называет «сердцем медицины», нарушены: врачи слишком отвлечены и перегружены, чтобы по-настоящему общаться со своими пациентами, а врачебные ошибки и неправильные диагнозы изобилуют. Искусственный интеллект может все исправить или наоборот ухудшить. На деле, получается так, что инвестиции в разработку дорогостоящих интеллектуальных систем заставляют алгоритмизировать и сокращать время приема. Так, в медицинском госпитале корпорации Samsung время приема у врача сокращено до 2 минут. Поэтому Э. Тополь говорит, что наши представления об ИИ – марафон, у которого нет финиша, т.е. можно понимать это так, что сегодня довольно сложно сказать, будет ли ИИ помощником для врача или наоборот [Topol 2019].

Антропологическая трансформация: квантификация идентичности

Уникальность каждого пациента отвергает установление некоей стандартной нормы, паттерна по усредненным показателям, пусть даже и полученным на бесконечно огромной выборке Big Data. Следствием алгоритмизации и цифровой стандартизации в медицине становится антропологическая трансформация – квантификация идентичности человека. Как указывают Е. Г. Гребенщикова и П. Д. Тищенко, в цифровой медицине в совокупности всех её составляющих, происходит серьёзное преобразование самопонимания (самоидентификации) человека. «ИИ и БД в той степени могут помочь человеку заботиться о «себе», в которой он как «сам» будет представлен в качестве определенной совокупности данных и цифр» [Гребенщикова, Тищенко 2020: 63, 98]. Наблюдается процесс оцифровывания и датификации человека как субъекта и объекта самоконтроля и цифрового контроля со стороны медицины. Человек всё в большей степени осознаёт свою сущность (себя самого) в качестве оцифрованной или квантифицированной идентичности (quantified self – QS), используя ресурсы соответствующей платформы [Swan 2013]. Авторы подчеркивают, что технологизация заботы о себе не ограничивается сферой медицины: компьютерные программы, приложения для смартфонов и планшетов, трекеры физической активности стали неотъемлемыми элементами повседневной жизни многих людей и частью сформировавшейся культуры «квантификации себя» (QS)» [Гребенщикова, Тищенко 2020: 63, 98].

В цифровой медицине происходит трансформация отношений врач-пациент, поскольку квантифицируется не только пациент, но и врач, а медицинские профессионалы меняют свою субъектность. Если вспомогательные устройства до сих пор выполняли роль инструмента в качестве продолжения рук, глаз врача, то теперь рядом с врачами, медсестрами и учёными появляется новый, в определенной степени автономный субъект, – машина, обладающая ИИ. Шаг за шагом, причём в ускоряющемся темпе, машина превращается из подручного средства, действие которого полностью контролируется врачом, в самостоятельно принимающего решения и проводящего различные медицинские вмешательства агента [Гребенщикова, Тищенко 2020: 63, 96]. Возрастающая доля субъектности устройств с ИИ, автономности их действия обуславливается уже отмеченным обстоятельством – врач не в состоянии самостоятельно проверить рекомендации, которые ему даёт машина, понять основания её решений и действий. Тем самым он вынужден делегировать ей часть своей субъектности, полагаться на её компетентность и добросовестность.

Заключение

В заключении следует подчеркнуть, что историческая эволюция медицинских систем на современном этапе пришла в особую точку, когда объективно присущие медицинской деятельности противоречия, локализованные до сих пор преимущественно на уровне индивидуальных взаимодействий, обретают не просто социальный характер, но и цивилизационный. В новых ракурсах датификации и роботизации врачебного труда обостряются отношения врача и пациента, они становятся всё более независимыми друг от друга, актуализируется вопрос о сохранении врачебной тайны, на повестке проблемы приватности и конфиденциальности, изменяется содержание медицинской деятельности, ответственность за здоровье человека перераспределяется, в том числе возлагается на цифровые системы.

Особенностью гуманитарной экспертизы применения новых технологий является бинарный анализ: там, где есть плюсы и преимущества, стимулирующие их распространение, нужно предупреждать появление минусов. Под ними нужно понимать не только риски медицинского характера, но и те социальные и гуманитарные следствия, которые будут в конечном итоге снижать эффективность и оправданность огромных инвестиций в разработку умных технологий; подрывать доверие общества, санкционирующего или препятствующего развитию новых технологий, создавать технократические иллюзии ускоренного решения фундаментальных проблем, связанных с возникновением заболеваний, диагностикой и лечением, углублять медиализацию, порождая новые формы зависимости пациента от медицины, формируя ятрогении от дигитализации, разрушать устойчивые социокультурные нормы, на основе которых в течение столетий формировались отношения между врачом и пациентом, определялись цели врачебной деятельности, место и роль профессии врача в обществе.

ДЕТОРОЖДЕНИЕ: СОЗДАНИЕ ИЛИ ТВОРЕНИЕ?

Т. А. Сидорова¹⁷⁰

Вся разница между созданием и творением сводится к следующему:

создание можно полюбить лишь уже созданным, а творение любят еще несотворенным, как мать любит еще нерожденного ребенка.

Г. Честертон

Деторождение традиционно является предметом демографической науки, где оно рассматривается в аспекте изучения динамики численности населения. Противоречивость современных демографических тенденций заставляет ученых искать новые парадигмы в объяснении возникающих феноменов в воспроизводстве человека, делая акцент на социокультурной и аксиологической обусловленности деторождения. В обстоятельствах, когда биотехнологическое вмешательство в воспроизводство человека становится все более массовым¹⁷¹ и начинает задавать свои векторы в родительской мотивации, возникает необходимость комплексного осмысления проблем деторождения в контексте искусственной репродукции. Об этом писал известный российский демограф А.Г. Вишневский: «В последнее время все больше внимания привлекают так называемые «вспомогательные репродуктивные технологии» (ВРТ), также оказывающие влияние на прокреативное поведение женщин и супружеских пар. Однако за этими инновациями, которые все же могут казаться чисто «технологическими», стоят более глубокие сдвиги: исчезновение закрепленной всеми предшествовавшими крупными культурно-нормативными системами слитности сексуального, матримониального и прокреативного поведения, автономизация каждого из них. <...> Культурно-нормативная регламентация поведения человека в этой исторически совершенно новой ситуации еще только должна сложиться» [Вишневский 2010: 19]. Технологическое манипулирование в области деторождения находит свое продолжение в том, что «детство становится объектом приложения различных нормирующих практик, испытания границ самой нормы, ее устойчивости, возможностей ее усовершенствования и как следствие индикатором кризиса тех или иных нормативных практик, перманентного кризиса нормы как таковой» [Лехциер 2015: 223]. В своё время М. Фуко показал, как организующие пространство жизненного мира дисциплинарные практики переходят от власти над телом к контролю над внутренними побуждениями и мыслями. Новые явления в сфере деторож-

¹⁷⁰ © Сидорова Т. А. 2023

¹⁷¹ По состоянию на 2014 год в мире насчитывалось более 7 миллионов людей, рождённых с помощью ЭКО, тогда, как в 2010 году их было 4 миллиона (по данным Международного комитета по мониторингу вспомогательных репродуктивных технологий (ICMART). Российский Регистр вспомогательных репродуктивных технологий РАРЧ собирает сведения о проведённых в России процедурах ЭКО. Согласно Регистру ВРТ, в России с 1995 по 2017 год было рождено 225354 ребёнка после процедуры ЭКО. Следует учесть, что около 3 % пациентов не предоставляют информацию о рождении детей, поэтому данные в Регистре немного занижены.

дения тесно связаны с установками макросоциальных сдвигов в сторону индивидуализации и персонализации, диктующих новое распределение наказаний и поощрений, формирование развитого самоконтроля [Кон 2010: 161]. Таким образом за изменениями в прокреативных установках следуют масштабные социальные и культурные трансформации, которые требуют изучения и философской оценки. В демографическую тематику включаются дисциплины, изучающие социально-антропологические и этико-правовые аспекты ВРТ. Возникают новые научные направления, например, социология репродукции, актуализируется тема искусственной репродукции в медицинской антропологии, биоэтика в объяснении современных проблем деторождения сосредотачивается не только на критическом осмыслении рисков биотехнологического вмешательства в природные механизмы репродукции человека, но и ищет способы нормативного регулирования, «обеспечивает устойчивость человеческой самоидентичности в ситуации перманентных дестабилизирующих вызовов инновационных биомедицинских технологий, сулящих одновременно и могущество контроля над интимными механизмами жизнедеятельности, и новые формы уязвимости – угрозы и риски (в том числе и социогуманитарные), с этим могуществом неразрывно связанные» [Белялетдинов и др. 2021: 72].

Радикальный поворот в методах вспомогательной репродукции, в связи с применением технологии CRISPR/Cas-9 в целях редактирования генома эмбриона, прогнозирует усиление развивающихся в последние десятилетия тенденций в прокреативном поведении человека, и соответственно, в изучении деторождения, когда происходит переориентация с количественных показателей в деторождении, на «качество» появляющихся на свет детей. По всей видимости, это будет влиять на парадигмы в изучении деторождения в демографических науках, усиливая аргументацию ученых, отстаивающих критерии рационализации в отношении к рождению детей, по их мнению, определяющих суть современного демографического перехода. «Желанный ребенок в желанное время» – основной меседж рационального репродуктивного поведения, который находит дискурсивное оформление и социальную канализацию в практиках планировании семьи. Демографические исследования в нашей стране показывают, что «Рождение желанных детей в оптимальные сроки при снижающемся числе неэффективных (*незапланированных* – прим. Т. С.) беременностей, т. е. рациональное репродуктивное поведение становится доминирующей практикой для большинства» [Захаров, Сакевич 2007: 163]. Вспомогательные репродуктивные технологии в понятие «желанный ребенок» сегодня могут добавить и возможность проектирования ребенка с желаемыми характеристиками, начиная от выбора пола [Русанова 2020: 127] до избавления от нежелательных мутаций в геноме. В статье предлагается использовать демографические категории прокреации и репродукции для иллюстрации трансформации смыслов деторождения в аспекте новейших технологических подходов в протезировании способности родить ребенка, определять его характеристики и их влияния на репродуктивные установки и намерения родителей.

Контроль «качества» детей в методах вспомогательной репродукции

Демографическое, и сопряженное с ним, научное исследование деторождения в первую очередь было сосредоточено на изучении количества

рождающихся детей и связанной с ним мотивации. Сегодня мы имеем дело с принципиально новой ситуацией, когда прокреативный выбор родителей определяется возможностью в той или иной степени выбирать «качество» будущего ребенка. Забота о «качестве» реализуется в репродуктивных учреждениях, включающих оценку условий воспитания и материального благополучия семьи и ребенка. С расширением участия генетиков в ассистированной репродукции можно обеспечить хорошую наследственность.

В то время как демографы фиксируют устойчивую тенденцию откладывания рождения первого ребенка, медицинские специалисты беспокоятся, о том, что с увеличением возраста беременной повышается риск хромосомных патологий плода. Поэтому репродуктивные клиники предлагают криоконсервировать женские яйцеклетки до 23-25 лет, с тем, чтобы в желаемое время с помощью ЭКО с большей вероятностью родить здорового ребенка. Современные технологии заморозки позволяют обеспечить выживание 75 % замороженных яйцеклеток, в ближайшее время этот показатель удастся довести до 90%. Так, все большее распространение получает социальная криоконсервация ооцитов здоровых женщин в Англии, желающих отсрочить деторождение. Многие из них рассматривают возможность такой процедуры, чтобы сконцентрироваться на карьере и завести детей попозже [Гребенщикова 2018: 106-107].

История искусственной репродукции, широкое распространение вспомогательных репродуктивных технологий иллюстрирует тенденцию перехода от желания преодолеть бесплодие и вообще родить ребенка, к выбору методов каким образом он может появиться на свет и каким он будет, по крайней мере с точки зрения телесного здоровья. С середины прошлого века в репродуктивной медицине стали широко применяться методы пренатальной диагностики (ПНД) – процедуры, позволяющие с помощью инвазивных и неинвазивных способов диагностировать состояние развивающегося в материнской утробе плода. Эти методы имели селективное назначение, поскольку выявление нежелательных характеристик развивающегося плода чаще всего приводило к прерыванию беременности. Скачок в контроле над рождением детей совершается с появлением экстракорпорального оплодотворения и возможностью на доимплантационной стадии выбрать эмбрион для вынашивания. Принципиально новые перспективы открыло внедрение преимплантационной генетической диагностики эмбрионов (ПГД)¹⁷². Первый ребенок после ПГД родился в 1992 г. Сначала технология применялась с медицинскими целями, позволяя избежать передачи наследственных заболеваний, затем ее использование переходит к удовлетворению не совсем медицинских потребностей, например, для выбора пола будущего ребенка [Доклад 2003: 40]. Менеджмент клиник ЭКО со знанием дела подходит к формированию банков спермы и ооцитов, чтобы

---

¹⁷² В статье используется понятие «преимплантационная генетическая диагностика эмбрионов (ПГД/PGD)», исходя из распространенного употребления термина в биоэтической литературе. В медицинских источниках также используется понятие «преимплантационное генетическое тестирование (ПГТ/PGT)», подразумевающее все виды анализа наследственного материала ооцитов и эмбрионов (биопсия клеток на стадии дробления или бластоцисты), осуществляемого до момента имплантации в стенку матки, для выявления потенциальных аномалий или HLA-типирования.

предложение не просто удовлетворяло потребности пациентов, но и формировало этот спрос. Растет количество желающих не полагаться на волю случая в результате естественного зачатия и родить из пробирки с гарантией генетического качества. Так в Великобритании десятки тысяч детей были произведены из банков мужских и женских гамет, для людей, которые в буквальном смысле считают, что лучше быть human stock (человеком из пробирки) [Duster 2004: 855].

На рубеже прошлого и нынешнего столетий проходили активные биоэтические дискуссии по поводу евгенического эффекта ПГД. Они имели не только академический характер, но и вполне практический: страны, в которых шло интенсивное развитие искусственной репродукции нуждались в ее нормативном обеспечении. Ю. Хабермас посвятил вопросу отдельную книгу «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике» [Хабермас 2002]. Редактирование генома эмбриона можно рассматривать в контексте последовательного развития технологического вторжения в область воспроизводства человека. Геномное редактирование выступает звеном в расширении использования метода преимплантационной генетической диагностики эмбрионов. Если целью ПНД, а затем ПГД был генетический скрининг, то теперь появляется возможность совместить отбор эмбрионов с внесением изменений в генетическую структуру. Пациенты клиник ЭКО с рисками передачи моногенных расстройств своим детям, использовали ПГД, чтобы проверить эмбрионы на наличие вредоносной мутации и отобрать здоровые для получения беременности. Первоначальной целью геной терапии является внесение изменений в генетический аппарат клеток человека для лечения конкретных заболеваний. Сегодня в распоряжении специалистов клиник ЭКО оказываются новейшие технологии, позволяющие участвовать в направленном мутагенезе. Открытие метода CRISPR/Cas9 и сравнительная простота его применения дает возможность вносить исправления в последовательности генов и таким образом предупреждать заболевания, передающиеся по наследству. Участие генетиков во вспомогательной репродукции существенно повысило эффективность циклов ЭКО и одновременно усилило тенденцию технологического протезирования процесса деторождения. Учитывая тренд в применении новых технологий «от терапии к улучшению», реализованный в ассистированной репродукции, возникают основания утверждать, что в ближайшем будущем для генетика не составит труда вырезать, удалять и встраивать новые гены в матрицу ДНК, исцеляя генетические заболевания, а далее изменять гены, ответственные за человеческие качества и способности к познанию, творческому потенциалу, лидерству, эмоциональной устойчивости и т.д. «Как только редактирование генома будет надежным и безопасным, вмешательство с целью предотвращения и лечения заболеваний может стать не только допустимым, но и морально обязательным. Однако использование технологии в целях улучшения каких-либо характеристик организма и свойств личности, повышения его функциональных возможностей рассматривается большинством биоэтиков как неприемлемое и порождает целый ряд опасений, связанных с развитием практик «дизайна» детей, созданием новых форм общественного неравенства и в целом с вмешательством в существующий социальный порядок и эволюцию человечества» [Гребенщикова и др. 2021: 90].

Среди аргументов против использования редактирования эмбриона, в частности он звучит в осуждающей риторике против китайских ученых, впервые применивших технологию CRISPR с целью рождения детей, высказывается сомнение в необходимости этой процедуры, поскольку отработанные методики ПГД уже позволяют выбрать эмбрионы без мутаций. Рассматривая риски, связанные с использованием технологий редактирования генома эмбриона, многие выступают за то, чтобы остановиться на рутинной селекции после ПГД эмбрионов. Они находят ПГД достаточной технологией, а редактирование зародышевой линии не является столь необходимой процедурой в терапевтическом, а не улучшающем смысле [Cavaliere 2019].

Однако, встречаются ситуации, когда, например, эмбрионов слишком мало или избежать повтора мутаций у эмбриона от родителей невозможно. Сторонники редактирования вредных мутаций (среди них трансгуманист Н. Бостром, известный биоэтик Дж. Савулеску) утверждают, что редактирование генома зародышевой линии позволит избавиться от бремени генетически обусловленных заболеваний [Bostrom 2003]. Существуют случаи, в которых ПГД неприменима: например, в случае пар-носителей болезней с высокой мутационной нагрузкой, в случае передачи аутосомно-доминантных или аутосомно-рецессивных заболеваний, при которых оба родителя являются гомозиготными. В данных случаях вероятность получения здоровых эмбрионов в результате ПГД сводится к нулю, что создает преимущество для использования модификации зародышевых линий. Подсчитано, что ежегодно в мире встречаются несколько сотен случаев, когда редактирование генома зародышевой линии было бы единственным вариантом для создания «качественных» эмбрионов [Gyngell et al. 2019]. Однако, при рассмотрении данных случаев закономерно возникают вопросы: оправдывает ли стремление этих пар иметь генетически родственного ребенка внедрение новой технологии? Не является ли рационализированная потребность иметь «желанного ребенка в желанное время» путем, который ведет к инструментализации деторождения в ВРТ, замещая терминальные ценности? Останется ли применение новых технологий эксклюзивным и исключительно в медицинских целях? Поиски ответов на эти вопросы стоит проектировать в область деторождения, фиксируя трансформации, которые будут усиливаться с использованием новых методов генетического контроля и вмешательства в репродуктивной медицине. «Особого рода опасность, близкая по смыслу к опасности инструментализации, усматривается в превращении человеческого существа в своеобразный продукт, за качество которого несут ответственность врачи или родители. Однако в случае развития клинических технологий редактирования генома новорожденный человек будет все в большей и большей степени рассматривать себя не просто как продукт, но буквально как “изделие” врачей и родителей, предъявляя к ним соответствующие моральные требования и правовые иски за врачебные ошибки и некачественную работу» [Гребенщикова и др. 2021: 90].

Пресловутая рационализация деторождения, ориентация на «качество» детей в социальном выражении имеет свое продолжение в трансформации семейных связей, в изменении традиционных смыслов родства и родительства. Ранее мы указывали на то, какое влияние оказывает репрогенетический хаос в искусственной репродукции на трансформацию ценностей родительства и материнства [Сидорова 2013]. Демографы отмечают также

существенные изменения в связи семьи, брака и деторождения. «В странах европейской культуры статистика и исследования повсеместно фиксируют все более частое и раннее добрачное начало половых отношений, раннее отделение детей от родительской семьи, убывающее число зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других «нестандартных» форм совместной жизни, ослабление прочности брака и увеличение числа разводов, неполных семей, огромную долю детей, рожденных вне зарегистрированного брака, растущее число детей, которые как бы принадлежат сразу нескольким семьям, потому что развод родителей и их вступление в новые браки уже не считается катастрофой, и дети сохраняют связь с обоими родителями, отделение биологического родительства от социального и размывание понятия «родительства» [Вишневский 2010: 21].

В таком культурном контексте нормализация донорства эмбрионов, удовлетворение желания иметь ребенка с использованием донорского материала или иметь ребенка с заданными генетическими качествами вполне очевидна. В применении ПГД эмбрионов критики видели опасность возрождения евгеники, поскольку селекция эмбрионов нацелена на отбор будущих индивидов с «лучшими качествами». Распространение редактирования генома зародышевой линии может усугубить социальное неравенство, если технология действительно будет обеспечивать преимущества «селекционных» индивидов и станет доступной только для лиц или стран, которые могут себе это позволить. Однако, наступление на равенство в области деторождения также видится в том, что репродуктивная свобода для будущих родителей может быть подорвана социальным давлением, связанным с созданием барьеров для «случайного» зачатия ребенка, следствием которого будут нежелательные генетические мутации. Не напрасно первооткрыватель ДНК Уотсон, говорил, что рождение больного ребенка скоро будет считаться грехом родителей. Ощущение вины будет проистекать из того, что родители проигнорируют или недооценят данные генетического скрининга или не будут использовать ПГД. Рационализация деторождения, воплощенная в создании «желанного» ребенка, используя ПГД и геномное редактирование, ведет к устранению в деторождении глубоких ценностных оснований, на которых зиждется признание уникальности и равенства каждой личности, по меньшей мере ее внутренняя свобода. Ю. Хабермас указал на угрозу видовой идентичности в том, что через технологию ПГД человек утрачивает способность «желать быть самим собой». С проникновением в геном речь идет о неподчинённости нам спонтанного процесса оплодотворения, следствием которой является непредсказуемая комбинация двух различных наборов хромосом. «Но именно эта едва заметная контингенция <...> и создает – в связи с тем, что над ней невозможно властвовать, – необходимое условие нашей возможности быть самим собой и принципиально эгалитарную природу наших межличностных отношений» [Хабермас 2002: 23]. Ситуация радикально меняется, когда в контингентные основания жизни положен инженерный план, эмбриолог, полагаясь на относительные диагностические показатели необратимо определяет, каким быть будущему ребенку. В изучении демографических процессов важное значение отводится временному промежутку между планированием ребенка и реальным появлением его на свет. Прокреационные намерения пар, обращающихся в клиники ЭКО, будут меняться уже вследствие того, что использование тех-

нологий редактирования генома своих эмбрионов станет необходимостью, заставит ожидать применение технологии, поскольку отказаться от предложения, которое повышает шансы на рождение здорового ребенка сложно. Так или иначе нормализация новых методов и технологий, влияющих на прокреативный выбор будет иметь последствия для намерения родить ребенка. Например, генетики формируют тенденцию во вспомогательной репродукции, свидетельствующую о расширении границ допустимых заимствований донорского материала: выбор в пользу «качественного» эмбриона, но генетически не родного, ведь риск появления мутаций и хромосомных нарушений у эмбриона при использовании «некачественных» гамет родителей, страдающих бесплодием высок. Им несомненно проще сконструировать эмбрион, используя «надежный» генетический материал, т. к. родительский уже находится под подозрением. Поэтому эмбриологи могут создавать эмбрионы для данной пары или в качестве альтернативы в перспективе предлагать редактирование нежелательных мутаций. И даже если редактирование генома эмбриона будет применяться в исключительных случаях, это будет увеличивать селективное значение ПГД в искусственной репродукции. «По сути, биотехнологические манипуляции с эмбрионами, которые предполагают их уничтожение в случае неудачи на преимплантационной стадии, как и абортирование плодов на этапе внутриутробного развития, вполне соответствуют логике и морали инструментального отношения. На какой стадии индивидуального развития биотехнолог, редактирующий геном, должен остановиться от уничтожения неудавшегося изделия?» [Белялетдинов и др. 2021: 75]

Прокреация vs репродукция

Таким образом, как преимплантационная диагностика, так и редактирование зародышевой линии в условиях, когда все можно «исправить» будут изменять смыслы деторождения, усиливая тенденцию технологизации и конструирования воспроизводства человека. Это отражается в вытеснении дискурса прокреативного, т.е. ценностно окрашенного понимания деторождения, репродукцией – или воспроизводством, уподобляющим деторождение технологизированной деятельности.

Как утверждал Ханс Йонас, в эпоху научно-технического прогресса инструментальные формы деятельности стали доминировать. Но всегда существовало особое отношение, устанавливающее порог в обращении с живым. «Технический акт при обращении с живыми системами имеет форму интервенции, но не строительства» [Jonas 1985]. Он сделал вывод о необратимости вмешательства в живое как комплексное, самоуправляющееся событие, о вмешательстве с далеко идущими неконтролируемыми последствиями. «Производить» – означает направлять поток становления туда, куда желает производитель. По мысли Йонаса, власть производителя в данном случае нужно рассматривать как «власть ныне живущих над представителями грядущих поколений, превращающихся в незащищенные объекты предусмотрительных решений людей, составляющих теперь планы будущей жизни. Ядро нынешней власти – это более позднее рабство живых, оказавшихся в зависимости от мертвых» [Йонас 2004: 168].

В биоэтических дискуссиях по поводу вмешательства в эмбриональную жизнь отражается противопоставление контингентного, природного запланированному, проектируемому, дизайнерскому в зачатии и рождении нового человека. Продолжением этих дихотомий в изучении демографических и иных социальных эффектов вспомогательных репродуктивных технологий является употребление терминов, обозначающих деторождение и воспроизводство человека. Наблюдается ориентация в понимании воспроизводства человека как технологически организованного процесса на понятие «репродукция» [Sidorova 2020]. Термин «прокреация» (рождение, воспроизведение потомства) употребляется реже, хотя, является, по сути, синонимом репродукции. Этимологическое сопоставление двух терминов показывает, что за каждым из них закреплена своя составляющая в понимании деторождения. В прокреации мы видим отсылку к творению (*procreatio* (лат.) – лат. *creatio*, род. п. *creationis* «творение»). Репродукция указывает на создание или производство (*reproductio* – воспроизводство, воссоздание). По словам В. Л. Лехциера научный дискурс все более основательно колонизирует пространство жизненного мира [Лехциер 2015: 155]. Сегодня деторождение в научной, да и в обыденной речи все чаще называют репродукцией – воспроизводством. Роддома преименовываются в клиники репродукции. Термин, очевидно указывающий на технологическую подоплеку в понимании продолжения рода, был нормализован в медицинском дискурсе, а также в социогуманитарных науках, которые по своему определению должны рассматривать деторождение в фокусе ценностных коннотаций. На наш взгляд, прокреация подчеркивает в деторождении ценностно-смысловую сторону, включает воспроизводство человеческого рода в культуругенез. Ценности деторождения связаны со смыслами будущности в неразрывной связи индивидуального и родового бытия. «Вся разница между созданием и творением сводится к следующему: создание можно полюбить лишь уже созданным, а творение любят еще несотворенным» [Chesterton 1911: 14]. Если отнести это высказывание Честертона к тому, какими значениями в современную эпоху наделяют рождение детей, видна поляризация непреднамеренного и рационально спланированного появления на свет нового существа. Предметом любви в случае создания выступает удовлетворенное желание родителей. Приставка про- в понятии прокреации означает продолжение, направленность вперед. Творчеством мы называем процесс, когда из вдохновения, из мысли, *ex nihilo* рождается что-то новое, ранее не существовавшее. Поэтому в деторождении, понимаемом как прокреация, следует видеть творческий процесс, т.е. творение человека не просто как физического индивидуума, а как существа создающего ценности и одухотворяющего собственное воспроизводство. В свою очередь, создание – процесс (или результат процесса) придания формы, обработка существующего материала. В технологическом создании-производстве человека лежит иная онтологическая основа, иное понимание человека как материала, нуждающегося в обработке с применением новейших знаний. Не случайно в биотехнологическом конструировании человеческого существа от помощи зарождению осуществляется переход к вмешательству в эмбрион, чтобы направить его развитие по замыслу создателей. Направленное изменение генома далее предполагает контроль его состояния и конструирование в качестве максимального выражения технологической власти [Белялетдинов и др. 2021: 74].

Заключение

С включением в арсенал методов вспомогательной репродукции генетического редактирования эмбрионов, нужно видеть по крайней мере две важных тенденции, имеющих значение для современных демографических процессов. Первая связана с усилением заботы о «качестве» детей, что говорит еще и о моральном принятии евгеники. Перспективы гарантировать рождение здорового потомства будут стимулировать массовый интерес к репродуктивным и генетическим технологиям, поскольку они формируют стандарты нормальности, новую «норму» человека. «Биотехнологические возможности открывают широкий спектр для изменения человека, и вопрос о будущем человека перемещается из практической плоскости, закрытой для реализации в силу высоких рисков, в сферу этики и философии, с одной стороны, и технонаучного ожидания, свойственного социуму, с другой» [Белялетдинов 2019: 12]. Анализируя социальные и антропологические эффекты генетического редактирования эмбриона, следует учитывать не только медицинские риски, но и прогнозировать их связь с парадигмальными сдвигами в понимании сути деторождения. Эти сдвиги находят отражение в дискурсивных экспликациях терминов прокреации и репродукции. Прослеживая тридцатилетнюю историю применения ПГД, не сложно увидеть, как возможности ассистированной репродукции в медицинском и социальном аспектах будут существенно приумножены новой технологией вмешательства в природные основания человека. Очевидно, что таким образом укрепляется и вторая тенденция, направленная на понимание деторождения как технологически контролируемого процесса. Переходя от прокреативного мышления о деторождении к репродуктивному, рационально-технологическому планированию и конструированию «желанных» детей мы оказываемся в зоне культурной трансформации. Ведь тип культуры определяет не только отношение к смерти, как мы считаем вслед за Ф. Арьесом [Арьес 1992], но в современную эпоху, возможно, в большей степени – отношение к деторождению.

Между творчеством и деланием едва уловимая грань. Творчество как создание из ничего в отношении к деторождению предполагает представление о появляющемся на свет ребенке как само-сущем, обладающим идентичностью и ценностью вследствие своего уникального, случайного появления в бытии. Прокреативное понимание деторождения отличается от создания/конструирования с помощью методов ВРТ, когда заранее исцеляют и улучшают, превращая ребенка в продукт, лишая эмбрион человеческого самоценного статуса, и открывая, тем самым, дорогу манипулированию нерожденной жизнью в технологических целях: для исследования и дальнейшего вмешательства в естественную контингентность зачатия, проектируя дизайн детей, предваряя их будущее в соответствии с желаниями родителей-заказчиков и возможностями генетиков и репродуктологов.

АВТОНОМИЯ И ЗАБОТА В ЛОГИКЕ КОНКУРИРУЮЩИХ И СОЛИДАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МЕДИЦИНЕ

Т. А. Сидорова¹⁷³

Медицинская этика-деонтология-биоэтика как способы регулирования отношений в медицине

Особенностью медицинской деятельности является то, что исторически она регламентировалась четко обозначаемыми принципами и правилами, которые в совокупности получили название медицинской этики. На нормы врачебной морали оказывали влияние культурно-исторические, религиозные особенности [Veatch 2012]. В античную эпоху эти правила были прописаны в знаменитой Клятве Гиппократов, встречаются они и в дошедших до наших дней источниках из других региональных медицинских систем, например, деятельность врача регламентировалась в Древнем Египте и Месопотамии, в Древней Индии и в Древнем Китае. Только на рубеже XVIII–XIX в. в эпоху становления европейской рационалистической медицины, основанной на научных методах, медицинская этика становится предметом исследования, появляются первые, посвященные ей ученые труды. Английский врач Т. Персиваль создает медицинскую этику как вид сословной – врачебной этики и составляет первый этический кодекс. Вполне закономерно, что это происходит в Англии, где традиционно определяющими регуляторами общественных отношений были законы репутации и системы этикетных правил, предписывающих нормы поведения в условиях сословной социальной организации. Философским основанием такого варианта медицинской этики была этика утилитаризма, которая устанавливала паритет между эгоистическими интересами и общественной пользой. Именно в утилитаризме в трудах Иеремии Бентама появляется деонтология – этическая доктрина, где основным понятием является долг как важный регулятор отношений между индивидами в обществе. В Восточной Пруссии примерно в это же время создает свою сложную философскую и этическую систему Иммануил Кант. Он критикует утилитаристов за эгоистическую направленность в понимании мотивов человеческих поступков, когда их значимость определяется интересом и измеряется степенью его удовлетворения – полезностью. Утилитаристы считали, что люди преследуют свои интересы, конкурируя за их осуществление, стремятся найти удовлетворяющую всех максимальную форму полезности. Поэтому долг в логике утилитаризма превращается в обязательство ориентировать поступки конкурирующих индивидов на максимальную степень общей пользы. Эти обязательства могут всякий раз устанавливаться, например, прописываться в договоре. В отличие от утилитаристов, Кант утверждает, что долг есть категорический (безусловный) моральный (а не договорной, юридический) императив – внутреннее побуждение, которым обладает индивид как автономно действующий субъект. Категорический императив – это «моральный

закон во мне», бескорыстная ориентация воли свободно действующего субъекта на благо, благодаря этому стремлению в душе каждого человека, общество обретает единство и целостность. Врачебная деятельность как нельзя лучше передавала альтруистический характер солидарных, а не конкурирующих социальных отношений. Поэтому медицинскую этику стали называть деонтологией, полагая, что врач ориентируется в своей деятельности на безусловное принятие профессионального долга, содержание которого в качестве универсальной основы устанавливалось Клятвой Гиппократата. Клятва Гиппократата с течением времени в разных странах для врачебного сообщества стала профессиональным символом, она могла иметь разные модификации, дополнялась новыми принципами, но всегда сохраняла набор базовых принципов, сформулированных в древности: обязательство сохранять верность профессии, «не навреди», уважения к жизни, действовать во благо пациенту, сохранять врачебную тайну и др.

Со второй пол. XIX – нач. XX века медицина превращается в сферу деятельности, об организации которой заботиться государство, создаются национальные системы здравоохранения, долг врача становится частью ответственности больших профессиональных корпораций. В этой ситуации врачом должна двигаться уже не сословная обязанность, которая выражалась в том, как себя вести представителю врачебного цеха, а осознанная моральная необходимость, внутренне убеждение – т.е. долг. Чем больше хотели подчеркнуть в системе этического регулирования включенность врача в систему корпоративной ответственности, тем логичнее выглядела медицинская этика, которую нужно называть и понимать как деонтологию. В дореволюционной России национальный медицинский этос (профессиональная культура) формировался в лоне европейской медицины на основе христианской культурной модели и высокого авторитета гиппократовых норм в профессиональном служении. Смысл деятельности врача трактовался не как служба, а именно как служение профессиональному долгу и пациенту, что связано было еще и с моральной притязательностью, свойственной русской интеллигенции. В отличие от службы, где на первое место встает беспрекословное исполнение обязанностей, служение есть добровольный и осознанный нравственный выбор своего служения, понимание его как сострадательной, жертвенной помощи, эмоциональное присоединение, соучастие [Силуянова 2008]. Русская медицинская традиция воплощалась в господстве и непротиворечивом принятии и врачами, и пациентами патерналистской модели, которая предполагала, что врач берет на себя самые высокие моральные обязательства в отношении к пациенту, должен заботиться о нем по-отечески, а пациент безусловно доверяет врачу, открывая ему интимные стороны своей жизни. После революции 1917 года в Советской России медицинскую (врачебную) этику объявили буржуазным пережитком в первую очередь в вопросе сохранения врачебной тайны. О медицинской этике говорили мало, она существовала в виде усвоенных норм для врачей, которые получили образование в дореволюционное время, а затем в качестве навыков профессионального общения с пациентами и коллегами преимущественно передавали их следующим поколениям медицинских профессионалов. В 1945 году основатель отечественной онкохирургии Н. Н. Петров пишет статью о хирургической деонтологии [Гребенщикова 2016: 122]. Тер-

мин «деонтология» вполне соответствовал духу императивного должностовования, составлявшего суть морального кодекса советского общества, поэтому надолго и прочно замещает понятие «медицинская этика». В нашей стране и до сих пор медицинскую этику чаще всего называют деонтологией. В этом историческом выборе модели медицинской этики в качестве деонтологии отражаются драматические коллизии, связанные с общественными трансформациями и с изменениями профессионального самосознания врачей и сознания советских людей в аспекте заботы о здоровье. Н. Н. Петров осуществил преемственную связь между этосом дореволюционной медицины и советской, отыскав непротиворечащую базовым и, современным ему социальным установкам, формулу деонтологии, которая была построена на ответственности и заботе врача, а со стороны пациента – на принятии патерналистского врачебного руководства, что вполне соответствовало культурными представлениями о сакральном, отеческом статусе человека, имеющего медицинское образование. Как утверждал Н. Н. Петров, «основная задача медицинской деонтологии лежит в том, чтобы постоянно напоминать медицинским работникам, что медицина должна служить пользе больных людей, а не больные – пользе медицины» [Петров 1956: 8].

В последней трети XX столетия в США возникает биоэтика. Биоэтика представляет собой еще более сложный феномен, поскольку формируется она как ответ на потребность осмысления трансформаций, происходящих в медико-клинической практике, и в целом в обществе, в связи с научно-техническим прогрессом, изменяющим до неузнаваемости оснащенность медицины новыми диагностическими и терапевтическими методами, организацию оказания медицинской помощи, и в итоге, характер взаимоотношений между различными субъектами медицинских взаимодействий: врачами, врачебным сообществом, пациентами, их представителями, пациентскими организациями, лечебными учреждениями, государством как учредителем системы здравоохранения. Биоэтикой мы сегодня называем сложносоставный феномен, включающий: междисциплинарную систему научных знаний (1), образовательную дисциплину (2), современную медицинскую этику (3), гетерогенный (разноосновный) дискурс (4), регулятивную практику (5). Биоэтический дискурс имеет трансдисциплинарный характер, т.е. выходящий за пределы научных дисциплин в обсуждении сложных моральных проблем в связи с развитием трансплантологии, вспомогательных репродуктивных технологий, возможностями манипулировать началом и концом человеческой жизни, генетическими и другими технологическими новациями и актуальными проблемами, например, связанными с борьбой с пандемией COVID -19. В биоэтическом дискурсе находят свое выражение религиозные и научные взгляды, позиции представителей общественных движений и моральных сообществ, позиции, основанные на правовых нормах и культурных традициях.

Биоэтика как регулятивная практика функционирует в виде этических комитетов и других подобных институтов этической экспертизы, которые рассматривают возникающие конфликты, определяют характер и пределы допустимых медицинских вмешательств в жизнь и здоровье людей, например, в связи с необходимостью проводить биомедицинские эксперименты с участием человека. Биоэтика довольно быстро получила распространение

на всех континентах, стала преподаваться в медицинских и других образовательных учреждениях. Как соотносятся медицинская этика, деонтология и биоэтика? Когда биоэтика пришла в медицинское образование, многие специалисты стали отождествлять ее с медицинской этикой или деонтологией и соответственно отодвигать ее возникновение в глубокую древность. С позиции строгого научного различия, все же следует считать биоэтику современным феноменом, можно говорить о том, что она является современным этапом в истории медицинской этики, но в своем предмете, конечно же выходит далеко за ее пределы. Медицинская этика фокусируется прежде всего на отношениях между врачами и пациентами и имеет более длительный период развития. Деонтологию нужно понимать как историческую модель медицинской этики, как систему регулирования отношений, которая сформировалась в определенных культурных и интеллектуальных обстоятельствах и ее можно рассматривать как часть медицинской этики. Деонтология, в своем конкретном выражении кроме отсылки к долгу в качестве основного морального регулятора, представляет собой систему обязанностей, предписываемых врачу в профессиональной деятельности и дифференцируется по врачебным специальностям: так есть деонтология в хирургии и педиатрии, акушерстве и гинекологии, в неврологии, в травматологии и т. д. Если деонтологические нормы формулируются на основе биоэтических принципов, в этом виде она представляет собой то, что в США называют клинической биоэтикой. Но этика долга также не учитывает всего многообразия моральной жизни и вариаций морального выбора. Врачи и медицинский персонал могут быть предельно сфокусированы на выполнении установленных профессиональных требований, и при этом пренебрегать деонтологией, в аспекте коммуникации с пациентами, отказываться от эмоциональной связи. Это имело место в советской медицине и до сих пор является негативным следствием, когда в медицинских учреждениях устанавливается распорядок, удобный для профессионалов и существенно ограничивающий пациентов и их близких. Причем персонал пресекает посягательства на установленный порядок, считая его условием надлежащего выполнения своих обязанностей, несмотря на то, что следование ему может ущемлять достоинство пациентов и их близких. Прекрасную иллюстрацию утраты высокого смысла деонтологии в таких «распорядках» можно увидеть в книге А. А. Старобинец «Посмотри на него». Автор, писатель и журналист, в этой книге передала весь кошмар столкновения с бездушной системой в чрезвычайно уязвимой ситуации: ей предстояло прерывать беременность на позднем сроке в связи с выявленными у развивающегося ребенка дефектами, несовместимыми с жизнью.¹⁷⁴

---

¹⁷⁴ Приведем в качестве иллюстрации хорошо узнаваемые интонации в диалоге, преданном в книге А. А. Старобинец.

«С мужчинами нельзя, – мрачный крепыш в сером свитере преграждает нам путь. Это охранник. Он охраняет районную женскую консультацию Хамовников. От мужчин.

– Это мой муж, – говорю я.

– С мужчинами нельзя, – скучно повторяет охранник. – Такие правила.

– Пропустите меня, пожалуйста, – говорит муж. Он, кажется, искренне верит, что мрачному человеку в мышинном свитере можно что-то объяснить. – У нас серьезная ситуация. Действительно серьезная. Нам нужно поговорить с врачом вместе.

Принцип автономии в биоэтике

Несколько слов об истории возникновения биоэтики. Считается, что родоначальником биоэтики является Ван Рансселер Поттер, американский ученый, биохимик, который, на волне интеллектуальной моды во второй половине 60-х годов XX в. озаботился глобальными проблемами человечества. Его, например, очень беспокоил вопрос о демографических диспропорциях, росте населения в развивающихся странах. В это время возник дискурс экологической угрозы и появилась одна из первых форм прикладной этики – экологическая этика. Свою первую книгу «Биоэтика – мост в будущее» Поттер посвятил основателю экологической этики Олдо Леопольду. Эта книга вышла в свет в 1971 году и стала первым научным и популяризаторским трудом в области биоэтики, часто начало новой научной дисциплины связывают с этим событием. Однако, во второй половине 60-х годов, в США наряду с обсуждением глобальных угроз вследствие научно-технологического прогресса, на повестку дня выходят вопросы в связи с активизацией различных правозащитных, антидискриминационных движений. Разоблачения злоупотреблений в медико-клинической, психиатрической, исследовательской практиках способствовали тому, что вслед за движениями против расовой, гендерной и других форм социальной дискриминации, возникли движения за права пациентов, за легитимацию права на аборт по выбору женщины, за права пациентов психиатрических учреждений, права испытуемых и т.д. На европейском континенте подобных движений не было, поскольку для них не было исторически, социально и политически обусловленных предпосылок, как это имело место в США. В европейских странах (нужно заметить, что в отдельных странах существовали значительные отличия в традициях оказания медицинской помощи, в отношениях врача и пациента, в использовании биомедицинских технологий), как и на пространстве бывшего СССР, а также в регионах южной, юго-восточной Азии, подобные движения стали появляться позже и имели выражение, канализированные в собственные культурные формы, преимущественно в форме академической рефлексии. В США А. Хеллегерс и другие специалисты, из области медицины, социальных и философских наук, стали заниматься обоснованием правил, с помощью которых нужно было упорядочить отношения субъектов при проведении клинических исследований, при оказании медицинской помощи. Биоэтика стала переориентироваться на область прав пациентов и испытуемых в биомедицинских экспериментах, и в этой части стали замечаться или

– Мужчинам сюда нельзя, мужчина, – охранник широко расставляет ноги, как бы демонстрируя, что никакая сила в мире не помешает ему честно выполнять свой долг.

– Это женское учреждение. Пусть женщина идет одна. А вы пока присядьте здесь, на банкеточке.

Мы сдаемся. Муж присаживается на банкеточке, я иду одна. Поднимаюсь на второй этаж и сажусь на другую банкеточку – напротив кабинета врача – в бесконечную женскую очередь. Такие правила. Мужчинам нельзя. Мужчины здесь ни при чем. Мужчин нельзя подпускать к женским учреждениям, к женским болезням и бедам. Так думает тот, кто сочинил эти правила. Так думают сами женщины в очереди. Так думает врач в консультации. Так думает моя мать. Когда она узнала, что я хочу, чтобы Саша был со мной рядом на «искусственных родах», пришла в ужас:

– Ты что, хочешь еще и мужа лишиться? Зачем ему этот кошмар? Мужчины после такого сбегают!» [Старобинец 2017: 27].

переписываться некоторые нормы медицинской этики уже в русле правового, юридического дискурса. Поэтому биоэтика как регулятивная практика имеет тесное переплетение с медицинским правом.

В американской биоэтике возникло свое теоретическое и, одновременно, регулятивное основание в виде классического набора принципов и правил, сформулированных профессорами из университета Джорджтауна Бичампом и Чилдрессом: принцип автономии, не навреди, благодеяния и справедливости и связанных с ними, так называемых процедурных (т. е. приводящих в действие, реализующих принципы) правил: правило информированного согласия, уважения частной жизни (приватности), конфиденциальности и правдивости. В европейской биоэтике акцент был сделан на принципах уважения достоинства человека, поэтому синонимом принципа автономии становится принцип добровольности, а правило – информированным добровольным согласием (ИДС), также в качестве основных принципов называют принцип целостности и принцип уязвимости. Для сравнения, в деонтологической модели медицинской этики главными являются принципы не навреди, милосердия и сострадания, пользы и врачебной тайны.

В этих уточнениях основополагающих принципов позволяют увидеть культурную специфичность биоэтики. Для американцев с их традициями прецедентного права принцип автономии подразумевает отстаивание прав пациента и фактически этическое регулирование совмещается с правовым. Российская биоэтика, пришедшая к нам в 90-е годы по своей форме тяготея к американской модели, а по содержанию – к европейской, поскольку с культурной, смысловой точки зрения, конечно же в первую очередь требовала от врача заботы о пациенте и ориентировалась на патернализм. Но следуя ситуативно обусловленной в 90-е годы логике институциональных заимствований, в правовом регулировании российского здравоохранения принцип автономии стал играть ведущую роль.

Принцип автономии утверждает право пациента распоряжаться своим телом, право решать в медицинских вопросах. Каждый человек имеет право на самоопределение, признание независимости в вопросах, связанных с его жизнью и здоровьем. Уважение автономии пациента со стороны врача означает обеспечение и реализацию всеми профессиональными средствами, включая коммуникативные и эмотивные, права пациента распоряжаться своей жизнью и здоровьем, вплоть до сознательного отказа от лечения. Т.е. даже если пациент отказывается от собственного выбора, обязанностью врача является помочь ему в принятии решения, особенно в случаях вмешательств, которые предполагают вторжение в телесную и психическую организацию человека, могут изменить дальнейшую жизнь пациента.

Автономия – самоуправление, самоопределение, свободное волеизъявление. Люди поступают автономно, когда они, а не другие, принимают решения, влияющие на их жизнь, и действуют на основе этих решений. Быть автономным, значит быть самоопределяемым.

Автономия нарушается, когда нас прямо или косвенно принуждают действовать или когда мы действуем, находясь в заблуждении, или под влиянием факторов, которые вредят нашему выбору. Формами принуждения могут быть не только явное принуждение, но и убеждение, или профессиональная манипуляция поведением пациента. Убеждение не обязательно нацелено на контроль. Убеждая пациента сдать анализы, врач чаще всего

хочет повлиять на поведение, но не стремиться контролировать его. Принуждение связано с применением силы или угрозы, чтобы контролировать другого. Например, когда врач угрожает отказом в помощи, если пациент не соглашается на медицинскую манипуляцию, он стремится контролировать больного. Принудительный характер может носить лечение в психиатрической больнице, если пациент направляется туда недобровольно.

Другой формой влияния является манипуляция, когда заставляют кого-либо выполнить нужное агенту влияния действие. В медицинских отношениях манипуляции распространены и необходимы для осуществления врачебного руководства пациентами. Встречаются также информационные манипуляции. В частности, ученых в биомедицинских исследованиях нередко критикуют за сокрытие важной информации и обманчивое преувеличение преимуществ. Чрезмерно привлекательные предложения компенсации и медицинского обслуживания также часто рассматриваются как манипулятивные. Причем все эти формы нарушения автономии преподносятся как благо для пациента.

Автономия и патернализм

Последовательное проведение в жизнь принципа автономии преследовало сломать исторически сложившуюся конфигурацию отношений врача и пациента. На основе утверждения принципа автономии возникают антипатерналистские движения в медицине. Патернализм стал рассматриваться как одна из моделей отношений врача и пациента после публикации статьи Р. Витча [Витч 1994: 68]. Опираясь на опыт американской медицины, он выделил четыре модели – патерналистскую, коллегиальную, техническую и контрактную. Патернализм воспринимался в качестве исторически уходящей формы, утверждению принципа автономии более соответствовал принцип коллегиальности, предполагающий равное положение и сотрудничество между пациентом и врачом.

Однако, патернализм не сопоставим по своему характеру и значению с другими, предложенными Витчем, моделями. Патернализм – базовая модель отношений врача и пациента, при которой врач принимает ответственность за свои решения и действия, а пациент полагается на квалификацию и опыт врача. Патернализм строится на доверии в качестве основы взаимодействий между врачом и пациентом. Выдающийся советский врач Л. Кассирский утверждал в книге «О врачевании», что «отчуждение в отношениях между врачом и больным противно самой природе врачевания» [Кассирский 1970].

Патернализм обозначает врачебное руководство пациентом, опирается на объективно существующую профессиональную иерархию. Он всегда будет оправдан, пока есть общественное разделение труда. Нравственное измерение отношений в медицине закрепляет их особый характер. Важно, чтобы доверие пациента не порождало врачебный авторитаризм.

Патернализм является основой для взаимодействия врача и пациента во всех отраслях медицины. Так патерналистское начало сыграло чрезвычайно важную роль в истории психиатрии [Иванюшкин 1994: 78]. С утверждением патерналистских взаимоотношений врача и психически больного связано, во-первых, самоопределение самой психиатрии как самостоятель-

ной медицинской дисциплины, а во-вторых, формирование отношения общества к «помешанным» как к больным людям. До этого отношение к ним в западноевропейских странах было по преимуществу полицейским. Главная заслуга в том, что «сумасшедшие были подняты до достоинства больных», принадлежит французскому врачу Филиппу Пинелю, который в 1793 г. буквально снял цепи с душевнобольных в парижской государственной больнице Бисетр. Его реформа психиатрии сразу же оказалась апофеозом врачебного патернализма. Пинель прямо сравнивает своих пациентов с детьми, а созданный им тип психиатрической больницы – с семьей [Иванюшкин 1994: 78].

Неслучайно, что существенной частью антипатернализма в США, а затем в европейских странах стало антипсихиатрическое движение, которое привело к деинституционализации¹⁷⁵ психиатрии, поскольку нарушения прав человека в этой отрасли медицины были вопиющими. К ним добавились требования защиты автономии участников биомедицинских исследований. С середины 70-х годов 20 в. принцип автономии и антипатернализм стали прочно ассоциироваться с биоэтикой.

Однако, превалирование моделей отношения врача и пациента, основанных на принципе автономии, привело к заметным трансформациям, которые стали настораживать. Главное их следствие – разобщение врача и пациента, юридизация, т.е. сведение отношений к договорным обязательствам и как следствие, их бюрократизация, утрата доверия, возникновение разных форм ухода пациента – отказ от комплаентности (приверженности назначенному лечению), усиление трендов самолечения, один из конкретных примеров – антивакцинаторство. Принцип автономии индивида апеллирует к представлению о «человеке self-made», для которого забота ассоциируется исключительно с зависимостью, а беспокойство о ней – с признаком слабости [Лехциер 2019: 41].

Автономия пациента в России

Принцип автономии, как и биоэтика, пришли к нам из США в 90-е годы. Если в европейских странах адаптация нового социального опыта и новых социальных навыков, которые появлялись с биоэтикой, не имела шокового характера, то в новой России на волне тотального отрицания советского прошлого, в том числе в организации и регулирования социальных взаимодействий в медицине, некритически воспринимались новые идеи и направления, без должного социокультурного проживания внедрялись новые принципы и нормы, часто получавшие искаженный деформированный ха-

---

¹⁷⁵ Деинституционализация – реорганизация оказания медицинской и социальной поддержки за счет сокращения стационарных учреждений и создания условий для оказания медицинской помощи вне больничных стен. В узкоспециальном значении деинституционализацией называют процесс реформирования психиатрической службы, который начался во второй половине XX века. Показательным примером стала Италия, где под руководством психиатра Франко Базальи в 1978 году был принят знаменитый «Закон 180». Были упразднены все государственные психиатрические больницы в стране и заменены на общественные службы и амбулаторные психиатрические центры [Ястребов 1999]. Деинституционализация государственных психиатрических больниц, завершившаяся массовым исходом из них пациентов была осуществлена в США в 70-80-е годы XX века.

рактика информированного добровольного согласия. ИДС – это процедурное правило биоэтики, инструмент реализации принципа автономии. Без оценки того, какие акценты для нас важнее и не противоречат культурному коду и медицинскому этосу, стала распространяться идея главенства автономии пациента, а практика ИДС внедряться в качестве не столько этического, сколько юридического регулирования. В результате, сегодня кроме выполнения важной и нужной функции – обеспечения права пациента выражать свою волю в медицинских вопросах (это право закреплено в ст. 20 ФЗ 323) [Федеральный закон 2011], в нашей стране институт ИДС получил гипертрофированный, юридизированный и принудительный смысл. Врачи рассматривают информированное согласие как прикрытие в случаях судебного разбирательства, ИДС ассоциируется с бюрократическим, формальным подписанием бумаг, с содержанием которых пациент даже не знакомится. Исходя из «духа и буквы» уважения автономии в биоэтике, сначала следует информировать, а затем уже получать согласие. В российских медицинских учреждениях ИДС подписывают часто до всякой встречи с врачом. Пациент должен подписать несколько формуляров до информирования. Если он этого не сделает, то ему могут отказать в медицинской помощи, за исключением экстренных случаев. Такая практика разобщает врачей и пациентов, подрывает доверие, смысл ИДС сводит к функции защиты врача в случае судебных и иных разбирательств, но в конечном итоге приводит к росту исков против врачей [Сидорова, Жичина 2016: 242]. Получается, что признание автономии пациента в его юридическом, а не биоэтическом прочтении через превентивное внедрение ИДС, послужило одним из факторов формирования нездоровой атмосферы противостояния врачей и пациентов, когда пациенты заранее готовы фиксировать нарушения их прав, превентивно подозревая врачей в недобросовестном исполнении своих профессиональных обязанностей. Примером несовпадения юридического и этического подхода является ситуация выражения согласия подростками. Российское законодательство устанавливает, что с 15 лет подросток может самостоятельно выражать согласие на медицинское вмешательство. Однако, если принимать во внимание ценностный аспект, то в нашей культуре семейная связанность родителей и детей в этом возрасте еще очень высока, чтобы устранять родителей от принятия решения. Поэтому следует рекомендовать, чтобы подросток, по крайней мере, прежде чем обозначить свое решение, обсудил его с родителями. Правовое закрепление содержания нормы ИДС фиксирует «минимум нравственного» (В. С. Соловьев), поскольку ориентируется на закрепленные в законе представления только об указанных в законе правах пациента, но не на его ценности, лежащие в основе моральных ожиданий.

Автономия vs забота

Европейская биоэтика и социальные отношения в медицине находились в иной психологической и интеллектуальной ситуации, которая не обязывала отрицать свой опыт как отсталый, неполноценный, не соответствующий «демократическим идеалам», позволяла осмотреться, взвесить, изучить что подходит для национальных моделей здравоохранения и что нет, и исходила из понимания того, что континентальная медицина тра-

диционно имела отличия от атлантической – британской и американской. С течением времени, в европейских клиниках стали чаще вспоминать о позитивной роли патерналистских отношений между врачом и пациентом. О заботе в качестве фундаментальной формы социального взаимодействия рассуждали многие философы. Так, М. Хайдеггер говорил о том, что забота есть модус человеческой экзистенции как формы онтологической связи с Другим, а М. Фуко в «Заботе о себе» продолжал сократовскую интенцию, применяя её к поискам самоидентичности.

Немецкий врач и философ медицины К. Дёрнер открыто полемизировал с принципом самоопределения, закрепленным в институте информированного согласия. Он зафиксировал конфликт между стратегиями права пациента на медицинский выбор и заботы как имманентной этики врачевания. Либеральный принцип автономии, сформулированный в контексте априорного подозрения медиков в возможном злоупотреблении властью над пациентом, может вызывать у врача чувство этической мести: перекаладывая медицинские решения на плечи пациентов, врач снимает с себя ответственность, при этом он может добиться согласия от пациента на то вмешательство, которое нужно врачу. К. Дёрнер полагает, что подход, основанный на получении информированного согласия, сложившийся в результате самокритики медицины после Нюрнбергского трибунала над нацистскими врачами-преступниками (хотя тема самоопределения пациента исторически старше, она возникла в Европе в конце XIX в.), приведший в итоге к понятию биоэтики, искажается в условиях рынка и власти корпораций. Конкурентные общественные отношения проникают в медицину. Философ считает, что в первую очередь этика заботы востребована в современной медицине, где преобладает работа с хроническими больными, предполагающая длительный контакт врача и пациента. В этой ситуации наиболее важна именно логика хорошей заботы, логика созависимости всех субъектов медицины, а также то, что оппозиция власти и равенства, проистекающая из правового смысла автономии, уходит в этом случае на второй план, и наиболее значимой для повседневных медицинских практик становится оппозиция внимательности и пренебрежения, т.е. морально-психологическое прочтение отношений врача и пациента. Забота не противоречит выбору, но является его предпосылкой и средой. Забота становится основанием и для ответственности, которую Дёрнер понимает как ту же заботу, осознаваемую как долг [Лехциер 2019: 44].

В русле этики заботы происходит коррекция либерального понимания автономии. Модель автономного выбора должна признавать, что не все люди полностью автономны, что «автономия возникает только после длительного периода зависимости, и что во многих отношениях мы остаемся зависимыми от других на протяжении всей нашей жизни» [Tronto 1993: 162], что практики заботы не препятствуют тому, чтобы те, о ком заботятся, выносили свои суждения, что, наконец, «одной из целей заботы является прекращение зависимости» [Tronto 1993: 163]. «Поскольку люди иногда автономны, иногда зависимы, иногда обеспечивают уход за теми, кто находится на иждивении, их лучше всего охарактеризовать как взаимозависимых. Думая о людях как о взаимозависимых, мы можем понять как автономные, так и вовлеченные элементы человеческой жизни. В целом общество, которое серьезно относится к вопросам заботы, будет участвовать в обсуждении

вопросов общественной жизни, исходя не из концепции автономных, равных, рациональных субъектов, преследующих отдельные цели, а из концепции взаимозависимых субъектов, каждый из которых нуждается в заботе и предоставляет заботу различными способами, и у каждого из которых есть другие интересы и задачи вне сферы заботы» [Tronto 1993: 163–164].

Социальный философ из Нидерландов Аннмари Мол написала книгу о логике заботы, которая, по сути, стала ответом на засилье концепта автономии [Mol 2008]. Мол ставит под сомнение идеал медицинского выбора, который едва ли не навязывается пациенту. Моральное содержание врачебной деятельности противопоставляется экономической и правовой логике автономного выбора в условиях конкуренции, вменяемого пациенту современной системой здравоохранения. Методология А. Мол нацелена на поиск «хорошей заботы», которая будет способствовать эффективному лечению, дарить человеку чувство поддержки, а не равнодушного исполнения профессиональных функций.

Заключение

В ситуации абсолютизации автономии пациента происходит замещение морального смысла отношений в медицине как солидарных на конкурентные, антагонистические. Субъектность пациента и врача определяется не личностной ценностью, а тем, что они презентуют свой экономически окрашенный и закрепленный в праве интерес. Поэтому этическое регулирование отношений в медицине замещается юридическим. В эту канву хорошо вписывается переход от медицинской помощи к медицинской услуге, т.е. экономическое измерение медицины рассматривается как определяющее, нивелируя ценностно-смысловое содержание и, таким образом, разрушая морально-психологические основы взаимодействия врача и пациента. Таким образом, можно зафиксировать, что в медицинских отношениях возникает противоречие между солидарным, коллективистским, взаимозависимым характером взаимодействий и конкурентным, индивидуалистическим, ориентированным на автономию.

Развивая концепты логики заботы в медицине, ее сторонники не отвергают необходимости и ценности медицинского выбора, который может и должен совершать пациент (выбор медицинской системы, больницы, врача, типа медицинского вмешательства и т.п.). Это повседневность любого современного общества, в том числе российского, повседневность клинических практик, включающих подписание пациентами протоколов информированного согласия перед официальными действиями врачей в учреждениях биомедицины [Лехциер 2019: 38]. Но эти действия должны быть вписаны в этически понимаемую логику заботы и уважения человеческого достоинства, а не подчинять процесс оказания медицинской помощи экономической целесообразности, навязанную врачу и пациенту современной системой здравоохранения.

В российских дискуссиях, потребность обосновать этически приемлемую модель отношений врача и пациента, которая бы отвечала современным реалиям, отражение конфликта логики солидарности и конкуренции нашла отражение в противопоставлении медицинской помощи и медицинской услуги. Редуцирование медицины к форме экономических отношений

означает отказ от смыслов и норм тысячелетней медицинской этики и деонтологии. Очевидно, что к этому не готовы, прежде всего врачи, и их не устраивает подобное выхолащивание медицинской профессии. В понятие «врач» входит нечто большее, нежели «субъект экономической деятельности». Противопоставить этой тенденции можно обновленные для современной ситуации варианты патернализма, например, разрабатывая и конкретизируя действия врачей в оптике этики заботы, которая на протяжении столетий была моральным выражением врачебной ответственности в российской медицине. Этика заботы не исключает ни выбора пациента, ни его свободного волеизъявления, ни взаимного согласования с врачом медицинских решений. Таким образом, принцип автономии должен быть адаптирован в культурную модель биоэтики как важная составная часть, но без придания ему центрального смыслообразующего значения в регулировании современных отношений в медицине. Биоэтическое образование нацеливает на уважительное отношение к пациенту, которое и в патерналистской модели сохраняет возможность для соблюдения прав пациента, совместного обсуждения стратегии обследования и лечения и не подразумевает антипатернализм.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ В МЕДИЦИНЕ

Т. А. Сидорова¹⁷⁶

Белые халаты в медицине уходят в прошлое. Появление в XIX в. белого халата было связано с революционными изменениями в борьбе с болезнями в связи с открытием антисептики, с развитием инфекционных теорий патогенеза. Утверждают, что Н. И. Пирогов, используя перевязочный материал белого цвета, предварительно рассматривал его под микроскопом. Постепенно белый цвет стал ассоциироваться с этико-нравственными коннотациями, передавал высокий смысл врачебной профессии, говорил о помощи, милосердии, бескорыстии. О. В. Артемьева обращает внимание на то, что «Визуальная семиотика обнаруживает, при внимательном рассмотрении, и свою связь с этикой, отмечая и изучая случаи фиксации культурно значимых моральных норм с помощью образных (наглядных) средств» [Артемьева 2019: 76]. Белый цвет принимался как символ безусловной человеческой солидарности, которая заложена в фундамент медицины. Сегодня в репортажах о достижениях современной высокотехнологичной медицины врачи и ассистенты фигурируют в ином виде, цветовая символика и дизайн профессиональной одежды являются результатом поиска сложносочиненных линий и оттенков, базовый белый отвергнут по функциональным соображениям, и чтобы провести демаркацию с традиционными смыслами медицины. Оцифрованную медицину олицетворяют оттенки нового Hi Tech – мира, они бликуют тонами компьютерных экранов, сообщают о враче нечто иное, нежели белый халат. Пациенту белый халат внушал надежду встретить поддержку и эмоциональное присоединение, дизайнерские оттенки меняют курс на ожидания новых возможностей, технологически обеспеченных чудес исцеления. Эта новая информация о враче, порождающая новую коммуникацию с ним как с техническим специалистом. Меняются визуальные коды медицины, так и средства ее визуализации [Мещерякова 2015: 129]

В эпоху цифровой трансформации в медицине изменение визуальных кодов является символическим воплощением масштабного семантического переключения, преобразующего как внешние институциональные аспекты, так и ее субъектов, проникающего в глубинные основания представлений о болезни и здоровье, изменяющего сложившиеся способы взаимодействия. В анализе таких трансформаций эффективными являются междисциплинарные исследования, трансдисциплинарная стратегия – выходящая за пределы экспертного толкования, например, как это происходит в биоэтике в осмыслении рисков и последствий технологических преобразований в медицине, оправдано использование синтетических методологий, в данном случае семиотического и герменевтического подходов, поскольку они позволяют схватить объекты анализа в их существовании на границах разных эпистемологий, в проблемном воплощении, проникая в разномерные культурные и человеческие среды.

Под цифровой трансформацией медицины понимают системные изменения в сфере заботы о здоровье, которые происходят в результате вне-

дрения современных технологий, базирующихся на цифровых алгоритмах обработки информации, для принятия решений по медицинским вопросам как специалистами, так и пациентами, для управления и организации здравоохранением, для оптимизации коммуникационных процессов, что приводит к созданию телемедицины и для многих других аспектов медицинской деятельности. Иное толкование цифровой трансформации состоит в том, что в отличие от просто изменений, которые приходят с цифровизацией, трансформация обозначает появление принципиально новых элементов и эффектов, которых бы не было без цифровых технологий. Иными словами, если цифровизация – это когда с помощью информационных технологий и компьютеров автоматизируются те процессы, которые уже есть, цифровая трансформация – это когда с помощью новых цифровых технологий возникают процессы, которых без них не существовало в принципе [Гуманитарные аспекты 2022]. Однако, с точки зрения гуманитарного взгляда, технологическая трансформация – не только возникновение нового, инновационность, но и изменения, которые вызывают беспокойство, несут риски для человека и общества. Недаром цифровизация вносит свои коррективы практически во все области человеческой жизни и деятельности. Наступление новой эры в медицине также связывают с возможностями генетической диагностики и формирующейся на её основе 4П медицины [Сидорова 2017: 84]. Конвергенция цифровой и генетизированной медицины обещает изменить до неузнаваемости и здравоохранение, и социальные отношения в широком значении, поскольку жизнедеятельность человека все больше будет сосредоточена на капитализации здоровья.

Благодаря цифровой трансформации уже сегодня происходит реорганизация структур здравоохранения, топос медицины виртуализируется и все больше захватывает жизненное пространство пациента: для встречи с врачом не обязательно приходиться в медицинское учреждение, в телемедицине кабинетом врача становится личный кабинет пациента в сетевом блокчейне хранения медицинской информации; мониторинг состояния пациента происходит с помощью персональных медицинских помощников (ПМП) – удаленных датчиков, передающих в облако данных, где с ней работает система поддержки врачебных решений (СПВР) – искусственный интеллект (ИИ). СПВР генерирует для врача рекомендации как реагировать на поступающую от пациента информацию: продолжать наблюдение, предпринимать экстренные меры, что-то изменить в назначениях. Статусно-ролевые функции врача также трансформируются: в цифровой медицине от врача требуется обладать как глубокими знаниями о патологиях, так и об информационных технологиях, чтобы быть умелым пользователем IT, способным верифицировать «осмысленные» искусственным интеллектом данные [Mesko, Görög 2020]. Пациент тоже меняется, он должен как минимум разбираться в мобильных приложениях, через которые работают персональные медицинские помощники, в кодах медицинских блокчейнов, позволяющих сохранить для пациента возможность самому распоряжаться информацией, а также в том, как обеспечить бесперебойную отправку данных на удаленные мониторирующие серверы. Кроме того, пациент должен оперативно реагировать на сообщения и рекомендации, поступающие от врача или от интеллектуальной системы, что-то предпринимать для контроля за своим состоянием. В конечном итоге, чтобы эффективно использо-

вать открывающиеся возможности персонализированной медицины, максимально учитывающей индивидуальные особенности организма на основе генетического профиля, пациент должен быть готов изменить образ жизни, привычки, перестроить свою жизнь в соответствии с тем, как того требует включенное наблюдение в виртуальной медицине. Субъектность пациента возрастает, медицина становится партисипативной – погружается в частную жизнь человека.

Сегодня цифровизация медицины во многих странах завершает прохождение первой ступени: перевод в цифру электронных медицинских карт и создание МИС (медицинских информационных систем) разного масштаба: от регионов до охвата всей национальной системы здравоохранения. Базисным структурным элементом семиозиса медицины становится электронная медицинская карта. В ней трансформируются врачебные повествования: описание анамнеза, жалоб пациента, рекомендаций по обследованию и лечению, заключение с выставлением диагноза: они предельно лапидарны, алгоритмизированы в соответствии с языками электронных платформ, для которых записи в электронной форме становятся частью баз данных. Перед IT-специалистами стоит задача максимально унифицировать врачебные и пациентские нарративы, формализовать их, так чтобы из первичных электронных документов можно было формировать сети данных для обучения интеллектуальных систем. Разработчики российских цифровых платформ отмечают острую нехватку медицинских данных, необходимых для обучения систем ИИ и создания умных нейросетей для обеспечения максимально полного цикла цифрового сопровождения пациента и врача. Это связано с медленной адаптацией электронных карт, семантическое переключение на формализацию исходного этапа коммуникации врача и пациента, как и других элементов врачебной деятельности не происходит автоматически.

Поток изменений в глазах одних исследователей выглядит как имманентный технологическому прогрессу, с точки зрения других, например, критически настроенных техно-пессимистов, или консервативных биоэтиков, он несет в себе риски и угрозы для человека и общества, которые необходимо прогнозировать, выявлять, обсуждать. Полагаем, что эффекты цифровизации актуализируют проблемы герменевтического характера: опосредованная цифрой связь не просто дистанцирует врача и пациента, цифровой алгоритм заставляет изменить способы понимания, нарративы пациентов, прочтение знаков болезни, редуцируя страдание как личностно выраженную интерпретацию состояния пациента.

Медицину можно рассматривать в качестве культурно-коммуникативного пространства, в котором складываются различные семиотические комплексы, представляющие феномены болезни и здоровья, модели заботы и ухода, подходы к диагностике и лечению, профессию врача, типы отношений врача и пациента, больничные учреждения и системы здравоохранения и др. Семиотический подход широко используется в изучении самых разных феноменов медицины. Следуя мысли С. Аванесова о том, что «семиотическое содержание имеют различного рода культурно-коммуникативные комплексы, функционирующие благодаря своим оптически данным характеристикам; однако, визуальные параметры могут быть выявлены даже и в вербально организованных феноменах и системах» [Аванесов 2014: 12], в медицине выделяются системы моральной регуляции, область отношений

врача и пациента и их субпозиции, на их примере можно зафиксировать появление новых знаков, новых связей, свидетельствующих об изменениях. Герменевтика может быть представлена в экзистенциальном, культурологическом, онтологическом, феноменологическом, так и семиотическом ключе, поэтому применение герменевтического метода в анализе цифровой трансформации предполагает выбор фокусов и локаций, обладающих семантическим потенциалом. История герменевтического и семиотического подходов в медицине дает основание выделять в ней активные фазы и затухание интереса с точки зрения обнаружения эвристического потенциала. Однако в эпоху цифровой трансформации медицины возникает актуализация особого рода, связанная с тем, что «обозначающий» и «понимающий» методы можно использовать для набрасывания альтернативного русла взамен господствующим сегодня логике и языку информационных технологий. Есть риск переписывания медицины на язык, который в значительной степени будет создан ИТ – специалистами, а врач станет оператором интеллектуальных систем сбора и анализа медицинских Big Data. Герменевтика в приложении к семиотике медицины в эпоху перемен важна не для «чтения» текста как системы знаков, а для удержания важных для человека и общества смыслов в семантическом переключении в новой реальности цифровой медицины. Поскольку для достижения понимания необходимо выстраивание диалога, коммуникация, важно фиксировать появление новых обозначений в мире медицины, новых кодификаций, новой структурности, связанных с появлением цифрового опосредования встречи с болезнью и всех форм взаимодействия.

О медицинской семиотике и проблемах понимания болезни в цифровую эпоху

Что происходит в контексте цифровизации с пониманием болезни, ее симптомов, кодификациями болезни в различных системах описания? Для обучения систем искусственного интеллекта, интегрируемых в различные устройства от расшифровки изображений до СПВП, актуальной задачей является адекватный перевод цифровых данных в медицинские значения, из которых складываются картины болезни, тексты патологий и ряды нозологий. Цифровые системы дают возможность расширять языки описания и, одновременно могут редуцировать их до знаковых кодов используемых электронных средств. Происходит семантическое переключение с заменой вербальных кодировок в понимании симптомов на цифровые, выраженные на языке алгоритмов и паттернов персональных медицинских помощников – гаджетов, используемых в целях мониторинга. Для этого нужна формализация врачебного повествования: описание анамнеза и жалоб пациента, рекомендаций по обследованию и лечению, заключений с выставлением диагноза. Опросы пациентов в дистанционном формате предполагают, что на однозначно сформулированные вопросы пациент дает однозначные ответы. ИИ анализирует этот ответ и формулирует решение – подсказку для врача, он может принять ее или отказаться, однако рутинизация такой практики будет вести к изменению врачебного мышления, элиминировать клинический подход, в котором отправной точкой является наблюдение, изучение симптомов как знаков болезни, прочтение патологии в контексте понимания человека как психосоматической целостности.

Медицинская семиотика становится актуальной в контексте цифровой трансформации. Но чтобы не раствориться в редуccionистском варианте формализованных языков описания важно поддерживать герменевтическую функцию в понимании знаков и значений цифровой семиотики, т.е. не терять из виду того, что эти знаки принадлежат индивидуальному гипертексту человеческой личности. Здесь уместно вновь вспомнить слова Г. Лейбница о том, что «Никто не должен бояться, что наблюдение над знаками уведет нас от вещей; напротив, оно приводит нас к сущности вещей».

Медицинская семиотика существует издавна как искусство и научно-обоснованный метод распознавания и кодификации знаков болезни. С этой точки зрения всю систему медицинского знания можно представить как совокупность знаков и значений, как особый язык, включающий свой лексический состав – свою терминологию и свою грамматику – разного рода медицинские теории. Изначально семиотика развивается как знание о симптомах, симптомология. Не напрасно, исследователи, отмечая родство симптомов и знаков, в семиотическом анализе используют понятия симптом, анамнез, диагноз в качестве знаков в изучении иных, немедицинских социальных процессов [Мелик-Гайказян 2019: 181]. Одновременно исторически фиксируется связь семиотического, т.е. знакового прочтения болезни и интерпретации, опираясь на индивидуальный и культурный контекст. В греческом смысле слова «семиотика» рассматривалась как симптоматология. Лишь намного позднее наука о знаках стала ассоциироваться с естественным языком. На протяжении многих столетий семиология выступает важнейшим компонентом медицинской науки, а симптоматология – неотъемлемой частью клинической семиотики. На основе трудов Гиппократ и Галена обнаруживается, что семиотика возникает из стремления осознания природы происхождения и взаимодействия между телом и сознанием внутри широкого культурного контекста [Найман 2014: 473–475].

Знаки болезни могут быть прочитаны на языке конвенциональной научной медицины и языках народной и традиционной медицины, интерпретированы врачом, пациентом и окружающими. Применение герменевтического метода в медицинской антропологии и нарратологии учитывало культурно выраженное личностное переживание болезни как состояния страдания, которое является уникальным и нуждается в переводе в знаковую систему помогающего Другого, им мог быть врач, близкий, тот, кто стремился помочь, а значит с пониманием и сочувствием относился к больному. Здесь буквально понимание становилось формой не просто интеллектуального постижения – прочтения «текста» болезни в оптике знания, а интерпретацией переживаний страдающего Другого, эмпатией, формой эмоционального сопереживания и мотивом заботы – деятельностного понимания. С другой стороны, забота о здоровье, борьба с болезнью может быть рассмотрена как система обмена информацией, многослойная и многосоставная коммуникация с использованием разных способов обозначения состояний, выражения солидарности, способов фиксации знаний и их передачи. «Примером значения в семантике служит симптом болезни; значения, получаемые в синтаксическом расположении симптомов, подобны проявлению болезни, а значения в прагматике аналогичны постановке диагноза болезни. <...> Эти типы переносов и направления развития знаков образуют структуру коммуникаций в социокультурных системах или, говоря совре-

менным языком, образуют каналы семиотических трансляций в пространстве коммуникаций» [Горбулева и др. 42]. В медицине всегда существуют герменевтические проблемы, проблемы перевода, означающего (причины болезни, симптомы) в знаковую систему (описания болезни как процесса, нарушающего нормальное состояние организма и жизнь индивида), проблемы взаимного понимания разных языков описания. «Недостаточно установить отношение «знак – объект». Принципиально важно обнаружить тот поворот, который осуществляется в естественном языке и превращает объектно-ориентированное знание в знание личностно-ориентированное. Поэтому каждое состояние организма в норме и патологии переживается человеком как фундаментальное семантическое (герменевтическое) явление, т.е. такое явление, которое для своего понимания требует «толкования». Симптом приобретает личностный смысл – становится запросом, адресованным другому человеку, а совокупность симптомов (синдром) превращается в текст, требующий прочтения» [Тищенко, web]. В коммуникативной плоскости проблемы понимания возникают, когда рассказ пациента о симптомах, данные непосредственного наблюдения адекватно переводится врачом в текст профессионального медицинского описания. В цифровой медицине, особенно в дистанционном формате телемедицины общение врача и пациента стремится к тому, чтобы пациент описывал свое страдание через ответы на тестовые вопросы. Рассказ пациента формируется сначала под нозологическую картину, а затем еще и под ее оцифрованный формат. Так медицина становится более точной, чтобы врач в дальнейшем мог действовать по протоколу доказательной медицины, индивидуально ориентированной, но из нее уходит понятие клинической картины, т.е. картины болезни, наблюдаемой врачом по признакам, которые демонстрирует сам пациент. Визуальная семиотика болезни репрезентируется врачу после машинной интеллектуальной обработки или замещается формализованным вариантом, предлагаемым цифровым алгоритмом для описания данного индивидуального случая. Однако нарративы пациентов сложно поддаются унификации, так же как в разработке интеллектуальных систем обработки изображений на сегодня IT-специалисты пока не приблизились к созданию надежных алгоритмов [Морозов и др. 2020: 22].

Научная медицина становится таковой благодаря выработке единой номенклатуры болезней – нозологий, унификации латинизированных названий симптомов, синдромов, паттернов и других единиц профессионального языка. Одновременно язык научной медицины теряет связь с метафорическими обозначениями болезней и мифологическим пониманием причин их вызывающих. Как показал Е. А. Найман, в историческом выборе семиотика пошла по пути логико-рационалистической знаковой модели, ведущей происхождение от стоиков и Аристотеля. Утрачивается возможность стать универсальным способом научной методологии, происходит отказ от более раннего подхода к пониманию знаков и значений в ключе медицинской симптомологии, вышедшей из экспериментально-биологического толкования патологий, восходящий к Гиппократу, а позднее, и к александрийскому врачу Эрасистрату (310-250 до н. э.), анатому Герофилу (335-250 до н. э.) и врачу-эпикурейцу Асклепиаду (130 до н. э.). Как указывает автор, в XX веке приходит осознание связи между общей теорией знака и медицинской практикой в трудах М. Фуко, Р. Барта. В теории К. Бюллера

и Т. Себеока звучала прямая апелляция к тому, что в основу науки о знаках должна быть положена генетически запрограммированная система телесных симптомов, а интерпретация – стать существенной для семиотического анализа вообще. [Найман 2014: 475]. Однако, с развитием медицины в русле новоевропейского рационалистического научного метода в обозначении болезней преобладает формализующая терминологическая трактовка знака, манифестирующего себя в названии нозологии. Становясь наукой в своей нозологической форме, медицина отдаляется от понимания ее как искусства, от искусных, т.е. основанных не только на кодифицированном научном знании, но на разнообразной интерпретации, практик в нахождении причин, вызывающих болезнь и путей выздоровления человека. Полагаем, что цифровая трансформация находится в точке дивергенции: может произойти углубление разрыва знаковых систем нозологий от симптоматики живого страдающего тела или генетезированная персонализация индивидуально понимаемого страдания будет успешно реализована в знаковые системы медицинских Big Data и существенно повысит шансы на избавление от болезней. Учитывая, что «генерация информации совпадает с так называемой точкой бифуркации» [Мелик-Гайказян 2019: 179], накопление биомедицинских данных в информационных системах может детерминировать системные изменения в медицине.

Герменевтический метод в медицине

Герменевтический подход к понятию «симптом» проанализирован в совместной работе Bugon и Mary-Jo Delvecchio Good [Good 1981]. Медицинскую семиотику стали рассматривать как часть общей семиотики, обнаруживая через интерпретацию знаков смысл болезни [Nessa 1996]. В современной медицине под влиянием тренда генетизации в поисках коррелятов заболеваний погружаются вглубь человеческой телесности на уровень генов, это приводит к расширению сферы означаемого в симптоматике, а в притязаниях предикативной медицины, нацеленной на упреждающее выявление самой возможности заболеть, происходит инверсия знака и означаемого: генетическая мутация становится знаком до проявления каких-либо наглядно фиксируемых симптомов. В медицинской семиотике сегодня возникает направленность на то, чтобы включать в сферу означаемого не только телесные, биологические симптомы, но и другие способы восприятия болезни пациентами [Kugelmann 2003] [Winn 2019].

В герменевтическом аспекте проблема «понимающего» прочтения знака болезни может быть представлена как эпистемический конфликт, объективно присутствующий в познании. «Герменевтический подход начинается именно с того, что утверждается принципиальная невозможность совпадения отображаемого в мире слов и порядка вещей и более того, в этом несовпадении обнаруживается особый смысл. Язык представляет собой суверенную реальность, которая обладает своей рациональностью, особой функцией, невыводимой из функции «отражения». Особенности же научного клинического мышления состоят в том, что симптом – это лишь проявление лежащей в его основании биологической реальности, причины и следствия болезни также локализуются на биологическом уровне, закономерности сочетания симптомов объясняются при помощи биохимических, иммунологических и др. моделей» [Тищенко, web]. Само истолкование бо-

лезни и здоровья имеет относительную природу. Причем эта относительность вызывает несоответствие интерпретаций и понимания, нахождения адекватных решений не только в эпистемических целях, а в первую очередь, для отражения фактического состояния пациента. Далее она продолжается в сфере взаимодействия врача и пациента, находит свое выражение на социальных уровнях легитимации состояний человека и запечатлевается в этнической и культурной обусловленности понимания здоровья и болезни. Представители различных социальных групп могут по-разному относиться к одним и тем же болезням, осознавать и выражать отношение к возникшему заболеванию. Попытка учитывать всю эту многослойную систему обозначений и ввести культуроспецифичную репрезентацию страдания в мир научной медицины может стать шансом для цифровой медицины с ее возможностями накапливать огромные массивы данных, открывая личные кабинеты для индивидуальных историй болезни.

Герменевтический подход скрепляет объективированную историю болезни как систему знаков и ее воплощение в живом индивиде, с которым имеет дело медицинский работник. Толкование и понимание, как основа герменевтики, важны для обучения, для развития медицинской культуры в обществе, для соблюдения этико-деонтологических норм в медицине.

Семантические трансформации в этосе медицины

В пространстве где информация перетекает в коммуникацию формируется этос с соответствующими правилами, фиксирующими целеориентирующие смыслы взаимодействий субъектов медицины, усиливается субъектность врача и пациента.

В цифровую эпоху возникают феномены «гибридной информации», из которой истиной будет то, во что верит автор нарратива и только рамки дискурса являются верификатором. В медицине так непосредственно соприкасаются объективное и субъективное, феноменальное и фактическое, визуальное и невидимое, нозологическое и органическое. Пациент чувствует боль, но его чувство должно пройти ступени интерпретаций до того, чтобы быть прочитано как болезнь и легитимировано для медицинского воздействия, которое одновременно является и социальным воздействием – применением различных систем социального признания и нормирования: какие лекарства допустимо использовать в клинике, будут ли они доступны, отнесены к жизненно необходимым, включены ли в льготную категорию и т.д. Поэтому так важны в медицинском мире процедуры, направленные на установление взаимного понимания, нормы медицинской этики, устанавливающие пределы интерпретаций – допустимых действий в отношении врача и пациента. Цифровая трансформация, порождает не только принципиально новые способы прочтения текста болезни и принятия врачебных решений, но и по-новому организует коммуникативное пространство, актуализируя действие автономизирующих норм, трансформируя субъектность врача и пациента, передавая ответственность цифровому заместителю: искусственному интеллекту, медицинской информационной системе, мониторирующим персональным медицинским помощникам. Взаимодействия врача и пациента осуществляются в логике автономного потребительского выбора, происходит переключение смысла медицины от понимания ее

семиозиса в качестве солидарной помощи, основанной на моральных категориях – взаимного доверия и ответственности, к услуге, акцент в данном случае ставится на экономической интерпретации отношений врача и пациента. Субъектность пациента и врача в этих координатах определяется не личностной ценностью, а тем, что они презентируют свой экономически окрашенный интерес.

Заключение

В дописьменную эпоху знание передавалось в коллективной форме, было «закреплено» за ролевыми функциями. Предметы в своем визуальном воплощении выступали знаками, источниками информации. Письменная и особенно печатная традиция закрепляет господство знака – буквы и книжного текста в передаче информации. Ретрансляция порождает дополнительное знание – семантику междустрочия. Язык обретает власть, превращается в дискурс. Дискурс передает знание – информацию, возникает интерсубъективное пространство междуречия. Информационная культура переносит знание в компьютер, распределяет в сети между виртуальными участниками. Длинные тексты постепенно элиминируются. Информация передается короткими сообщениями [Журавлев, Нестик 2019: 37]. Информация обретает черты субъектности, изменяется значение человека.

Пациент через рассказ создавал лингвопроекцию своей болезни. Цифровая лингвопроекция будет презентировать сообщения технического устройства, заменяя текст самовыражения. Есть разница в том, чтобы рассказать о своей болезни и выбрать опции, информирующие врача или интеллектуальную систему о своем состоянии. Боль определяется по опроснику: характер, интенсивность, периодичность и т.д. Изменяется понимание симптома как знака страдания, он становится совокупностью знаков описаний, заложенных в программный алгоритм.

Цифровая трансформация – мощный семантический переключатель, он повествует, сигнализирует, становится символом новых отношений врача и пациента. Важно, чтобы углубление автономии пациента не исключала необходимость врачебной заботы, это будет означать, что медицина становится частью информационных технологий, а не наоборот, ИТ – средством для углубления человекомерного характера медицины как солидарной помощи человека человеку.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КЛИНИЧЕСКИХ ИСПЫТАНИЙ ВАКЦИН ПРОТИВ COVID-19

Т. А. Сидорова¹⁷⁷

В январе 2022 года в Новосибирске в ГНЦ вирусологии и биотехнологий «Вектор» состоялся Круглый стол «Этические аспекты разработки вакцин и проведения вакцинации против COVID-19». Основу обсуждения сложнейших дилемм, возникающих в ситуации пандемии, составили выступления аспирантов, к мероприятию подключились специалисты по биоэтике, представители гуманитарного знания. Молодые ученые рассматривали актуальные и исторические примеры разработки вакцин, нормативные документы Качественной клинической практики (GCP), согласно которым должны проводиться исследования с участием человека, в том числе с привлечением детей как уязвимой группы. Ведущей темой для обсуждения стал международный и российский опыт испытания вакцин против COVID-19, в частности подробно проанализирован ход испытаний вакцины ЭпиВакКорона, разработанной в «Векторе». Этические аспекты проведения вакцинации населения были представлены в фокусе противоборства сторонников и противников вакцинации, прослежено влияние карантинных ограничений на то, как складываются отношения государства как субъекта противоэпидемических мероприятий и населения, доверие которого является базовым условием для успешного преодоления пандемии с помощью иммунопрофилактики. ГНЦ ВБ «Вектор» оказался на переднем крае борьбы с инфекцией. Здесь была разработана первая в России тест система для определения нового коронавируса, зарегистрированная 11 февраля 2020 г., ровно за месяц до того, как ВОЗ объявит вспышку нового типа коронавируса пандемией. Состоявшееся обсуждение было востребовано не только с точки зрения прояснения важности профессиональной и корпоративной ответственности в сложных условиях мобилизации усилий для оперативной разработки и внедрения новых биотехнологических продуктов против COVID-19. Существенное значение имел анализ нелицеприятных слухов и критики вокруг разработки российских вакцин, которые стали частью инфодемии [Общество и пандемия 2020: 518]. Памятен был эпизод во время III фазы клинических исследований ЭпиВакКороны, когда участники обратились с открытым письмом в Министерство здравоохранения Российской Федерации, Росздравнадзор и в центр «Вектор», с просьбой объяснить, почему более, чем у половины добровольцев отсутствовали антитела к вирусу SARS-Cov-2, при этом в самом «Векторе» ранее сообщалось, что антитела выработались в 100 % случаях [Гончарова 2021: 38].

Этика исследований начинается с истории экспериментальной деятельности в биомедицине, которая, с одной стороны, изобилует примерами злоупотреблений, преступлений, проявлений недобросовестных и неоправданных с точки зрения этики практик, а с другой, она представляет собой поиск надежных регуляторов, тех норм и правил, разрешающих объективно присутствующие в биомедицинской науке противоречия. Институты науч-

---

¹⁷⁷ © Сидорова Т. А. 2023

ного и этического регулирования фундированы на нормах Нюрнбергского кодекса и положениях Хельсинской декларации. За последние десятилетия этическая экспертиза клинических исследований (КИ) превратилась в отлаженный механизм, способный поставить надежные барьеры на пути злоупотреблений и нарушений этических требований, он обеспечивает достоверность научных данных, безопасность и эффективность разрабатываемых препаратов, защищает испытуемых. В период пандемии COVID-19 возникла необходимость проведения широкомасштабных исследований. По своему охвату и интенсивности им не было равных в истории. Они коснулись таких разделов, как эпидемиология инфекционного процесса, профилактические мероприятия, антивирусная терапия, терапия пневмонического процесса и методов интенсивной терапии, а также апробации вакцин нового поколения. С этических позиций возник целый ряд конфликтов, которые достаточно широко обсуждались не только профессиональным научным и врачебным сообществом, но и широкой общественностью [Чучалин 2021: 641]. Этические конфликты вокруг разработки, испытания, регистрации вакцин тоже стали беспрецедентными. Механизм регулирования клинических исследований оказался в кризисном положении, вследствие экстренного изменения правил, предпринятого для того, чтобы ускорить испытание вакцин, запустить их в производство и начать массовую вакцинацию населения. Экстремальный режим ситуации заставляет менять акценты в требованиях различных систем регулирования. Поэтому парадигмальным является вопрос о пределах допустимых изменений, и необходимости их обоснования. Этически уязвимые ситуации возникли в связи со стремлением стран и компаний-разработчиков в максимально короткие сроки предоставить вакцины для защиты населения и быть первыми. Дух конкуренции, порождённый уже не только экономической состязательностью, превратил разработку вакцин в социально-политическую проблему, информационное давление испытывали все разработчики. В этой ситуации приверженность в соблюдении правил стала камнем преткновения: ускоренный режим заставлял всех участников конкурентной гонки в той или иной мере отступать от правил, но выигрывали те, кто демонстрировал приверженность и в случае необходимости отступал от них, опять же в предусмотренном порядке, с надлежащими обоснованиями. Этическое регулирование в обстоятельствах пандемии продемонстрировало уязвимость прикладной этики, когда представление о благе оказалось подмененным соблюдением правил, и в таком случае правыми оказываются те, кто эти правила создает или меняет их.

В разработке вакцин, направленных на профилактику инфекционных заболеваний с этической точки зрения наиболее узким местом принято считать этапы испытания и внедрения новых вакцин в здравоохранительную практику. Обычно вакцины проходят многолетние исследования и должны соблюдать строгие стандарты безопасности и эффективности. Процесс разработки и исследования вакцин осуществляется с участием множества экспертов, обязательно проводится экспертиза и мониторинг хода испытаний со стороны этического комитета.

Неизбежный моральный конфликт в научных исследованиях с участием человека связан с противоречием блага конкретного пациента и блага общества от получения новых научных данных. Конкретно, при разработке и апробации новых вакцин всегда решались две задачи, зачастую противо-

речащие друг другу: получение достоверных сведений об эффективности и безопасности вакцины и защита здоровья и жизни участников клинического эксперимента [Зорин, Гуревич 2021: 35] Правила и, основанные на них стандарты безопасности, проведение этической экспертизы, установленные при клинических исследованиях вакцин, чаще всего, более сложны, чем при исследовании других медицинских препаратов. [Кубарь 2018]. Этическое регулирование определяет грань между этически оправданным, дозволительным экспериментированием на людях и необходимым научно-исследовательским процессом. Чем актуальнее задача общественного благополучия, тем легче санкционируются жертвы, принесенные на алтарь науки. В ситуации пандемии было необходимо перейти на ускоренную модель регистрации разработанных вакцин. Как ВОЗ, так и отдельные страны, такие как Россия, Китай, США, Европейский союз приняли программы и стратегии для скорейшей разработки и введения в оборот вакцин против инфекции, уносившей сотни тысяч жизней по всему миру. Генеральный директор ВОЗ Т. А. Гебреисус на Симпозиуме по вакцинам и глобальному здоровью 23 февраля 2021 г. сказал о том, что разработка и одобрение безопасных и эффективных вакцин менее чем через год после появления нового вируса стала невероятным научным достижением. «Я хотел бы воздать должное исследователям, участникам испытаний и частно-государственным партнерствам, которые сделали это возможным. Молниеносная скорость разработки вакцин против COVID-19 не случайна. Фактически, на создание этого ушли бы годы» [ВОЗ 2021]. Большая часть фундаментальных научных исследований, лежащих в основе этих вакцин, была сделана много лет назад в рамках поиска вакцины против ВИЧ. По мнению ВОЗ, часть истории вакцин против COVID-19 восходит к вспышке вируса Эбола в Западной Африке в 2014-2016 годах. ВОЗ запустила Ускоритель доступа к инструментам борьбы с COVID-19: «У Ускорителя АСТ было две цели: способствовать быстрой разработке вакцин, средств диагностики и лечения COVID-19 и справедливо их распространять» [ВОЗ 2021]

Испытания и регистрация вакцин против COVID-19 в контексте этических принципов КИ

Основные этические принципы клинических исследований, на которые ориентируются сегодня международные и национальные стандарты были сформулированы в 1979 году в Бальмонтском докладе Национальной комиссией США по защите прав участников исследований, этому предшествовали расследования злоупотреблений в биомедицинской экспериментальной деятельности. В документе сформулированы три основополагающих этических принципа проведения исследований: уважение личности, ее автономии; «сделай максимальной возможную пользу и минимальным возможным вред»; справедливость – необходимость избегать эксплуатации испытуемых и обеспечивать справедливое распределение рисков и благ, приходящих от исследования.

Соблюдение принципа уважения к личности требует от исследователя обеспечения добровольности участия в исследовании. Это достигается в процедуре выражения информированного добровольного согласия (ИДС), позволяя потенциальному участнику или его законному представителю,

получить всю необходимую информацию об исследовании и принять обдуманное решение [Кубарь и др. 2021; Кубарь 2001]. Процедура предполагает разработку надлежащей формы информированного согласия участника, устанавливает обязанность исследователя получить письменное согласие участника до начала исследования. Информированное согласие считается правильно полученным, только если потенциальный участник имел возможность сделать свободный выбор, был адекватно информирован и понимал представленную информацию. Журналисты, отслеживающие ход разработки антиковидных вакцин в разных странах, сравнивали как много информации предоставляется добровольцам, и обращали внимание на то, что испытуемые в Институте им Н. Ф. Гамалеи получали информацию не столь подробную по сравнению с теми, кто стал участником испытаний вакцины Moderna в США [Дьяконова, Рейтер 2022]. Еще в Нюрнбергском кодексе было сформулировано требование, согласно которому испытуемому представляется возможность выйти из эксперимента на любой его стадии, реализация этой нормы сегодня становится частью процедуры ИДС. Дополнительное напоминание об этом праве «не выгодно» исследователю. Когда включенные добровольцы начинают выходить из исследования вакцин, в том числе реагируя на информационный шум, сопровождающий испытания, недоверие к вакцине еще на стадии разработки может только возрасти [Дьяконова, Воронин 2022].

Важным условием соблюдения принципа уважения к личности является адекватная защита частной информации и конфиденциальных сведений, полученных как в ходе исследования, так и после его завершения. Авторитетный журнал *British Medical Journal* сообщил, что во время клинических испытаний вакцины Pfizer от коронавируса нового типа нарушались нормы обращения с конфиденциальной информацией об участниках, раскрывались личности добровольцев, указывалось на факты фальсификации данных, когда скрывались негативные побочные эффекты: «Одна из региональных руководителей компании *Ventavia Research Group*, участвовавшей в проведении клинических испытаний вакцины Pfizer, сообщила *BMJ* о том, что компания фальсифицировала данные, раскрывала личности пациентов, недостаточно качественно обучала персонал, проводивший вакцинацию, а также не торопилась сообщать о побочных эффектах, которые возникали в ходе третьей фазы испытаний» [Thacker 2021]. В *BMJ* отметили, что начали расследование после того, как с редакцией связалась Брук Джексон – бывший региональный руководитель компании *Ventavia Research Group*. Эта компания помогала Pfizer проводить клинические испытания вакцины. Джексон рассказала, что ее уволили в сентябре 2020 года после того, как она неоднократно сообщала в головное отделение компании о нарушениях во время клинических испытаний.

Эти проблемы, по словам Джексон, заставляли руководство компании опасаться проверок со стороны американского Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) и других регулирующих органов. В результате данные испытаний периодически фальсифицировались и часть информации скрывалась. По сведениям, эта ситуация сохранилась и после увольнения Джексон [Thacker 2021].

В ситуации получения информированного согласия за некомпетентных лиц, или представителей уязвимых групп, в первую очередь детей, возника-

ют дополнительные требования [Мещерякова, Герасимова 2020]. Сегодня в международной практике этического регулирования суррогатное согласие, выраженное компетентным законным представителем, рекомендуется называть заместительным разрешением. Лексическое уточнение подчеркивает значение, придаваемое аспекту добровольности при принятии решения, которое может быть сделано только самой личностью. Правила исследований с привлечением уязвимых требуют нести пользу испытуемому, иметь минимальный риск, предварительно они должны быть проведены на здоровых (взрослых). Используется понятие «возрастная деэскалация», означающее, что испытания I и II фазы проводятся сначала на взрослых, и только затем на детях старшего возраста и, наконец, на целевой возрастной группе. В ситуации проведения КИ вакцин при широкой трактовке уязвимости, сложно для рандомизированных исследований найти тех, кто по тому или иному признаку не будет отнесен к уязвимым. Таким образом, правила должны всякий раз уточнять и расширять перечни признаков уязвимости.

Приверженность принципу справедливости требует проявлять повышенную бдительность в отношении испытаний вакцины среди детей в развивающихся странах, поскольку они становятся гораздо более уязвимыми из-за бедности, низкого уровня развития и распространенности болезней. Нужно отметить, что широкомасштабные испытания в ситуации нынешней пандемии не переместились в зоны «бедного юга», поскольку вакцины нужны были населению стран-разработчиков. Но нужно ожидать такого перемещения при разработке вакцин для детей. Принцип справедливости распределения требует, чтобы польза и бремя исследования были справедливо распределены между всеми группами вне зависимости от возраста, пола, принадлежности к определенной социально-экономической группе, географического расположения или расы. При этом исследуемая популяция должна в наибольшей степени отражать популяцию, для которой предназначена разрабатываемая вакцина. Другой аспект справедливости в контексте борьбы с COVID-19, касается достижения равновесия между альтруистическими и эгоистическими мотивами индивидов, интересы которых существующие правила объявляют приоритетными. Расценивая научно-экспериментальную деятельность с позиции справедливости, как весомое общественное благо, нужно понимать, что всякий человек, принимая участие в медицинском исследовании, вносит свой вклад в развитие медицины, и поскольку, сам пользуется ее благами, он должен принимать участие в разделении общего бремени, возлагаемого наукой на общество [Harris 2005].

Для того чтобы комплексно оценить пользу клинических исследований вводится понятие «приемлемое соотношение риск / польза». Оценка соотношения между пользой и риском обычно начинается с разделения всех процедур исследования на две группы: терапевтические, приносящие потенциальную пользу, и направленные на получение ответа на исследовательский вопрос – нетерапевтические.

Принципиальным различием между клиническими исследованиями лекарственных средств и вакцин является вероятность получения прямой пользы от исследования, поскольку участники находятся в зоне риска заражения вирусом, вызывающим COVID-19. При разработке вакцины Спутник V, сотрудники Института им. Н. Ф. Гамалеи стали первыми добровольцами: «Что касается разработчиков – да, они не столько на себе испытывают,

сколько себя защитили, для того чтобы в условиях пандемии дальше они могли заниматься разработкой <...>. Все, кто занимается разработкой, соответственно, все защищены», – сказал академик А. Гинцбург в интервью агентству Interfax [Вакцина 2022]. На фоне этой новости выступила «Ассоциация организаций по клиническим исследованиям» (АОКИ), эксперты которой посчитали случай испытания вакцины в Центре Гамалеи «этическим нарушением». Они заявили, что российские учёные включились в «безумную гонку, желая угодить верховной власти». АОКИ отправила открытое обращение на имя министра здравоохранения Михаила Мурашко по поводу «неофициальных испытаний» вакцины против COVID-19, так как «речь идет о грубом нарушении самых основ проведения клинических исследований, российского законодательства и общепризнанных международных норм» [Вестник 2022]. Как стало известно экспертам АОКИ, для проведения испытания антиковидной вакцины на сотрудниках Центра Гамалеи не было получено разрешения Минздрава России на проведение клинического исследования, а также не было результатов экспертизы документов и собственно этической экспертизы. Те же сотрудники Центра Гамалеи, на которых исследовалась эффективность вакцины, не получили информированного извещения о сути проводимых на них исследований и рисках для их здоровья [Гуляева, Трикоз 2022].

Проблема плацебо

По мере расширения опыта создания вакцин против COVID-19, когда спадает напряжение первоначального импульса, который оправдывал ускоренную разработку и регистрацию, чтобы защитить самых уязвимых, ученые продолжают исследования, тем более что возникают угрозы новых модификаций вируса. В этот момент с новой силой встает вопрос о том, нужно ли проводить плацебо контролируемые исследования. Эффект плацебо, с одной стороны, дает возможность удостовериться в эффективности действия вакцины по сравнению с применением имитирующей субстанции, с другой, участники, получающие плацебо не будут защищены. В июне 2020 года глобальные регуляторные органы (ICMRA, EMA, FDA) достигли консенсуса в отношении требований к третьей фазе клинических испытаний вакцины, в которую привлекается большое количество субъектов: они должны быть рандомизированными, двойными слепыми и контролироваться плацебо или активными препаратами сравнения. В сентябре ВОЗ рекомендовала: «Испытания эффективности фазы IIВ/III должны быть рандомизированными, двойными слепыми и плацебо-контролируемыми» [WHO 2021]. С тех пор во всем мире было разрешено несколько вакцин против COVID-19 на основе промежуточных результатов основных плацебо-контролируемых испытаний эффективности. Но уже в декабре 2020 года группа экспертов ВОЗ рекомендовала, чтобы плацебо-контрольные группы испытаний вакцины против COVID-19 постепенно демонтировались по мере того, как разрешенные вакцины становятся доступными в сообществе, начиная с приоритетных групп. Исследовательская группа должна сообщить участнику, что он имеет право на получение разрешенной вакцины. Участники могут принять решение о получении вакцины в любой момент испытания, тем самым утрачивается изначальный смысл слепой рандомизации. Таким образом достигается этически оправданная цель, приносить пользу испытуемому, тем не менее,

отступление вызывает вопросы с точки зрения соответствия установленным и подтвержденным в результате согласований правилам. Хельсинская декларация допускает возможность проведения плацебо-контролируемых КИ в случаях, когда убедительные научные данные требуют использования плацебо в группе сравнения, но при условии, что участники КИ в результате не подвергнутся какому-либо риску существенного вреда, и чтобы принимались исключительные меры против возможного злоупотребления плацебо-контролем [Власов 2011: 750]. Участники, отнесенные к контрольной группе и получившие плацебо, по завершению исследования должны иметь возможность получить наиболее успешную применяемую вакцину. Аналогичным образом, все участники, у которых после вакцинации не выработался защитный титр антител, должны иметь возможность получить дополнительные дозы вакцины по завершении исследования. Компромиссным вариантом в итоге является рекомендация нецелесообразности проведения плацебо-контролируемого испытания прототипов вакцины, модифицированных вакцин или вакцин следующего поколения. Одновременно дается рекомендация: «Плацебо-контролируемые испытания с участием прототипов вакцин могут быть этичными, если дизайн испытаний поддерживается национальным регулирующим органом, руководящим комитетом по исследовательской этике и принимающим сообществом» [WHO 2021]. Т.е. надлежащее обоснование морального сообщества и ее полномочного представителя этического комитета могут сохранить испытания с использованием плацебо. Исследователям рекомендуется информировать участников об их праве на снятие ослепления, когда участники соответствуют местным программным критериям приемлемости вакцины, посредством документации об информированном согласии, а также разработать соответствующую документацию исследования, такую как стандартные операционные процедуры, для раскрытия ослепления [WHO 2021].

Заключение

Пандемия обострила противоречия, заставившие в который раз обратить внимание на трансдисциплинарный характер современной биомедицинской науки. Научные стандарты сегодня не рассматриваются в качестве единственных регуляторов, гарантирующих принятие обществом биотехнологических разработок. Системы этического регулирования, встроенные в институты науки призваны удостоверять, что импликации научно-технического прогресса обернутся социальными благами. В механизмах регулирования КИ напомнили о себе уязвимые места, связанные, с противоречиями универсального и «направленного» регулирования, ориентированного на удовлетворение интересов групп, стран или компаний, обозначилось противоречие между стандартизированным и подлинно этическим контролем, ориентированным на нравственно обоснованные цели. Борьба с коронавирусной инфекцией, меры, которые принимались и принимаются сегодня для предотвращения заражения, в обществе встречаются неоднозначно. До предела обострились противоречия между представлениями о том, как должны обеспечиваться права и свободы граждан [Тищенко 2020]. Это усугубляет кризис доверия к институтам власти, и, к сожалению, к науке: к научным данным, к ученым, к исследовательским организациям, к

надежности и безопасности тех сведений и тех продуктов, которые разрабатываются и предлагаются населению.

Сегодня нужно учитывать принципиально новые обстоятельства, связанные с тем, что наука функционирует в открытом информационном пространстве и кризисные явления в этическом регулировании требуют широко осмысления, выходя за рамки корпоративного круга. Открытое обсуждение с точки зрения биоэтики, является необходимым звеном поиска и обоснования представления о том, что можно считать приемлемым, какие изменения будут приняты в качестве нормы. В актах такого открытого обсуждения формулируются этические вопросы, они проецируются не просто в плоскости внутринаучных или институциональных проблем здравоохранения, но в широком контексте социальных проблем, в том виде как они затрагивают значимые ценности, ставят вопрос о том, насколько уважается достоинство человека, обеспечивается возможность взаимного понимания ученых и общественности, обеспечивается возможность для самого ученого быть приверженным ценностям науки.

ЧЕЛОВЕК В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ: К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПЕРТИЗЕ В МЕДИЦИНЕ

Н. А. Синюкова¹⁷⁸

Несмотря на длительность попыток и поисков человеком ответов о самом себе, вопрос этот никогда не устареет: как нам приблизиться к пониманию самих себя, своей нормы и границ, своего места в мире? Человек знает о себе гораздо меньше, чем предполагает. Неполнота его знаний о самом себе порождает новые вызовы в ситуации, когда границы между знанием и незнанием меняются ежедневно. В научных исследованиях, предметная область которых выстраивается в пограничных областях человеческого существования, где граница между естественным и искусственным, живым и мертвым, человеком и изделием все более перестает быть привычной и устойчивой, постоянно и под разным углом зрения ставится вопрос о том, кто есть человек и как возможно его познание?

Необходимость пересмотра привычных парадигм понимания человека, включая и принятые ранее способы его познания, особенно актуальна для современной ситуации в медицинской науке и практиках оказания медицинской помощи. В результате прогресса научных медицинских знаний, совершенствования технологий медицина нарастила потенциал для оказания ранее немислимой помощи в диагностике, лечении и предотвращении заболеваний, продления жизни человека, улучшения ее качества. Но в то же время, для современной медицины характерны принципиальные сдвиги, смещение акцента в процессе оказания медицинской помощи на его аппаратную, медикаментозную, сугубо техническую составляющую, в следствии которого процесс оказания медицинской помощи человеку все более стандартизируется. Понимание медицинских процедур как сугубо «куративных» манипуляций по внешнему воздействию, сводится к действию либо умного медицинского прибора, либо «умной» таблетки. Но дело в том, что и врач, и пациент при таком подходе к процессу лечения не вполне могут рассматриваться не столько как носители изменений в процессе управления исцелением, сколько как носители двух разных функций в рамках установленных в медицине стандартов лечения.

Возможности процесса оказания медицинской помощи при отсутствии в них умного средства в современной медицине практически приравниваются к «примитивным», даже там и тогда, где всякий прибор лишний. Сам же процесс оказания медицинской помощи с использованием все более дорогостоящих инновационных средств, технологий и техники выстраивается по рыночным моделям, ориентированным на достижение коммерческой эффективности, быстрого и контролируемого результата. Медицинская помощь в современном обществе превращена в коммерческую услугу, цель которой связывается с обеспечением экономической эффективности. Поэтому пациент все чаще рассматривается как потребитель медицинских услуг, как средство получения прибыли [Maio 2014]. Но такое отношение к человеку провоцирует практики, при которых медицина постепенно утрачивает ха-

рактика социальной помощи человеку, признаки практики заботы о здоровье и жизни человека, все более приобретает формы индустрии по «поставке» здоровья, инструментальной практики, направленной уже не столько на восстановление утраченного здоровья, сколько на его безграничное улучшение и оптимизацию техническими устройствами, «протезами».

Будущее развитие человека и общества в новом технологическом укладе жизни, как представляется, связано не только с установкой на конечное потребление готовых средств и технологий управления здоровьем человека, но прежде всего и главным образом с тем, как человек сам справляется с ситуацией болезни (то есть, патологии), и какие механизмы по оказанию помощи для возвращения человека в норму вырабатываются в обществе. Но для этого прежде всего требуется понимание того, где проходит граница между нормой и патологией, и что происходит с человеком, оказавшимся в критической, пограничной ситуации патологии. Для этого существуют специальные практики проведения анализа, оценки, шире – экспертизы или исследования границы между нормой и патологией, а также тех изменений, которые происходят с человеком за пределами границы нормы.

С Нового времени медицина развивалась преимущественно как прикладная область естественнонаучного знания. Медицинская экспертиза выстраивалась в соответствии с принципами классического естествознания, допускающих существование фиксированной и статичной границы между нормой и патологией человека в природе. Эту границу можно измерить лабораторными средствами, абстрагированными от конкретного человека, индивидуальных особенностей его конституции, условий жизни и т. д. Данная граница установлена и незыблема с точки зрения исследования объективных процессов, а поэтому ее можно измерить приборами и вывести среднестатистические показатели нормы биологических процессов, некий биологический стандарт нормы, которому человек должен соответствовать. Отклонение от границы нормы здоровья в медицинской экспертизе понимается как «заболевание», как натурально данный и объективный феномен, и описывается в категориях действия причинно-следственных, функциональных связей. Болезнь есть не что иное, как патологический разрыв в биологическом теле человека, сбой в его нормальном функционировании, который необходимо устранить.

Отметим, что в свое время в середине XX века Ж. Кангилем, обсуждая представления о норме и патологии в биологии и медицине, ставит вопрос о недостаточности медицинского объектно-ориентированного понимания и лабораторного, «количественного» измерения нормы здоровья и отклонения от нее. Норма, согласно Кангилему, есть процесс, отражающий способность индивидуального организма адаптироваться к определенной среде, как внутренней, так и внешней. В то время как больной организм утрачивает эту способность, «он теряет способность устанавливать в иных условиях иные нормы» [Canguilhem, 1974 123]. Болен тот, кто «выпадает» из нормально переживаемого окружающего мира и оказывается в новой ненадежной среде, которая предписывает больному свои нормы и правила в виде ограничений. И человек начинает испытывать страдание, граница ощущения которого всегда индивидуальная и определяется субъективными переживаниями новой среды и собственной несвободы в ней. К примеру, у двух людей, страдающих гипертонией, «критические» показатели высоко-

го давления не совпадают, поскольку в каждом случае субъективные ощущения при одинаковых показателях будут разные. Поэтому и медицинская экспертиза должна фиксировать вариации нормы и патологии, включая субъективное восприятие больного. Кангилом фактически был одним из первых авторов, в подходе которого начинают формироваться гуманистические или, условно говоря, неклассические представления о норме и патологии человека, которые в последствии получили развитие прежде всего в работах его ученика М. Фуко [Фуко 2014].

Тем не менее медицинский взгляд врача (термин, который ввёл в научный оборот М. Фуко) продолжал и зачастую продолжает и сегодня «видеть» в пациенте лишь объект описания и воздействия. На этом фоне медицина обрела социальную власть, устанавливая образцы и стандарты понимания нормы и патологии человека в обществе. Поэтому отсутствие биологической патологии в представлениях общества все чаще приравнивалось к норме здоровья. Медицина буквально «оказалась той инстанцией, которой была поручена экспертная оценка в вопросе различения здоровья и болезни» [Кляйенберг 2018: 22].

Но укреплявшееся доверие к врачу и его научным знаниям в обществе, легитимация доминирующей позиции врача-ученого в процессе лечения обернулась тем, что усиливалась асимметрия в отношениях врача и больного, двух людей, встреча которых всегда была призвана служить общей цели – восстановлению здоровья, излечение нуждающегося в помощи человека, предполагающего установления отношений сотрудничества. «Голос» больного, индивидуальные особенности переживания болезни перестают иметь значение для врача в процессе исследования и лечения болезни. В терминологии Ф. Свенаеус, происходила «маргинализация диалога между врачом и пациентом» [Svenaеus 2000: 27], на протяжении столетий считавшегося важнейшей нормой и фактором процесса восстановления утраченного здоровья. Поэтому, как отмечает автор, сформировались принципиальные коммуникативные и интерпретативные противоречия в общении врача и пациента, затрудняющие возможность взаимопонимания и сотрудничества между ними.

Необходимо отметить, что разрыв между призванием врача оказывать помощь человеку, приносить ему пользу, заботиться о нем и научным любопытством врача, провоцирующим его на новые научные достижения, все время нарастал в медицине [Svenaеus 2000]. В начале же XX века его проявление становится уже «патологическим», дегуманизирующим медицину и порождающим нарастание деструктивных форм врачебного поведения.

Поэтому после войны, после Нюрнбергского процесса, завершившегося принятием Нюрнбергского кодекса, в мировой практике формируется деятельность, направленная на защиту человека от отношения к нему как объекту вмешательства, покушения, вторжения, на защиту и охрану жизни и здоровья, чести и достоинства человека. Медицинские опыты и эксперименты над людьми в фашистских концлагерях, программа Т4 или «Эвтаназия» и прочее были приравнены к практикам уничтожения человека. А Нюрнбергский кодекс фактически стал первым международным юридическим документом, вводящим этические нормы в медицинскую практику, в проведение медицинских научных исследований. Этическая экспертиза (далее ЭЭ) была зафиксирована как регулятивная процедура, как новая нор-

ма, регулирующая развитие медицинской науки и практики, возвращающая социально-нравственный стержень медицинскому знанию и практикам.

Нарастающее стремление человека защитить себя от последствий объектного отношения к себе и реабилитировать тех, кто выступал собственно таким объектом вторжения и уничтожения, позаботиться о них [Саввина, 2013: 145], вернуть им человеческое достоинство, собственно человеческое «лицо» связано с формированием гуманистических представлений о человеке в норме и патологии в медицине, в рамках которых человек постепенно все более начинает рассматриваться как потенциально становящаяся личность со своим миром. А потому в медицине необходимо возрождать традиционный идеал заботы о человеке, предполагающий в своей основе главное – восстановление в человеке его нормы, его идейного стержня и призвания – быть для мира его смысловой точкой опоры¹⁷⁹.

Первоначально дефицитность объектной установки в медицине и соответственно необходимость ее преодоления были восприняты как проблема, имеющая социальную значимость. Поэтому допускалось, что забота о человеке должна быть встроена в социальные институты и службы заботы и попечения. В этой связи норма и патология человека перестают рассматриваться как сугубо биологические феномены, но как феномены социальные, культурные. Сама медицина начинает пониматься как форма «социального естествознания» [Силюянова 2008: 223–224].

Поэтому в первых поисках в направлении пересмотра классических естественнонаучных представлений о норме и патологии человека, начавшихся с середины XX века, граница между нормой и патологией более не рассматривается биостатично. Допускается, что она является результатом соглашения, зафиксированного в различных социокультурных схемах интерпретаций данной границы, установившихся в представлениях людей о «нормальном / не нормальном», «желательном / не желательном», «приемлемом / не приемлемом» существовании человека в социальном мире, где человек совершает свободные действия, будучи здоровым, и утрачивает эту возможность и способность, оказавшись больным, пассивным и зависимым от других. Как пишет Фулфорд, болезнь «сидит» между телом, которое заболевает и социальными структурами, нормы и ценности которых и определяют представления о болезни [Fulford 1993].

В этой связи в науке формируется социокультурный или социально конструктивистский подход к пониманию нормы и патологии человека, в рамках которого в дополнение к медицинскому «заболеванию» разрабатывается понятие «недуг», по сути дела лишь расширяющее научное понимание того *объекта*, с которым врач имеет дело в процессе лечения. «Недуг» включает в себя субъективную оценку болезни самим больным, сконструированную им в соответствии с теми интерпретативными схемами, которы-

---

¹⁷⁹ Обсуждение темы онтологической нормы человека не является темой данной статьи. Заметим только, что человек в норме, как гам представляется, способен осуществить полное онтологическое замыкание к бытию, он открыт к бытию и благодаря этому в нём развиваются его личностные и субъектные качества и тем самым он формируется согласно собственной идее человека, как смысловой бытийной опоры мира. Человек же вне нормы исчезает из бытия, он стремится редуцировать своё существование к онтической реальности, уже – к эмпирическому существованию «тела желания» [Аванесов 2016а; Смирнов 2016в; Хайдеггер 1993].

ми обеспечивает человека культура, социокультурные нормы и ценности. А сам человек рассматривается как существо социальное, ценности и предпочтения которого, его способность к мышлению и автономным действиям, формируются обществом, то есть социально детерминированы.

В русле рассматриваемых представлений допускается, что оценка, интерпретация болезни человеком доступна для исследования как некий социально конструируемый объект. Поэтому многие авторы начинают обращаться к изучению субъективных смыслов и значений болезни, выраженных в историях, рассказанных или написанных пациентами, то есть объективированных с помощью языка переживаний больного. Для нас важно, что в развитии практик ЭЭ методология социально-конструктивистского подхода, разработанные в нем методы и процедуры исследования фактически выступают в качестве базовых при разработке инструментов проведения процедур ЭЭ [Bishop 2012]. Но об этом мы поговорим ниже.

Постепенно со второй половины XX века социально конструктивистский подход все более уступает место личностно-ориентированным стратегиям исследования феноменов нормы и патологии человека. Патология человека все более начинает пониматься как уникальный и непосредственный опыт изменений в жизни человека, в процессе переживания которого допускается изменение индивидуальности, личности человека [Carel 2007; Carel 2014; Charmaz 1983; Toombs 2001; Zaner 1981]. И сам человек постепенно начинает рассматриваться как существо меняющееся, незавершенное, открытое миру, способное к восстановлению в себе своей нормы.

В контексте введения гуманистических представлений в медицину постепенно происходит изменение самих медицинских концептов и практик. Принципиальный сдвиг происходит в позициях врача и пациента в процессе их взаимодействия. В терминологии Мол, происходит «изменение субъекта нормативности», в рамках которого врач перестает быть единственным носителем незыблемой нормы, бесспорным авторитетом в вопросах регулирования здоровья [Мол 2018: 175]. Врач меняет свою монопольную позицию на позицию консультанта, советчика, компетентного эксперта по медицинским вопросам. Его основной задачей становится информирование пациента о состоянии его здоровья, риске и пользе вмешательств. А пациент в свою очередь должен «сам устанавливать себе нормы», участвуя в принятии решений о своем лечении, делая свой автономный выбор и давая свое информированное согласие на лечение.

Что не менее важно, все более проблематичной становится сама пульсирующая граница между нормой и патологией человека, провоцирующая возникновение в медицине новых проблем и кризисов. Человек все более становится больным хронически, сложным, то есть неизлечимым больным, а не наоборот. Некоторые авторы называют этот феномен формированием «общества ремиссии», тем самым фиксируя принципиальное изменение самого феномена границы между нормой и патологией человека [Frank 1997].

Если острое заболевание полностью излечимо, то и граница между нормой и патологией, и схема медицинских действий прозрачны и определяются стандартным протоколом лечения. И в этом смысле объектного подхода достаточно для излечения больного [Carel 2007: 98]. Но в ситуациях, когда возвращение человека в границы нормы становится полностью невозможным, когда у консилиума врачей множество точек зрения относи-

тельно лечения, врачу всякий раз приходится искать нестандартные средства лечения, приспосабливаться к сложной ситуации болезни и лечения. А потому получившие во всем мире широкое распространение стандартные протоколы исследования и лечения болезней перестают быть эффективными [Maio 2014], то есть перестают работать на главную цель – излечение человека, не подвергая риску его жизнь и не причиняя ему вреда.

Перед врачом и пациентом в пограничном случае болезни возникает ситуация выбора, необходимость принять решение о лечении, связанного с рисками и возможными необратимыми последствиями для жизни и здоровья человека. И от того, как врач и пациент будут выстраивать диалог между собой, от того, насколько они способны понять друг друга и взаимодействовать, зависят жизнь и здоровье человека. Для этого в медицину западных стран вводится специфическая практика этической консультации, рассматриваемая как услуга по оказанию помощи пациентам, их семьям, врачам или другим участникам процесса лечения в разрешении конфликтных и кризисных в морально-ценностном отношении проблем, возникающих в процессе лечения. А также в медицину вводятся новые позиции и функции –эксперты по этике [Rasmussen 2005].

В противоположность традиционной медицинской экспертизе, вопрос о том, из чего состоит ЭЭ, какова ее теоретико-методологическая база и стандарты качества, остается открытым. При всей неопределенности и противоречивости подходов, интерпретирующих природу и содержание ЭЭ, будь то знание моральных теорий и аргументов [Singer 1979] или определенная форма «моральной мудрости» [Nobel 1982] или способность обосновать моральное суждение в связанном, прозрачном виде [Yoder 1998], при всей незавершенности поисков концептуальной основы и метода ЭЭ, количество наемных экспертов и этических комитетов в медицине растет стремительно [Schicktanz et al. 2012].

В последнее время авторы часто пишут о том, что ЭЭ – это экспертный анализ, не связанный с «этикой», в том смысле, как она понимается в дискурсе моральной философии. Более того, поиск метода экспертизы в этической теории не помогает, а, напротив, усложняет попытки найти решение стоящих перед ней проблем [Far 2010: 56]. А потому в этической экспертизе образовался разрыв между этикой и консалтингом, при заметном крене в сторону второго, в сторону алгоритмизации и оптимизации процесса консультирования, превращения его в технологию, встроенную в парадигму эффективности [Макинтайр 2000].

Многие авторы отмечают, что сформировалась целая «индустрия» ЭЭ, конструирующая новый социальный порядок: новые социальные роли (эксперты, консультанты), институты (советы, комиссии, комитеты), практики (консультации, разработка рекомендаций, обучение и подготовка соответствующих специалистов), регулятивный порядок и нормативные предписания (принципы, стандарты, законы). Эта индустрия ставит своей целью оптимизацию процесса принятия решений в конкретных сложных случаях медицинского лечения, а также на всех управленческих уровнях системы здравоохранения [Schicktanz et al. 2012: 129–130].

Процедура этической экспертизы выстраивается как процесс делиберации или обсуждения проблемы и поиска ее решения в группе затронутых проблемой сторон, обладающих равными правами и возможностями

участия в обсуждении, управляемый экспертом и структурированный специальным инструментом (протоколом). Таких моделей, методик, инструментов, протоколов структурирования ЭЭ в настоящее время разработано множество. Как правило выбор того или иного протокола зависит целиком и полностью от профессиональных предпочтений эксперта. Отметим, что немецкими исследователями был проведен эксперимент, в рамках которого поиском разрешения одной и той же проблемы в группе с неизменным составом участников занимались несколько разных экспертов, используя разные инструменты структурирования обсуждения. Результат эксперимента показал, что во всех случаях обсуждения участники группы пришли к разным решениям [Синюкова 2020].

В этой связи в последнее время в этической экспертизе остро стоит проблема определения критериев качества этической экспертизы. Набирает обороты и «производство» инструментов и стандартов качества практик этической экспертизы. Как отмечает Бишоп, в разработке предложений по улучшению качества ЭЭ, конкретных инструментов «качественного» обсуждения, эксперты преимущественно используют методы социальных наук. Поэтому «качество» ЭЭ, как считает автор, есть искусственно созданный, социально-сконструированный объект с целью его измерения. Проблема в том, что в качестве такого объекта он «начинает жить своей жизнью», меняя мышление и поведение людей в ситуации выбора [Bishop 2012: 185].

Первым шагом исследователя на пути измерения «качества» ЭЭ является ее концептуальное определение, ее уточнение и конкретизация. После чего исследователь должен также создать набор индикаторов, которые позволят ему зафиксировать действие своего теоретического конструкта как нечто эмпирически наблюдаемое, то есть провести процедуру операционализации понятий и разработать конкретные процедуры исследования, последовательное выполнение которых в эмпирическом наблюдении приведет исследователя к подтверждению или опровержению своего теоретического конструкта. Таким образом, исследователь проходит эпистемологический круг: концептуализирует, операционализирует, проверяет, уточняет.

Данная эпистемологическая схема предполагает соответственно выстраивание такого знания об объекте исследования, который существует и действует в социальном мире, не выходя за конструируемые исследователем рамки процесса их познания (в данном случае – «качества» ЭЭ, но также данная схема была принята во множестве исследований «недуга», о котором речь шла выше). Что же касается инструментов улучшения ЭЭ, созданных по данной схеме, Бишоп фиксирует следующее: «измеряемое становится эталоном познаваемого, которое, в свою очередь, становится эталоном того, как оно есть» [Bishop 2012: 186]. Поэтому относительно концептуальных предложений по разработке инструментов повышения качества ЭЭ, автор утверждает, что они превращаются в стандарты существующей практики ЭЭ. Они становятся готовыми стандартизованными правилами и нормами взаимодействия участников экспертизы, начиная менять их мышление и поведение. Инструменты определяют не только действия экспертов, гарантируя отдельному эксперту то, что он является экспертом, но и весь процесс экспертизы и всех его участников, самого пациента, которые проходят этот процесс. Инструменты улучшения качества используются

как некий новый нормативный взгляд, фокусировка, с помощью которой эксперт «смотрит» на ситуацию пациента, позволяя ему однозначно прояснить жизненные принципы, волю и желание больного человека, словно эти принципы установлены, predeterminedены и прозрачны, словно осознанный и добровольный выбор больного зависит лишь от установления фактов о нем. И сами участники этической экспертизы становятся подчиненными этому нормативному видению, участвуя в процессе экспертизы как носители функций, встроенные в процедуру, в алгоритм консультирования и его стандарты качества.

Экспертиза в целях принятия решений, включая и этические, и медицинские, и управленческие, в современном динамичном обществе коммодифицирована, то есть превращена в коммерческую услугу для ее массового конечного потребления. Подобная практика становится все более удобной для человека, экономя его время и не требуя от него совершения личных усилий [Rasmussen 2005].

В свете сказанного гуманистические представления, которые, казалось бы, этическая экспертиза была призвана отстаивать и укреплять в медицинской науке и практике, все более сменяются функциональным, техническим пониманием и отношением к человеку в медицине. Сама же ЭЭ в своих «гуманистических» представлениях о человеке не выросла за рамки социально-конструктивистского подхода, продолжая рассматривать человека в своем нормативном взгляде как готовый объект со сложившимися свойствами. Такому подходу должно быть противопоставлено иное видение – человек есть субъект собственных изменений, на себе выстраивающий опыт заботы о себе.

И, наконец, в рамках ЭЭ человек превратился в «договорное понятие» [Козолупенко 2020], о содержании которого всякий раз договариваются ее участники в направляемом в неизвестном направлении процессе делиберации, цели которого определяются не с точки зрения предназначения и изначальной задачи ЭЭ, но в терминах улучшения ее качества и повышения эффективности. В гонке за эффективностью человек исчез. Сама же ЭЭ как институциональная форма и практика не способна защитить человека, его идейный стержень, его этос, сохранить человека в норме его бытия, восстановить человека как сущее в его онтологическом смысле.

Глава 7

ЦИФРОВОЙ И УМНЫЙ ГОРОД

ЧЕЛОВЕК В «УМНОМ» ГОРОДЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ И ГУМАНИТАРНЫЕ РИСКИ

Е. И. Спешилова¹⁸⁰

Повестка, связанная с трансформацией городской среды, наполнением её современными информационными и технологическими решениями, стала весьма актуальной для урбанистической мысли в последние несколько десятилетий. Поскольку новый технологический уклад пронизывает не только личную повседневность, но и многие социальные институты и общественные пространства, в урбанистике возникает и получает развитие концепция «умного» города, то есть города, в котором «умные» устройства интегрированы в городское пространство. Стремление сделать город «умнее», будь то крупный мегаполис или небольшой исторический городок, максимально приветствуется. При этом само понятие «умного» города, а также связанная с ним подразумеваемая трансформация городской среды, как правило, критически не осмысляются, так как заранее предполагается, что цифровизация является безусловным благом для горожан. Вместе с тем, повсеместное распространение «умных» технологий приводит к возникновению антропологических эффектов и культурных преобразований, которые оказываются отнюдь не однозначно позитивными [Husár et al. 2017: 3–4]. В этой связи появляется актуальная необходимость в исследовании антропологических и семиотических аспектов концепции «умного» города, то есть в определении того, какие аксиологические и экзистенциальные коннотации, какие культурные коды явно или латентно задействованы в названной концепции.

В рамках семиотического подхода город рассматривается как дискурс, который «действительно является языком: город говорит со своими жителями, мы говорим на языке нашего города – города, в котором мы находимся, просто живя в нём, бродя по нему, глядя на него» [Barthes 1997: 160]. Методологически такой подход восходит к работам Ю. М. Лотмана, Р. Барта и М. Готтдинера. Так, Ролан Барт полагает, что среда обитания человека представляет собой настоящий дискурс, письмо с его симметриями, противопоставлениями мест, синтаксисом и парадигмами [Barthes 1997: 159]. Любой, кто передвигается по городу, будь то местный житель или турист, является своего рода читателем, который, следуя своим движениям, присваивает фрагменты высказывания города, актуализирует и интерпретирует их. Барт призывает каждого стремиться расшифровать свой город, начав с достижения личного взаимопонимания с ним, и принимать участие в постепенном конструировании его образа. При этом для самого Барта важны не столько исследовательские обзоры или функциональные исследования города, сколько различные варианты авторского, личного прочтения той или иной городской среды, которые, как правило, можно обнаружить только в художественной литературе [Barthes 1997: 163–164]. Любой житель может стать соавтором образа города, то есть не просто занимать пассивную и потребительскую роль пользователя городской инфраструктуры, но оказывать активное и созидательное влияние на свою ойкумену.

---

¹⁸⁰ © Спешилова Е. И. 2023

Созвучные идеи мы находим у Ю. М. Лотмана, который предлагает выделять две основных сферы городской семиотики: «город как пространство» и «город как имя» [Лотман 1984: 30]. Город как имя получает своё прочтение, прежде всего, в литературных текстах, включаясь в систему культурных символов и мифологических нарративов. Однако нас в данной статье будет интересовать, скорее, город как пространство присутствия человека, причём как коммуникативное пространство, неоднородное в своих значениях и коннотациях.

Мультикодовость городского пространства отмечает и М. Готтдинер в статье «Urban Semiotics». Он полагает, что городская семиотика связана с артикуляцией определённой идеологии посредством обитаемого пространства, а в качестве объекта своего анализа рассматривает материальную структуру застроенной среды, её образ, сформированный обитателями, смысловые коды, обнаруживаемые в пространстве, и дискурс градостроителей, аналитиков и академиков [Gottdiener 1983: 101]. При этом акцент делается на социальные аспекты производства и трансляции смыслов, на пространственное пересечение различных культурных кодов.

Применение семиотического подхода даёт возможность по-новому взглянуть на концепцию «умного» города, поскольку благодаря такой методологии мы переносим внимание с функциональных характеристик инновационных городских проектов на содержательные, то есть опираемся не столько на понятие эффективности, сколько на представления жителей «об экзистенциальном комфорте, исторические и мифические нарративы и аксиологические прескрипции» [Аванесов 2016б: 14]. Иначе говоря, город – «умный» или не совсем – рассматривается как человекоразмерное пространство, транслирующие те или иные культурно-исторические смыслы. В связи с этим представляется значимым проанализировать, каким образом «умный» город влияет на своих резидентов, и прояснить, не противоречит ли сама идея формирования «умного» и, как следствие, стандартизированного города идее «городов для людей» [Гейл 2012]. Мы попытаемся оценить, какие культурные коды и экзистенциальные коннотации связаны с концепцией «умного» города, а также какие антропологические эффекты и гуманитарные риски несёт «умная» трансформация городского пространства.

Тело и ткань «умного» города

О неуловимом, неопределённом и метафорическом характере самого понятия «умный город» («smart city») пишет большинство исследователей, занимающихся данной темой. Существуют десятки различных вариантов интерпретации этого понятия – некоторые из них отличаются друг от друга незначительными смысловыми нюансами, тогда как иные существенно разнятся. Дело осложняется ещё и тем, что в современном урбанистическом дискурсе этот термин тесно переплетается с такими новыми концептами, как «цифровой город», «электронный город», «интеллектуальный город», «инновационный город», «кибергород», и с иными популярными теориями, которые так или иначе связывают воедино информационно-коммуникационные технологические преобразования с экономическими, политическими, социально-экономическими и культурными изменениями [Hollands 2008: 305]. Иначе говоря, мы видим сформировавшийся кластер разнообразных понятий, нестрогим образом ассоциирующихся с концепцией «ум-

ного» города и подчёркивающих значительное влияние технологических инноваций на городскую среду. Данный кластер, по сути, представляет собой не столько «доктрину или консистентную и последовательную политику», сколько «дискурс или дискурсивную туманность» [Хестанов, Сувалко 2022: 8], в которой в том или ином аспекте схватывается и анализируется поток технических трансформаций города.

В первом приближении «умный» город можно обозначить как город, в пространство которого интегрированы различные информационно-коммуникационные технологии для управления городской инфраструктурой (транспортными потоками, системами ЖКХ, образованием, медициной и т. д.) с целью улучшения качества жизни горожан и повышения эффективности распоряжения городскими ресурсами. В этом смысле телом «умного» города является его технологический каркас на уровне *hardware* (аппаратного обеспечения) – распределённая сеть интеллектуальных сенсорных узлов, датчиков контроля, систем фото- и видеонаблюдения, а также устройств, поддерживающих 5G. Все эти узлы-органы «считывают», анализируют и интерпретируют по заданным алгоритмам поступающую извне информацию, формируя тем самым большие городские данные, и с помощью *software* (программного обеспечения) транслируют по сети эти данные горожанам или соответствующим муниципальным структурам в режиме реального времени. Таким образом, в концепции «умных» городов реализуется *phygital*-подход: *physical* дополняется *digital*, функциональные возможности реальной городской среды, её «денотативные коды» обогащаются соответствующими цифровыми значениями, «символическими» коннотациями, располагающими к определённому поведению [Эко 2006: 262–275], и образуют пространственный гипертекст.

Вместе с тем многие современные исследователи отмечают, что информационные технологии сами по себе не создают «умный» город. Так, Холландс полагает, что «прогрессивные “умные” города должны всерьёз начинать с людей и человеческого капитала, а не слепо верить, что ИТ сами по себе могут автоматически преобразовать и улучшить города» [Hollands 2008: 315]. С ним солидарны авторы статьи «Smart Cities in Europe», которые считают город «умным», когда «инвестиции в человеческий и социальный капитал, традиционную (транспорт) и современную (ИКТ) коммуникационную инфраструктуру способствуют устойчивому экономическому росту и высокому качеству жизни при мудром распоряжении природными ресурсами посредством совместного управления» [Caragliu et al. 2011: 70], тем самым свидетельствуя о недостаточности исключительно технологического подхода к определению «умного» города. Эту же мысль развивают М. Дикин и Х. Аль Ваер, делая акцент не на технических аспектах современных разработок, а на рассмотрении «социального капитала, который имеет решающее значение не только для обеспечения информационных и коммуникативных качеств, но и для выявления более широкой экологической и культурной роли, которую такие технологии играют в поддержке перехода к умным городам» [Deakin, Al Waer 2011: 144]. Кроме того, среди различных исследовательских подходов можно встретить неклассическую интерпретацию «умного» города как города, способного «производить удовольствие, вовлекать человека в игровое взаимодействие с урбанизированной средой»; в таком случае «критерием успеха политики умного города будет

не столько полная или тотальная цифровизация или создание технологического «каркаса», сколько проектирование города как технологической среды с мощным эмоциональным потенциалом» [Хестанов, Сувалко 2022: 10]. Так или иначе, многие авторы подчёркивают ограниченность технологического понимания «умного» города, переходят от распространённой в начале 2000-х годов модели «умного» города как «самооценивающейся и самокорректирующейся системы, основанной на цифровых технологиях», в которой человек «вынесен за скобки» [Щербинин 2018: 184], к осознанию того, что «умный» город невозможен без «умного» сообщества, креативного и вовлечённого в городскую жизнь.

Таким образом, можно констатировать, что ткань «умного» города – это те социальные связи, которые возникают при распространении «умных» технологических решений в городской среде и которые сопутствуют самим этим технологиям. Как пишет Шарон Зукин, «инновационные районы, коворкинги, инкубаторы и акселераторы не просто меняют географию города, <...> они создают габитус, как это называют социологи, для социализации нового вида работников» [Зукин 2022: 28]. Новый городской технологический уклад, безусловно, оказывает влияние на качество, стиль и смысл жизни человека в городе, меняет практику взаимоотношений человека с городской средой, делает её более сложной и динамичной. Каждая внешняя и видимая цифровая трансформация приводит к антропологическим изменениям: от «каждой точки на поверхности бытия, которая, казалось бы, полностью принадлежит этой поверхности, можно опустить лот в глубину человеческих душ» [Зиммель 2018: 84–85]. Без вовлечённости человека «умный» город является функциональным, но безжизненным и пустынным пространством.

Яркое подтверждение данного тезиса – пример южнокорейского «умного» города Сонгдо, тщательно продуманного с точки зрения планировки и технологий, однако неисторичного, культурно, социально, семиотически и аксиологически ненасыщенного. Директивное планирование города по принципу «сверху вниз», руководство которым было основано на транснациональном видении и не учитывало реальных интересов и потребностей общества [Husár et al. 2017: 5–6], привело к усилению социального неравенства и оттоку населения из технологичного, но экзистенциально нейтрального пространства. Как отмечает Адам Гринфилд, разработчикам «умных» городов «не хватает понимания того, как города на самом деле создают ценность для людей, которые в них живут» [Greenfield 2013]. Сонгдо – это, по сути, город, ориентированный на европейские и американские модели урбанизации, «город, представляющий собой коллаж западных городов», то есть «антикорейский» город [Kim 2014: 334]. Город, вырванный из внутреннего контекста и игнорирующий представления местных жителей о комфортной и осмысленной среде, оказывается футуристической техноутопией, неким ярлыком и шаблоном, непривлекательным для реальной жизни.

Отсутствие социальной ткани, связывающей воедино пользователей различных «умных» систем, приводит к торжеству чистой функциональности и дегуманизации городского пространства. Только «умное» сообщество, по мнению современных исследователей, действительно может сделать город «умным» и при этом наполненным жизнью. В таком случае просто «умный» город трансформируется в «умный город, ориентированный на

человека», то есть в город, в котором правительство активно привлекает горожан, взаимодействуя с любыми формами их виртуального и реального объединения, к совместному проектированию и принятию решений, связанных с информационно-коммуникационными технологиями [Колодий и др. 2020: 103]. Тогда есть шанс, что в процессе сотворчества сформируется «город для людей», город, в котором должное внимание уделено людям, а само городское пространство приобретает «человеческий масштаб» [Гейл 2012: 3–6], становится человекообразным.

Антропология «умного» города

Городское пространство – это не только «система функционально обусловленных материальных тел» [Аванесов 2018: 12], то есть определённый ландшафт с различными зданиями, площадями, улицами, парками и иными объектами, но и место, наполненное культурными смыслами и ценностями, жизненный мир человека и та коммуникативная среда, в которой он находится. Если исторически строительство города являлось «сакральным действием» и, например, в христианской традиции начиналось с возведения храма – источника святости, к которому могли приобщиться жители [Смирнов 2019б: 22], то сейчас градостроительные процессы лишены этого сакрального измерения. Нередко развитие города определяется в первую очередь коммерческими интересами, стремлением получить максимальную прибыль с доступной для использования территории. Это приводит к появлению обезличенного, формального и холодного городского окружения – городских комплексов, где «расстояния, пространства и дома огромны, застроенные территории обширны, деталей мало и нет или почти нет людей» [Гейл 2012: 53]. Как пишет Ян Гейл, подобный подход в градостроительстве провоцирует снижение социальных и культурных функций города и деградацию традиционной функции «городского пространства как места встречи и общения горожан» [Гейл 2012: 3]. Центральную роль в развитии городских территорий должны играть принципы уважения к человеку и заботы о городских жителях, тогда становится возможным «возвращение человеком себе города, <...> возвращение соразмерности человека и города» [Смирнов 2019б: 27]. Городская среда в таком случае рассматривается, прежде всего, как место присутствия человека, «оптимум для реализации сущности человека» [Горнова 2018: 47] и пространство поиска им своей индивидуальной траектории в ткани «умного» города.

Вместе с тем важно отметить интересную аксиологическую особенность, характерную для концепции «умных» городов: нередко такой «идеальный искусственный город, создаваемый как реализация рационалистической утопии, <...> лишён истории» и «семиотических резервов», связанных с культурным наследием, социальной памятью, многогранностью и многоаспектностью национальных кодов. По мнению Ю. М. Лотмана, «технизация города, столь бурно протекающая в XX в., неизбежно приводит к разрушению города как *исторического* организма» [Лотман 1984: 35–36]. Историческое прошлое и даже настоящее города оценивается негативно как нечто несовершенное, неупорядоченное и трудно контролируемое, тогда как светлое и «умное» будущее «получает высокую аксиологическую характеристику» [Лотман 1984: 31], поскольку предполагается, что интеграция «умных» технологий в городскую среду сделает её более упорядоченной,

управляемой и, значит, комфортной. В настоящий момент «умные» системы почти не используются для актуализации исторического наследия городов, тогда как подобное их применение имеет значительный потенциал в плане ревитализации городского пространства и наделения его смыслами [«Умные» города 2020: 54], семантическими ресурсами.

Кроме того, в концепции «умного» города переосмыляется классическая оппозиция городского как искусственного и природного как естественного. Луис Вирт писал, что «ещё нигде человечество не отрывалось так далеко от органической природы, как в тех жизненных условиях, которые свойственны крупным городам» [Вирт 2016: 7]. Крупные города XIX–XX веков, характеризующиеся экспоненциальным ростом численности населения, промышленной революцией и последовательным увеличением интенсивности автомобильного движения, отличались загрязнённостью воздуха, постоянным уличным шумом, отсутствием зелёных зон и представляли собой резкую оппозицию «сельскому», натуральному и естественному. «Город становился образом такого мира, полностью созданного человеком, мира более рационального, чем природный»; а само рациональное при этом мыслилось как «антиприродное» [Лотман 2000: 680]. Природа вытеснялась за пределы городской среды: чтобы «выехать на природу», город необходимо было покинуть. Однако одним из ключевых параметров «умных» городов является ориентация на экологичность, поэтому отношение к «натуральному» оказывается совершенно иным. «Умные» города возрождают идею «города-сада», опираясь не на стремление покорить природу и максимально эксплуатировать её ресурсы, а на необходимость и экзистенциальную целительность контакта человека с природой, внимательное и участное отношение к ней. Таким образом, «умная» городская среда предстаёт как естественная, во-первых, поскольку именно она, по сути, есть то исходное пространство, в которое человек первоначально попадает и в котором затем реализуется, и, во-вторых, так как природное дополняет комплексы искусственных объектов, вовлекается, интегрируется в городскую местность, наделяя её рекреационными возможностями.

Положительные антропологические эффекты «умной» трансформации городов, связанные с оптимизацией повседневных жизненных процессов горожан, в то же время сопровождаются определёнными гуманитарными рисками, о которых, как правило, скромно умалчивают. В первую очередь, здесь можно отметить возрастающее «нервное напряжение» городского жителя, которое проистекает «из личной фрустрации» и «усугубляется быстрым темпом жизни и сложными технологиями» [Вирт 2016: 31; ср. Зиммель 2018: 77]. Ускорение темпа городской жизни и усложнение городских технологий является повседневным фактом, с которым сталкиваются горожане; при этом не важно, согласны ли они с таким положением дел или нет. В этом отношении концепция «умных» городов ориентирована, прежде всего, на образованных, творческих, проактивных жителей, высококвалифицированных специалистов и уверенных пользователей современных информационно-коммуникационных систем, в то время как иные категории горожан остаются за пределами «умного» внимания. Подобное игнорирование гетерогенности городского населения и приоритет определённого типа городских жителей над другими приводит к усугублению социального неравенства, общественной поляризации, а также дискриминации и маргина-

лизации слоёв общества [Benedikt 2016: 32], остающихся на периферии процессов технологического развития. Отвечая на вопрос «что может предложить “умный” город “менее” умным/творческим слоям населения?», Роберт Холландс подчёркивает, что в концепции «умных» городов в значительной степени не раскрывается потенциал использования IT-технологий для содействия социальной интеграции [Hollands 2008: 312], инклюзивности, воспитания гражданской активности и культуры.

Наряду с этим, ряд исследователей указывает на риск уменьшения социальных связей в качестве одного из побочных антропологических эффектов развития «умных» городских технологий [Husár M. et al. 2017: 6]. Чж. Ким пишет, что «повсеместно автоматизированная и цифровая жизнь основывается на технологических достижениях, разработанных для обеспечения всех удобств как в частной, так и в общественной сферах, где даже минимум социализации становится ненужным», и предполагает, что распространение технологий приводит к закату общественной уличной жизни [Kim 2014: 349]. Возможность дистанционного решения обыденных задач может привести к усилению атомизации и социальной изоляции городских жителей.

Помимо этого, опасения вызывает и тот факт, что в основе идеи «умных» городов лежит коммерческий интерес крупных технологических компаний (IBM, Cisco, Siemens и др.), которые стремятся постоянно увеличивать свою прибыль [Shelton et al. 2015: 14], используя термин «smart city» в маркетинговых целях и рассматривая человека исключительно в контексте экономических и властных отношений. Концепция «умного» города создаёт иллюзию нейтральности, объективности и деполитизированности городских больших данных, однако «данные не существуют независимо от идей, методов, технологий, людей и контекстов, которые их создают, производят, обрабатывают, анализируют, хранят и управляют ими» [Kitchin 2014: 8]. В этом свете распоряжение и управление городскими данными предстаёт новой формой контроля общества – «кибернетического контроля, осуществляемого через децентрализованное знание» с помощью сетевой коммуникации [Krivý 2018: 6]. «Умные» технологии могут вполне успешно использоваться для цензуры и манипулятивного воздействия, направленного на «сознание и подсознание индивида», который, поступая «как бы по своей воле, уверенный в том, что действует субъектно, сознательно самоопределяясь» [Апресян 2018: 9], оказывается, по сути, ведомым¹⁸¹ и контролируемым через модуляцию общественного мнения, внимания, желаний, убеждений и поведения городских жителей [Krivý 2018: 14]. Человек в этом случае редуцируется до одного из элементов городской системы, пользователя «умной» инфраструктуры, которого можно мягко направлять в рамках разнообразных, но, тем не менее, заданных алгоритмов действия.

* * *

Неопределённость и туманность, открытость и неуловимость понятия «умный город» является одним из аспектов тактической привлекательности концепции «умных» городов в урбанистическом дискурсе. Технологиче-

---

¹⁸¹ В. Л. Глазычев, кстати, справедливо замечает, что «в словосочетании smart city скрыто лукавство, которое не передаётся выражением “умный город”, поскольку smart скорее означает “хитроумный и ловкий”» [Глазычев 2011: 348].

ская интерпретация «умного» города только как пространства, наполненного информационно-коммуникационными системами, тем не менее, должна дополняться ориентацией на человека, его экзистенциальные ценности и смыслы. В таком случае в «умной» городской среде реализуется идея «городов для людей», а сам «умный» город становится человекообразным.

«Умные» технологии оказывают неоднозначное антропологическое влияние на городского жителя. Они могут выступать и стимулом для возникновения новых социальных связей, и механизмом социальной изоляции, представлять собой как инструмент для интеграции различных слоёв населения в ткань города, так и причину усугубления классового неравенства и общественной дифференциации, служить средством обеспечения комфорта и в то же время быть причиной психологических кризисов и девиаций. Иначе говоря, мы должны видеть как «тёмную», так и «светлую» сторону перспективы внедрения «умных» систем в городскую среду; только таким образом мы получим полную картину событий, происходящих с современным городским человеком.

Семиотический анализ «умного» городского нарратива показывает свойственную ему утопичность, антиисторичность и аксиологическую устремлённость к будущему технологическому совершенству. Вместе с тем не стоит уповать на «умные» системы как на панацею от всех городских трудностей, иначе концепт smart city окажется «чем-то вроде знаменитого из античных трагедий “Deus ex machina”, того божества, опускаемого на сцену в театральной машине, которое в единый миг решает все проблемы» [Глазычев 2011: 348]. Технологией управляют люди, и именно их участное и ответственное отношение к городской среде, забота о себе в городе и о самом городе как месте реализации себя делает пространство города действительно умным, отражающим в себе мудрость многих поколений горожан.

ЛЮДИ, ГОРОДА И СЕТИ: ФЛАНИРОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Е. И. Спешилова¹⁸²

«Цифровой человек» и «цифровой город» – эти термины, которые ещё недавно являлись сравнительно новыми для антропологических и городских исследований, в настоящий момент уже прочно закрепились в академическом дискурсе [Коршунов 2021; Cocchia 2014; Friedman 2023]. Несмотря на то, что значение этих понятий несколько варьируется от автора к автору, остаётся вполне ясным стремление зафиксировать таким образом те изменения, которые происходят и с человеком, и с городом в связи с активным распространением информационно-коммуникационных технологий и переносом различных социокультурных практик в цифровое пространство. И люди, и города попали в Сеть. Вопрос в том, в каком ракурсе следует это оценивать: запутались ли они в Сети или, напротив, стали объединены одной Сетью? Коннотации понятия «сеть» весьма разнятся: существует как вполне нейтральное понимание сети в качестве совокупности связанных между собой элементов, которые обмениваются информацией или ресурсами, так и настороженное отношение к сети как к ловушке, в которую можно попасть и из которой весьма сложно выпутаться. И конкретная – позитивная или негативная – аксиологическая оценка сетевых форм взаимодействия «человек – человек» или «человек – город» оказывается одним из определяющих факторов для цифровой антропологии в целом.

Современные города окутаны волоконно-оптическими линиями связи, датчиками движения, GPS-трекерами, камерами фото- и видеofиксации, а также различными другими средствами коммуникации, способными в режиме реального времени транслировать полученные данные по цифровым каналам. Современные люди готовы эти данные поглощать и в то же время самостоятельно производить иные ценные данные, оставляя в Сети свой цифровой след – информацию о том, где они были или хотят побывать, что они искали, чем интересовались и что видели, что им нравится, а что нет. Как отмечает Роб Китчин, «мы вступаем в эпоху, когда компьютеризация является неотъемлемой составляющей городской среды, город опутан сетями, а люди не расстаются со смартфонами, обеспечивающими их связанность с другими людьми и доступ к информации» [Китчин 2021: 58–79]. Огромные потоки данных, которые генерируются разными способами и затем алгоритмически обрабатываются, активно используются для управления городскими процессами и контроля городской жизни.

В связи с этим формируется концепция «умных» городов – таких городов, в которых новые технологии играют существенную роль в решении социально-экономических городских проблем и улучшают качество городской жизни [Schaffers et al. 2011: 431]. Однако при всём этом нередко вне поля зрения остаётся сам человек – горожанин, который призван или вынужден пользоваться городскими технологическими инновациями [Спешилова 2022: 109]. Житель города зачастую подвергается антропологической

---

¹⁸² © Спешилова Е. И. 2023

редукции и рассматривается только как очередное функциональное звено в «умной» инфраструктуре. В лучшем случае в концепции «умных» городов речь идёт о значимости «умного» сообщества [Caragliu et al. 2011: 69] или «креативного класса» [Флорида 2007: 85], то есть творческой, образованной и высококвалифицированной рабочей силы, тогда как остальные горожане оказываются вне зоны этого «заботливого» внимания. Им или вовсе нет места в «умной» и идеализированной картинке городской жизни, или предназначена роль сервисного персонала, живущего на городской периферии и обладающего весьма ограниченными правами и возможностями. Политика «умного» города адаптирована к желаниям высококомобильных профессионалов и специалистов, подкованных в IT-технологиях, однако наносит ущерб менее обеспеченным жителям [Krivý 2018: 15], приводит к появлению районов с высокой степенью джентрификации и укоренению неравенства на рынке труда [Hollands 2008: 314–315]. Наглядная иллюстрация такого классового разрыва – Сингапур, один из «умнейших» городов мира, в котором, наряду с невероятной архитектурой, экономическим процветанием и насыщенностью городской среды современными технологиями, в весьма жёстких и ограниченных условиях живут трудовые мигранты¹⁸³. «Умный» или «цифровой» город не является панацеей, средством для решения всех городских проблем, тем более, когда за ними не видят самого главного – человека.

В представленном исследовании мы постараемся сосредоточиться не на экономических или политических аспектах интеграции информационно-коммуникационных технологий в жизненный мир горожанина (об этом уже немало сказано), а на антропологическом значении данного процесса. Иначе говоря, рассматривая трансформации, происходящие с городом и человеком в связи с развитием цифровых технологий и сетевых средств коммуникации, мы будем рассуждать в русле городской антропологии, предмет которой – это «не сам по себе город, и не сам по себе человек, а *поиск человеком своего места в городе*, обретение им этого места и, соответственно, те городские практики, благодаря которым это место обретается» [Смирнов 2021в: 14]. Поэтому важно проанализировать именно то, как чувствует себя человек в мире городских больших данных, какие методы освоения городского пространства он использует в связи с возникновением новых технологий, как – на примере фланирования – изменяются классические практики восприятия городского пространства и как, в итоге, цифровые технологии становятся для горожанина одним из значимых способов реализации своего права на город.

* * *

В очерке «Большие города и духовная жизнь», опубликованном в 1903 году, Георг Зиммель писал о том, что человек нигде не чувствует себя «таким одиноким и покинутым, как именно среди общей давки больших городов» [Зиммель 2002], среди несоизмеримо высоких архитектурных сооружений

¹⁸³ Реальный пример такого разделения можно увидеть во фрагменте «“Крепостные” в Сингапуре: домработницы и их права» выпуска «Сингапур: роскошь без коррупции, жизнь без свободы» на YouTube-канале Ильи Варламова (<https://www.youtube.com/watch?v=GUnJwkRzhEM>).

и спешащих по своим делам жителей. Равным образом одиноким можно считать и человека в Сети – маленького человека среди больших массивов данных, фланирующего с одной web-страницы на другую.

Фланёр – фигура, появившаяся в городской культуре XIX века и отражающая особенности того времени, – неоднозначный и амбивалентный тип горожанина, который осваивает городское пространство. Кем он является? Праздным гулякой, шатающимся по городу и насыщающимся городскими визуальными образами, или чутким исследователем, стремящимся расшифровать городской текст, сосредоточиться на его особенностях и нюансах? Фланёр – это бездельник, пытающийся спастись от скуки, или один из первых городских антропологов? И если мы можем обнаружить его в современной городской культуре, то в какой «ипостаси»?

Как пишет Ольга Вайнштейн, первоначально слово «flâneur» – «свободный прохожий, любитель праздных прогулок» – вошло в обиход начиная с 30-х годов XIX века, а само фланирование было устойчивым атрибутом жизни «дендистской молодёжи и парижской литературной элиты» [Вайнштейн 2005: 190]. Однако постепенно фланирование стало приобретать философский подтекст, а сам фланёр стал интерпретироваться как неспешный мудрец, созерцатель, рассматривающий и «читающий» людей и городскую ткань словно открытую книгу. Такую трансформацию понимания фланёра отмечает В. А. Мильчина в работе «Фланёр в Париже», в которой приводится несколько весьма ярких и красочных вариантов описания этого героя. Так, в книге 1826 года «Фланёр, живописная, философическая и моральная галерея всего любопытного и замечательного, что есть в Париже: сочинение завсегдатая Гентского бульвара» Ж.-Б.-О. д'Альдегье говорится о том, что бульвары суть галереи фланёров, именно там можно увидеть, как они прогуливают свою бесполезность пешком, верхом, в тильбюри, в купе, в коляске, в ландо. Видеть и быть на виду – вот зачем происходит всё движение на бульваре. А рождается это желание от скуки [Мильчина 2018: 233].

В то же время совершенно иная трактовка представлена в одном из очерков монографии «Парижане о себе и своём городе: “Париж, или Книга Ста и одного”» (1831), где фланёр понимается уже не как бесцельный соглядатай, а как тот, кто истолковывает увиденную городскую реальность и семиотически её анализирует. Об этой дихотомии интерпретации фланёра упоминает и Михаил Ямпольский, показывающий, что «фигуру нововременного Наблюдателя дополняет фигура Фланёра, ветреного “зеваки”, прогуливающегося по городским улицам и высматривающего различные “диковинки”». Вместе с тем он приводит черты фланёра, описанные Огюстом де Лакруа: «благодаря необыкновенной проницательности он [фланёр] является сборщиком неслыханных богатств в широком поле наблюдения, где вульгарный прохожий видит лишь поверхность» [цит. по: Батаева 2012: 62].

Вариативность интерпретаций фланёра также заметна в трудах, которые являются классикой для исследователей города. Так, с одной стороны, Оноре де Бальзак благодаря своему включённому наблюдению за жизнью парижан придал практике фланирования статус исследовательского метода, который далёк от праздности и бесцельности. С другой стороны, «с лёгкой руки» Вальтера Беньямина, фланёр впоследствии был вновь дискредитирован и определён как «социальный тип, символизирующий капитали-

стическую современность» [Мильчина 2018: 236], то есть получил негативные коннотации.

Сохраняется ли практика фланирования сегодня, в нашей технологичной современности? Каков современный фланёр? И как меняются практики фланирования в связи с развитием цифровых технологий? Безусловно, можно отметить, что фланирование частично мигрирует из реальности в виртуальность – в пространство социальных сетей и цифровых лабиринтов¹⁸⁴. Фланёр, как зевака, бесцельно плывущий по городским улицам, теперь с тем же успехом свободно и непринуждённо прогуливается по страницам веб-сайтов и личным аккаунтам, рассматривает фотографии и видео, насыщая себя потоком визуальных образов. Он не имеет «сознательных ориентиров в своём продвижении», а совершает «блуждающее действие», словно «корабль без руля и ветрил», плывущий по Мировому океану [Смирнов 2021в: 19]. Зачастую такое фланирование бесцельно и связано со стремлением занять себя, отвлечься от текущих малоприятных дел или избавиться от скуки. Однако виртуальное фланирование лишено размерности и несуетности, свойственной для фланирования XIX века: визуальные образы в ленте социальных сетей сменяются, словно в калейдоскопе, хаотично и сиюминутно, поэтому в цифровом фланировании отчасти теряется практика медленного смакования и наслаждения увиденным.

Вместе с тем виртуальное фланирование может являться не просто пустым времяпрепровождением, но и исследовательской практикой. Как отмечает Скотт Маккуайр, в XXI веке «самопрезентация приобрела свойство *перманентной кампании конструирования себя* в социальных сетях» [Маккуайр 2018: 76]. В Сети создаётся как определённый образ человека, так и определённый образ города. Это может быть самопрезентация (хотя, конечно, в отношении города этот термин можно использовать лишь с долей условности): например, когда человек стремится представить себя в лучшем свете¹⁸⁵, показать свою насыщенную путешествиями, яркими событиями и различными достижениями жизнь, или когда представители городской администрации публикуют в Сети красочные виды города, впечатляющие проекты новых ЖК, отчитываются о замечательных культурных, спортивных и иных мероприятиях, которые проводятся в городе. Но это может быть и взгляд со стороны, случайный кадр, запечатлевший человека, возможно, не в том месте и не в том виде, о которых бы он хотел помнить, или город –

---

¹⁸⁴ По данным Mediascope, россиянин в среднем проводит 3 часа 40 минут в день в Интернете, при этом больше половины этого времени пользователи тратят на три крупнейших жанра: социальные сети (21 %), видео (18 %) и мессенджеры (15 %). URL: https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf.

¹⁸⁵ Как отмечает Кристиана Вагнер, «повсеместное использование селфи в социальных сетях не оставляет сомнений в том, что это реальность позирования и моментов успеха и идеальной жизни. Любой человек может завести аккаунт в социальных сетях и создавать изображения, особенно свои собственные, имея в своём распоряжении готовые и простые в использовании ресурсы для применения фильтров, которые манипулируют изображениями, идеализируя их. Опыт обмена этими эфемерными моментами – в основном искусственно улучшенными или полностью вымышленными – стимулирует не только чувства вознаграждения, удовольствия и счастья, которые не соответствуют действительности, но и, в частности, соревновательность между другими пользователями, разделяющими ту же практику [Wagner 2023: 19].

с разбитыми дорогами, грязными улицами и обветшавшими фасадами. Задача фланёра, путешествующего по интернет-пространству, может заключаться в изучении цифровых репрезентаций различных городских территорий, анализе официального образа города и тех представлений, которые формируются стихийно, нецеленаправленно и отражают городскую среду во всём её многообразии. Возможности реального городского фланирования, как правило, ограничены территорией проживания самого фланёра и редкими поездками за пределы родного города, тогда как виртуальное фланирование позволяет познакомиться с невиданными городскими пространствами и вообразить их, что, в итоге, может стать триггером для настоящего посещения конкретной локации.

Нельзя не отметить, что цифровое фланирование, впрочем, как и реальное, таит в себе и опасности. Как пишет Эдвард Соджа, опираясь на слова Умберто Эко, сейчас мы всё больше погружаемся в море «реальных подделок» (“real-fakes”) и «абсолютно фейковых городов» (“absolutely fake cities”), реконструированных фантастических миров, которые даже «более реальны, чем реальность», поскольку на основе «виртуальной реальности», «искусственного интеллекта» и «цифрового сообщества» создаются целые новые кибермиры [Soja 2000: 325]. Современные цифровые технологии позволяют не только воспроизводить реальную городскую среду в виртуальном пространстве, но и генерировать то, чего нет: приукрашивать, дополнять и видоизменять образ существующих городов или создавать нечто совершенно необыкновенное. И в случае если нереальное выдаётся за существующее на самом деле, фланёр может оказаться дезориентированным и введённым в заблуждение.

Несмотря на распространение практик цифрового фланирования, стоит сказать, что «ареал обитания» современного фланёра не ограничивается одним лишь виртуальным пространством, мы можем обнаружить его и в реальной городской среде. Конечно, здесь можно сделать ремарку в отношении увеличения динамичности городской жизни нашего времени, но горожане, пусть не так часто и регулярно, как денди XIX века, и сейчас стремятся неспешно прогуливаться в выходные дни или другое свободное время по набережным, скверам, тенистым улочкам или даже по торговым центрам – современным аналогам парижских пассажей. Жители города принаряжаются сами и в то же время смотрят, как презентуют себя другие; они, как и остальные, одновременно занимают позицию наблюдателя и наблюдаемого. Более того, период COVID-заточения особенно подчеркнул то, насколько ценной практикой является прогулка по городу, возможность выйти за пределы комнаты и стать частью городской жизни. В то же время современные практики фланирования по городу дополняются новыми технологиями, в частности, средствами GPS-навигации, которые оказывают значительное влияние на восприятие городской среды.

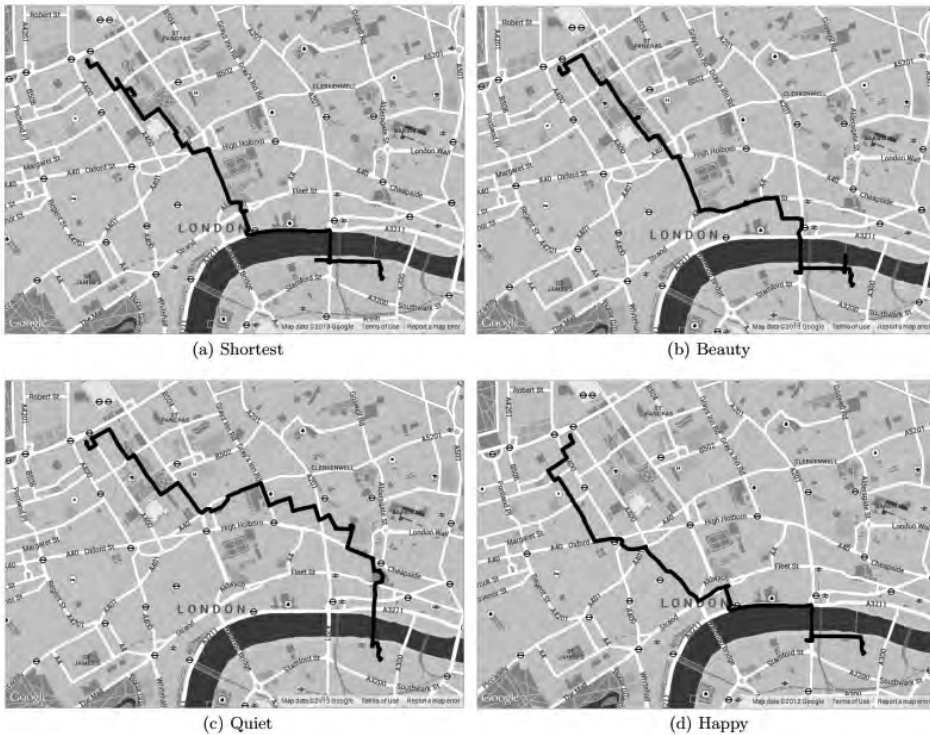
Вопрос влияния информационно-коммуникационных технологий на наши отношения с застроенной средой и активного распространения навигационных технологий, встроенных в мобильные устройства, рассматривает Колин Эллард в книге «Среда обитания» [Эллард 2018: 232–245]. Отмечая явную полезность таких технологий, он предлагает оценить и те негативные эффекты, которые они могут оказать. Причём речь в данном случае идёт даже не об очевидности возможных ошибок GPS-навигаторов,

слепое следование которым может завести пользователя в абсолютно непредсказуемые места. Гораздо более значимой проблемой становится потеря человеком навыков самостоятельного ориентирования и деградация способности конструировать когнитивную карту местности. Согласно различным исследовательским данным [Эллард 2018: 232–245], это может привести к дегенеративным изменениям, похожим на те, что наблюдаются при деменциях, характерных для болезни Альцгеймера.

Как подчёркивает Эллард, «GPS-датчики в наших мобильных телефонах не дают нам заблудиться, и благодаря им мы видим эту голубую точку на экране, слепо ведущую нас, как извращённый аналог фонаря Диогена, не к мудрости, а к запрограммированной цели» [Эллард 2018: 239]. Подобная выхолащенная практика навигации по городу лишена своего социального значения, связанного с такими простыми действиями, как уточнение пути у прохожего, разговор с местным жителем, внимательное всматривание в окружающую среду. За счёт доминирования навигационных систем планирование может превратиться просто в перемещение из точки А в точку В, торжество функционального подхода и эффективности.

Однако здесь важно заметить и наличие действительно антропологически ориентированных практик планирования, связанных с технологиями GPS. Так, например, в лаборатории компании Yahoo в Барселоне было разработано GPS-приложение, которое помогает пользователю выбрать тип

Ил. 1. Карта, показывающая различные маршруты между площадью Юстон и галереями Тейт Модерн в Лондоне [Quercia et al. 2014: 5]

маршрута – короткий, красивый, тихий и даже счастливый – для достижения нужного места в городе. Авторы проекта в статье «Кратчайший путь к счастью» [Quercia et al. 2014] на основании информации об эстетической и эмоциональной ценности определённых мест в городе, собранной от пользователей, предлагают варианты различных маршрутов по Лондону (ил. 1), Бостону, Берлину и Торонто. К сожалению, пока что такие пешеходные маршруты остаются скорее исключением, нежели распространённой практикой навигации по городским территориям.

Фигура фланёра не является единственной в палитре городских персонажей, и отчасти справедливо замечание о том, что «событийная невстроенность, невключённость, а лишь сиюминутное любопытство, необязательная и кратковременная любознательность» фланёра не позволяет видеть в нём полноценного нового персонажа для идентификации городских исследователей [Смирнов 2021в: 24]. Однако фланирование можно рассматривать и как исходный, базовый этап для дальнейшего активного встраивания в городскую жизнь, первый «акт» реализации своего права на город и принятия на себя ответственности за городскую среду.

Так, например, от непринуждённого фланирования по городским информационным ресурсам горожанин может перейти к активной демонстрации своей гражданской позиции и защите того образа города, который для него важен. Яркий пример – ситуация, случившаяся в Великом Новгороде в мае этого года, когда жители города смогли приостановить монтаж кофейного павильона «КофеМолка» на территории Новгородского кремля благодаря интенсивной критике этого события в социальных сетях и широкому общественному резонансу¹⁸⁶. Проект установки кофейного павильона в Новгородском кремле (ил. 2), памятнике Всемирного наследия ЮНЕСКО,

Ил. 2. «КофеМолка» в Новгородском кремле. Фото: Новый город, 2023.

¹⁸⁶ <https://53news.ru/novosti/v-novgorodskom-kremle-pristupili-k-demontazhu-kofermolki.html?ysclid=imp8yauhgp692855289>.

Ил. 3. Визуализация «КофеМолки» в строительных лесах монумента Победы в Великом Новгороде. Источник: https://vk.com/nov_roofers, 2023.

согласно данным Новгородского музея-заповедника, получил разрешение Министерства культуры РФ, однако для горожан это событие стало неожиданностью. Более того, на новгородском портале отметили, что «кофейню ставят на алее смерти» – месте, которое во время оккупации Великого Новгорода захватчики использовали для казни партизан¹⁸⁷.

Ил. 4. Визуализация «КофеМолки» внутри памятника «Тысячелетие России». Неизвестный автор, 2023.

Более 70 % интернет-пользователей высказались против установки павильона КофеМолки в Новгородском кремле¹⁸⁸. Различные авторы стали предлагать визуализации кофейного павильона в сочетании с иными памятными объектами, являющимися знаковыми для Великого Новгорода (ил. 3, 4), тем самым показывая абсурдность сложившейся ситуации. В итоге, павильон КофеМолки в Новгородском кремле был демонтирован. Появление онлайн-технологий сделало возможным формирование сетевых объединений горожан, которые являются важными самостоятельны-

¹⁸⁷ <https://gpnv.ru/42371?ysclid=lmrra062p9721344438>

¹⁸⁸ https://vk.com/wall-40496980_9731235?ysclid=lmrr9yunny243108964

ми агентами городской жизни, готовыми выразить свою позицию и защищать определённые интересы, используя «онлайн-платформы как наиболее удобную и доступную им форму коммуникации» и при этом оказывая воздействие на реальную городскую среду [Запорожец, Лапина-Кратасюк 2021: 40–42]. Благодаря новым технологиям жителям удалось сохранить облик Великого Новгорода как исторического города и перейти от простого фланирования по Сети к цифровой форме реализации своего права на город.

* * *

Подводя итог, отметим, что фланирование в цифровую эпоху трансформируется, поскольку меняется сама городская среда. Однако и потребность немного побездельничать, послоняться по городским улочкам и поглазеть на других, и стремление к спокойному и вдумчивому созерцанию городской ткани сохраняется у современных жителей города и по-прежнему остаётся частью городской культуры. Несмотря на распространённость, открытость и доступность видов различных городов в цифровой форме, человек стремится увидеть оригинальное, реальное, подлинное городское пространство, пройтись по нему и почувствовать его во всей полноте. «Если пространственный порядок организует ансамбль возможностей и запретов, то пешеход реализует какие-то из этих возможностей; он даёт им бытие» [де Серто 2008: 29]. Человек даёт бытие тому образу города, который его привлекает, воплощает его, вышагивая свой путь в настоящей городской среде, блуждая, меняя маршрут и импровизируя. Таким образом человек переходит от абстрактного представления к проживанию города, а реальная «пешеходная антропология становится попыткой возвращения человеком себе города, его мерности самому себе, возвращения соразмерности человека и города» [Смирнов 2019б: 27]. Человек, насыщенный фрагментарными цифровыми отрывками городской среды, выстраивает свою личную траекторию, фланируя по реальному городу, пишет персональную «историю, противостоящую репрезентациям» [де Серто 2008: 25], уникальную и значимую именно для его жизненного мира.

«ЧЕЛОВЕК И НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРСАЙТ». 2021–2023 гг.

СЛОВАРЬ ПРОЕКТА¹⁸⁹

Данный Словарь не рассматривается в жанре привычного словаря или энциклопедии. Он не предназначен для сбора и обобщения всего многообразия знаний и опыта, посвященных антропологии будущего, умным технологиям, их разработке и внедрению в разные сферы жизнедеятельности и связанным с этим гуманитарным, антропологическим последствиям.

Словарь представляет собой концептуальный каркас, состоящий из понятий, терминов, смысловых словообразований, крепящих содержание нашего проекта, позволяющий удерживать понимание всего контекста проекта и показывающий нашу позицию.

Словарь призван сработать на основную цель проекта – представить образ концепции антропологии будущего, понимание авторами проекта места человека в новом технологическом укладе. Данная концепция антропологии будущего нацелена на выработку антропологической альтернативы тренду «ухода человека».

В этом смысле Словарь не энциклопедичен (учитывает не все понятия), концептуален (удерживает именно нашу концепцию), субъектен (в нём представлена наша позиция), проектно ориентирован.

Конфигуратор

Данный проект предполагает прежде всего выработку концептуального видения образа будущего человек в новом *технологическом укладе*¹⁹⁰.

В этом образе будущего ключевую роль играет отношение человека и умных технологий, человека и техники, человека и цифры. В этой связи важно понять – каким должен быть (может быть) будущий оптимальный *интерфейс человека и умной машины*, как и какой между ними будет выстраиваться функционал. В философском плане в этом укладе по-новому будет решаться *главный философский вопрос о месте человеке в мире*, его отношении к бытию. Полагаем, что при определении места человека в указанном интерфейсе за ним, за человеком, останется ключевая роль субъ-

¹⁸⁹ В составлении Словаря принимали участие: Аванесов С. С. (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого); Гайдученко М. С. (лицей № 130 имени М. А. Лаврентьева, Новосибирск); Горбачева А. Г. (Новосибирский государственный университет экономики и управления); Зайкова А. С. (Институт философии и права СО РАН); Кайгородов П. В. (Новосибирский государственный университет экономики и управления); Персидская О. А. (Институт философии и права СО РАН); Пестунов А. И. (Новосибирский государственный университет экономики и управления); Смирнов С. А. (Институт философии и права СО РАН); Сидорова Т. А. (НИУ Новосибирский государственный университет); Спешилова Е. И. (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого).

¹⁹⁰ Курсивом выделены понятия, приведённые в Словаре.

екта действия и субъекта принятия решений, а машина станет его умным помощником.

В этом плане на другом языке мы отвечаем на базовый кантовский вопрос – но не в залоге «что такое человек?», а в залоге «где и когда есть человек?», какое место он будет занимать в бытии? Как и какое он осуществляет *онтологическое самоопределение* в новых условиях обитания.

Если обсуждать эту ситуацию онтологического самоопределения человека, то ключевой проблемой современности выступает проблема выработки ответа на *цифровой вызов*, меняющий всю среду обитания человека, экономику, социум и его самого. Мы полагаем, что речь идёт не только и не столько о собственно внедрении умных технологий в повседневность, сколько о том, что при их внедрении меняется сам способ обитания человека, меняется его образ жизни, его идентичность, его среда обитания. Именно в результате *цифровизации и виртуализации* происходит складывание и формирование новой реальности, новых сфер жизнедеятельности и профессиональной среды, что воплощается в таких новых сферах, как *цифровая медицина, цифровая антропология, цифровое образование (цифровая школа и университет)*, цифровое воспитание и проч.

В результате складывания этих сфер жизнедеятельности и формирования новых профессий и видов занятости формируется и новая идентичность человека. Под влиянием цифровизации и виртуализации мы имеем дело с такими явлениями и феноменами, как *цифровая социализация, цифровая идентичность, цифровая личность, цифровое детство* и связанные с этим такие феномены и превращенные формы, как *цифровой двойник, аватар* и проч.

При решении вопроса о месте человека в образе будущего и выработке ответа на цифровой вызов в настоящее время формируются различные так называемые *антропологические тренды*, то есть стратегии и сценарии, за которыми стоят различные группы влияния, стейкхолдеры, группы интересов. Эти группы выступают носителями этих антропологических трендов. Носители разных антропологических трендов видят по-разному место человека в образе будущего. Между ними в настоящее время идет конкуренция за образ будущего.

Мы выделяем таких антропологических трендов три. В них выражается по-разному понимание их сторонниками роли умных технологий (умной цифры), места человека в интерфейсе человек – умная машина, человек – *искусственный интеллект*.

В настоящее время фактически (в основном в технологически развитых странах, ориентированных на модель развития англосаксонской западной цивилизации), все более доминирует так называемый тренд ухода человека. Тренд означает то, что его носители допускают такое перераспределение функций и работ между человеком и умной машиной, в результате чего ключевая роль человека как субъекта действия и принятия решений редуцируется и сам человек готов отдать умной машине и качества субъектности, а не только передать в аутсорсинг (*функциональный, жизненный аутсорсинг*) те или иные рутинные функции. Тем самым формируется тренд ухода человека как субъекта действия и замена его *постчеловеком* в его разных вариантах. К сторонникам такого тренда относятся носители разных версий *трансгуманизма, постгуманизма и компьютеризации*. В

пределе в рамках этой позиции допускается вообще отказ человека не быть, бытие перестаёт рассматриваться как норма (*норма быть, норма человека*), поскольку перестаёт вообще выступать в качестве принципа онтологического самоопределения. Именно потому, что человек, будучи редуцированным существом, выступает здесь как существо сугубо функциональное и натурализованное. И в этой связи сами *границы человека* здесь представлены сугубо натурально-телесно, материально-вещно или функционально, а не онтологически (не как границы между бытием и небытием, мышлением и немышлением, между человеком как сущим и не-человеком).

Такое допущение ухода человека связано прежде всего с тем, что его сторонники при понимании человека и его природы осуществляют *антропологическую редукцию*, сведя его либо к набору функций (понимая его как функциональное устройство), либо к биоидному, натуральному, телесному началу. С этой точки зрения человек именно как функциональное устройство всегда будет проигрывать более эффективной умной машине. В этой рамке и высшие человеческие функции (мышление, воля, воображение) также понимаются в логике редукции. Мышление сводится к активности мозга, все высшие психические функции описываются в рамках бихевиористской и натуралистической модели. Поэтому и модель искусственного интеллекта при таком подходе строится по логике исчислений и вычислений. Сознание и мышление человека по этой логике имеет вычислительную природу (*принцип вычислимости*). А всё многообразие деятельности человека описывается в моделях поведения и вычисления, в категориях *алгоритма*, программы, *алгоритмизации* и программирования поведения.

Ко второму тренду можно отнести движение, точнее, разного рода активность сторонников *неоконсерватизма*, выступающих за запрет умных гаджетов в школах и детских садах, против цифровизации образования, против цифрового воспитания и т.д. Неоконсерваторы видят в умной цифре прежде всего зло, в связи с чем выступают с разного рода алармистскими лозунгами, но взамен содержательно ничего не предлагают. Если сторонники первого тренда ухода человека фактически отказывают человеку быть, поскольку полагают, что человека необходимо заменить более эффективным умным устройством, то сторонники неконсервативного тренда также отказывают человеку в праве быть, поскольку выступают фактически против закономерного технологического прогресса, против использования умных технологий во благо человека, видя в них лишь разрушительную и демоническую силу.

В этой связи мы полагаем, что оба антропологических тренда должны рассматриваться нами как не конструктивные, поскольку элиминируют главного носителя изменений – самого человека. Этим позициям мы противопоставляем своё понимание ответа на цифровой вызов и своё видение места человека в будущем.

Мы являемся сторонниками третьего тренда, который можно назвать продолжением традиции *антропологической альтернативы (АА)*. Последняя представлена именно как альтернатива первым двум трендам. В широком смысле сторонники АА выступают против объектного, натуралистического и технического отношения к человеку, которое было заявлено более 100 лет назад в рамках так называемого *антропологического поворота* в

работах таких авторов, как М. Хайдеггер, М. Шелер, М. М. Бахтин, Л. С. Выготский и др.

К представителям АА в послевоенный период можно отнести сторонников разных антропологических концепций, разработанных в последние 30-40 лет в русле так называемого неклассического антропологического дискурса в противовес эссенциальной парадигме, это такие, как синергичная антропология С. С. Хоружего, практики себя М. Фуко, концепция антропологической навигации С. А. Смирнова и др.

Согласно этой концепции, место человека в бытии не дано, а задано, представлено ему как культурное задание. Его он как в онтогенезе, так и в филогенезе, как индивидуально, так и в рамках своего поколения призван решать каждый раз в новой ситуации. Каждый раз человек призван осуществлять *онтологическое самоопределение*, не отказываясь от места в бытии, а каждый раз беря на себя это задание и определяясь как субъект действия и смысловая точка мира. Он несёт ответственность за себя и за мир, в котором обитает. Единство ответственного поступка остаётся его регулятивным принципом для выполнения культурного задания.

Но все до ныне существовавшие антропологические концепции были разработаны в доцифровую эпоху. В настоящее время в свои права вступает новая реальность, гибридная (или социально-цифровая, материально-цифровая, материально-виртуальная). В этой реальности человек призван по-новому осуществлять онтологическое самоопределение, преодолевая разного рода антропологические редукции, выстраивая в новых условиях на новых основаниях новую версию антропологической альтернативы, используя богатейший арсенал выше названной духовной культурной традиции.

В данном случае АА основана на ряде концептуальных положений. Концепт выступает первой составной частью нашей АА.

Первое. Человек осуществляет своё онтологическое самоопределение как культурное задание, которое ему предстоит выполнить в новой гибридной среде, преодолевая цифровой соблазн не быть. И тем самым по-новому, в новых условиях восстанавливает норму быть посредством собственного личностного усилия быть. Последнее (норма человека) понимается не в узко-исчислимых критериях, а онтологически. Нормой человека выступает бытие в его полном и целостном воплощении, которое достигается путем личностных усилий (в духе философии ответственного поступка у М. М. Бахтина).

Второе. Культурное становление и личностное развитие человека понимается нами в духе философии поступка М. М. Бахтина и в рамках традиции культурно-исторического подхода, выработанного в школе Л. С. Выготского. В отличие от моделей, предлагаемых в трансгуманизме и компьютеризации, в которых человек редуцируется до натуралистических и поведенческих схем (стимул-реакция), в рамках КИП предлагается иная объяснительная модель, *модель опосредствования*, согласно которой человек осуществляет акт развития посредством овладения своим поведением с помощью психологических орудий (знаков и предметных орудий), посредством чего формируются и высшие психологические функции. Новая ситуация развития здесь характеризуется тем, что в репертуар психологических орудий включается теперь и «умная цифра», сочетающая в себе функции знака и орудия. В силу чего необходимо выстраивать новую модель опос-

редствования, в которую включена наряду с привычными психологическими орудиями и цифра (в разных версиях, включая *цифровые образовательные платформы*, виртуальные тренажеры и проч.).

Третье. В рамках АА нами иначе понимается роль, место и природа так называемого *искусственного интеллекта*. В подавляющем большинстве ИИ понимается как устройство или программа, копирующая человеческие качества и способности. Мы полагаем, что проблема заключается не в копировании человека (причём в его редуцированном виде, при котором сознание понимается как способность совершать вычислительные операции), а в распределении и выстраивании взаимодействия человек-ИИ, выстраивании такого интерфейса, при котором человек сохраняет за собой качества мыслящего субъекта, а ИИ становится его умным помощником в тех областях, где требуется быстрое действие и качество в больших масштабах и объёмах.

Четвертое. АА предполагает отказ от всякого рода антропологических редуций, от такого видения человека, в котором он представлен либо как биологический носитель сознания (последнее сводится к активности мозга), либо как техническое, функциональное устройство. Мы предлагаем такое выстраивание интерфейса человек-умная техника, при котором последняя помогает человеку в его усилении быть, в его стремлении к развитию и формированию высших качеств в их полноте и целостности. Последнее выступает как новое культурное задание человеку. Это означает предложение вернуть технике её исходное родовое задание – быть не протезом и костылём для человека, а поставом, помогающим ему быть, а не действовать как онтологический инвалид.

Пятое. При таком понимании АА по-иному представляется и природа *виртуальной реальности* (VR). Мы полагаем, что VR действительно стала реальностью, в которой также обитает человек. Вопрос только в том, что человек делает в этой VR? И что для него есть виртуальные формы? Мы считаем, что VR не является иллюзией или только феноменом сознания, или миражом, галлюцинацией. VR есть действительная реальность, в том числе и существующая в материальных формах, только представленная в её *превращённой форме*. Природу превращённых форм в своё время описал К. Маркс на материале денежной формы стоимости в «Капитале». Денежная форма выступает такой же реальностью, как вещи и товары, только в превращённой форме, которая замещает товарную форму и саму стоимость товара. В этом плане виртуальные формы реальности выступают превращёнными формами человека, то есть такими, которые замещают ему исходную социальную реальность. Сама VR не может существовать в качестве самостоятельного сущего, она лишь замещает исходное сущее. Поэтому так называемая виртуализация, в процессе которой человек «уходит» в VR, выдавая её, виртуальную копию, за действительную реальность, является вариантом выше названного в первом тренде «ухода человека». В то же время саму VR можно использовать, не отрицая её, а приспособившая, используя её новые возможности, например, в виде создания разнообразных виртуальных тренажёров, что уже используется при создании заводов-цифровых двойников, при обучении пилотов, водителей, при разработке цифровых моделей в конструировании, при создании цифровых образовательных платформ и др.

Второй составной частью нашей АА выступает практика организации и проведения *гуманитарных экспертиз* (ГЭ). Концепт АА невозможно придумать, сделать продуктом сугубо кабинетной теоретической работы. Поэтому в рамках проекта организованы так называемые полигоны, на которых проходят обкатку основные идеи концепта и проводятся процедуры ГЭ.

Таковых полигонов было организовано три – полигон «Школа и цифра», полигон «Умный гаджет», полигон «Медицина».

На всех полигонах на разном материале (использование цифровых образовательных платформ в обучении, проекты по информационным цифровым технологиям, проекты внедрения цифры в образование и медицину, умные технологии в «умном городе» и др.) выстраивался опыт осмысления последствий внедрения умной цифры в разные сферы жизнедеятельности и отработка самой практики и процедур ГЭ.

В рамках проведения ГЭ выстраивается модель ГЭ, отличная от более привычной модели *этической экспертизы*, отрабатываются процедуры, принципы, регламенты и позиции, на которых строится модель ГЭ.

Последняя ввиду специфики ситуации, связанной с цифровым вызовом, понимается как практика *социогуманитарной инженерии*, то есть выстраивание человеком новых социальных моделей взаимодействия здесь-и-теперь, то есть, в рамках самой ГЭ, в которых (в моделях взаимодействия) учитывается специфическая роль цифры, умных технологий и виртуальных форм реальности, выстраиваются разного рода модели взаимодействия человека и умных технологий и новые формы социального взаимодействия, претерпевающих изменения ввиду формирования гибридной среды обитания.

Ключевым отличием ГЭ и ЭЭ в этой связи выступает то, что если предметом ЭЭ как раз выступала названная выше норма человека, норма быть, она была представлена в культуре, описана и признана всеми участниками, то в настоящее время сама норма человека, норма быть, оказалась поставлена под вопрос вследствие деструктивного влияния тренда «ухода человека». Поэтому сама практика ГЭ выступает по своему культурному заданию не только опытом оценки последствий внедрения умной цифры в повседневность, но также и практикой восстановления нормы человека, его нормы быть, практикой возрождения человека в его целостности, но в новых условиях. В этой связи в рамках данной АА проводятся дополнительные концептуальные поиски, связанные с выстраиванием взаимодействия человека и умной машины, человека и ИИ, в таких областях, как *этика в сфере ИИ* и др.

Алгоритм, алгоритмизация

Понятие, описывающее пошаговые действия по заданной программе. Выступает следствием введённого в науку принципа вычислимости, согласно которому мышление имеет вычислимую природу (напр., *компьютеризация*, полагающий вычислительную природу разума). В таком случае допускается, что мышление можно запрограммировать. Таким образом вводится алгоритмический принцип, по которому разрабатываются различные программы, лежащие в основе создания ИИ. Некоторые исследователи разводят цифро-алгоритмический подход, описывающий действие по образцу, по готовой схеме вопрос-ответ, доминирующий при обучении в массовой школе, и цифро-когнитивный подход, описывающий действие, связанное с

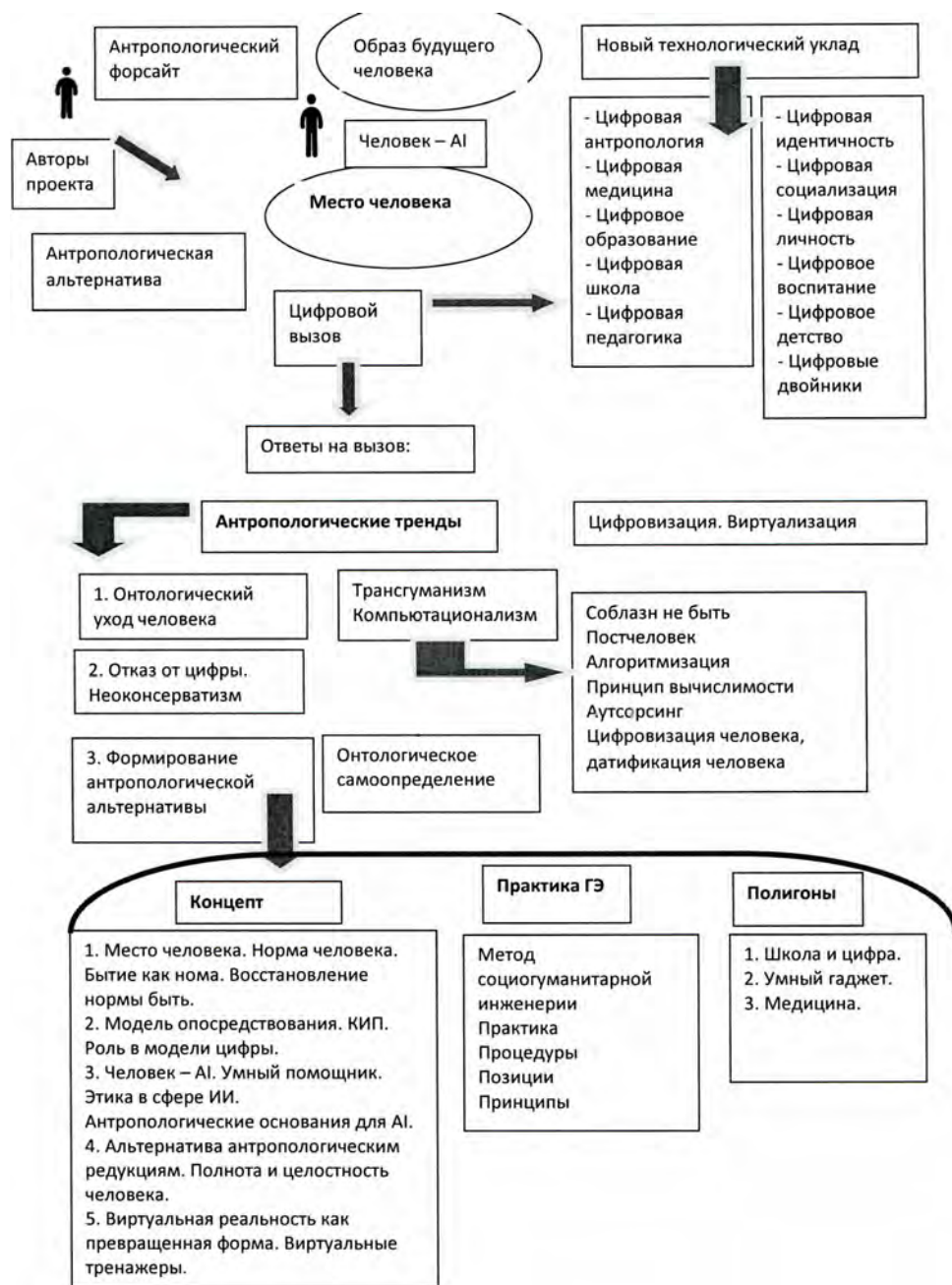

Рис. Концептуальный конфигуратор

моделированием в поисковой ситуации при отсутствии готовой схемы (работы Ю. В. Громько, В. В. Рубцова, С. А. Смирнова и др.). Если использовать язык культурно-исторического подхода, разработанного в школе Л. С. Выготского, то можно говорить о принципе опосредствования, согласно которому цифра может выступать новым видом орудия-знака, с помощью ко-

торого субъект опосредствует своё действие и через это овладевает своим собственным поведением. Тем самым преодолевается ограниченность алгоритмического принципа.

Антропологическая альтернатива

Понятие-научная метафора, означающее стратегию и позицию, противопоставленную стратегии и позиции, предполагающей замену человека постчеловеком (в разных вариантах). Стратегия альтернативы предполагает не отказ от умных технологий (на чём настаивают неоконсерваторы), а также не отказ человека от самого себя в пользу постчеловека, а выстраивание нового интерфейса человека и умной техники в новых условиях, в новой гибридной среде. В основании такой стратегии лежит восстановление *онтологического самоопределения* человека, которое лежало как основание в многовековой культурной традиции континентальной философии. Фактически в разных вариантах стратегию антропологической альтернативы предлагали такие авторы, как М. Фуко (проект практик себя, возвращение в новых условиях к базовым принципам и практикам заботы о себе, лежащим в античной традиции); С. С. Хоружий, В. В. Бибахин, О. И. Генисаретский (проект синергийной антропологии, предлагающий восстановление практик заботы, лежащих в основе духовной традиции православного исихазма); С. А. Смирнов (проект антропологической навигации), Г. Л. Тульчинский (проект персонологии) и др. Концептуальный фундамент для АА был заложен в рамках так называемого *антропологического поворота*, совершённого в 20-30-е годы прошлого века в трудах таких авторов, как М. Хайдеггер, П. А. Флоренский, М. Шелер, М. М. Бахтин, М. Бубер и др., предложивших иное отношение к человеку, предполагающее отказ от объектного отношения к человеку (отказ от технического отношения к человеку, отношения к нему как к средству или объекту описания и познания). Например, М. М. Бахтин предложил два предела, две установки – отношение к миру и человеку как к Вещи и как к Личности. Первое предполагает познание, потребление, использование, второе – проникновение, понимание и общение.

Антропологическая альтернатива – концепт, объединяющий философские теории, направленные на утверждение человека как особой формы бытия.

Антропологическую альтернативу можно реализовать как аналитическую практику, например, в анализе рисков редукции человека в технологиях ИИ. В качестве методологической основы можно использовать концепцию П. С. Гуревича, который считал, что человек есть особый, уникальный род сущего.

К теориям в русле АА можно отнести концепцию бытия и обладания Э. Фромма, являющихся полярными модусами ценностных ориентаций. Бытие как ценность – это утверждение подлинности жизни с другими людьми на основе любви и взаимности, как самореализация, как утверждение развития человеческой сущности, это истинный гуманизм, когда целью поступка является человек, а не замещающая его вещь. Обладание уводит от подлинности, от возможности стать личностью и в таком качестве призвано вращает бытие как позитивное начало сущего.

Основания для АА были заложены в антропологии христианства и ислама, утверждающих, что человек в акте творения наделён даром богоподо-

бия. Богоподобие – это одновременно отличающие человека от других сотворённых живых существ качества – разумность, способность к познанию и творчеству, это одухотворенность, способность к трансцендированию, ум, свобода, это способность к осознанию пределов и одновременно неограниченность существования в идее духовного бессмертия, личностное достоинство, способность и готовность на самоопределение. Если человек – цель творения, то это и готовность к ответственности. Разумная целенаправленная деятельность человека является таковой в силу способности человека к ценностной (моральной) рефлексии, к различению добра и зла, божественного и отпадающего от Бога. Поэтому с точки зрения христианской антропологии переводение человека в ряд сущностей, снижающих это высокое достоинство человека и его уникальное место в иерархии тварного мира, является вызовом против Бога.

Антропологическая редукция

1) Такая концептуальная (теоретическая) интерпретация специфики человеческого существования и человеческих практик, которая совершается путём сведения (*reductio*) всего многообразия измерений человека лишь к одному из них – чаще всего биологическому, но также и ментальному или трансцендентному, что позволяет объяснить сложное через простое, но при этом закономерно ведёт к упрощённому и потому ложному пониманию человеческой реальности и к потере представления о человеке в его действительной онтологической полноте. 2) Прагматика, стратегически опирающаяся на теоретическую редукцию человека к механизму, организму или конечному набору психических состояний и поэтому выступающая как сумма простых операций, направленных на управление человеком как одномерной системой (программой) элементарного уровня сложности.

Антропологический вопрос (главный вопрос философии)

Согласно философии И. Канта, главным вопросом философии является вопрос «Что такое человек?». С тех пор мировая антропология развивалась по логике кантовского вопроса, стремясь ответить на него объектным образом – дать очередное определение человеку и разработать соответствующий концепт, предполагающий ответ на вопрос о сущности человека. Сам вопрос объектного типа (что это такое?), требующий определить человека, задать сущностные пределы и способ существования, загонял исследователя в тупики объектной, эссенциальной парадигмы. В течение XX века многие антропологические концепции так или иначе стремились отвечать именно на кантовский вопрос. Другая антропологическая стратегия, заложенная в трудах авторов *антропологического поворота* и *антропологической альтернативы*, предполагает поиск ответа на иной вопрос – «где и когда есть человек?». Последний вопрос связан с полаганием, согласно которому сущности человека нет и к нему необходимо относиться не как к объекту описания и познания (в пределе – использования и уничтожения), а как к возможному существу, всякий раз совершающему своё онтологическое самоопределение. Последнее осуществляется в логике поиска своего места в этом мире, которое не дано, а задано, то есть предъявлено человеку как жизненное задание. Ему (каждому поколению и каждому индивиду) ещё предстоит найти своё

место в мире посредством разного рода практик заботы о себе (культурных, духовных практик, духовных упражнений т. д.).

В этой связи в течение XX века постепенно происходило смещение акцента в данном антропологическом вопросе – с акцента «что?» на акцент «где и когда?». Смещение акцента в главном вопросе произошло прежде всего в связи с тем, что человек переживает так называемую онтологическую дезориентацию, связанную с тем, что привычные, устоявшиеся, общепринятые ранее границы человека и иного ему сущего, перестали быть таковыми.

Последнее связано с тем, что впервые человек столкнулся с онтологическим соблазном, означающим отказ человека от усилия быть, от собственного онтологического самоопределения, то есть от собственной нормы, в силу чего человек, отказываясь от необходимости совершать онтологическое усилие, отказываясь тем самым от самого себя, теряет представления о собственной границе, предпочитая не быть. Подобное переживалось человеком и ранее, человек всегда испытывал соблазн не быть, но его спасала вера в Бога и страх божий.

В настоящее время этот вопрос обострился в связи с тем, что человек отказался от онтологического ориентира, веры в Бога и стал перекладывать ответственность за онтологическое самоопределение на другое сущее, являющееся его собственными творением, – искусственному интеллекту. Подобное перекладывание (точнее, *функциональный аутсорсинг*) стало возможным в связи с развитием техники, в функционал которой человек всё более включает те или иные умные функции, свойственные ранее только ему как разумному существу.

Но за передачей функций и работ, что было в рамках всемирно-исторического технологического процесса допустимо и объяснимо, последовала передача технике роли субъекта, ответственного за умное действие. За этим неминуемо последует и переход онтологической границы, допускающий отказ человека от самого себя в пользу так называемого постчеловека. В этой связи происходит исчезновение и самого субъекта, задающего главный вопрос – «где и когда есть человек?». Его задавать в таком случае уже будет некому.

Антропологический поворот

Направление исследований, концептов и практик, развивавшийся в 20-30 годы XX века. Связан с такими авторами, как М. Шелер, М. Бахтин, М. Хайдеггер, М. Бубер, Л. С. Выготский и др.

Антропологический поворот не сводится к философско-научному направлению (философская антропология). Он означает смену парадигмы в мышлении о человеке и поиск языка для выработки, условно говоря, неклассического антропологического дискурса. Этот поворот не означает «смерти человека». Он означает переориентацию базовых ориентиров человеческого бытия и восстановление исходных онтологических основ антропологии, с одной стороны, и наполнение живым антропологическим содержанием онтологии человека, с другой стороны.

Фактически всеми авторами антропологического поворота вёлся поиск не ещё одной новой концепции человека самой по себе, а поиск места человека и одновременно поиск нового метода мышления о человеке. Искалась не окончательная формулировка сущности человека, а тот особый способ

существования, который делает человека человеком. В этом смысле представители поворота вели работу по навигации человека в двойном смысле: как поиск места человека и как поиск слова о человеке. Специфика места состоит в том, что оно онтологически не предзадано, заранее не готово. Это метафизическое место всякий раз обустроивается особого рода антропо-практиками заботы в связи с онтологическим самоопределением человека. Соответственно и слово о человеке всякий раз заново выстраивается, исходя из специфики обустройства его места, то есть исходя из мыслительных, символических и деятельностных опор и ориентиров.

Авторами поворота была проделана попытка рассматривать антропологический дискурс в широком, не узконаучном смысле, как мета-антропологию, выстраивающую свой мыслительный дискурс по границам и пределам. Был проделан опыт отказа от позитивизма знания и опыт преодоления всевозможных редукций в понимании сущностных сил человека: биологической редукции, технической, религиозной, научной, рациональной и т. д.

Авторы АП не столько выстраивали строгие научные определения и термины, сколько искали опорные точки-ориентиры. К таковым относятся такие, как забота, личность, событие, ответственность, жизнь, энергия и проч. Был сделан шаг в сторону выстраивания не готового словаря антропологических терминов, а словаря-путеводителя с опорами и ориентирами. Был изменён сам способ работы с понятийным и терминологическим аппаратом антропологического дискурса.

С разной степенью воплощения в работах представителей поворота была проделана попытка преодоления разрыва между онтологией, метафизикой и антропологией. Понятийные гибриды возникали разные. Но была обозначена общая тенденция, направленная на онтологическое укоренение антропологии, с одной стороны, и на преодоление абстрактности и бесчеловечности учений о бытии человека, с другой.

Работы авторов АП используются в качестве мировоззренческой, философской, концептуальной опоры для выработки в настоящее время так называемой *антропологической альтернативы*.

Аватар

1. Аватар – это цифровое изображение, предназначенное для представления человека, которое он сам себе выбрал. 2. Аватар – это виртуальный помощник, наделённый функциями «искусственного интеллекта».

Автономия пользователя

Самоопределение, право принимать решения в части вопросов пользовательского выбора; независимость воли и действий относительно алгоритмов, подсказок и решений, предлагаемых интеллектуальными системами.

Асинхронное обучение

Асинхронное обучение – образовательный процесс, в котором ученики обучаются удалённо и в разное время с помощью цифровых образовательных платформ. Им даётся доступ к урокам, они сами делают домашнее задание. Оно может быть выстроено с обратной связью, когда его проверяют или без проверки.

Антропологический тренд

С одной стороны, набирающая силу тенденция в области антропологического знания; с другой стороны, ключевая линия развития событий (прежде всего – значительных трансформаций) в сфере бытия человека.

Массовидное явление, заключающееся в выборе определённой стратегии, связанной с онтологическим самоопределением человека. Можно выделить три антропологических тренда. Первый: тренд технологического и биологического улучшения человека, за этим стоит стратегия фактически ухода человека классического типа, человека разумного, человека как субъекта. Здесь человек рассматривается как существо, нуждающееся в улучшении (биологическом и технологическом), как по частям, так и в целом. Но улучшение приводит к тому, что классический человек разумный в итоге заменяется на *постчеловека*. Это означает отказ человека от усилия быть, редукцию человека к биологическому существованию, подчинение человека умным технологиям, в пределе – уход из мира как активного субъекта в пользу постчеловека. Второй тренд: *неоконсерватизм*, предполагающий отказ от умной цифры, запрет цифровых технологий, понимающих как изначальное зло и порчу человеческой природы. Третий тренд: *антропологическая альтернатива* первым двум трендам, которая предполагает выбор стратегии преобразования человека, возрождение его, но в новой гибридной реальности и использование умной цифры во благо развития человека.

Актеры ИИ

Субъекты разработки (проектирования, конструирования, пилотирования), внедрения и использования технологий ИИ на всех этапах жизненного цикла: заказчики, IT специалисты, менеджеры по продвижению, институционализованные и неинституционализованные пользователи, эксперты по ИИ:

Кодекс этики в сфере ИИ): «<...> под Акторами ИИ понимается круг лиц, в том числе иностранных, принимающих участие в жизненном цикле СИИ при его реализации на территории Российской Федерации или в отношении лиц, находящихся на территории Российской Федерации, включая предоставление товаров и оказание услуг. К таким лицам относятся, в том числе: разработчики, создающие, обучающие, тестирующие модели/системы ИИ и разрабатывающие, реализующие такие модели/системы, программные и/или аппаратные комплексы и принимающие на себя ответственность в отношении их конструкции; заказчики (лицо или организация), получающие продукт или услугу; поставщики данных и лица, осуществляющие формирование наборов данных для применения их в СИИ; эксперты, осуществляющие измерение и/или оценку параметров разработанных моделей/систем; изготовители, осуществляющие производство СИИ; эксплуатанты СИИ, на законном основании владеющие соответствующими системами, использующие их по назначению и непосредственно реализующие решение прикладных задач с использованием СИИ; операторы (лицо или организация), осуществляющие работу СИИ; лица, принимающие участие в регуляторном воздействии на сферу ИИ, в том числе разработчики нормативно-технических документов, руководств, различных регуляторных положений, требований и стандартов в области ИИ; иные лица, действия которых потенци-

ально могут повлиять на результаты действий СИИ или лиц, принимающих решения с использованием СИИ».

Антропологические вызовы искусственного интеллекта

Проблемная ситуация, суть которой заключается в осознании угроз и рисков, в сложности оценки блага и вреда для человека, возникающих при внедрении технологий искусственного интеллекта.

У А. Тойнби под вызовом понималась проблемная ситуация, решение которой становится узловым моментом цивилизационного развития. Риски для человека, с которыми сталкивается современный мир, связаны, в первую очередь, с утратой человеком субъектности с точки зрения возможности принимать решения. Это вызов человеческой природе, когда у машины развиваются способность, до сих пор принадлежавшую только человеку – способность к интеллектуальной деятельности, тем самым стирая грань между человеческим и нечеловеческим, природным и искусственным. Человек, передавая своё исключительное преимущество машинному интеллекту, превращается в существо алгоритмизированное и предсказуемое, расстаётся с контингентностью собственного выбора, уникальностью как основанием своей незавершённости и открытости миру. Полагание на ИИ приводит к тому, что у человека изменяются когнитивные свойства, способность к запоминанию, трансформируется память в качестве элемента самоидентификации. Происходит вытеснение человека машиной из производственных процессов, исчезает целый ряд профессий, прогнозируется, что системы ИИ благодаря своей сверхэффективности возьмут на себя большую часть человеческого труда, так что людям больше не придётся зарабатывать на жизнь трудом. Возникают новейшие формы неравенства, например, в силу возраста когнитивно обусловленная недоступность паритетного взаимодействия с алгоритмами.

В свою очередь, технологии ИИ несут очевидные выгоды человеку: их использование оптимизирует коммуникационные процессы, ускоряет обработку огромных массивов информации, обеспечивает общественную безопасность, упрощает покупки и улучшает медицинское обслуживание, избавляет человека от бюрократических процедур.

Аутсорсинг (жизненный, функциональный, технологический)

Процесс передачи различных функций и работ от человека – технике. Фактически по логике функционального аутсорсинга выстраивался весь научно-технический прогресс в течение всего времени существования человека. В основании аутсорсинга заложено понимание техники как удлинённого тела человека, уподобление тех или иных орудий его органам и функциям. Так родилось понятие органопроекции (его ввёл Э. Капп, развивал это понятие П. А. Флоренский). По логике органопроекции и аутсорсинга стало возможным допущение, что человек, будучи не эффективным как работник со своими органами и функциями, может быть заменен как частично, так и полностью. Дыхание, зрение, слух, физическая работа мышц и проч. могут быть заменены более эффективными техническими устройствами. В итоге мы пришли к идеям *постгуманизма* и *трансгуманизма*. С этой стратегией замены человека связана *антропологическая редукция*, согласно которой человека сводят к его части, к его телу, к его отдельным органам и функциям.

Он здесь понимается и описывается в категориях биологического существа или функционального устройства. При этом не рассматривается принципиально иная стратегия, согласно которой человек есть сущее духовно-практическое, всякий раз осуществляющее своё онтологическое самоопределение. Именно последнее представление соответствует норме человека (усилию быть), а не представление в версии разнообразных антропологических редукций.

Базовая модель интерфейса человек-машина

Модель, предполагающая оптимальное распределение функций и работ между человеком и машиной (умным техническим устройством), при которой человек остаётся субъектом действия, принимающим решение. Проблемы с её построением связаны с тем, что работает так называемый тренд технологического *аутсорсинга*, предполагающий передачу умных функций и работ от человека – машине. А также в связи проблемами, связанными с *онтологическим самоопределением* человека и *антропологической редукцией*. Если человек предпочитает тренд ухода как активного субъекта и если он редуцируется до биологического существа, до какой-то своей части, то при такой стратегии он неминуемо становится придатком технического устройства, одной из его функций.

Виртуализация

Виртуализация означает процесс создания особой *виртуальной реальности* (VR), претендующей на роль новой среды обитания человека. VR создаётся с помощью разного рода программных, цифровых, аппаратных, технических средств, расширяющих исходную, первую, социальную реальность, в которой привык обитать человек. Сам по себе тренд создания виртуальной среды обитания не плох и не хорош. Важно другое. Важно то, что молодые поколения, выросшие уже в цифровой культуре, то есть, выросшие не в культуре медленного чтения книги (организованного по логике линейного текста), попадают в мир нелинейных знаковых образований, в мир гипертекста, в котором привычная иерархия смыслов и символов перестаёт работать. В этой связи снимаются установленные в традиционных (доцифровых) культурах нормы и образцы, что позволяет выбирать любые варианты для самоидентификации. Но важнее другое. В процессе виртуального сдвига человек, уходящий всё более в VR, постепенно начинает предпочитать ориентироваться на образцы, положенные в VR, зачастую деструктивные, рискованные и не помогающие культурному взрослению. В результате виртуального смещения происходит сдвиг событийного центра, означающий, что события, происходящие и переживаемые человеком в VR, более значимы для него. Именно в VR для него формируется ценностный, событийный центр. В этой связи с точки зрения ситуации человека виртуализация важна не столько своими техническими возможностями, сколько своим ценностным и событийным смещением.

Виртуальная реальность

В проекте предлагается обсуждать проблему реальности виртуальных миров в категориях превращенных форм. Превращенная форма является не

извращённой или ложной реальностью и не фантазией сознания, а отдельной, реальной формой жизни, но представленной в её превращении, как это было показано на примере метаморфоза стоимости труда в денежную форму товара в «Капитале» К. Маркса. Виртуальная реальность есть такая же превращённая форма реальности, а не иллюзия сознания, и не воображаемый мир. Это реальный мир. Можно выделить следующие качества превращённой формы реальности: 1) отдельная, но не самостоятельная форма жизни; 2) ПФ выполняет в процессе превращения роль опосредованной формы; 3) ПФ представлена в виде копии исходного оригинала; 4) имеет знаково-символический способ существования; 4) ПФ зависима от исходной, родовой формы реальности, не самостоятельна.

Виртуальная реальность представляет собой как бы недоволощенную форму реальности, существование в её потенции. Такое представление было представлено в истории философии в виде идеи потенциального бытия (Николай Кузанский). Но это представление не стало впоследствии основанием для выработки самостоятельной онтологии виртуальной реальности. В работах Д. Чалмерса ВР также представлена не как иллюзия, а как реальность, но только как реальность сознания. Вместе с тем виртуальная реальность не сводится лишь к реальности воображаемых миров, к реальности сознания, реальности особых психологических состояний. Виртуальная реальность представляет собой продолжение естественно-искусственного процесса метаморфоза деятельности человека, только воплощённой в её превращённой форме. В этой связи предлагается понимать виртуальную реальность как такую форму жизни в её превращении и недоволощении, которую человек может использовать в виде нового ресурса для своего развития с целью преодоления отчуждения от самого себя. Этот ресурс ВР выражен в виде разного рода приложений и продолжений этого мира, воплощённых с помощью иммерсивных средств погружения. С их помощью можно выстраивать виртуальные модели и тренажёры и на них отрабатывать новые практики, невозможные в социальной и технической реальности. В таком случае виртуальные тренажёры и модели реальны, но выступают в качестве заменителей исходной реальности (как тренажёр самолета на тренировках заменяет реальный самолет). Это не означает, что виртуальная модель должна заменять реальный оригинал. Риски ухода в ВР в этой связи заключаются в том, что пользователи постепенно теряют границу между этой реальностью и ВР, подменяя превращённой формой первую.

Границы человека

Человек как сущее отличается тем, что его границы имеют не субстратную и ставшую, фиксированную природу, а духовно-практическую, энергийную. В этой связи они постоянно подвижны. Например, полагание человека как существа свободного и возможного, допускает то, что пространство свободы никак не может быть фиксировано и дано. Оно всякий раз переопределяется в каждой новой исторической ситуации и даётся как задание. Каждый раз в новой ситуации человек вынужден переопределять свои границы. Вместе с тем долгое время человек полагал, что эти границы между ним как сущим и животным миром, между ним и миром техники, между жизнью и смертью, даны как незыблемые. На этом представлении

выстраивались различные ценностные полагания и ориентиры. В связи с достижениями в области умных технологий человек попал в ситуацию, когда и представления об этих границах претерпевают переосмысление. Как говорил Б. Г. Юдин, я думал, что у человека есть ядро, но и оно поплыло.

В биоэтике принято представление о границах допустимых изменений природы человека. Границы – нормативно определённые состояния человека, пределы нормальности, которые могут существенно трансформироваться в случае массового применения новых биомедицинских технологий (репродуктивных, нейротехнологий и т. д.). Например, медицинская нормология прописана в МКБ (международная классификация болезней). Есть нормальная анатомия, нормальная физиология и есть патологическая анатомия и физиология. В данном случае отклонение от нормы и есть болезнь, патология.

Гуманитарная экспертиза

Целью гуманитарной экспертизы является оценка социальных, этико-правовых, антропологических, аксиологических и нормативных последствий применения той или иной технологии или реализации общественно значимого проекта. Субъектами в гуманитарной экспертизе являются и эксперты, и разработчики, и люди «со стороны» – реальные или потенциальные пользователи, потребители новых технологических продуктов или инфраструктуры. Эксперты оценивают риски и последствия в проекции своих профессиональных компетенций, позволяющих им считаться экспертами. Разработчики представляют свои проекты, чтобы учесть высказанные замечания и сделать свой продукт более конкурентноспособным в глазах потребителей. Пользователи знакомятся с новыми разработками, проектами, которые будут менять их жизнь, прислушиваются к экспертному мнению, дополняют его из своей перспективы жизненного мира.

ГЭ имеет дело с ситуацией, когда привычное, принятое ранее ядро человека и его границы оказались поставлены под вопрос, они оказались проблематизированными. Поэтому предметом ГЭ является не защита ставшей нормы, а восстановление границы человека, восстановление его нормы быть.

В ГЭ человек выступает как активный субъект, развивающийся субъект, становящийся, постоянно возвращающийся к себе и восстанавливающий себя в своей онтологической норме быть.

Проблематизация границы человека происходит именно потому, что переживаются массовые практики внедрения умных технологий в повседневность, практики внедрения в сущее человека (искусственный интеллект, генная инженерия, биомедицинские исследования, редактирование генома), вследствие чего представления о границе человека оказались подвергнуты пересмотру.

Гуманитарная экспертиза отличается незавершённостью перечней правил и стандартизации того, что она защищает. Предмет её – жизнь человека и общества в ценностной, значимой для них проекции. Необходимость ГЭ возникает, если есть предположения о том, что реализация проекта или внедрение технологических новинок будет трансформировать значимые элементы жизни человека, далеко не всегда они связаны с изменениями для здоровья, часто это изменения привычных жизненных укладов, моральных порядков, ценностные сдвиги, которые порождают социальное напряжение,

меняют самопонимание человека, его идентичность в глазах других, меняют отношения между людьми, меняют представления о «нормальном». ГЭ с помощью разнонаправленных взглядов – экспертного, обыденного, специального – «промеривает» возможные влияния и то, как изменится жизнь человека и общества, если технология будет широко применяться.

В ГЭ человек выступает точкой отсчёта, смысловым ориентиром, что позволяет совершать разворачивание человека к самому себе, но в новой социокультурной ситуации. ГЭ представляет собой место борьбы разных трендов: тренда ухода человека и замены его постчеловеком в духе трансгуманизма, тренда отказа от умных технологий в духе неоконсерваторов, и тренда возрождения человека, возвращения его к самому себе, но возродившемуся.

Предельными ориентирами в ГЭ являются опасности преодоления человеком своего видового порога – «бытия человеком», перехода на стадию постчеловеческого существования. В таком случае для экспертного анализа востребованы понятия философской антропологии, философская аналитика антропологических рисков.

В ГЭ нет жёсткой фиксации функции эксперта на конкретном носителе. Здесь в качестве эксперта могут быть привлечены и учёные, и общественные деятели, и обычные пользователи, потребители технологий, в зависимости от ситуации и конкретного содержания, от оценки рисков в конкретной практике внедрения тех или иных разработок, от задач ГЭ. Как таковая экспертная позиция плавает, но остаётся главным одно условие – быть «участным субъектом» (П. Д. Тищенко, Л. П. Киященко), быть погружённым в проблему, быть заинтересованным собеседником и быть готовым меняться и развиваться в зависимости от содержания проектов.

ГЭ выступает как класс методов, действий, совокупность инструментов и средств, собираемых для организации процесса управления изменениями, в рамках которых меняются и сами авторы того или иного проекта, и эксперты, и благополучатели, и лица, принимающие решения. ГЭ выступает как способ программирования изменений. Поэтому ГЭ выступает как как модель *социогуманитарной инженерии*, то есть метод управления социальными изменениями.

ГЭ имеет дело с прогнозом будущих ситуаций, которые могут складываться в силу внедрения умных разработок в повседневность. В таком случае она может пониматься как «метод опережающего реагирования» (Б. Г. Юдин).

Главным предметом в этом прогнозе в рамках ГЭ выступает видение образов будущих действий людей, складывания новых практик реагирования и поведения людей, связанных с изменением среды обитания, что в свою очередь связано с массовым внедрением умных технологий в повседневность. Предметом прогноза ГЭ выступают новые модели жизнедеятельности людей, новые модели их обитания.

ГЭ, коль скоро она предполагает осуществление прогнозного действия, предполагает далее проектирование, разработку человекообразных, человекоориентированных моделей и технологий, в которых уже заранее, опережающим способом, учитываются возможные гуманитарные риски и гуманитарные возможности.

Поэтому ГЭ предполагает не просто оценку конкретного проекта. Она предполагает прогноз на будущее – что будет, если... Если проект внедряет-

ся в массовом порядке, то что будет, если... ГЭ предполагает прогноз последствий, прежде всего гуманитарных (как рисков, так и новых возможностей), которые могут произойти в случае, если будет нарастать тренд массового внедрения тех или иных «умных» проектов и разработок.

Датификация человека (или цифровизация человека)

Переведение жизненных параметров (показателей и характеристик здоровья, социального положения, экономического и образовательного статуса, демографических описаний) в цифровые данные для их использования в цифровых системах. Более узким понятием, встречающимся в научной литературе по биоэтике, является квантификация человека. Оно означает разбиение целостности человека с помощью оцифрованных показателей здоровья, собираемых через индивидуальные системы мониторинга.

Искусственный интеллект

Программное обеспечение, имитирующее мыслительную деятельность человека. По аналогии с человеческим интеллектом может ранжироваться по степени развитости.

Существует множество определений ИИ. Например, следующие:

1. «Искусственный интеллект – моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека»¹⁹¹.

2. «ИИ – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹⁹².

3. «Направление исследований в современной компьютерной науке, целью которого является имитация и усиление интеллектуальной деятельности человека посредством компьютерных систем»¹⁹³.

4. «В настоящее время к ИИ фактически относят различные программные системы и применяемые в них методы и алгоритмы, главной особенностью которых является способность решать интеллектуальные задачи так, как это делал бы размышляющий над их решением человек. К числу наиболее популярных направлений применения ИИ относятся прогнозирование различных ситуаций, оценка цифровой информации и выведение из нее заключений, анализ различных данных с поиском скрытых закономерностей»¹⁹⁴.

¹⁹¹ ГОСТ Р 43.0.5-2009. Определение ИИ в российском в ГОСТ Р 43.0.5-2009 (п. 3.17) // Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения. «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru>.

¹⁹² Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в РФ» от 19.10.2019, № 490. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030. Ст. 5а.

¹⁹³ Финн В. К. Искусственный интеллект // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Изд-во Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 316.

¹⁹⁴ Гусев А. В., Добридюк С. Л. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // Информационное общество. 2017. № 4-5. С. 81.

5. «ИИ – теория и реализация компьютерных систем, способных копировать интеллектуальное поведение человека, выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта». Такие, как визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений и перевод с одного языка на другой¹⁹⁵.

6. «ИИ – способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота выполнять задачи, обычно связанные с разумными существами. Термин часто применяется к проекту разработки систем, наделенных интеллектуальными процессами, характерными для человека, такими как способность рассуждать, находить смысл, обобщать или учиться на прошлом опыте»¹⁹⁶.

7. Программа (или алгоритм), которая на основе обработки данных научается «принимать решения в ситуации неопределенности»¹⁹⁷.

ИТ-проповедник (технопроповедник)

Одна из профессий будущего из «Атласа новых профессий». Это человек, который продвигает идеи пользы от использования как отдельных новых технических устройств, так и цифровых технологий в целом. Фактически такие люди формируют или навязывают новую норму человека человечеству. Можно сказать, что ИТ-проповедники способствуют ускорению принятия новой нормы человека в информационном обществе. Фактически ИТ-проповедниками выступают сторонники *трансгуманизма* и *постгуманизма*. Также ИТ-проповедники относятся к такой пестрой группе людей, как технопрогрессоры, выступающие за всяческое развитие передовых технологий и улучшение за счёт этого природы человека (в отличие от неоконсерваторов и биоконсерваторов).

Компьютационализм

Концепция или шире течение в науке и философии, согласно которой происходит перенос понятий и терминов из компьютерных наук и практик в философию, таких, как алгоритм, вычислимость, дискретность и др. (см. *принцип вычислимости*). Такой перенос допускается сторонниками К. в связи с тем, что они полагают, активность мозга имеет такую же вычислительную природу, и шире – допускается, что разум имеет вычислительную природу. По логике такого допущения вырабатываются такие модели искусственного интеллекта, построенные по аналогии с активностью мозга. В пределе допускается, что модель ИИ – это и есть аналог мозга. Тем самым совершается целый ряд ложных допущений и редукиций. 1. Разумность, сознание человека сводится к активности мозга. 2. ИИ сводится к модели мозга. 3. Разумность и сознание сводится к вычислительным операциям. 4. Сведение в свою очередь мозга к метафоре компьютера. Мозг сводится к представлению устройства, обрабатывающего информацию. Интересная на первых порах с точки научных исследований метафора (мозг-компьютер)

¹⁹⁵ Oxford English Dictionary URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

¹⁹⁶ Encyclopedia Britannica URL: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence>

¹⁹⁷ Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин. Пер. с англ. О. Д. Сайфутдиновой. М.: Изд-во АСТ, 2019. С. 13.

становится чреватой серьёзными ошибками и вульгарными антинаучными допущениями. Логические допущения, разрешённые в рамках К., становятся одним из обоснований идеологии постгуманизма, предполагающего замену человека постчеловеком именно в связи с тем, что редуцированный человек, сведённый к функциональному устройству, гораздо менее эффективен, чем ИИ, и потому может быть заменен.

Конвергентные технологии (НБИК-технологии, НБИКС-технологии)

Технологии, которые переплетаются и дополняют друг друга. Термин может использоваться как расширение или замена более привычных понятий, таких, как цифровые и информационные технологии. В настоящее время сложно отделить технологии одну от другой. Их переплетение идёт не просто внутри одной технологической отрасли, но и на стыке разных сфер деятельности. Для примера, давно привычным стало переплетение математики, программирования и компьютерных технологий, но лишь относительно недавно ИТ стали тесно сосуществовать с когнитивными, биологическими социальными и другими технологиями. В этом контексте может использоваться термин НБИК-технологии или НБИКС-технологии, но подобная связка всё равно ограничивает сферы. Конвергентные технологии фактически могут включать все существующие технологии. Состав гибридных связей между ними зависит от степени сложности конкретных проектов.

Конфиденциальность данных

Этический принцип и практика защиты персональных данных от разглашения. Конфиденциальность подразумевает признание права личности на сохранение тайны данных о себе, право распоряжения этими данными. В цифровых системах собирают, хранят и используют личные данные, однако сложно гарантировать санкционированный личностью доступ к ним и варианты их использования.

Неоконсерватизм (в науке, философии)

Сложное и пестрое течение, представители которого призывают к отказу от умных технологий, к отказу от их внедрения в сферы жизнедеятельности человека, ссылаясь на то, что их внедрение разрушает традиционные консервативные ценности.

Основания представителей Н. самые разные, начиная от научного скептицизма и кончая религиозной верой. В этой связи в это пестрое течение могут входить как научные скептики, так и религиозные фанатики, для которых любая современная технология есть зло, идущее от Антихриста.

Представители Н. призывают к отказу от таких современных биотехнологий, как стволовые клетки, клонирование, продление жизни, улучшение качеств человека, геновая инженерия. Одними из самых активных представителей Н. являются биоконсерваторы. В США наиболее последовательно эту позицию занимает так называемый Совет по биоэтике при президенте США.

Такие представления так или иначе стали распространяться в целом на мировоззренческую позицию человека, выступающего как неоконсерватор или антропоконсерватор. Это человек, придерживающийся консервативных или негативных взглядов на технический прогресс. Эти взгляды

могли у него появиться не обязательно в процессе воспитания, а по мере осознания драматических последствий для человека внедрения конвергентных технологий. Подобные взгляды могут быть как обоснованными, так и базироваться на субъективных страхах и стереотипах.

Норма человека

Представление о человеке в его норме фактически является другой версией ответа на вопрос о сущности человека. Вопрос о сущности человека долгое время был краеугольным камнем в истории философии. Вопрос о норме становится актуальным в ситуации, когда по тем или иным причинам человек перестаёт соответствовать этой норме, собственной сущности. Последняя в то же время представлена и описана в библиотеке культуры. Соответствие норме означает соответствие представлениям о том, что такое человек в его существе, по своей природе. Долгое время под нормой человека понималось его разумное поведение (разумность, рациональность). История философии в этой связи описывалась как история разума. Поэтому безумие (или иные виды ненормальности, патологий) не входило в этот список. В XX веке вопрос о таком представлении о норме человека было поставлено под вопрос. Разумность перестаёт выступать нормой человека.

Одновременно стала пересматриваться и сама парадигма представление о самом понятии нормы, нормальности. В классической традиции под нормой имелась в виду устоявшаяся, сложившаяся природа человека, со ставшими качествами, состояниями и признаками. По этой логике человек рождался с уже сложившейся природой (сиречь нормой), задача заключалась в том, чтобы раскрыть её. Такое представление было характерно для так называемой эссенциальной парадигмы, полагавшей наличие у человека готовой и данной ему сущности, поэтому перед философ-исследователем стояла задача исследовать её, постичь и описать в той или иной концепции. При такой логике доминировал объектный вопрос «что такое человек?», ответы на который порождали разные антропологические концепции и теории.

В XX веке стала развиваться антиэссенциальная, или энергичная парадигма (см. *антропологический поворот*), согласно которой природы, точнее, сущности у человека нет, а человек вынужден всякий раз становиться заново, то есть восстанавливать норму быть. В этой связи и под нормой человека стали понимать не готовую природу, а само усилие человека осуществить собственное *онтологическое самоопределение*, совершить усилие быть, и найти своё незаменимое и незаместимое место в мире. Результаты этого усилия не гарантированы. Поэтому норма человека не может быть устоявшимся качеством или признаком, а всегда остаётся неким возможным шансом быть, стать. Норма человека выступает жизненным, культурным заданием, как для каждого поколения, так и для каждого индивида.

Модель опосредствования

Модель опосредствования выступает одной из ядерных идей в культурно-историческом подходе школы Л. С. Выготского. Согласно этому представлению, человек развивается благодаря тому, что он в своём онтогенезе совершает много раз операцию по опосредствованию своего поведения с помощью так называемых психологических орудий (знаков, вещей, символов, предметов). Человек овладевает орудием и посредством этого овладе-

вает своим поведением. Овладевая своим поведением, он формирует у себя новые функциональные органы, которые от рождения у него отсутствуют. Например, орган письма или орган счёта, или орган чтения, понимания, мышления. Процесс опосредствования рассматривается в качестве базового процесса развития высших психических функций человека. В ситуации цифровизации возникла базовая проблема – что такое цифра как психологическое средство опосредствования? Можно ли считать цифру новым знаком-орудием, овладевая которым человек формирует себя в новой гибридной среде, формирует в себе новые, условно говоря, цифровые органы? Вопрос до сих пор остаётся открытым, поскольку находится в стадии разработки, научного поиска и собирания эмпирического материала.

Омни обучение

Омниканальное или омни-обучение (omni-learning) – подход к обучению, который предполагает использование различных методов, технологий и ресурсов, чтобы создать наилучшие условия для освоения материала и развития учащегося. Включает в себя как традиционные методы обучения, такие как лекции и семинары, так и новые формы, такие как онлайн-курсы, вебинары, игры, интерактивные приложения и т.д.

Данный вид обучения подразумевает наличие образовательной программы как в оффлайн, так и в онлайн режиме (одинаково удобной для использования на смартфоне, планшете, ноутбуке и т. д.), при котором полученный опыт не будет отличаться друг от друга вне зависимости от платформы обучения.

Образы восприятия ИИ

Представленность в сознании и языке тех угроз и рисков, а также благ и выгод, которые ассоциируются с искусственным интеллектом.

Онтологическое самоопределение / онтологический выбор

Возможность, которой всегда располагает человек в силу специфики своего бытия. Заключается в способности человека принимать участие (в конечном счёте решающее) в определении уровня качества и степени перспективности своего существования. Самоопределение человека выражает его ценностные установки и является свободным, поскольку оно совершается как предпочтение одного из многих вариантов (линий, сценариев) существования. Конкретное бытие есть следствие человеческого выбора (или ряда таких актов), а не наоборот. Человек всегда живёт в той реальности, которую он выбрал, выбирая себя самого. Онтологическое самоопределение полагается в качестве базового принципа человеческого бытия в персонализме и экзистенциализме, а также в философии поступка М. М. Бахтина. Онтологическое самоопределение становится особенно актуальным в рамках выстраивания так называемой антропологической альтернативы в ситуации цифровизации и виртуализации, когда человек испытывает соблазн отказа от нормы быть.

Поколение Z

Поколение людей, которые родились в эпоху цифровых технологий. Они не застали период неразвитости цифровых технологий в осознанном возрас-

те. Они принимают цифровую среду как данность. Очевидно, что *норма человека* для них будет отличаться от нормы для тех людей, которые начали пользоваться компьютером и смартфоном, скажем, в 20, 30, 40 лет и позже.

Постгуманизм

Пестрое и многосоставное движение или течение сторонников преодоления человека и в пределе его замены на постчеловека. В целом, согласно постгуманизму, постчеловек есть существо, которое приходит на смену человеку, заменяя его и выступая более эффективным существом, обладающим кибернетическим бессмертием, природа которого улучшена за счёт передовых умных технологий, как некий человек улучшенный (*homo enhanced*). Происходит тем самым подмена и извращение самой практики развития человека. Идея духовного усовершенствования человека заменяется идеей технического улучшения. Вместо духовно-практической деятельности, духовных, культурных антропологических заботы о себе ему предлагается техническое улучшение. Сам человек изнутри себя не может стать совершенным, а потому его можно и нужно технически улучшить за счёт умных технологий, генной инженерии, достижений биомедицины, цифровых приложений и технических насадок.

Постчеловек

Гипотетический на данный момент субъект, возникающий по замыслу постгуманистов после преодоления ограниченностей человека. Точный портрет постчеловека в значительной степени определяется технологиями его создания (протезированный киборг, или генномодифицированный организм, или оцифрованное сознание без органической плоти вовсе), однако общий пафос его создания можно выразить в повышении «планки старта» для развития личности. Для примера: современный человек может, проведя десятилетия в медитации и умерщвлении плоти, достичь отрешения от своих эмоций и привязанностей. Субъект, могущий по желанию регулировать в крови уровень тестостерона и иных половых гормонов, к этому же состоянию ума приходит за сутки. И теперь он понимает эту точку как начальную, следуя по пути просветления дальше и достигая новых духовных высот. То же справедливо в отношении эмпатии, боли и иных психофизиологических процессов.

Превращенная форма

Понятие, обозначающее феномен превращения какого-то вида деятельности и ее продуктов в иную форму, которая становится заменителем первой. Процесс описан в «Капитале» К. Маркса на примере превращения стоимости товара в денежную форму выражения. Бумажные деньги становятся заменителем товаров, всеобщим эквивалентом. Или товар становится заменителем труда, который был потрачен на его производство. Люди привыкают к этому вещному выражению и допускают, что существо и тайна товарообмена состоит в этой вещной форме. Но невидимое (стоимость) они не видят. И поэтому придают значимость товару, или еще более - ее денежной форме, а не труду. Тогда формируется так называемый товарный фетишизм, согласно которому ценность и значимость приобретает сам товар и ее денежная форма, а не труд, скрытый за ним. Превращение является есте-

ственным процессом метаморфоза деятельности в ее вещные формы. В этом плане это не иллюзия и не фантазия, и не извращенная форма. Это самая настоящая реальность, только имеющая деятельностную природу и превращенную форму. Но проблема здесь заключается в том, что человек принимает в качестве ценностной и значимой именно денежную форму, отрывая ее от своего истока, и присваивая денежной, шире, вещной форме свойства самостоятельной сущности. И тем самым впадает в зависимость от вещной формы, забывая, что тем самым происходит отчуждение человека от своего труда, а продукты его труда отчуждаются от него, и он перестает быть хозяином самого себя. Загадка понимания феномена превращенной формы, тем самым, состоит в преодолении человеком отчуждения от самого себя. В данном случае - понимание границы между реальным и виртуальным мирами, преодоление отождествления ВР и первой, исходной реальности.

Принцип вычислимости

В данном случае нам для проекта важно различие принципа вычислимости и иного принципа, выступающего главным регулятивным принципом, объясняющим природу деятельности (мышления) человека (см. также *Алгоритм*). Согласно принципу вычислимости, мышление имеет вычислительную природу. Поэтому мозг человека начинает уподобляться компьютеру и наоборот. В этой связи само мышление описывается в логике вычислительных операций. А стало быть необходимо разрабатывать алгоритмы, на основании которых можно построить вычислительную модель искусственного мозга, то есть ИИ. Поэтому главной задачей при разработке ИИ становится разработка таких алгоритмов, которые позволяли бы ИИ считать быстро, много и не ошибаться. Согласно такой парадигме долгое время и развивались разработки по ИИ. Этой парадигме противостоит иная, согласно которой мыслит не мозг. И мышление имеет не вычислительную природу, а опосредованную. То есть мыслит новый функциональный орган, который человек на себе формирует в процессе своего развития, посредством разных культурных практик, начиная с простейших практик овладения простейшими орудиями и своим телом, и заканчивая сложными практиками опосредования сложных систем (см. *Модель опосредствования*). Но схема остается той же. В этом плане принципу вычислимости можно было бы противопоставить принцип опосредствования.

Саморегулирование акторов ИИ

Добровольное принятие акторами ИИ принципов профессионального долга - системы моральных обязательств по непричинению вреда человеку.

Семантика алгоритмов

В антропологическом ключе это цели, смыслы и ценности, лежащие в основании алгоритмического контента и синтеза. Антропоориентированная семантика алгоритмов не должна противоречить целям человеческого существования и развития.

Социальная (социогуманитарная) инженерия

В настоящее время, в так называемой постнеклассической ситуации, полагающей наличие и развитие мира миров, допускается сосуществова-

ние разных онтологий и онтологических установок. Допускается, что мир миров не объективен, он человекотворен. На место привычных подходов объектного познания мира и заданного проектирования и освоения мира необходимым образом приходит подход, соразмеряющий, с одной стороны, постоянную трансформацию миров, с другой – метаморфоз и самих авторов проектов, переживающих также вместе с рукотворными мирами собственный процесс изменений. Поэтому актуальным становится метод социогуманитарной инженерии, предполагающей конструирование и изменение социальных миров и управление метаморфозом этих изменений. Переход к неклассической ситуации самоопределения связан с тем, что принцип человекоразмерности мира, принципы объективности, разумности и познаваемости мира замещаются иными установками: что мир не объективен, не соразмерен человеку, не разумен и не целесообразен. Он разный – в зависимости от установок проектирующего. При социогуманитарном проектировании ставится в качестве цели не только создание новых миров, но и управление метаморфозом изменений самих авторов этих изменений. Этим отличается гуманитарное проектирование и социальная инженерия от известных и ранее описанных опытов и практик применения проектного подхода, в которых сами авторы проектов не выступали предметом рефлексивного самопроектирования.

Трансгуманизм

Философское направление. Частный случай постгуманизма. В целом решает задачу преодоления человека (типичную для постгуманизма вообще), которого определяет как набор недостатков и слабостей, требующих превосходения. Специфическими чертами подхода трансгуманизма являются ориентированность на инженерные методы решения задачи (протезирование и загрузка сознания на цифровые носители) и материалистическое, утилитарное мировоззрение. Последнее выражается в выстраивании риторики в духе попытки «продать» идею со всеми прилагающимися маркетинговыми приёмами и лексикой.

Умные технологии

Научная метафора, означающая наделение технологий умными функциями, которые ранее приписывались человеку (принятие решений, диагностика, распознавание образов, чтение, письмо, счет, прогноз и т.д.). Это не понятийный конструкт, а скорее метафорический, как и ИИ.

«Умный» город

Первоначально город, в пространство которого интегрированы различные информационно-коммуникационные технологии для управления городской инфраструктурой (транспортными потоками, системами ЖКХ, образованием, медициной и т. д.) с целью улучшения качества жизни горожан и повышения эффективности распоряжения городскими ресурсами. В современных городских исследованиях отмечается недостаточность технологического подхода к определению «умного» города. Многие авторы делают акцент не столько на современные технологии, сколько на рассмотрение «социального капитала, который имеет решающее значение не только для обеспечения информационных и коммуникативных качеств, но и для

выявления более широкой экологической и культурной роли, которую такие технологии играют в поддержке перехода к умным городам» (Deakin & Al Waer, 2011). Таким образом, от ограниченности технологического понимания «умного» города мы переходим к осознанию того, что «умный» город невозможен без «умного» сообщества, креативного и вовлечённого в городскую жизнь.

Уклад технологический

Выделение технологических укладов – следствие технологического подхода к периодизации развития мировых цивилизаций, который базируется на идее цикличности мировой экономики (циклов Кондратьева). Каждый технологический уклад определяется появлением, повсеместным распространением и интеграцией технологий, характерных для конкретного уровня развития производства, в жизненный мир человека. В существующих классификациях технологических укладов в качестве основного ресурса развития цивилизации рассматривается тот или иной вид сырья и сопутствующих ему технологий – энергия воды, энергия пара, электрическая энергия, энергия углеводородов, атомная энергетика и так далее.

Следуя этой логике, выделяется 6 технологических укладов: первый из них (1770–1830) связывается с развитием текстильной промышленности, механизацией и концентрацией производства на фабриках; второй (1830–1880) определяется созданием парового двигателя, расширением железнодорожной сети; третий (1880–1930) обусловлен появлением электродвигателя, активным использованием чёрной металлургии; четвёртый (1930–1980) сформировался в связи с применением энергии углеводородов и распространением нефтепродуктов; пятый (1980–2010) характеризуется совершенствованием микроэлектроники и информационных технологий; и, наконец, шестой (2010 – по н. в.) – новый технологический уклад – связывается с комплексом информационно-коммуникационных технологий, био- и нанотехнологий, активным развитием систем искусственного интеллекта и методов геной инженерии.

Однако в данной классификации не учитывается тот факт, что главным двигателем и ресурсом любого технологического уклада являлся человек, его качества и компетенции, которые по-разному применялись в различные моменты времени. Используя в качестве ключевого критерия периодизации тип ресурса, который был главным капиталом и опорой для человека в определённый период, можно выделить следующие уклады:

1) аграрный, при котором главным ресурсом являлась земля и, соответственно, развивались аграрные технологии, связанные с переработкой продуктов, выращенных на земле или шире – в природе. Человек на земле, человек – придаток аграрных технологий, зависящий от природы. Главный ресурс, который используется в человеке, – его физическая сила, с помощью которой он приводит в действие орудие труда;

2) индустриальный, при котором интенсивно развивается промышленность, индустрии первого поколения. Человек и машина, человек – придаток машины, одна из функций производства;

3) электрификационный, с которым связано появление телеграфа и радиосвязи. Человек и электричество, производство электроэнергии как главный ресурс, человек – потребитель электроэнергии;

4) индустриально-сырьевой, при котором возникают новые технологии на основе добычи и переработки сырья. Человек и углеводороды, человек – придаток трубы;

5) информационный, при котором происходит информатизация многих процессов, совершенствуются телекоммуникации и, кроме того, развивается атомная энергетика. Человек и микромир, человек уподобляется информационной машине;

6) антропный, который определяется распространением и применением НБИКС-технологий, попытками решить проблему моделирования и клонирования человека, в том числе за счёт редактирования генома. Главный ресурс – человек и его мышление в ситуации совершенствования искусственного интеллекта и соблазна цифры. Наука внедряется в то, что заповедано, – в тайну рождения человека. Наука готова создать новое существо. Значит, человеку не нужен ни Бог, ни тайна творения. Значит, человек в принципе заменим на другое существо. Он больше не нужен.

Очевидно, что распространение новых технологий приводит к трансформации антропологической реальности, существенным образом влияет на социальность и, в итоге, на онтологию человека. При этом те изменения, которые сулит шестой – новый технологический уклад, становятся самыми значительными с антропологической точки зрения. Именно в шестом технологическом укладе решается вопрос о том, превращает ли человек себя в придаток техники или становится самоцельным.

Умное устройство

Устройство, способное принимать решения разной степени сложности. Начиная с простых, например, включение автомобильных дворников при попадании капель дождя на стекло, и заканчивая сложными, как интеллектуальные системы, берущие на себя высшие когнитивные функции человека.

Форсайт (антропологический)

Форсайт – практика конструирования образов будущего. Стал распространенной практикой в силу того, что мировые тренды развития и мировая динамика стали фактически опережать существующие линейные прогнозы. Впервые стал использоваться в Японии после второй мировой войны и в США (первые доклады RAND Corporation). Среди всех форсайтов самый распространенный тип форсайта по содержанию – технологический, поскольку понятен предмет конструирования. Антропологический форсайт – самый редкий, поскольку сам предмет (человек) – самый сложный. Но именно он является рамочным для всех остальных форсайтов. Основные допущения форсайта в отличие от привычного линейного прогноза следующие: 1. Будущее не выводимо из прошлого. Нельзя методом экстраполяции прошлых трендов конструировать образ будущего, полагая что завтра будет так же, как вчера. Это далеко уже не так. 2. Образ будущего не придумывается из головы. Образ будущего конструируется исходя из самоопределения самого форсайтера в коллективных практиках. От того, как он полагает себя в будущем, зависят и образы будущего. 3. образов будущего много, не один. Поскольку нет линейного поступательного движения из прошлого в будущее. образов будущего столько, сколько самих авторов этих образов. 4. А по-

сколько образы разные и у авторов разное самоопределение, то за образ будущего идет борьба, конкуренция. И никто не знает, какой образ будущего победит. Для этого вырабатываются определенные методы и практики форсайта. К таковым относятся такие, как анализ и прогноз трендов, разработка сценариев, разработка дорожных карт, сканирование горизонта (слабых сигналов, предсказание диких карт, джокеров или черных лебедей). Последнее - самое сложное и самое не успешное в практике форсайта, поскольку черных лебедей предсказать невозможно. Но именно они случаются все чаще в связи со все большим усложнением мировой динамики развития. Инструменты в форсайте используются самые разные (Дельфи опросы, интервью, экспертные панели, фокус-группы и др.).

Цифра как средство опосредствования

В процессе цифровизации встает вопрос о том, можно ли рассматривать цифру как средство опосредствования? В КИП базовой моделью выступает модель описания развития человека через понятие опосредствования, согласно которой человек, овладевая внешним орудием и знаком, овладевает своим поведением и через многократное овладение формирует у себя и высшие психические функции (мышление, память, волю, воображение). Тем самым складывается новая функциональная личностная органика в процессе культурного развития. Но КИП разрабатывалась в доцифровую эпоху, в которой психологическими орудиями выступали знаки, слова, вещи, символы, образы, числа. Цифры в этом списке не было. В настоящее время встала задача выстраивания новой *модели опосредствования*, в которой ключевым средством опосредствования выступает цифра, являющаяся новым посредником, будучи одновременно знаком, орудием и признаком (качеством) среды обитания.

Цифровая антропология

Новое направление в современных антропологических исследованиях. Пока носит условное название, выделяя аспект цифровизации среды обитания человека и влияния цифры на него. В принципе, коль скоро мировая антропология так и развивалась, плодя новые отрасли (появились социальная, педагогическая, историческая, инженерная, медицинская и проч. антропологии), то по этой логике стало употребляться и такое сочетание, хотя существа делу это не прибавило. Пока своих языка, предмета и метода у ЦА нет.

Цифровой вызов

Вызов для гуманитаристики со стороны цифровых технологий, заключающийся в том, что все донныне существовавшие концепты и доктрины, использовавшиеся в гуманитарных науках (философии, психологии, педагогике и др.) не имели в своем понятийном строе таких понятий, как цифра, виртуальная реальность, цифровой двойник и др. Гуманитарные науки оказались принципиально, точнее, онтологически не готовы к цифровому вызову. В этой ситуации неготовности гуманитарные сообщества выбирают разные стратегии, которые пока показывают свою неэффективность: 1. Поспешное встраивание цифры в свои концепты, разработанные до цифры. При такой стратегии цифра ломает эти концепты, последние выглядят

искусственными, не работающими. 2. Сохранение старых концептов и всяческое отрицание цифры как необходимой и неизбежной реальности. Эта стратегия также неэффективна. 3. Стратегия встраивания цифры в новую онтологию и картину мира, что предполагает парадигмальное переустройство, смену оптики мышления. Эта стратегия самая сложная, но неизбежная

Цифровая личность

Оксюморон, допускающий формирование личности человека в цифровой, виртуальной среде. Некоторые исследователи допускают, что она складывается в этой среде. В мягком варианте имеется в виду совокупность цифровых следов конкретного человека, которые он оставляет в виртуальной среде (персональные данные, медицинские карточки, цифровой дневник и проч.). В более продвинутом виде допускается, что молодое поколение действительно проходит своё развитие и формирование в цифровой среде. Хотя в таком случае под личностью имеется в виду любая индивидуальность человека как эмпирического существа. А нам в проекте важно понять, формируются ли действительно в цифровой среде новые личностные качества, которые ранее в доцифровую эпоху и не формировались. Не навыки, не способности, а качества личности. С изменением технологий, разумеется, у человека формируются новые способности и навыки (переход от ручного труда к машинному это показал). Но речь идёт о личности. Вопрос остаётся открытым.

Цифровая школа

В данном случае речь идёт о модели такой школы, в которой выстраиваются такие культурные практики развития, в которых цифра выступает средством и технологией развития, встроенной в программы обучения, будь то в рамках цифровых образовательных платформ, или иных технологий и средств обучения.

Цифровая социализация

В ряде работ разных авторов допускается, что в настоящее время подрастающее поколение переживает так называемую цифровую социализацию, то есть осваивает социальные нормы и образцы в цифровой среде. Словосочетание пока не стало понятием. Оно больше похоже на оксюморон, поскольку главным в этом процессе всё же выступает социализация, которая по определению должна проходить на практике, через овладение реальными социальными нормами и образцами, а в виртуальной реальности овладение произойти не может, поскольку соответствующей социальной практики там нет по природе своей. Как не может заменить виртуальный тренажер самолета – сам самолет. От виртуальных симуляций человек всё равно должен переходить к реальным социокультурным практикам.

Цифровое воспитание

В узком смысле под цифровым воспитанием понимается действия родителей (опекунов, воспитателей), направленные на контроль, корректировку, поддержку освоения цифровых технологий детьми. В качестве методов цифрового воспитания могут выступать как поддерживающее, так и запрещающее поведение родителей: от моделирования здорового цифрового образа жизни и создания безопасной цифровой среды до отслеживания

экранного времени и даже полного запрета на взаимодействие с цифровыми устройствами.

В широком смысле к понятию «цифровое воспитание» можно отнести любые идеи традиционного воспитания при добавлении в модель взаимодействия взрослый-ребёнок цифровых технологий.

Стоит отметить также появление в англоязычной литературе термина «позитивное цифровое воспитание». Такое воспитание не демонизирует цифровую среду, но предполагает, что родитель обучает ребёнка безопасному и ответственному взаимодействию с цифровыми устройствами и интернетом.

Цифровые технологии

Технологии, используемые для построения виртуальной реальности с помощью цифры. Зачастую понятия цифровая среда, виртуальная среда, виртуальная реальность используются как синонимы.

Цифровая медицина

Обозначение современного этапа в развитии медицинских практик и организации здравоохранения после цифровой трансформации.

Цифровая педагогика

Использование методов цифрового обучения в образовательной практике, для контроля, передачи и хранения учебных знаний.

Цифровая трансформация

Появление в социуме новых системных свойств, институтов, типов деятельности и коммуникации, профессий благодаря использованию цифровых систем для создания, хранения, передачи, обработки информации.

Цифровой двойник

Система социальных, когнитивных, медицинских описаний реальных людей в информационной среде. Это такой виртуальный образ человека, который позволяет сделать управляемыми его когнитивные и телесные процессы.

Записанные в едином профиле ключевые или расширенные характеристики человека (фото, персональные данные, авторские тексты, видео-контент и пр.), представляющие собой объект, с которым отождествляется человек в сетевом пространстве или иной информационной системе. Фактически информационная система распознает не человека, а цифрового двойника. Очевидно, что цифровой двойник – это упрощенная версия человека, далеко не всегда адекватно отражающая сущность человека. При этом однако, именно образ цифрового двойника зачастую считается нормальным контрагентом при коммуникациях.

Цифровая дидактика

Цифровая дидактика – это отрасль педагогики, нацеленная на организацию образовательного процесса в условиях цифровизации общества. Данная научная дисциплина пользуется традиционными для дидактики принципами и основными понятиями, но трансформирует и дополняет их,

адаптируя под современные реалии. Цифровая дидактика является основой для построения современных методик и стратегий обучения.

Цифровая идентичность

В соответствии со сложившейся теорией и практикой социально-гуманитарных и психологических исследований под ЦИ понимают совокупность свойств психики, компетенций и черт характера, формирующихся у человека, значительную часть своей жизни пребывающего в цифровой среде. ЦИ специфицирует и в концентрированном виде выражает осознание человеком своей принадлежности к цифровому сообществу.

Основными опорными концептуальными точками в дискурсе о ЦИ можно считать (1) представления о её текучем характере (она постоянно изменяется, переопределяется в своем содержании, является становящимся, а не ставшим феноменом), (2) о расширении персональных возможностей конструирования цифровой идентичности и (3) о включении цифрового устройства в механизмы жизнедеятельности человека (здесь речь идет о слиянии человека и умного устройства, которое в литературе иногда называют «расширенным разумом»).

Можно выделить два направления концептуализации, которые преобладают в дискурсе о ЦИ: первое направлено на изучение расщепления ЦИ и реальной идентичностей личности; второе рассматривает перспективы замены человека как сущности *постчеловеком*.

В соответствии с первым направлением принято считать, что воплощение своей личности в цифровой среде происходит через удвоение, предполагающее появление у человека, помимо реальной, дополнительной ЦИ. Эта идентичность конструируема: в цифровой среде человек пробует и примеряет, ориентируясь на собственные предпочтения, не только разные стили общения и социальные роли, но даже такие характеристики, как пол, возраст, социальный статус – все это допустимо в рамках «виртуального самопредъявления» и «игр с идентичностью».

Второе направление более радикально и связано с трансгуманистическими перспективами, которые открывают достижения науки, направленные на глобальное преобразование качеств человека. В приложении к проблематике социально-философского осмысления феномена ЦИ важно акцентировать вопрос о том, останется ли человеческое в человеке после разнообразных вмешательств. Ход такого рассуждения наталкивает на необходимость выстраивания философской проблематики, связанной с коренным переопределением или даже поиском новой идентичности измененным человеком; таким образом, трансгуманизм в острой форме актуализирует проблему самотождественности человека.

Авторы проекта отстаивают посылку, в соответствии с которой цифровая среда онтологически является превращенной формой социальной среды и выстраивают свои представления о ЦИ в соответствии с такими критериями, как: (1) роли цифрового устройства и цифровой среды для человека; (2) расположение событийного центра человека; (3) центр самоопределения человека. Такой подход усложняет понимание ЦИ и позволяет развернуть экспериментальный набор ее типов, таких, как (1) человек с достроенным разумом; (2) человек с цифровой телесностью; (3) человек алгоритмический; (4) человек возвращающийся и (5) человек – информа-

ционный бродяга. При этом типы ЦИ не являются у отдельной личности взаимоисключающими и могут реализовываться как по отдельности, так и в совокупности. Подробнее о типах см. ниже.

ЦИ «достроенного разума» реализуется, когда человек занимается получением информации с помощью цифрового устройства. Последнее здесь выступает в роли инструмента, а цифровая среда – как источник информации. Специфика состоит в том, что, так как люди все чаще компенсируют возможности своей памяти или способности к аналитическому мышлению обращением к цифровым устройствам, то можно говорить уже о «достройке себя» цифровым орудием. При этом человек остается в субъектной позиции, но усовершенствует и расширяет свои способности; центр его событийности также остается в реальности (не смещается в цифровую среду).

ЦИ цифровой телесности формируется в результате активного использования носимых цифровых устройств, отслеживающих параметры состояния тела. Так как человек может воспринимать носимое цифровое устройство как наставника, предоставляющего количественные оценки параметров тела, и доверять его информации больше, чем опыту собственной телесности, создается ситуация, когда гаджет влияет на формирование у человека того образа, к которому ему следует стремиться (сколько часов спать, какое количество воды потреблять, как много двигаться, к какому весу стремиться и пр.). В результате человек частично теряет позицию субъекта сразу и в отношении с собственным телом, и в отношении способности выстраивать горизонт своего физического развития. Здесь можно говорить о смещении событийного центра человека, связанного с ощущением телесности.

ЦИ алгоритмического человека может складываться как ответ на растущее время пребывания в социальных сетях, в ходе которого происходит перенос человеком внимания с себя на ту аудиторию, с которой он входит в отношение, подстройка под нее. Цифровая среда, выступающая вместилищем социальных сетей, выступает как превращенная форма, за счет чего перестраивается сама суть коммуникативного процесса: строго говоря, коммуникация может не иметь прямого отношения не только к социальности в общеупотребительном смысле, но и вообще к реальности ни с точки зрения самого коммуниканта (он может разделять себя и ту личность, которая общается в сети), ни с точки зрения его визави (существует ли он вообще или является ботом, не-человеческим субъектом?), ни по своим последствиям (которые могут восприниматься коммуникантом как игра).

Этот тип ЦИ назван алгоритмическим, так как ответ цифровой среды, на которую ориентированы коммуникативные действия человека, исчислим количественными параметрами – числом виртуальных друзей, с большей частью которых нет прямого знакомства, размещенных постов, лайков и комментариев к ним и пр. Этот тип идентичности можно описать через несколько характеристик, выявленных разными исследователями. Прежде всего, она становится «не просто множественна, а с необходимостью расфокусирована» для того, чтобы подстроиться под запросы разнообразной аудитории и собрать как можно более богатый урожай в виде желательных реакций на ту или иную самопрезентацию. Вероятно, здесь же возможно конструирование ложных идентичностей, масок, а также «идеализированное, утрированное самопредъявление, позволяющее человеку быть тем, кем он захочет, или не быть собой, присваивая себе утрированные атрибу-

ты сверхчеловека». В результате человек, у которого реализуется алгоритмическая ЦИ, становится все более атомизирован, одинок, замкнут сам на себя. Одновременно происходит девальвация значимости для человека не цифровых социальных институтов.

Субъектная позиция человека в ходе коммуникации в сети сохраняется, но сама среда выступает как превращенная форма социальной, а значит, остается неопределенной, размытой. В то же время, именно в ней человек осуществляет попытку реализации этой субъектности, и с опорой на нее выстраиваются параметры идентичности личности. Соответственно, событийный центр человека смещается из реальной в цифровую среду.

ЦИ возвращающегося человека отличается от предыдущего тем, что в ходе его реализации человек не переносит акцент внимания на цифровую аудиторию, а оставляет его на себе, а цифровая среда выступает не как превращенная форма, а как воплощенное через цифрового посредника (устройство) продолжение социальной среды, позволяющее устанавливать, поддерживать и развивать социальные контакты. Это означает, что при реализации данного сценария поведения цифровая среда как отдельный феномен перестает существовать, а цифровое устройство выступает в роли инструмента в коммуникации. Назвав этот тип цифровой идентичности «человек возвращающийся», мы имели в виду, что идентификационные параметры человека дополняются составляющей, обретенной в цифровой среде, но сам он не остается в ней, а возвращается к себе.

ЦИ информационного бродяги может быть реализована при погружении в практики, связанные с отвлечением и развлечением: листание ленты социальных сетей, просмотр видеороликов, определенный вид игр, которые часто называют «убийцами времени». Особенно притягательной силой такой способ времяпрепровождения обладает для детей, для которых «гаджет становится живым собеседником ребенка, одушевляющего его, относящегося к нему больше, чем к игрушке», то есть цифровое устройство наделяется пользователем свойствами субъектности. Наедине с экраном человек остается в позиции пассивного наблюдателя, возможная полнота его деятельности, понимаемая как социокультурный акт, редуцируется к стимульно-реактивной модели. Здесь возможно воплощение сценария ухода человека от самого себя с потерей собственной субъектности. Соответственно, пределом такого сценария может являться формирование бес-субъектной идентичности.

Цифровое детство

Детство, значительную часть которого занимают цифровые практики. Отдельные исследователи рассматривают его как особый культурно-исторический тип детства, возникающий в условиях информационного общества.

Цифровые образовательные платформы

К цифровым образовательным платформам (ЦОП) можно отнести любые сайты и приложения, предназначенные для использования в образовательных целях (видео-, аудиоматериалы, изображения, текст, обучающие игры, тесты, чаты, форумы и пр.). ЦОП может упрощать отдельные механизмы взаимодействия учителя и ученика (допустим, при проверке домашнего задания), служить источником дидактического и иного учебного материала,

помогать при оценке знаний или выступать как тренажёр для отработки навыков. Однако на текущий момент ЦОП не может моделировать поисковую ситуацию и, следовательно, выступать заменой живому процессу обучения.

Цифровая эпоха

Цифровую эпоху (Digital Age) часто понимают и используют как синоним понятия «информационная эпоха» (Information Age), исторический период, для которого характерно быстрое развитие технологий и переход от традиционной промышленности к экономике, основанной на информационных технологиях. Это не вполне корректная классификация, поскольку начало информационной эпохи традиционно отсчитывается с середины XX века, в то время как к цифровой эпохе в первую очередь относят начало XXI века, иногда с включением последнего десятилетия XX века. Различаются и социальные характеристики эпох: если начало информационной эры определялось исследованиями, научными и экономическими преобразованиями, то для цифровой эпохи уже характерны антропологические изменения в том смысле, что электронные девайсы становятся частью каждого человека (умение использовать цифру как новый функциональный орган), а граница между цифровым пространством и физическим (нецифровым) колеблется, размывается или полностью стирается.

Цифровая грамотность

Владение базовыми навыками использования цифровых устройств с целью эффективного решения повседневных задач. Популярный тезис о том, что все современные люди должны обладать цифровой грамотностью, может быть подвергнут сомнению. Если человек счастливо и комфортно себя ощущает без наличия этой грамотности, то почему он должен ею обладать? С другой стороны, если перед человеком стоит задача социально реализоваться, то ему приходится сталкиваться с ожиданиями других людей. И здесь мы уже говорим о новой ожидаемой норме человека: другие люди могут считать человека не «нормальным», если он не обладает цифровой грамотностью.

Цифровизация (см. также виртуализация)

Процесс модернизации человеческой цивилизации за счёт внедрения цифровых технологий во все сферы жизни общества. Переведение информации, коммуникации на язык цифровых алгоритмов с использованием компьютерной техники.

Процесс развития умных цифровых технологий, вследствие чего меняется среда обитания человека, она становится гибридной, сочетающей в себе и привычную физическую, материальную и социальную сторону, и новую, виртуальную. Цифровой контекст выделяет в процессе инструментальный смысл, выделяет единицу, то есть цифру. А виртуальный контекст означает другой аспект – аспект новых возможностей и новых миров, только виртуальных, созданных с помощью цифровых технологий.

Человеко-машинный интерфейс

Программно-аппаратные системы для обеспечения взаимодействия человека и компьютера (или любого произвольного технического устройства). Примеры: экран монитора, клавиатура и мышь; нейроинтерфейс; джойстик; сенсорный дисплей.

В более широком смысле означает построение кентавра или гибрида человек-умное устройство (человек – ИИ) и распределение между ними функций и работ. По мере развития умной техники этого функционала постоянно пересматривается и перераспределяется (см. *Базовая модель интерфейса человек-машина*).

Этика алгоритмов или Алгорэтика

Вид прикладной этики в области регулирования технологий искусственного интеллекта. В Ватикане разработан Кодекс Этики Алгоритмов. Основные принципы кодекса: уважать частную жизнь человека, действовать прозрачно и непредвзято, гарантировать соблюдение прав людей, особенно незащищённых слоёв населения. Разработчики искусственного интеллекта, согласно кодексу, должны разъяснять не только то, как алгоритмы приходят к своим решениям, но также поставленные перед ними цели и задачи.

Этика в сфере ИИ

Регулятивная практика, целью которой является обоснование норм и принципов в отношении ИИ. Предмет этики ИИ – использование самообучаемых нейросетей, риски, возникающие в связи с предположениями о том, что нейросети будут принимать решения за человека, имитировать, замещать, а то и превосходить человека в когнитивной, творческой деятельности.

Этическая экспертиза

Оценка научных и прикладных проектов на соответствие принятым этическим требованиям и нормам закона. Осуществляется экспертными советами, этическими комитетами и комиссиями. В России широко распространена этическая экспертиза клинических исследований (с участием человека). Для этой цели в научных учреждениях создаются этические комитеты. Они могут разрешить, отказать или приостановить проведение исследования. Экспертами этического комитета могут быть представители медицинских, научных организаций, образовательных организаций высшего образования, а также представители общественных организаций, религиозных организаций и средств массовой информации. Процедурные правила этической экспертизы устанавливают порядок подачи документов по проекту, их перечень, порядок оценивания и выдачи заключения, порядок мониторингования в ходе осуществления проекта.

Этическое регулирование

Тип нормативного регулирования новых технологий, опирающийся на конвенционально принятые системы принципов и правил, выполняющих роль этических норм. Этические нормы могут не совпадать с юридическим и морально-нравственным регулированием. Этическое регулирование является элементом «мягкой силы» по сравнению с юридическим, основанном на принудительном исполнении. От норм нравственного регулирования этические правила отличаются кодифицированным характером, т.е. оформляются в Кодексе, не имеют универсального характера, поскольку предназначены для ситуативного регулирования.

Юзабилити

Показатель того, насколько легко и удобно пользователю взаимодействовать с интерфейсом сайта.

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Проект

Преамбула

Одна из задач проекта «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт» была связана с теоретико-методологической разработкой модели гуманитарной экспертизы научно-технологических и образовательных проектов, связанных с применением цифровых технологий.

Для выполнения этой задачи было проведено **18 мероприятий**, в числе которых были:

- Экспертные сессии на полигоне Умный гаджет на базе НГУЭУ – всего пять сессий. На них были обсуждены 13 технологических проектов.

- Экспертные сессии на полигоне Школа» на базе Лицея № 130 им. М. А. Лаврентьева – всего четыре сессии. Оценка применения цифровых технологий. Цифровых образовательных платформ на уроках в начальной школе и в старших классах.

- Экспертная сессия «Умные» технологии: гуманитарная экспертиза как испытание культурным наследием. Октябрь 2021. Великий Новгород.

- Серия круглых столов по тематике: «Гуманитарная экспертиза использования умных технологий»; «Цифровизация сферы здравоохранения, достижения геномной инженерии и новая медицинская парадигма: изменение роли врача и пациента, «Гуманитарная экспертиза практик применения искусственного интеллекта в сфере образования». Июнь-июль 2021. На базе Точка кипения НГТУ. Всего – три круглых стола.

- Круглый стол «Этика для искусственного интеллекта. Гуманитарная экспертиза». В рамках Международного форума технологического развития «Технопром-2021». Август. 2021.

- Семинар «Цифровая педагогика». Ноябрь 2021. Лицей № 130.

- Семинар «Гуманитарные аспекты разработки и внедрения ПМП и систем телемедицинской коммуникации с пациентом».

- Семинар «Лабораторный этап гуманитарной экспертизы Дорожной карты (ДК) ХЕЛСНЕТ НТИ».

- Круглый стол в ГНЦ вирусологии и биотехнологий «Вектор» «Этические аспекты разработки вакцин и проведения вакцинации против COVID-19». Январь 2023.

По итогам мероприятий проводилось обсуждение с целью отразить полученный опыт гуманитарной экспертизы. Каждое мероприятие выполняло роль экспериментального, поискового полигона по отработке процедур, сценариев, экспертных методик, оценочных средств и других составляющих ГЭ.

Результаты экспертных сессий сведены в **основные положения** о гуманитарной экспертизе.

Основные положения

1. Отличительной чертой гуманитарной экспертизы является **многообразие репертуаров и форм**. Разновидности экспертизы задаются осо-

бенностями объектов экспертной оценки, организационным сценарием обсуждения и экспертного анализа, зависят от того, кто выступает в качестве заинтересованного заказчика на проведение экспертизы.

ГЭ цифрового обучения в школе, оценка рисков карантинных ограничений во время пандемии или гуманитарного потенциала «умных гаджетов» будут отличаться в процедурном плане. Общим моментом для всех форм ГЭ является задача дать экспертное заключение, включающее в себя социально-гуманитарную оценку рассматриваемого объекта.

2. Гуманитарная экспертиза – это **площадка для встречи акторов**, заинтересованных в таком процессе внедрения и продвижения научно-технологических и социальных инноваций, который предполагает использование технологий и разработок для целостного развития человека.

3. **Действующими лицами ГЭ** (актерами или субъектами ГЭ) в гуманитарной экспертизе являются эксперты, разработчики, инициаторы проектов и разработок, авторы и менеджеры проектов, реальные и потенциальные пользователи, потребители новых технологических продуктов или инфраструктуры, а также все те, кто готов размышлять о социальных и человеческих последствиях применения новых технологий, кто пытается анализировать воздействие, оказываемое новыми технологиями на человека и общество.

4. **Целью гуманитарной экспертизы** является оценка научно-технологической разработки/проекта/технологии с точки зрения задач, связанных с ролью этого проекта/разработки в целостном развитии человека и гуманитарном развитии общества; а также возможное достраивание гуманитарной составляющей конкретного проекта/технологии.

5. Задачи гуманитарной экспертизы:

(1) оценка социальных, этических, антропологических последствий и рисков, связанных с применением научно-технологической новации или реализацией общественно значимого проекта;

(2) оценка гуманитарного потенциала продукта (технологии), обозначающего совокупность новых возможностей, которые даёт пользователю этот продукт (технология), в том числе возможности для личностного и профессионального роста, для развития его творческих и интеллектуальных способностей, а также для повышения эффективности социогуманитарного взаимодействия.

6. Гуманитарная оценка отличается от этической и технической экспертизы. Гуманитарные риски нужно рассматривать в **долговременной перспективе** в отношении в том числе труднопредсказуемых эффектов, для которых невозможно разработать единые шкалы оценки, установить норму, соответствие которой устанавливаются в этической и технической экспертизе. Поэтому важно зафиксировать грядущие изменения, выявить спектр прогнозируемых вопросов и проблем, рассмотреть, как будет изменяться человек и социум в контексте реализации инновации.

7. ГЭ нельзя свести к совокупности аналитических процедур, поскольку она одновременно является **формой «обживания» и социального ме-**

неджмента инноваций, и в определенной степени **видом социально-гуманитарной инженерии** в части проектирования образа будущего, в который «способом опережающего отражения» (Б. Г. Юдин) будут вписаны и благодаря этому нивелированы негативные последствия внедрения инноваций. Таким образом, ГЭ становится **методом инициации и управления процессом гуманитарных изменений** в связи с внедрением технологий, меняющих привычный уклад жизни, привычное устройство жизни и деятельности людей.

8. Гуманитарная экспертиза – «это экспертиза не по поводу человека, а для человека» (Б. Г. Юдин) и с участием человека. Человек является не просто объектом защиты, он выступает **активным субъектом преобразования социальной среды** в соответствии с ценностями, значимость которых выявляется в процессе ГЭ.

9. **Объектами ГЭ** являются новые направления технологического развития; разрабатываемые и уже существующие технологии; конкретные технические, социальные проекты, реализация которых будет влиять на жизненные уклады сообществ и отдельных людей. Предметом гуманитарного анализа могут быть отдельные технологические разработки, например, «умные гаджеты», персональные помощники в медицинском наблюдении за состоянием здоровья, или отдельные программные решения, которые используются в образовании, беспилотники в сельском хозяйстве и т. п. При этом следует рассматривать эти фрагменты как часть соответствующей технологической инфраструктуры в целом, которая будет влиять на жизнь человека. Например, цифровизация медицины, внедрение цифрового рубля, создание Больших языковых моделей (GPT), новые методы репродукции людей, или создание «умной остановки», инфраструктурные проекты в поселениях, проекты и технологии «умного дома» и «умного города», цифровые образовательные платформы и т. д.

10. Непосредственным **предметом ГЭ** будут гуманитарные риски и социально значимые последствия реализации новых технологий, то, каким образом человек будет жить с ними и управлять процессом минимизации этих рисков.

11. **Эксперты** оценивают гуманитарные риски и последствия в проекции своих профессиональных компетенций, позволяющих им считаться экспертами. Экспертные составы могут быть временными и постоянными, получать обозначения экспертных комиссий, комитетов, советов и т. д. Акты гуманитарной экспертизы осуществляются не только экспертами, носителями специальных знаний, но и пользователями, разработчиками и другими заинтересованными субъектами.

12. **Взаимодействие разработчиков и пользователей.** Разработчики представляют свои проекты, чтобы учесть высказанные замечания и сделать свой продукт более конкурентноспособным в глазах потребителей. Пользователи знакомятся с новыми разработками, проектами, которые будут менять их жизнь, прислушиваются к экспертному мнению, дополняют его из оптики своего жизненного мира. В перспективе пользователь через гуманитарную

проработку проекта становится отчасти сам разработчиком, помогая модифицировать разработки в соответствии с гуманитарными запросами.

13. Гуманитарная экспертиза должна иметь **публичный характер**. ГЭ может рассматриваться как форма оценки и легитимации в глазах общества социально значимых проектов и разработок. Поэтому принципиальное значение имеет то, что гуманитарный экспертный анализ должен исходить из оценки пользователей новых продуктов. Проблематика ГЭ выходит далеко за научную сферу. Ее результаты важны всему обществу.

14. **Институциональные аспекты гуманитарной экспертизы**. ГЭ может выступать механизмом формирования национальной гуманитарной повестки, ориентированной на проблемы человека и сообществ, в которые он включен, его жизненные и духовные (смысловые, экзистенциальные) потребности. ГЭ является формой институционализации влияния гуманитарного вектора на социальное и технологическое развитие страны. В гуманитарной экспертизе должен быть преодолен герметизм научной и технической экспертизы. ГЭ – «человекосоразмерная» практика. Анализу подлежат ожидания и переживания людей, жизнь которых будет меняться в связи с внедрением новых технологий.

15. ГЭ можно рассматривать как **форму широкого обсуждения проектов и технологий** и выявления общественного мнения по отношению к ним. Например, специалисты гуманитарии будут обобщать результаты автоматизированных опросов, резюмировать обсуждения на публичных площадках, в чатах, концептуализировать решения «гражданского жюри» и т. д. Процедурные сценарии проведения ГЭ могут отличаться в зависимости от способов включения общественного мнения.

Эксперты-гуманитарии переводят на язык научного анализа запросы от обычных людей, и таким образом вписывают в гуманитарную оценку контекст личностного и общественного восприятия новых технологий и проектов, претендующих на то, чтобы скорректировать их жизнь.

16. Гуманитарная экспертиза может выступать **частью комплексной научно-технической экспертизы** и тогда её характер будет обусловлен отведенными для неё задачами и установленными процедурами. Экспертные группы могут придерживаться собственных процедурных рамок и традиций, связанных с тем, какие институции представляют эксперты – носители специальных знаний.

17. В ГЭ **преодолевается социальная и эпистемическая несправедливость**, согласно которой происходит игнорирование или формализация участия неспециалистов в обсуждении социально значимых проблем в силу понятийной неформальности и иных форм несоответствия заявляемых суждений для использования в эпистемическом (экспертном) процессе. Для ГЭ принципиально, чтобы общественные позиции были максимально полно обозначены. Поэтому процедурно сценарии ГЭ должны предусматривать возможность для не профессиональных высказываний. Этому могут служить такие признаки ГЭ, как открытость ГЭ, предварительное оповещение о публичной форме ГЭ в виде обсуждения, использование результатов опросов, отзывов после ознакомления с информацией по проекту.

18. Информирование населения о проекте в сценариях ГЭ. Информирование о проекте или технологической новации должно быть санкционировано экспертным составом. Гуманитарная экспертиза начинается с того, что эксперты оценивают то, как и что о своей новой технологии разработчики рассказывают людям. Следует иметь в виду современные проблемы, связанные с распространением информации в виде «информационных пузырей», преднамеренных фейков и других искажений. Экспертные советы могут рекомендовать разработчикам и заявителям новых технологий вносить изменения в представляемые населению информационные материалы.

Структура информации должна включать сведения в доступной форме:

- о сути и целях технологии/проекта;
- о том, на решение какой проблемы направлен проект;
- о том, какую пользу несёт технология/проект,
- о том, какие издержки и гуманитарные риски видит разработчик в связи с его внедрением;
- о финансово-экономическом обосновании разработки и внедрения, если это затрагивает интересы людей;
- о долговременности использования технологии;
- о том, что изменится в жизни человека, сообщества в результате применения технологии.

19. Примерный сценарий проведения ГЭ

(1) Представление информации о проекте заинтересованным акторам, населению с санкции экспертного совета.

(2) Открытое обсуждение проекта/технологии/разработки. Формы и драматургия обсуждения могут быть различными и зависят от совместного решения экспертов и разработчиков, от форм участия в обсуждении общественных представителей.

(3) Представление проекта разработчиками на открытом заседании экспертного совета.

- Презентация проекта.
- Выступления экспертов.
- Вопросы от экспертов разработчикам.
- Вопросы от публики.
- Резюме: принять или доработать проект для выдачи экспертного заключения, отклонить проект ввиду наличия сильных гуманитарных рисков или отсутствия проработки этого вопроса в самом проекте.

(4) Выдача экспертного заключения.

(5) В зависимости от значимости и рискогенности проекта может осуществляться **мониторинг реализации проекта**, назначаться повторные слушания.

20. По результатам гуманитарной экспертизы должна осуществляться теоретическая рефлексия, предметом которой выступает система мер **целевого влияния на выработку социальных и правовых норм**, направленных на обогащение гуманитарного потенциала общественного развития или на принятие мер по защите от гуманитарных рисков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аванесов 2008 – *Аванесов С. С.* «Горгий» Платона: опыт аксиологического комментария // СХОЛН: Философское антиковедение и классическая традиция. 2008. Том 2. Вып. 2. С. 181–194.

Аванесов 2013 – *Аванесов С. С.* Нормативная онтология: Петербургские доклады. Томск: Изд-во Томского гос. педагогического ун-та, 2013. 94 с.

Аванесов 2014 – *Аванесов С. С.* Что можно называть визуальной семиотикой? // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. 1 (1). С. 10–22.

Аванесов 2016а – *Аванесов С. С.* Человек в норме. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2016. 352 с.

Аванесов 2016б – *Аванесов С. С.* Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 4 (10). С. 9–22.

Аванесов 2017 – *Аванесов С. С.* Антропология сегодня: коррекция базовых ориентиров // Человек. 2017. № 3. С. 5–32.

Аванесов 2018 – *Аванесов С. С.* Городское пространство как антропологический феномен // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 10–31.

Аванесов 2021 – *Аванесов С. С.* Технологическая угроза и риск бытия // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 5–16.

Аванесов, Спешилова 2021 – *Аванесов С. С., Спешилова Е. И.* Концептуальные координаты «цифровой» антропологии // Человек.RU. 2021. № 16. С. 14–25.

Анонс 2022 – Анонс монографии В. И. Игнатъева «Морфогенез гибридного социума. Онтологизация цифры» // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 3, ч. 2. С. 523–524.

Антропологические матрицы 2007 – Антропологические матрицы XX века. Л. С. Выготский – П. А. Флоренский. Несостоявшийся диалог. Приглашение к диалогу. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 664 с.

Апресян 2018 – *Апресян Р. Г.*¹⁹⁸ Нормативная регуляция поведения // Человек. 2018. № 1. С. 5–19.

Ардашкин 2018 – *Ардашкин И. Б.* Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 55–68

Ардашкин, Суровцев 2021 – *Ардашкин И. Б., Суровцев В. А.* Смарт-технологии как понятие и феномен: к вопросу о критериях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 32–44.

Арпентьева 2017 – *Арпентьева М. Р.* Проблемы безопасности в интернете: цифровая непризорность как причина цифровой зависимости и цифровой преступности // Вестник Прикавказского социального института. 2017. № 3 (78). С. 99–100.

Арсеньев и др. 1966 – *Арсеньев А. С., Ильенков Э. В., Давыдов В. В.* Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966. С. 263–284.

Артемяева 2019 – *Артемяева Т. В.* Эмблематическое выражение моральных концептов в России эпохи просвещения // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 1. С. 76–88.

Аршинов и др. 2017 – *Аршинов В. И., Асеева И. А., Буданов В. Г. и др.* Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Модели, прогнозы, риски. Курск, 2017.

Аршинов, Асеева и др. 2017 – *Аршинов В. И., Асеева И. А., Буданов В. Г., Чеклецов В. В. и др.* Круглый стол «Социально-гуманитарные аспекты прогнозирования и

---

¹⁹⁸ По решению Минюста России включен в реестр физлиц, исполняющих функции иностранного агента.

управления развитием конвергентных технологий». Институт философии РАН, май 2017 г. Конвергентные технологии и антропосфера: pro et contra // Философские науки. 2017. № 12. С. 147–159.

Арьес 1992 – *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. С. 341–342.

Атлас 2021 – Атлас новых профессий. [Электронный ресурс]. URL: <http://atlas100.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

Афанасенко, Чернова 2022 – *Афанасенко Я. А., Чернова Т. Г.* Проект трансгуманизма: антропологическая составляющая NBIC-технологий // Новые идеи в философии. 2022. № 9(30). С. 104–115.

Ашмарин, Юдин 1997 – *Ашмарин И. И., Юдин Б. Г.* Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3. С. 76–85.

Баранов 2015 – *Баранов А. А.* Кибербуллинг – новая форма угрозы безопасности личности подростка // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 11. С. 62–66.

Барбур 2001 – *Барбур И.* Этика в век технологии / Пер. с англ. А. Киселёва. Москва, 2001. 400 с.

Басыня, Назаров 2019 – *Басыня Е. А., Назаров М. К.* Система интеллектуального контроля и управления доступом к информационным ресурсам персонального компьютера // Защита информации. Инсайд. 2019. № 4. С. 25–31.

Басыня, Сафронов 2019 – *Басыня Е. А., Сафронов А. В.* Децентрализованный подход к сбору и обработке данных информационной инфраструктуры предприятия // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2019. № 4. С. 35–44.

Батаева 2012 – *Батаева Е. В.* Фланёрство и видеомания: современные и постмодерные визуальные практики // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 61–68.

Батищев 1969 – *Батищев Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. С. 73–144.

Бахтин 1996 – *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996.

Бахтин, 1979 – *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М.: Советская Россия, 1979.

Бегишев 2020 – *Бегишев И. Р.* Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: анализ основных положений // Vaikal Research Journal. 2020. Т. 11. № 4.

Бек 2000 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Фёдоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Беляев, Ерохова 2019 – *Беляев М. К., Ерохова А. Д.* Искусственный интеллект в операционной деятельности банка будущего // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 2. С. 147–162.

Белялетдинов 2019 – *Белялетдинов Р. Р.* Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ. М.: ООО «4 Принт», 2019.

Белялетдинов и др. 2021 – *Белялетдинов Р. Р., Попова О. В., Тищенко П. Д., Шевченко С. Ю.* Биоэтические вызовы технологий редактирования генома эмбрионов человека // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 70–82.

Бжезинский 1972 – *Бжезинский З.* Между двумя веками. Роль Америки в эру технотроники. М.: Прогресс, 1972. 307 с.

Бовина, Дворянчиков 2020 – *Бовина И. Б., Дворянчиков Н. В.* Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 98–108.

Бодрийяр 2000 – *Бодрийяр Ж.* Соблазн / Пер. с франц. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000.

Бодрийяр 2006а – *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть / Пер. с фр. Б. П. Нарумова // Логос. 1991–2005. Избранное. Том 2. М.: Территория будущего, 2006. С. 437–448.

Бодрийяр 2006б – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., прим. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 270 с.

Бодрийяр 2006в – *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту / Пер. с фр. Н. Сулова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 200 с.

Брызгалина 2019 – *Брызгалина Е. В.* Медицина в оптике искусственного интеллекта: философский контекст будущего // Человек. 2019. Т. 30. № 6. С. 54–71.

Бэксхёрст 2007 – *Бэксхёрст Д.* О понятии опосредствования // Культурно-историческая психология. 2007. № 3. С. 61–66.

Вайнштейн 2005 – *Вайнштейн О. Б.* Дендистские прогулки, или О прелестях фланирования // О. Б. Вайнштейн. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 189–199.

Вакцина 2022 – Российская вакцина от COVID-19 неофициально испытана на людях и дала нужный эффект. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/709782> (дата обращения: 21.01.2022).

Введенская 2020 – *Введенская Е. В.* Этические проблемы цифровизации и роботизации в медицине // Философские науки. 2020. Т. 63. № 2. С. 104–122.

Веер ван дер, Завершнева 2018 – *Веер ван дер Р., Завершнева Е. Ю.* Последняя глава «Мышления и речи»: структура аргументации и цитирование источников // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 88–104.

Верч 1996 – *Верч Дж.* Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию. М.: Тривола, 1996. 176 с.

Верч 2011 – Mediated action: между разумом и культурой. Интервью с профессором Джеймсом Верчем // Культурологический журнал. 2011. № 4(6). С. 1–6. [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/files/file/02_2012_20_40_28_1328632828.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Вестник 2022 – АОКИ указала на недопустимость нарушения порядка клинического исследования вакцин // Фармацевтический вестник. [Электронный ресурс]. URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/AOKI-ukazali-na-nedopustimost-narusheniya-poryadka-klinicheskogo-issledovaniya-vakcin.html> (дата обращения: 21.01.2022)

Винник 2014 – *Винник Д. В.* Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор // Философия образования. 2014. № 4 (55). С. 79–88.

Вирт 2016 – *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Strelka Press, 2016.

Витгенштейн 2018 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: Изд-во АСТ, 2018. 352 с.

Витч 1994 – *Витч Р.* Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 67–72.

Вишневский 2010 – *Вишневский А. Г.* Демография и традиция // Демоскоп Weekly. 2011. № 473–474. С. 1–26.

Власов 2011 – *Власов В. В.* Правила должной клинической практики против Хельсинкской декларации // Казанский медицинский журнал 2011. Т. 92. № 5. С. 748–752.

Внебрачных 2012 – *Внебрачных Р. А.* Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.

Водолазкин 2022 – *Водолазкин Е. Г.* Чагин. М.: АСТ, 2022. 382 с.

ВОЗ 2021 – Вступительное слово Генерального директора ВОЗ на Симпозиуме по вакцинам и глобальному здоровью. 23 февраля 2021 г. Разработка, стратегия и внедрение вакцины против COVID-19. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-sopening-remarks-at-the-vaccines-and-global-health-symposium-covid-19-vaccine-developmentstrategy-and-implementation> (дата обращения: 21.01.2022)

Вознесенский 2022 – *Вознесенский А. Оза*. (Тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/60s/vozn/ahilles/oz.htm> (дата обращения: 01.10.2022).

Войскунский – *Войскунский А. Е.* Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 4. С. 7–20.

Войскунский 2016 – *Войскунский А. Е.* Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36–49.

Войскунский 2017 – *Войскунский А. Е.* Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 4. С. 7–20.

Войскунский, Солодов 2020 – *Войскунский А. Е., Солодов М. Ю.* Влияние свойств электронного текста на эффективность и результативность чтения: литературный обзор // Психология человека в образовании. Т. 2. № 2. С. 134–142.

Воловик 2017 – *Воловик И. С.* Скоринг 2.0: Искусственный интеллект и социальные сети // Банковское дело. 2017. № 10. С. 44–47.

Воронин 2012 – *Воронин А. А.* Гуманитарная экспертиза (обзор) // Философия и культура. 2012. № 5 (53). С. 118–127.

Воронин 2013 – *Воронин А. А.* Гуманитарная экспертиза: опыт исследования и проблемы // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. М.: ИФ РАН, 2013. С. 87–112.

Выгодская, Лифанова 1996 – *Выгодская Г. Л., Лифанова Т. М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996. 424 с.

Выготский 1966 – *Выготский Л. С.* Игра и её роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С.

Выготский 1982a – *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.

Выготский 1982b – *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 504 с.

Выготский 1983 – *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Том 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Выготский 1984 – *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Орудие и знак в развитии ребенка. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.

Выготский 1986a – *Выготский Л. С.* Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–65.

Выготский 1986b – *Выготский Л. С.* Психология искусства. Изд. 3-е. М.: Искусство, 1986.

Выготский 1995 – *Выготский Л. С.* Проблемы дефектологии / Сост., авт. вступ. ст. и библиогр. Т. М. Лифанова; авт. коммент. М. А. Степанова. М.: Просвещение, 1995. 527 с.

Выгодский 2016 – *Выгодский Л. С.* Социалистическая передка человека // Человек. 2016. № 4. С. 122–131.

Выготский 2017 – *Выготский Л. С.* Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017.

Вятлева 2020 – *Вятлева О. А.* Влияние использования смартфонов на самочувствие, когнитивные функции и морфофункциональное состояние центральной

нервной системы у детей и подростков (обзор литературы) // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. 2020. № 2. С. 4–11.

Гальперин 2003 – *Гальперин П. Я.* Психология как объективная наука. М.: Изд-во Моск. Псих.-соц. института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003.

Гальперин 2015 – *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М.: КДУ, 2015.

Гейл 2012 – *Гейл Я.* Города для людей / Пер. с англ. А. Токтонова. М.: Альпина Паблишер, 2012.

Гиппократ 2001 – *Гиппократ.* Этика и общая медицина / Пер. с древнегреч. В. И. Руднева. Под ред. С. Ю. Трохачева. СПб.: Азбука, 2001. С. 45–46.

Глазычев 2011 – *Глазычев В. Л.* Город без границ. М.: Территория будущего, 2011.

Гончарова 2021 – *Гончарова В. Е.* Этические вопросы проведения клинических исследований и вакцинации против COVID-19 // Медицинская этика. 2021. № 2. С. 35–40.

Горбачева 2015 – *Горбачева А. Г.* Обмен визуальной информацией и короткими сообщениями как современный вид сетевых коммуникаций // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1. С. 133–139.

Горбачёва 2016 – *Горбачёва А. Г.* Влияние конвергирующих технологий на тип мышления человека // Информационное общество. 2016. № 2. С. 12–18.

Горбачева, Пестунов 2022 – *Горбачева А. Г., Пестунов А. И.* О проведении гуманитарной экспертизы цифровых технологий в форме поискового полигона (методический аспект) // Человек.RU. 2022. № 17. С. 96–104.

Горбулева и др. 2013 – *Горбулёва М. С., Мелик-Гайказян И. В., Мещерякова Т. В.* Меч и скальпель: семиотическая диагностика трансформации властных взаимоотношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск: Издательство ТГПУ, 2013. 268 с.

Горнова 2018 – *Горнова Г. В.* Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3(17). С. 43–56.

Гребенщикова 2011 – *Гребенщикова Е. Г.* Гуманитарная экспертиза в «обществе риска» // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. 13. № 2 (63-64). С. 166–172.

Гребенщикова 2017 – *Гребенщикова Е. Г.* Медицинская деонтология между традиционной медицинской этикой и биоэтикой // Русская традиция в биоэтике: этико-аксиологические основания: Коллективная монография / Асеева И. А., Волохова Н. В., Гребенщикова Е. Г., Кравцова Е. С., Мещерякова Т. В., Михайлова И. П., Михель И. В., Силуянова И. В., Сидорова Т. А. / Отв. ред. Н. В. Волохова. Курск: Юго-Зап. Гос. Ун-т, ЗАО «Университетская книга», 2017. 196 с.

Гребенщикова 2018 – *Гребенщикова Е. Г.* Гуманитарная экспертиза и дискурс антиципации // Идеи и идеалы. 2018. № 2. Том 1. С. 100–111.

Гребенщикова и др. 2021 – *Гребенщикова Е. Г., Андреюк Д. С., Волчков П. Ю. и др.* Редактирование генома эмбрионов человека: междисциплинарный подход // Вестник Российской академии медицинских наук. 2021. Т. 76. № 1. С. 86–92.

Гребенщикова, Тищенко 2020 – *Гребенщикова Е. Г., Тищенко П. Д.* Оцифрованное будущее медицины: вызовы для биоэтики // Философские науки. 2020. Т. 63. № 2. С. 83–103.

Гримов 2019 – *Гримов О. А.* Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42–50.

Громыко 2020 – *Громыко Ю. В.* Какой тип цифровизации нам необходим? Цифровизация и образовательные технологии // Высшее образование для XXI века: Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы. Доклады и материалы XVI Международной научной конференции. Москва, 2020. С. 39–45.

Громыко, Рубцов 2021 – Громыко Ю. В., Рубцов В. В. Цифровая платформа Школы Будущего: Цифро-когнитивный подход в отличие от цифро-алгоритмического упрощения образования // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. Труды 4-й Международной конференции. 4–5 февраля 2021 г. М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2021. С. 238–259.

Грязнова 2005 – Грязнова Е. В. Виртуальная реальность: анализ смысловых элементов понятия // Философские науки. 2005. № 2. С. 125–143.

Грязнова 2013 – Грязнова Е. В. Философский анализ концепций виртуальной реальности // Философская мысль. 2013. № 4. С. 53–82. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=278 (дата обращения: 31.10.2022).

Гуляева, Трикоз 2022 – Гуляева Е. Е., Трикоз Е. Н. Юридические аспекты политики противодействия коронавирусной инфекции (COVID-19) в РФ // Международный правовой курьер. [Электронный ресурс]. URL: <http://inter-legal.ru/yuridicheskie-aspektu-politiki-protivodejstviya-koronavirusnoj-infektsii-covid-19-v-rf> (дата обращения: 21.01.2022).

Гуманитарные аспекты 2022 – Гуманитарные аспекты разработки и внедрения ПМП и систем телемедицинской коммуникации с пациентом: стенограмма междисциплинарного семинара в Институте философии и права Сибирского отделения РАН 20 апреля 2022 // Человек.RU. 2022. № 17. С. 264–293.

Гусев 2021 – Гусев А. В. Этика цифровой медицины. [Электронный ресурс]. URL: https://ethics.cdto.center/7_2#link135 (дата обращения: 25.06.2021).

Гусев, Добридюк 2017 – Гусев А. В., Добридюк С. Л. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // Информационное общество. 2017. № 4-5. С. 78–93.

Давосская дискуссия 2001 – Давосская дискуссия между Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером / Пер. с нем. М. Кочетовой // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Минск: Европейский гуманитарный университет. 2001. С. 124–134.

Давыдов 1980 – Давыдов Ю. Н. Перспектива марксистской культурологии (от проблематики отчуждения к проблеме культуры // Неомарксизм и проблемы социологи культуры. М.: Наука, 1980. С. 263–350.

Давыдов 1996 – Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР. 1996.

Давыдов 2006 – Давыдов В. В. Определение мышления // Культурно-историческая психология. 2006. № 2. С. 3–16.

де Серто 2008 – де Серто М. По городу пешком / Пер. с фр. // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 24–38.

Декарт 1989 – Декарт Р. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и фр. М.: Мысль, 1989.

Декарт 1994 – Декарт Р. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Пер. с лат. и фр. М.: Мысль, 1994.

Декларация 1964 – Хельсинкская Декларация всемирной медицинской Ассоциации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychopravo.ru/law/int/helsinkiyskaya-deklaraciya.htm> (дата обращения: 18.04.2021).

Делёз 2006 – Делёз Ж. Актуальное и виртуальное / Пер. с фр. и комм. Ю. Подороги // Альманах «Восток». 2006. № 3 (39).

Дефибрилляторы 2021 – Дефибрилляторы Medtronic. [Электронный ресурс]. URL: <https://zdrav.expert/index.php> (дата обращения: 25.06.2021).

Диев 2008 – Диев В. С. Философская парадигма риска // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2008. № 12. С. 27–38.

Диев 2011 – Диев В. С. Риск и неопределённость в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 79–89.

Доклад 2003 – Руководящий комитет по биоэтике Совета Европы (CDBI). Защита Эмбриона человека in vitro / Доклад Рабочей группы по защите эмбриона и плода человека (CDBI-CO-GT3) / Пер. Резниченко Л. А.; Научн. ред. Б. Г. Юдин, проф. Л. Ф. Курило. Страсбург, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/16803113e8> (дата обращения: 04.11.2023)

Дубнищева 2018 – *Дубнищева Т. Я.* О принципиальной возможности путешествий во времени // Идеи и идеалы. 2018. № 2. Т. 1. С. 182–197.

Дубровский 2021 – *Дубровский Д. И.* Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/opinions/2012/10/25/604264.html> (дата обращения: 29.05.2021).

Дьяконова, Воронин 2022 – *Дьяконова О., Воронин Н.* К исследованиям вакцины «Спутник V» перестали привлекать добровольцев. Почему это важно? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-55436957> (дата обращения: 21.02.2022).

Дьяконова, Рейтер 2022 – *Дьяконова О., Рейтер С.* Ученые в России испытали вакцину от Covid на себе. Фармкомпании сочли это нарушением. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52772808> (дата обращения: 21.01.2022).

Егорова 2009 – *Егорова А. А.* Феномены построения способа действия // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 96–102.

Егорова 2010 – *Егорова А. А.* Построение ситуации собственного действия: способ действия и намерение // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 18–28.

Емелин 2013 – *Емелин В. А.* Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1. С. 62–70.

ЕМИАС 2021 – Единая медицинская информационно-аналитическая система ЕМИАС. [Электронный ресурс]. URL: <https://zdrav.expert/index.php> (дата обращения: 25.06.2021)

Ермолаев 2012 – *Ермолаев С. А. Миронов А. В.* Философия Архитектуры: Творчество Ле Корбюзье. М.: Макс ПРЕСС, 2012. 292 с. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2012. № 4. С. 180–186.

Ершов, Целищев 2012 – *Ершов Ю. Л., Целищев В. В.* Алгоритмы и вычислимость в человеческом познании. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012.

Ефимов 2020 – *Ефимов А. Р.* Постъюринговая методология: разрушение стены на пути к общему искусственному интеллекту // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 2. С. 74–80

Жукова, Айсмонтас, Макеев 2019 – *Жукова Н. В., Айсмонтас Б. Б., Макеев М. К.* Цифровое детство: новые риски и новые возможности // Инновационные методы профилактики и коррекции нарушений развития у детей и подростков: межпрофессиональное взаимодействие / Под ред. О. Н. Усановой. М.: Когито-Центр, 2019. С. 123–128.

Журавлев, Нестик 2019 – *Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.

Завершнева 1998 – *Завершнева Е. Ю.* Превращенные формы в теории архетипов К. Г. Юнга // Западная философия XX века. М., 1998. С. 70–77.

Завершнева 2015 – *Завершнева Е. Ю.* Представления о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л. С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 119–135.

Зайкова 2022 – *Зайкова А. С.* Цифровое воспитание // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде. Сб. научн. тр. Всерос. научн. конф. / Отв. ред. В. В. Петров; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. С. 148–153.

Запорожец, Лапина-Кратасюк 2021 – *Запорожец О., Лапина-Кратасюк Е.* Сетевой/цифровой/умный город: фасады и задворки // Сети города: Люди. Технологии. Власти. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 10–54.

Захаров, Сакевич 2007 – *Захаров С. В., Сакевич В. И.* Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция – свершившийся факт? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Сиявской. М.: НИСП, 2007. С. 127–170.

Зиммель 2002 – *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. // Логос. 2002. № 3. С. 23–34.

Зиммель 2018 – *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. К. Левинсона. М.: Strelka Press, 2018.

Зинченко 1993 – *Зинченко В. П.* Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 5–19.

Зинченко 1996 – *Зинченко В. П.* От классической к органической психологии. М.: Международный Образовательный и Психологический колледж, 1996.

Зинченко 2007 – *Зинченко В. П.* Выготский в контексте культуры начала XX века // Антропологические матрицы XX века. Л. С. Выготский – П. А. Флоренский. Несостоявшийся диалог. Приглашение к диалогу. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 381–400.

Зорин, Гуревич 2021 – *Зорин К. В., Гуревич К. Г.* Этические аспекты добровольного информированного согласия при вакцинации против COVID-19 // Медицинская этика. 2021. № 1. С. 34–37.

Зукин 2022 – *Зукин Ш.* Вообразить инновации / Пер. с англ. И. Кушнарева // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 1. С. 22–33.

Иванов 1992 – *Иванов В. В.* Метаморфозы // Мифы народов мира. Том 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 147–149.

Иванюшкин 1994 – *Иванюшкин А. Я.* Биоэтика и психиатрия // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 77–90.

Ильенков 2018 – *Ильенков Э. В.* Идеальное и реальность. 1960–1979 / Автор-сост. Е. Иллеш. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018.

Ильин 1995 – *Ильин И.* Путь к очевидности. Собр. соч. в 10 т. М.: Русская мысль, 1995. Т. 3. С. 474–483.

Искусственный интеллект 2019 – Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / Пер. с англ. О. Д. Сайфутдиновой. М.: Изд-во АСТ, 2019.

Йонас 2004 – *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики технологической цивилизации. М.: Айрис-Пресс, 2004.

Каплан 2019 – *Каплан А. Я.* Мы – это больше, чем мозг: в поисках субъективно-го начала, Труды кафедры богословия. 2019. № 2 (4). С. 25–34.

Капп и др. 1925 – *Капп Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А.* Роль орудия в развитии человека. Л.: 1925. С. 21–168.

Карпов и др. 2018 – *Карпов В. Э., Готовцев П. М., Ройзензон Г. В.* К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта // Философия и общество. 2018. № 2. С. 84–105.

Кассирский 1970 – *Кассирский И. А.* О врачевании. М.: Медицина, 1970.

Кирьякова, Мороз 2021 – *Кирьякова А. В., Мороз В. В.* Аксиологические доминанты развития личности в цифровом мире // Приоритеты и ценности воспитания и развития личности в современном обществе. Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф.,

Рязань, 29 октября 2020 года. Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2021. С. 73–76.

Китчин 2021 – *Китчин Р.* Сетевой урбанизм, основанный на данных / Пер. с англ. // Сети города: Люди. Технологии. Власти. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 57–80.

Киященко, Тищенко 2011 – *Киященко Л. П., Тищенко П. Д.* Гуманитарная экспертиза: герменевтика субъектности // *Личность. Культура. Общество.* 2011. Том XIII. Вып. 2. 2011. С. 152–165.

Клеман 2004 – *Клеман О.* Смысл Земли. III. Техника и воскресение / Пер. с фр. А. Бакулова // *Страницы.* 2004. Том 9. Вып. 2. С. 289–307.

Кляйнберг 2018 – *Кляйнбург М.* Болезнь и здоровье в эпоху велнеса, селфтрекинга и самооптимизации – на пути к обществу здоровья? // *Вестник СПбГУ Философия и конфликтология.* Т. 45. Вып. 1. С. 17–23.

Кодекс 1947 – *Нюрнбергский Кодекс.* 1947 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychopravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm> (дата обращения: 18.04.2021).

Кодекс этики 2021 – *Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта.* [Электронный ресурс]. URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf (дата обращения: 21.08.2023).

Козолупенко 2019 – *Козолупенко Д.* Нечеловеческая антропология: «Договорной человек» в современной философской антропологии // *Человек.RU.* № 15. С. 195–207.

Колодий и др. 2020 – *Колодий Н. А., Иванова В. С., Гончарова Н. А.* Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // *Социологический журнал.* 2020. Т. 26. № 2. С. 102–123.

Кон 2010 – *Кон И. С.* Детство как социальный феномен // *The Journal of Social Policy Studies.* 2010. № 2. С. 151–174.

Коновалова 1998 – *Коновалова Л. В.* Прикладная этика. М.: ИФ РАН, 1998.

Корепанова, Виноградова 2006 – *Корепанова И. А., Виноградова Е. М.* Концепция И. Энгельстрёма – вариант прочтения теории деятельности А. Н. Леонтьева // *Культурно-историческая психология.* 2006. № 4. С. 74–78.

Коршунов 2021 – *Коршунов В. В.* Цифровой человек: новый зритель и новый персонаж // *Международный журнал исследований культуры.* 2021. № 2(43). С. 21–33.

Котляров 2019 – *Котляров И. Д.* Финансовые двусторонние платформы: модели функционирования и перспективы развития // *Информационное общество.* 2019. № 1-2. С. 52–60.

Коул 1989 – *Коул М.* (ред.) Социально-исторический подход в психологии обучения / Отв. ред. М. Коул. М.: Педагогика, 1989. 160 с.

Коул 1997 – *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: «Когито-Центр», Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. 432 с.

Кравцова 1996 – *Кравцова Е. Е.* Разбуди в ребенке волшебника. М.: Просвещение, 1996. 160 с.

Кругликов 2022 – *Кругликов Г.* Как врачи приходят в телемедицину / *Медвестник.* 21.09.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://medvestnik.ru/content/articles/Как-vrachi-prihodyat-v-telemedicinu.html?utm_source=main (дата обращения: 01.10.2022).

Кубарь 2001 – *Кубарь О. И.* Этические и правовые проблемы исследований на человеке: из истории России XX века // *Человек.* 2001. № 3. С. 115–122.

Кубарь 2018 – *Кубарь О. И.* Международный этический стандарт исследования вакцин // *Этика вакцинации (критерий научного и гуманитарного прорыва)* / Под ред. О. И. Кубарь. СПб.: ФБУН НИИЭМ имени Пастера, 2018. С. 66–96.

Кубарь и др. 2021 – *Кубарь О. И., Бичурина М. А., Романенкова Н. И.* Концепция информированного согласия от исторических корней до красной линии современных кризисных ситуаций в инфекционной патологии // *Медицинская этика.* 2021. № 1. С. 26–33.

Кузанский 1979 – *Николай Кузанский.* Сочинения в 2 томах. Том 2. М.: Мысль, 1979.

Кузнецова 2020 – *Кузнецова В.* Анализ преимуществ и возможных последствий реализации единой цифровой образовательной среды. [Электронный ресурс]. URL: <https://rffi.1sept.ru/article/89> (дата обращения: 05.06.2021).

Купчинская, Юдалевич 2019 – *Купчинская М. А., Юдалевич Н. В.* Клиповое мышление как феномен современного общества // *Бизнес-образование в экономике знаний.* 2019. № 3 (14). С. 66–71.

Кутырев 2015 – *Кутырев В. А.* Философия трансгуманизма. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 88 с.

Кучма и др. 2020 – *Кучма В. Р., Седова А. С., Степанова М. И., Рапопорт И. К., Поленова М. А., Соколова С. Б., Александрова И. Э., Чубаровский В. В.* Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья.* 2020. № 2. С. 4–23.

Лангштейн 1986 – *Лангштейн М. С.* Превращенные формы в политической экономии: вопросы методологии // *Журнал «Экономика Советской Украины».* 1986. № 10. С. 39–46.

Ларина 2020 – *Ларина О. И.* Концепция и перспективы развития цифровых денег в России // *ЭКО.* 2020. № 3. С. 177–194.

Леви-Брюль 1937 – *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937.

Леонтьев 1983 – *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. В двух томах. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 320 с.

Лехциер 2015 – *Лехциер В. Л.* Медицина 4П и ситуация нового Эдипа: экзистенциальные эффекты биопредикции // *Рабочие тетради по биоэтике.* Вып. 21: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ): сб. науч. ст. / Под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 137–171.

Лехциер 2019 – *Лехциер В. Л.* Логика заботы versus логики выбора в современных концепциях медицинской практики // *Интеракция. Интервью. Интерпретация.* 2019. Том 11. № 20. С. 36–53.

Лотман 1984 – *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Труды по знаковым системам.* Вып. 18. Тарту: Изд-во Тартуского государственного университета, 1984. С. 30–45.

Лотман 2000 – *Лотман Ю. М.* Архитектура в контексте культуры // *Лотман Ю. М. Семиосфера.* СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 676–683.

Луков 2006 – *Луков В. А.* Гуманитарная экспертиза: от теории к практике // *Знание. Понимание. Умение.* 2006. № 4. С. 197–200.

Макинтайр 2000 – *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Маккуайр 2018 – *Маккуайр С.* Геомедиа. Сетевые города и будущее общественного пространства / Пер. с англ. И. Третьякова. М.: Strelka Press, 2018.

Маклюэн 2013 – *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2013. 495 с.

Мамардашвили 1992 – *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. 2-е издание. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Культура», 1992.

Мамардашвили 2001 – *Мамардашвили М. К.* Форма превращенная // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 264–266.

Мамардашвили 2004 – *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004.

Мамардашвили 2014 – *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. М.: Фонда Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.

Мамедова 2021 – *Мамедова Н. М.* Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. № 3 (39). С. 74–85.

Мамонова 1991 – *Мамонова М. А.* Запад и Восток: традиции и новации рациональности мышления. М.: Изд-во МГУ, 1991. 120 с.

Марача, Матюхин 2002 – *Марача В. Г., Матюхин А. А.* Экспертиза как «институт общественных изменений» // Этюды по социальной инженерии. От утопии к организации / Отв. ред. В. М. Розин. М.: УРСС, 2002. С. 113–132.

Маркофф 2016 – *Маркофф Д.* Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикш, 2016. 406 с.

Маркс, Энгельс – *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Том 2; Том 13; Том 23; Том 26, ч. III; Том 42. М.: Изд-во политической литературы, 1955–1974.

Маркус, Дэвис 2021 – *Маркус Г., Дэвис Э.* Искусственный интеллект: Перегрузка. Как создать машинный разум, которому действительно можно доверять / Пер. с англ. В. Скворцова. М.: АльпинаПРО, 2021.

Медведев 2007 – *Медведев В. А.* Функциональность методологического исследования в контексте развития познавательного процесса // Эпистемы. Вып. 5. Екатеринбург, 2007. С. 100–127.

Медведева 2019 – *Медведева Е. И., Крошкин С. В.* Современная семья и отношение к рождению детей // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции / Под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. М.: Издательство “Экон-Информ”, 2019. С. 280–283.

МедНовости 2006 – МедНовости. Британок призывают заморозить яйцеклетки пока не поздно. [Электронный ресурс]. URL: <https://medportal.ru/mednovosti/britanok-prizyvayut-zamorozit-yaitskletki-poka-ne-pozdno-91c85ded-75d6-4a32-bfcd-264ac249c9a9/> (дата обращения: 04.11.2023)

Международный конгресс ИТМ 2021 – Международный конгресс ИТМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://itmcongress.ru/itm2021/about/> (дата обращения: 25.06.2021).

Мелик -Гайказян 2019 – *Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В.* Минерва и Янус: символы поклонения визуальным эффектам современного образования // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. Вып. 4 (22). С. 172–193.

Мещеряков 1974 – *Мещеряков А. И.* Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974. 274 с.

Мещерякова 2015 – *Мещерякова Т. В.* Визуализация в преподавании биоэтики: её формы и функции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1 (3). С. 127–132.

Мещерякова, Герасимова 2020 – *Мещерякова Т. В., Герасимова О. В.* Трансформация содержания понятия уязвимость в условиях COVID-19 // Медицинская этика. 2020. № 2. С. 51–59.

Мид 1988 – *Мид М.* Культура и мир детства / Сост. и предисл. И. С. Кон. М.: Наука, 1988.

Мильчина 2018 – *Мильчина В. А.* Фланёр в Париже // Шаги / STEPS. 2018. Том 4. № 3–4. С. 231–246.

Мишина, Буранов 2019 – *Мишина В., Буранов И.* МВД просит приоткрыть врачебную тайну // Коммерсант № 76/П. 29.04.2019. С. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3960000> (дата обращения: 25.06.2021).

Мол 2017 – *Мол А.* Множественное тело: онтология в медицинской практике. Пермь, 2017.

Морозов и др. 2020 – *Морозов С. П.* и др. Московский эксперимент по применению компьютерного зрения в лучевой диагностике: вовлеченность врачей-рентгенологов // Врач и информационные технологии. 2020. № 4. С. 14–23.

Мышкин 2015 – *Мышкин О. С.* Человек и техника: в поисках нового способа существования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 3. С. 31–42.

Назарова, Каширин 2020 – *Назарова Ю. В., Каширин А. Ю.* Дилеммы этики искусственного интеллекта // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. 2020. № 4 (36). С. 23–31.

Найман 2014 – *Найман Е. А.* Античная медицинская симптоматология и современная семиотическая теория // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 1. С. 473–479.

Нариньяни 2008 – *Нариньяни А. С.* Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 3–17.

Неклюдов 1992 – *Неклюдов С. Ю.* Оборотничество // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 234–235.

Немыкина 2011 – *Немыкина О. И.* Понятие виртуальности в философском контексте // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 53–62.

Непомнящий 2017 – *Непомнящий А. В.* Роль цифровых моделей жизненного контекста в процессе социализации личности // Культура. Наука. Интеграция. 2017. № 1 (37). С. 9–15.

Нечаев, Дурнева 2016 – *Нечаев В. Д., Дурнева Е. Е.* «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36–45.

Ним 2018 – *Ним Е.* Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 172–192.

Ницше 1990 – *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Сочинения. В 2-х томах. Том 2. Москва, 1990. С. 5–237.

Новосёлова 2003 – *Новосёлова С. Л.* Игра: определение, происхождение, история, современность // Детский сад от А до Я. 2003. № 6. С. 4–13.

Новые технологии 2008 – Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 320 с.

Носов 1999 – *Носов Н. А.* Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 152–164.

Общество и пандемия 2020 – Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020.

Островская, Рудой 1994 – *Островская Е. П., Рудой В. И.* Буддийский взгляд на мир. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. 462 с.

Павленко 2020 – *Павленко В. Н.* Понятия «орудие», «психологическое орудие», «знак» и их соотношение // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 122–131.

Павлова, Каличкин 2011 – *Павлова А. И., Каличкин В. К.* Автоматизированное картографирование сельскохозяйственных земель с помощью нейронной экспертной системы, интегрированной с ГИС // Достижения науки и техники АПК. 2011. № 1. С. 5–7.

Палласмаа 2013 – *Палласмаа Ю.* Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2013. 176 с.

Пасквинелли 2019 – *Пасквинелли М.* Машины, формирующие(ся) логику: нейронные сети и искаженная автоматизация интеллекта в качестве статистического вывода // Новое литературное обозрение. 2019. № 4. С. 153–168.

Пендикова 2016 – *Пендикова И. Г.* Клиповое и концептуальное мышление как разные уровни процесса мышления // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2016. № 1. С. 53–56.

Пенроуз 2020 – *Пенроуз Р.* Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и новых законах физики / Пер. с англ. В. О. Малышенко. М.: УРСС: ЛЕНАНД. 2020. 416 с.

Пестунов 2018 – *Пестунов А. И.* Криптовалюты и блокчейн: потенциальные применения в государстве и бизнесе // ЭКО. 2018. № 8. С. 78–92.

Петров 1956 – *Петров Н. Н.* Вопросы хирургической деонтологии. Ленинград: МЕДГИЗ, 1956.

Петров 2010 – *Петров М. К.* Человеческая размерность и мир предметной деятельности // Высшее образование в России. 2010. № 4. С. 108–118.

Петров 2012 – *Петров М. К.* Системный подход и человекоподобность теоретического мышления // Социология науки и технологий. 2012. Том 3. № 3. С. 97–111.

Писаревская 2016 – *Писаревская Н. С.* Средства массовой информации и ценности массового общества // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 58–66.

Писаревская 2021 – *Писаревская Н. С.* Новые медиа и кризис идентичности личности // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 3-2 (54). С. 192–195.

Плеснер 2004 – *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Поляков 2022 – *Поляков А. М.* Развитие сознания в контексте проблемы знакового и символического опосредствования // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 2. С. 4–12.

Полякова 2015 – *Полякова М. А.* Место *cura sui* в западных концепциях образования (*παίδεια*, *humanitas*, *Bildung*) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. IV: «Педагогика. Психология». 2015. Вып. 3 (38). С. 80–93.

Попов 2002 – *Попов С. В.* Методология организации общественных изменений. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений // Этюды по социальной инженерии. От утопии к организации / Отв. ред. В. М. Розин. М.: УРСС, 2002. С. 45–62; С. 63–78.

Попова 2017 – *Попова О. В.* Человек как артефакт биотехнологий. М.: Канон+РОИИ «Реабилитация», 2017.

Попок 2019 – *Попок Л. Е.* Применение технологии Блокчейн в сельском хозяйстве // Информационное общество. 2019. № 1–2. С. 44–51.

Принципы этики 2021 – Принципы этики искусственного интеллекта Сбера. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/sustainability/principles-of-artificial-intelligence-ethics> (дата обращения: 20.08.2023).

Рагозина 2017 – *Рагозина Т. Э.* Форма превращенная как универсальная категория диалектики // Культура и цивилизация. 2017. № 2(6). С. 60–69.

Радина 2018 – *Радина Н. К.* Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 115–129.

Разин 2019 – *Разин А. В.* Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. № 1. С. 5–73.

Римский, Калинина 2012 – *Римский В. П., Калинина Г. И.* Самополагание науки и превращенные формы знания // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139). Вып. 22. С. 28–39.

Розин 1996 – *Розин В. М.* Области употребления и природа виртуальных реальностей // Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития / Под. ред. Н. А. Носова. М.: ИТАР-ТАСС, 1996. 160 с.

Розин 2002 – *Розин В. М.* Эволюция и возможности социальной инженерии. Социальное проектирование (история вопроса и проблемы) // Этюды по социальной инженерии. От утопии к организации / Отв. ред. В. М. Розин. М.: 2002. УРСС. С. 5–14; 15–31.

Ротблатт 2021 – *Ротблатт М.* История самого успешного предпринимателя-трансгендера в мире. [Электронный ресурс]. URL: // <https://vc.ru/flood/15196-martine-rothblatt> (дата обращения: 29.05.2021).

Рубцова 2019а – *Рубцова О. В.* Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 117–124.

Рубцова 2019б – *Рубцова О. В.* Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть вторая) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 100–108.

Рузавин 2000 – *Рузавин Г. И.* Виртуальность // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 404.

Русанова 2020 – *Русанова Н. Е.* Гендерный выбор при вспомогательных репродуктивных технологиях: возможности, опасности, перспективы // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 125–135.

Рушаник 2012 – *Рушаник Б. А.* Через превращенные формы – к политической экономии социализма. // Экономические науки. 2012. № 2 (87). С. 46–50.

Рыбаченко 2009 – *Рыбаченко С. В.* О предпосылках использования К. Марксом концепта «превращенная форма» при описании экономических феноменов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2009. № 12. С. 37–47.

Саввина 2013 – *Саввина О.* Понятие медицинской нормы в контексте современного биоэтического дискурса // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2013. № 3. С. 142–149.

Самухин и др. 1981 – *Самухин Н. В., Биренбаум Г. В., Выготский Л. С.* К вопросу о деменции при болезни Пика // Хрестоматия по патопсихологии. М.: МГУ. С. 114–149.

Санников 2017 – *Санников С. В.* Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти // *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2017. № 10 (44). [Электронный ресурс]. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171> (дата обращения: 01.10.2022).

Севостьянов 2019 – *Севостьянов Д. А.* Инверсии и превращенные формы образовательной деятельности // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Том. 9. № 4. С. 3195–3204.

Серто 2008 – *Серто М. де.* По городу пешком / Пер. с фр. А. А. Космарского // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 24–38.

Сидорова 2013 – *Сидорова Т. А.* Антропологические риски суррогатного родительства // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Сост. и отв. ред. В. А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 14. С. 104–120.

Сидорова 2017 – *Сидорова Т. А.* Институционализация 4П-медицины и генетизация общества // Рабочие тетради по биоэтике. Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ). 2017. Вып. 26. С. 78–94.

Сидорова 2019 – *Сидорова Т. А.* Этическая концепция развития институтов биоэтики в разрешении моральных дилемм // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 1. С. 110–121.

Сидорова 2020 – *Сидорова Т. А.* Методологические аспекты регулирования нейроисследований и нейротехнологий в нейроэтике // *Философия и культура*. 2020. № 8. С. 29–45. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.8.33712. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33712

Сидорова 2021 – *Сидорова Т. А.* Гуманитарные проблемы цифровизации в медицине // *Человек.RU*. 2021. № 16. С. 49–63.

Сидорова, Жичина 2016 – *Сидорова Т. А., Жичина Е. Ю.* Биоэтическое содержание информированного добровольного согласия // *Медицинское право: теория и практика*. 2016. Т. 2. № 1 (3). С. 239–244.

Силуянова 2008 – *Силуянова И. В.* Избранные. О призвании врача. М.: Изд-во ООО «Форма», 2008. 256 с.

Синюкова 2020 – *Синюкова Н. А.* Формирование субъектной позиции пациента через практики его включения в этическую экспертизу медицинских случаев // *Идеи и идеалы*. 2020. № 3. С. 176–187.

Синюкова, Смирнов 2021а – *Синюкова Н. А., Смирнов С. А.* Этическая и гуманитарная экспертиза: концептуальное различие (методологический аспект) // *Человек.RU*. 2021. № 16. С. 26–48.

Синюкова, Смирнов 2021б – *Синюкова Н. А., Смирнов С. А.* Между этикой и технологией. Метаморфозы этической экспертизы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 635–646.

Смирнов 1995 – *Смирнов С. А.* Мастерская педагога-гуманитария. Философские и педагогические очерки. Новосибирск: Офсет, 1995. 158 с.

Смирнов 1996 – *Смирнов С. А.* Опыты по философской антропологии (Человек в пространстве культуры). Новосибирск: Офсет. 1996. 184 с.

Смирнов 2001 – *Смирнов С. А.* Культурный возраст. Философское введение в психологию развития. Новосибирск: Офсет. 2001. 261 с.

Смирнов 2006 – *Смирнов Ф. О.* Флейм или сетевые бои без правил // *Искусство общения в Интернет. Краткое руководство*. Вильямс, 2006. С. 159–180.

Смирнов 2010 – *Смирнов С. А.* О смысле онтологической заботы/работы (комментарии на полях «Герменевтики субъекта» М. Фуко) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «Психология»*. 2010. Т. 4. № 1. С. 74–93.

Смирнов 2012 – *Смирнов С. А.* Фармацевтика антропологических трендов. Антропологический форсайт // *Вестник НГУЭУ*. 2012. № 1. С. 88–104.

Смирнов 2013 – *Смирнов С. А.* Новые идентичности человека: анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт // *Вестник НГУЭУ*. 2013. № 1. С. 216–241.

Смирнов 2014 – *Смирнов С. А.* Идея произведения в работах М. Хайдеггера и П. А. Флоренского (философское предисловие к поэтической антропологии) // *Культура и искусство*. 2014. № 3 (21). С. 336–348.

Смирнов 2015 – *Смирнов С. А.* Онтология человека: рамки и топика // *Вопросы философии*. 2015. № 11. С. 38–49.

Смирнов 2016а – *Смирнов С. А.* Умное тело или проблема развития человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Статья 1 // *Культурно-историческая психология*. 2016. Т. 12. № 1. С. 4–13

Смирнов 2016б – *Смирнов С. А.* Умное тело или проблема развития человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Статья 2 // *Культурно-историческая психология*. 2016. Т. 12. № 4. С. 100–112.

Смирнов 2016в – *Смирнов С. А.* Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016.

Смирнов 2018 – *Смирнов С. А.* Антропологическая платформа для национальной технологической инициативы (приглашение к дискуссии) // *Философская антропология*. 2018. Том 4. № 2. С. 69–80.

Смирнов 2019а – *Смирнов С. А.* Проблема нормы в неклассической рациональности // *Философия науки.* 2019. № 1 (80). С. 19–57.

Смирнов 2019б – *Смирнов С. А.* Человекоразмерность города // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2 (20). С. 13–32.

Смирнов 2020 – *Смирнов С. А.* Онтологическая установка (к вопросу о смысле понятия) // *Философия науки.* 2020. № 2. С. 3–20.

Смирнов 2021а – *Смирнов С. А.* Философский Давос как повод для развода Версия М. Фрийдмана. Часть 1. Часть 2 // *Respublica Literaria.* 2021. Т. 2. № 1. С. 62–83; Т. 2. № 2. С. 50–73.

Смирнов 2021б – *Смирнов С. А.* Цифровая школа: В поисках объяснительных моделей. Часть 1, 2. // *Science for Education Today.* 2021. Т. 11. № 6. С. 62–79; С. 80–95.

Смирнов 2021в – *Смирнов С. А.* Человек в городе и город в человеке, или Ещё раз о предмете городской антропологии (1) // *Urbis et Orbis.* Микроистория и семиотика города. 2021. № 1. С. 12–36.

Смирнов 2021г – *Смирнов С. А.* Человек и цифра: история соблазна // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2021. № 8 (454). С. 22–29.

Смирнов 2022а – *Смирнов С. А.* Культурно-исторический подход: цифровой вызов и модель опосредствования // *Человек.RU.* 2022. № 17. С. 14–70.

Смирнов 2022б – *Смирнов С. А.* Наше бесчеловечное будущее или уловка трансгуманизма // *Человек.* 2022. Т. 33. С. 61–79.

Смирнов 2023а – *Смирнов С. А.* Соблазн не быть, или Онтологические корни технологического аутсорсинга // *Человек.* 2023. Том 34. № 1. С. 28–50.

Смирнов 2023б – *Смирнов С. А.* Виртуальная реальность как превращенная форма // *Философский журнал.* 2023. Т. 16. № 1. С. 21–38.

Смирнов, Яблокова 2019 – *Смирнов С. А.* Яблокова Е. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // *Философская антропология.* 2019. Т. 5. № 1. С. 26–44.

Смирнова, Смирнова, Шеина 2019 – *Смирнова Е. О., Смирнова С. Ю., Шеина Е. Г.* Родительские стратегии в использовании детьми цифровых технологий [Электронный ресурс] // *Современная зарубежная психология.* 2019. Т. 8. № 4. С. 79–87.

Сокулер 2017 – *Сокулер З. А.* «Фундаментальная онтология» и онтология дигитального мира // *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия.* 2017. № 6. С. 3–17.

Солдатова 2018 – *Солдатова Г. У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // *Социальная психология общество.* 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.

Солдатова, Войскунский 2021 – *Солдатова Г. У., Войскунский А. Е.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.

Солдатова, Рассказова 2017 – *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И.* «Цифровая» ситуация развития межпоколенческих отношений: разрыв и взаимодействие между подростками и родителями в Интернете // *Мир психологии.* 2017. № 1 (89). С. 134–143.

Солдатова, Рассказова 2020 – *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И.* Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // *Культурно-историческая психология.* 2020. Т. 16. № 4. С. 87–97.

Солдатова, Чигарькова, Илюхина 2022 – *Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н.* Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // *Культурно-историческая психология.* 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37.

Солдатова, Чигарькова, Калинина 2022 – *Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Калинина К. Р.* Психологические особенности участников ситуации кибербуллинга:

анализ ролевого онлайн-поведения // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 1. С. 46–71.

Соловьев 1988 – *Соловьев В. С.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988.

Соловьев 1991 – *Соловьев В. С.* Смысл любви / Избранные произведения. М.: Современник. 1991.

Соснина 2017 – *Соснина Т. Н.* Определение понятия «виртуальность». Анализ терминологического статуса // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2017. № 2. С. 11–19.

Спешилова 2022 – *Спешилова Е. И.* Человек в «умном» городе: антропологические эффекты и гуманитарные риски // Человек. 2022. Т. 33. № 6. С. 105–119.

Спиноза 2001 – *Спиноза Б.* Этика. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.

Старобинец 2017 – *Старобинец А. А.* Посмотри на него. М.: АСТ, 2017. 115 с.

Сычев 2015 – *Сычев А. А.* Трансформация профессиональной этики врача // Вестник прикладной этики. 2015. № 46. С. 93–104.

Танюшина 2021 – *Танюшина А. А.* Виртуальный реализм, информационная онтология сознания и структурный реализм в философии Дэвида Чалмерса // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 4. С. 53–64.

Тищенко 2008 – *Тищенко П. Д.* Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 198–205.

Тищенко 2017 – *Тищенко П. Д.* Человек, конвергентные технологии и открытость навстречу будущему (вопрос о смысле человека в человеке) // Рабочие тетради по биоэтике. 2017. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета. С. 8–22.

Тищенко 2020 – *Тищенко П. Д.* Биоэтические вызовы пандемии COVID-19 // Медицинская этика. 2020. № 2. С. 13–18.

Тищенко web – *Тищенко П. Д.* Герменевтика и здоровье. [Электронный ресурс]. URL: <https://helpiks.org/8-36574.html> (дата обращения: 04.11.2023).

Токарчук 2022 – *Токарчук Ю. А.* Сюжетно-ролевая игра в фокусе Культурно-исторической научной школы: развивая идеи Выготского // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 3. С. 13–21.

Топоров 1992 – *Топоров В. Н.* Путь // Мифы народов мира. Том 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 352–353.

Трансгуманизм 2021 – Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. М.: Книжный мир, 2021. 320 с.

Трифоновна 2022 – *Трифоновна Е. В.* Детская игра с позиций культурно-исторической психологии: подмена, утрата и воссоздание идеальной формы деятельности в образовательном пространстве // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 3. С. 5–12.

Тульчинский 2008 – *Тульчинский Г. Л.* Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 4 (16). С. 38–52.

Тульчинский 2020 – *Тульчинский Г. Л.* Философия поступка. Самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020. 822 с.

Турчин, Джослин 2021 – *Турчин В., Джослин К.* Кибернетический манифест. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> (дата обращения: 29.05.2021).

Тхостов, Сурнов 2005 – *Тхостов А. Ш., Сурнов К. Г.* Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16–24.

Указ 2019 – Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в РФ» от 19.10.2019. № 490. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030.

«Умные» города 2020 – «Умные» города для устойчивого развития. Аналитический альманах фонда «Московский центр урбанистики «Город» / Гл. ред. А. Н. Расходчиков. 2020. № 1 (14).

Ухтомский 2016 – *Ухтомский А. А.* Избранные труды. Л.: Наука, 1978

Файола и др. 2016 – *Файола Э., Войскунский А. Е., Богачева Н. В.* Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147–162.

Фаликман, Коул 2014 – *Фаликман М., Коул М.* «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18.

Федеральный Закон 2011 – Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011. № 323–ФЗ.

Федичева 2010 – *Федичева К. В.* Забота о себе: философский, онтологический и этический аспекты // Вестник Ленинградского государственного университета. 2010. Т. 2. № 3. С. 136–144.

Финн 2009 – *Финн В. К.* Искусственный интеллект // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Изд-во Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 316–318.

Флоренский 1988 – *Флоренский П. А.* Имена // Социологические исследования. 1988. № 6; 1989. №№ 2–6.

Флоренский 1992 – *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. (Черты конкретной метафизики). Часть вторая // Символ. Париж. 1992. № 28. С. 125–216.

Флорида 2007 – *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. А. Константинова. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007.

Фридман 2021 – *Фридман М.* Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021.

Фуко 2007 – *Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981 – 1982 учебном году / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.

Фуко 2014 – *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Академический проект, 2014.

Фукуяма 2004 – *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, Люкс, 2004.

Хабермас 2002 – *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике / Пер. с нем. М.: Весь Мир, 2002.

Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Время и бытие. Пер. с нем. В. В. Бибихина М.: Республика, 1993.

Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Хайдеггер 2007 – *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический проект, 2007.

Хайдеггер 2018 – *Хайдеггер М.* Размышления VII – XI (Черные тетради 1938 – 1939) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

Хайдеггер 2020а – *Хайдеггер М.* К философии (О событии) / Пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.

Хайдеггер 2020б – *Хайдеггер М.* Размышления XII – XV (Черные тетради 1939 – 1941) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.

Хелснет 2021 – Хелснет. [Электронный ресурс]. URL: <https://nti2035.ru/markets/healthnet> (дата обращения: 25.06.2021).

Хестанов, Сувалко 2022 – *Хестанов Р. З., Сувалко А. С.* Кто принимает решения в умном городе // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 1. С. 6–21.

Хозиев 2005 – *Хозиев В. Б.* Опосредствование в теории и практике культурно-исторической концепции // Культурно-историческая психология. 2005. № 1. С. 25–36.

Холмогорова, Клименкова 2016 – *Холмогорова А. Б., Клименкова Е. Н.* Общение в Интернете и эмпатия в подростковом и юношеском возрастах // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т. 8. № 4. С. 127–141.

Хольм 2016 – *Хольм С.* Философские проблемы в оценке постчеловеческого будущего // Человек. 2016. № 4. С. 5–15.

Хоружий 1997 – *Хоружий С. С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53–68.

Хоружий 2000 – *Хоружий С. С.* Род или недород. Заметки к онтологии виртуальности // О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 311–352.

Хоружий 2005 – *Хоружий С. С.* Очерки синергичной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

Хоружий 2010 – *Хоружий С. С.* Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

Хоружий 2013 – *Хоружий С. С.* Как обходиться без бытия или механика Лато-на // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 50–66.

Хоружий 2016 – *Хоружий С. С.* Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань: Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016. 452 с.

Хэвен 2019 – *Хэвен Д. и др.* Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / Пер. с англ. О. Д. Сайфутдиновой. М.: Изд-во АСТ, 2019.

Центральный НИИ 2021 – Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения МЗ РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://mednet.ru/> (дата обращения: 25.06.2021).

Цифровая экономика 2021 – Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 18.09.2021)

Чернавин 2022 – *Чернавин Ю. А.* Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий Капитал. 2022. Т. 2. № 12 (168). С. 74–78.

Черникова 2012 – *Черникова Д. В., Черникова И. В.* Расширение человеческих возможностей: когнитивные технологии и их риски // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 114–119.

Чесноков 2013 – *Чесноков И. И.* Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Известия Волгоградского педагогического университета. 2013. № 9 (84). С. 4–7.

Четверикова 2017 – *Четверикова О. Н.* «Ликвидация»: судьба российского образования // Свободная мысль. 2017. № 2 (1662). С. 89–106.

Четверикова 2020 – *Четверикова О. Н.* Скрытые и явные угрозы цифрового обучения // Православная русская школа: традиции, опыт, возможности, перспективы. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. Обитель – Братство Милосердия Свято-Алексиевская Пустынь. Ярославль, 2020. С. 381–407.

Чучалин 2021 – *Чучалин А. Г.* Согласие. Современная трактовка: «Добровольное Информированное Согласие» // Терапевтический архив. 2021. Т. 93. № 5. С. 640–644.

Шваб 2018 – *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018.

Шестов 1993 – *Шестов Лев.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993.

Шилина 2018 – *Шилина М. А.* Big Data и цифровая датификация как техносоциальный феномен. К вопросу формирования научно-теоретической рамки исследования // Социально-политические науки. № 4. 2018. С. 60–65.

Шнейдер, Сыманюк 2017 – *Шнейдер Л. Б., Сыманюк В. В.* Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 7.

Шохин 2010 – *Шохин В. К.* Теизм, постмодернистские похороны метафизики и индийская атмавада // *Философия религии: Альманах. 2008–2009.* М.: Языки славянских культур, 2010. С. 243–257.

Щедровицкий 1995 – *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995.

Щедровицкий 1997 – *Щедровицкий Г. П.* Философия. Наука. Методология. М.: Шк. Культ. Полит., 1997.

Щедровицкий 2003а – *Щедровицкий Г. П.* Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы. Курс лекций / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 5. ОРУ (2). М.: Путь, 2003.

Щедровицкий 2003б – *Щедровицкий Г. П.* Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 4. ОРУ (1). 2-е изд., М.: Путь, 2003.

Щербинин 2018 – *Щербинин А. И.* «Умные города» – тренд XXI века: вызовы времени и российские практики // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 179–191.

Эдмондс 2020 – *Эдмондс Д.* Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 264 с.

Эко 2006 – *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с ит. В. Резник и А. Погоняйло. СПб.: Symposium, 2006.

Эко 2007 – *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и ит. С. Серебряного. СПб.: Symposium, 2007. 502 с.

Элиаде 1994 – *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: МГУ, 1994.

Эллард 2018 – *Эллард К.* Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2018.

Эльконин 1978 – *Эльконин Д. Б.* Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 304 с.

Эльконин 1994 – *Эльконин Б. Д.* Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского). М.: Тривола, 1994. 168 с.

Эльконин 1995 – *Эльконин Д. Б.* Психическое развитие в детских возрастах. М.: Изд-во «Ин-т практической психологии», 1995. 352 с.

Эльконин 2007 – *Эльконин Д. Б.* Детская психология. 4-е издание. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 384 с.

Эльконин 2010 – *Эльконин Б. Д.* Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск: ERGO, 2010. 280 с.

Эльконин 2016 – *Эльконин Б. Д.* Посредническое Действие и Развитие // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 93–112.

Юдин 2006 – *Юдин Б. Г.* От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке / Ред. Вал. А. Луков. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 214–237.

Юдин 2011а – *Юдин Б. Г.* Границы человеческого существа в мире новых технологий // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 12: Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий / сб. науч. статей / Под ред. П. Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. С. 4–21.

Юдин 2011б – *Юдин Б. Г.* Человек как испытуемый: антропология биомедицинского исследования // Личность. Культура. Общество. 2011. Том XIII. Вып. 3. С. 84–96.

Юдин 2013 – *Юдин Б. Г.* Что там после человека? // Философские науки. 2013. № 8. С. 24–36.

Юнг 1994 – *Юнг К.-Г.* О становлении личности // Юнг К.-Г. Конфликты детской души. М.: Канон, 1994. С. 185–208.

ЮНЕСКО 2021 – Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/ptf0000380455_rus (дата обращения: 20.08.2023).

Яницкий и др. 2022 – Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пфетцер А. А. Особенности системы идентичностей личности в условиях цифровой социализации/ Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2022. С. 300–303.

Ясперс 2020 – Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л. О. Акопяна. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.

Ястребов 1999 – Ястребов В. С. Организация психиатрической помощи: исторический очерк // Руководство по психиатрии / Под ред. А. С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. Т. 1. 712 с.

AI Principles 2017 – AI Principles. URL: <https://futureoflife.org/ai-principles/> (date of access: 20.08.2023).

Ariès 1962 – Ariès P. Centuries of Childhood. New York: Random House, 1962.

Bailey, Bailenson, Obradović, Aguiar 2019 – Bailey J. O., Bailenson J. N., Obradović J., Aguiar N. R. Virtual Reality's Effect on Children's Inhibitory Control, Social Compliance, and Sharing // Journal of Applied Developmental Psychology. 2019. Vol. 64. Art. 101052.

Barak 2018 – Barak M. Are Digital Natives Open to Change? Examining Flexible Thinking and Resistance to Change // Computers and Education. 2018. Vol. 121. Pp. 115–123.

Barr et al. 2015 – Barr N., Pennycook G., Stolz J. A., Fugelsang J. A. The Brain in Your Pocket: Evidence that Smartphones are Used to Supplant Thinking // Computers in Human Behavior. 2015. No. 48. Pp. 473–480.

Barthes 1997 – Barthes R. Semiology and the Urban // Rethinking Architecture. Routledge, 1997. Pp. 158–164.

Belsey 2005 – Belsey B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation // International Journal of Psychology and Psychological Therapy. 2005. No. 8 (2). Pp. 183–192.

Benedetto, Ingrassia 2020 – Benedetto L., Ingrassia M. Digital Parenting: Raising and Protecting Children in Media World // L. Benedetto, M. Ingrassia (Eds.). Parenting. Studies by an Ecocultural and Transactional Perspective. London: IntechOpen, 2020. URL: <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.92579> (date of access: 20.03.2022).

Benedikt 2016 – Benedikt O. The Valuable Citizens of Smart Cities: The Case of Songdo City // Graduate Journal of Social Science. 2016. Vol. 12 (2). Pp. 17–36.

Beranger 2016 – Beranger J. Big Data and Ethics: The Medical Datasphere. London: ISTE Press; Oxford: Elsevier, 2016. P. 350.

Bishop 2012 – Bishop J. On the Social Construction of Health Care Ethics Consultation // T. Engelhardt (Ed.). Bioethics Critically Reconsidered. Springer, 2012. Pp. 176–190.

Bostrom 2003 – Bostrom N. Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective // The Journal of Value Inquiry. 2003. No. 37. Pp. 493–506.

Bostrom 2005 – Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. Iss. 1.

Bostrom 2011 – Bostrom N., Yudkowsky E. The Ethics of Artificial Intelligence // Draft for W. Ramsey and K. Frankish (Eds.). Cambridge Handbook of Artificial Intelligence. Cambridge University Press, 2011. Pp. 1–20. URL: <https://nickbostrom.com/ethics/artificial-intelligence.pdf> (date of access: 28.08.2023).

Bostrom 2014 – Bostrom N. Superintelligence. Oxford University Press, 2014.

Bourget, Chalmers 2021 – Bourget D., Chalmers D. J. Philosophers on Philosophy: The 2020 PhilPapers Survey, 2021. URL: <https://philarchive.org/archive/BOUPOP-3> (date of access: 21.08.2023).

Brännmark, Sahlin 2010 – Brännmark J., Sahlin N.-E. Ethical Theory and the Philosophy of Risk: First Thoughts // Journal of Risk Research. 2010. Vol. 13. 2. Pp. 149–161.

Byskov 2020 – Byskov M. F. Utilitarianism and risk // Journal of Risk Research. 2020. Vol. 23. 2. Pp. 259–270.

- Canguilhem 1974 – *Canguilhem G.* Das Normale und das Pathologische. München, 1974.
- Caragliu et al. 2011 – *Caragliu A., Del Bo Ch., Nijkamp P.* Smart Cities in Europe // Journal of Urban Technology. 2011. Vol. 18 (2). Pp. 65–82.
- Carel 2007 – *Carel H.* Can I be Ill and Happy? // *Philosophia*. 2007. 35. Pp. 95–110.
- Carel 2014 – *Carel H.* *Illness: The Cry of the Flesh*. Routledge, 2014.
- Cavaliere 2019 – *Cavaliere G.* Background Paper: The Ethics of Human Genome Editing. WHO Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human Genome. Department of Global Health and Social Medicine, King's College London, London (UK), 2019.
- Chalmers 2017 – *Chalmers D. J.* The Virtual and the Reality // *Disputatio*. 2017. No. 9. Pp. 309–352.
- Charmaz 1983 – *Charmaz K.* Loss of Self: A Fundamental Form of Suffering in the Chronically Ill // *Sociology of Health and Illness*. 1983. Vol. 5 (2). Pp. 168–195.
- Chesterton 1911 – *Chesterton G. K.* Appreciations and Criticisms of the Works of Charles Dickens. London: J. M. Dent & Sons, LTD. New York: E. P. Button & Co. Chapter III “Pickwick Papers”, 1911. P. 14. URL: <https://ia902607.us.archive.org/25/items/appreciations00chesuoft/appreciations00chesuoft.pdf>.
- Cheung et al. 2021 – *Cheung C. M. K., Wong R. Y. M., Chan T. K. H.* Online Disinhibition: Conceptualization, Measurement, and Relation to Aggressive // *Industrial Management & Data Systems*. 2021. Vol. 121. No. 1. Pp. 48–64. DOI: <https://doi.org/10.1108/IMDS-08-2020-0509>.
- Cocchia 2014 – *Cocchia A.* Smart and Digital City: A Systematic Literature Review // R. Dameri, C. Rosenthal-Sabroux (Eds.). *Smart City. How to Create Public and Economic Value with High Technology in Urban Space*. Springer, 2014. Pp. 13–43.
- Cognitive development 2017 – *Blumberg F. C., Brooks P. J.* (Eds.). *Cognitive Development in Digital Contexts*. Elsevier, 2017.
- Cohen, Vayena, Gasser 2018 – *Cohen G., Vayena E., Gasser U.* Introduction // *Big Data, Health Law, and Bioethics*. Cambridge University Press, 2018. Pp. 1–13.
- Cole 1996 – *Cole M.* *Cultural Psychology. A Once and Future Discipline*. The Belknap Press of Harvard Press, 1996.
- Convention 1997 – Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine 1997). URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/164.htm> (date of access: 18.04.2021).
- Copeland 2022 – *Copeland B. J.* Artificial Intelligence // *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence> (date of access: 24.02.2022).
- Deakin, Al Waer 2011 – *Deakin M., Al Waer H.* From Intelligent to Smart Cities // *Intelligent Buildings International*. 2011. Vol. 3 (3). Pp. 140–152.
- Dictionary 2022 – Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 24.02.2022).
- Duster 2004 – *Duster T.* Eugenics // *Stephen G. Post* (Ed.). *Encyclopedia of Bioethics*, 3-rd ed. 2004. Vol. 1. P. 855.
- Engelhardt 2012 – *Engelhardt T.* Why Clinical Bioethics So Rarely Gives Morally Normative Guidance // *T. Engelhardt* (Ed.). *Bioethics Critically Reconsidered*. Springer, 2012. Pp. 151–176.
- Fahr 2010 – *Fahr U.* Discourse Ethics and Ethics Consultation // *J. Schildmann, J.-S. Gordon, J. Vollman* (Eds.). *Clinical Ethics Consultation: Theories and Methods, Implementation, Evaluation*. Ashgate (UK), 2010. Pp. 53–64.
- Falbe 2015 – *Falbe J., Davidson K. K., Franckle R. L. et al.* Sleep Duration, Restfulness, and Screens in the Sleep Environment // *Pediatrics*. 2015. Vol. 135 (2). Pp. 367–375.

Falikman 2021 – *Falikman M.* There and Back Again: A (Reversed) Vygotskian Perspective on Digital Socialization. 2021. // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Art. 501233. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.501233>.

Floridi 2014 – *Floridi L.* The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford University Press, 2014.

Floridi 2015 – *Floridi L.* [2015] The Onlife Manifesto. URL: <https://thetecnologist.wordpress.com/2015/12/23/the-onlife-manifesto/> (date of access:)

Foerster 2019 – *Foerster M., Henneke A., Chetty-Mhlanga S. et al.* Impact of Adolescents' Screen Time and Nocturnal Mobile Phone-Related Awakenings on Sleep and General Health Symptoms: A Prospective Cohort Study // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16 (3). Art. 518. <https://doi.org/10.3390/ijerph16030518>.

Fox 2008 – *Fox R. C., Swazey J. P., Watkins J. C.* Observing Bioethics. Oxford University Press, 2008.

Frank 1997 – *Frank A.* The Wounded Storyteller: Body, Illness and Ethics. Chicago, 1997.

Frank, Jones 2003 – *Frank A., Jones. T.* Bioethics and the Later Foucault // *Journal of Medical Humanities*. 2003. Vol. 24 (3/4). Pp. 179–186.

Friedman 2023 – *Friedman A.* The Sustainable Digital City. Springer, 2023.

Fulford 1993 – *Fulford K.* Praxis Makes Perfect: Illness as a Bridge Between Biological Concepts of Disease and Social Concepts of Health // *Theoretical Medicine*. 1993. Vol. 14. Pp. 305–320.

Gibson 2008 – *Gibson J., Sibbald R., Connolly E., Singer P. A.* Organisational Ethics // P. A. Singer, A. M. Viens (Eds.). *The Cambridge Textbook of Bioethics*. Cambridge University Press, 2008. Pp. 243–250.

Gillian 2014 – *Gillian R.* On the Relation between «Visual Research Methods» and Contemporary Visual Culture // *The Sociological Review*. 2014. Vol. 62. Pp. 24–46.

Gong et al. 2016 – *Gong D., He H., Ma W., Liu D., Huang M., Dong L., Yao D. et al.* Functional Integration between Salience and Central Executive Networks: A Role for Action Video Game Experience // *Neural Plasticity*. 2016. Art. 9803165. <https://doi.org/10.1155/2016/9803165>.

Good 1980 – *Good B. J., Good M. D.* The Meaning of Symptoms: A Cultural Hermeneutic Model for Clinical Practice // *The Relevance of Social Science for Medicine. Culture, Illness, and Healing*. Vol. 1. Springer, 1980. Pp. 165–196.

Gorbacheva, Smirnov 2016 – *Gorbacheva A., Smirnov S.* Converging Technologies and a Modern Man: Emergence of a New Type of Thinking // *AI & Society*. 2016. Vol. 32. No. 3. Pp. 465–473.

Gottdiener 1983 – *Gottdiener M.* Urban Semiotics // *Remaking the City: Social Science Perspectives on Urban Design*. Albany, 1983. Pp. 101–114.

Gottdiener 2013 – *Greenfield A.* Against the Smart City. New York, 2013. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/5512376/course/section/6012653/Against_the_Smart_City.pdf?time=1597691067775 (date of access: 15.09.2022).

Gyngell et al. 2019 – *Gyngell C., Bowman-Smart H., Savulescu J.* Moral Reasons to Edit the Human Genome: Picking up from the Nuffield report // *Journal of Medical Ethics*. 2019. Vol. 45. No. 8. Pp. 514–523.

Guidance 2018 – *Guidance.* Digital and data-driven health and care technology // Department of Health & Social Care. <https://www.gov.uk/government/publications/code-of-conduct-for-data-driven-health-and-care-technology> (date of access: 25.06.2021).

Harris 2005 – *Harris J.* Scientific Research is a Moral Duty // *Journal of Medical Ethics*. 2005. Vol. 31. No. 4. Pp. 242–248.

Hatzigianni 2018 – *Hatzigianni M.* Transforming Early Childhood Experiences with Digital Technologies // *Global Studies of Childhood*. 2018. Vol. 8 (2). Pp. 173–183.

Heidegger 2000 – Heidegger M. Die Frage nach der Technik // Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Band 7: Vorträge und Aufsätze. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 2000. S. 6–36.

Hollands 2008 – *Hollands R.* Will the Real Smart City Please Stand Up? // *City*. 2008. Vol. 12 (3). Pp. 303–320.

Hong, Lee 2019 – *Hong, J., Lee, W.* The Use of Interactive Toys in Children's Pre-tend Play: An Experience Prototyping Approach // *Archives of Design Research*. 2019. Vol. 32 (3). Pp. 35–47.

Husár et al. 2017 – *Husár M., Ondrejčíka V., Varış S. C.* Smart Cities and the Idea of Smartness in Urban Development – A Critical Review // *IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering*. 2017. Vol. 245 (8). URL: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/245/8/082008> (date of access: 12.09.2022).

Influencer 2022 – The State of Influencer Marketing. Influencer Marketing Hub. URL: https://influencermarketinghub.com/ebooks/Influencer_Marketing_Benchmark_Report_2022.pdf (date of access: 04/11/2023).

Ito et al. 2008 – *Ito M., Horst H., Bittani M., Boyd D., Herr-Stephenson B., Lange P. G. et al.* Living and Learning with New Media: Summary of Findings from the Digital Youth Project. The MIT Press, 2008.

Jerebine, Fitton-Davies, Lander et al. 2022 – *Jerebine A., Fitton-Davies K., Lander N. et al.* All the Fun Stuff, the Teachers Say, 'That's Dangerous!' Hearing from Children on Safety and Risk in Active Play in Schools: A Systematic Review // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2022. Vol. 19 (1). 72. <https://doi.org/10.1186/s12966-022-01305-0>.

Jonas 1985 – *Jonas H.* Lasst uns einen Menschen klonieren // *Jonas H.* Technik, Medizin und Eugenik. Frankfurt am Main, 1985.

Jonassen, Wang 1993 – *Jonassen D. H., Wang Sh.* Acquiring structural knowledge // *Journal of Computer-Based Instruction*. 1993. Vol. 20. No. 1. Pp. 1–8.

Jonsen 2000 – *Jonsen A.* A Short History of Medical Ethics. Oxford University Press, 2000.

Kelleci 2008 – *Kelleci M.* The Effects of Internet Use, Cell Phones and Computer Games on Mental Health of Children and Adolescents // *TAF Preventive Medicine Bulletin*. 2008. Vol. 7 (3). Pp. 253–256.

Kim 2014 – *Kim J. I.* Making Cities Global: The New City Development of Songdo, Yujiapu and Lingang // *Planning Perspectives*. 2014. Vol. 29 (3). Pp. 329–356.

Kitchin 2014 – *Kitchin R.* The Real-Time City? Big Data and Smart Urbanism // *GeoJournal*. 2014. Vol. 79 (1). Pp. 1–14.

Kripke 1972 – *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge (MA), 1972.

Krivý 2018 – *Krivý M.* Towards a Critique of Cybernetic Urbanism: The Smart City and the Society of Control // *Planning Theory*. 2018. Vol. 17 (1). Pp. 8–30.

Kugelmann 2003 – *Kugelmann R.* Pain as Symptom, Pain as Sign // *Health*. 2003. No. 7. Pp. 29–50.

Lancy 2017 – *Lancy D.* Raising Children: Surprising Insights from Other Cultures. Cambridge University Press, 2017.

Li 2018 – *Li B.* AI in Oncology: When Science Fiction Meets Reality // *Artificial Intelligence in Oncology*. 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–2.

Loh, Kanai 2014 – *Loh K. K., Kanai R.* Higher Media Multi-Tasking Activity Is Associated with Smaller Gray-Matter Density in the Anterior Cingulate Cortex // *PLoS ONE*. 2014. Vol. 9. No. 9. e106698.

Maio 2014 – *Maio G.* Geschäftsmodell Gesundheit – Wie der Markt die Heilkunst abschafft. Berlin: Suhrkamp, 2014. S. 164.

Marx, Engels 1968 – *Karl Marx, Friedrich Engels.* Werke, Band 23. "Das Kapital", Bd. I, S. 18–28, Dietz Verlag, Berlin/DDR 1968.

McCarthy 2022 – *McCarthy J.* What is Artificial Intelligence? URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (date of access: 24.02.2022).

Memmi 2013 – *Memmi D.* Cultural Consequences of Computing Technology // AI & Society. 2013. Vol. 28. Pp. 77–85.

Mesko, Görög 2020 – *Mesko B., Görög M.* A Short Guide for Medical Professionals in the Era of Artificial Intelligence // npj Digital Medicine. 2020. No. 3. Pp. 1–8.

Milgram, Kishino 1994 – *Milgram P., Kishino A.F.* Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays // IEICE Transactions on Information and Systems. 1994. Vol. E77-D. No. 12. Pp. 1321–1329.

Milodivov 2020 – *Milodivov E.* Parenting in Digital Age – Positive Parenting Strategies for Different Scenarios. 2020. URL: <https://rm.coe.int/publication-parenting-in-the-digital-age-2020-eng/1680a0855a> (date of access: 10.03.2022).

Mol 2008 – *Mol A.* The Logic of Care: Health and the Problem of Patient Choice. Routledge, 2008.

Moral Machine 2023 – Moral Machine. URL: <https://www.moralmachine.net/> (date of access: 28.08.2023).

Nessa 1996 – *Nessa J.* About Signs and Symptoms: Can Semiotics Expand the View of Clinical Medicine? // Theoretical Medicine. 1996. Vol. 17. Pp. 363–377.

Nikken, Oprea 2018 – *Nikken P., Oprea S. J.* Guiding Young Children’s Digital Media Use: SES-differences in Mediation Concerns and Competence // Journal of Child and Family Studies. 2018. Vol. 27. Pp. 1844–1857.

Nobel 1982 – *Nobel C. N.* Ethics and Experts // Hastings Center Report. 1982. Vol. 12 (3). Pp. 7–9.

Nowotny 2001 – *Nowotny H., Scott P., Gibbons M.* Re-thinking science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. London: Polity Press, 2001.

Oldridge 2010 – *Oldridge L. A.* Digital Foundations: A Study of the Perceptions and Practices Surrounding the Use of ICT in ECE Centres. Palmerston North: Massey University, 2010.

Patterson 2000 – *Patterson N. G.* Hypertext and the Changing Roles of Readers // G. English Journal. 2000. Vol. 90. No. 2. Pp. 74–80.

Postems, Spears 1998 – *Postems T., Spears R.* Deindividuation and Antinormative Behavior: A Meta-Analysis // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 123. Pp. 238–259. DOI:10.1037/0033-2909.123.3.2381998

Proposal 2021 – Proposal for a Regulation Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/node/9756/printable/pdf> (date of access: 20.08.2023).

Quercia et al. 2014 – *Quercia D., Schifanella R., Aiello L. M.* The Shortest Path to Happiness: Recommending Beautiful, Quiet, and Happy Routes in the City // Proceedings of the 25th ACM Conference on Hypertext and Social Media. 2014. URL: <https://www.semanticscholar.org/reader/46224e2d514ffc900cfef332cd7447dbd7111b78> (date of access: 19.09.2023).

Rasmussen 2005 – *Rasmussen L.* (ed). Ethics Expertise. History, Contemporary Perspectives, and Applications. Springer Netherlands, 2005.

Ross, Sweitlitz 2018 – *Ross C., Sweitlitz I.* IBM’s Watson Supercomputer Recommended ‘Unsafe and Incorrect’ Cancer Treatments, Internal Documents Show. 2018. STAT // URL: <https://www.statnews.com/2018/07/25/ibm-watson-recommended-unsafe-incorrect-treatments> (date of access: 04.11.2023).

Ruckriem 2010 – *Ruckriem G.* Digital Technology and Mediation – a Challenge to Activity Theory // Cultural-Historical Psychology. 2010. No. 4. Pp. 30–37.

Schaffers et al. 2011 – *Schaffers H., Komninos N., Pallot M., Trousse B., Nilsson M., Oliveira A.* Smart Cities and the Future Internet: Towards Cooperation Frameworks for

Open Innovation // J. Domingue et al. (Eds.). The Future Internet. FIA 2011. Lecture Notes in Computer Science. 2011. Vol. 6656. Pp. 431–446.

Schicktanz et al. 2012 – *Schicktanz S., Schweda M., Wynne B.* The Ethics of “Public Understanding of Ethics” – Why and How Bioethics Expertise Should Include Public and Patients Voices // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2012. Vol. 15. Pp. 129–139.

Searle 1980 – *Searle J. R.* Minds, Brains, and Programs // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3. Pp. 417–457

Shelton et al. 2015 – *Shelton T., Zook M., Wiig A.* The ‘Actually Existing Smart City’ // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2015. Vol. 8 (1). Pp. 13–25.

Sidorova 2020 – *Sidorova T.* Philosophical Analysis of Procreation in the Value Dimension // *Population and Economics*. 2020. No. 4. Pp. 57–66.

Singer 1979 – *Singer P.* Practical Ethics. Cambridge University Press, 1979.

Soja 2000 – *Soja E.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Blackwell Publishing, 2000.

Suler 2004 – *Suler J.* The Online Disinhibition Effect // *Cyberpsychology and Behaviour*. 2004. Vol. 7. Pp. 321–326.

Svanaeus 2000 – *Svanaeus F.* The Hermeneutics of Medicine and the Phenomenology of Health: Steps Towards a Philosophy of Medical Practice. Kluwer Academic Publishing, 2000. P. 214.

Swan 2018 – *Swan M.* The Quantified Self: Fundamental Disruption in Big Data Science and Biological Discovery // *Big Data*. 2013. Vol. 1. No. 2. Pp. 85–99.

Takeuchi et al. 2018 – *Takeuchi H., Taki Y., Asano K., Sassa Y., Yokota S., Kotozaki Y., Nouchi R., Kawashima R.* Impact of Frequency of Internet Use on Development of Brain Structures and Verbal Intelligence: Longitudinal Analyses // *Human Brain Mapping*. 2018. Vol. 39 (11). Pp. 4471–4479.

Tanaka et al. 2013 – *Tanaka S., Ikeda H., Kasahara K., Kato R., Tsubomi H., Sugawara S. K., Watanabe K. et al.* Larger Right Posterior Parietal Volume in Action Video Game Experts: A Behavioral and Voxel-Based Morphometry (VBM) Study // *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8 (6): e66998.

Taylor 2013 – *Taylor A.* Reconfiguring the Natures of Childhood. Routledge, 2013.

Thacker 2021 – *Thacker P. D.* Covid-19: Researcher blows the whistle on data integrity issues in Pfizer’s vaccine trial // *BMJ*. 2021. 375. No. 2635. Pp. 1–3. <https://doi.org/10.1136/bmj.n2635>.

Toombs 2001 – *Toombs S. K.* Handbook of Phenomenology and Medicine. The Netherlands: Kluwer, 2001.

Topol 2019 – *Topol E.* Deep Medicine How Artificial Intelligence Can Make Healthcare Human Again. New York: Basic Books Inc., 2019.

Transhumanist 2021 – Transhumanist FAQ. URL: <https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-faq/> (date of access: 18.09.2021).

Tronto 1993 – *Tronto J. C.* Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care. Routledge, 1993.

Tronto 2013 – *Tronto J. C.* Caring Democracy: Markets, Equality, and Justice. New York: University Press, 2013.

Turing 1950 – *Turing A.* Computing Machinery and Intelligence // *Mind*. 1950. Vol. 59. Pp. 433–460.

Twenge et al., 2018 – *Twenge J. M., Joiner T. E., Martin G., Rogers M. L.* Digital Media May Explain a Substantial Portion of the Rise in Depressive Symptoms Among Adolescent Girls: Response to Daly // *Clinical Psychological Science*. 2018. Vol. 6. Pp. 296–297.

Veatch 2012 – *Veatch R. M.* Hippocratic, Religious, and Secular Ethics: The Points of Conflict // *Theoretical Medicine and Bioethics Philosophy of Medical Research and Practice*. 2012. Vol. 33. No. 1. Pp. 33–43.

Viner et al. 2020 – *Viner R. M., Russell S. J., Croker H. et al.* School Closure and Management Practices During Coronavirus Outbreaks Including COVID-19: A Rapid Systematic Review // *Lancet Child & Adolescent Health*. 2020. Vol. 4 (5). Pp. 397–404.

Wagner 2023 – *Wagner C.* Visualizations of Urban Space. Digital Age, Aesthetics, and Politics. Routledge, 2023.

WHO 2021 – WHO Policy brief. 29 November 2021. COVID-19 Vaccine Trial Designs in the Context of AUTHORIZED COVID-19 Vaccines and Expanding Global Access: Ethical Considerations. https://WHO/2019-nCoV/Policy_brief/Vaccine_trial_design/2021.1. URL: www.researchgate.net/publication/356617464 (date of access: 21.01.2022).

Winn 2019 – *Winn A. N., Somai M., Fergestrom N., Crotty B. H.* Association of Use of Online Symptom Checkers With Patients' Plans for Seeking Care // *JAMA Netw Open*. 2019. Vol. 2 (12). e1918561.

Wood, Bukowski, Lis, 2016 – *Wood M. A., Bukowski W., Lis E.* The Digital Self: How Social Media Serves as a Setting that Shapes Youth's Emotional Experiences // *Adolescent Research Review*. 2016. Vol. 1. Pp. 163–173.

Yarchi, Baden, Kligler-Vilenchik, 2020 – *Yarchi M., Baden C., Kligler-Vilenchik N.* Political Polarization on the Digital Sphere: A Cross-platform, Over-time Analysis of Interactional, Positional, and Affective Polarization on Social Media // *Political Communication*. 2020. No. 38 (1). Pp. 1–42.

Yoder 1998 – *Yoder S. D.* The Nature of Ethical Expertise // *Hastings Center Report*. 1998. Vol. 28 (6). Pp. 11–19.

Zaner 1981 – *Zaner R.* The Context of Self: A Phenomenological Inquiry Using Medicine as a Clue. Ohio University Press, 1981.

Zetter 2019 – *Zetter K.* Hospital Viruses: Fake Cancerous Nodes in CT Scans, Created by Malware, Trick Radiologists // *Washington Post*. April 3, 2019.